ПОЭТЫ-САТИРИКИ

КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XIX в.

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1959

ПОЭТЫ-САТИРИКИ
КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XIX в.

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Г. В. Ермаковой-Битнер

ПОЭТЫ-САТИРИКИ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX В.

1

Сатирическое направление всегда составляло «самую живую» сторону русской литературы, писал Чернышевский.[1]

С XVIII века оно упорно пробивало себе дорогу, невзирая на подозрительное, а чаще всего открыто враждебное отношение к сатире правительственных кругов, несмотря на цензурные рогатки. Русские писатели, борясь с «охранительным» официозным направлением, самоотверженно отстаивали свое право на истинную сатиру — хлесткую, острую, злободневную.

Сатирическое направление, отражавшее в своем развитии «бессознательное», как говорил Белинский,[2] стремление литературы к самобытности, естественности, к сближению с жизнью, с действительностью (то есть реалистические тенденции), прошло не легкий и не прямой путь, прежде чем достигло своего расцвета в «Горе от ума» Грибоедова, в творчестве Гоголя, Салтыкова-Щедрина. Благодаря росту русской национальной культуры в послепетровскую эпоху русская литература уже в XVIII веке становится проводником новых, передовых идей, осознает себя как выразитель общественного мнения. Этим в значительной степени объясняется развитие в русской литературе XVIII века сатирических жанров.

С самого рождения русского классицизма ему были присущи отчетливые просветительские, воспитательные тенденции, что и вы-

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы. М., 1953, стр. 19.

[2] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1955, стр. 614.

звало возникновение в творчестве русских писателей-классиков мощной сатирической струи. Не случайно родоначальник классицизма в России Антиох Кантемир был поэтом-сатириком.

Национальное своеобразие путей развития русского классицизма сказалось и на творчестве Сумарокова, где сатира заняла важное место.

«В *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую», — писал В. И. Ленин. [1]

Литература XVIII века и развивалась в борьбе культуры эксплуатирующих правящих классов и «элементов» демократической культуры.

Во второй половине XVIII столетия Екатерина II довела тяжесть порабощения крестьянства до наивысшего предела. Помещики могли по собственному произволу ссылать крестьян на каторгу, жалобы закабаленных хлебопашцев на своих угнетателей карались как тягчайшее преступление. Передовые представители русского общества не могли оставаться равнодушными к страданиям народа. Русские просветители — Новиков, Фонвизин, позже молодой Крылов — говорили в своих сатирах, публицистических произведениях о положении угнетенного народа.

Грозное пугачевское восстание испугало дворянство, но вместе с тем и заставило многих прогрессивных деятелей русской культуры задуматься над коренными вопросами политического и социального бытия государства, взглянув на них в свете опыта крестьянской войны.

Характерной особенностью русского Просвещения было наличие в нем двух течений: революционного, представленного Радищевым, и течения, во главе которого стоял Новиков, веривший в мирный путь социального обновления России.

Надо сказать, что ни один из русских писателей-сатириков конца XVIII — начала XIX века не пошел по пути, указанному Радищевым, все они были сторонниками второго пути. Но в условиях эпохи, когда Россия была «под таким самодержавием, которое превосходит образ деспотического и тиранического правления», [2] путь, избранный Новиковым, Фонвизиным, их последователями и

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 8.

[2] Записки Сергея Алексеевича Тучкова, 1766—1808. СПб., 1908, стр. 74.

единомышленниками, был, несмотря на всю его социальную ограниченность, все же путем прогрессивным. Писатели-просветители, которые писали сатиры против «порочных», веря в непобедимую силу слова, мечтая этим помочь искоренению зла, по-своему боролись, вмешивались в общественно-политическую жизнь, не были равнодушны к судьбам окружающих их людей. Особое значение литературным выступлениям в конце XVIII века придавало то, что литература была единственной общественной трибуной. «Все наши нравственные интересы, вся духовная жизнь наша, — писал Белинский, — сосредоточивалась до сих пор... исключительно в литературе». [1]

Чтобы представить себе во всей полноте борьбу русских писателей за сатиру — жанр, обладавший наибольшими возможностями для критики и обличения несовершенств тогдашней действительности, чтобы представить себе, насколько органично было развитие сатирического направления в русле русской литературы и как широк и многообразен был в ней сатирический пласт, надо рассматривать не только достижения таких видных деятелей русского просвещения, какими были Новиков, Фонвизин, Крылов, и не только поэтическое творчество таких больших поэтов, как Державин. Нельзя выбрасывать из своего поля зрения и творчество многих писателей-сатириков, которых принято называть «второстепенными», надо обратить внимание и на «презревшую печать» рукописную литературу, [2] на произведения как писателей-профессионалов, так и дилетантов, хотя порою их стихи и не отличались совершенством художественной отделки.

Определенное место в истории русской поэзии занимают видные для своего времени поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века: Д. П. Горчаков, Аким Нахимов, И. М. Долгоруков; автор знаменитой поэмы-памфлета «Дом сумасшедших» Александр Воейков; остроумный пародист, гвардейский офицер Сергей Марин; баснописец Александр Измайлов; прославившийся в литературных кругах своей поэмой «Опасный сосед» Василий Львович Пушкин; молодой, талантливый, рано скончавшийся поэт Михаил Милонов. Важны также и произведения менее известных писателей, порою выступавших анонимно.

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 9. М., 1955, стр. 436.

[2] Вопрос о серьезном значении рукописной литературы был поставлен Г. А. Гуковским и В. Н. Орловым в работе «Подпольная поэзия 1770—1800-х годов». — «Литературное наследство», № 9—10. М., 1933, стр. 5—98.

Творчество этих поэтов, созданные ими сатирические оды, дружеские послания, басни, иногда близкие друг к другу по мотивам, форме, а иногда совсем не схожие, разноликие, отмеченные печатью разных творческих индивидуальностей, — и создают представление о том, каким мощным было стремление русской литературы к отклику на «злобу дня», к обличению общественных «пороков».

2

Русская сатира родилась и окрепла в XVIII веке. Поэтому, рассматривая произведения Горчакова, Долгорукова и других писателей-сатириков, выступивших в 1780—1790-е годы, надо для определения прогрессивности их позиции исходить прежде всего из того, в какой мере в их произведениях воплотился дух века Просвещения.

Большое влияние на развитие жанра сатиры имел расцвет сатирической журналистики в 60—70-е годы XVIII века.

В нашем литературоведении установилась точка зрения, что после «мгновенного» расцвета сатирической журналистики, в частности журналов Новикова, наступила их «столь же быстрая гибель», и в последующие пятнадцать лет допускалась только «благонамеренная» сатира, не поднимавшая наболевших социально-политических вопросов, притом облеченная в особую «улыбательную» [1] форму.

Это верное в основе своей положение нуждается в уточнении. Период с момента прекращения существования журналов Новикова — «Трутень», «Живописец» и «Кошелек» — до 1789 года, когда начал выходить первый сатирический журнал Крылова «Почта духов», отнюдь не был совершенно бесплодным для развития русской сатиры. Когда цензурные препятствия не давали возможности писателям-сатирикам свободно высказывать на страницах журналов свое критическое отношение к действительности, они уходили в «подполье» — в рукописную литературу. Многие сатиры XVIII века так и оставались, в силу остроты их содержания, в списках, но тем не менее, или даже именно благодаря этому, пользовались широкой известностью. В рукописном виде распространялись сатиры Фонвизина, наиболее острые сатиры Горчакова, Марина, а также бесчисленное количество анонимных сатирических произве-

---

[1] Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. М., 1951, стр. 605.

дений, заполнявших тетради, рукописные книги. Многое из этого рукописного наследия XVIII века дошло до нас, но многое и пропало. П. А. Вяземский вспоминает, например, об одном таком сборнике, в который входили сатиры и куплеты Д. Горчакова, «довольно скоромные» сказки Александра Хвостова, бойкие и едкие исторические эпиграммы. «Являлся тут со стихами своими и какой-то Панцербитер — имя, кажется, не поддельное, а настоящее... Где эта рукопись? Вероятно, сгорела».[1]

Упоминание Вяземского о каком-то Панцербитере показывает, как широк был круг писателей, участвовавших в развитии русской сатиры. К уже названным писателям-сатирикам можно присоединить А. М. Пушкина, троюродного брата В. Пушкина, известного масона А. Ф. Лабзина, С. Пестова, И. И. Бахтина, князя П. В. Мещерского, преподавателя Сухопутного кадетского корпуса В. Т. Золотницкого, А. Котельницкого и многих других, зачастую пожелавших остаться неизвестными, скрывшихся за инициалами и псевдонимами. В архиве И. Хемницера сохранились его сатиры; сатиры писали и печатали Я. Княжнин, Н. Николев.

Рассмотрение не только рукописной литературы, но и основных журналов 80-х годов позволяет прийти к выводу, что после закрытия новиковских журналов (1774) сатира продолжала существовать даже в подцензурной печати и была далеко не безобидной. О журнале А. С. Аблесимова «Рассказчик забавных басен» (1781) читатели высказывались как о «биче» пороков. Обличение лихоимства, тяжелая судьба бедняка-разночинца, варварство помещика-крепостника («Алчный») — вот о чем говорили Аблесимов и его сотрудники.

Сатирические произведения, которые вряд ли могут служить примерами «улыбательной» сатиры, появлялись в 1780-е годы на страницах журналов Новикова, например в «Покоящемся трудолюбце» (1785). Очень интересен журнал, издававшийся Н. И. Страховым, «Сатирический вестник» (1790—1792). В нем появлялись обличения крепостного права, не уступавшие по силе новиковским. Умирающие от «глада и наготы» крестьяне; помещик, который распродает поодиночке своих крестьян для того, чтобы содержать псовую охоту; другой, который избивает своих крепостных; третий, заказавший себе фрак с пуговицами «в такую цену, которую

---

[1] «Русский архив», 1877, кн. 2, стр. 225. В делах московской цензуры за годы царствования Павла I сохранилось лишь упоминание о комедии, принадлежавшей перу Панцербитера, в рукописных сборниках не встречается такой фамилии, вероятно, все же псевдонима и, может, не единственного у данного автора.

он получил за двух проданных им крестьян»;[1] четвертый, занимающийся для получения барышей распродажей всех людей, годных в рекруты, — вот портреты, нарисованные в «Сатирическом вестнике». О популярности журнала свидетельствует его переиздание в 1795 году и перепечатки из него в других журналах в начале XIX века.

Стихотворные сатиры, и достаточно острые, печатались и в журналах, не носивших названия сатирических, например в «Беседующем гражданине» (1789), — «Рондо» С. Тучкова, анонимное «Послание к Правдону», сонет «Придворная жизнь», в которых разоблачается вся фальшивость и лживость рассуждений о якобы воцарившемся в России «веке Астреи». И если появление сатиры, которая, по мнению писателей-просветителей, могла улучшить жизнь общества, помочь искоренению «зла», не удивительно на страницах этих журналов, издававшихся передовыми деятелями русской культуры,[2] то еще более знаменательно, что неожиданно смелые сатирические выпады против «высоких особ» или каких-либо неустройств в жизни царской России мы встречаем порою и на страницах вполне, казалось бы, «благонамеренных» органов.

Интересной в этом отношении является статья, посвященная вопросам сатиры, — «Рассуждение о нравственном зле, или О пороках, преступлениях, недостатках и слабостях человеческих», напечатанная в 1786—1787 годах в почти официозном журнале «Растущий виноград». Уже самое заглавие заставляет насторожиться — ведь в знаменитом споре Екатерины II с Новиковым, на страницах «Всякой всячины», монархиня многие пороки, обличавшиеся Новиковым, объявляла лишь «слабостями», «недостатками», которые требуют снисхождения. Неизвестный автор «Рассуждения», напечатанного в «Растущем винограде», призывая к сатирическому обличению пороков, отнюдь не проявляет снисходительности. Не слабостями, а пороками, достойными обличения, он считает малодушие, непостоянство, легкомыслие, самолюбие. В «Рассуждении» допущены намеки на Екатерину II. Автор статьи особо обращает внимание читателей на те пороки, которые становятся особенно опасными, если носителями их является государь: «Ленивый правитель есть бич для своих подданных», «Распутство есть

---

[1] «Сатирический вестник», 1790, ч. 1, стр. 60, 64—65, 71.

[2] О журнале «Беседующий гражданин» см. в книге П. Н. Беркова «История русской журналистики XVIII века». М.—Л., 1952, стр. 365—377; о «Покоящемся трудолюбце» там же, стр. 411—413, а также в книге Г. Макогоненко «Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века». М. — Л., 1951.

для всякого общества тлетворная язва, все истребляющая», «Расточительный правитель есть бич своего народа, ибо для удовлетворения расточительности своей делается он обыкновенно несправедливым и жестоким».[1]

Автор «Рассуждения» прибегает к любопытной уловке. Все перечисляемые им пороки, как-то: «гнев», «мщение», «зависть» и другие — выделены курсивом, но «расточительство» и «распутство», то есть именно те черты, которые были присущи в первую очередь Екатерине II и ее приближенным, оставлены без курсива. Вероятно, автор поступил так из боязни преследований. Вряд ли эту статью можно рассматривать в плане разрешенной Екатериной II «улыбательной» сатиры, и напечатана была она в тот период, когда Екатерина II была уже настроена отнюдь не либерально.[2]

Американская революция, отдаленные раскаты приближающейся грозы — французской революции испугали Екатерину II, и она от соблюдения внешних форм «либерализма» перешла к политике открытой реакции. С другой стороны, события международной жизни, как и обстановка внутри страны — расцвет фаворитизма, все возрастающее казнокрадство, взяточничество, упадок нравственности при дворе и в высших дворянских кругах, — активизировали оппозиционные настроения в среде дворянства. Именно в 80-е годы выступает как сатирик Державин, чье творчество оказало значительное воздействие на Горчакова, Долгорукова, Марина, Нахимова и других поэтов-сатириков.

Сатирическое направление давало себя знать даже в самые реакционные годы царствования Екатерины II, даже в тираническое павловское время. В целях маскировки писателям-сатирикам приходилось зачастую заканчивать свои сатиры комплиментами по адресу императрицы, якобы уже истребившей все то, против чего выступал сатирик (так поступил, например, И. Бахтин, напечатавший в 1790 году свою «Сатиру на жестокости дворян к их подданным»), или же прикрываться безопасной формулой — «перевод с английского», «с португальского» и т. д. Так начинал свою литературную деятельность Аким Нахимов, печатая в 1798 году в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» переводы с английского, которые выделяются в журнале своей сатирической

---

[1] «Растущий виноград», 1786, декабрь; 1787, февраль, стр. 41, 43, 45—46.

[2] Статья была напечатана в «Растущем винограде», вероятно, по недосмотру. Вскоре после ее опубликования журнал был закрыт. Возникает вопрос: не повлияла ли данная статья на судьбу «Растущего винограда»?

направленностью. Читатели с легкостью могли произвести подстановку — поставить на место тирана шаха Магмуда («Шах Магмуд и визирь его» в переводе А. Нахимова) отечественного тирана — Павла I.

В 80-е годы XVIII века социальная обстановка отличалась большой сложностью, что наложило свой отпечаток на литературное движение, придало ему пестроту, противоречивость. Русская литература XVIII века начала свое историческое существование как литература классицизма. К концу века, в связи с изменениями исторических и социально-политических условий жизни русского общества, классицизм как литературное направление начал терять свое господствующее положение. Пугачевское восстание, расколовшее дворянство на два лагеря, способствовало усилению правительственной реакции, но, с другой стороны, содействовало и развитию критической и демократической мысли. Создалась благоприятная почва для развития нового литературного течения — сентиментализма, возникшего на Западе как отражение идеалов и интересов третьего сословия. Сентиментализм в России имел различные оттенки, но все же в нем можно наметить два основных течения. В произведениях писателей дворянского сентиментализма — Карамзина и его последователей — создавался образ человека, ушедшего из мира социальной жизни, отгородившегося от борьбы, социальных противоречий. Любовь, дружба, наслаждение покоем — вот в чем счастье этого человека. Революционный сентиментализм Радищева воспитывал в читателях стремление к активной борьбе за свободу человека. Герой Радищева — ненавистник рабства — не бежал от жизни, не замыкался в интимный мир своих чувствований.

Литературное движение конца XVIII века, в своей основной тенденции направленное против классицизма, вместе с тем не было единым в своих творческих принципах. Державин, «бич вельмож», новатор в литературе, отталкиваясь, в основном, от поэтики классицизма, открывает пути и к преодолению рационализма классицистической эстетики, стирает жанровые перегородки, установленные грани между различными «штилями», сливает воедино одическое и сатирическое начала, которые были в предшествующем развитии русской поэзии строго отграничены друг от друга.

Писатели, на чьем творчестве, как и на творчестве Державина, лежит отчетливый отпечаток XVIII века (например, Д. Горчаков), преодолевая в значительной степени ограниченность нормативной эстетики, берут на вооружение наиболее сильные стороны классицизма — его высокий общественный, гражданственный, публицистический пафос, связанную с ним дидактическую направлен-

ность, и в их творчестве находит место стихотворная сатира как «высокий» жанр.

Сентиментализм в его демократическом варианте, представленный, в известной мере, в журналах Крылова и Клушина, также пользуется оружием сатиры. Очень характерна для демократической линии сентиментализма анонимная сатира «Стихотворец Нелюдим», напечатанная в 1782 году в журнале «Утро». В ней создан образ нищего поэта, типичного разночинца, который хочет покинуть город из чувства активного протеста против грабительств, злодеяний, творимых всесильными вельможами, богачами. Блестящие образцы сатиры, направленные против Екатерины II и ее вельмож, против купцов, встречаем мы в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева.

Но сентиментализм в его карамзинистском варианте в основе своей оказывается враждебен сатире. «Письма русского путешественника» и «Бедная Лиза», при всей ограниченности «либерализма» и гуманизма Карамзина, имели в свое время прогрессивное значение. Однако затушевывая социальные противоречия, уводя литературу от служения обществу, от служения высоким общественным идеалам, говоря, что истинное счастье — это лишь состояние души человека и потому бедный крестьянин может быть счастливее богатого вельможи, Карамзин, естественно, выступал против сатиры, которая ставила своей задачей обличение социальных несправедливостей. Карамзин и некоторые представители его школы полностью зачеркивали сатиру, другие же, как, например, ближайший соратник Карамзина И. И. Дмитриев, ее признавали и, казалось бы, развивали этот жанр. Но и Дмитриев, поэт и царедворец, стремился, подобно Карамзину, к затушевыванию социальных противоречий, к их смягчению, и потому-то не случайно в его творчестве занял заметное место жанр сатирической «сказки», написанной как бы вне времени и пространства, уводившей читателя в мир прелестной мечты.

Во Франции нарастало революционное возмущение, весь мир следил с волнением за французскими событиями, а Дмитриев подшучивал над легковерным мужем, которого водит за нос очаровательная плутовка-жена («Модная жена»), или внушал милой Ветране, что она должна быть довольна своим жребием («Причудница»). Дмитриев развивал линию сатиры на нравы и сатиры литературной («Чужой толк»), но отнюдь не общественно-политической.

Различные оттенки отношения к сатире, объяснявшиеся сложной дифференциацией социально-политических сил и литератур-

ных направлений, сказались в полемике вокруг проблемы сатиры, которая развернулась на страницах журналов в 80—90-е годы XVIII века.

Сколько было негодующих возгласов и презрительных выпадов против писателей-сатириков на страницах журналов в последние десятилетия XVIII века! Сколько раз писатели-ремесленники, официозные стихокропатели, которые поставляли за деньги не только оды, прославлявшие «милостивцев», но и злобные стишки, в которых высмеивался какой-нибудь личный неприятель богача-«мецената», ставились на одну доску, смешивались с писателями, искренне верившими в то, что огонь сатиры может выжечь «зло»! Такое искажение, по существу фальсификация, было одним из методов борьбы против сатиры. Отражает борьбу вокруг проблемы «за» и «против» сатиры хотя бы такая эпиграмма:

За что нас все бранят? Мы сами их браним.
Они смешны для нас, а мы противны им.
Мы тщимся исправлять,
Они нас изгонять.[1]

В более резкой и суровой форме говорит о ненависти «порочных» людей к писателям-сатирикам С. Тучков, принадлежавший к числу защитников обличительного направления в русской литературе. В басне «Зеркало и обезьяна» Тучков сравнивает порок с гнусной обезьяной, которая в ожесточении разбивает зеркало, олицетворяющее собой сатиру.[2] Призывы к смелой сатире звучат в «Беседующем гражданине», в котором была напечатана радищевская «Беседа о том, что́ есть сын Отечества», в «Санкт-Петербургском журнале» (1798) — последнем прогрессивном издании XVIII века. Зато в журналах карамзинистского направления мы встречаемся с полным отрицанием сатиры или с призывом к «смягченной» сатире. Так, например, в «Чтении для вкуса, разума и чувствования» автор статьи «Опыт о стихотворстве», не отрицая значения сатиры для исправления нравов, ратует вместе с тем за смягчение ее суровости: «Самые суровые мысли надлежит выражать ласковыми словами».[3]

---

[1] «Дело от безделья, или Приятная забава», 1792, январь, стр. 25.

[2] Тучков использует мотив басни Сегюра, но в XVIII веке было широко распространено использование иностранных источников для выражения собственной мысли и переводчики приравнивались к оригинальным авторам.

[3] «Чтение для вкуса, разума и чувствования», 1791, ч. 4, стр. 307.

Полностью отрицает значение сатиры некий А. Протопопов, заявляя в «Послании к сочинителю сатир», что он считает «тщетным» «труд» автора сатир Г... (Не Горчакова ли?):

Кто если выбелить захочет эфиопов —
Не смоется ничем природна черна тень...[1]

И в свете этой полемики становится ясно, насколько значительным было упорное стремление ряда писателей продолжать обличительную линию русской литературы, бороться за активную, суровую, резкую сатиру, касающуюся острых социально-политических вопросов. Главная характерная особенность линии суровой сатиры, определяющаяся общепросветительскими установками, — стремление отражать значительные, реальные факты действительности. Угнетение крестьян помещиками; грабительство откупщиков, которые спаивают и разоряют народ; беззакония судей; события, связанные с участием России в войнах; несправедливости, чинимые царскими фаворитами; тирания Павла I — все это находит отражение в суровой, социально-политической сатире. И именно сатирические произведения такого характера заполняют, главным образом, рукописные сборники конца XVIII века, находя там место рядом с откликами на французскую революцию, с выписками из газет, сообщениями о животрепещущих событиях в жизни страны.

Два направления сатиры, зародившиеся в XVIII веке, переходят и в XIX век. «Ласковая», «улыбательная» сатира, главным образом сатира на нравы, заполонит некоторые журналы карамзинистского направления, найдет своих поборников в среде эпигонов Карамзина, вроде Шаликова и Бланка.[2] Но наряду с этой бесцветной и беззубой сатирой будет существовать и гневная, активная, наступательная. Негодование русского народа, вызванное заключением унизительного Тильзитского мира, настроения, связанные с Отечественной войной 1812 года, осуждавшие позицию Александра I, паразитизм руководящих правительственных кругов, бездарность военного командования — все это найдет отражение в суровой обличительной сатире. И от нее протянется прямая нить к декабристской литературе.

---

[1] «Приятное и полезное препровождение времени», 1797, № 28, стр. 16.

[2] О позиции Батюшкова, Вяземского и ряда других значительных поэтов, примыкавших к карамзинистскому лагерю, чье творчество получило свое развитие главным образом в XIX веке, будет сказано ниже.

Если оценивать значение русской сатиры по тому, в какой мере она являлась проявлением роста общественного и национального самосознания русского общества и в какой мере она открывала пути к сближению с действительностью, то не сатирам и сказкам И. И. Дмитриева, несмотря на изящество их формы, легкость стиха, надо отдать предпочтение, а злободневным и острым произведениям многих других сатириков. В шероховатых порою стихах Д. Горчакова или С. Марина бился пульс современности. Именно это в первую очередь и обеспечивало их сатирам успех у читателей.

3

Поэта-сатирика Дмитрия Петровича Горчакова обычно связывают с реакционным литературным объединением «Беседой любителей русского слова», возникшей в 1811 году. Но Горчаков прошел большой творческий путь, и с пребыванием в «Беседе» связан лишь последний период жизни и творчества поэта-сатирика. Многие значительные произведения Горчакова были им написаны еще в 80—90-е годы XVIII века.

Исследователи творчества Горчакова безоговорочно зачисляли Горчакова в лагерь правоверных «классиков», основываясь, главным образом, на его уважении к трагедиям Расина и выступлениях против мещанских драм Коцебу. Но драмы Коцебу своей сентиментальностью, мелодраматизмом вызывали нарекания многих современников Горчакова, отнюдь не принадлежавших к лагерю классицизма. Противоречивое литературное творчество Горчакова не укладывается целиком в рамки художественной теории классицизма.

Война 1812 года способствовала подъему общественного самосознания, и именно вскоре после Отечественной войны стали возникать тайные общества. Но общественное брожение, как известно, началось много раньше, и деятели декабристского движения, конечно, осваивали опыт борьбы с крепостничеством, накопленный предшествующими поколениями.

В. И. Ленин указал, что с конца XVIII века, с 1789 года, началась «эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений».[1]

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 126.

В свете этой идейной связи двух веков становится понятным, почему, например, в творчестве близкого к декабристским кругам П. А. Вяземского мы встречаем стихи, созвучные по мысли и по художественным приемам некоторым сатирам Д. Горчакова или И. Долгорукова. Есть также закономерность в том, что страстный монолог Чацкого, направленный против тех, кто, «грабительством богаты»,

Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве,

прямо перекликается со стихами из «Послания к С. Н. Долгорукову» Горчакова:

Но, покровительство достав себе из платы,
Великолепные воздвигнули палаты,
Дают и праздники, и балы, и столы...

И полны искреннего сочувствия слова привета, с которыми обращался к Горчакову юный Пушкин:

О князь, наперсник муз,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире знанье света
И слога чистоту,
И в резвости куплета
Игриву остроту.

(«Городок»)

Горчаков был одним из первых создателей жанра дружеского послания, облеченного в шутливо-ироническую форму, которое получило столь широкое распространение в творчестве «арзамасцев». Именно у Горчакова мы встречаем выступления против «плохих стихотворцев», что зачастую означало критику официозных одописцев.[1] Выступая против торжественной оды, Горчаков предвосхитил И. И. Дмитриева с его сатирой «Чужой толк». Сам Горча-

---

[1] Предшественником Горчакова в этом отношении был Капнист со своей «Сатирой 1-ой».

ков не написал ни одной оды, если не считать близких по форме к оде «Стихов на изгнание неприятеля из России», посвященных Кутузову. Но даже и в данном случае отрицательное отношение поэта-сатирика к жанру торжественной оды сказалось в том, что он назвал свое произведение «стихами», а не одой.

Критическое отношение к оде как жанру, узаконенному официозным направлением в литературе, было характерно не только для одного Горчакова, но и для его друзей, связанных с ним общими литературными интересами. О существовании этого дружеского кружка литераторов вспоминал уже в XIX веке в письме к Д. И. Хвостову поэт Н. М. Шатров: «Если в стихотворениях моих есть некоторое достоинство, то нелестно скажу, что я обязан тем умным беседам, когда у Ф. Г. Карина собирались вы, Николев и Горчаков».[1] Материалы архива Д. И. Хвостова позволяют говорить о том, что примыкал к этому кружку и адресат нескольких стихотворных посланий Горчакова офицер Г. И. Шипов.

Имя Н. П. Николева, одного из членов этого дружеского кружка, автора тираноборческой трагедии «Сорена и Замир», пользовалось в XVIII веке известностью в оппозиционных кругах русского дворянства. Для характеристики политических и литературных взглядов Горчакова его дружба с Николевым, перед литературным авторитетом которого Горчаков преклонялся, имеет серьезное значение.

Об отношении к оде в этом дружеском кружке свидетельствуют «Русские солдаты» Николева — «гудошная песня на случай взятия Очакова». В ней Николев выступает против канонического для классицизма воспевания греческих героев и, отстаивая свое право петь не на лире, а на «гудке», дает этому требованию свободы формы социальное обоснование:

Пой, трещи хоть в балалайку,
Лишь не суйся в подлу шайку.
Лишь не будь пиита льстец.[2]

Один факт, сообщенный Д. И. Хвостовым в автобиографии, говорит о том, что в период тиранического правления Павла I Николев сохранил свойственный ему независимый образ мыслей. Когда в 1797 году А. В. Суворов был сослан Павлом I в Кончанское, к нему был приставлен «собеседником по тайной канцеля-

---

[1] «Русская старина», 1892, № 8, стр. 421.
[2] «Разные письменные материи, собранные для удовольствия любопытных читателей Матвеем Комаровым». М., 1791, стр. 182.

рии» (то есть должен был осуществлять гласный полицейский надзор) Ю. А. Николев, двоюродный брат поэта. «Слепец-поэт Николев за сей поступок расстался» со своим двоюродным братом, — пишет Д. Хвостов.[1]

Установка на независимость, презрение к казенным одописцам, «пиитам-льстецам», нашли свое отражение в пародийной оде Горчакова из оперы «Счастливая тоня», а также в «Святках» и многочисленных эпиграммах, направленных против Чертополоха (по нашему мнению, под Чертополохом имеется в виду В. Петров, «карманный стихотворец» Екатерины II).

Неопубликованные письма Горчакова выявляют интересный факт его литературной биографии. В письме к Хвостову от 29 января 1786 года Горчаков, сообщая о том, что написал комическую оперу «Счастливая тоня», пишет: «Еще же скажу, что:

Другого роду огнь теперь во мне вспылал:
Я Момову на час гремушку оставляю,
И, Мельпоменин взяв кинжал,
В Америку полет Пегаза направляю.
Стремлюся лавры разделить
С творцом бессмертныя Сорены,
С которым мы живем и будем вечно жить
Ладнехонько у токов Иппокрены.
Хотя у нас на Пинде с ним
Чересполосное владенье,
Но чувство дружбы мы храним,
И в ней находим услажденье,

то есть (сказать в прозе) я пишу трагедию, которую, как скоро кончу, сообщу тебе».[2]

На основании этого письма Горчакова нельзя, конечно, сказать, была ли написанная им трагедия посвящена жизни американских индейцев, истории колонизации Америки или же американской революции (в 1783 году, в результате национально-освободительной войны, родилось республиканское независимое государство — Соединенные Штаты). Но стремление «разделить лавры» с Николевым, автором тираноборческой трагедии, чье имя как драматурга в 80-е годы ассоциировалось с гражданственной направленностью творчества, само по себе знаменательно. Вряд ли

---

[1] Рукописный отдел ПД, фонд Д. И. Хвостова.
[2] Там же.

можно сомневаться, что трагедия Горчакова задумана была как гражданственная. Характерно, что трагедия, как сообщает Д. Хвостов, была написана, но не «выдана в свет». Может быть, она оказалась слишком смелой для того, чтобы быть напечатанной?

Горчаков внимательно следил за идейной жизнью Франции, увлекался Вольтером и Гельвецием. Именно французские просветители воспитали в нем то религиозное свободомыслие, результатом которого явилось его «Письмо к Г. И. Шипову» («Ахти, любезный мой Шипов...»). В нем Горчаков затрагивает вопрос о соотношении разума и веры, а решение этого вопроса в ту эпоху было тесно связано с политической идеологией. В понимании передовых людей того времени слепое следование церковным догмам было равнозначно политической реакционности, философский же рационализм соответствовал обычно свободомыслию и в вопросах политики. Гражданственная трагедия, обличительные сатиры — этим жанрам творчества Горчаков отдает предпочтение в полном соответствии с просветительским тезисом о значительности общественной роли писателя.

Теоретиком кружка в вопросах языка, слога был, по-видимому, Ф. Карин.[1] Исследователи называли Карина в числе тех писателей, кто уже в 1770-е годы начинал действовать в духе будущей реформы Карамзина. По словам исследователя творчества Карина В. И. Саитова, Карин в «Письме к Н. П. Николеву о преобразителях российского языка на случай преставления А. П. Сумарокова», напечатанном в январе 1778 года, «гораздо ранее Карамзина высказался в печати против того «красноречивого смешения славенского величавого слога с простым российским», которое впоследствии усердно пропагандировалось Шишковым».[2]

Легкость слога многих шутливых посланий и «анакреонтических» стихов Горчакова, написанных в 1780-е годы, может быть объяснена в свете исканий Карина. «Анакреонтические» опыты

---

[1] Важным в биографии Федора Карина является то, что он учился в гимназии при Московском университете вместе с Н. И. Новиковым, а затем, как и Новиков, в 1767 году вел письменные дела в Комиссии для составления нового Уложения. Как известно, работа в Комиссии имела серьезное влияние на идейное воспитание и формирование мировоззрения многих передовых деятелей русской культуры.

[2] В. И. Саитов. Федор Григорьевич Карин. Один из малоизвестных писателей второй половины XVIII века. — «Библиограф», 1893, вып. 1, стр. 1—17.

Горчакова перекликались с художественной практикой Г. Р. Державина, В. В. Капниста, Н. А. Львова.[1]

Но все же ведущим началом в кружке был интерес к сатирическому творчеству. Еще в 1770 году Николев пишет сатиру «На развращение нравов». Карина один из современников называет «Боало русских стран».[2] Григорий Шипов ведет специальный сатирический календарь, в котором высмеивает неудачи плохих писателей — «писцов-глупцов». Д. Хвостов пишет притчи, призывая Горчакова к обличению «российских дураков». Сам Горчаков становится по преимуществу писателем-сатириком.

Продолжая традиции Кантемира и Сумарокова, Горчаков свою творческую деятельность рассматривал как служение отечеству. В сатире «Беседа 2-я», обращенной к Николеву,[3] близкой по некоторым мыслям ко 2-й сатире Кантемира, Горчаков, обличая праздность дворянина, называет деятельность писателя одним из видов служения обществу. Точно такую же оценку значения творчества писателя дает Горчаков и в сатире «Он и я», проникнутой высоким сознанием необходимости бескорыстно служить родине.

В 1785 году Екатерина II издала «Жалованную грамоту российскому дворянству», согласно которой дворянин мог служить или не служить, чем узаконивалось положение дворянства как класса, не имеющего никаких обязанностей. Против паразитизма дворянства и выступает в своих сатирах Горчаков.

Интересно, что Горчаков, призывая своего Пустона к служению отечеству, считает достойными дворянина не только военную службу, но и деятельность ученого, а также такую, в представлении дворянства XVIII века, «неблагородную» профессию, как судейскую. Несомненно, что мы сталкиваемся здесь с влиянием просветительских идей. Русский просветитель, профессор Московского

---

[1] Характерно, что «Добрыня. Богатырская песнь» Львова была напечатана посмертно в журнале «Друг просвещения» (1804), в котором участвовал Горчаков. Львов был близок кружку Карина и своими поисками «народности». В плане поисков «народности» можно рассматривать комическую оперу Горчакова «Баба-яга», песни Николева; по свидетельству Державина, большим успехом у современников пользовались и песни Горчакова, до нас не дошедшие.

[2] «Библиограф», 1893, вып. 1, стр. 6—7.

[3] Была напечатана в «Памятнике отечественных муз» на 1827 г. под заглавием «Совет Пустону»; при жизни Горчакова печаталась под разными заглавиями в разных редакциях, с именем Дамона, а не Пустона.

университета С. Е. Десницкий и ряд других пытались в эти годы привить русскому юношеству любовь к юриспруденции, считая, что отечеству нужны честные, образованные юристы, которые бы начали планомерную борьбу за строгую законность, за искоренение взяточничества, ябеды, судебного произвола. Обличение этих язв современного ему строя было одной из литературных задач Горчакова. В этом отношении он продолжал традиции Сумарокова, перекликался с Капнистом. Свидетельством того, какое высокое значение придавали современники сатирической деятельности Горчакова в этом направлении, является оценка, данная Горчакову Воейковым в «Парнасском адрес-календаре»: «Действительный поэт, экзекутор при наказании сатирическим бичом разврата, ябеды и грабительства, имеет в петличке лавровый лист с надписью: „За сатиры"».

Важным моментом для определения литературной и, в известной мере, социальной позиции Горчакова является и то, что он с сочувствием следил за сатирической деятельностью молодого Крылова и даже сотрудничал в его «Санкт-Петербургском Меркурии».

Многое в литературной практике Горчакова близко к Крылову. Сближает их, в первую очередь, основная направленность их творчества — установка на социально-политическую сатиру. Существует и связь между отдельными темами, которые разрабатывались Крыловым и Горчаковым в их сатирическом творчестве. Разоблачение Крыловым в «Почте духов» фаворитов-вельмож, алчного и фанатичного духовенства, обличение своекорыстия дворянства, которое и не помышляет о том, чтобы приносить пользу своему отечеству, — все это перекликается с сатирами Горчакова.

Отношение Горчакова к основному социальному вопросу его времени — вопросу о крестьянстве — довольно сдержанное. Правда, мы не встречаем у Горчакова таких презрительных определений крестьянина, какие есть у Сумарокова, который писал, например, что «мужик» — человек

Из сама подла рода,
Которого пахать произвела природа.

(«Осел во львовой коже»)

Не встречаем мы у Горчакова и высказываний, из которых можно было бы сделать тот вывод, что его, подобно Сумарокову, возмущает самая мысль о возможности изменения строя крепостнического государства. Горчаков не пишет, как Сумароков, что «по-

рядок естества умеет бог установить» («Новый календарь»). Горчаков разделяет лишь критическую позицию Сумарокова. Подобно Сумарокову, осуждавшему дворян, которые продавали и проигрывали в карты крепостных, он говорит с негодованием о «задурившем» Терентии, который

На экипаж, на фраки
Три тысячи крестьян и больше разорил...
(«Беспристрастный зритель нынешнего века»)

О размышлениях Горчакова по вопросам социального неравенства говорят его две «беседы»-сатиры, адресованные Николеву. Самой композицией «Беседы 1-й» Горчаков подчеркивал важность для него вопроса о царствующем в мире «зле», одной из сторон которого является социальное неравенство. Характерно, что «Беседа» начинается с вопроса: «Почто, любезный друг, в оковах или вольны, все смертные своей судьбою недовольны?» и заканчивается фразой: «Доволен будь, что ты не раб, а господин». Концовка эта показывает, что Горчаков относится к вопросу о социальном неравенстве примиренчески. Но надо учитывать, что в XVIII веке общепринятым приемом для легального разговора о положении крепостных в России было использование темы рабства в других странах, например, негров в Америке. Затронутый Горчаковым в его «Беседе» вопрос о положении народа в Индии, в иных теплых странах, отдаленных от морозной России, давал возможность читателям провести аналогию о положении русского народа. Когда Горчаков говорил:

Ты мнишь, что где тепло, не нужен тамо труд,
Что много где пшена, там с голоду не мрут, —

то читатель прекрасно понимал, что поэт намекал на Россию, где крестьяне часто умирали с голоду. Вероятно, Горчаков в данном случае имел в виду страшный голод 1787 года, когда Новиков организовал широкую помощь голодающим крестьянам. И концовка «Беседы» прямо переключала внимание читателей от Америки, «куда влечет корысть сердца, покорны злату», от Индии — к России.

Тесно связана композиционно с «Беседой 1-й» «Беседа 2-я» — сатира о Пустоне, в которой Горчаков уже прямо говорит о своем отношении к русскому крестьянству. Обычно внимание исследователей привлекало лишь обращение автора к Пустону:

Смотри, чтоб у тебя крестьяне не ленились
И прибыльно себе и обществу трудились.

Но эту фразу нельзя рассматривать оторванно от концовки, в которой Горчаков касается вопроса о равенстве всех сословий, основанном на «должностях», на общем труде. Если Сумароков говорит, что просвещение ставит класс дворянства выше крестьянства, то Горчаков утверждает другое, а именно, что крестьяне завоевывают право на уважение своим трудом. Он гневно осуждает тех, кто с презрением относится к трудолюбивой части населения России, к крестьянству:

Развратный обычай! и безрассудна страсть!
Уподливать граждан трудолюбиву часть.

Характерно здесь и применение к русскому крестьянству слова «граждане», связанного со всей фразеологией периода французской революции.

Заключает же свою «Беседу 2-ю» Горчаков сравнением класса крестьянства с фундаментом здания:

Так точно под землей сокрыто основанье
Великолепное поддерживает зданье;
Никто его не зрит, его судьбина — мрак,
А стены гордые дивят прохожих зрак;
Но зодчий видит в нем твердейшую подпору
Огромных сих палат, толико льстящих взору.

До сих пор оставалось не отмеченным, что концовка этой сатиры Горчакова напоминает заключительные стихи басни Крылова «Листы и корни» (1811). Разница лишь в одном: Крылов прямо говорит, что корни важнее листьев, так как их гибель приведет к гибели и красующиеся листья, Горчаков не доводит до конца своей мысли, не говорит, что в здании самое важное фундамент, но этот вывод напрашивается сам собой: если разрушится фундамент, рухнет и здание.

У нас нет данных для того, чтобы говорить об отрицании Горчаковым самого принципа крепостного права. Скорее всего Горчаков, типичный представитель дворянского либерализма, считал, что труд крепостных крестьян необходим для нормального существования дворянского государства. И все же раздумья Горчакова о положении крестьянства в России, отголосок которых мы находим в его творчестве, как и его смелые выпады против граби-

телей-вельмож, стоящих у кормила власти, сближали его с такими литературными деятелями, как демократ Крылов.

На сатирах Горчакова отразилось воздействие рационалистической эстетики классицизма. Поэт изображает человека, его поступки статически. Вместе с тем кое-что в творческом методе Горчакова уже вступает в противоречие с законами классицизма.

Пушкин ценил в сатирах Горчакова «знанье света» — то есть знание жизни, действительности. В них нет абстрактной морализации по поводу отвлеченных проблем, все они основаны на реальных фактах жизни. Горчаков стремится к широте охвата жизненных явлений. В поле его зрения попадают не только моты, щеголи-вертопрахи, получившие «воспитание» у иностранцев, не только невежественные, праздные дворяне и развратные женщины, — они появлялись на страницах многих сатирических журналов XVIII века. Горчаков обличает и жадное, лицемерное духовенство, тупых министров, грабителей-казнокрадов, занимающих далеко не последнее место на ступенях социальной лестницы, бездарных генералов, которые шлют на гибель солдат и проигрывают сражения, гоняясь лишь за «почестьми, чинами», не помышляя об истинном служении отечеству. Социальную значимость его сатире придает то, что в ней действуют не пешки, а люди, принадлежащие к самым высшим слоям общества, по существу — «правители» страны. Сатирик раскрывает истинно трагическую картину *всеобщей* продажности, грабительства, царящих именно в этих кругах. Он показывает, что подлинное дарование, талант, усердие не ценятся в этом мире лжи, корыстолюбия, подхалимства, в нем преуспевают лишь наглецы, трусы, дураки.

Вопреки канонам классицизма, следуя по пути Державина, которого Горчаков называет в числе поэтов, чье творчество является для него образцом, Горчаков придает своей поэзии автобиографические черты. Рядом с проходимцами, карьеристами, преуспевающими ничтожествами возникает образ человека умного, острого, гордого, считающего «пышность и чины... за вздорный сон» («Стансы»), человека, который, несмотря на неудачи, не сворачивает с избранного им пути, и оставит жизнь или с «лирой», или со «шпагою» в руках («Напрасные труды. Послание к кому угодно»).

Образ автора — скорбный, негодующий, чаще всего образ обличителя, от имени которого ведется повествование, — почти всегда присутствует в сатирах и сатирических посланиях Горчакова и взрывает изнутри канонические формы «классической» сатиры. В творчестве Горчакова преобладают две поэтические интонации:

иронически-шутливая, с оттенком грустного скепсиса, когда поэт говорит о самом себе, характерная для его дружеских сатирических посланий, и негодующая, резкая, «ювеналовская», когда Горчаков выступает как обличитель людских пороков. С прямого обращения к Ювеналу начинает Горчаков одно из своих самых смелых и лучших произведений — «Послание к князю С. Н. Долгорукову». Это сатирическое послание, как и сатира «Русский у подошвы Чатырдага», проникнуто присущим Горчакову патриотическим чувством ответственности за судьбы родины. Это чувство впоследствии будет питать свободомыслие передовых русских людей начала XIX века. Не случайно Грибоедов, друг декабристов, перефразировал стихи из «Послания к князю С. Н. Долгорукову» Горчакова в «Горе от ума».

По форме сатирические произведения Горчакова разнообразны. Мы встречаем у него, наряду с образцами «высокой» сатиры, написанной традиционным шестистопным ямбом, которую он использует, когда ставит перед собой «ювеналовские» задачи, и легкие куплеты типа «Святок». Он пользуется различными стихотворными размерами, пытаясь привести форму в соответствие с содержанием, с основной мыслью. Примером может служить «Письмо к другу моему Николаю Петровичу Николеву», где в пределах одного стихотворения Горчаков несколько раз меняет размер, стремясь к тому, чтобы он соответствовал меняющемуся настроению. Горчаков использует разностопные стихи и чередование размеров для придания своему «Письму» характера непринужденного, живого разговора. Содержательность и сатирическая смелость творчества Горчакова объясняют нам, почему к нему относились с уважением не только Державин и «беседчики», но и представители другого лагеря — «карамзинисты», в частности Воейков. Творчество Горчакова таило в себе ростки будущего.

Поиски простоты, правдивости, презрение к жеманству, слащавости (что и объясняет выступление Горчакова против Карамзина и его эпигонов), не до конца осознанное стремление к сближению с действительностью — вот что было ведущим в творчестве Горчакова. Причем, рисуя действительность, он не просто зарисовывал быт и нравы, а прямо и гневно выражал свое резко отрицательное отношение к существующему в мире «злу», что было характерным для всей социально-политической русской сатиры. Точные и резкие оценки людям и событиям давал и Крылов.

«Активность» отношения к действительности и определяет, в первую очередь, заметное место, которое занимает Горчаков среди писателей-сатириков.

Однако Горчакову была присуща метафизическая ограниченность мировоззрения, характерная вообще для многих деятелей эпохи Просвещения. При всем стремлении Горчакова к широте охвата действительности он дает, например в сатире «Беспристрастный зритель нынешнего века», в сущности, всего лишь панораму жизни, отдельные картины, не сцепленные единой мыслью о причине царствующего в мире «зла». Горчаков вступил в литературу на том этапе общественно-исторического развития, когда еще невозможно было возникновение реализма как целостного художественного мировоззрения.

4

Одной из причин большого успеха сатир Горчакова у современников была их злободневность. Творчество Горчакова дает нам возможность поставить вопрос, имеющий принципиальное значение для развития русской сатиры конца XVIII — начала XIX века, тесно связанный с двумя ее направлениями — «улыбательным» и суровым, «активным», — это вопрос о сатире «на лицо» и «на пороки».

Эта проблема, во всей ее остроте, впервые возникла в споре Новикова с Екатериной II о характере сатиры.[1] Требование Екатерины II, выдвинутое ею в журнале «Всякая всячина», чтобы острие сатиры было направлено лишь на «пороки» вообще и не касалось конкретных носителей пороков, и отстаивание Новиковым права писателя критиковать определенное лицо выходило за пределы чисто литературного спора. Носящее характер абстрактной морализации, обличение порока «вообще» было выгодно Екатерине II и ее клике, всем, кто стоял у трона и кому отнюдь не было приятно предание гласности их преступлений. Новиков отстаивал право писателя не только критиковать отрицательные явления русской действительности, но и указывать на конкретных виновников этих отвратительных общественных явлений. Спор о характере сатирической литературы превращался в борьбу за свободное общественное мнение.

Сатиру «на лица» мы встречаем уже у Кантемира. Его сатиры дают нам образцы ярких образов-портретов. И именно первая редакция сатир Кантемира, нацеленная на конкретных носителей пороков, и является наиболее характерной для его творчества.

---

[1] Об этой полемике см. в книгах: сб. «Сатирические журналы Н. И. Новикова», М. — Л., 1951; П. Берков. История русской журналистики XVIII века. М. — Л., 1952; Г. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М. — Л., 1951.

Позднейшая переработка объяснялась, конечно, в первую очередь, желанием Кантемира увидеть свои сатиры в печати. «На лица» писал свои комедии и Сумароков.

В журналах XVIII века в полемике вокруг проблемы сатиры постоянно возникает вопрос о сатире «на лица» и «на порок», так как он связан с обличительной направленностью социально-политической сатиры. В условиях деспотического правления, цензурного гнета, когда распространявшиеся в рукописных списках литературные произведения служили выражением общественного мнения, вопрос о сатире «на лица» приобретал, по существу, *политический* характер. Значимость сатиры «на лица» определялась тем. *кого* она обличала. Если она жалила Екатерину II, Павла I или его ближайшего сподвижника Кутайсова, а в XIX веке такого ненавистного всем представителя реакции, как Аракчеев, то, конечно, сатира «на лица» приобретала серьезное социально-политическое звучание и имела большой общественный резонанс. Если же она использовалась для сведения мелких личных счетов, то теряла свое прогрессивное значение. Это превосходно понимали передовые круги общества. В 1789 году в «Беседующем гражданине» была помещена статья, которая ставила вопрос о разнице, существующей между *истинной* сатирой и злопыхательским высмеиванием. Судя по заглавию статьи — «Рассуждение о том, сколько здравое суждение (критика) способствует природным дарованиям и сколько осмеивание (сатира) вредит оным», — можно бы подумать, что автор «Рассуждения» выступает вообще против сатиры, но в действительности дело обстоит не так. «В нынешнее время, — пишет автор, — мы видим, что дарования суждением и осмеиванием с родом самовластия осуждаются», в то время как дарование нуждается «в просвещении и ободрении». Содержание статьи позволяет предположить, что она написана в защиту Новикова, который подвергался в то время ожесточенным преследованиям и был «распубликован» Екатериной II как «обманщик» еще в 1786 году в ее комедиях «Обольщенный» и «Обманщик». С гневом говорит автор статьи: «Как! достойный почтения человек, жаждая заслужить уважение от граждан, посвятивший себя тягостным бдениям и бесчисленным трудам для доставления роду человеческому нового просвещения и удовольствия» (это почти портрет Новикова), «сей человек, подвержен будучи этому осмеиванию, послужит притчей народа и предметом поношения!..» И автор предлагает, оставив это гнусное осмеяние, вооружить себя стрелами в пользу истины и добродетели. «Пустите оные противу пороков, разрушающих благо общества! Нападайте на сии чудо-

вища, которые питаются кровью народа и поношением граждан! постыдите сих врагов учености... Сорвите маску с сих беззаконников, с сих подлецов, с сих лицемеров, с сих обманщиков!..»[1] Это призыв к социально-острой сатире и к разоблачению определенных лиц — «подлецов», «обманщиков», конкретных носителей пороков; и если правильно предположение, что в статье под защиту берется Новиков, то в этом случае автор статьи под «подлецами» и «лицемерами» имеет в виду не кого иного, как Екатерину II.

В передовой русской сатире конца XVIII — начала XIX века сатира «на лица» заняла важное место. Не дошедшие до нас сатиры Фонвизина были, по-видимому, судя по всему, сатирами «на лица». Образцы сатиры «на лица» дал в своем творчестве также Крылов. Памфлетно-сатирические портреты вельмож создал Державин (например, в оде «Фелица» — Потемкина, Алексея Орлова, Петра Панина).

Горчаков в сатире «Русский у подошвы Чатырдага» осмеливается критиковать Александра I, его политику, приведшую к Тильзитскому миру, который был в дворянском кругу воспринят как позор для России.

Большинство сатир в рукописных сборниках, которые имели «карманную славу», — это сатиры, направленные против крупных хищников, всесильных временщиков — Потемкина, Кутайсова, Лопухина и других. Очень интересно, что хотя метод сатиры «на лица» мог быть использован и реакционными кругами, пример чему подала сама Екатерина II в своей борьбе против Новикова, но в рукописных сборниках конца XVIII — начала XIX века реакционная сатира «на лица» почти полностью отсутствует. Истинно жизненным было лишь сатирическое направление активной, боевой, передовой сатиры, и потому-то обращенная против деспота и тирана Павла I «Пародия на оду 9-ю Ломоносова» С. Марина вошла почти во все рукописные сборники.

Родившийся в XVIII веке тип сатиры «на лица» перешел и в XIX век. Конкретные лица выведены Воейковым в его знаменитом «Доме сумасшедших». Послание Милонова «К Рубеллию» современники восприняли как выступление против Аракчеева. Рукописные стихи Нахимова расходились мгновенно по всему Харькову и пользовались большим успехом прежде всего потому, что в них читатели узнавали знакомых им людей. Не был чужд принципу сатиры «на лица» и И. М. Долгоруков. И даже добродушный В. Л. Пушкин гордился тем, что он в своем «Опасном соседе»

---

[1] «Беседующий гражданин», 1789, февраль, стр. 163, 169.

«злого Гашпара (т. е. Шаховского. — *Г. Е.*) убил одним стихом». Совершенно определенных лиц высмеивал в своих баснях и сказках А. Измайлов.

Знаменательно, что А. Измайлов в этом отношении был поддержан в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств. В это общество входили сыновья Радищева и молодые люди И. П. Пнин, И. М. Борн, В. В. Попугаев, испытавшие в значительной мере влияние радищевских идей. Показательно хотя бы отношение Вольного общества к сатирической сценке Измайлова «Так-так, или Разговор Дмитрия Петровича с Трофимом Антиповичем», в которой Измайлов высмеивал многочисленных противников государственных проектов М. М. Сперанского. «Разговор» был прочитан на заседании Вольного общества в 1807 году, когда в реакционных дворянских кругах, в связи с быстрым возвышением М. М. Сперанского, сына священника, говорили о нем с особой ненавистью, называя его выскочкой, дерзким поповичем и т. д. В своей сатирической сценке Измайлов создал и портрет самого Сперанского (Трудолюбов). Вот что говорил А. Х. Востоков по поводу сценки Измайлова: «Разговор сей, так как и все подобные сему сатирические произведения того же автора, в разные времена читанные в Обществе, суть изрядные копии с натуры. Почтенный наш сочлен г-н Измайлов мастер в портретном художестве! ...Так надобно осмеивать пороки наших любезных современников и соотечественников».[1] Мнение Востокова свидетельствует о признании передовыми общественными и литературными деятелями начала XIX века общественного значения «личностного» принципа сатиры. Его не чуждался и сам Радищев, который в «Путешествии из Петербурга в Москву», как известно, вывел и Потемкина, и Екатерину II.

О том, что в конце XVIII — начале XIX века сатира «на лица» в ее подлинном значении воспринималась как знамя «либералистов», свидетельствует отношение к ней официальных кругов. Знаменательно, что реакционер А. С. Шишков в статье о Кантемире,[2] пытаясь осмыслить творчество великого сатирика, утверждал, что Кантемир был ортодоксальным христианином и что он якобы был *противником* сатиры «на лица».

Нерасположение высших сфер, унаследованное ими от Екате-

---

[1] «Журнал Министерства народного просвещения», 1890, апрель, стр. 99—100. Запись в журнале заседаний 10 августа 1807 года.

[2] «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813, чтение 9-е, стр. 3—54.

рины II, к принципу сатиры «на лица», естественно, отражалось в цензурной политике. Жалобы на преследование сатиры «на лица» цензорами часто встречаются в письмах Измайлова. Так, например, 15 марта 1823 года Измайлов пишет П. Л. Яковлеву о том, что цензор вымарал «из „Сатирической газеты" все ваши статьи, кроме одной... сочтя за личность».[1] То, что боязнь «личностей» как у царской цензуры, так и у представителей литературной реакции, объяснялась политическими моментами — современникам было ясно.

В 1797 году в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» была помещена статья «Влияние сатиры на нравы общества», в которой защищался принцип социально обезвреженной сатиры. И в этой статье с предельной отчетливостью была указана причина того, почему сатира «на лица» должна была вызывать преследование со стороны официозных кругов. Сатира, по мнению автора статьи, превращается просто в преступление, когда «приводит лично в презрение членов или самых *начальников общества*, описывая качества их столь явственно, что всякий может указывать на них пальцами». В этом случае сатирик «преступает государственные законы, нарушает общественное спокойствие и безопасность».[2] Автор статьи ясно сказал о политическом значении сатиры «на лица» и фактически приравнял сатирика, который осмеливается на обличение власть имущих, к политическому преступнику.

Сатира «на лица» имела значение не только в социально-политическом смысле, но и в художественном. Обличая конкретного, социально обозначенного носителя порока, реально существующее лицо, писатель делал шаг на пути сближения с жизнью, преодолевая, в известной мере, правила нормативной поэтики классицизма.

Но надо отметить, что несмотря на то, что большинство писателей-сатириков пошло по линии развития сатиры «на лица», отношение к ней было противоречивое. Один лишь Новиков прямо и принципиально защищал право писателя писать сатиру «на лица», обосновывая это как социальными, так и художественными мотивами. Новиков просто намечает путь художника от конкретного портрета к обобщенному образу, считая, что художник не может не отталкиваться от портрета. «Меня никто не уверит и в том, —

---

[1] Рукописный отдел ПД, фонд А. Измайлова.

[2] «Приятное и полезное препровождение времени», 1797, № 24, стр. 373. (Курсив мой. — *Г. Е.)*

писал Новиков, — чтобы Молиеров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок. Осмеянный по справедливости Кащей[1] со временем будет общий подлинник всех лихоимцев. Я утверждаю, что критика, писанная на лицо, но так, чтобы не всем была открыта, больше может исправить порочного».[2]

Новиков со своей прямой защитой сатиры «на лицо», пожалуй, является исключением. Другие же писатели в своей художественной практике, пользуясь приемом портретности, на словах относятся к этому с какой-то стыдливостью, презрительно именуя порою сей вид творчества «пасквилем».

Родоначальник сатиры «на лица» Кантемир утверждал, что «никого партикулярно себе не представлял, когда писал характеры»,[3] содержащиеся в первой сатире. Сумароков с видом оскорбленной невинности в своем прошении, поданном Екатерине II, писал, что он в своих комедиях не имел в виду никого из конкретных лиц и был далек от «пасквиля». «Шествуя по стопам Горация, Ювенала, Депрео и Мольера, имел ли я нужду в пасквилях?»[4]

Такое же лукавство видим мы и у Вольтера, чьи произведения во многом служили образцом для русских сатириков. Создав свою «Шотландку», в которой он выступил против Фрерона, он приписал ее вымышленному автору и утверждал, что не имел в виду «лица».

Дмитрий Горчаков, явно вступая в противоречие с очевидностью, все время упорно отрицал, что он подразумевал в своих сатирах «личности». Доказательством этому служит хотя бы его пространное примечание к сатире «Он и я».

Отрицая «личности», поэты-сатирики вели себя точно так, как впоследствии повел себя «первый декабрист» Раевский, отрицая перед судом наличие крамольного смысла в его стихотворениях. По поводу стихов:

Почто несчастных жертв струится кровь рекою
И сирых и вдовиц не умолкает стон?
Убийца покровен правительства рукою...

---

[1] Кащей — отрицательный персонаж в комедии Сумарокова «Лихоимец». Прототипом послужил зять Сумарокова А. И. Бутурлин.

[2] «Трутень», 1769, л. XXV.

[3] Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1956, стр. 361.

[4] «Памятник отечественных муз» на 1827 г., стр. 101—102.

Раевский объяснял, что они написаны «в минуту мечтаний» и «относились не к лицам, а к воображению», хотя в действительности стихи Раевского относились к конкретному случаю — к убийству помещиком Ширковым девицы Алтуковой. Характерно, что в качестве оправдания Раевский прибегал к литературной традиции: «У Державина в разных местах «Вельможи», «Властителям и судиям», «Счастью» и многих знаменитых писателей находятся места гораздо сильнее, но как скоро ни лица не названы, ни время, то и цензура не удержала бы таковых выражений!..»

Но думается, что боязнь репрессий была не единственным мотивом, когда поэты-сатирики отрицали принцип «личностей», что здесь имели значение и причины художественного порядка. Жанр сатиры ставил перед писателями, по их мнению, высокие задачи — исправление нравов, искоренение «зла», сатирик смотрел на себя как на «учителя жизни». Выступая в этой роли, он хотел, чтобы созданные им произведения имели широкий обобщающий характер. Это стремление к «общечеловеческому», понимаемому иногда еще в пределах классицистической поэтики, вступало в противоречие с принципом «портретности». Принцип «портрета» казался порою мелким, недостойным тех высоких задач, которые стояли перед писателем-сатириком.

Каждый писатель по-своему искал путей к типизации, к обобщению. Кантемир, обличая какого-либо конкретного «хулителя» просвещения, после его «высказывания» дает в своей авторской речи обобщающую оценку поведения своего отрицательного персонажа, стремясь показать читателям, что какой-либо невежественный Егор не является исключением из правил: «Невежество знание уж местом посело ...наука ободрана, в лоскутах обшита...» и т. д. Державин в оде «Фелица» в поиске обобщенности объединяет в образе «мурзы» черты вельмож двора Екатерины.

Интересным примером попытки объективации собственного «я» является сатира Горчакова «Он и я», где Горчаков, стараясь сочетать объективное с субъективным, как бы раздваивает своего героя, разделяя его между «он» и «я». Поиском обобщенного показа жизни «света», создания широкой картины жизни является и его сатира «Беспристрастный зритель», но складывается этот обобщенный образ, в сущности, из отдельных портретов.

Тяготением к типизации объясняется, на наш взгляд, и излюбленный прием «подражаний» (Буало, Горацию, Ювеналу), с которым мы встречаемся хотя бы у Марина, Милонова. Принцип «подражания» в большинстве случаев служил отнюдь не признаком творческой слабости, а чаще всего это был сознательный ху-

дожественный прием. Не владея средствами реалистической типизации, поэты прибегали к старым формам. Имена Ювенала, Буало становились своеобразными «знаками», символами. Поэт зачастую далеко отходил от своего подлинника, не ставя перед собой задачи точного перевода, создавал, по существу, «свое» произведение, «вольное» подражание классическому образцу. Но имя Буало или Луциллия служило для читателя своеобразным «ключом» к пониманию данного произведения, важным дополнением, и помогало созданию того обобщенного образа, к которому стремился писатель. Читатель сразу обращал внимание на то, что данное стихотворение, сатира является подражанием известному произведению, и перед его мысленным взором вставал или портрет скупого, нарисованный в известном ему произведении, или возникал образ развратного Рима, и эти известные образы, ассоциации как бы накладывались на то новое произведение, которое возникло под пером современного автора.

Одним из примечательных примеров сложного отношения к «личностной» сатире может служить «Послание к М. Т. Каченовскому» П. А. Вяземского. Профессор Московского университета и редактор «Вестника Европы» Каченовский, непримиримый противник карамзинистской школы, вызвал особое негодование Вяземского своим выступлением против Карамзина как историка. В своем послании Вяземский, с одной стороны, как бы осуждает принцип сатиры на лица, говоря: «Насмешки резкие — сатиры личной зло» и приводя в пример самого Карамзина, который «мелкой личностью не затмевает славы». Но со всеми этими утверждениями Вяземского как будто вступает в противоречие то, что его «Послание к М. Т. Каченовскому» является типическим примером сатиры «на лицо». Противоречие это, однако, лишь кажущееся. Писатели, пользующиеся приемами «мелкой личности», — это, очевидно, по мнению Вяземского, те самые «пасквилянты», сравнения с которыми так боялись все писатели-сатирики. Вяземскому же давали право не причислять себя к ним два обстоятельства: во-первых, он защищал «святое имя» Карамзина, авторитет которого, во всяком случае как историка, был непререкаемым, и, во-вторых, он попытался в своем послании создать обобщенный образ хулителя истинных дарований. Своему посланию Вяземский придал острый политический смысл тем хотя бы, что в число этих клеветников, хулителей поместил и Екатерину II, которая Радищева «казнит почетной ссылкой». Но несмотря на это, А. С. Пушкин все же остался недоволен посланием Вяземского, потому что Каченовский был слишком ничтожной фигурой, недо-

стойной, по мнению Пушкина, «сатирической палицы» Вяземского: «довольно было бы с него легкого хлыста». Ясен политический смысл этого высказывания. «Сатирическую палицу» надо обрушивать на царей, аракчеевых, крупных деятелей реакции. И пушкинский «Ноэль» («Ура! В Россию скачет...»), направленный против «кочующего деспота» — Александра I, был одним из блестящих образцов сатиры «на лицо», образцом «истинной» политической сатиры.

5

Сергей Никифорович Марин не был сатириком такого большого диапазона, как Горчаков, но, поэт оригинальный, остроумный пародист, и он внес свой вклад в русскую сатирическую поэзию.

Наибольший успех выпал на долю произведений Марина, созданных им в период тиранического царствования Павла I. Вот какими словами характеризовал в своих записках И. М. Долгоруков 1801 год, год убийства Павла I: «Здравствуй девятое на десять столетие! Здравствуй год блаженный, год, назначенный судьбою на искупление рода человеческого в России от гибельного тиранства, которое выю россиян совсем поработило!»[1] И, говоря об убийстве Павла I, Долгоруков объясняет причины полного одиночества самодержца: «Он кровью своею обмыл четырехлетнее свое тиранство, удалив от себя гонением и разными несправедливостями всех прямо приверженных к нему людей. Он окружился злодеями, которые до тех пор только и щадили его, пока могли из него что-нибудь вымучить происками своими, но когда почувствовали они, что самые щедроты его не верны, ибо, давши сегодня полцарства, ссылал назавтра в заточения дальные и несносные, то и фавориты его на жизнь его посягнули».[2]

Недовольство Марина павловскими порядками явилось основой для создания одного из лучших его произведений — пародии на оду Ломоносова, «выбранную из Иова». В этой политической сатире, сатире «на лицо», Марину удалось выразить общее негодование военных оскорбительной прусской муштрой, сказать о деспотическом произволе Павла I. Пародия Марина обладает и истинными художественными достоинствами. Сатирик не ставил перед собой задачи пародирования самой оды Ломоносова как жанра

---

[1] И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни (Рукописный отдел ПД).

[2] Там же.

классицизма, он воспользовался лишь очень удачно формой подражания Иову, подходившей для воплощения его замысла, и вряд ли он мог найти лучший образец. Ведь Павел I пытался создать особое представление о самодержце как «помазаннике» божьем, как наместнике бога на земле. Преследуя эту цель, он объявил себя главою православной церкви. Поэтому Марин и сопоставил Павла I с богом.

Так как 9-ю оду Ломоносова, разговор бога с Иовом, все знали наизусть, у читателя сразу возникал четкий ассоциативный ряд. Титанизму ломоносовского бога была противопоставлена в пародической оде Марина нелепость, мелкость, карикатурность дел Павла I: если бог Ломоносова «словами небо колебал», «гласом громы прерывал», то Павел I всего лишь «гласом сборы прерывал», если бог «устроил» «свет», то Павел I «завел в России вахтпарад».

Марин высмеял не только «вздор», которым занимался Павел I, его фрунтоманию, самодурство. Он показал Павла I и как жестокого тирана, который, «подобясь зверю, а не богу», рубит головы невинным людям.

Пародия Марина была отчетливо противопоставлена одам, построенным по принципу «урока царям», призывам, обращенным к царю, — быть «человеком» на троне. Очевидно было, что бесполезно обращаться с этими проповедями к «зверю».

Сама российская действительность подсказывала русским поэтам сходные темы и мотивы. Стихи и сатиры Марина, как и Горчакова, проникнуты горьким сознанием, что истинные достоинства не ценятся в России:

> За честность за твою, за вздох об оном твой —
> Квартера в крепости и черный хлеб с водой.
>
> («*Послание к другу*»)

Положение человека в этом «обездушенном» и «обесчеловеченном» обществе диктовала поэту-сатирику и определенный художественный прием. Восходит он истоками своими к сатирической журналистике XVIII века, пользуется им и Державин. Марин показывает в своих стихах, что в мире царствуют *вещи:* ленты, парадные сюртуки, мундиры, кареты. Именно они-то управляют людьми, у которых нет души, людьми, лишенными человеческих чувств. И, изображая человека, Марин для его характеристики использует лишь «материальные» детали. И это понятно, так как положение в свете, в обществе, право человека на занятие высо-

ких должностей зависит не от его ума или душевных качеств. Ведь для того, чтобы заседать в сенате, «не надо» головы, нужно лишь, чтоб был «расшит кафтан» («Послание к другу»). Фальшиво само представление о счастье, господствующее в этом мире, — оно основано опять-таки лишь на «внешнем», на власти вещей, на том, что человек ездит четверней в карете, что в комнате его «с фацетами стекло», «Ламсерт дает духи, помада от Дюкло» и он спит за ширмами, а пьет «из фарфору» («Ответ на письмо. К гр. Толстому»).

Марин разоблачает всех, для кого главное — «внешнее», показывает, что они бездушные автоматы, «пустые» люди:

Свалится знатности личина,
Пустой явится человек!

Близок к приему показа людей посредством вещественных деталей и гротескный прием, применяемый Мариным в его остроумном стихотворении «Хвосты», где придворные льстецы, лицемеры и лжецы сравниваются с животными. Этот прием также восходит к традициям XVIII века.

Легкая, остроумная шутка свойственна таланту Марина, но, вчитываясь в его стихи, мы видим, что ему не чужды были и печальные раздумья, и задушевный лиризм интонации, и горькая ирония. И значительность его стихам придает как раз то, что власти «вещей» в мире, чистогану и корысти он противопоставляет чувства истинной любви, дружбы, увлечение «музами», поэзией.

Но жизнь не давала ему возможности отдаться лишь этим чувствам, стать настоящим поэтом, не дилетантом. Он сам был во власти «внешнего» — парадов, маневров, муштры, превращаясь в машину:

Друзей, любезную — всё должен позабыть,
И думать лишь о том, ногой чтоб крепче бить.

(«1796-го году, ноября 7-го»)

Марин пытается придать конкретно-бытовые черты образу автора, создать образ профессионального военного. В последующем это будет развито в несколько ином плане Денисом Давыдовым.

Большим успехом у современников пользовалось стихотворение-шутка Марина «Изъяснение заслуженного армейского офицера

в любви» — попытка рассказать профессионально-бытовым языком о любовных переживаниях военного. Оно, конечно, тоже могло иметь значение для Дениса Давыдова, который в будущем создаст интимный портрет военного героя, используя, в частности, и профессионально-бытовой язык.

Несомненное значение, в плане наступления на нормы поэтики классицизма, имели пародии Марина, написанные в бурлескных тонах, в стиле ирои-комической поэмы, оды, как-то: «На приезд кн. Шаховского из Парижа», «Ода на приезд Дм. Вас. Арсеньева», «Истопнику Петру Федорову», «От Игнашки к гр. Завадовскому» и другие. В них сознательно снижался «высокий» одический слог.

О большой популярности у современников пародийной оды Марина «На рождение молодого грека» говорит не только то, что она без конца переписывалась, но и то, что даже Лев Толстой использовал ее в «Войне и мире» как колоритную деталь, характеризуя эпоху.

В этой оде Марин пародирует в стиле ирои-комической поэмы оду Державина «На рождение в Севере порфирородного отрока». Если Державин говорит о рождении молодого бога — будущего Александра I, то Марин «воспевает» рождение Г. В. Геракова — ничтожного человечка, некрасивого, маленького и в будущем плохого поэта, который будет писать вздор. Но, с другой стороны, при соблюдении внешней формы пародирования оды Державина, Марин, в сущности, идет близким к Державину путем, потому что и ода Державина написана отнюдь не в традиционных для классицизма формах. Сам Державин нарушал каноны классицистической поэтики — вместо торжественного ломоносовского Борея у Державина появился Борей «лихой старик»; греческие нимфы у Державина засыпают «от скуки» и т. д.

Жанр пародии был, по существу, одним из путей, по которому русские поэты конца XVIII — начала XIX века двигались от отвлеченности и литературной условности к реальному воспроизведению действительности.

Литературная позиция Марина близка к позиции Горчакова и Крылова, он также выступает и против «надутости» классицизма, и против излишней слащавости «карамзинистов», то есть борется на два фронта. То, что он входит в «Беседу», не будучи ни реакционером по своим взглядам, ни консерватором в литературном отношении, является лишним свидетельством того, что вопрос о «Беседе» требует дополнительных исследований. Состав «Беседы» был в высшей степени разнороден. Реакционер Шишков и не-

сколько бездарных поэтов, поддерживавших его, имели мало общего с такими людьми, какими были Державин, Крылов, Горчаков, Марин, И. Муравьев-Апостол и многие другие, о которых принято говорить, что они были «не типичны» для «Беседы».

Видимо, главное было в том, что существовала группа писателей, которые, следуя лучшим традициям XVIII века, традициям русских просветителей, упорно искали своих путей в литературе, стремясь к созданию произведений по духу русских, «народных», в которых нашла бы свое отражение реальная действительность. Все это были поиски и подступы к решению проблемы создания национальной русской литературы.

6

К числу писателей, продолжавших и в XIX веке линию «высокой» обличительной сатиры, относится и харьковский поэт-сатирик Аким Николаевич Нахимов.

Идеалом поэта для Нахимова был Державин. В стихотворении, имеющем принципиальное значение для определения взгляда Нахимова на назначение писателя («Поэт»), Нахимов создает образ поэта-«бога». Поэт выше тирана-завоевателя, он имеет «дар без брани побеждать», дает бессмертие доблестному мужу, борцу за правду. Поэт, по Нахимову, должен быть «друг добродетели, враг гнусного порока». Этим определяется обличительная направленность творчества «правдивого певца».

Друг Нахимова В. Г. Маслович указывал: «В сочинениях его видны везде черты Сумарокова — Фонвизина». [1]

С сумароковской традицией Нахимова объединяет прежде всего резкость интонаций, есть у Нахимова и прямые заимствования из Сумарокова. Так, например, угроза Нахимова по адресу «Мерзилкина», офранцуженного дворянина, который позабыл, что в России есть кнут, в точности повторяет угрозу Сумарокова в басне «Юпитер, сокол и щука», направленной против богатого купца, откупщика.

Не приходится отрицать известного влияния на Нахимова и творчества Фонвизина. Тарас Скотинин, как символ невежества, присутствует в поэзии Нахимова, и, защищая просвещение, поэт произносит гневную тираду, обличающую Скотининых: «В России

---

[1] В. Г. Маслович. О басне и о баснописцах разных народов... Харьков, 1816, стр. 120.

враги просвещения большею частию — Скотинины и подьячие. Скотинины думают, что сия опасная головня может со временем превратить в пепел их хлева. А подьячие мыслят, что от наук притупятся им когти и уменьшится аппетит. Скотинины! наденьте очки и присмотритесь получше к просвещению. Не головня оно, а благотворный фонарь, ниспосланный с небес для того, чтобы мы, ходя в темноте мира сего, не забрели в свинарню и не сделались подобными ея обитателям».[1]

То, что Нахимов отделяет от Скотининых подьячих, то есть чиновников, означает, что он под Скотиниными подразумевает только помещиков-дворян. Образ Скотинина с его приверженностью к свинарне выдержан Нахимовым в соответствии с тем, как нарисовал его Фонвизин. Но это описание, вместе с тем, не дает нам возможности говорить, что для Нахимова Скотинин является, как и для Фонвизина, не только тупым, невежественным человеком, но и зверем-крепостником. Не дает для этого дополнительных доказательств и поэтическое творчество Нахимова. В нем отсутствует тема крепостного права. Нахимов не стал последователем русских просветителей, в частности Фонвизина, в самом главном, основном вопросе того времени — вопросе о борьбе с крепостным правом.

Свидетельством социально-политической консервативности Нахимова служит и его сатира о Мерзилкине, и выраженный им в «Зверинце» призыв помнить «совесть, стыд, закон, монарха, бога...» Но наряду с этим басня «Жалкий лев», в которой Нахимов, в лучших традициях прогрессивной литературы XVIII века, рисует острый и выразительный портрет слабоумного царя-тирана, свидетельствует о противоречивости политических взглядов сатирика. В басне, являющейся, вероятно, откликом Нахимова на французскую революцию, ставится вопрос о взаимоотношениях царя и народа. Нахимов осуждает развратного царя, равнодушного к страданиям народа, царя, который сосет кровь своих подданных. Сатирик разоблачает лживость официозного наименования царя «отцом» народа: в действительности народ зовет царя не отцом, а тираном. Используя возможности, предоставляемые «эзоповым языком» басни, Нахимов говорит о «естественном» равенстве всех людей в довольно смело звучащей по отношению к царственной особе форме: «Вить лев такая же скотина!» Басня заканчивается знаменательным изображением народного возмущения. Если царь плох, говорит Нахимов, то неизбежна его гибель: «Погибнуть дол-

---

[1] «Русская старина», 1880, декабрь, стр. 952.

жен сей льстецов презренный раб». Показательно, что друзья Нахимова, печатавшие посмертно его произведения, не посчитали возможным, или не смогли из-за цензурных препятствий, опубликовать этот «урок царям».

Говоря об общественном значении «Ревизора», Белинский остановился на историко-литературной традиции, подготовившей его появление. В этой связи Белинский вспомнил обличительную литературу XVIII века. Знаменательно, что, отдавая дань большому значению творчества Сумарокова, Капниста, Фонвизина, разоблачавших лихоимство, «ябеду», невежество, критик в один ряд с ними поставил Нахимова: «Нахимов составил себе громкое имя в литературе своего времени постоянным вдохновением против кривосудия». [1]

Именно этот раздел творчества Нахимова, занимающий в нем, в сущности, первое место — обличение грабителей-подьячих, — и привлек к нему симпатии широких кругов читателей, и сделал поэта-сатирика близким «низам» русского общества. Их интересы отражал поэт, когда в таких сатирических стихах, как, например, «Повестка», разоблачал взяточницу, жену судейского чиновника, к которой «вход не возбранен с кульком и мужику».

В конце XVIII — начале XIX века, когда книги были дороги, стихи переписывали в рукописные сборники в большинстве своем люди необеспеченные — семинаристы, мелкие чиновники. Очень часто по характеру отобранных для сборника стихов можно судить и о литературных вкусах, а часто и о социальном положении составителя и владельца сборника. Те, кто переписывал стихи Карамзина и Дмитриева, редко интересовались стихами Нахимова, «низовой» литературой. Показательно, что сатиры и эпиграммы Нахимова входят в сборники, в которых находятся такие произведения, отражающие страдания народа, как, например, «Солдатская жизнь» или «Плач холопов».

Нахимова читали и переписывали именно те, кто больше всех страдал от грабительств подьячих, кто из-за того, что не имел возможности дать взятку судье или дьяку, в течение долгих лет не мог добиться справедливости, попадал в тюрьму и там старился, так и не доказав своей невиновности. Богачи же могли совершать любые преступления, потому что при помощи подкупа и денег они всегда могли себя оправдать. Таким образом был, например, оправдан курский помещик Федор Ширков, убийца своей крест-

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 5. М., 1954, стр. 130.

ницы — девицы Алтуковой, причем оправдан во всех инстанциях суда, начиная с низшей и кончая Государственным Советом.[1]

Творчество Нахимова было особенно популярно в провинции. Объяснением этому может служить одно из писем Рылеева, который писал в 1821 году Булгарину из Подгорной: «В столицах приказные некоторым образом еще сносны... Если бы ты видел их в русских провинциях — это настоящие кровопийцы, и я уверен, что ни хищные татарские орды во время своих нашествий... не принесли России столько зла, как сие лютое отродье...»[2] И не случайно, что именно Рылеев обратил внимание на творчество Нахимова и собирался, по-видимому, писать о нем. В черновых записях Рылеева для подготовлявшегося им «Исторического словаря русских писателей» мы находим имя Нахимова.[3]

Нахимов учился в пансионе при Московском университете — передовом учебном заведении того времени, многие преподаватели которого воспитывали своих учеников в духе уважения к идеям просветителей. Судя по творчеству Акима Нахимова, большое влияние оказали на него уроки «практического законоискусства» профессора З. А. Горюшкина, который учил своих учеников тому, что борьба за строгую законность, против судебного произвола, взяточничества, ябеды является долгом честного человека, просвещенного дворянина.[4] Из Московского пансиона Нахимов должен был вынести уважение к честности, труду и презрение и ненависть к ябеде, грабительству.

Многие стихи Нахимова, как, например, «Дьяк и нищий», по форме близки к лубку, к произведениям народного творчества, заполняющим страницы рукописных сборников. Жадный дьяк Нахимова отнимает у нищего не только собранную тем милостыню, но даже и старую суму. Корыстолюбивые подьячие, откупщики, фигурирующие в произведениях народного творчества, обирая бедняков, оставляют им только кожу.

Показательно, что, характеризуя басню («Проповедь и басня»), Нахимов говорит о ней, что она одета «по-крестьянски».

---

[1] Ф. Н. Винницкий. Рассказы из былого времени. — «Чтения в... обществе истории и древностей российских...», 1874, кн. 1, стр. 73.

[2] К. Ф. Рылеев. Полное собрание сочинений. М. — Л., 1934, стр. 459.

[3] См. Л. Н. Назарова. Замысел Рылеева. «Исторический словарь русских писателей». — «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 309.

[4] См. Г. В. Ермакова-Битнер. Захарий Аникеевич Горюшкин — воспитатель российского юношества. XVIII век. Сборник 3. М.—Л., 1958, стр. 343—380.

Остро-сатирические басни Нахимова противостояли изящным салонным басням карамзинского сентиментального направления.[1] С сатирико-обличительной направленностью басен Нахимова тесно связано то, что он не только не стремится к созданию «достоверных» образов животных, которые, воплощая пороки людей, все же своим поведением, повадками были бы похожи на животных, но, наоборот, постоянно подчеркивает условность басенного приема. Он прямо говорит о том, что это люди, только в зверином облике; в «Зверинце» он даже называет их «мохнатыми людьми». Звери Нахимова занимают определенные «человеческие» должности — так, например, крыса-стряпчий у него вместе со всеми остальными взяточниками-людьми «попирает законы». В «Письме приятеля моего, странствующего в чудесном птичьем мире» птица с алмазною звездою на хвосте, «зобаста светлость», всем своим поведением чрезвычайно похожа на человека.

Такой художественный прием близок народным сказкам. Возможно, что на Нахимова оказали влияние и «Харьковские басни» украинского философа-просветителя Григория Сковороды, который был очень популярен на Украине. Сковорода в своих баснях сразу же дает понять, что он имеет в виду людей, знакомит читателей с «социальным положением» своих героев. «Здравствуй, господин певчей», — говорит жаворонок соловью. Кабан возмущается, почему оленица обращается к нему «господин кабан», когда он пожалован бароном. Тунеядцу-шершню пчела говорит: «Ты высокий дурак, господин советник». Кобыла у Сковороды «обучалась» в Париже, волк говорит с «придворною ужимкою».[2]

Если своих зверей Нахимов прямо характеризует человеческими чертами, то, рисуя людей, он часто исходит из того, что его персонажи *равны* животным. Жадного подьячего он сравнивает с коршуном. Часто, говоря о человеке, он характеризует его чертами, свойственными животным. Так, о Глупоне-Клите он говорит, что у него «уши длинные» и шерсть лоснится, француза он, по-видимому, представляет себе в виде быка, потому что он у него учит русских «мычать», за что русские дают ему «корм и водопой» и «вьючат» его богатством («Вопрос француза»).

Употребляя острый гротесковый прием — взгляд сверху вниз, с высоты небес на копошащихся внизу людей, — Нахимов сравни-

---

[1] «В них блистает салонный ум XVIII века», — писал о баснях И. И. Дмитриева Белинский. (Полное собрание сочинений, т. 4. М., 1955, стр. 148.)

[2] См. Сочинения Григория Саввича Сковороды. Харьков, 1894, стр. 160, 164, 168, 169, 171.

вает ненавистных ему «мелких тварей» — богача, жреца, «крючкодея» — с червяками («Письмо приятеля моего, странствующего в чудесном птичьем мире»). Характерно, что он рисует и червяка «с андреевским крестом», то есть вельможу, человека, занимающего высокий пост, который в действительности, если посмотреть на него сверху, оказывается мелким и ничтожным. Для художественного метода Нахимова характерны именно такие поиски особых ракурсов, при помощи которых он может с предельной отчетливостью показать ничтожество обличаемых им людей. Гипербола, гротеск используются им в этих целях.

Нахимов говорил о себе, что он пишет «нескладно», но эта «нескладность» была принципиальной. Грубоватость, просторечие языка противостояло карамзинистской сглаженности, нивелировке. Церковнославянизмы Нахимов вводил в свою речь, главным образом, в пародийных целях, как например, в «Предисловии к российской грамматике» или в «Элегии».

Нахимов стремился к простоте, экономии художественных средств, отрицательно относился как к рационалистическому стилю классицизма, так и к перифрастическому, изысканному стилю карамзинистов. Его эпиграммы характерны своей лапидарностью, иногда они состоят из двух строчек; особенностью его басен является их краткость, сжатость.

В отзыве о четвертом издании сочинений Нахимова рецензент писал: «В его сатирических руках все превращалось в эпиграмму, или, лучше сказать, эпиграмма претворялась иногда то элегиею, то маленькою поэмою...»[1] Это замечание, мимоходом оброненное рецензентом «Отечественных записок», очень существенно. Не случайно издатели сочинений Нахимова спорили по поводу того, в какой жанровый раздел относить ряд его произведений.

Четкое ощущение жанров, свойственное писателю-классику, Нахимовым утеряно. Он ясно и отчетливо, пародированием приемов классической оды и эпопеи, выражает свое отношение к основным жанрам классицизма. Интересно, что мы не находим у него и сатиры в ее «классическом» варианте. По существу, многие из произведений Нахимова находятся вне жанров.

Характерна, например, его «Элегия», в которой он пародирует высоко-лирический тон, использует в пародийных целях церковнославянизмы и некоторые термины приказного подьяческого языка. Жанр элегии видоизменяется, иронически и нарочито применяется для создания едкого, саркастического, сатирического произведения.

---

[1] «Отечественные записки», 1841, № 11, стр. 9.

Вне жанров находится и «Зверинец», по поводу которого было много споров. Сам Нахимов включил его в раздел «сатирических» произведений. «Зверинец» может быть назван развернутой басней, и, по существу, это произведение тяготеет к драматургии. В «Зверинце» дан ряд сатирических сценок, живой диалог просится в комедию.

Нахимов стремится индивидуализировать речь своих персонажей. Его Россомаха — судейский секретарь употребляет в «Зверинце» типические формулы канцелярской речи: «понеже», «по моему прошенью», «сицевой». В этом отношении Нахимов продолжает традиции Сумарокова (см. «Справка») и Фонвизина. Герои Нахимова превосходно характеризуют себя своими монологами. «Благостна» речь кота-священника, который говорит о «милости творца» и молоко называет «млеком». В монологе «благочестивого» кота явственно раскрывается его лицемерие. Он питался салом, маслом, запрещенными в пост, а также и, очевидно, просто мясом, ненавидя мышей-еретиков. Грубоватой лексикой провинциального дворянина Нахимов передает его тупость и невежественность: «мух колотил», «потел» и т. д.

Нахимову были свойственны наблюдательность и меткость взгляда. Его образы очень зримы, живописны. То, что в основу большинства его басен положены реальные жизненные наблюдения, придало им большую бытовую конкретность.

Все симпатии Нахимова были на стороне людей обездоленных, угнетенных, он говорил о них с печалью, с горькой иронией, показывая противоположность их судьбы судьбам привилегированных слоев населения. Это было понятно читателям Нахимова. В 1816 году в «Украинском вестнике» было помещено восторженное письмо в связи с посмертным изданием сочинений харьковского сатирика. Анонимное письмо было написано как бы от имени целой группы военных. Читатели Нахимова, «русские солдаты», применяли к себе его басню «Моська и собака на привязи». Они сравнивали старых, заслуженных воинов с теми героями «на привязи» из басни Нахимова, которым достаются одни лишь «помои». Автор письма говорил о харьковском сатирике, что «он был честный человек и любил правду».[1]

Но ограниченность мировоззрения Нахимова сказалась в том, что он не видел выхода, не видел путей, идя по которым можно было бы добиться уничтожения несправедливостей. Его мировосприятие было пессимистично.

---

[1] «Украинский вестник», 1816, № 3, стр. 392.

Большое количество сатирических произведений явилось в свет в начале XIX века в результате борьбы карамзинистов против «шишковистов». В творчестве карамзинистов нашла свое развитие главным образом «литературная» и бытовая сатира. Сатира у карамзинистов, — пишет советский исследователь, — «деформируется, проникается «домашностью», отпадает характерная для «высоких» сатир XVIII в. целевая установка на исправление пороков. Если в XVIII в. обличительная сатира замещала собою публицистический фельетон и памфлет, то в последующую эпоху она... перестает удовлетворять нормативным требованиям классической теории и утрачивает свое «учительское» назначение».[1]

Говоря о карамзинистской сатире, нельзя обойти молчанием статью Жуковского «Критический разбор Кантемировых сатир, с предварительным рассуждением о сатире вообще». Несмотря на ее кажущуюся боевую направленность, статья Жуковского является, по существу, защитой умеренной, социально обезвреженной сатиры.

В своей статье Жуковский объявляет смех одним из счастливых состояний духа и, не считая, чтобы насмешка могла исправить порочного, называет ее лишь оружием «предохранительным». Ненависть к пороку, которая живет в душе сатирика, должна обязательно, по мнению Жуковского, находиться в равновесии с «усладительным чувством любви».[2]

Поэтому-то, характеризуя Ювенала и Горация, Жуковский отдает явное предпочтение «умеренному» Горацию, который, «представляя нам везде одни привлекательные предметы, привязывает нас к жизни и научает довольствоваться своим жребием...»[3] Естественно, что, в связи с таким взглядом на сатиру, Жуковский отрицательно относится к боевой сатире «на лица».

Кантемира Жуковский лишает всего его боевого задора, пытается представить его как «горацианца», заявляя, что Ювеналу он подражал лишь в форме, а от Горация унаследовал «его философию».[4] Совершенно логическим для Жуковского, признававшего

---

[1] В. Н. Орлов. Эпиграмма и сатира, т. 1. М. — Л., 1931, стр. XXVI. См. также: В. Н. Орлов. «Сатирическая поэзия 1800-х годов». — История русской литературы, т. 5. М.—Л., 1941, стр. 231—232.

[2] «Вестник Европы», 1810, № 3, стр. 205.

[3] Там же, стр. 213.

[4] Там же, № 6, стр. 143.

прежде всего, благодетельность смеха как такового, вне его «учительной» функции, было то, что именно Жуковский убеждал «арзамасцев» в необходимости «ехать на галиматье», заниматься пустым балагурством.

Как показывает литературная практика Воейкова и Вяземского, теория Жуковского в отношении сатиры была лишь в известной мере принята его друзьями. Воейков, например, пошел все же по линии политической сатиры «на лица», отрицательное отношение к которой Жуковский высказал в статье о Кантемире; образцы острой, социально-политической сатиры создавал и Вяземский. И все-таки, говоря о сатире карамзинистов, нельзя не учитывать этой статьи Жуковского: она характерна для *тенденции* развития направления, взятого в целом, несмотря на то, что отдельные авторы уходили «влево» от Жуковского, не принимая его проповеди умеренной, социально обезвреженной сатиры.

Показательно также отношение к сатире одного из талантливейших поэтов карамзинистского лагеря — Батюшкова. Сатирический памфлет поэта «Видение на брегах Леты» (1809) представляет собой интересный образец «литературной» сатиры, созданной карамзинистами. В нем Батюшков выступил не только против школы Шишкова, но и против слащаво-сентиментальных эпигонов Карамзина вроде Шаликова, сближаясь в этом отношении и с Горчаковым, и с Долгоруковым. Но современники восторженно оценили, прежде всего, критику Батюшковым «шишковистов», которых он рассматривал как защитников обскурантизма и невежества. Сатира Батюшкова, несомненно, сыграла видную роль в борьбе против реакционных тенденций в деятельности Шишкова и его сторонников.

Но, с другой стороны, характерно то, что Батюшков, высмеяв сподвижников Шишкова — поэтов Боброва и Ширинского-Шихматова, — в конечном счете «пощадил» самого Шишкова «за всю трудов» его «громаду», «за твердый ум и за дела». Показательно и то, что эпиграфом к своей сатире Батюшков взял слова Буало: «Моя муза, осмотрительная и осторожная, умеет, высмеивая поэта, не затронуть чести человека».

Так возникают точки соприкосновения Батюшкова с Жуковским в вопросе о сатире. Обличительная, ювеналовская интонация несвойственна Батюшкову как сатирику. Резкость и даже грубоватость тона сатиры «Певец в Беседе славянороссов» была, вероятно, привнесена А. Измайловым, совместно с которым Батюшков создавал это произведение.

«Перевод I сатиры Буало» смягчен Батюшковым сравнительно

с оригиналом. В других ранних сатирических стихотворениях, вроде «Послания к стихам моим», «Послания к Хлое», «К Филисе», Батюшков высмеивает «нравы», проповедует умеренность и говорит о своем презрении к «гордости глупой» («К Филисе») в очень общих тонах. И хотя в концовке «Послания к Петину» Батюшков заявляет о своем желании «смеяться дуракам», как бы просто повторяя слова Горчакова из «Ответа на ответ», ювеналовские краски, которыми так часто пользовался Горчаков, остались чужды палитре Батюшкова. Правда, напечатанный им в 1817 году прозаический «Вечер у Кантемира», в котором дана очень интересная и глубокая оценка значения деятельности великого русского сатирика, родоначальника сатирико-обличительного направления в русской литературе, заставляет высказать предположение, что на новом историческом этапе, после окончания Отечественной войны 1812 года, когда стали возникать первые тайные общества, эти ювеналовские краски могли бы появиться у Батюшкова, если бы его творчество не пресеклось так неожиданно. Очень характерно в этом плане и то, что Батюшков осуждал «ребячество» Арзамаса, очевидно имея в виду линию арзамасской «галиматьи».

Было бы неверным полностью отрицать прогрессивное значение борьбы карамзинистов, объединившихся в «Арзамас», против «шишковистов». «Красный колпак», украшение якобинцев, которому отводилась почетная роль в арзамасском ритуале, с достаточной отчетливостью говорил о либерализме «Арзамаса» (впрочем, неоднородного по своему составу). Борясь за просвещение, против черных сил «тьмы», реакции — «сычей», арзамасцы, молодые силы литературы, конечно, отстаивали передовые начала. Но вместе с тем в их деятельности было много и такого, что давало повод их противникам обвинять их в пустом балагурстве, детских проказах. А главное, что, выступая против реакционной проповеди Шишкова, защищая право русских на усвоение культуры передовых народов, карамзинисты вместе с тем, несмотря на свой «якобинский» колпак, отнюдь не были «якобинцами», какими пытался их представить Шишков. Защищаемое ими просвещение было просвещением лишь для избранных. «Какого же просвещения требую для простолюдимов? — писал Жуковский. — Ограниченного, приличного их скромному жребию просвещения, которое научило бы их наслаждаться жизнию в том самом кругу, в котором помещены они судьбою». [1]

Конечно, надо учитывать большое количество оттенков, суще-

---

[1] «Вестник Европы», 1808, № 21, стр. 70.

ствовавших как в отношении политических взглядов, так и литературных, у писателей-карамзинистов.

С одной стороны — сам Карамзин, друг Александра I, относившийся с «олимпийским» презрением к полемическим спорам и отрицавший сатиру; Жуковский с его мистицизмом и призывом к «умеренной» сатире и шутовской «галиматье»; «чувствительные» Шаликов и В. Измайлов, а с другой — боевой Вяземский, создавший ряд злободневных политических произведений, типических для преддекабристской эпохи.

И надо сказать, что «младо-карамзинисты», такие писатели, как Вяземский, Воейков, когда они содействовали развитию направления боевой сатиры, отходили от творческой практики своих учителей — Карамзина, Дмитриева, Жуковского. По справедливому утверждению исследователя, Вяземский выступил «учеником мастеров сатиры и комедии XVIII века... Через голову своих непосредственных учителей — Карамзина, Дмитриева, Жуковского — Вяземский возвращается к истокам русской поэзии XVIII века»[1].

Последовательным карамзинистом в своей литературной практике явился Василий Львович Пушкин, «Нестор Арзамаса», как назвал своего дядю А. С. Пушкин. В. Л. Пушкин был как бы связующим звеном между старшим и младшим поколением карамзинистов.

У В. Л. Пушкина был истинный талант, но он, в буквальном смысле слова, разменял его на мелочи, культивировавшиеся карамзинистами, — на экспромты, эпиграммы, стихи на заданные рифмы, на случай и т. п.

В. Л. Пушкину нельзя отказать в легкости и чистоте стиха. К. Н. Батюшков в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» писал, что «некоторые послания... Пушкина... принесли пользу языку стихотворному...»[2] В вопросах языка В. Л. Пушкин разделял полностью взгляды Карамзина, для него это был, прежде всего, язык светского общества, дворянских гостиных. Он писал Вяземскому 8 августа 1828 года по поводу выполненного Шевыревым перевода трагедии Шиллера «Валленштейнов лагерь»: «Я сказал Шевыреву в глаза, что русский язык не есть язык площадный; что можно писать простым слогом, но не перенимать у холопей и у извозчиков».[3]

---

[1] Л. Гинзбург. Вступительная статья к книге П. А. Вяземский. Стихотворения. «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1958, стр. 35.

[2] К. Н. Батюшков. Сочинения, т. 2. СПб., 1885, стр. 242.

[3] ЦГАЛИ.

Элементы «площадного» языка, введенные в «Опасного соседа», не противоречили главной установке В. Пушкина на соблюдение языковых норм «хорошего» общества, так как «низкое», согласно нормам рационалистической поэтики, было допустимо в жанре ирои-комической поэмы, к которой принадлежал «Опасный сосед».

Сам В. Л. Пушкин называл себя учеником Дмитриева и Карамзина и, действительно, в большинстве своих стихов он не пошел дальше эпигонства. В своих баснях он и выступает против вельмож («Медведь и его гости»), и борется за «истину», и осуждает «заботы, происки о лентах, о чинах» («Сурок и щегленок»); но все это в высшей степени приглажено и обесцвечено, лишено социальной остроты. Это басни писателя-сентименталиста, которого, главным образом, интересует возможность сделать чувствительный вывод из своей басни, вроде:

Гонимые судьбой, не тратьте слов напрасных...

(«Ощипанный петух»)

Но послания Пушкина «К Жуковскому» (1810) и «К Дашкову» (1811), явившиеся первым по времени изложением карамзинистских литературных взглядов в поэтической форме, сыграли известную роль в литературной борьбе карамзинистов и «шишковистов». В них В. Л. Пушкин отдал дань рационализму XVIII века, они далеки от чувствительных посланий сентименталистов, ближе и по духу, и по форме к обличительным сатирам века Просвещения. Им придает выразительность глубокая убежденность автора в своей правоте, в том, что он защищает правое дело. Эта же убежденность в своих заслугах перед русским просвещением и русской литературой звучит и в послании «К ***».

Подлинным триумфом В. Л. Пушкина, которого даже не ожидал сам автор, явился его «Опасный сосед». Эта шутливая поэма возникла в обстановке борьбы «шишковистов» с карамзинистами. Как бы мимоходом оброненные полемические выпады против членов только что организовавшейся «Беседы» обусловили шумный успех «Опасного соседа» в среде карамзинистов, которые сразу же восприняли поэму как сатирическую. «Пушкин в своей сатире удивительно смешно отделал Шихматова, Шаховского и Шишкова», — писал Батюшков. [1]

---

[1] К. Н. Батюшков. Сочинения, т. 3. СПб., 1886, стр. 118.

Стиль «Опасного соседа» в значительной мере определялся законами жанра ирои-комической поэмы, по поводу которой Сумароков писал: «В сем складе надобно, чтоб муза подала высокие слова на низкие дела». В. Л. Пушкин достигает большого комического эффекта в своей поэме прежде всего несоответствием серьезности авторской интонации, в которой ведется повествование, с тем, что происходит. Комическому содействуют и авторские отступления в высоком стиле:

В юдоли сей, увы! плач вечно близок смеха!
На быстрых крылиях веселие летит,
А горе тут как тут!..

В пародийном духе построена и концовка поэмы.

Комическому впечатлению способствуют и характеристики «благопристойного» поведения действующих лиц поэмы. Одним из образцов этой «благопристойности» является поведение кривого лакея. Происходящая драка нарисована поэтом очень динамично, и для усиления комического эффекта В. Пушкин, пользуясь приемом контраста, рисует лакея, который во время этой драки стоит совершенно спокойно в углу, ожидая «с почтеньем» конца.

По своей социальной направленности поэма В. Л. Пушкина была типична для дворянского карамзинистского лагеря. Популярные в XVIII веке ирои-комические поэмы М. Чулкова («Стихи на качели», «Стихи на семик») и В. Майкова («Елисей, или Раздраженный Вакх») были характерны своей демократической установкой. Отступая в значительной мере от основного правила классицизма — живописать «низкую» действительность в шутовском духе, Чулков и, в особенности, Майков изображали быт, жизнь простых русских людей отнюдь не в издевательских тонах, отказываясь от барски-пренебрежительного отношения к жизни «низов» общества. В. Пушкин не ставит перед собой подобных задач. Характерен и сам выбор темы поэмы, ее «легкий» сюжет. Поэма В. Пушкина далека от «учительной» направленности сатирической поэзии XVIII века, что полностью соответствовало основной тенденции развития сатирической поэзии карамзинистов.

Тем не менее неоспоримые художественные достоинства «Опасного соседа» завоевали этому произведению В. Пушкина широкую популярность. Современники оценили не только проявившийся в поэме талант В. Пушкина к бытописи, к картинам «в фламандском вкусе», но и легкий стих, живую, разговорную речь и попытку

создания характеров. Об этом с предельной четкостью сказал Батюшков: «Стихи прекрасны. Вообще ход пиесы и характеры выдержаны от начала до конца...», и, говоря о стихах,

«Панкратьевна, садись; целуй меня, Варюшка;
Дай пуншу; пей, дьячок». — И началась пирушка!

Батюшков продолжает: «Вот стихи! Какая быстрота! Какое движение! И это написала вялая муза Василия Львовича!»[1]

Несомненной удачей В. Пушкина был намеченный им характер лихого драчуна, забияки Буянова. Индивидуальные черты его характера определены, в значительной мере, условиями его социального бытия, паразитизмом существования дворянства. Буянов, «имение свое проживший в восемь лет», — типичный сын своего времени. В екатерининскую эпоху огромные состояния приобретались волею «случая» — фаворитизмом, и с такой же легкостью тысячи и миллионы проигрывались за карточным столом. Дворянские сыновья, получавшие в наследство от своих отцов богатые имения, зачастую мгновенно разорялись, картежничая, играя на бегах, швыряя под ноги красавицам-цыганкам сотни и тысячи рублей. Подобно Буянову, например, в довольно короткий срок прожил свое немалое наследственное состояние Александр Воейков. «Молодечество» Буянова было также одним из признаков времени. Когда создавалась поэма, у всех на памяти было еще русское «удальство» «настоящего русского барина», как назвал его Жихарев, графа Алексея Григорьевича Орлова, любителя скачек, бегов, цыганских песен, плясок, кулачных боев. Говорили, что граф Алексей Орлов охотник до «русского молодечества», сам дрался на кулаках в столичных кабаках с любителями из народа.

Именно жизненность, достоверность образа Буянова определила то, что его имя стало нарицательным, и А. С. Пушкин в 5-й главе «Евгения Онегина» сказал о нем:

Мой брат двоюродный Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком...

Близок к Буянову и пушкинский образ Зарецкого, некогда буяна, «трибуна трактирного», к которому А. С. Пушкин прямо применил характеристику, взятую из поэмы своего дяди: «сосед велеречивый».

---

[1] К. Н. Батюшков. Сочинения, т. 3. СПб., 1886, стр. 128.

Примыкал к лагерю карамзинистов и поэт-сатирик, автор знаменитого «Дома сумасшедших» Александр Федорович Воейков.

«Уважать Воейкова как человека мне невозможно, да вряд ли возможно и лучшим его друзьям, — записывал в своем дневнике 18 ноября 1832 года находящийся в заточении декабрист Кюхельбекер, — однако же как писатель, можно сказать, что он заслуживает быть отличенным от толпы писак бесталанных: в нем точно иногда проблески дарования».[1]

Вольтерианец в молодости, яростный защитник монархии во второй половине жизни, Воейков и как писатель является одной из противоречивейших фигур в русской литературе.

Воейков воспитывался на философии французских просветителей, вместе с братьями Тургеневыми зачитывался Дидро, Вольтером, Гельвецием. В сохранившейся «Тетради нравственной философии», в которой содержатся, по-видимому, наброски прочитанных им лекций, Воейков пишет, что нравственность должна быть «основана на природе и разуме». Говоря о религии, он зачеркивает определение «святая», и довольно двусмысленной кажется самая постановка Воейковым вопроса о том, что человек должен для своего нравственного совершенствования воспользоваться и светом откровения, даваемого религией, *«если может»*.[2] Обличая эгоизм, Воейков рисует сатирический портрет Себялюбова совсем в духе сатирической журналистики XVIII века. Вместе с тем, вступая в противоречие с рационализмом XVIII века, Воейков уделяет много места и характеристике «чувствительности сердца», которое наравне с разумом учит человека его «должностям». И человек, в изображении Воейкова, предстает в его противоречиях, — в стремлении к злу и добру.

О литературных симпатиях Воейкова говорит его фантазия «О посещении госпожою критикою русских книжных лавок». Критика «заклеймила печатью бессмертия оды, «Послание о пользе стекла» и два похвальные слова Ломоносова, первый, третий и половину второго тома сочинений Державина... басни Хемницера, «Душеньку», трагедию «Вадим» и комедию «Хвастун» Княжнина, «Недоросля», «Послание к слугам моим» и придворную грамматику фон-Визина, ...все творения Карамзина, Михаила Никитича Муравьева...»[3] Рядом с творениями писателей-классиков стоят

---

[1] Дневник В. К. Кюхельбекера. Л., 1929, стр. 79—80.
[2] Рукописный отдел ПД, фонд Воейкова. (Курсив мой. — *Г. Е.*)
[3] Рукописный отдел ПД, фонд Воейкова.

и произведения писателей-сентименталистов, и трудно сказать, кому Воейков отдает предпочтение, хотя и считает нужным отметить печатью бессмертия *все* творения Карамзина и Муравьева.

Очевиден и несомненный интерес Воейкова к сатирическому творчеству своих предшественников.

О точно таком же переплетении литературных интересов говорит и альбом А. Н. Воейковой, в который сам Воейков вписывал многие свои стихи и выдержки из произведений различных авторов. Очень много здесь цитат из Вольтера, Руссо, Монтэня, Буало, Расина. Рядом с ними находятся Стерн, Юнг, Делиль, Карамзин. [1]

Поэзии «чувства и сердечного воображения» Воейков отдал значительную дань, подобно Жуковскому, говоря, что:

Люди счастливы, несчастливы
От себя, мой друг! единственно.
В сердце носим мы судьбу свою...

(«К А. Н. В. в день ее ангела»)

В связи с этим находится и увлечение Воейкова творчеством французского поэта Жака Делиля (1738—1813), с его культом мирной сельской жизни. По мнению Делиля, человек может обрести истинное счастье, возделывая свой сад, наслаждаясь творениями искусства, упиваясь чувством добродетели. Послание Делиля «Сады, или Искусство украшать сельские виды» в вольном переводе Воейкова было напечатано отдельным изданием в 1816 году.

Но в противоречие с мотивами примирения с жизнью, отказа от социальной борьбы, ухода в мир собственного чувства вступают другие мотивы — обличительного характера, отчетливо звучащие в творчестве Воейкова, мотивы борьбы против невежества, фанатизма и суеверия, «пороков».

В «Послании к жене и друзьям» Воейков пишет о себе:

Смеюсь над глупостью, пороку угрожаю,
Злодею на чело кладу клеймо: *злодей!* [2]

Пользовавшаяся успехом у современников «Сатира к Сперанскому об истинном благородстве» Воейкова (1805) фактурою стиха,

---

[1] Рукописный отдел ГПБ, фонд Воейкова.
[2] Сын отечества, 1821, № 4, стр. 182.

словом, которое обозначает предмет или понятие (а не выражает отношение человека к предмету или понятию, что было присуще преромантической поэзии) и всем идейным комплексом тесно связана с обличительными сатирами XVIII века, с просветительскими идеалами. Основою ее является мысль о внесословной ценности человека, определяемой его «делами», а не дворянским происхождением. Новым, по сравнению хотя бы с сатирами Горчакова, является то, что Воейков не только выдвигает в сатире свой положительный идеал, но и конкретизирует его в образе реально существующего человека, крупного государственного деятеля Сперанского, осуществлявшего «либеральную» политику молодого царя. Стремление противопоставить отрицательному положительное характерно вообще для раннего периода творчества Воейкова. Так, в «Послании к И. В. Л<опухину>» (1807) Воейков рисует Лопухина как «друга людей», сенатора, который не думает о том,

Чтобы случайному вельможе угодить
И крест за бедствия народа получить.

Портрет этот, в некоторой мере, был близок действительности. Лопухин славился как нелицеприятный, справедливый человек, сторонник гуманности в судебной практике, был известен своею помощью бедным. Не только наличие в сатире критики отрицательного, но и присутствие в ней положительного героя соответствовало соображениям Жуковского о сатире.

Но зато сатирический памфлет Воейкова «Дом сумасшедших» (первая редакция 1814 года) уже никак не укладывался в рамки теории Жуковского об «умеренной» сатире. С язвительным сарказмом, с острой иронией рисовал Воейков в своем «Доме сумасшедших», типическом образце сатиры «на лица», портреты известных всем людей, позволяя себе даже съязвить по поводу «доброго царя», который «ссылает в ссылку зло». Союзник Жуковского, Батюшкова и Вяземского в борьбе с «Беседою», Воейков включил в «Дом сумасшедших» преимущественно своих литературных врагов, членов Беседы — Шишкова, Хвостова, Грузинцева, Сладковского, Станевича — и некоторых заядлых «русофилов», таких, как Каченовский или С. Глинка. Куплеты, посвященные его литературным союзникам Жуковскому, Батюшкову, не так остры, как те, в которых он расправляется с представителями враждебного ему лагеря; они написаны в духе веселой эпиграммы, дружеской шутки.

В жанре литературной сатиры предшественниками Воейкова были Чулков с его «Плачевным падением стихотворцев», Горчаков

с двумя вариантами своих «Святок» и Батюшков — автор «Видения на брегах Леты». По резкости тона Воейкова можно сравнить с Горчаковым, ювеналовские интонации которого были ему близки. Но, считая свое произведение оригинальным, Воейков был прав, так как действительно нашел своеобразную форму для своей сатиры.

Если бы Воейков ограничился в «Доме сумасшедших» одними литературными портретами, то, вероятно, его памфлет пользовался бы большим успехом лишь в литературных кругах, но не разошелся бы во многих списках по всей стране. «Дом сумасшедших» приобрел широкую популярность прежде всего потому, что Воейков включил в него и портреты реакционных политических деятелей.

Воейков говорил, что для того, чтобы изобразить в сатире человека, надо подметить в нем одну особо характерную черту. По этому принципу и построено большинство портретов «Дома сумасшедших». Взяв за основу черту характера Магницкого — лицемерие, Воейков создал выразительный портрет ханжи, религиозного изувера, мракобеса, гасителя просвещения, который делает зло «в честь Христова алтаря». Художественная действенность, острота сатиры Воейкова определяется прежде всего ее конкретностью. Подхалимство Кавелина Воейков передает посредством острого, едкого сравнения: Кавелин в руках Магницкого тряпка, которою тот «трет». Назвав цензора Красовского палачом, Воейков не ограничивается этим, а идет до конца в своем сравнении, сразу передает конкретные действия Красовского: если он палач, то, следовательно, должен «ноздри рвать». Ширинский-Шихматов, сочинитель реакционного, «алжирского» цензурного устава, должен быть окружен «орудиями» своей профессии — кнутами, батогами.

В известной степени этот прием конкретизации отвлеченных понятий применяет Воейков и в своем «Парнасском адрес-календаре».

Поведение обитателей «Дома сумасшедших» определяется тем, что они умалишенные, и потому должны совершать нелепые, противоестественные поступки. Этот отправной момент дает возможность сатирику показать всю бессмысленность, нелепость поведения своих литературных противников. В меньшей степени пользуется Воейков для обличения своих «врагов» общеизвестными приемами литературной борьбы — методом литературной пародии, типическим для сатиры XVIII века приемом сравнения людей с животными, хотя и они применяются им в «Доме сумасшедших»,

Так, им пародируется поэма Сладковского «Петр Великий», а Булгарин и Греч нарисованы сатириком в виде отвратительных псов.

Когда Воейкову удавалось подметить в своих «героях» самое главное, наиболее существенное — их ненависть к просвещению, их ханжество, ожесточение против всего передового, — то тогда конкретные «портреты» приобретали широкое значение. Ведь таких, как Магницкий, было много, в каждом городе был свой Магницкий, и присущие ему черты были типичны для многих деятелей реакции.

Но не все в «Доме сумасшедших» равноценно. С барским презрением Воейков издевается над бедностью, высмеивает нищету Шаликова и Козлова, делает объектом сатиры физические уродства, такое несчастие, как слепоту. И когда пером Воейкова водило не стремление изобличить реакционеров, а просто личная злоба, тогда истинная сатира «на лица» вырождалась в «пасквиль».

Это хорошо понимали современники. Один из них вспоминает, как А. С. Пушкин весело смеялся, когда Воейков читал строфы, направленные против Магницкого. «Браво! Превосходно! Иезуитизм весь наружу», — так оценил он эту удачную характеристику продажного реакционера, но когда Воейков с той же запальчивостью обрушился на фигуру не столь одиозную, на литератора Сенковского, Пушкин омрачился.[1]

Непоследовательность сатирического принципа в «Доме сумасшедших» объясняется, конечно, не только личными качествами Воейкова, его злым характером, но и непоследовательностью его «либерализма».

Была закономерность в том, что Воейков к концу своей жизни стал реакционером. И в молодости он никогда не был «ниспровергателем основ». В неопубликованных дневниковых записях Воейкова, относящихся к 1812 году, есть одна, чрезвычайно характерная для него. Он пишет о том, что Наполеон приближается к Москве и его успехи заставляют Воейкова «трепетать»: «Я боюсь не войны, но мира, боюсь не французов, но русских, боюсь не храбрости... победителей Германии, но малодушия собственного. Я бы с охотою, с радостью, с живым восторгом отдал бы половину своего имения и половину жизни, если бы такое пожертвование могло бы спасти мое драгоценное, мое несчастное отече-

---

[1] Петербургский старожил В. Б<урнашов>. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его литературные вечера. — «Русский вестник», 1871, № 11, стр. 200.

ство...»[1] В этой *половине* жизни за отечество — весь Воейков. Половинчатым, далеким от самопожертвования и самоотвержения был патриотизм Воейкова, половинчатым был и его либерализм. В николаевское царствование Воейков с удивительным цинизмом называл организацию корпуса жандармов защитой «законности», «свободы»,[2] опираясь при этом в своей аргументации на Монтескье, и утверждал, что «в свете нет разного образа правления, а есть правление и анархия».[3] Но некоторые предпосылки будущего мы находим уже в ранних политических взглядах Воейкова.

Вот что писал, например, он в 1802 году: «Слово Республика, Res Publica, общее благо, а не шумное собрание своевольных и дерзких людей... В философическом смысле *всякое государство,* имеющее фундаментальные законы, охраняющие спокойствие гражданина и целость имений его, есть Республика».[4] Эта боязнь «своеволия» (в будущем он скажет «анархия») и утверждение, что всякое государство, имеющее законы, может быть названо республикой, оставляло лазейку для воейковских реакционных высказываний 30-х годов. Стоило лишь объявить учреждение корпуса жандармов путем к «законности», как между деспотическим самодержавным правлением Николая I и республиканским, с точки зрения будущего Воейкова, не оказалось никакой разницы. Это и объясняет нам, почему Воейков в 30-х годах, называя своим другом шефа жандармов Дубельта, вместе с тем мог взахлеб читать строфы, направленные против Магницкого, и называть по-прежнему «Дом сумасшедших» своим лучшим произведением.

Но, говоря о «Доме сумасшедших», мы должны, конечно, оценивать прежде всего его объективное значение. О Воейкове-Буало сочувственно упомянул Рылеев в послании «Пустыня», и в рукописных сборниках XIX века «Дом сумасшедших» соседствует с такими стихами Рылеева, как «Исповедь Наливайки», занимая свое место в ряду тех произведений, которые идеологически подготовили декабристскую литературу в ее обличительном, сатирическом аспекте.

---

[1] Рукописный отдел ПД, фонд Воейкова.

[2] Рукописный отдел ГПБ. Воейков. Записка о характере правления Николая Павловича.

[3] Рукописный отдел ГПБ, собрание автографов. Записка «Великому князю Константину Павловичу невозможно было царствовать».

[4] «Новости русской литературы», 1802, № 85, стр. 102. (Курсив мой. — *Г. Е.).*

Кюхельбекер, отказавший Воейкову как человеку в праве на уважение, совсем иное сказал о баснописце Александре Ефимовиче Измайлове: «А. Е. Измайлов был истинно добрый мужик: я знал его очень хорошо, любил его и ему многим обязан».[1]

В «Доме сумасшедших» Измайлову посвящен язвительный куплет. Воейков высмеял, по существу, не столько натуралистические тенденции измайловского творчества, сколько его демократическую окраску, «плебейство» Измайлова, его интерес к жизни низов общества.

А. Е. Измайлов выделяется из плеяды дворянских писателей-сатириков своим «плебейством», которое и привело его в ряды Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Владевший совместно с сестрой семью «душами» крепостных, Измайлов всю жизнь тянул служебную лямку и боролся с одолевавшей его нуждой. По своим симпатиям, наклонностям, по месту, занимаемому им в жизни, он был скорее разночинцем, чем дворянином. У него нет сословного ощущения дворянской «чести», потому-то он и издевается так над дворянским point d'honneur и высмеивает дворянских сынков под видом лошака и осла, дерущихся на дуэли («Поединок»).

Исследователи творчества Измайлова отмечали, что «мотивы социального протеста» у него «не выходят... за пределы морального осуждения и филантропического сочувствия».[2] Он не понял и даже осудил восстание декабристов. Вместе с тем, все же вряд ли стоит чрезмерно принижать социальное значение сатиры Измайлова и изображать его лишь как добродушного «фабулиста», ограниченного, чрезвычайно упрощенно понимавшего окружающее. В своих оценках действительности «добродушный» Измайлов иногда сближался с передовыми людьми своего времени. Критикуя деятельность Государственного совета и Сената, современники зачастую вспоминали Петра I.[3] Тема Петра I как справедливого, «просвещенного» царя, преследовавшего грабителей, казнокрадов, тупых невежд, возникает и во многих, в большинстве своем остав-

---

[1] Дневник В. К. Кюхельбекера. Л., 1929, стр. 124.

[2] Н. Л. Степанов. А. Измайлов. — История русской литературы, т. 5. М.—Л., 1941, стр. 272.

[3] «Дурак Яков Лобанов и... болван Шишков восстают против праха Петра Великого», — писал в 1820 году Н. Тургенев. (Архив бр. Тургеневых. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 годы, т. 3. Пг., 1921, стр. 222).

шихся в рукописи, сатирических стихах Измайлова («Подьячий с приписью», «Приемная М. Ф.», «На перемещение М.»). Измайлов пишет, например:

Восстань, великий Петр, восстань!
...Поди в Сенат, очисти дрянь,
Дай бестолковым валку.

(«На перемещение М.»)

Но значительно важнее другое, а именно то, что, в отличие от дворянских писателей-сатириков, сочувствовавших крестьянству лишь в известных, весьма ограниченных пределах, в творчестве Измайлова с самого его начала до последних лет жизни писателя звучат ноты глубокой симпатии к людям в «сермяжной броне», не только к бедным чиновникам, мещанам, но и к крестьянам. Сочувствием к участи «бедных мужиков» проникнуто уже раннее произведение Измайлова — повесть «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества» (1799), написанная в традициях сатирической журналистики XVIII века, творчества Фонвизина, Новикова. Характерна глава повести, в которой Измайлов рассказывает о деревенском пожаре. Глава построена на четком противопоставлении жестокости дворянина Евгения, чуждого жалости и сострадания, истинной человечности его крепостных слуг, которые готовы прийти на помощь несчастным погорельцам. Крестьянин является героем и многих басен Измайлова. Ограниченность его мировоззрения сказалась в том, что он рисует крестьянина как забитого, невежественного человека. Его крестьянин не наделен тем острым, ясным умом и юмором, который свойствен героям крыловских басен. Но важно уже и то, что Измайлов постоянен в своих симпатиях к крестьянству и в своем творчестве говорит о «крайностях» крепостного права. В басне «Помещик и управители» он обличает помещика, который сечет крестьян. В «Капризе госпожи» показано типическое для того времени проявление самодурства крепостницы-барыни, которая лишает своих крепостных права на семью, любовь. В стихах «На отъезд Н. Ф. Смирного» в Симбирск (1826) Измайлов обращается к отъезжающему с призывом защищать крестьян:

Ворам не спущай,
Крестьян защищай.
Бедные крестьяне
Тоже христиане.

. . . .

В судах земских нижних
Дерут кожу с ближних.[1]

Закваска, полученная в Вольном обществе, дружба с Пниным, по пути которого он обещал следовать («Стих на кончину Ивана Петровича Пнина»), оказали несомненное воздействие на Измайлова, хотя он и не принадлежал к левому крылу Вольного общества.

В 1826 году Измайлов говорит о себе, в полном соответствии с тем высоким представлением о назначении писателя, которое было у него, что он:

Враг лицемерам и злодеям,
Судья их грозный и палач.[2]

В том, что Измайлов главным видом своего творчества избрал жанр басни, и сказалась его наклонность к сатире. Белинский писал: «Басня потому так хорошо и принялась у нас, что она принадлежит к сатирическому роду поэзии».[3] Знаменательно, что первой басней Измайлова была «Истина во дворце», в которой он раскрывал возможности, предоставляемые писателю жанром басни, изрекать «истину», облекая ее в одежду вымысла.

Сила Измайлова была не в альбомных стишках, написанных «легким» слогом, а в грубоватых сценках из народной жизни, в его баснях. «Низкая природа», низкая как с точки зрения классиков, так и сентименталистов, вводилась Измайловым в поэзию на полноправных началах с «приятной» и «изящной». Белинский поставил басни А. Измайлова выше басен В. Л. Пушкина и В. Измайлова. А. Измайлов, писал Белинский, «заслуживает особенное внимание по своей оригинальности: тогда как первые подражали Хемницеру и Дмитриеву, он создал себе особый род басен, герои которых: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофеич, сивуха, пиво, паюсная икра, лук, соленая севрюжина; место действия — изба, кабак и харчевня. Хотя многие из его басен возмущают эстетическое чувство своею тривиальностию,

---

[1] Рукописный отдел ГПБ, фонд Измайлова. Сочинения А. Измайлова, т. 3.

[2] Там же.

[3] Белинский. Полное собрание сочинений, т. 9. М., 1955, стр. 434.

зато некоторые отличаются истинным талантом и пленяют какою-то мужиковатою оригинальностию».[1]

Басни Измайлова — это жанровые картинки, бытовая сатира, часто злободневный фельетон, развернутые эпиграммы.

Поэтическая интонация Измайлова меняется в зависимости от того, кто является объектом его сатиры. Когда он говорит об отставном квартальном Пьянюшкине, читатель чувствует презрение автора к человеку, который унижает свое человеческое достоинство, но, вместе с тем, некоторые бытовые подробности, вводимые Измайловым в рассказ, подчеркивают и невольное сочувствие автора к своему герою. Пьянюшкин идет в «худой шинелишке», дома у него «есть нечего; все дети босиком».

Однако надобно, чтоб больше пил народ:
Хоть людям вред, зато откупщикам доход...

Подобное отношение к «пьянице» близко к встречаемому нами в произведениях народного творчества. Обличение «царева кабака», бед, которые он приносит народу, является одной из распространенных тем низовой сатиры XVII—XVIII века. В рукописных сборниках встречается много произведений безымянных авторов, которые с горькой иронией писали о печальной судьбе «нагого» бражника.

Когда Измайлов говорит о мужике Филате, забившем до смерти свою единственную кормилицу — лошадь, то он, понимая трагедию темного крестьянина, не произносит по его адресу гневных ругательств, которые он частенько изрекает, имея в виду помещиков, приказных-взяточников, бесчестных судей. Насмешка, ирония, иногда печальная улыбка — основные краски Измайлова, когда он говорит о людях в «сермяжной броне». Явное презрение, явное негодование характеризуют его отношение к врагам, к главным объектам его сатирического обличения. Выступая против доносчика Фаддея Булгарина, помещиков-крепостников, мошенников-подьячих, Измайлов чрезвычайно прямолинеен в своих оценках. Вероятно, именно эту прямолинейность, являющуюся определенным художественным приемом, имел в виду Кюхельбекер, когда сказал об Измайлове, что он «откровенен».[2]

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 4. М., 1954. стр. 148.

[2] «Литературные портфели», 1. Пг., 1923, стр. 73.

Пафос прямого, неприкрытого негодования, выраженного в резких, порою нарочито грубых выражениях (например: «Каков Перфильевич? — Повесил бы его», или: «Проклятая! Срамница!», причем эти возмущенные возгласы обращены против дворян), ощутил рецензент «Отечественных записок». «Басни его, — писал он об Измайлове, — отличаются особенною силою негодования ко всему, что есть постыдного между людьми в жизни и в литературе». Признавая, что у Измайлова нет изящной простоты Хемницера, игривой живописности Дмитриева и светлого остроумия и глубокого русского юмора Крылова, автор рецензии отмечал, что у Измайлова есть зато «что-то жестоко-обличительное, есть какая-то железная крепость руки, которая безжалостно увечит проступки и преступления».[1] Эта жестоко-обличительная интонация присуща песням и басням, направленным против Булгарина, Свиньина, спесивой «дворянки-буянки», презирающей скромных, простых людей, как и политическим сатирам Измайлова, вроде стихов на отставку министра Гурьева.

Теоретические положения Измайлова расходились в значительной мере с его художественной практикой. В теории Измайлов солидаризируется со взглядами Жуковского на сатиру. Но по духу, форме, основной направленности сатирическое творчество Измайлова, конечно, противоречит концепции Жуковского. В теории Измайлов сторонник поэтики сентиментализма, в письмах к И. Дмитриеву он даже уверял его в решающем влиянии на его творчество басенного творчества Дмитриева. Задачей его всегда являлось, пишет Измайлов, «при всей простоте рассказа» сохранение поэтического «языка богов».[2] Но трудно представить себе что-либо более несовместимое, чем простонародная лексика Измайлова с понятием «языка богов». «Ан черт на мне», «как стелька пьян», «так дура ты сама», «пусть думает, что я ума рехнулся» — так говорят герои Измайлова. И в авторскую речь Измайлов вводит простонародные выражения, вроде «не спущай».

Измайловское творчество некоторыми своими чертами сближается с произведениями народной сатиры XVII—XVIII века, с народным лубком. Характерно, что в конце басни «Клеветник» Измайлов даже дает прямое описание лубочной картинки, изображающей «страшный суд». Далекий от ортодоксальной религиозности и, конечно, от веры в ужасы ада и «страшного суда», Измайлов тем не менее с охотой порою отправляет своих отрицатель-

[1] «Отечественные записки», 1839, т. II, раздел VII, стр. 130.
[2] «Русский архив», 1871, № 2, стр. 962.

ных героев в ад, грозит им адскими муками и знакомством с сатаной. Это можно рассматривать лишь как художественный прием, восходящий к традициям народного творчества, к произведениям такого типа, как например «Крестьянская газета из ада». В ней созданы гротесковые портреты монахов-чернецов, «пьяниц и подлецов», «татей и воров», «богатин»-купцов и «бояр-господ». Всем им за их грехи сатана назначает ужасные муки, зато пришедших к нему нищих, смиренных духом, с «голодным своим брюхом», сатана не принимает и посылает в рай.[1]

Обращение к помощи «нечистой силы», грубость лексики, афористичность, а также и гиперболическое заострение, применяемое при изображении отрицательных персонажей, — черты, характерные для произведений народного творчества; все это восходит к традициям древнерусской демократической сатиры, которая оказала значительное влияние и на творчество передовых писателей XVIII века — Фонвизина, Новикова.

В статье «О рассказе басни» Измайлов, как бы солидаризируясь с карамзинистами, призывавшими писать так, чтобы их «читали дамы», говорит о необходимости учиться простоте и приятности слога в «хороших обществах». Конечно, Измайлов ставил перед собой и задачи создания гладкого, «приятного» слога, но это отнюдь не было главной его целью. В этой же статье, разбирая басню Хемницера «Ленивые и ретивые кони», приводя ее как образец простоты слога, Измайлов одним из критериев для определения ее достоинств называет ее общедоступность. «Прочтите эту басню самому необразованному человеку, например крестьянину, не отлучавшемуся никогда из своего селения: он не найдет в ней ни одного слова, которое было бы для него непонятно».[2] Вряд ли это указание на крестьянина случайно.

До конца своих дней Измайлов сохранил сочувствие к тяжелой доле крестьянства и органически присущую ему ненависть к знатным подлецам и ярым реакционерам.[3]

В художественном отношении у него было много просчетов, —

---

[1] «Русская старина», 1875, № 9, стр. 213—216.

[2] Полное собрание сочинений А. Е. Измайлова, т. 2, М., 1890, стр. 362—363.

[3] Измайлов писал, например, к П. Л. Яковлеву по поводу гнусного произведения, присланного Аракчееву, «Сон Магницкого в Грузине», прославляющего военные поселения. «Дурно то, что много подлости. На всякой странице раз пять или шесть плюнешь от негодования. Когда-то позволят плевать торжественно подлецам в рожу? Доживем ли мы до этих счастливых дней». (Рукописный отдел ПД).

порою ему изменял вкус, и стремление к бытописи приводило его иногда к смакованию излишних натуралистических подробностей. В своих баснях он не достигал той широты и типичности, которой обладали басни Крылова. И все же в истории русской сатиры его творчество, демократическое по своей направленности, занимает заметное место.

10

Творчество Ивана Михайловича Долгорукова отмечено печатью своеобразия, которое бывает обыкновенно присуще только истинным талантам. Долгоруков не витает в надоблачных сферах, со свойственной ему иронией говорит о себе, что он «на откуп взял парнасский сор» («Живет»). Он черпает образы для своего творчества из самой жизни, из быта, его сравнения всегда очень конкретны, вещественны и, вместе с тем, глубоко поэтичны. Вряд ли читатель сможет отнести к «парнасскому сору» пленяющие своей свежестью строки, в которых поэт говорит о своей любимой:

Бывало, коль при ней о чем-нибудь сгруснулось,
Как пар с стекла сойдет, лишь только улыбнулась...

(«Ей же», из цикла стихов к Глафире)

или:

Без тебя, моя Глафира,
Без тебя, как без души,
Никакие царства мира
Для меня не хороши!

Лирические стихи Долгорукова подкупают искренностью, глубиной и теплотой чувства. У многих современников его лирика пользовалась большим успехом. В истории русской поэзии не отмечена до сих пор та несомненно большая роль, которую должны были сыграть своеобразные, оригинальные стихи Долгорукова в борьбе с карамзинистскими поэтическими штампами, устойчивыми формулами условного поэтического языка. У Долгорукова «напевы... не поддельные, не напускные», — писал Вяземский.[1]

Долгоруков создал много лирических, любовных стихов, но, вместе с тем, он был прирожденным сатириком. Даже в своих любовных посланиях к Глафире он рисовал сатирические портреты

---

[1] П. Вяземский. «Старая записная книжка». Л., 1929, стр. 281.

сплетниц, игрока, мота, пьяницы. Он был сатириком по всему складу своего ума и поэтического дарования.

Характерным для его творчества является стремление показать *трагикомедию* жизни

И вправду, что есть жизнь?
Смесь горести с весельем.

(*«Сослуживцу»*)

Все явления действительности он видел именно в их трагикомическом аспекте, смотрел на них как сатирик. И в стихах, и в своих записках, оставаясь наедине с самим собой, Долгоруков, передавая свои наблюдения о жизни провинции или светского общества Москвы, как и говоря о своих собственных жизненных невзгодах и неудачах, отмечал всегда их нелепую (с его точки зрения), трагикомическую сторону.

Осуждая, например, решение Александра I, который дал «высочайшее соизволение», чтобы Долгоруков для получения чина тайного советника, давно заслуженного им, избрал себе губернаторское место где пожелает, «ибо то, которое я занимал, несовместно с следующим мне чином», Долгоруков пишет: «Это значило бы то же, что вместо платежа человеку, который привез ко мне на двор воз дров, посулить ему оной тогда, как он приищет случай ко мне и воды доставить».[1]

Долгоруков не примыкал ни к одной из существовавших литературных группировок. Характерными являются и разноречивые мнения исследователей о творчестве Долгорукова: иные называют его сентименталистом, другие отмечают, что он был резким противником Карамзина и карамзинизма. Объясняются эти противоречия в оценках прежде всего самобытностью творчества Долгорукова, тем, что он в поэзии не был «подражателем». Он был противником сглаженной поэтики карамзинизма, с иронией относился к «чувствительности» эпигонов Карамзина. Он говорит в сатирическом стихотворении «Сердечкину»:

Да будет проклят тот безмозглый книг писец,
Кто первый в кровь пустил яд оспы лжеморальной
И, разум помутя, направил путь сердец
К той жизни, кою мы зовем сентиментальной!

---

[1] Долгоруков. «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни». (Рукописный отдел ПД).

В этом же сатирическом стихотворении Долгоруков поучает: «Рассудка не питай чувствительной тоской».

Эти выпады против «чувствительного» восприятия жизни не единичны в творчестве Долгорукова. С язвительностью выступает он против типичного для карамзинизма идиллического изображения жизни «поселян». Не скупясь на подробности, даже порою грубоватые, Долгоруков рисует истинную картину жизни крестьянства — в тяжелом труде («Камин в Москве»), невежестве и грязи. Вот литературное представление о жизни крестьян:

...прекрасные овечки
С прекрасным пастушком пасутся там всегда,
Лазурный свод небес, прозрачная вода,
Там месяц вместо свеч, а солнце вместо печки.

А вот действительность:

Приехал? что нашел? — Пастух мой как пастух,
Арапником овец претолстым погоняет.
Стрижет их без пощад, и грамоте не знает,
И вместо миртов, ах! какой прескверный дух!

(«Жизнь»)

Долгоруков соглашается с мнением своей жены, что он не умеет с «соловьиной» нежностью воспевать любовь и «воет», когда говорит о любви:

Знать, мне голос дан судьбою
На кручину лишь одну.

(«На шутку жены моей»)

Действительно, нежные, «чувствительные» краски чужды ему, и он не без оттенка ехидства отдает в этом первенство князю Шаликову:

А ты хотел весьма напрасно,
Чтоб в грудь я райску сладость лил;
Тружусь дойти туда всечасно, —
Но ты весь путь уж захватил.

(«Князю Шаликову»)

И этому отнюдь не противоречило то, что Долгоруков назвал собрание своих стихотворений «Бытие сердца моего». Он никогда не выступал против права поэта на раскрытие в поэзии своих переживаний, жизни души, наоборот, он защищал это право. Он не был противником искреннего чувства, он осуждал лишь ложную, фальшивую, слезливую «чувствительность».

В сборнике «Бытие сердца моего» отражена личность поэта, конкретная, реальная: его судьба, жизнь, полная невзгод, несправедливых гонений; его любовь, его тоска, его презрение и негодование. «Бытие сердца моего» — это попытка не только дать свою автобиографию в ее внешнем выражении, описать свою наружность, свои привычки («Я»), но и рассказать о жизни своей души, передать именно движения своего сердца, создать психологическое повествование, поэтический роман о жизни князя Ивана Михайловича Долгорукова, с молодых его лет до печальных дней старости.

Для этого рассказа нужен особый язык — язык сердца.

Строка Долгорукова, нравившаяся А. С. Пушкину — «О, сердца сладкие обманы» («Камин в Пензе»), — эмоционально окрашена. Или, например:

О мир! карал меня ты строго,
Любя седин моих позор!

(«Песнь последняя моим современникам»)

Стихи поэта были продиктованы скорбным и негодующим чувством невинно оскорбленного человека и выражали, прежде всего, отношение поэта к своему несчастью. Такой подход к слову близок к поэтике романтизма.

Но «призрачный» романтизм Жуковского с его мистическим колоритом был чужд Долгорукову. Значительно ближе был ему Батюшков, «ясный», «определенный», как говорил Белинский, Батюшков с его стремлением раскрывать переживания лирического героя в органической связи с действительностью.

Уходя в мир своей души, своего чувства, Долгоруков никогда не забывает о земном, о реальной жизни. Даже его лирика, не говоря уж о сатирах, очень «земная». Поэтому ему близок Державин. Близки Долгорукову и державинская угловатость формы, и изображение ясно «зримого» мира, и обличительные моменты державинского творчества. Как и Державин, Долгоруков тяготеет

к правдивому отражению действительности, что и находит свое выражение в сатирической направленности его творчества. Очень своеобразно сказал о близости поэзии Долгорукова к державинскому творчеству Вяземский: «Не знаю в точности почему... но, читая Долгорукова, я невольно припоминал Державина: разумеется, не того, который парит, а того, который легко и счастливо скользит по земле и метко дотрагивается до всего житейского. Впрочем, не думаю, чтобы Долгоруков именно и умышленно подражал Державину. Он не искал его, а просто сходился с ним на некоторых проселках... В том и другом много житейской философии: в Долгорукове более потому, что он не увлекался в сторону и на высоты. В том и в другом есть поэзия личная, так сказать автобиографическая; но в Долгорукове даже ее более, нежели у Державина; она, может быть, даже живее и разнообразнее. Он более держится около себя, менее обращая внимания на события, а более на впечатления и ощущения свои».[1]

Вяземский высоко оценивал поэзию Долгорукова. Характерно, что излюбленной стиховой формой Вяземского являются сатирические куплеты с повторяющимися припевами. В данном отношении на Вяземского несомненное влияние оказали «Авось», «Везет» и другие стихи Долгорукова.

Жизнь, социальная действительность, конкретные жизненные происшествия, реально существовавшие лица — друзья или враги — входят в стихи Долгорукова, в его сатиры. Его шутливые стихи «Авось» и «Везет», пользовавшиеся шумным успехом у современников, отражают реальные жизненные обстоятельства, говорят о том, что судьба людей в России была подвержена «случаю», то есть зависела от связей в высших сферах общества, от ласкового или сурового взгляда вельможи, фаворита. Эта «случайность» жизни, в которой человека ценят не по уму, не по достоинствам, а по связям, чинам и деньгам, определяет некоторые художественные приемы, применяемые Долгоруковым, когда он рисует действительность. Он часто пользуется приемом контрастов. На контрастном противопоставлении бедности — и связанных с нею унижений — и богатства построено стихотворение «Парфену». На контрасте истинных достоинств человека и его судьбы, отношения к нему людей основаны грустно-иронические определения, когда Долгоруков характеризует самого себя: «Душою был богат, а счастием убог» («Я»), «В приятелях я нищ — в гонителях богат».

---

[1] П. Вяземский. Старая записная книжка. Л., 1929. стр. 278.

Трагикомедия жизни раскрывается Долгоруковым на многочисленных примерах. Существует человек с его внутренними достоинствами: умом, пылкой душой, стремлением к правде, ненавистью к социальной несправедливости, но в дворянском обществе царствуют свои законы — законы моды, глупых обычаев («Нечто для весельчаков»), «законы случая», власти денег, и потому жизнь человека, обусловленная этими порочными законами, протекает вопреки здравому смыслу, разуму. В жизни все происходит наоборот:

Будь честен, добр, умен, но ежели не так
Живешь, как все, — прощай: навеки стал чудак.
...Умен ли — всё ты плут! а скромен — всё дурак!

(«Нечто для весельчаков»)

Если человеку «везет», то все действия его оправданы:

Убей, украдь, сожги, насилуй,
Невинных корчь, злодеев милуй —
Как с гор вода, всё с рук сойдет...

С другой стороны:

Коль денег нет, коль нет и власти,
Среди отчаянной напасти
Вы не добьетеся нигде
Ни есть, ни пить, ниже ночлегу...

(«Везет»)

Очень интересен сатирический автопортрет, созданный Долгоруковым. Это ироническая автохарактеристика, нарочито «сниженное» изображение человека, одаренного несомненными достоинствами, но который говорит о себе с грустной иронией, потому что на жизненном «пиру» ему выпало скромное место. Произошло это потому, что он «в клубок ни перед кем свернуться» не умеет («Я»).

Возможно, что Долгоруков при создании своего поэтического автопортрета преследовал определенную полемическую цель, стремясь к тому, чтобы создать портрет, противоположный нарисованному И. И. Дмитриевым в его стихотворении «Я» (1791).

Дмитриев писал:

Умен ли я, никем еще в том не уверен;
Пороков не терплю, а в слабостях умерен;
Немножко мотоват, немножко я болтлив;
Немножко лгу, но лгу не ко вреду другого,
Немножко и колю, но не от сердца злого,
Немножко слаб в любви...
и т. д.

Автопортрет, созданный И. Дмитриевым, построен по принципам сентиментальной поэтики, проповедующей прежде всего умеренность. Характерно словечко «немножко», эта стыдливая оговорка, этот нарочитый повтор, введенный в стихотворение семь раз. В результате создается обесцвеченный облик среднего человека. Не таков портрет Долгорукова — он нарисован смелой кистью, порою грубоватыми, резкими мазками. Все в нем четко, определенно до предела. Поэт не скрывает своих недостатков, но он и не скрывает своих достоинств. Долгоруков говорит о величине своего подбородка с такой откровенностью, чтобы у читателей не осталось никаких сомнений на этот счет. В полемических целях, стремясь к определенности, резкости портрета, он даже доходит до гиперболического преувеличения, потому что, несмотря на подбородок И. М. Долгорукова, его огненный взгляд, его ум, его остроумие привлекали к нему сердца женщин. Зато с той же откровенностью и даже гордостью он говорит о своем уме, не прикрывая этого словечком «немножко», как И. Дмитриев. И о своей любви к женщинам он говорит также прямо и открыто. Он не стыдится этого, как И. Дмитриев, он смело защищает свое право, право человека на чувство. Все приемы, примененные Долгоруковым, противоречат поэтике сентиментализма — острота характеристик, прямота определений, не сглаженный язык, а очень индивидуальный и своеобразный, характерный для Долгорукова, с просторечивыми оборотами, органически введенными в стихотворный текст поговорками: «близ царя — близ смерти», «жена моя добра, люблю ее как душу — но и подчас трясу ее как грушу» и т. п.

В произведениях Долгорукова разоблачается лживость, гнусность, подлость дворянского общества, начиная с кругов провинциального дворянства и кончая всесильными вельможами.

В сатире «Пир» поэт употребляет нарочито сниженные сравнения для характеристики собравшегося на обеде дворянского общества: «дворянский наш базар», «как мухи зажужжали». Он ставит перед собой задачу показать, что светская благопристойность — это лишь маска, прикрывающая свиноподобные лица. Не случайно,

что когда все за столом перепились, то раздается «рев и стон», характеризующий все это «благородное» общество как сборище зверей. Дворян-взяточников, воров, негодяев Долгоруков называет «почетная чернь» («Приказ швейцару»).

Сатиры Долгорукова разнообразны по форме, по поэтической интонации. Это выдержанные в тонах грустной насмешки и горькой иронии «Авось», «Везет», «Живет», которые в сборниках «Образцовых сочинений в стихах» были включены в раздел «од», хотя ничего общего с классическими одами они не имеют. Это сатиры, решенные в бытовом плане, в которых преобладают «жанровые» картины («Пир», «Приказ швейцару»). И, наконец, созданные в «ювеналовской» манере, основанные на грозно-обличительной интонации, как «Торжество совести», одна из лучших сатир Долгорукова, обращенная против всесильного богача Шереметева. Восклицания, риторические вопросы, гневно-страстные интонации, подбор слов определенной тональности: «бессовестный», «обманщик», «иезуит», «злодейский произвол», «грабительство», «яростной злодей», «кичливый сын великого героя» и т. п., весь патетический стиль сатиры передает чувство справедливого возмущения автора. Это не сатира классицизма, в которой невозможен столь свободный разлив негодующего чувства, это произведение, близкое по стилю к линии гражданской поэзии, к произведениям Гнедича, Милонова. Такова и ода Долгорукова «Невинность», созданная поэтом по поводу известного всем факта — несправедливого отрешения его от должности губернатора. Когда «Невинность» была прочитана 26 мая 1816 года в публичном собрании московского Общества любителей российской словесности, профессор Сандунов, найдя в ней места опасные, которые не понравятся правительству, отказался от звания члена общества, позволяющего себе публично читать такие дерзости.[1] Сандунова особенно возмутили строки, которые при желании можно было применить к Александру I:

Герои — те же человеки,
Своим подвластные страстям;
Об них писали в разны веки
Одно и то ж по всем странам.
Похвал богату дань приемлют,
Но часто в сладкой неге дремлют,
Не смея совести будить;

[1] М. А. Дмитриев. Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения. М., 1863, стр. 122.

Чужим землям уставы пишут,
А сами славой только дышут,
Алкая мир весь разорить.

Завоеватель на престоле
Еще не есть желанный царь...

В будущем обличительное звучание многих произведений декабристской литературы будет определяться понятными для читателя подтекстами, возможностью «применений».

Чуждый законам классицистической поэтики, Долгоруков не признает строгой иерархии жанров, в его сатирах тесно переплетаются лирические мотивы с сатирическими. Для него не существует также ни «высоких», ни «низких» слов, так как он хочет передать прежде всего свой язык, язык определенного человека. Поэтому он вводит в свою поэтическую речь созданные им самим слова, как, например, «театрить». Он широко использует в стихах элементы просторечия, народные поговорки, тем самым стремясь к обогащению литературного языка. О себе он говорит: «Я правде крепостной слуга» («Соседу»), «И я мужик хоть немудреный» («Камин в Москве»), свой дом называет «избой» («Спор»), о светской кокетке Селимене говорит: «По-русски молвить: мягко стелет, да жестко, сказывают, спать» («Параше»). Народные поговорки испещряют его поэтическую речь: «Судьба моя, судьба, судьбинушка лихая» («Судьбе»), «Кто по прибаске русской, ножки тянуть умеет по одежке» («Камин в Пензе»), «Хоть щей горшок, да сам большой» («Соседу») и т. п.

По своим политическим взглядам Долгоруков был типичным представителем дворянского либерализма. Он встретил сочувственно учреждение министерств, все «либеральные» реформы начала царствования Александра I, но когда будущее показало лицемерие политики царя, он разоблачал это лицемерие в своих записках. Долгоруков мечтал о том, чтобы в России все вершилось не по произволу «высокого» лица, а согласно законам. Верен своим взглядам Долгоруков остался до конца своих дней, свидетельством чего является его неопубликованная трагедия «Султан и Фатима» (1820), беспомощная как драматургическое произведение, но интересная нарисованным в ней образом «идеального» конституционного монарха. Царь Ракламвон говорит:

Отечество! Закон!
Вам весь принадлежит до гроба Ракламвон.

Образу идеального монарха противопоставлен образ монарха-тирана (с явным намеком на судьбу Павла I):

> Нет узника бедней монарха на престоле,
> Который всё своей порабощает воле;
> Его страшится чернь, бояр собор бежит,
> Злой ревности огонь во всех сердцах кипит.
> Средь воинства найти защиты не умея,
> И в омуте коварств, один, всего робея,
> Как часто, окружив штыками свой дворец,
> Находит на одре насильственный конец. [1]

«Историк собственного своего сердца», [2] — так сказал о себе Долгоруков. В собрании своих стихов «Бытие моего сердца» он поставил перед собой задачу показать «все оттенки чувств», «перемену в образе мыслей, ход их в разных возрастах жизни» [3] — то есть он попытался в своей книге раскрыть *становление* своего характера, дать поэтическое изображение своих чувств и мыслей не статически, а в их движении. Сам он именно в этом видел «ключ» своей оригинальности. В своих сатирах он сделал некоторые попытки и социального обоснования бытия человека.

Поэтому в истории русской поэзии талантливый лирик и сатирик И. М. Долгоруков должен занять законное место.

11

«Действительный поэт», — сказал о Михаиле Милонове в своем «Парнасском адрес-календаре» Воейков, который немногих удостоил этого высокого звания. У Милонова был большой талант, который лишь в силу обстоятельств его жизни не смог раскрыться во всей своей полноте. Современники считали наивысшими поэтическими достижениями Милонова сатиру и элегию.

Широкими были дружеские и литературные связи Милонова: он писал восторженные письма Вяземскому, читал свои сатиры Хвостову, дружил с Измайловым, Александром Тургеневым. В его лирике есть произведения, близкие по художественной манере и

---

[1] ЦГАЛИ, фонд Долгорукова.

[2] И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни (Рукописный отдел ПД).

[3] И. М. Долгоруков. Бытие сердца моего, ч. 1, М., 1817, стр. XV.

к Жуковскому, и к Батюшкову, и все же во все стихи, даже подражательные по форме, он вносил что-то свое. Мужественность дарования отличает его стихи. Принципиальное значение имеет то, что он придерживается «классической» формы сатир, подчеркивая этим свою связь с традицией «высокой» обличительной сатиры XVIII века. Бедняк и разночинец по своему месту в жизни, близкий этим к Измайлову, он был прежде всего поэтом гражданственной направленности, хотя в его творчестве и переплетались различные тенденции и влияния. Вероятно, именно эту основную направленность творчества Милонова, его гражданственность, имел в виду Белинский, когда поставил его имя рядом с именем Гнедича, сказав: «Гнедич и Милонов были истинные поэты...»[1] В этой связи не случайным является и серьезный интерес Милонова к творчеству Радищева.[2]

Сатиры, занявшие в поэзии Милонова очень значительное место, в которых поэт высмеивает нравы дворянского общества, обличает вельмож-временщиков, тесно связаны с другими его произведениями, с важными темами его творчества.

В «Послании к земледельцам» (1810) Милонов ставит на первое место в обществе класс «земледельцев» — крестьян, в чьих полезных трудах скрыта жизнь «царств, их счастье и свобода». Эта мысль определяет и художественное раскрытие темы. В «Послании» нет бытовых подробностей, поэт решает крестьянскую тему в плане высокой героики. Он стремится к созданию впечатления скульптурности, пластичности образов жнецов, образа нежной матери-крестьянки. Героическому решению темы соответствует и высокий лексический строй послания — «мзда», «плодоносящие нивы», «тек стезей», юноши и девы «преданья давних лет внимают в восхищении» и т. п. Послание Милонова близко к таким произведениям русской поэзии, как, например, «Рыбаки» Гнедича, который также «героизировал» жизнь русского народа. Для Милонова именно крестьяне являются образцом высокой добродетели, он противопоставляет их порочным богачам. И если сопоставить «Послание земледельцам» с сатирами Милонова, то становится особенно ясен глубокий обличительный смысл хотя бы сатиры Милонова «На женитьбу в большом свете», в которой он разоблачает развращенность нравов дворянского общества.

24 октября 1812 года Милонов с горестью писал Грамматину

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 1. М., 1953, стр. 64.

[2] «Библиографические записки», 1859, № 10, стр. 291, 293. Письма М. В. Милонова к А. Ф. и Н. Ф. Грамматиным.

о сдаче Москвы, но он возлагал надежду «на бога, на храбрость солдат, которые дерутся как львы, и на народ русский».[1] В поэзии Милонова мы встречаем образы большой обобщающей силы, свидетельствующие о том, что он сумел оценить значение народа. В его стихах с темою славы отечества сплетается тема славы народа и тема поэта. Поэт — сын народа, говорит Милонов в стихотворении, посвященном смерти Державина, одного из его учителей в поэзии:

Отчизна вещает, твой гроб обнимая:
С величьем народа родится поэт.

Принципиальными для творчества Милонова являются его сатира «К Рубеллию» (1810), в которой современники видели портрет Аракчеева, и «Отрывок из Луциллиевой сатиры» (1810). Современники считали их принадлежащими к «важному» роду, в противоположность «веселому» роду сатир с преобладанием шутки, насмешки.

Сатиры «К Рубеллию» и «Отрывок из Луциллиевой сатиры» принадлежат к лучшим образцам сатирического творчества Милонова, потому что сильной стороной его таланта был пафос негодования, и с наибольшей силой этот пафос проявился именно в этих двух сатирах. Краткие, исполненные энергии периоды, насыщенные большой эмоциональной силой, звучащие как приговор противопоставления («Бесславный тем подлей, чем больше ищет славы», «Наемная хвала — бесславия венец»), стремительный ход мысли отличают сатиру «К Рубеллию». Имя Персия, грозного сатирика-обличителя, никогда не писавшего в действительности сатиры «К Рубеллию», было нужно Милонову для дополнительного эмоционального ключа, оно помогало созданию обобщенного образа. Отталкиваясь от портрета, от «лица», Милонов, несомненно, в этой сатире ставил перед собой и задачу создания собирательного образа временщика.

О том, что он писал на «лица», Милонов оставил много свидетельств в письмах, а в шутливом «Послании просительно-покорно-стихотворном» к Политковскому поэт включает себя в число «затейливых писак», которые «пишут на лицо, презрев иносказанья». Портреты реальных лиц созданы Милоновым и в его сатире 2-й «К Луказию», направленной против плохих поэтов. Но вместе с тем, имея в виду конкретных лиц, он постоянно вводит

[1] «Библиографические записки», 1859, № 10, стр. 297. Письма М. В. Милонова к А. Ф. и Н. Ф. Грамматиным.

в свои сатиры резко, категорично звучащие поэтические фразы, формулы, как бы являющиеся итогом, обобщающим выводом из отдельных, конкретных примеров:

Будь дерзок, подл и льстец — и слава твой удел!

Или:

Невежд и подлецов не редко вводят в честь!

(«К Луказию»)

Преступник чем знатней, тем боле безопасен.

(«К моему рассудку»)

В 6-й сатире Милонова (1810), являющейся одной из лучших в его творчестве, звучит с такой же силой, как и в сатире «К Рубеллию», пафос негодования против социальной несправедливости, против того, что «везде лишь сильному предстательство и кров».

Сатирическое творчество Милонова может служить одним из примеров тесной связи сатиры с конкретной исторической действительностью. В 1810 году, когда передовым кругам общества уже был ясен отказ Александра I от «либеральной» политики начальных лет царствования, Милонов пишет свою первую гражданственную сатиру, направленную против Аракчеева. Война 1812 года заставляет народ забыть о внутренних врагах, объединив все свои усилия на борьбу со страшным внешним врагом — Наполеоном. После победоносного окончания войны Милонов разделяет восторг многих своих товарищей по поводу победы над Наполеоном и смотрит на Александра I некоторое время как на «великого» царя великого народа. Священный союз, наступление реакции рассеивают скоро все иллюзии.

Сатирическое творчество Милонова 1818 года можно рассматривать как отражение роста самосознания народа после Отечественной войны. Принципиальное значение имеет стихотворение Милонова этого периода, относящееся к Жуковскому, в котором он, осуждая Жуковского за «галиматью» (намек на «арзамасскую» деятельность Жуковского), резко и прямо объявляя о своем расхождении с Жуковским, гордо называет себя Ювеналом. Именно в это время, в 1818 году, он готовит издание своих сочинений. Знаменательно принятое в этом издании расположение сатир, как бы «кольцевое»: бытовые, литературные сатиры обрамляются остро обличительными, имеющими политическое значение.

С шестой сатирой тесно связаны и сатирические послания

Милонова 1818 года — «Послание в Вену к друзьям» и «Послание к Н. Р. П<олитковскому>», полные саркастических выпадов против самого Александра I. В «Послании в Вену к друзьям», иронически обыгрывая слово «спокойно», контрастирующее с тем волнением, которым были охвачены передовые круги русского общества по поводу тогдашней политики Александра I, Милонов говорит о министрах, которые «все спокойны», и о царе, который,

Обширно царство оставляя,
Спокойно едет на конгресс.

Удачным образцом политической сатиры является первая часть милоновского послания к Политковскому, в котором поэт, делая вид, будто он прославляет царя, едко высмеивает его. Милонов издевается над страстью царя к военным парадам, насмешливо изображает участие самодержца в закладке храма. Иронический эффект создается посредством пародирования приемов эпического повествования, пародийным использованием церковнославянизмов, столкновением «высокого» и «низкого». «Прияв», «в державну длань свою» — так говорит Милонов о царе, но этот возвышенный лексический строй выглядит комически, когда оказывается, что монарх «приял» такие «низменные» предметы, как камень и лопатку.

Остро пародийно и изображение священнослужителей, которые, «горѐ имущ сердца, брады и очеса», лишь мрачили небо куревом кадил. Бессмыслица всего происходящего подчеркивается восторженным возгласом пастыря Августина, который вещал: «Где мы, *на что* и *что* мы се творим», и толпы народные склонились перед ним «во знак согласия».

В своей оценке многих явлений действительности этого периода Милонов прямо перекликается с деятелями тайных обществ. Вот одна небольшая, но характерная деталь: Милонов пишет в послании к Политковскому, имея в виду здание Московского университета:

Я зрел храм наших муз еще необновленный,
Экзерциз-гауз близ, взнесенный к облакам,
На диво зданьям всем в трофей сооруженный
И во вместилище тьмочисленным полкам.

А вот что записывает в июле 1818 года Николай Тургенев в своем дневнике: «Огромный экзерцир-гауз, среди еще свежих развалин Москвы и подле университетского скелета, являет одну из причин, вредных благоденствию России. Вид этого огромного

гроба рассудка противен душе и заставляет невольно пожалеть о достоинстве человека».[1]

Если в «Послании к Н. Р. Политковскому» Милонов использует славянизмы с пародийной целью, то функция их в «Отрывке из Луциллиевой сатиры» иная. Милонов в данном случае сближается с Радищевым, который в оде «Вольность» пытался посредством славянизмов передать высокий строй чувств гражданина. В творчестве Милонова много превосходных стихов, написанных «легким», изящным слогом, но именно в сатирах «К Рубеллию» и «Отрывке из Луциллиевой сатиры» — произведениях гражданственной направленности — он отказывается от него. Причем, как нам кажется, вся звуковая инструментовка шестой сатиры построена также по радищевскому принципу — основана на нарочитой затрудненности произнесения. Радищев, создавая в поэзии политическую терминологию, стремился к тому, чтобы в «негладкости стиха» было передано изобразительное выражение «трудности самого действия».

Милонов пишет:

Суды — суть торжища, судьи — враги закону,
Бесчестьем осквернен и самый сан жрецов...

Или:

Где любомудрый взор, стрегущий суд и брани? —

такие поэтические строки произносились с трудом, но эта затрудненность была преднамеренной. Это было реакцией на сглаженность стиля карамзинистов, попыткой приспособить поэтическую форму к выражению мысли поэта-гражданина. Подобного метода будут придерживаться впоследствии Катенин, Кюхельбекер, Рылеев, который высоко ценил Милонова, называя его «бич пороков».

Милонов-сатирик был предшественником поэтов-декабристов. Он писал в стихотворении, посвященном смерти Кутузова:

Здесь пишет не поэт — здесь плачет гражданин.

Эти стихи предвосхищают знаменитые слова Рылеева: «Я не поэт, а гражданин». И совершенно сознательно Рылеев подражал милоновскому «К Рубеллию» в своем «К временщику». Сочинения Милонова вышли незадолго перед тем, стихи его были у всех на слуху. Рылееву достаточно было ввести в свое стихотворение знакомые строки милоновских стихов, чтобы все сразу поняли, что имеется в виду именно Аракчеев.

---

[1] Архив братьев Тургеневых. Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816—1824 годы, т. 3. Пг., 1921, стр 130.

* * *

Горчаков, Долгоруков, Милонов, Нахимов и другие унаследовали боевой дух сатиры века Просвещения.

В некотором отношении они ослабили боевую направленность просветительской сатиры, в частности в вопросе о крепостном праве, который они слишком робко ставили. Но все же их творчество было выражением общественной активности. Они обличали паразитизм и нравственное разложение дворянства, страшную язву крепостничества — взяточничество, от которого прежде всего страдали простые люди, обличали произвол властей, поднимали голос и против самого царя. Дух независимости, ненависть к угодничеству характеризовали большинство русских писателей начиная с Кантемира. В плеяду «непокорных» входят и писатели-сатирики конца XVIII — начала XIX века.

Отзвучали прочитанные на собраниях различных литературных обществ стихи Горчакова, Долгорукова, Милонова, ушли из жизни все эти разные поэты, которым при всех их различиях было свойственно общее желание — говорить «истину», обличать пороки. Но томики их стихов стояли на книжных полках, а наиболее острые сатиры, оставшиеся в списках, продолжали переписываться в рукописные сборники и в 20-е, и в 30-е годы XIX века, и даже позже. Произвол, отсутствие законности, попирание человеческого достоинства продолжали существовать в жизни, и боевая общественно-политическая направленность творчества этих поэтов прекрасно ощущалась реакционным правительством.

В 1827 году Николай I запретил печатание сатиры Горчакова «Русский у подошвы Чатырдага». В 1849 году, когда Смирдин предпринял новое издание стихов Милонова, цензор Шидловский изъял многие стихи из его сатир, так что издание вышло в изуродованном виде. В 1852 году не была пропущена цензурой сатирическая ода Долгорукова «Авось», так как в ней цензор усмотрел «под видом шутки кощунство и вольнодумство, кои легко могут иметь сильное влияние на сердце и душу людей необразованных».[1]

Творчество поэтов-сатириков конца XVIII — начала XIX века, взятое в соотношении с творчеством видных деятелей русского просвещения, больших писателей — Новикова, Фонвизина, Крылова, Державина, говорит о силе «критического», сатирико-обличительного направления в русской литературе, значение которого подчеркивали Белинский, Добролюбов, Чернышевский.

---

[1] ЦГИАЛ.

Советские исследователи поставили вопрос об ошибочности созданной дворянскими критиками концепции литературного развития начала XIX века, в которой решающая и определяющая роль отводилась карамзинизму.[1] Исследователи показали большое значение для развития всего историко-литературного процесса начала века творчества Радищева, Крылова, Державина и, взятого в целом, идейного наследия века Просвещения.

Творчество Горчакова, Долгорукова, Нахимова, Измайлова, воспитавшихся в значительной мере на просветительских идеях, говорит о том, что в начале XIX века существовал довольно широкий круг писателей, которые, следуя прогрессивным традициям XVIII века, боролись за создание литературы, отражавшей реальные противоречия действительности, подготовляя тем самым литературу будущего — литературу критического реализма. Творчество этих поэтов, благодаря своей сатирической направленности, вело их к преодолению условных схем поэтики классицизма. Именно сатира, сближая литературу с действительностью, сталкивая ее с социальными вопросами, создавала наибольшие возможности для сближения с жизнью, именно в сатирических жанрах происходило постепенное созревание реалистических элементов.

Творчество Горчакова, Долгорукова, Нахимова, Воейкова, Измайлова явилось одним из звеньев, связывающих XVIII век, в котором родилась «высокая» сатира, преследующая «учительные» задачи, с первыми десятилетиями XIX века, когда на литературном поприще как баснописец выступил И. Крылов. Не случайным потому является интерес, проявленный Пушкиным к творчеству сатириков конца XVIII века. «Писатели второстепенные приготовляют поприще для писателей первоклассных, — писал С. Аксаков, — для великих писателей, которые не могли бы явиться, если б предшествующие им литературные деятели не приготовили им материала для выражения творческих созданий, — среды, в которой возможно уже проявленье великого таланта...»[2]

Немаловажное значение для общего развития русской сатиры имел широко применявшийся сатириками конца XVIII — начала XIX века литературный вид сатиры «на лица». Знаменательно, что молодой Пушкин в своих сатирических стихах воспользовался опытом сатиры «на лица» старшего поколения сатириков. Грибоедов в «Горе от ума» с необыкновенной силой художественного

---

[1] См. Вл. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. Л., 1950, стр. 33; Г. Макогоненко. Радищев и его время. М., 1956, гл. 8.

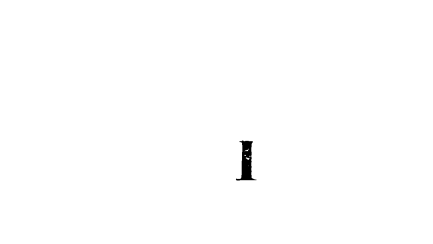
[2] С. Аксаков. Разные сочинения. М., 1858, стр. 5—6.

обобщения создал типические образы представителей современного ему общества. И вместе с тем современники увидели в отдельных образах комедии известное отражение индивидуальных черт представителей московского дворянского общества, знакомого Грибоедову. Гениальный художник Грибоедов, отталкиваясь от изображения известных ему лиц, осваивая опыт сатиры «на лица», пошел дальше поэтов-сатириков конца XVIII — начала XIX века, сумел решить одну из основных задач реализма — задачу изображения типического характера в типических обстоятельствах. Но на путях и подступах к решению этой проблемы в общем движении русской литературы к реализму имел большое значение и принцип отражения действительности при помощи чистой «портретности».

О литературном и общественном значении творчества сатириков конца XVIII — начала XIX века — Горчакова, Долгорукова, Нахимова, Милонова, Воейкова — свидетельствует то, что их опыт был учтен молодым Пушкиным, частично Грибоедовым, то, что некоторые их художественные приемы нашли свое продолжение в творчестве поэтов-декабристов, первых дворянских революционеров, а в последующем в творчестве поэтов «Искры».

На новом историческом этапе великий сатирик-реалист Салтыков-Щедрин создаст типические, обобщенные образы «безголовых» градоначальников, «бездушных» помпадуров. Вместе с тем читатели узнают в графе Твэрдоонто реакционного министра графа Толстого, третье письмо из цикла «Писем к тетеньке» произведет подлинный переполох в царской цензуре и дойдет до самого Александра II, и царь, читая его, увидит, что, говоря о членах «Общества частной инициативы спасения», Салтыков-Щедрин имел в виду членов «августейшего семейства» — членов самого царского дома, вдохновителей конспиративной контрреволюционной организации «Священная дружина». Так войдет в творчество великого писателя-реалиста как один из элементов сатирического обличения и метод «портрета», восходящий своими истоками еще к XVIII веку, веку Просвещения.

Г. В. Ермакова-Битнер



I

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ ГОРЧАКОВ

Д. И. ГОРЧАКОВ

Князь Дмитрий Петрович Горчаков родился 1 января 1758 года, в Костромской губернии, в родовитой, но небогатой семье. Получив хорошее домашнее образование, юношей он поступил на военную службу, причем, служа в корпусе войск на Кубани, обратил на себя внимание Суворова. В 1780 году, в чине секунд-майора, он вышел в отставку (очевидно, оскорбленный тем, что его заслуги недостаточно оценили в высших сферах) и поселился в своем имении в Тульской губернии. Он жил также подолгу и в Москве.

Писать стихи Горчаков начал, по-видимому, в 70-х годах XVIII века.[1] В 1786 году широкую известность приносят ему комические оперы «Калиф на час» и «Счастливая тоня».

Интересно, что, находясь в отставке, Горчаков в 1790 году участвовал в знаменитом штурме турецкой крепости Измаил. Он был тяжело ранен во время штурма и страдал от своей раны всю жизнь. Суворов в своем рапорте Потемкину от 21 декабря 1790 года о взятии приступом Измаила называет «отставного майора князя Дмитрия Горчакова» в числе тех, которые «храбростию и неустрашимостию своею подавали пример подчиненным» (ЦВИА).[2]

---

[1] Ему приписывалась поэма «Соловей» на мотивы новеллы Боккаччо, и есть свидетельство, что существовал ее список, относящийся к 70-м годам.

[2] В биографии Горчакова есть неясности. Не совсем понятно, почему он, при влечении к профессии военного, не продолжал идти по этому пути. В «Записках Селивановского» («Библиографические записки», 1858, № 1, стр. 518—519) мы встречаемся с любопытным сопоставлением судьбы Радищева и Горчакова. Говоря о процессе Радищева и его ссылке, Селивановский пишет: «Вспомним еще одного русского писателя, подвергшегося той же участи. Это Горчаков, автор Г-ды, глупой.., поэмы, напечатанной и переведенной

В 1796 году была издана «российская повесть» Горчакова «Пламир и Раида». В 1801 году в Петербурге исполняется его комедия в стихах «Беспечный». В 1804—1806 годах ряд стихотворений Д. Горчакова печатается в журнале «Друг просвещения». 10 августа 1807 года его принимают в члены Российской Академии. Сообщение об этом он получает, находясь в Крыму. Он приехал в Симферополь 12 октября 1807 года (Архив Акад. наук СССР). В 1811 году он был избран членом Беседы любителей русского слова.

В царствование Александра I Горчаков служит в должности таврического губернского прокурора и является правителем дел в Молдавской армии, при главнокомандующем М. Л. Кутузове, с которым в 1812 году он возвратился в Петербург. Один сохранившийся документ дает возможность предполагать, что Горчаков был назначен в 1813 году костромским вице-губернатором по ходатайству Кутузова. В октябре 1815 года он вступил в отправление должности костромского гражданского губернатора, но уже в 1816 году вышел в отставку в скромном чине коллежского советника. Возможно, успешному продвижению Горчакова по службе мешало его сатирическое творчество. Князь Д. П. Горчаков стал доживать свой век в Москве.

Стоит отметить, что он присутствовал 8 января 1815 года на публичном экзамене в Царскосельском Лицее, когда юный А. С. Пушкин читал «Воспоминания в Царском Селе». Скончался Горчаков 29 ноября 1824 года в Москве.

им с французского... Кто-то мне сказывал, что профессор Мерзляков однажды прочитал ее всю одному приятелю и сжег в печи...» Общеизвестно, что А. С. Пушкин приписывал свою «Гавриилиаду» Горчакову, опираясь на его репутацию сатирика и вольнодумца, и исследователи даже допускали существование двух «Гавриилиад» — Горчакова и Пушкина. Из сопоставления имен Радищева и Горчакова нельзя делать каких-либо выводов об идейной близости Горчакова и Радищева, но возможно предположение, что Горчакова преследовали по поводу его дерзких, антиклерикальных выпадов в его сатирах. Если бы не существовало какого-то «дела» Горчакова, о котором, вероятно, знали современники, то вряд ли могло возникнуть это сопоставление судеб Горчакова и «политического преступника» Радищева.

‹ПОСЛАНИЕ К Д. И. ХВОСТОВУ›

Хвостов, любезный друг, послушай мой рассказ:
Вчера мне вздумалось заехать на Парнас,
Надеясь, что могу там видеться с тобою
И кой о чем спросить. Но ах, какой судьбою
Пустым-пустехонек Парнас я весь нашел...
С досады тотчас я назад было пошел,
Как вдруг попался мне в глаза Карин, по счастью.
«Скажи, любезный друг, — спросил я, — иль к ненастью
Нет никого у нас? Где Николев, Хвостов,
И где возлюбленный дружище наш Шипов?
Парнас наш опустел, на нем увяли розы,
Не только что стихов — не слышно здесь и прозы.
Куда все разошлись? ну, ежели врасплох
Пожалует сюда теперь Чертополох!
Он может завладеть нечаянно Парнасом
И будет нас глушить своим нескладным гласом.
Уж Доброхотова велел он оседлать
И, седши на него, воздвигнуть хочет рать,
Своими воружась прескучными стихами,
Надеясь ими нас сразить, как треухами,
Или — по крайности — надолго усыпить.
Возможно ль дать ему воды кастальской пить?
Неужто Николев с скотами примирился
И гнев его на них внутрь сердца затворился?
Неужто, умягчась, любезный наш Хвостов
Оставил поражать марающих скотов?!.
В сем граде При́лияки еще не истребились,
А мы уж их карать стихами прокладились.

Неужто, удалясь от Иппокренских вод,
Шипов поехал жить в янтарный свой завод?!.
И из чего он так живот свой тамо мучит,
Ведь янтарей чрез то себе он не получит,
А разве несколько американских бус...
Давно ли у него испорченный стал вкус?
И так умножилось Меркурию расходу,
И ныне входит он у многих нечто в моду.
Да что же — и Парнас, я вижу, не метен...»
Кари́н мне отвечал: «Наушкин ведь влюблен.
Все разбрелись отсель. Что делать — я не знаю,
И как мне их собрать — ей-ей не понимаю.
Вот мой совет: теперь начни-ка ты писать,
Авось, либо тебе удастся всех забрать».
Послушайся меня, я речь его внимаю
И для того тебе, мой друг, напоминаю,
Что время нам опять раздуть погасший жар
И дополнять скорей Шипова календарь.

Начало 1780-х годов

ОТВЕТ НА ОТВЕТ

В Париже Палиод, волшебный взяв лорнет,
Смеялся дуракам и выставил их в свет,
Но нужен был лорнет для дураков французских,
А я Чертополохов русских
Могу и без него узреть, когда хочу,
Я часто вижу их и часто хохочу,
Но тем ты недоволен,
И, дружбою своей мой измеряя дар,
Велишь мне им нанесть сатирою удар.
Желал бы этого я быть уволен.
Вить я не Боало, вить я не Полисот, —
Разинут на меня невежды рот
И тьмою глупостей, как грязью, забросают.
Однако же они меня не ужасают!
Приемлю твой совет,
И, не страшася бед,
Я с малыми стихами
Сражаюсь с олухами.

Однако же и ты свой дар не оставляй,
И к пользе наших дней себя ты прославляй.
Мной будут дураки караться,
А умные тобою утешаться.

Начало 1780-х годов

СВЯТКИ

В России лишь узнали
Рождение Христа,
Отвсюду поспешали
В священные места
Писателей толпы Христу на поклоненье.
Иные, чтоб дитя узреть,
Другие, чтоб с ослом иметь
Приязнь и обхожденье.
Ученого собранья
Директор первый влез,
Достойную вниманья
Он речь Христу принес,
Подбористым письмом
На беленькой бумажке,
Однако прочитать всего
Не мог затем, что у него
Случилось . . . .
За оным приближался
С посланием Хвостов,
Младенец испужался
Его обиняков —
Вскричал: «Не тронь меня! тебя я не замаю!»
— «Небось, — сказал ему Хвостов, —
Я только лишь одних скотов
В стихах моих караю».
Но только лишь ввалился
Фон Визин, вздернув нос, —
Тотчас отворотился,
Заплакавши, Христос
И ангелам сказал: «Зачем его впустили?
Моим писаньем он шутил,
Так вы б его, лишь он вступил,

К ослу и проводили».[1]
Потом стихотворитель
Микулин прибежал,
Крича: «Тебе, Спаситель,
Я оду написал.[2]
Вели, чтоб к оной все вниманье приложили».
Но ах! лишь начал он читать,
Осел так сильно стал визжать,
Что их не различили.
На визг осла святого
Капнист во хлев спешил,
За брата он родного
Осла давно уж чтил,
И тут хотел отдать поклон ему усердный.
«Прочь, прочь! — сказал ему осел, —
Визжаньем ты вредить хотел,
А я осел безвредный».[3]
За ним Арсеньев следом,
Прославиться хотя,
С украденным обедом
Пришел перед дитя.
Христос ему сказал: «Хоть ты имеешь пару
Мидасовых, мой друг, ушей,
Однако рук его, ей-ей,
Иметь не можешь дару».[4]
Арсеньев осердился,
Ему смеялся всяк...
Но младший появился
Хвостов, вещая так:
«Я басенку скажу дитяти в утешенье».
Христос был слушать басни рад,

---

[1] Ф. В. имеет привычку шутить в своих комедиях насчет стиля священного писания.

[2] Мик., неизвестный почти стихокропатель, пишущий изо всех сил оды во роде, который французы называют <неразб.>, а он почитает родом Ломоносова.

[3] Капнист начал тем, что написал сатиру, в коей он разругал всех современных ему наших авторов, кроме себя; из чего мы заключили, что, кроме его, никто писать не умеет, но осел, как видно здесь, не нашего мнения.

[4] Мидасовы руки имели дар превращать в золото всё, до чего бы они не коснулись, но речи Ар... не озолотили украденного им у Боало обеда.

Он знал творца хороший склад
И их употребленье.
Спокойно все сидели,
Читать хотел Хвостов,
Вдруг двери заскрипели,
И входит Калычов.
Кричит: «Давно прочесть я драму вам старался!»
Но только молвил: «Адельсон. . .», [1]
На всех напал ужасный сон,
И он с ослом остался.

1781 (?)

<Письмо к Г. И. Шипову>

Ахти, любезный мой Шипов!
Куда деваться нам с тобою?
Грозят нам лютою судьбою
По истечении веков.
Стращают огненной рекою,
И бесконечною тоскою,
И растопленною смолою,
И, словом, страшной той тюрьмою,
Где черти в виде палачей
В кипящий стащат нас ручей
И в чудной бане станут парить,
Иль, посадя на вертел, жарить.
От этих преужасных слов
Мои все члены содрогают!
Боюсь я адских драгунов,
К которым нас препровождают
И пустосвяты, и попы,
И старых набожниц толпы,
И четконосцы-лицемеры,
И псалмопевцы-суеверы,
И весь оклобученный люд,
Кричащий нам про страшный суд.

Но дверь небесна отворилась,
И тьма лучей распространилась,

[1] «Адельсон и Сальвиний» — смертоносная трагедия, не знаю почему названная гражданскою.

Подобно огненной реке,
Средь коих женщина прелестна,
Ханжам нимало не известна,
Имуща зеркало в руке,
В другой держа весы златые,
Оставила места святые
И на земной спустилась круг.

Я, чаю, ты видал, мой друг,
Как луч блистающего Феба,
Раскрася часть восточну неба
И позлатя вершины гор,
Слепит мышей летучих взор
И гонит в щели, дупла, норы
Врагов румяныя Авроры.
Так сей жены небесной взгляд
Рассеял тотчас весь отряд
Свирепых этих людоедов,
И я избавился их бредов.
«Не бойсь, — она сказала мне,
С умильностью подавши руку. —
Забудь чертей, и ад, и муку,
Как будто видел их во сне.
Не мни, что четки и вериги
Любила я когда-нибудь;
Что спряталась в священны книги,
Стараясь смертных обмануть;
Что милы постные мне хари,
Обманщики и дураки;
И эти ползающи твари,
Носящи черны клобуки;
Что я загадку загадала,
Которой смысл прямой на смех
Скрывая тщательно от всех,
Лишь этим гадинам сказала,
И что одних нелепых врак
Умы людские тмящий мрак
Для всех единственное средство
Достать небесное наследство.
Сии природные кроты,
Своей стыдяся слепоты,
Ругают тех, кто может видеть,

И вздумали творца любить
Затем, чтоб право получить
Его творенье ненавидеть.
Мой свет — источник всех утех,
И доступ всяк к нему имеет.
Он взор слепит лишь только тех,
Кто им питаться не умеет.
Заметь великих всех мужей:
Они, к прямой идущи цели,
Меня во всем сияньи зрели,
Отнюдь не жмуривши очей;
Тогда как гнусные уроды,
Позор и срам всея природы,
Охрипли, уверяя свет,
Что луч мой тьму наносит бед
И тот погибнет непременно,
Который, мысля дерзновенно,
Узрит меня не в их очки:
А их и трусят дурачки.

Не верь безумным их рассказам,
Ни их умышленным проказам;
Не верь умильным их речам,
Ни потупле́нным их очам.
Не хуже древния Цирцеи
Проворны эти чародеи
Готовят людям хитрый ков;
И те, кто их питье вкушают,
Свой прежний образ оставляют
И превращаются в скотов.
Тогда они, прибрав их в руки,
Кладут на них тяжелы вьюки
И, сидя на иных верхом,
Упрямых потчуют кнутом.

Как, ведая, что вышня сила,
Произведя на свете яд,
Для общей пользы, с ним же в ряд,
Лечебны травы насадила, —
Ты мог так худо мнить об ней,
Чтоб, видя страждущих людей
Болезньми, горестьми, бедами,

Она лютейшими огнями
Казнила слабый перевес
Их лютых мук и горьких слез?
Чтоб миг обманчивой забавы,
За коей тотчас вслед спешат
Неложных горестей отравы,
Имел у ней наградой ад?
О смертный! в промежутках бедства,
Когда к тому имеешь средства,
Спеши, спеши вкусить утех.
Не их невинно наслажденье,
Но сумасбродно пресыщенье
В глазах рассудка — смертный грех».

Вот что мне Истина сказала,
Чтоб мой рассеять страх пустой,
И, скрывшись в облак золотой,
Тотчас из глаз моих пропала.
Однако пламенной стезей,
Светлейшей тысячей огней,
Вселенну долго озаряла.

Теперь, любезный мой Шипов,
Из сказанных тебе стихов
Мы можем сделать заключенье,
Что нам пустое поученье
Нередко в пышных врут словах
И что учители благие,
Пути казавши нам кривые,
Стараются нагнать лишь страх.
А для чего они стращают
И, осуждая век страдать,
Так худо с нами поступают, —
Тебе нетрудно отгадать.

Итак, уверяся неложно,
Что веселиться в свете можно,
Живу и смело веселюсь,
Смеюсь всегда над дураками,
Но редко знаюсь с клобуками,
И возле их не очень трус.

А как придет мне срочно время
Сложить приятно жизни бремя,
Мой дух смущать не будет ад.
Я, злом не заслужа геенну,
Оставлю милую вселенну,
Как в заговенье маскарад.
Поверь, мой друг, что нас пугали
Всегда химерою одной!
Мы слишком в жизни сей страдали,
Чтоб мучить нас еще в другой.

Май 1783

ИЗ КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ «СЧАСТЛИВАЯ ТОНЯ»

1

Чертополох
(поет)

Я есмь Чертополох,
Всему известный миру,
Парнасский мудрый бог
Вручил свою мне лиру,
И славнейший Пиндар
Оставил мне свой дар,
Ко утешенью россов,
Я новый Ломоносов.
Скажи мне, чародей,
Какого от людей
Я должен ждать почтенья!
За славой я спешу
И для того послушать вас прошу
Моей прекрасной оды чтенья.

Миловзор

Смотри:

В зеркале является свисток.

Ночь мрачный кров свой опустила,
Стадами облаки сгустила, —
Стихии там готовят рать.
Запоры зрят себе отверсты,
Ничто не колет оных персты.
Мнят бренность, взвив, к верхам поднять.

Свисток свищет.

Чертополох
(оглянувшись, поет)

Вместо славы мне — свисток.

Миловзор
(поет)

Кто в кастальский чистый ток,
Не спросясь ни с музами, ни с Фебом, залезет,
Рылом воду лишь взмутит
И без смыслу завизжит,
Тот освистан должен быть, хоть о славе грезит.

1786

2

ПЕСЕНКА СУДЬИ

Я многих облупил
И денег накопил.
Судьею бывши, крал,
С живых и мертвых драл,
И всячиною брал.
Ко мне с приносом плут
Без страха входит в суд,
А те в передней ждут,
Которые придут
Лишь с истиной одной.
Я смелою рукой
Фемидины весы
Кривил во все часы —
Теперь, ворожея́,
Скажи мне, буду ль я,
Достав высокий чин,
Великий господин?

1786

ПЕСЕНКА АБДАЛЛЫ ИЗ КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ «КАЛИФ НА ЧАС»

О су́дьи, судьи-плутяги,
Разоряете вы нас.
Вас просители-бедняги
Тщетно молят всякий раз.

Ваши души будто крюки,
Попадися к вам лишь в руки —
Ради кожу вы содрать.
Вас не тронут токи слезны,
И у вас сердца железны
Любят только взятки брать.

1786

ИЗ КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ «БАБА-ЯГА»

Баба-яга

Новый вид возьмет вселенна, и узрят в премене сей,
Что пороков уж не будет никаких между людей.
Зло на свете истребится,
Ум возьмет над страстью верх.

Все

А когда ж оно случится?

Баба-яга

После дожжичка в четверг.

Все

После дожжичка в четверг.

Баба-яга

Все супруги будут верность сохранять по самый гроб.
И опасности подвержен век не будет мужний лоб.
Вертопрашство истребится,
Ум возьмет над страстью верх.

Все

А когда ж оно случится?

Баба-яга

После дожжичка в четверг.

Все

После дожжичка в четверг.

Баба-яга

Щеголь к празднику именье не свезет в Каретный ряд,
Чтоб в нарядном экипаже после ехать в магистрат.
Глупа роскошь истребится,
Ум возьмет над страстью верх.

Все

А когда ж оно случится?

Баба-яга

После дожжичка в четверг.

Все

После дожжичка в четверг.

Баба-яга

Нынешних времен Кащеи перестанут кожи драть,
И безбожные проценты с щеголей безумных брать,
Лихоимство истребится,
Ум возьмет над страстью верх.

Все

А когда ж оно случится?

Баба-яга

После дожжичка в четверг.

Все

После дожжичка в четверг.

Баба-яга

Старые ханжи уймутся попусту язык чесать
И, смиренье выхваляя, всех без милости ругать.
Лицемерство истребится,
Ум возьмет над страстью верх.

Все

А когда ж оно случится?

Баба-яга

После дожжичка в четверг.

Все

После дожжичка в четверг.

Баба-яга

Смутники навеки скроют вредный яд в душах своих,
И не станут из корысти перессоривать родных.
Подла зависть истребится,
Ум возьмет над страстью верх.

Все

А когда ж оно случится?

Баба-яга

После дожжичка в четверг.

Все

После дожжичка в четверг.

Баба-яга

Перестанут пустомели в рифму класть одни слова,
Коих много доставляет их пустая голова.
Пустословье истребится,
Ум возьмет над страстью верх.

Все

А когда ж оно случится?

Баба-яга

После дожжичка в четверг.

Хор

Ожидая исполненья
Толь чудесна прореченья,
Постараемся отгнать
Скуки тяжко бремя,
И в играх невинных время
Станем провождать.

<1788>

ТЕПЕРЕШНЯЯ МОЯ ЖИЗНЬ
ПИСЬМО К Г. И. Ш<ИПОВУ>

Ш<ипов>! тебе казалось чудно,
Что я могу в деревне жить.
Что мог себя я приучить
К такому месту, где не людно.
Где взоры только лишь леса,
Долины и поля сретают,

И лучшим зрелищем считают
В день ясный светлы небеса.
Познай же истинные мысли
Теперь ты друга своего;
И между тех людей не числи
Несправедливо и его,
Которые, возненавидя,
Весь свет без милости бранят;
Других достоинства не видя,
Себя лишь мудрецами чтят.
Не могши в оном быть приметны,
Они ругательства несметны
С досады сыплют на людей.
Я к людям злобы не питаю,
Блаженство в дружбе почитаю
И смертным вобще не злодей.
Бог, мною чтимый, есть спокойство:
Оно дороже мне всего.
Блеск знатных, мнимое геройство, —
То всё я ниже чту его.
В сем месте, данном мне судьбою,
Я наслаждаюся собою,
И с мертвыми я здесь живу;
Трудами их мой ум питаю,
И тени их воображаю
Я часто видеть наяву.
С Гельвецием я научаюсь,
С Волтером духом возвышаюсь;
Сей века нашего Орфей
Свой редкий дар употребляет
Ко благу общему людей.
Расин мне душу услаждает
И пламенным пером своим
Мне в сердце чувство возрождает,
Владея самовластно им.
Средь суетности и порока,
Воздвигши мудрости престол,
Мне обнажает нежный пол
Шутливый сын отца жестока,
Забавный, милый Кребильон.
Между Реньярдом и Мольером
Могущий послужить примером

Новейшим комикам Пирон,
Смеша, мой разум утешает,
Когда двум первым подражает
В искусном балагурстве их.
Но к сим я мертвецам преславным
Собор прибавил и живых,
Питающих весельем, равным
Меня в творениях своих.
Реналь, который не имеет
Примера в древности себе
И гласом дерзновенным смеет
Жалеть о горестной судьбе
Народов, рабству покоренных,
Несправедливо разоренных,
Которых полон Новый Свет,
Отягощенный тьмою бед.
Бюффон, завесу сняв с природы,
Познав животных разны роды,
Внутрь таинств естества проник.
Нолет, толико просвещенный!
Франклин, сей физик дерзновенный,
Невежества презревший крик!
Перуну древнему подобный,
Держа в своей деснице гром,
Назначил путь, ему удобный,
И от него хранит мой дом.
Вот с кем я жизнь препровождаю
В деревне, мой любезный друг.
Вот чем увеселяю дух
И чем я сердце услаждаю.
Зачем же, милый мой Ш<ипов>,
Зачем мне в город преселиться?
Возможно ль в оном веселиться,
Встречая столько дураков?
Возможно ль снесть одних буянство;
Других невежество и чванство;
Иных несносные стихи,
Которы за мои грехи
Меня там слушать заставляют,
И для мученья моего
Мне сто Мозглявиных являют
За Николева одного?

Идти ли к балагурам мнимым
Их слушать острые слова,
Которы языком болтливым
Пустая мелет голова?
Идти ль у знатного в передней
Стоять, как будто за обедней,
Спиной камины обтирать?
И если б знатный стал и врать,
Всему без памяти дивиться,
На всё ответствовать «да, да»
И тем одним лишь только льститься,
Что, ежели дойдет чреда,
Со мной при собранном народе
Боярин молвит о походе.
Идти ли в праздники шататься,
Смотреть красавиц по церквам?
Или, спеша к проповедям,
Народу набожным казаться?
Идти ли к Тройце на Арбат,
До полу спину нагибая,
И, людям рай в глазах являя,
Внутрь сердца сокрывати ад?
Кричат: закон по моде скорчен!
Чин божьей службы весь испорчен!
Затем, что в нос уж не поют,
И музыкой, приятной уху,
Понравиться желая слуху,
Творцу песнь хвальну воздают.
Начать ли, вопреки природе,
Кричать охриплым гласом в оде?
Спешить отдать ее в печать?
Бежать с поклоном к Н<овикову>,
Чтоб при газетах ту обнову
Для скуки даром всем раздать?
Подвергнуться ль вралям продерзким,
Которые, чтоб цену дать
Своим творениям премерзким,
Мне смеют их на счет давать? [1]

[1] Один преглупый стихокропатель сочинил преглупые стихи на одного чиновного человека и выпустил их под именем нашего автора, за что наш автор вывел его на театр с собственными его стихами, ибо он знает, что клепать своими стихами дурно.

Иль, покорясь любовной власти,
Терзаться с новой в нежной страсти,
Которой цепи я прервал.
Сии сирены столь прелестны
Довольно стали мне известны!
Довольно их я испытал!
Я встретил в них непостоянство,
Несносну гордость и тиранство,
Желание повелевать.
Красою тщетною надменны,
Они и тут, когда пременны,
Хотят душою обладать.
Нет! Я от женщин удаляюсь,
Опасна мне их лестна сеть;
Пороками людей гнушаюсь
И скуки не могу терпеть;
В сию пустыню преселяся,
От всяких вздоров удаляся,
Я равнодушен ко всему.
Не заражаяся пороком,
На всё гляжу спокойным оком,
Стремясь к спокойству моему.
Я зрю блаженство здесь прямое,
Какое может человек,
Счастливо провождая век,
Вкушати, живучи в покое.
Я спать ложусь не суетясь
И просыпаюсь без заботы;
Плоды мне сельския работы —
Приятно зрелище для глаз.
Цветущие древа, долины
Приносят мне дары свои,
И девять дщерей Мнемозины
Здесь собеседницы мои.

<1788>

СВЯТКИ

Как в Питере узнали
Рождение Христа,
Все зреть его бежали
В священные места.

Царица лишь рекла, имея разум здравый:
«Зачем к нему я поплыву?
И так с богами я живу,
С Эротом и со славой».

Однако же с поклоном
Спешат вельможи в хлев.
Потемкин фараоном
Приходит, горд, как лев,
Труса́ми окружен, шутами, дураками,
Что зря, ослу промолвил бык:
«К беседе нашей он привык,
Так пусть побудет с нами».

За ним спешат толпою
Племя́нницы его
И в дар несут с собою
Лишь масла одного.
«Не брезгай, — все кричат, — Христос, дарами сими;
Живем мы так, как в старину,
И то не чтим себе в вину,
Что вместе спим с родными».

Потом с титу́лом новым
Приходит чупский граф,
Чтоб, канцлерство Христовым
Предстательством достав,
Способней управлять мог внешними делами.
«Постой, — сказал ему Христос, —
Припомни прежде, где ты взрос,
И правь пойди волами».

За ним тотчас ввалился
К..., главный прокурор.
Христос отворотился,
Сказав, потупя взор:
«Меня волос его цвет сильно беспокоит:
Мой также будет рыж злодей».
Иосиф отвечал: «Ей-ей,
Один другого стоит».

Спокойно все сидели,
Как вдруг Шешковский вшел.

Все с страху побледнели,
Христос один был смел,
Спросил: «Зачем пришел?» — и ждал его ответу.
Шешковский тут ему шепнул:
«Вас всех забрать под караул
Я прислан по секрету».

И, вышед из почтенья,
Он к делу приступил,
Но силой Провиденья
В ад душу испустил.
Мария тут рекла: «Конец ему таковский,
Но ты словам моим внемли:
Уйдем скорей из той земли,
В которой есть Шешковский».

1780-е годы

ОН И Я[1]

РАЗГОВОР

Я

Итак, вступая в свет, ты думал, Миловзор,
Что в оном ждут тебя веселий всех собор,
Блестящи почести и громогласна слава!
Ты мнил на них иметь нарóчитые права.

---

[1] Сыскались мерзавцы, кои, достав сие сочинение рукописное и думая, что сделают очень умно, а притом и повредят мне, распустили оное по Москве, превратя в пашквиль, то есть поставя под вообразительными именами, в нем находящимися, имена известных особ. Сие естественно, что, когда автор представляет охуждению порочные лицы, встретиться могут в обществе и люди, имеющие пороки, им осмеиваемые; иначе он бы писал пустое и был сам смешон. Но под сим предлогом может бездельник отнести сатиру и на лицо такого, кто и вовсе описанного порока не имеет, а между тем озлобит на бедного автора. Правда, что когда человек приходит к другому и говорит ему: такой-то описывал вора, целя на тебя, — я не знаю, на кого сей должен сердиться: на автора ли, который об нем и не думал, или на того, кто под именем автора его уже назвал вором? Но оскорбленное самолюбие редко рассуждает и винит не разбирая. Таковые гнусности выронили бы перо из рук и самого гения, если бы благоразумие не заставляло презирать подобные поступки, помня сии слова одного французского писателя: *нам нельзя до него достигнуть; утешимся же тем, что постараемся вредить ему.*

От благородныя быв крови порожден,
Пригожством и умом с природы награжден;
Чтоб в обществах не быть посмешищем иль скукой,
Естественны дары украсил ты наукой.
На честных правилах поступки основав,
Чувствительность души от неба в дар приняв,
Желая службой быть отечеству полезным,
А просвещением в собраниях любезным,
Без подлости учтив, без дерзновенья смел,
Забавы в грех себе не ставя между дел, —
Ты с сердцем пламенным и с здравым рассужденьем
Мнил жить меж дружеством, любовью и почтеньем.
Мечтал, что честностью приобретешь друзей,
Наукой, службою — почтение людей.
А пламенной душой, с пригожством съединенной,
Взаимно чувствие любови непременной.
Что ж? вышло ли всё так, любезный Миловзор?
Ты морщишься, молчишь и потупляешь взор.
Ошибся, видно, ты в мечтаемом предмете?
Мой друг! не первый ты и не последний в свете.
Товарищей себе ты встретишь всякий час.
Поведай мне свою невзгоду не стыдясь.
Скажи, чем начал ты свое во свет вступленье?
Любовью, чай? она ведь обще упражненье.

Он

Так точно. Нежный сей и вероломный пол
Источник сладостей, источник лютых зол,
Природу кроющий под маскою искусства.
Толпою в обществе красавиц окружен,
Покой души моей быть мог ли сбережен?
Должна была придти разлуке с ним минута,
И нарекла ее прелестная *Распута.*
Увидеть, полюбить, открыть ей нежну страсть,
В восторге пламенном к ногам ее упасть
И сладости вкусить взаимной упоенье —
С Распутой было то у нас одно мгновенье.
В утехах райских с ней жизнь наша потекла,
Как вдруг в расстройке все нашлись ее дела.
Хозяйство может ли красавица поправить!
Я должен был в него вступиться и прибавить
В расход из своего тихонько кошелька.

Хоть сумма для меня была и не мелка,
Да станешь ли с своей владычицей считаться!
Притом же, думал я, возможно ль, чтоб
расстаться
Со мной когда-нибудь пришло *Распуте* в ум?
Мы в вечной верности клялись... но *Толстосум,*
Проклятый *Толстосум,* неведомо отколе,
Пришел и помешал блаженной нашей доле.
Он всотеро меня достаточнее был;
Без счету за любовь красавицам платил,
И, полной серебра толкнув меня рукою,
Распуту с молотка оставил за собою.
Губерний от него разграбленных рубли
Тотчас у ней меня в забвенье привели.
О! как же я сему поступку удивился.
К торговой я любви еще не применился.
Свидетельству своих не мог поверить глаз.
Но, в лютой наконец судьбине утвердясь,
Взбешенный гнусностью незапной сей измены,
Я сердце в тот же час поверг к ногам *Надмены.*
Явяся в обществе, я столько счастлив был,
Что острым несколько и сведущим прослыл;
С весельем ехали в тот дом, куда я еду,
И многие мою забавной чли беседу.
В числе особ, меня взносивших похвалой,
Надмена выше всех ценила разум мой.
Дивилася моих талантов совершенству.
Завидовала той красавицы блаженству,
Которой сердце я свое вручу во власть.
Любезна, хороша, умна, и нежну страсть
Такими красками описывать умела,
Что душу каждого пленяла как хотела;
Но предпочтительно ее прелестный взор
В собраньях отыскать всегда меня был скор.
Такие лестные узря себе отмены,
Распутой огорчен, стал пленник я *Надмены,*
И, сделавшись ее властителем красы,
В несчетных проводил веселостях часы.
Одно меня лишь в ней немного удивляло:
Всех женщин вообще страшит злословья жало,
Надмена ж, напротив, всю скромность истребя,
Гордилася моей показывать себя.

Желала, чтоб лишь с ней я в обществах являлся
И только ей одной повсюду занимался.
Я, верной чтя любви залогом сей устав,
Спокоен был, как вдруг явился *Пустослав.*
Хоть дурен он собой, но лентами обвешан;
Хоть с нуждой знает счет, но резов, дерзок, бешен;
И, словом, он во всем пространстве смысла хват.
Красавицы его ловили наподхват.
Я им не уважал. Ах! мог ли от *Надмены*
Для дерзкого купца я ждать себе измены?
Однако ж вышло так. Лишь приласкался он,
Любовница моя переменила тон.
Я в первый вечер ей скушненек показался
И прошен, чтоб с своей любовью отвязался.
В другой — упреками до смерти надоел;
А в третий уж совсем и отпуск я имел.
Тут, привыкать начав помалу к переменам,
Дивился уж не столь Распутам и Надменам.
На ветреность их стал спокойнее взирать,
Не рвался; но спешил скорей себя занять,
И, сердцу праздному алкая насладденья,
Всемраду я нашел достойной обоженья.
Утехами любви и роскоши дыша,
Для чувства страстного отверстая душа.
Рост малый, но лица приятством награжденный,
И в голубых глазах желаний огнь возженный;
Лилеи с розами слиянные в щеках
И ободрительна улыбка на устах,
Сулящая за страсть немедленны награды, —
Вот точный образ был приманчивой *Всемрады.*
Условясь меж собой друг друга обожать
(Иначе с ней любовь льзя ль как условьем звать),
Мы нежности плоды вкушали без препоны.
Она не мнила мне предписывать законы.
Однако, пользуясь свободою меж тем,
Открыла в дом к себе покойный доступ всем.
Сперва я шумной сей беседой забавлялся,
Но скоро этот сбор мне скучным показался,
А больше всех меня бесил *Здоровяков.*
Не разбираючи ни места, ни часов,
Он был с красавицей моею неразлучным.

Я тщетно называл его присутство скучным,
От дому отдалить суля его всегда,
Не думали того исполнить никогда.
Тогда, дивясь к нему *Всемрады* прилепленью,
Я к крайнему себе заметил сожаленью,
Как росл *Здоровяков,* как он широк в плечах,
Как он кудряв, какой румянец на щеках;
Что он приятностей ума хоть не имеет,
Однако ж для Всемрад угодным быть умеет,
Что нет таких даров во мне, как в нем,
Что и любезней я его. . . но только днем.
Едва лишь я успел в сей правде утвердиться,
Как, не желав ни с кем любовницей делиться,
Предметом не терпя быть смеха никому
И здравому притом последуя уму,
Хоть прелести имел *Всемрадины* во власти,
В минуту от своей в них отказался части.
Тут переменчивый и льстивый женщин нрав,
К досаде сам собой на деле испытав
И тягостным сочтя любви приятно бремя,
Я сердце праздное хранил в себе на время.
Но, скуча наконец душевной пустотой,
Увидел, что уж мне несносен стал покой,
И сладкие утех любви вспоминовенья
Решили вновь меня искать их наслажденья.
Намеряся опять вкусить любовный яд,
Однако зная, сколь обманчив женщин взгляд,
Чтоб жертвою вперед не быть их ласкам ложным,
Я клялся в выборе быть больше осторожным,
Их склонности и нрав точнее изучить,
И сердце самым тем достойнейшей вручить.
У строгого отца, вдали от модна света
Воспитана была смиренная *Розета;*
Наукою часы свободные заняв,
Она старалася украсить ум и нрав,
Невинность с нежностью в ее блестящих взорах,
А целомудрие и кротость в разговорах,
Дивотворение родя в душе моей,
Заставили меня искать знакомства с ней.
Не могши в обществах так часто с ней видаться,
О способах других я должен был стараться;
И, ставши наконец отцу ее знаком,

Никем не занят быв, к ним ездить начал в дом.
Как праздник мой приезд *Розета* принимала,
И мною лишь себя единым занимала,
Ни взглядов не щадя, ни ласк, ни нежных слов.
Но, видя, что любви страшуся я оков,
Стыдливость, свойственну девице, отложила
И вечером одним мне прямо страсть открыла.
Неожидаемым признаньем обольщен,
Я мнил в восторге быть на небо восхищен.
В сей откровенности божественной *Розеты*
Любови пламенной мечтая зреть приметы,
В объятиях ее блаженства верх обрел
И сердцу своему предаться ей велел.
Ах! как же сделалось мне сердце в том послушно,
В сравненьи с нею всех любил я равнодушно.
Не можно изъяснить, какую сильну власть
Над чувством всем моим успела взять к ней страсть.
Взаимной чтя ее любовью распаленну,
Я всю к ее ногам повергнул бы вселенну;
Всем бытием готов был жертвовать своим,
Когда б узнал, что жар ко мне умножу сим;
И, клятвами ее уверенный всечасно,
Возмнил, что сердце в ней нашел я прямо страстно.
И было так, пока скупой ее отец,
К несчастью моему, не умер наконец.
Но смертью сей достав имение и волю,
Розета и мою переменила долю.
Я надобен ей был, как не было других.
Но обожателей когда красот своих
Надеяться она могла себе довольно,
Я ей не нужен стал. О! сколь мне было больно
Премену зреть сию! Привыкши верной чтить,
Я думал, что нельзя ей вечно изменить;
Что столько же она нежна, как и прелестна,
Не женщину в ней зрел, а ангела небесна!
Но... в юбках ангелы не ходят никогда.
Настала и моя проведать то чреда.
Узревши узы все меж нами разорванны,
Вотще напоминал я ею клятвы данны.
Глас совести презря, любовница моя,
И видя, что ищу причин премены я,
Сказала холодно, мои все презря муки:

«Из любопытства был ты мил мне, и от скуки».
Сим удивительным ответом поразясь,
Всех женщин убегать я клялся в тот же час.
Я мнил: коль в нежности обманут я *Розетой,*
Когда коварну лесть нашел в душе и этой,
Так женщин всех сердца исполнены измен,
И гнусен стал с тех пор мне их постыдный плен.

Я

И вподлинну, я чай, ты очень осердился!
Быть милым так было ты ввек расположился.
Но что ж в такой беде ты сделал, Миловзор?

Он

О! я в сих случаях решителен и скор.
В возмездье нежности я жизни не жалею,
Но гнусну лесть платить презрением умею.
И видя, что нигде любви прямыя нет,
Решился льстивый пол забыть среди побед.
Кровавая война со всех сторон шумела,
И слава нашего оружия гремела.
Тогда, усердием и ревностью горя
Кровь за отечество пролить и за царя,
Пошел, оставя я любовные забавы,
Между опасностей искать войнской славы.
Пустился в армию; и мнил, что в первый раз
Где мужество явлю, от прочих отличась,
Тут с лавром ждет меня тотчас и награжденье.
Приехал. Что ж? Достал насилу позволенье
Быть изувеченну иль голову сломить.
Однако же достав, врагов пустился бить.
Судьбина, моему поборствующа рвенью,
Назначила тотчас быть знатному сраженью,
И войскам показать мне способ подала,
Что я могу делить их славные дела.
В начале раненный, солдат я ободряю;
На груды мертвых тел врагов опровергаю;
И оставляю бой не прежде страшный сей,
Как силы с кровию лишившися своей.
Победа свершена. Начальник присылает
Проведать обо мне, сказать, что всё он знает,
Как отличился я. Велит спокойным быть,
И на себя берет за службу наградить,

Дав слово, что на крест я все имею пра́ва.
Но ах! начальник мой веселого был нрава,
Век слыл забавником: всю в шутка́х жизнь провел;
Так, видно, и свое мне слово шуткой счел.
Потом пришли часы всеобщия награды,
Но мне судьба везде уж строила преграды.
Начальника всех войск верховный секретарь,
Который нашею судьбой вертел как царь,
С начальником моим тогда случился в ссоре.
От ссор между бояр всегда живет нам горе!
И секретарь, меня обидя, точно мнил,
Что этим моего начальника сразил,
Не зная, что забыв и то, что я на свете,
Начальник мой имел *бон мо*[1] одно в предмете.
Приносят список мне. На ком я крест свой зрю?
На том, кто угодить умел секретарю.
Я вижу, что, совсем без лишния отваги,
Меркурьев часто жезл в войне не хуже шпаги,
Что отпирает дверь златой в храм славы ключ,
И можно храбрым быть вдали яде́рных туч.
О боже! если б всё монарше зрело око!
Но к богу высоко, а до царя далёко, —
Пословица сия недаром введена.
Итак, я, Марсовы оставя знамена
И снова не хотя подпасть любовным узам,
Решился посвятить остаток жизни музам.
«О дщери памяти! — в восторге я вещал, —
Простите, что досель вас редко посещал.
Отныне в вечный я союз вступаю с вами.
Снабдите лишь меня своими вы дарами,
И дух к поэзии воспламените мой;
Херасков[2], Николев[3], Державин[4], Мелецкой[5]

---

[1] Острота (франц.). — *Ред.*

[2] М. М.; творец поэм «Россиады», «Владимира» и пр. Гомер российский.

[3] Н. П. Николев, лучший наш трагик, оставивший далеко за собою в сем роде г-на Сумарокова и прочих и почти равняющийся с г-ном Ломоносовым.

[4] Творец «Фелицы» и множества других прекрасных стихотворений.

[5] Ю. А. Нелединский-Мелецкий, остроумный и исполненный вкуса автор множества прекрасных беглых сочинений. Шольо и Буфлер нашей страны.

К жилищу вашему собою путь являют,
Они теперь Парнас российский прославляют.
Почто ж, упившись вод Кастальския реки,
Мне с ними не делить лавровые венки?»
Сказал — и, в путь вступя, ведущий к Иппокрене,
Немедленно явил труды свои на сцене.
Я маску Талии, сестры ее кинжал,
И лиру, и свирель попеременно брал,
И, нудя шпорами упрямого Пегаса,
Случалось достигать вершины мне Парнаса.
Но что ж? никто моих не примечал трудов;
А нажил за стихи (кто б думать мог?) врагов.
Зоилов тьмы меня, хоть глупо, но язвили,
И всё свое вранье на счет мне становили.
Взбесясь, что зависти и подлой злобы яд
Наносит за труды мне тысячу досад,
В объятьях дружбы мнил я встретить облегченье;
Но тут-то и нашел лишь пущее мученье.
Из множества друзей, имевших связь со мной,
Мне всякий заплатил изменой лишь одной.
Я праводушия во всех искал напрасно.
Иной, бываючи со мною не всечасно,
В любовных всех моих делах участье брал;
Мой дом, карету, стол своими почитал;
Но вместо должной мне за дружество награды
Он прочим помогал любовникам *Всемрады.*
Другой, хотя моим стараньем в свет введен
И мной же грамоте немного поучен,
Чтоб остряком себя в собраниях прославить,
На счет мой сказочки не упускал составить.
Там, в бедности, своим карман считавший мой,
Именье получа нечаянной судьбой,
В безделке сделать мне отказ не устыдился.
Тут, мной доставший чин, уж до того забылся,
Что, встретяся, в лицо меня не узнавал.
И, словом, тщетно я труды истощевал
Сыскать взаимную любовь себе подобных.
В них хладные сердца от душ зависят злобных.
Для дружбы, для любви и для наук рожден,
Увы! ото всего людьми я отчужден.
Они софизмами рассудок мой кривили;
Неблагодарностью чувствительность давили;

Коварствами меня и завистью терзав,
Из кроткого во мне родили едкий нрав;
И сердце, их любить природой сотворенно,
В враждебно сердце их их злобой превращенно.
Вотще в любви себя я счастием ласкал.
В любовницах того я сердца не сыскал,
Которое с моим в едино бы сливалось.
Вотще друзьям мое всё чувство предавалось.
Своекорыстием их души заразясь,
За ним единым вслед стремились не стыдясь.
На Марсовых полях я зрел несправедливость,
На Пинде — мелочных писателей кичливость,
Везде дурачество, иль злость, иль медный лоб!
И наконец...

Я

Ты стал с досады мизантроп.
Однако ж дельно ль ты людей возненавидел?
Не спорю — лесть, обман и злость ты в свете видел.
Но с кем тебе иметь случалось дело в нем?
Посмотрим, и теперь с красавиц хоть начнем.
В поступках все они с тобою были правы.
Надмена мнимыя в тебе искала славы.
Распута — золота почтенного от всех.
Всемрада — сладостных любовных лишь утех,
Алкая их всегда душою ненасытной.
Розета, с склонностью родяся любопытной,
Желала ведать, что такое есть любовь.
Ты выучил. Ужли ж зады твердить ей вновь?
Час от часу она угодней быть желала;
Так дельно первого учителя сослала.
Всех извиняю я. Во всех поступках их,
Я вижу, шли они вслед склонностей своих,
Стремяся с жадностью к предмету, им столь милу.
Но если б в свете ты нашел, как я, *Семилу,*
Узнал бы, сердце ей и руку поруча,
Как в женщине любовь быть может горяча,
Что душу нежную когда она имеет,
То больше нас стократ любить уже умеет,
И в сердце страсть у ней не преходящий вкус.
Ты молод, скажешь мне, еще для брачных уз!
Почто ж, коль не пришло тебе быть мужем время,

Задумал ты сложить почтенно службы бремя?
Да! Я ведь и забыл... обидели тебя!
Так, почести в душе единые любя,
Не в защищение монарха и державы,
На Марсовых полях ты реки лил кровавы;
И, холодно неся себе подобным смерть,
К убивству длань дерзнул за тем одним простерть,
Чтобы пред всеми в крест спесиво нарядиться;
А не дали креста, так ты и стал сердиться!
Но, проливая кровь для прихоти своей,
Как требовать ты смел и от других людей,
Чтоб прихоти свои с тобой они забыли
И, им во вред, тебя за службу наградили?
Иль думал ангелов ты в армии найти?
Нет, к мниму счастию тесняся на пути,
Всяк ищет сорудить другому лишь препоны
В развратном мире сем, у всех одни законы.
Ты, права все свои на почесть отложа
И не наемником отечеству служа,
Награды хоть лишен, быть должен бы спокоен,
Довольствуяся тем, что был ее достоин.
Да слава лих вослед всех тащит за собой!
И ты, прельщен ее гремящею трубой,
Накинувши седло крылатому Пегасу,
Пустился на пути искать ее к Парнасу.
Но всех надеяся пером своим пленить,
Кто будет, думал ты, труды твои ценить
По правилам ума, и вкуса, и ученья?
И кто от общего ждет пользы просвещенья?
Склизим ли? что весь век лишь в карты проиграл,
Судил всегда о всем, и обо всем — лишь врал.
Фортуны глупый сын, разжившись ненароком,
Глядится в зеркало всегда довольным оком,
И мыслит, на игра́х[1] поднявши крик и шум,

[1] Игры в древности составляли общенародное зрелище и празднество, вся Греция стекалась на оные. Тут оспаривалась победа в борьбе, бою кистенем, конском и пешем ристании, стихотворстве и проч. Победитель получал венок и воспеваем был бессмертными иногда песнями, каковы, например, суть Пиндаровы. Соседственные цари нередко вступали в поприще, посылая творения свои для приобретения им на играх сих цены первенства, и получение победоносного венка, когда сие случалось, праздновано было в государствах их как некое счастливое и знаменитое проис-

Что с деньгами в три-три он выиграл и ум.
Хапцов ли? что себя в число ученых просит
И для того везде Гельвеция возносит,
Чтоб, криво смысл его нам книги толковав,
Прослыть философом, всех в карты обокрав.
Гордон ли? что сидит в кафтане, дома шитом,
И даже и с отцом считается визитом,
Любя в исправности хранить церемоньял.
Трусицкой ли? что век в прихожих простоял,
И в целом городе один всех лучше знает,
В каком часу какой вельможа принимает.
Плутков ли? что, в купцах быв шильников пример
И осужден к плетям, стал обер-офицер.
Дурылдин ли? что, вдруг влюбяся в представленья,
Потратил на театр несчетны иждивенья,
Безграмотных своих на сцену вывел слуг,
И думает, что всех гостей пленяет дух,
Как прачкой у него представлена Семира,
А ткач играет роль Синава иль Замира![1]
Вертушкин ли? что, в долг набравши гардероб
И маймистом себе убрав виски и лоб,
Так много кисеи вертит и в жар круг шеи,
Что хочется всегда поднесть ему шалфеи.
Невежин ли? что, всех писателей собор
В сафьян переплетя, хранит, как бы фарфор.
Болтай ли? ищущий с таким усердьем чести
Расславить первому повсюду новы вести,
Что если б суд его к кнуту приговорил,
Он сей бы приговор всем первый объявил.
Тщеславин ли? почти проживший два именья,
Приезжим делая вельможам угощенья.
Рассмешин ли? что, весь дивя разумный свет,

шествие. У нас игры несколько различествуют от древних и состоят в следующем. Расчетливый хозяин созывает игроков в назначенный день. Они съезжаются в 6 часов, садятся играть в козырные игры; а около полуночи хозяин открывает банк. Гости — одни уже разгоряченные проигрышем в коммерческую игру (что называется техническим словом «быть подмазану»), а другие, возгорженные выигрышем, — приступают понтировать и на рассвете разъезжаются без денег, кои обыкновенно остаются у хозяина. Ныне попечением правительства они истребляются.

[1] Замир — лицо в трагедии «Сорене», блистательной и благородной роле.

Как, грамоте не знав, вдруг сделался поэт, —
Комедии назло рассудку сочиняет,
И остроту в себе злословьем заменяет.
Граф *Мелкодушин* ли? известный потому,
Что, в армии всегда последуя уму,
Охотой просится тогда на приступ смело,
Как с неприятелем окончено уж дело.
Князь *Водкин* ли? что всех доныне обсчитал,
Что весь свой век одни отлички[1] лишь читал.
И, миллионщик быв, богатства так алкает,
Что все стихии взять на откуп предлагает.
И тысяча других, которых в свете сем
Людьми по старому обычью хоть зовем,
Но больше для того сим титлом величаем,
Что их на двух ногах без перьев мы встречаем.
Различны по страстям, различны по уму,
Согласны все в любви лишь к злату одному:
В забавах и трудах оно у них предметом.
Вот пред каким хотел прославиться ты светом!
Вот для кого, мой друг, на лире ты гремел!
Какое с ними ты намеренье имел?
Утешить их? — утех ума они не знают.
Наставить их? — они тебя не понимают.
Своекорыстие с невежеством смесясь,
Их, телом и душой, насильно тащит в грязь.
Неведущим красот искусства и природы,
Утеха — карты им, цель — откупы, заводы.
Но ежели бы дух искал утешить свой
Ты исполнением лишь должности одной,
От совести своей доставши одобренья,
Ругательство невежд ты б зрел без оскорбленья.
Не столько бы спешил за мнимой славой вслед,
Которой заражен сей развращенный свет,
И, не достав ее, не стал бы так дивиться,
Что оною никто не хочет поделиться.
Увы! испорченной природе сей призрак
Во слепоте ее теперь любезен так,

---

[1] Отлички. Так называются малые ведомости, присылаемые к откупщикам с кабаков по еженедельном или ежемесячном расходе на оных вина. Они суть периодические сочинения для читателей сего рода.

Что даже страсти все, как хочешь дай им званье,
Тщеславье суть одно — лишь в разном одеяньи.
Итак, всеобщий сей зря светских действий ток,
Не на людей сердись — сердися на порок.
Когда б тебе пришло с слепыми где тесниться
И ты, не захотя от них посторониться,
Себе упрямством сим дал ногу отдавить, —
Не сам ли ты себя в том должен бы винить?
Поверь, что, в целости сберечь желая ногу,
Иль не ходи к слепым, иль им давай дорогу.
Равно и дружества от сонма ждав сего,
Подавно, что не мог ты встретить в нем его.
Но дружба на земли еще не истребленна.
От гордого она лишь *якства* удаленна.
Священно дружество! бесценный дар небес!
Колико я отер в твоих объятьях слез!
Когда обманчивой Фортуны перемены,
Любовниц ветреных бесстыдные измены,
Неблагодарность мной обязанных людей
И гордость знатностью кичащихся своей
В чувствительной душе стремились множить раны;
Как сердца пламенна лютейшие тираны,
Злы страсти, кровь паля, расстраивали дух,
К тебе, о Н<иколев>! к тебе спешил твой друг.
И, в недра он твои проливши боль сердечный,
Утешен, находил в них горесть скоротечной.
Еще я повторю: есть дружба на земли,
Но от мирских крамол ищи ее вдали.
Ты, счастье заключа в желаньях напыщенных,
Старался в существах сыскать несовершенных.
За что же сердишься? Ты получил его.
Досадно разве то, что точно таково,
Какого ожидать от твари льзя порочной.
Кто ж виноват, что там искал судьбы ты прочной,
Где разрушения всегдашнего лишь круг.
Давно от мудрых нам уж решено, мой друг,
Что в внешних кто вещах блаженство заключает,
Тот зданье на песке непрочно соружает.
Узнай о истинном блаженстве, где оно:
Внутрь сердца твоего, в тебе заключено.
Умеря шум страстей усильною борьбою,
Познай себя — и всё познаешь ты с собою.

Познаешь цель — к чему ты сотворен на свет.
Тот вечно ничего, конечно, не найдет,
Который в жизни сей *чего-то* только ищет.
И ежели, искав, вселенную изрыщет,
Лишь *что-то* вместо всех получит он наград;
А это *что-то* наш — и есть в сем мире ад.
Иль просто: пышностью, сребром, пустой наукой
Не могши сыты быть, терзаемся мы скукой.

Он

Так что же делать мне?

Я

Тщеславье истребя,
Будь добр для ближнего, а счастлив для себя.

<1790>

К ДРУГУ МОЕМУ Н. П. Н.

БЕСЕДА 1-я

Почто, любезный друг, в оковах или вольны,
Все смертные своей судьбою недовольны?
В несправедливости виня всевышню власть,
На жребий свой роптать ужели их то часть?
Знать, так и я теперь хоть прочих осуждаю,
Но, умничая сам, нередко заблуждаю.
Недавно из гостей приехавши в метель,
Я чаю напился; и, бросясь на постель,
Во ожидании приятна усыпленья,
Нечаянно зашел в глубоки размышленья.
На что, я мнил в себе, творец лилей и роз
Для истребленья их послал сюда мороз?
На что в стране моей климáт устроя грубый,
Он познакомиться меня заставил с шубой?
На что от Севера мне свищет Аквилон:
С зверями поступай как с Марзьем Аполлон? [1]
Здесь на семь месяцев природа умирает.
Огонь, который жизнь повсюды простирает,

[1] Аполлон, победя Марзия в споре, содрал с него кожу.

Без действия тогда. Блестящий солнца луч
Не может разогнать его сокрывших туч,
Не в силах одолеть Борея горделива.
И басня епанчи у нас несправедлива.[1]
Не мог ли лютую бог зиму отдалить
И вечной здесь весны приятности вселить?
Гангезских берегов дать жатвы нам богаты;
По воздуху разлить цейлански ароматы;
Не клюкву здесь рождать, а сладкий виноград;
И вместо чесноку заставить рость мушкат?

Такими мысль мою занявши пустяками,
Я стал Россию зреть сердитыми очами:
Вдруг невзлюбил ее, и в гневе на мороз
Внутрь сердца проклинал себя, что в оной взрос.
Тогда в мечте своей я к Инду устремился.
Сыскал себе корабль и по морю пустился,
Оставил навсегда отечески брега,
Где кроет снег в году семь месяцев луга.
И мнил: теперь вкушать веселий буду реки,
Плыву в страну, где все счастливы человеки.
И как же таковым во оной им не быть?
К ним нужда никогда не смеет приступить,
Не знают от нее они рожденной муки,
Чтоб пищу получить, простерть им стоит руки.
Кокос, тоя страны благословенный плод,
Прохладность заменя чистейших самых вод,
Для жителей питье и пищу доставляет
И жажду с голодом приятно утоляет.
Хлопчатые кусты родят одежду им,
И, пухом каждый год снабжая их своим,
Дают, неся собой стране обогащенье,
Не нужный им покров, а только украшенье.
Физического зла нигде не видно ран,
И кажется, навек там скован Ариман.
Лети, корабль!.. «Постой, — вскричал мне глас рассудка, —
Ведь ехать попусту в так дальний путь не шутка.
Брось якорь. Удержи стремленье корабля.

[1] Басня г-на Сумарокова под названием «Феб и Борей», в которой солнце, чтобы принудить проезжего скинуть епанчу, разгоняет тучи, собранные Бореем.

Напрасно так тебя пленила та земля,
К которой ты стопы, не думая, направил
И коей речь теперь похвальную составил.
Когда тебя у нас прогневала зима,
Так должно ль в Индию пускаться без ума;
И, розами страны далеки покрывая,
Казать одни цветы, шипы утаевая?
Ты мнишь, что где тепло, не нужен тамо труд,
Что много где пшена, там с голоду не мрут.
Что люди в той стране счастливы и богаты,
Где роют яхонты и щиплют ароматы,
Что всё веселье там природа собрала
И жало сломлено физического зла.
Ошибся. Чаще зло добру противуречит,
Чем язвы первого последнее здесь лечит.
Ужели ты забыл, как страждущий бенгал
Средь изобильных стран от глада помирал; [1]
Иль бедный малабар души твоей не тронет,
Когда под тягостью оков Лисбонских стонет; [2]
И яростный яван, держа ужасный крид,
Законом исступлен, тебя не устрашит? [3]
Взгляни в Америку, в ту света часть богату,
Куда влечет корысть сердца, покорны злату.
Не тамошней ли им несчастливый народ
Ужасной заразил болезнью смертных род?
Таитская страна! престол всегдашня лета!
Вотще пространными морями ты одета!
Преграда слабая корысти — океан.
Заехал и к тебе ужасный Ариман.
И алчны жители Тамизы и Секваны
Умели влить к тебе Антильской скорби раны. [4]
Но мало здесь еще физического зла.
Природа оному подругу избрала.
И нравственное зло, с естественным согласно,

---

[1] Смотри философическую и политическую историю о заведениях и торговле европейцев в обеих Индиях.

[2] Смотри вышесказанную историю и также сокращенное повествование о путешествиях, изданное г-ном Лагарпом.

[3] Жители острова Явы — народ лютый, имеющий оружием кривой кинжал, называемый крид. Они иногда делают обет Магомеду убивать иноверных, и продолжают до тех пор, как их самих убьют. Подробнее о них смотри в упомянутой книге г-на Лагарпа.

[4] Смотри путешествия капитана Кука и Бугенвиля.

Несчастливый сей мир терзают самовластно.
Там жар томит людей. Там мучит оных хлад.
Там огнедышущи являют бездны ад.
А если наконец смягченная природа
Где строит, кажется, всё к счастию народа,
Тут горестей ему готовит тьму обман.
О ты, единственный на свете Ариман!
Корысти подлый сын! отец предрассужденья!
Ввергающий людей в различны заблужденья,
Каких не надевал на свете ты личин?
Не ты ли в Индии возвел священный чин,
Который там свой род от Брамы извлекает,
На вышню ту степень, отколе угнетает
Он в ослепление поверженный народ?
Не ты ли некогда у нильских тучных вод,
Путеводя жрецов коварством, в свете славным,
Умел соделать их на час монархам равным?
Не ты ли, искони держа во мраке свет,
Наносишь смертным тьму скорбей, напастей, бед;
Рассудки слабые искусно уловляешь
И тьму невежества вкруг их усугубляешь?
О! сколько ты лукав! меняешь каждый час,
Вторый хамелеон! и вид ты свой, и глас,
Одно твое клеймо лишь только непременно.
Ты нашим льстишь страстям и въявь, и сокровенно,
И сей приметою тебя узнает всяк.
Вотще сообщник твой, рассеевая мрак,
Кричит, что умствовать для смертного безбедно.
Без правил рассуждать всегда в последстве вредно.
Вот весь сей свет каков, — рассудок продолжал. —
Зачем же в Индию отселе ты бежал?
Чего хотел искать? Куда ты торопился?
Признайся поскорей, что грубо оступился;
И, бредни брося прочь, ступай опять домой.
Везде волнением равно смущен покой.
И мир сей, из добра составленный и худа,
Чтоб всё ты счастлив был, не должен сделать чуда.
Доволен будь, что ты не раб, а господин,
И ежели озяб, садись перед камин».

Так разум мне вещал. Его я гласу внемлю,
И, очи отворя, совет его приемлю.

Я зрю, что в Индию я попусту скакал,
Что тщетно вечного блаженства здесь искал.
Что свет таков, каким быть должно неотменно.
Что царствует в нем зло с добром попеременно.
И что умеренность приявши за устав,
Всегда останешься в сем мире чист и прав.
<1790>

К НЕМУ ЖЕ

БЕСЕДА 2-я

Отдавши жизнь свою на жертву пустякам,
Дивимся, что они наскучат скоро нам,
Хотя, казалось бы, с рассудком несогласно,
Но видим мы тому примеры ежечасно.
«Ах, как противно всё! — вздохнув, ворчал Пустон. —
Веселье здешнее один лишь только сон!
Владеет скука мной, и все мои забавы
Не в силах одолеть в душе ее отравы.
Всего отведал я, всё в жизни испытал.
Что ж вышло? Сам себе теперь несносен стал;
Не знаю, что начать, что делать мне — не знаю,
А знаю только то, что с скуки умираю».
Так конча контре-данс, Пустон негодовал
И пот распрысканным платком с лица стирал.
О бедный мой Пустон! так, жертва лютой скуки,
Ты должен век сидеть, поджавши только руки.
Уж всё проделал ты благодаря судьбе,
И не осталося заняться чем тебе.
Но что мне разуметь под этими словами?
Позволь спросить тебя, какими ты делами
К утехе общества и к пользе послужил,
И коим образом ты в нем доселе жил?
Когда от наших войск враги тряслись в Стамбуле,
Ты с прочими тогда сражался ль при Кагуле?
Стремился ли, как наш в Элладе веял флаг,
Огнем преобратить флот варварский во прах?
Иль, твердою рукой держа весы Фемиды,
Отмщал ли наглости, грабительства, обиды,
И, зная, что равно страдает раб и князь,
Ты праведным судом крепил ли общу связь?

Скажи, который меч, войны или закона,[1]
В деснице был твоей гражданам оборона?
Ты мне ответствуешь: «Довольно без меня
Тех, кои, почестьми сердца свои пленя,
Стремятся их искать в приказах и в сраженьи:
Другого рода мне потребны упражненьи;
Я знатен, я богат; не нужны мне чины,
Когда они с таким трудом сопряжены
И тяжкие с собой приносят нам уставы.
Я счастлив быть хотел, любя одни забавы!»
— Изрядно. — Чем же их ты тщился приобресть?
Старался ль ты себя на верх Парнаса взнесть,
И, с *Николевым* вод напившись Иппокрены,
Нас тронуть бедствием какой-нибудь Сорены?
Иль, *Ломоносова* трубой вооружась,
Петровы петь дела вознес свой громкий глас?
Иль, видя, что у нас недостает *Мольера,*
России нового представил «Лицемера»?
Ты машешь головой. Знать, бросят лирный тон,
Ты следовал стезей, которой шел *Невтон,*
И, путь шести планет вкруг солнца измеряя,
Небесным занялся, земное презирая.
Что ж! Это хорошо. Оставя здешний свет,
Наследника себе давно уж *Эйлер* ждет.
Не то? — Так взяв в пример Бостонска *Прометея,*[2]
Ты страшный огнь с небес похитил, не робея?
Опять наморщился! — Ин прямо философ,
Доселе истину скрывающий покров
Для общества раздрал ты смелою рукою
И нового явил *Гельвеция* собою?
«Эх, нет! — ты мне кричишь, — для этих скучных дел
Я, право, никогда досуга не имел.
И pas de Rigodon[3] так много время просит,
Что службу всяк за ним и все науки бросит.
К ним нужны циркули, ландкарты, телескоп,
Всё надобно купить, а я записан в клоб,
И деньги берегу по чести не на книги:
Без денег ни начнешь, ни кончишь вить интриги!

[1] Здесь разумеется меч гражданского закона.

[2] Франклин — славный физик в электрической части, родившийся в Бостоне в 1704-м.

[3] Па де Ригодон (франц.). — *Ред.*

Откуда я возьму кафтаны, экипаж,
Под жаков лошадей, на егерей плюмаж?
Без денег попусту пройдет мое старанье,
И ввек не попадешь в нарядное катанье.
А я ни одного из них не пропускал!
Итак, ты видишь сам, что всё я испытал.
Всего насытился; и, скуча всем на свете,
Мне помощи искать пришло в твоем совете.
Помысли, поищи, придумай, есть ли чем
Заняться мне еще в отечестве моем?»
— Такое впрямь, Пустон, услыша рассужденье,
Не скоро для тебя приищешь упражненье.
Ты к пулям не привык; в законах не знаток;
Пермесския воды тебя не манит ток;
Не силен в алгебре, не часто размышляешь;
И арифметику лишь до деленья знаешь.
Однако не тужи. Когда охота есть,
Так в силах пользу всяк отечеству принесть,
И можно иногда избавиться от скуки
Без службы, без стихов, без пуль и без науки.
Сыскал тебе, мой друг, сыскал я ремесло:
Послушай... у тебя прекрасное село.
Ступай в него; оставь и *жаков, и катанье,*
И к земледелию направь свое вниманье.
Учись, и замечай, в какие времена
Там выгодней земле поверить семена,
Как утучнять ее. Как с малыми трудами
Покрыть свои поля обильными плодами.
Как в пользу все себе стихии обращать
И честным образом себя обогащать.
Смотри, чтоб у тебя крестьяне не ленились
И прибыльно себе и обществу трудились.
На это редкого не надобно ума,
Научит опытность всему тебя сама;
И скука от тебя навеки удалится.
Без цели никуда забава не годится.
Но вижу, что, судя наружно обо всем,
Ты мысли низкие в совете зришь моем,
И, общим ослепя свой ум предрассужденьем,
Считаешь мелочным хозяйство упражненьем.
Развратный обычáй! и безрассудна страсть!
Уподливать граждан трудолюбиву часть.

О вы, которые затем на свет родились,
Чтоб праздностью своей скучали и гордились!
Внемлите: должности в один сцепленны круг,
Не меньше прочего России нужен плуг.
Герой ее хранит, философ просвещает,
А добрый селянин трудом обогащает,
И, хлебом житницы стараяся снабдить,
Двум первым подает он способ ей служить.
Так точно под землей сокрыто основанье
Великолепное поддерживает зданье;
Никто его не зрит, его судьбина — мрак,
А стены гордые дивят прохожих зрак;
Но зодчий видит в нем твердейшую подпору
Огромных сих палат, толико льстящих взору.

1790, 1793

БЕСПРИСТРАСТНЫЙ ЗРИТЕЛЬ НЫНЕШНЕГО ВЕКА

Куда ни погляжу, везде я вздор встречаю!
Хотя не много примечаю,
Но вздор повсюду так велик,
Что сам является собою.
Дурачество свой кажет лик
И громко всем гласит трубою:
Я здесь!
Добро с дурачеством ты свесь,
На крошечку добра найдешь ты вздору
Большую гору!
Против прямых путей
Безумно всяк шагает,
И глупости сетей
Никто не избегает.
Портной век пакостно одет,
Сапожник босиком, уроды щеголяют!
Монах таращится на свет,
Судьи душой кривят, работники гуляют.
Дурак собой как черт надут,
Честны́м себя зовет и плут,
Скрывая всяк личину,
Все кажут ныне спину.
У всех фальшивые умы,

Чертям подобны стали мы.
Какая чепуха и злоупотребленье;
Монархиня, о нас имея попеченье
Премудрости своей, со трона шлет закон,
Мня оным прекратить дворян российских ссоры,
Не будут говорить: судьи российски воры,
И правда процветет в России без препон.
Царица! истинно тебя все обманули,
Мы больше во сто раз ко воровству прильнули.
Ты думаешь, в судах ученые сидят, —
Наместники о том и думать не хотят!
Ты думаешь, судей мы сами избираем, —
Наместник изберет, а мы не помышляем!
Козел не знает, что есть Аз,
Козел бодать горазд рогами,
Козел подобен дураку,
Да он сродни быку!
Козла сажают судией в приказ —
Козел равняется с богами!
И этому судье-козлу святого нет,
По нýжде и отца до нитки обдерет.
Живет в душах судей сам дьявол-искуситель:
Приди-ка в суд когда хотя и сам Спаситель!
Увидит ясно он
Судейские крючки, увертки и ухватки!
У них один закон:
Чтоб вечно у другого карманы были гладки.
А к пущей нам беде
Умножился у нас судейский род толико,
Как равно рыб в воде!
Ну, может ли когда именье быть велико?
Бывало, к одному барана принесешь —
И прав пойдешь;
Не хочешь, чтоб твое имение пропало,
Так ныне их и сотни мало,
Ты здесь дари,
А там и боле,
Пойдешь с сумою поневоле,
Судье и нужды нет, хоть с голоду умри!
Меж нами хитрость обитает,
Неправда, и корысть, и зло;
А правда — смутное чело

От смертных сокрывает.
«Свет ныне просвещен», —
Ученый говорит,
Но кто из нас умен?
Кто в должности не спит,
Кто, должности свои рассудком измеряя,
Кладет веселию предел,
Кто б, сам себя всечасно поверяя
И прибыль позабыв, о благе всех радел.
О пользе общей кто помыслит,
Заслуги кто свои не числит;
А где они? Спроси! — не знает он и сам!
Какая польза нам,
Что помощью шара́ гулять в эфире можем,
Мы собственным бедам чрез это не поможем.
Когда б такой родился человек,
Который бы свой век
Употребить бы мог людей на исправленье,
И, несмотря на исключенье,
Скотам
И дуракам
Указом повелел от света удалиться, —
Тогда б могли бы похвалиться,
Что свет на путь прямой пошел,
Что род людской блаженней стал!
А то, как ни возьмешь, всё глупости встречаешь,
Напрасно философ, напрасно рассуждаешь,
Ты пагубой поставил нам порок,
Учить нас захотел; ну — вот прекрасно!
Мораль твоя темна; наври — всё будет ясно!
Скажи: кто беден — будь игрок!
Безбожник — справедлив, болтун — весела нрава,
Льстец — правду говорит, лукавец — всем пример,
Буян — молодцеват, и скромен лицемер!
Вот логика твоя и права,
Тогда ты и в чести.
Ты хочешь быть любим? — Польсти, мой друг, польсти.
Солгать старайся
Для счастья своего,
В ногах валяйся,
Хвали того,
Кто б ни попал, хоть он кнута достоин,

Когда министр глупец,
Скажи, что он мудрец!
Кто трус — скажи, что он весьма отважный воин!
Бездушный секретарь — обиженных отец!
Свояк секретаря, хоть врет о сем, о том!
Любимец его глуп — скажи: они с умом!
Достойны все порфиры,
И, словом, будь тот прям,
Кто крив и кос,
Хвали повсюду их, и там и сям,
Суй ладан всем под нос
И убегай сатиры;
А то ты пропадешь,
Когда не вознесешь
Того, кто ничего не знает;
Такого сатану,
Который помышляет,
Что он верхом сел на луну,
Направя путь свой на планеты,
Объездным полетел осматривать все светы.
На правду языку ты воли не давай,
Пожалуй, не ленись, ранешенько вставай.
В прихожих у господ являйся с петухами,
Там проповедничай, во все дела входи,
И что ты короток — без милости тверди.
Листов десятка три курьезными стихами
В честь барину тому умненько измарай,
«Пою велика мужа!
Пою — воплю — кричу!
Воспеть хочу —
Того! — Кому ничто ни зной, ни стужа!
Который заживо поедет прямо в рай!»
Вот эдак начинай
Похвальную ты оду,
Толкуй всему народу,
Что барин тот во всем примерный господин,
Что в свете он один.
Что порох выдумал не Шварц, монах германский,
Но князь тмутараканский!
Прапрадед барина того,
Которому не зрим мы в пару никого,
Который в мирно время

Навьючил на себя претягостное бремя
И взял под свой покров сирот и вдов;
А на войне, на ратном поле чистом
Готов наедине сражаться с антихри́стом.
С болтливой госпожи пороков не снимай,
А знай,
Что врет она — пустые дудки;
Бранить людей
Из дружбы, ради шутки,
То делает равно и дьявол Асмодей.
Проти́в тех стариков, измученных летами,
Которые кричат против людских страстей,
Отнюдь не смей употреблять своих сетей;
Не говори, что сами
Желали бы опять
Оборотиться вспять
К грехам, которые ругают,
Хоть мысленно хотят, но, жаль, недомогают!
Льстецу не говори, что совести в нем нет,
Что он всё ложь поет,
Что все его слова обманы,
Что правда от него бежала прочь,
Что ищет он набить карманы,
И врет, что день тогда, когда претемна ночь.
У болтуна, смотри, не перебей ни слова,
Пружинным языком
Являя пустослова,
Быть хочет дураком.
Ложь правдой объявя, по свету публикует,
Что видел он во сне, то грезит наяву,
Божась бессовестно, по городу толкует,
Пуская про других прескверную молву.
Монахов ты отнюдь распутства не касайся,
Монашья голова когда вином полна,
К сатире прямо не бросайся:
Есть разрешение
Елея и вина.
Не убоявшись вышней казни,
С антифизическим грехом монах в приязни,
Ведь это не беда,
Когда
Тайком он грезит под рукою;

Барков то некогда знать свету дал,
Зато его клюкою
Побили, как свинью... Кто ж проиграл?
Не знает поп читать, не знает поп обедни,
Он тем блажен! — Какие бредни,
Да к счастию его прямая путь-дорога,
«Блажен, кто духом нищ, тот узрит в славе бога»,
Спаситель нам сказал
Чрез то совсем другое,
И разрешить сомнение такое
Не знаю чем, — мой разум очень мал;
Но архипастырей я следую примеру,
На них основываю веру,
Они, я думаю, по смыслу оных слов,
Сбирая изо всей России дураков,
Из них поделали попов!
И для того бранить последних запрещаю,
И к светскому опять обратно приступаю.
Всё в свете хорошо, всё к лучшему идет,
Согласен с дедушкой ученым я Панглосом,
Кандид пустое врет,
Старик Панглосушка расчухал добрым носом,
Что нет худого в нас, что свет блестит во тьме,
Что польза есть во всем, и есть добро в дерьме!
Какая нужда мне, скажу я то примером,
Когда девица с кавалером,
Без позволения отца,
Тихонько уплелась из батюшкина дому,
И как она ушла — в окошко иль с крыльца,
И нет ли в доме том и шуму, и содому;
Какая нужда мне,
Когда отец так плох, — хоть он гори в огне.
Наполнен город весь молвою,
Что Гур иль Евдоким
Поссорился с женою, —
Бог с ним!
Я не забочуся, хотя б дошло до драки.
Терентий задурил:
На экипаж, на фраки
Три тысячи крестьян и больше разорил, —
Пускай Терентий так мотает!
В награду магистрат Терентья ожидает,

Какая-то княжна вчера родила дочь,
За это никому я не ломаю шапки,
А всё-таки опять от миру я не прочь, —
То дело не мое, а повивальной бабки!
Пафнутий Сидорыч стал нынеча богат,
А был до свадьбы очень беден:
Так люди говорят, —
Не въявь, а стороною, —
Что он ссужается женою.
Пафнутий для меня, ей-ей, совсем не вреден,
Не стану, право, я трубить о нем трубою,
Ссужайся он себе, по мне, хотя собою.
Меркурий городской, Ермила, парень ловкой,
Связался, слышу я, с какою-то чертовкой,
Которая его искусно провела.
Анюту обещал представить он натурой,
Да, слышно, не пошли на лад его дела,
Не сладит, говорят, никак он с этой дурой,
И в этом, кажется, беда невелика.
Докуды следствия, за Аннушку-плутовку
Ермиле задали недавно потасовку...
Ну что ж? и это не беда:
Терпели то одни Ермилины бока.
У тетки под крылом воспитанный пренежно,
Майор в шестнадцать лет поехал на войну.
«Пропал Ванюшенька, пропал он неизбежно,
Доколь он в армии, я ночи не усну!» —
Так тетушка кричит! Уехал наш Ванюша,
Уж он перед полком;
Порядка не наруша,
Он ходит вечерком
К полковнику всегда два раза на неделе,
Под неприятелем был этот полк и в деле,
Ванюша занемог,
Однако ж наш майор читал армейски штаты
И знает, что в полку есть фуры и солдаты,
И для таких причин
Ванюше дали чин!
У Трускина душа сражением кипела,
Мечталися ему всё пули да штыки, —
Лишь только свистнули свинцовы дураки,
Бежит, рассукин сын, и прячется от дела,

Лежит под ящиком, читает «Отче наш»!
Бледнеет и дрожит, — не вымолвить ни слова,
На помощь требует Григорья Богослова!
Лишь дело кончилось — пришел его кураж,
Вскочил, помчался вдруг коня быстрее,
На неприятельской явился батарее,
Устроил караул, расставил часовых, —
Ну что ж явилося от действий таковых?
Не устыдилися вить обмануть царицу,
Что ж дали Трускину? Георгия в петлицу!
Ну как тут умолчать? а что же скажешь ты?
Сомнительны тебе покажутся кресты?
Тебе так кажется; тому, кто крест тот носит,
Честь, удовольствие и славу он приносит;
И для того
Федот
Имеет на него
Претензию большую,
Какую?
Пять Гренадерских рот
Привел в сикурс он за три дни сраженья,
Да и в сражении от фронта не бежал,
За это самое он просит награжденья;
А под присягою царю он обещал
Служить нелицемерно.
Присягу нынече не держат, братец, верно.
Федот
Не скот,
Он это знает,
И для того к кресту он сильно приступает,
Федот дурачится — забота не моя,
Ну виноват ли я?
Таки опять за то не отвечаю,
И смело утверждаю,
Что я не пособлю
Прескучною моралью,
Переговоров я до смерти не люблю.
Акимка содержал в любовницах Наталью,
Она изменница — Наталью он согнал
И взял сестру ее Маврушу;
Неужли от того Акимка наш пропал,
Неужли погубил чрез то Акимка душу?

Акимка философ, живет он без фигур.
Стоически живет, как древний Епикур.
Того таки и жди, как он Маврушу сгонит
И матушку ее себя любить наклонит.
Акимка хват!
И удалой детина,
Акимке дудки всё — и палки, и дубина,
Ты бей его себе, он все-таки богат!
По равнодушию Акимкину такому
И мне о нем кричать, я чаю, по-пустому,
Притом
Сказал, что ни о чем
Переговаривать не стану.
Пахомий чрез жену подобен стал барану:
Хоть по наружности была она строга,
Но у Пахомушки явилися рога.
Приехав из гостей, Пахомий видел ясно,
Что притворяется жена его напрасно.
Пахомий закричал: «Бесстыдная жена!»
— «За что прогневался, мой друг?»
— «Ах! сатана!
Скажи мне: кто такой спустился из окошка?»
Жена ему в ответ: «Любезный... это кошка».
Ну! как они хотят, вить я не архиерей,
Союзы и раздоры
Вить не касаются до должности моей!
Между мужьями есть великие уроды,
Да мне их не унять,
Из них большая часть, божуся, черт на черте.
Да как же быть,
У Карпа двадцать лет
Как нет
Уж зуба во́ рте.
Женился молодец семидесяти лет,
Не ловит уж мышей, да вот лишь нужды нет,
Полдюжины ребят и нежит и лелеет,
Расчухать старый хрен нимало не умеет,
Что дети не его!
Что нужды до того,
Пускай он тешится ребятками своими,
Не занимаюсь я пороками чужими.
Послали на Олимп Юпитера везде искать,

Заставили за ним полицию скакать, —
Когда и бог богов не избежал расправы,
Пусть ведает служителей управы!
Когда Юпитер плут, когда Юпитер вор,
Пусть сделают ему по форме приговор!
Недавно Сидора возила одноколка,
Кафтан с подборами носил он, с кушаком,
На роже борода висела как метелка;
А ныне Сидор наш — в мундире с галуном;
Четверкою в карете
Изволит разъезжать,
Живет в большом он свете,
Не хочет торговать.
Какое дело мне, за деньги или даром,
А Сидор нынче кригс-обер-комиссаром,
Захотел себе добра,
Сказав: давно пора,
И вы́ходил тот чин,
Так стал и господин!
Ему же то похвально.
Всем стоикам скажу в глаза я и формально,
Что всякий для себя на свете сем живет,
Княжнин давно сказал: «Всё у́ди, что плывет».
Ищи своей забавы,
Лишь интерес храни,
Что в свете разны нравы,
То было искони!
Чего ты не найдешь в похвальном нашем мире?
У нас жена одна, у турок по четыре,
Один нас создал бог — и турку, и меня;
Но так мы разнимся, как ночь от бела дня,
Я говорю: жена мне следует едина,
А турок скажет мне: «Ты глупая скотина,
Держи их пятьдесят!»
Я рад, да не велят.
Ах! Если бы не устрашали черти,
Убей меня до смерти,
Когда б я не надел сегодня же чалму,
Не выходил бы я из тепленькой серали,
Без грусти, без печали
Я жил бы, брат, по-твоему.
Но это говорю я только мимоходом,

А правду вымолвить, — шучу:
Я с глупо-варварским народом
Делить блаженства не хочу.
А только подтвержу, что в мире равно в море,
В котором гады без числа,
Так и на свете сем и пакости, и горе,
Порядочного нет на свете ремесла,
Не за свое хватается всяк дело,
В природе что черно — у нас бывает бело.
Иной, на смех уму, в химической печи
Мешает с серою чугун и кирпичи
Для получения и славы, и доходу,
Он золото нашел — а ест лишь хлеб да воду!
Другой, на интерес пуститься не хотя,
Дурачится себе как малое дитя,
С духами говорит, с стихиями бунтует,
А мозгу для себя никак не наколдует.
Скупой лежит у сундука,
Замок держа зубами,
Червонцев у него навалено горами,
Сам голоден как волк, — зимой без сертука.
Беспутный по земле с конца к другому рыщет,
И, чести не имев, за честь подраться ищет,
Он думает, что тем никак не погрешил,
Когда по правилам другого он убил.
Того замучили затеи да прожекты,
А этот целый век всё смотрит на аспекты.
Кривой знаток
Физической науки,
Рассудку дав толчок,
Глаголь берет за буки,
Кричит мне, что луна
Весьма населена,
Что звезды и планеты,
И черти и кометы
Суть интересные и важные дела,
Которые узнать есть польза не мала.
А сверх того, еще таращится к Парнасу,
Ни дня, ни часу
Ушам чувствительным он не дает покоя,
Гудок свой не настроя,
Терéбит бедных муз.

Стихи писать он хочет,
С умом всегда хлопочет,
И, за ворот схватя, до смерти мучит вкус...
А хуже и того — доволен сам собою,
Ах! прах его бери с очками и трубою,
Пускай уши дерет,
Поет пусть как ворона,
Пусть каверзит Невтона,
Пускай себе он врет.
Умолкну! — не хочу с дурачеством возиться,
А лучше приучиться
Спокойно то сносить,
Чего нельзя переменить.

1794 (?), 1805

НАДГРОБИЕ САМОМУ СЕБЕ

1797 ГОДУ, МАРТА 1

Здесь всадник погребен, что целый век трудился,
Крылатого коня смиря, хвалу обресть;
Но в сорок лет, хотя на лошадь мелку сесть,
Садясь, не совладел и до смерти убился.

ПИСЬМО К ДРУГУ МОЕМУ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ НИКОЛЕВУ

От слепого
Нет ни слова!
Что за лень!
Иль работа,
Иль забота
Всякий день?
Иль услада
Пышна града
Заняла,
Что ни строчка
От дружочка
Мне отрады не дала?

Не о новостях придворных,
Не о галлах презадорных,

Не о робкой немчуре,
Кою жмут в ее норе,
Не о росском грома сыне,
Коим побежденны ныне
В Гельветических горах
Зависть, естество и враг,

Я желаю знать от друга:
Происшествий полный свет
Мне открыт и из газет;
Но средь скуки и недуга,
Коим долго я страдал,
Вследствие последней моды,
Нам явле́нной от природы,
Я от друга ожидал
Строк десяток в утешенье,
Я хотел, чтоб он сказал
О здоровье, упражненье,
Пуще же всего о том,
Скоро ль к нам он принесется,
Скоро ли пустой займется
За каретным рядом дом.

Скажи, когда с тобой беседы
Опять в Москве возобновим?
Когда нечаянны обеды
Мы со́ лбу на лоб поедим?
Когда в собраньях, маскерадах,
В различных видах и нарядах
Мы чудаков толпы узрим?
Иль, светские оставя сцены,
Когда у токов Иппокрены
Мы глас двух лир соединим?

Быстры крылья простирая,
Яко дерзостный орел,
Друг мой, песни соплетая,
На Парнас давно взлетел;
Но с надневского Парнаса
Мне его не слышно гласа,
Или ныне он умолк?

Нет, вещают, он вспевает,
Только друг его не знает.
Отчего же? Дай мне толк.

Но мы теперь далёко
Между собой, мой друг;
Не зрит друг друга око,
Речей не слышит слух.
У смерти под косою
Недавно я лежал,
За Стикс одной ногою
Почти переступал;
Курноска уж готова
Была меня пожрать;
Но как-то рока злого
Успел я избежать.
В сии минуты злые,
Как свет в глазах темнел,
Я суеты земные
В прямом их виде зрел.
Я зрел, что лавр героя,
И золото скупца,
И слава лирна строя,
И титлы гордеца,

И нежна чувства сладость
В объятьях красоты,
И честолюбья радость
Средь пышной суеты,

И здравие, и младость,
И нежна детства цвет,
И мудрость зрелых лет, —
Всё люта смерть пожрет.

И даже Мирлифлор, прозопиита дамской,
Мечтающий пленить то былью нас, то сказкой,
Между сороками сидящий гогольком,
Горючую слезу лиющ над васильком, —
И он умрет? — Ах! нет. — Как сахарец растает,
В незриму превратится мглу.

И свет бессовестный вовеки не узнает,
Что дивом некогда он слыл в своем углу.

Ты только, дружество сердечно,
В душах честны́х не у́мрешь вечно;
Ты пища умна существа,
Перед тобой ничтожна злоба;
Ты услажденье в дверях гроба;
Дар лучший смертных божества.
Венчай мои стихи, о дружество священно!
И осень дней моих цветами одевай,
Потом зимою лет уж сердце охлажденно
Благотворительным дыханьем согревай.

1799

НАПРАСНЫЕ ТРУДЫ

ПОСЛАНИЕ К КОМУ УГОДНО

С жильцами Геликона
Хотелось мне засесть;
И к лаврам Аполлона
Беллонины приплесть.
Бряцая в струны лирны,
Я пел стихи в дни мирны,
И жизни не жалел,
Как огнь войны горел.
Исполнилось желанье.
Труды венчал успех.
Каких же за старанье
Добился я утех?
Все громко хохотали!
Все тщетным называли
Принятый мною труд,
Все взапуски тазали,
И вещь одну казали,
Что деньгами зовут.
«Поверь мне, мой любезный! —
Кричал тут всякий мне, —
Один лишь труд полезный
Есть в нашей стороне,
Чтоб светлыми кружками

Наполнить свой карман,
А с древними божками
Вестись не корм — обман.
Хоть быв умней Платона,
Достанешь с Геликона
Ты лавров целый лес,
И храбростью своею
Докажешь, что пред нею
Безделка Ахиллес,
Да денег ни алтына, —
Так будешь ты на нас
Сквозь щелку, из-за тына
Смотреть, прищуря глаз!»
Полезну вняв совету
И следуя в том свету,
Откланяться хочу
Я другу Аполлону,
И любушку Беллону
Слезами омочу,
Навеки с ней прощаясь,
Разрушу с ними связь.
Уйду невежства в грязь,
Лишь золотом прельщаясь.
«Фуй! Фуй! — кричит мне честь, —
Какие подлы мысли!»
— «То так, как деньги есть,
А то сама расчисли,
Голубка, честь моя,
С тобой ведь буду я
Под окнами шататься».
— «Тому не можно статься,
Чтобы питомец муз,
Который им любезен
И кто в войне не трус,
Отечеству полезен,
Оставлен был когда».
— «Бывает то всегда,
Поверь мне, честь брюзглива.
И ежели кого
Планета несчастлива,
Так знай, что у того
Всё вечно не клеится.

Когда ему случится
От скуки рифмы сплесть
И публике принесть
Безделкой той утеху;
Завидуя успеху,
Мозглявиных пятьсот,
Разинув глупый рот,
Против него восстанут
И всем божиться станут,
Что в рифмах он наврал
Иль рифмы те украл.
Иль глупые составят
И в городе расславят
На пленного стихи,
И за его грехи
На счет ему поставят.
А ежели случится,
Опасность позабыв,
Ему, в сраженьи быв,
Меж прочих отличиться,
То, вместо всех наград,
Его поставят в ряд
С трусами, кои в деле,
Имев чуть душу в теле,
Шатались по полям,
Не бывши вовсе там.
Итак, ты видишь ясно
Сама теперь, мой свет,
Что я спешил напрасно
Болтунье древней вслед,
Что мне разумный свет
Не попусту хохочет;
Затем, что если хочет
Кто в нем хоть чуть понять,
Не быв меж дураками,
Тот должен привыкать
С собаками брехать
И драть овец с волками».
Тут честь мне, осердясь:
«Всё то одни рассказы.
Хоть за свои проказы
Терпел ты много раз,

Хоть вечно не прославишь
Себя в людских умах,
Но с лирой жизнь оставишь
Иль с шпагой ты в руках.
Ведь вся твоя забава
Лишь в них заключена!»
Ахти! едва ль она,
Друзья мои, не права.

1790-е годы

СТАНСЫ

Спокойного часа́ я в жизни не имел,
Коварствами людей отвсюду окруженный;
Противу честности я видел тучу стрел
И завистию блеск достоинств помраченный.

Я пышность и чины считал за вздорный сон;
В них видел глупости сугубую причину.
Терзался, слушая вседневно бедных стон
И бесконечную зря в мире зол пучину.

Ругательства сносил несчетны от святош,
Не в деле, но в словах встречая добродетель;
И, царствующу зря везде над светом ложь,
Я смертных только был лишь бедствия свидетель.

Сердечных горестей избегнуть я не мог.
Любовницей моей обманут был бесстыдно,
Чем больше в честности старался быть я строг,
Тем более плутам был жертвой очевидно.

Свет солнечный теперь в последний видя раз,
Я к смертному одру спокойно приближаюсь.
Не страшен для меня, приятен смерти час,
И в бездну вечности я смело погружаюсь.

<1804>

ПИСЬМО К МИХАЙЛЕ АНТОНОВИЧУ ШИШКОВУ

Приязни чувствием ты мой измеря дар,
Манишь меня на Пинд, Шишков любезный, снова,
Велишь поэзии, воспламеняя жар,
Осмеивать глупца, язвить порочна, злого;
То время протекло; Сатурнова рука
Чувствительно на мне уже отяготела,
Рассудок здрав еще, но мысль не столь пылка,
За Хроном острота неволей улетела.
Минули годы те, когда кипяща кровь
Цветущее во мне рождала вображенье,
Как, сердце нежностью наполнивши, любовь
Сей жизни множила собой обвороженье;
Тогда, поэзии огнем воспламенен,
То нежным гласом пел я прелести Темиры,
То вдруг, развратами людскими возмущен,
Пускался исправлять их едкостью сатиры.
Но ах! Как может быть опасна тем она,
Кому и совести глас строгий не ужасен!
Досадна разуму хула, а не страшна;
И смертных исправлять поэтов труд напрасен,
Напрасно на порок сатирики гремят
И музыкой прельстить глухих воображают;
Стихами глупостей людских не истребят,
Лишь ярость на себя безумцев воружают;
Того, кто целый век обманывал и крал,
Щадить чужой карман нельзя принудить лирой,
Того, кто целый век спесивился и врал,
Уклонней и умней не сделаешь сатирой.
Нельзя поэзией усовестить льстеца,
Ни мота оперой исправить, ни лентяя,
Стихами в краску ввесть нет способу лжеца,
Иль вежству выучить трактирна негодяя.
Героям росским в честь воспетая хвала
Трускова удержать бессильна в поле брани;
Сатирой на грабеж направленна стрела
От взятков Жмотику закрыть не может длани.
Картежников, скупцов, как ни трудись пиит,
Вовеки не уймут комедии, ни драмы;
А Бахусовых чад, покуда свет стоит,

От пунша воздержать не могут эпиграммы.
На что ж истощевать напрасные слова?
На что, дразня глупцов, бесплодно надрываться?
Нет, нет! вовек моя не будет голова
Сатирой никакой отныне заниматься.
Оставим свет, Шишков, таким, каков он есть,
Порочных предадим их совести в сужденье;
Ты следуешь уму, ты любишь правду, честь;
А добрых главное есть свойство — снисхожденье.

От глупости людской и злобы удален,
В объятьях милого семейства успокоен,
Я вижу благ мирских превратности и тлен;
Желаньем их мой дух уж боле не расстроен.
Я за Суворовым по Альпам не лечу,
С Волтером на Парнас засесть не затеваю,
За то, что в вист нейдут, в бостоне не кричу
И в клубе средь толпы нарядной не зеваю.
Поутру всей семьей, с лопаткою в руках,
Как луч златой блеснет по жемчугам Авроры,
На зеленеющих в саду моем лужках
Лелеем мы дары благоуханной Флоры.
Иль, сельскими заняв работами мой ум,
Я соображаю их с влияниями неба.
Тут пиитических лишаюсь пылких дум,
И Триптолемов плуг заменит лиру Феба.
Но ежели когда в свободные часы
Я, духом воскрылен, бряцаю в струны лирны,
Природы славлю я бесчисленны красы,
Священно дружество и дни вспеваю мирны,
И, мысль надменную из сердца истребя,
Стараюсь научать, но не других — себя.

<1804>

ПУСТЫННИК И ФОРТУНА

Притча

Жил-был не мудрый человек,
По светскому сужденью.
Он не привычен был к придворну обхожденью;
Он ябед бегал целый век,

Не тщился лестию быть значущ у престола,
Утех не полагал в прельщеньи нежна пола,
Но при умеренной судьбе
Искал он счастия в себе,
А знанья — в действиях Природы.
Богатства, почестей, породы
И славы, общей сей прелестницы людей,
Для коей человек нередко был злодей,
Для коей Александр кроваву взял дорогу,
Волтер прикинулся, не верит будто богу,
А удивляющий наш век Наполеон,
Не совестясь, чужой подцапал трон, —
Мой сельский житель
Был только зритель,
А не служитель.
Как вдруг в полночь
Стук-стук к нему в ворота.
В таком часу вставать не всякому охота;
Но сердце говорит, чтоб страннику помочь.
Он сердцу внял, побрел, калитку отворяет —
И сам себе не доверяет,
Увидя множество колясок и карет.
Казалося, к нему нагрянул целый свет!
Тогда одна великолепна дама,
Которая подчас хоть нравна и упряма,
Кричит ему: «Дружок! настал твой красный день.
Что ты стоишь как пень?
Фортуна я — смотри — хоть дикого ты нрава,
Но я и безо зву заехала к тебе;
Благодари судьбе!
Вот почести, чины, богатство, знатность, слава.
Скорей, скорей ворота отворяй,
И поезд мой к себе с поклоном водворяй».
— «Сударыня! — вскричал пустынник мой, — и сроду
Я столько у себя не видывал народу!
Куда мне вас девать?
Я ведаю: вы прихотливы свойством,
А у меня всего одна кровать,
И та уж занята спокойством,
Которого для вас я выгнать не хочу».
Поклон им, дверью хлоп — и погасил свечу.
<1805>

ЗВЕРИ, БОЛЬНЫЕ ЧУМОЮ

Притча

Чумою звери заболели,
Лев тотчас собрал их в совет.
Повеся нóсы все сидели,
Отвсюду зря пучину бед.
Тогда им Лев вещает важно:
«Конечно, кто-нибудь из вас
Прогневати богов отважно
Осмелился в сей лютый час.
К спасению зверина племя
Мы винного должны казнить
И небу ненавистно семя
Из обществ наших истребить.
Вещайте все, не запирайтесь
И кайтеся в своих грехах;
О пользе общества старайтесь
И прочь гоните смерти страх.
Я первый вам пример являю:
Быков, оленей я едал;
Но в том греха не поставляю!
Создатель мне их в пищу дал.
Ну, волк! Начни свои рассказы,
И волки что-нибудь едят».
Вещает волк свои проказы:
«Я резывал овец, телят;
Но это делал не из злости,
А в наученье пастухам:
Вперед чтоб не пускали в гости
Они овец своих к волкам».
Лисица стала открываться:
«Я множество поела кур;
Но как же можно удержаться,
Чтоб не глотать таких мне дур?»
Подобно звери все зубасты
Признались в грехах своих.
Грехи ж хоть важны их и часты,
Но зубы оправдали их.
Тут выступил бедняк ослища
И так собранью говорил:
«Трава — моя всегдашня пища,

Так мню, что тем не согрешил.
Однако помню я, однажды
Лился при церкви чистый ток,
Я в оном напился от жажды
И сорвал с паперти клочок
Зеленой травки. В том я грешен».
Тут звери все: «Какой злодей!
Он должен тотчас быть повешен.
Он ужас всех честных зверей!»
Во святотатство грех вменили,
И хоть невинен мой шалун,
Но звери смерть определили
Ослу и дали карачун.

Где зверские владеют нравы,
Везде равна бессильных часть:
Они должны, хоть были б правы,
За сильных грешников пропасть.

<1806>

РУССКИЙ У ПОДОШВЫ ЧАТЫРДАГА

В 1807 ГОДУ

Вчера еще являл надменный Чатырдаг
Чело, блестящее лучом последним Феба,
Вчера еще лазурь отсвечивалась неба
В скрывающих его вершину вечных льдах.
Вдруг Веспер налетел, одеян бурной мглою,
Туманами покрыл гиганта гордый вид —
И царь Тавридских гор уж взора не дивит
Грозящею главою.
Увы! сокрылся твой величественный зрак,
О гордый Чатырдаг! и глáва,
Под тяготяще<ю> рукой судеб устава,
Повержена во мрак.

Так мыслил я, с челом, поникшим долу,
Истоку преседя Салгирских мутных вод.
Ах, всё под солнцем свой имеет периóд,
Премена хижине присущна и престолу.

Как падающих звезд мгновенно тухнет блеск,
Подобно мира царств сиянье исчезает:
Едва могуществом род смертных ужасает,
И уж валящейся громады слышен треск.

Тут, к дивным наших дней событьям обращая
Взор, человечества напастьми утомлен,
И сына чувствием к стране своей вспален,
Со вздохом, с горестью воскликнул я, вещая:
«Где лаврами обвитый меч твой, росс?
Где сильная рука, страшившая вселенну?
Тебе ли, слабостью незапной изумленну,
Посмел предписывать уставы дерзкий Корс?
Ужель всю мощь твою, весь дух Екатерина
Сокрыла в гроб с собой?..
Ужель к паденью царств назначенна судьбой,
Приспела срочная и для тебя година?
Тогда ль, как к небесам главу вознес Колосс,
В нем внутренность мождит отрава?
Тогда ль, как в полноте созрел ко славе росс,
Его незапно меркнет слава!
Пространна колыбель героев искони!
Отечество мое! страна мужей почтенных
Вселенную дивит, тобою воздаенных, —
Встань, прах стряси от вежд и на себя взгляни,
На славу, коею пределы мира полны,
На способы твои нетщетны кинь твой взор:
Здесь дух твоих сынов, там злато в недрах гор,
А вкруг седьми морей тебе послушны волны.
Давно ли оттоман гордящийся дрожал,
Румянцовым твоим в Стамбуле устрашенный?
Давно ль кичливый галл руки твоей бежал,
Твоим Суворовым нещадно пораженный?
Здесь царство силою ума покорено,
Там царство истребил твой меч правдива мщенья.
На верх величества и славы взнесено,
По воле кротость ты являло иль прещенья.
Какой же чарою против твоих врагов
На ратном поприще бессильствуешь ты ныне?
Какой враждебный дух, устроя хитрый ков,
К постыдной мог довесть тебя судьбине?
В России ли уже великих нет мужей?

Их в недрах у себя всегда она имела.
Петр государственных в ней сотворял людей,
Екатерина их отыскивать умела.
Отечественный дух в России возбудить
Единое удобно слово.
Уметь и умереть, уметь и победить —
Для россов никогда не ново.
Нет нужды нам искать героев чуждых стран, —
Довольно есть своих искусных сограждан,
Чрез воды нас, чрез огнь могущих весть в храм
славы;
Царя, отечество любить — то их уставы.
Но если зодчий, взяв где глину за гранит,
Из ней соорудить огромный храм возмнит,
Обрушиться тотчас должно непрочно зданье.
Когда употреблен в делах
Невежда или даже враг,
Худой успех всегда обманет ожиданье.
Пристрастью тамо места нет,
Где требуют отечество и слава
Не гибкого, уклончивого нрава,
Не дворской хитрости от вождей, а побед.
Коль дарованиям, заслугам предпочтенна
Дышаща дерзостью неопытность надменна
Иль ползающа лесть, душ мелких гнусный дар, —
Готов тут гибельный удар,
И царств падения минута приближенна.
О вы! что честолюбья глас
Влечет за пышностью, за почестьми, чинами!
Всё это есть уже у вас, —
Почестолюбствуйте ж хоть раз
Прямыми быть отечества сынами.
Отведайте вкусить пресладостный нектар
Хвалы, не лестию сплетенный сильным в дар
И не наемничьей рукою начерченной,
Но сердцем вашим в вас самих произреченной.
Вотще всей силою ко благу воспарит
Монарх, хоть с ангельской душою в свет рожденный,
Успехами труды не будут награжденны,
Достойных коль себе сотрудников не зрит.
Бесплодно проведет он дни свои в заботе,
Чтобы к величеству страну свою возвесть.

Что может славного ваятель произвесть,
Имеющий резцы, не годные к работе?
Владыки царств земных!
Меж миллионами подвластна вам народа
Великих душ рождать не устает природа.
Употребляйте только их:
И, мудростью водимы,
Их отличать в толпе стремите бдящий взор.
Так злато рудокоп в ущельях видит гор,
Где мыслят зреть одну дресву простолюдимы.

P. S. В 1810 ГОДУ

Прощай, мой Чатырдаг! Прощай, унынья друг!
Я действию искать намерен новый круг.
Желанья, в сих моих стихах изображенны,
Монаршей волею днесь удовлетворенны.
Искусный рудокоп, и в недрах дальних скал
Он злато меж дресвы лишь вздумал — отыскал.
Ко благу общему чрез искренни воззванья
В сотрудниках родил он дух соревнованья.
Взносись, отечество! Попри твоих врагов
И будь по-прежнему страной полубогов.

1807, 1810

ПОСЛАНИЕ К КНЯЗЮ С. Н. ДОЛГОРУКОВУ

Воскресни, Ювенал! воскресни, правды друг!
Вручи свою мне кисть, впери в меня свой дух,
Чтоб смелою рукой, презрев ехидных жало,
С злодейства, с глупости я сорвал покрывало;
Чтоб в сих моих стихах твой едкий, резкий слог
Постыдные дела карать достойно мог.
«Опять с сатирою, — я слышу, мне пеняют. —
Опять стихи о том, о чем давно все знают!
Людские каверзы у всех наперечет.
Напрасно желчь твоя, сатирик, потечет;
И что ни скажешь ты, уж всё обыкновенно!»
Как! под предлогом сим, открыто, дерзновенно,
Подъяв с бесстрашием надменное чело
И языки связав, восторжествует зло!

И мне велит молчать затем, что всё не диво?
Быть может, если б я сказал, что племя лживо
Издавна завистью на истину шипит,
Что блеском золота дурак толпу слепит,
Что по приданому ценится лишь невеста,
Что ходит человек с способностьми без места,
А с покровительством при должности глупец,
Что деньгами достал асессорство купец,
Что Лиза под шумок рога кует Злораду,
Что Сусликов себе лишь в пунше зрит отраду.
Признаться, о таких писать мирских грехах
И в прозе не по что, не только что в стихах.
И с давних лет уже всё это между нами
Обыкновенными считается делами.
Но, к вящему всегда стремяся, человек
Нам новые открыл неистовства в наш век.
Ужели кажется то вещь обыкновенна,
Когда в числе честны́х, средь общества почтенна
Без затруднения Щечин себя вместил,
Хоть банком сто семейств он по миру пустил?
Разбойник вежливый, неся бесстыдну рожу,
Алкая холодно со всякого драть кожу,
Тем разве сделался на честного похож,
Что выдумал из карт на ближних сделать нож?
Что нужды! Честен он, коль всюду без простою,
Лишь только проиграл, всем платит чистотою.
Все знают, что он вор, но принят потому,
Что, конча партию, не должен никому,
А что он крал, так то он банк метал счастливо.
А это, например, ужель не чтить за диво,
Когда губернию Подлягин разоря
И уж обруганный указом от царя,
Другой род службы взяв и, ко стыду законов,
В распоряжение вступая миллионов,
Мнит так: пускай граждан мешают грабить мне, —
Убыток вымещу я этот на казне,
И, шествуя стезей воров без остановки,
На шее с лентою, избавлюсь от веревки.
Иль, жаркой мы когда быв заняты войной,
Заграбин и Хапков, вступя в подряд с казной,
Один, не выставя припасов и доспехов,
Ко славе препинал путь войскам средь успехов;

Другой — на раненых свершил в гошпиталях
Смерть, недоконченну на Марсовых полях;
Корыстолюбия всем жертвуя кумиру,
Готовы подписать за грош погибель миру.
Хоть сделались они, рождая бедствий тьмы,
Солдатам пагубней картечей и чумы,
Но, покровительство достав себе из платы,
Великолепные воздвигнули палаты,
Дают и праздники, и балы, и столы,
За коими льстецы вспевают им хвалы;
Искусством повара загладя преступленьи,
Средь пиршеств жизнь ведут в приятном усыпленьи;
А воин между тем, пришедший на клюке
И через них одних не в лавровом венке,
Простря под окнами исстреленну десницу,
За счастье чтит достать от их стола крупицу.
Посмотрим на сего теперь откупщика:
В карман к нему течет серебряна река,
Презревши скромные отца в лаптях примеры,
В дворяне вышел он, и даже в кавалеры,
И столько сделался своей казною дюж,
Что тысяч несколько теперь имеет душ.
А начал он с чего? — Как был еще купчишко,
Он кое-как тогда достал себе чинишко;
Но, встретя к откупам преграду чрез него,
Бесстыдно отперся от чина своего.
Вдруг стал опять купец — и вновь вступил в дворяне,
Как туго у него уж сделалось в кармане.
Каких не принимал к обогащенью мер
Сей из подносчиков возникший кавалер!
Не удовольствуясь, что пьянством портил нравы,
Он пакостил вино, клал вредные приправы,
И часто, превратя народну радость в плач,
На откуп им взятых губерний был палач.
Но кто окружена сей ветреной толпою,
С торжественным лицом, нетрепетной стопою,
В алмазах, в жемчугах вступает в маскерад?
То Фрина, коея прелестный, хитрый взгляд
Златима уловил, и в узы Гименея
Она вторично с ним вступила, не краснея.
Как! но ведь жив еще Простон, ее супруг.
Так что же? он, ее продавши, стал ей друг.

Ужли религия в желаньях остановка?
Поверьте, в свете сем потребна лишь уловка.
С Простоном надобен у Фрины был развод;
Простону золотом зажали тотчас рот,
И муж уступчивый, муж прямо светский, модный,
Он исповедь свою соделал всенародной,
И грешником себя без дальнего труда
За деньги объявил до страшного суда.
Людские разумы так ныне изострились,
Что на слове поймать и бога ухитрились.
Сыскали способы в евангельских речах
К пороку дерзостный обезопасить шаг;
И в беззакониях законом стали правы.
О, просвещение! О, времена! О, нравы!
Продажу уняли в солдаты наших слуг,
Так стали жен сбывать своих за деньги с рук.
Я мыслю, что сия торговли отрасль нова
Не менее других воспламенит иного;
И скоро множество посадских и бояр
К Макарью жен менять поедут на товар.
«Что ж, разве ничего уж в мире нет святого?
Иль нас живых пожрать геенна всех готова?
И в злодеяниях погрязнув целый свет,
В нем добродетели уж вовсе места нет?
Сатирик! посмотри на скромную Лезбину:
Она в собраниях не взглянет на мужчину,
И день и ночь она с подругою своей,
И прелесть волокит не действует над ней, —
Ужель и тут найдет язык твой путь к злословью?»
— Нет! не клеплю ее я к модникам любовью.
Но целомудрия хранится ли устав
Чрез нарушение натуры вечных прав?
И стоит ли она хвалы пред целым светом,
Что пол ее для ней стал похоти предметом?
Противоестественной любовию дыша,
Мужчин бежит ее уродлива душа!
Но с тем, чтоб, жертвуя неистовств нову роду,
В объятиях подруг им оскорблять природу,
Неслыханны досель похабства здесь явить.
Распутством Греции Россию удивить,
И, молодость девиц невинных развращая,
Губить их нравственность, здоровье поглощая!

Но кинем сих злодейств мерзительный собор!
На глупость, на порок прострем усталый взор:
Посмотрим, меньше ль мы у них в порабощеньи
И сильны ли у нас успехи в просвещеньи.
Первейшим долгом все считают меж людей
О воспитании пещись своих детей;
К их сведенью довесть науки и искусства,
Любви к отечеству влить в сердце жарки чувства,
На пользу общую образовать их дух,
Чтоб сын отечества был вместе людям друг. —
Вот сладкие плоды трудов, отцам приятных.
Рассмотрим же теперь своих *Невероятных:*[1]
Имеют ли сии отечества сыны
Потребны качества для блага сей страны?
Различны знания, чем их умы набиты,
Нам могут ли служить для пользы иль защиты?
И с полным сведеньем о всех землях чужих
Хоть сокращенное о нашей — есть ли в них?
Какой к отечеству их жар, к служенью рвенье
И к праху праотцев в душе благоговенье?..
Я тщетно русского найти меж ними льщусь:
Всяк англичанин в них, иль немец, иль француз;
Презренье к своему, к чужому почитанье
Им иностранное внушило воспитанье.
Там Вральман, там Годдем, а здесь учил Аббе, —
И всяк образовал питомца по себе;
Дивиться должно ли, что сих людей уроки
К природным привили и их земель пороки?
Коль собственный разврат удвоили чужим,
Когда отечеством своим не дорожим,
Так дивно ль, что, имев забавы тщетны целью,
Там посвящают дни виновному безделью?
Что, с помочей сойдя, мальчишка в двадцать лет
С распутной девкою открыто жизнь ведет?
Что тот, кто рожею сесть к ста́вцу не умеет,
Судить религию, судить правленье смеет,
И, на губах не дав обсохнуть молоку,
Пределов не кладет болтливу языку?
По моде — враг дворян, по моде — друг народа,
Свободою пленен, не зная — что́ свобода,

[1] Incroyables.

И в клубе английском прехрабрый молодец;
Но в поле чести, там, где пал его отец,
Бесстрашно защищав отечество любезно,
Он ни ногой туда, — и было б бесполезно.
Наукам, кои знать дворянства есть удел,
Учиться он в свой век не мог и не хотел
И, к модным знаниям стремя дары натуры,
Он мастер рисовать одни карикатуры.
Что ж сделал бы войскам присутством он своим?
Помеху бы иль вред нанес невежда им.
Влачи всю жизнь свою впотьмах, Невероятный,
И к гробу, пляшучи, спеши стезей развратной!
Предавши в сих стихах, не льстя, из рода в род,
Вкушаемый теперь от воспитанья плод,
К словесности на час мы нашей обратимся:
Произведеньями ее не восхитимся...
В ней модных авторов французско-русский лик
Стремится искажать отеческий язык.
Один в ней следует жеманну Дюпати,
Другой с собакою вступает в симпати;
Там воздыхающий, плаксивый Мирлифлор
Гордится, выпустя сентиментальный вздор;
Тот без просодии стихами песни пишет;
Иной наивностью в развратной сказке дышит;
А сей, вообразив, что он российский Стерн,
Жемчужну льет слезу на шелковистый дерн,
Приветствует луну и входит в восхищенье,
Курсивом прописав змее свое прощенье.
Всем хочется писать, велик иль мал их дар;
Повсюду авторства в сердцах затлелся жар;
Исполнить торопясь писательски желанья,
Все в ежемесячны пустилися изданья.
И наконец я зрю в стране моей родной
Журналов тысячи, а книги ни одной!
Орел поэзии, честь лиры, слава россов,
К тебе я обращусь, великий Ломоносов,
К тебе, которого в стихах бессмертный дар
В тьме подражателей родил напрасный жар!
Сколь путь шероховат к Парнасу их ватаге!
Надеются, прыгнут, споткнулись и — в овраге...
Я часто, оды их читая, хохочу,
Бросаю и с тобой беседовать хочу.

Но, может быть, театр здесь славой россиянам
И две на нем сестры к нам смотрят не Касьяном?
Заглянем на него, заглянем на успех
Искусства — в нас рождать иль слезы, или смех.
Какие, общего достойны удивленья,
Мы в модных драмах зрим диковинны явленья?
И, скучных свободясь издревле чтимых уз,
Чем превосходен стал очищенный наш вкус?..
К благопристойности пустую бросят веру,
Нам на театр б... выводят для примеру!
В комедиях теперь не нужно острых слов:
Чтобы смешить, пусти на сцену дураков; [1]
К законным детям дверь чувствительности скрыта:
Нет жалости к бедам несчастна Ипполита
Иль Ифигении, стенящей от отца;
Один лишь «Сын любви» здесь трогает сердца.
«Гуситы», «Попугай» предпочтены Сорене,
И Коцебятина одна теперь на сцене.
О, сколько б был еще благословен сей час,
Когда б в одних стихах лишь порча завелась
И в драматических писаньях здесь встречалась!
Когда бы нравственность у нас не развращалась;
Когда бы в юношах свободы вредна страсть
К презренью не вела у них священну власть;
Когда б учители, возникшие из грязи,
Софизмом родственны не разрывали связи;
Когда бы целого всяк частью чтя себя,
Совлекся самости, отечество любя;
И, ревностью к его служенью воспаленный,
Гордился русским быть перед лицом вселенной!
Но тщетно ждать сего от наших молодцов:
Прошедшей славы гром, примеры их отцов
Бессильны тронуть в них собою полны души,
И долга общий глас вотще разит им в уши.
Прочетши всё сие, еще ли скажут мне:
Всегда бывало так на нашей стороне?
От вопля моего еще ли не проснутся?

---

[1] Англичане, а более немцы обыкновенно смешат в комедиях глупостями выведенных на сцене подлых дураков или сумасшедших; изобретение сего способа, избавляющего от трудной обязанности быть умным, должно заслуживать от многих нынешних писателей общую благодарность.

От следствий пагубных еще ль не содрогнутся?
Вот что мне сердце рвет в отечестве моем.
К несчастью, быв не слеп, ищу я тщетно в нем
Болезненной душе хоть в чем-нибудь утехи!
Час мрака наступил; сокрылись игры, смехи;
Совсем лишились мы знакомства милых муз;
И если с кем еще хранят они союз,
То, ревом буйныя ватаги отстраненны,
В беседах дружних лишь возносят глас смиренный,
Меж тем как дерзкого невежства мутный ил
Со всех сторон Парнас бесстыдно наводнил.
На глупость, на разврат глядеть уставши в мире,
Я скрылся, чтоб бряцать свободнее на лире,
Чтоб волю в сих стихах дать чувству моему,
Их дружбе посвятить и зрелому уму,
И, льстяся, что они тягчить не будут скукой,
Тебе сей дар принесть, любезный Долгорукой!
Прими его! прими, колико он ни мал,
Еще не конченну, ему ты восплескал.

Между 1807 и 1811

СВЯТКИ

Вновь *года* нарожденье
Встревожило народ;
К нему на поздравленье
Пустился всякий сброд:
Монахи, рифмачи, красавицы, вельможи,
Один пешком, другой в санях...
Дите, вздрогнув, кричит в слезах
И вопит: «Что за рожи!»

Совет наш именитый,
И в лентах, и в звездах,
Приходит шумной свитой;
Малютку обнял страх.
«Не бойся, не страшись, останься ты в покое;
Мы не обидим никого,
Мы, право, право, ничего,
Хоть нас число большое».

Малютка удивленный
Заметил, что взади
Стоял муж отличенный,
Ему б быть впереди!
Спросил: «Но отчего ж труслива так личина,
А он в сияньи почестей?»
— «Я из солдатских ведь детей;
Вот вся тому причина».

Дите на новоселье
Принес министр овец
Российского изделья
Суконный образец.
«Я знаю, — говорит, — сукно мое дурное,
Но ты надень, любя меня,
А в «Почте северной» и я
Скажу словцо-другое».

Наш Неккер, запыхаясь,
К *ребеночку* сквозь слез,
У ног его валяясь,
Молитву произнес:
«О год! Соделай ты на пользу нашу чудо.
Оно тебе как плюнуть раз,
А без того, боюсь, у нас
Финансам будет худо!

Склонись на пользу нашу,
Рука твоя легка,
А для тебя я кашу
Начну варить пока.
О мастерстве моем здесь каждый уже сведал:
Я кашу лучше всех варю,
И с той поры, как взят к царю,
Лишь только то и делал!»

Сподвижник знаменитый
Его преславных дел,
Румянами покрытый,
К *младенцу* вдруг подсел:
«Себе, — он говорит, — подобного не знаю!

Военным быв средь мирных лет,
Теперь, когда торговли нет,
Торговлей управляю!»

Вдруг слышен шум у входа,
Березинский герой
Кричит толпе народа:
«Раздайся предо мной!»
«Пропустимте его, — здесь каждый повторяет. —
Держать его грешно бы нам!
Мы знаем, он других и сам
Охотно пропускает».

Словесник бессловесный,
Писатель без письма,
Герой, врагам безвестный,
И умник без ума,
Явился Кикин тут: он первый внук победе,
Он муж всех царств и всех времен,
Он в армии беседы член,
А генерал в беседе.

Пронырливый от века
Сибирский лилипут,
Образчик человека,
Явился Пестель тут:
«Что правит *Зевс* с небес землей, я в грош
не ставлю,
Пускай он тем дивит глупцов,
Сибирью сам с Невы брегов
И правлю я, и граблю».

Трактат об воспитаньи
Приносит новый Локк:
«В малютке при стараньи,
Поверьте, будет прок.
Отдайте мне его. Могу на Нижний смело
Сослаться об уме своем;
В Гишпаньи, не таюсь, грехом
Совсем другое дело. . .

Горация на шею
Себе я навязал,
Хоть мало разумею,
Но много прочитал.
Малютку рад учить всем лексиконам в мире;
Но математике никак,
Боюсь, докажут, я дурак,
Как дважды два четыре».

Вдруг сыром завоняло
И кнастером протух,
От звезд хоть заблистало,
Но всякий ропщет вслух.
«Министр я водяной, на мне лежит довольство;
Когда один, на всех ворчу,
В совете ж трушу и молчу, —
Мое такое свойство!»

Еще карикатура —
За ним вблизи стоит
Преподлая фигура
И всем тут говорит:
«Не понимаю сам, что сделалось со мною!
Сперва с бандурою в руках
Сидел в трактирах, кабаках,
Теперь — и я с звездою»

1815 (?)

* * *

Все лица в «Мельнике» мне кажутся на стать.
Один мере́н в нем не очень всем угоден,
Однако же и тот с натурой был бы сходен,
Когда бы автор сам взялся его играть.

1779

* * *

Московской публике Мирон служить хотел,
И «Заблуждение минутно» перевел.
Зато ему во награжденье,
Что переводами нас хочет веселить,
Осталося о том создателя просить,
Чтоб было то минутно заблужденье.

1780

ЭПИТАФИЯ

Лежащий здесь Дамон, играв в волан, вспотел
И столько запыхался,
Что книгой кровь свою спокоити хотел,
Но, Адельсона взяв, страницу лишь прочел —
Застыла кровь, и он простудою скончался.

1781

* * *

Из ваших петербургских стран
Приехал к нам Денис-тиран,
Однако же не Сиракузский,
А чисто наш мучитель русский.

Май 1783

* * *

От жару утомясь в Италии, Дидона
Оставила свое жилище у Марона
И к Помпияну в дом во Францию пришла,
У коего хотя прохладу и нашла,
Однако сгоряча от Сены удалилась
И к нам на северны края переселилась,
Надеясь прохладить у нас скорей свой жар.
Но, вшедши к К<няжнину>, вдруг так окоченела,
Что и С<енявская>, употребя свой дар,
Ее насилу отогрела.

1785

* * *

История вещает,
Что Тит утехой римлян был.
Быть может, но теперь он свойство пременил,
И всё веселие, что римлянам дарил,
Он здесь на русских вымещает.

1786

* * *

Не попусту Волтер монахов ненавидел,
Недаром лил на них ток гнева своего,
Он в жизни, верно, то с досадою предвидел,
Что их воспитанник переведет его.

1780-е годы

* * *

Вздорон кричит: «Нельзя не верить колдунам,
И привиденьям, и духам,
Египетски жрецы как веровали прежде,
В карманной книжке я то ясно доказал,
Так я уверю свет, будь в той, Арист, надежде».
Арист ему на то с усмешкою сказал:
«Что колдунов на свете нет,
Не всякий утверждает,
Но ты что не колдун, мой свет,
Об этом всякий знает».

<1790>

* * *

Маралов написал стихов велику груду,
Едва ли вмочь тащить дебелому верблюду;
Однако ж, для худого смаку,
Не вышло в публику ни одного стиха;
Но в этом нет греха:
Коль не пошли в печать, пойдут под кулебяку.

<1790>

* * *

Что честность иногда бывает бесполезна,
То Велизария являет участь слезна.
Однако же из всех его разивших бед
Лютейшая — что он Безуменным воспет.

1808

* * *

Заграбин в воровстве хотя явился грешен,
Однако же еще доселе не повешен.
Да чем же он от петли избежал?
Тем самым, что не рубль, а тысячу украл,

(ПОДРАЖАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ)

Попам заграждена всегда во ад дорога —
Боятся дьяволы великих их затей
И мнят, когда в живых они едали бога,
То здесь немудрено поесть им всех чертей.

* * *

Хоть Ниса ни к кому сурова не бывает,
Однако честною женою слыть желает
И целый день любовь без милости ругает.
Ласкатели ей в том стараются помочь.
Но добродетельная Ниса,
Супруге следуя Улисса,
Все портит дневные труды,
Лишь придет ночь.

* * *

Велят свой ум скрывать поэту сколько можно,
Поэтому прямой Чертополох поэт,
Затем что у него неложно
Во всех его стихах ума и следу нет.

* * *

Чертополох хотел бессмертным учиниться,
И с одой на Олимп он начал громоздиться,
Но, встречен будучи от Мома тумаком,
Слетел, не сделавшись бессмертным дураком.

СЕРГЕЙ НИКИФОРОВИЧ МАРИН

С. Н. МАРИН

Сергей Никифорович Марин родился 18 января 1776 года в Воронеже. Отец его первоначально был на военной службе, с 1779 года перешел на гражданскую, с 1798 года служил новгородским губернатором.

С. Н. Марин обучался сначала дома, а затем поступил в Воронежское народное училище, которое окончил в 1789 году. 14-ти лет, в 1790 году Марин был определен в лейб-гвардии Преображенский полк. По словам брата Марина — Аполлона Никифоровича — первым стихотворным произведением Сергея Марина были стихи «На новый 1790 год».

В 1797 году Марин был произведен в портупей-прапорщики. В начале своей службы при Павле I он попал в немилость к императору, потому что на одном из вахтпарадов перед Зимним дворцом, проходя со знаменем в руках перед царем, сбился с ноги. За это он был разжалован в рядовые и посажен на дворцовую гауптвахту. Очевидно, в это время Марин пишет свою пародию на оду Ломоносова.

Через несколько месяцев, молодцевато, «по-гатчински» отдав честь Павлу I, Марин вернул себе офицерское звание, став прапорщиком. В ночь на 12 марта 1801 года, когда произошло убийство Павла I, Марин был на стороне заговорщиков. В эту ночь он командовал дворцовым караулом от Преображенского полка. Заговорщики были многим обязаны Марину.

Когда в 1805 году началась война России с Францией, Марин написал «Преображенский марш» («Пойдем, братцы, за границу бить отечества врагов. . .»). Его пели во всех полках гвардии, с ним выступил в поход и сам Марин. В чине поручика он участвовал

в сражении под Аустерлицем, где был тяжело ранен. За Аустерлиц он получил золотую шпагу с надписью: за храбрость.

В августе 1807 года, в чине штабс-капитана, он получил звание флигель-адъютанта. В 1807 г., в сражении при Фридланде, где его батальон «действовал с особенным мужеством», Марин был контужен в голову осколком гранаты. После заключения Тильзитского мира Марин был послан в Париж и вручил Наполеону депешу от Александра I.

В 1808 году в Петербурге, совместно с И. А. Крыловым, Г. Р. Державиным, К. Н. Батюшковым, А. А. Шаховским, Марин участвовал в издании журнала «Драматический вестник». Сам Марин был известен в литературных кругах не только как автор сатирических стихов, но и как драматург-переводчик. Большим успехом пользовался его перевод трагедии Вольтера «Меропа». (Первое представление 30 октября 1811 года.)

Вместе с И. А. Озеровым, братом трагика, Марин перевел первый акт трагедии Лонжепьера «Медея». Остальные акты были переведены А. А. Дельвигом, Н. И. Гнедичем, П. А. Катениным и А. П. Поморским.

В 1809 году Марин был произведен в полковники и назначен «состоять» при тверском генерал-губернаторе принце Георге Ольденбургском. Этим назначением Марин был чрезвычайно недоволен и писал М. С. Воронцову:

Во брани поседев, воспитан под шатрами,
Попал я на паркет и шаркаю ногами.

Из Твери он часто приезжал в Москву и посещал друзей-литераторов. В частности, бывал часто у Вяземского, где встречался с Батюшковым.

14 марта 1811 года Марин был принят в члены «Беседы любителей русского слова».

В 1812 году Марин исполнял должность дежурного генерала по 2-й Западной армии, состоявшей под командованием князя П. И. Багратиона. В сентябре 1812 года Марин тяжело заболел. Он скончался 9 февраля 1813 года в Петербурге. 21 марта 1813 года Батюшков писал Вяземскому: «Марин умер, и я о нем жалею».

1796-го ГОДУ, НО‹ЯБРЯ› 7-го

Ахти — ахти — ахти — попался я впросак!
Из хвата егеря я сделался пруссак.
И, каску променяв на шляпу треугольну,
Веду теперь я жизнь и скучну, и невольну.
Наместо чтоб идти иль в клоб, иль в маскерад,
Готов всегда бежать к дворцу на вахтпарад.
Я должен всякий день искусною рукою
Поставить пуколь тьму, украситься косою;
Друзей, любезную — всё должен позабыть,
И думать лишь о том, ногой чтоб крепче бить.
Метать живей ружьем, вертеть шестом проворно,
Мне весело ли жить — прошу сказать покорно.

1796

ПАРОДИЯ НА ОДУ 9-ю ЛОМОНОСОВА, ВЫБРАННУЮ ИЗ ИОВА

О ты, что в горести напрасно
На службу ропщешь, офицер,
Шумишь и сердишься ужасно,
Что ты давно не кавалер,

Внимай, что царь тебе вещает,
Он гласом сборы прерывает,
Рукою держит эспантон;
Смотри, каков в штиблетах он.
Сбери свои все силы ныне

И стой так прямо, как солдат.
Где был, как в унтерском я чине
Завел в России вахтпарад,
Когда шаржировать заставил,
Явил в маневрах и прославил

Величество и власть мою,
Подай-ка тактику свою!
Где был ты, как передо мною
Возрос из алебардов лес,
Моей обделанных рукою,

А ты не видел сих чудес?
Когда солдаты, все одеты,
Как бы винновые валеты,
Тянули фрунт передо мной,
А ты вкушал тогда покой!

Кто деревянными кремнями
Солдат здесь выучил стрелять,
К спине белеными ремнями
Лопатки вздумал привязать?
Мундиры с битью золотою

Не я ли сильною рукой
На плечи офицер надел
И в праздник их носить велел?
Главы, обстриженны солдатски,
Ты мог ли пуклями снабдить?

И, их одевши по-дурацки,
В казармы кучами набить,
И, вдруг ударивши тревогу,
Подобясь зверю, а не богу,
От трусости как лист дрожать

И двух в солдаты написать.
В болотах глинистых и грязных
Когда и где ты увязал,
И офицеров безобразных
В худых мундирах где видал?

Не зря врагов перед собою,
Приготовлялся ли ты к бою,
Никто на коем не погиб,
И взял ли приступом ты Бип?
Из беглых мог ли ты капралов,

Кои не могут говорить,
Наделать кучу генералов
И им полки препоручить?
Ты мог ли эспантон поправить
И под арест за то отправить,

За вздор из службы исключить,
И на́век в крепость засадить?
Твоей ли хитростью Кутайцев
Играет роль больших вельмож?
Мещан он душит так, как зайцев,

Дворянство всё не ставит в грош.
В моих палатах обитая,
Россиян бедных разоряя,
В нем виден точный басурман, —
Такой талант тобой ли дан?

Не ясна ль в том моя щедрота,
Велел что головы рубить?
Пришла ль когда тебе охота
Кадилом в церкви покадить,
Священной ризою одету,

В себе представить шута свету,
Служа обедню за попа?
Неужель мысль сия глупа?
Ума твого пределы узки
Могли ли тайну ту познать —

Еврейска Анна, что по-русски
Святую значит благодать?
Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гренадерски,
Знамена, флаги кораблей

Любезной именем моей?
Скажи ты мне, в странах Российских
Кто славный акцион завел,
Чтоб кто хотел крестов Мальтийских,
За деньги в оном их нашел?

С французом кто два года дрался,
Чтоб остров Мальта нам достался,
На коем нет почти людей?
Дела то мудрости моей.
Возмог ли ты хотя однажды

Гоненье шляпам объявить,
Велеть россиянам, чтоб каждый
Престал бы круглую носить?
Пучки и сапоги с ушками
Указом истребя меж вами,

Изгнал потом с заносом фрак,
А все кричат: дурак, дурак!
Ко удивленью всего света
Когда мундиры я кроил,
Зачем не подал ты совета,

Чтоб я покрой переменил?
Когда я выдумал штиблеты,
Ботфорты, латы и колеты,
Зачем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной всему я дал?

Сие, служивый, рассуждая,
Представь мою всесильну власть,
И, мерзостный мундир таская,
Имей твою в терпеньи часть.
Я всё на пользу вашу строю,
Казню кого или покою.
Аресты, каторги сноси
И без роптания проси.

<1801>

НА ПРИЕЗД кн. ШАХОВС<КОГО> ИЗ ПАРИЖА

Ударил гром! — и гор кремнистых
Трепещет сердце и хребет!
В странах полночно-снежно-льдистых
Борей, ярясь, как вепрь ревет,
Колеблет мира основанье,
Там зрится северно сиянье,
Стихии в распре меж собой.
В эфире светлый луч играет,
И эхо громко повторяет:
Ура! К нам едет Ш<аховс>кой!

Он едет к нам — и скрип рессоры,
От тяжка бремени сего,
Ч<е>рез моря несясь и горы,
Достиг до слуха моего.
Достиг — и дух мой восхищает!
Витийством чувства наполняет
И нудит мой возвысить глас!
Чтоб петь преславного героя,
Я, лиру громкую настроя,
Для друга лезу на Парнас!

Я влез! — и зрю богов собранье.
Сошлись для помощи они
И прилагают всё старанье,
Скорей бежали б чтоб кони́,
Кои из тридевята царства
Везут в российско государство
Поэта славного назад.
Я восхитился сим явленьем,
И свет наполню удивленьем,
Коль возвещу вам весь парад.

Известно, Феб что управляет
Не хуже кучера коней,
Ему Зевес повелевает,
Чтоб он держался круг вожжей.
Форейтором Меркурий зрится,
Вулкан не смеет отлучиться,
Готов починки исправлять.

Амур, мальчиш<еч>ка с крылами,
Летал всегда над лошадями,
Их плетью тщился подгонять.

Других не менее старался
Зевес во время тьмы ночей,
И с молнией в руках являлся
Светить наместо фонарей.
Нептун смотрел там за мостами,
Вертело счастье колесами,
Чтоб от воров очистить лес.
Перед повозкой шел с дубиной,
Одетый кожицею львиной,
Известный в свете Геркулес.

Один лишь Марс отворотился
И Ш<аховскому> не помог.
Давно на князя он сердился,
Что службу он оставить мог.
Он с ним и в службе не братался,
И гнать его всегда старался,
И, словом, был с ним нехорош.
Не тем командовал князь тоном,
И был всегда он с эспантоном,
На ярославский герб похож!

Без Марса боги обошлися,
Чтоб ускори́ть его приезд.
Скрыпя рессоры дотряслися
До хладных полуночных мест! —
Парнаса пасынок любимый,
Не оставляй страны родимой,
Живи всегда между друзей.

Итак, Москва восколебалась,
Нева двукратно разливалась,
Узнав, что едет сын князей!

Князей ты сын — и барин русский,
Прошу теперь нам рассказать,
Что в славной ты земле французской
Изволил нового встречать?

Скажи, как ветрены народы,
Прельстяся тенями свободы,
Устроили спокойству ад.
Скажи, не кроясь личиной,
Поехал ты от нас детиной,
А чем приехал ты назад?

1802

ЭПИГРАММА НА СОЧИНЕНИЕ И. И. ДИБИЧА «О ВОИНСКОЙ НАУКЕ»

Минерва росская велела в наказанье
«Тилемахиды» лист виновному прочесть.
О, вечно славное Великой подражанье!
О, духу кроткому монархов росских честь!
Взор отвращая свой от казней уголовных,
Се ныне Александр, наместо жертв их кровных,
Умея и без них пороки исправлять,
Две части Дибича «воинския науки»,
Стращая ужасами скуки,
Заставил нас читать.
Исправьтесь, воины, сим средством кроткой власти.
Или страшитесь третьей части.

1803 (?)

ЦАРЬ, ПУСТЫННИК И МУЖИК

Бессонницею царь был болен издавна.
Я слышал, все цари вкушать не могут сна.
Чтоб скуку разогнать, поехал на охоту,
Где встретил мужика, — мужик, свою работу
Оставя, отдыхал,
И так покойно спал,
Что зависть возбудил в царе своей судьбою.
Пустынник тут же шел — он жизнею святою
Почтение от всех в то время заслужил.
Не словом истину — примерами учил.
Увидел его царь и так ему вещает:
«Смотри: крестьянин сей, что всё здесь угнетает,
Гоним фортуною, с богатством незнаком,

Покоится теперь таким приятным сном,
Которого, быв царь, нигде не обретаю;
Причиной что сему — тобой узнать желаю!»
Пустынник с твердостью монарху отвечал:
«Мужик сей никогда указов не давал.
В свой век он никого на смерть не осуждает,
И честолюбие в нем душу не терзает.
Ошибку сделавши, страдает он один;
От податей грустит — других же нет причин.
Богатство — часть твоя, его же часть — спокойство.
Всесильным сделано премудрое устройство,
Которое одним покой с трудом дает;
Другие ж мучатся, трудов сбирая плод.
Цари! народами трудяся управляйте,
И добрых вы людей в любимцы избирайте.
В постелях когда сон хотите вы вкушать,
Старайтесь менее на тронах ваших спать!» —
Так старец говорил — царь злобный рассердился,
Велел его казнить — но с сном не помирился.
Несчастна та страна, где гордый государь
Считает подданных за бессловесну тварь.
Такого бедствия Россия не страшится.
Нас любит Александр — и век для нас трудится.

Начало 1800-х годов

А. Н. СО⟨ЙМОНОВУ⟩

Внемлите все пределы света
И ведайте, что скажет бог!
Мальтийска славного совета
Затворен навсегда чертог.
Маркиз, отказ ты получаешь,
Вселенну воплем наполняешь,
Удар ужасный совершен!
Крестами дождь лился в природе,
Ты крест на всяком зришь уроде,
А ты, мой друг, его лишен!

Лишен — тогда, когда готовы
Мундир с иголочки, сертук!

Не вздев ни разу сей обновы,
Ты должен спрятать всё в сундук.
Иль можешь иногда одеться,
Один пред зеркалом вертеться,
Но незнакомый лишь войдет —
Спеши ты тотчас раздеваться,
Чупятовым чтоб не казаться
И не навесть себе хлопот.

Но дух мой скорбию томится,
Трепещет сердце, стынет кровь,
Когда Танюши вобразится
К маркизу нежная любовь!
Он ей дороже всего мира!
Сертук его для ней — порфира.
А ожидание креста
Ее всю душу восхищала,
В нем видеть рыцаря желала, —
О! как, надежда, ты пуста.

Скажи же, как ты возвратишься
Во фраке с берегов Невы?
Скажи же, как ты появишься
В средине матушки Москвы?
Тебя все ждут там кавалером,
Увы! ты статским офицером
Опять приедешь к ним назад!
Но стыд еще поправить можно,
Когда поступишь осторожно,
Купя с фельдфебеля донат!

Ты скажешь — розница в мундире!
Но за Москвой, маркиз, рекой
Блеснешь в каком-нибудь трактире
И удивишь ты всех собой!
По улицам скачи в сертуке,
А на груди хотя от скуки
Ты мелом крестик напиши.
Не суйся там, народ где в сборе,
Страшись с квартальными быть в ссоре,
Ты знаешь кривость их души.

Теперь же, кавалер бескрестный,
Позволь себя нам попенять.
Зачем надеждою прелестной
Ты нас изволишь обольщать?
Зачем не дашь теперь пирушки?
Вить мы, по чести, не игрушки,
Умеем также отомщать.
Твому bon ton [1] большому свету
В тебе фальшивую монету
В минуту можем показать.

Покажем — свет сей удивится,
Что ты умел глаза затмить.
Умел к французам в милость вбиться
И крестик обещал купить.
К тебе обернутся спиною,
Стыдясь знакомым быть с тобою,
И протечет златой твой век!
Не шах даст, мат тебе судьбина,
Свалится знатности личина,
Пустой явится человек!

<1804>

ИЗЪЯСНЕНИЕ ЗАСЛУЖЕННОГО АРМЕЙСКОГО ОФИЦЕРА В ЛЮБВИ

Как залп ужасный средь *сраженья*
Разит стоящих пред собой,
Так точно, быв без защищенья,
Твоей сражен я красотой.

Без сердца стал я как *без шпаги* —
Я под арест тобою взят;
И нет такой во мне отваги,
Чтоб *штурмом* взять его назад.

Твой взор есть *пуля из винтовки,*
Пробил мне сердце, как мишень.
С тех пор иду без остановки
К тебе *марш-маршем* целый день!

---

[1] Хороший тон (франц.). — *Ред.*

Привалов никаких не знаю,
Тебя хочу атаковать,
Но только где лишь повстречаю,
То вдруг начну *салютовать!*

Пробьет поход во мне сердечка,
Спешу всю *честь* тебе отдать,
И жду командного словечка
Ученье пред тобой начать.

Поэнь де вю [1] ты непременный,
Везде тебя мой ищет взгляд,
И ты в душе, тобой плененной,
Ввела любовный *вахтпарад.*

Наряду ждав, я истомился,
Со вздохом в очередь взглянул:
Приказу нет, чтобы явился
К тебе в *бессменный караул.*

Поверь, нимало не обидно
Мне делать пред тобою *фрунт.*
Как счастье мне того завидно,
Кто *визитир* твой будет *рунд!*

На что ему утеха в свете,
На что *ружье* и *барабан?*
Он счастлив в миленьком предмете,
Как бы пред *ротой капитан.*

С тобой он вечно в ногу ходит,
Равняется везде с тобой.
Маневры разные заводит,
Вы веселитесь меж собой;

А я, как *часовой* в ненастье,
Век осужден тобой стенать,
Во *фрунте* видеть мне несчастье
И с флангов горести встречать!

---

[1] Точка зрения, точка прицела (франц.). — *Ред.*

Прости мне *рапорт* этот смелый,
Любви я *ордер* получил;
Коль ты гневна, то свет мне белый,
Как *фуктель флейщику,* не мил.

Боюсь отставки без *мундира,*
И выключка меня страшит.
В тебе теряю *командира* —
Так с горя скроюсь *в инвалид.*

И там, дни проводя счастливо,
Любви *снабзак* потщуся снесть.
Стой, стой, не верь! донос фальшивый —
Мне, видно, с ним и умереть.

1805

ОТВЕТ НА ПИСЬМО
К гр. ТОЛС⟨ТОМУ⟩

Сократа ученик, друг всех Алцибиадов,
Злодей ефрейторства, гонитель вахтпарадов,
Быв гвардьи офицер, армейский и матрос,
Которого теперь рок в гарнизон занес,
Где живучи, от всех мирских сует свободен,
Забыв печали все, фельдфебельшей доволен,
Любя приятелей, ты вспомни Марина.
Скажи, однако ж, мне, какая сатана
Шепнула там тебе, что здесь я утешаюсь,
И что в столице я как в масле сыр катаюсь,
Что всё лелеет здесь, всё веселит меня
И что мне новый день милей прошедша дня.
Ошибся, граф! Когда, настроив лирны струны,
Воспел меня назвав ты баловнем фортуны;
Или, Толстой, кругом объехав белый свет,
Не знаешь ты еще, что счастья в свете нет.
Когда же ты его нашел где за морями,
То не скрывай сего пред верными друзьями.
Скажи мне, где и как — и, парусы подняв,
Мы пустимся в моря с тобой, любезный граф!

И, бури все презрев, презрев дожди, ненастье,
За тридевять земель пойдем искать мы счастье.
Но пусть готовится к принятию нас флот;
А между тем хочу писать к тебе в Нейшлот.
Сказать тебе, что я — всё я, лишь только стал потолще,
Что горести души прибавилось побольше.
С тех самых пор, как мы расстались с тобой,
Я занимаюся здесь службою одной.
Веселье изредка мои встречают взгляды,
А видят всякий день лишь в караул наряды.
Нет писем ласковых — а Сидоров рапо́рт,
Лишь только что проснусь, ко мне тотчас несет.
Не вижу в нем, увы! я имя дорогого,
Читая прозвище и имя вестового.
Поверь, что счастливым себя не назову,
Коль с ротой в строй иду наместо рандеву.
Не слышу арий я, не езжу век на балы,
Хожу лишь в караул и слушаю сигналы.
Хотел бы иногда я сбегать на Парнас,
Но явится Утков и подает приказ.
Не рад хоть, да готов, и при полку дежурю,
Стараяся разбить всех должностей сих бурю.
Я с просьбой к Розену — но что ж? — и тут съел гриб.
Он занят, у него товарищем Полиб.
Ответу от него не можно тут добиться;
Придется с музами опять мне распроститься,
Забыть все умные отборные слова
И помнить лишь «равняйсь» и «от ноги раз-два».
Вот все занятии, вот как проходит время,
Не вижу, право, я любовных дел беремя,
О коих говоришь в приятельском письме,
Не без греха подчас бывает на уме.
Влюблен, признаться, я, но счастье ль то — не знаю;
Об милой думаю, об милой я вздыхаю,
И неразлучно быть хотел бы с ней всегда.
Нельзя исполнить то — вот новая беда.
Размыкать можно ли толь страшную кручину.
Тут жалобы пойдут на грозную судьбину.
Кричу, чтоб день прошел, настала б темна ночь.

Но ночью легче ли — от глаз бежит сон прочь.
А если и усну хоть час от утомленья,
Всё вижу ужасы, мечтаю привиденья.
Застынет в теле кровь и душит домовой,
Гераков прозою, стихами Шаховской.
Такими дух во мне мечтаньями томится,
Что даже иногда . . . . приснится.
Проснусь — и поутру не менее хлопот.
Бумаге тут беда и перьям перевод;
Но всё пишу не так, и мысли не клеятся.
Так счастьем может ли такая жизнь назваться?
Таланту не дано ни в службе, ни в любви,
Так баловнем меня, друг милый, не зови.
Когда же счастье то, живу в большом что свете
И езжу четверней в наемной я карете,
Что в комнате моей с фацетами стекло,
Ламсерт дает духи, помада от Дюкло,
Что сплю за ширмами и пью я из фарфору,
И равен чином я армейскому майору,
Что камердинер мой так черен, как сапог, —
Я счастье в том не чту — и в том свидетель бог.

1805

НА 26 МАРТА 1805 ГОДА

Гусей к несчастию, бумаги к переводу,
Езопу древню в честь, всем карлам на позор,
Рожден в весенни дни, в непутную погоду,
Афинян пасынок, ползущий к нам во двор.
Когда судьба тебя на свет производила,
Оскорблена была, и, свет чтоб наказать,
Велела жить тебе, позволила писать.
Увы! Сколь жестоко она с ним поступила!

1805

ОРЕЛ И ЧЕРВЯК

(Басня)

Вверху на дереве высоком
Увидев червяка, Орел
Спросил с надменным, гордым оком:

«Ты, дерзкий, как сюда зашел?..»
— «Вы как Орел, сударь, взлетели,
А я — дополз до той же цели».

<1806>

САТИРЫ

1-я

Какая бы тому, Капнист, была причина,
Что умным мыслит быть последний дурачина?
Что глупый, всех людей судя своим умом,
За глупость их готов отправить в Желтый Дом?
Педант пред прочими ученостью гордится,
Надут латынею, лишь греками божится;
Аристоте́ля он с доски знав до доски,
Умы все вешает на собственны вески,
И, книги древние своей считая славой,
Уверен, что без них дурак рассудок здравый!
Но щеголь, напротив, не хочет век читать;
Всё знание его — о модах рассуждать;
Блаженство ставит в том, живя на белом свете,
Чтоб лихо пронестись четверкою в карете,
Иль, в санках развалясь, резвиться с пристяжной.
Доволен быв своей курчавой головой,
Свое невежество за разум принимает
И всех ученых он с Кутейкиным равняет!
Ханжа, что, ослепив духовного отца,
Мнит, лицемерствуя, обманет и творца;
Пороки кроет он одеждою смиренья
И, грабя ближнего, льет слезы сокрушенья!
Развратный, не имев ни веры, ни стыда,
Помыслить о душе не хочет никогда;
Законом ставит он одни свои забавы
И утверждать готов, что нам не нужны нравы,
Что ад и сатана лишь вздорные слова
И что у набожных пустая голова.
Кто б, словом, ни хотел взять на себя работу,
Чтоб следовать умов различных обороту,
Тот легче б счел людей, что <в> весну лекаря
На тот отправят свет, леченьем уморя,

Иль тех, которые бездушными судьями
Ощипаны кругом и пущены с сумами.
Чтоб время не терять напрасно в пустяках,
То мысль мою сказать хочу я в двух словах:
Хоть древних мудрецов сей мыслию обижу,
Но мудрости прямой на свете я не вижу.
Все люди с придурью, — и, чтоб решить скорей,
Тем рознятся они, что кто кого глупей.
В дремучем как лесу постигнет тьма ночная,
Блуждают путники, излучин в нем не зная,
И без водителя дороги не найдут,
Одной ошибкою все в разный путь идут;
Так в свете смертные кривой тропинкой ходят
И, заблуждаяся, толкаются и бродят.
Тот умничает здесь, глупцами ставит нас,
Кто, слыв разумником, глупее всех сто раз,
Хоть странности сии в нем каждый замечает,
Но глупость всяк свою за разум выставляет,
И, разуму сему дав волю над собой,
Он добродетелью порок считает свой.
К числу людей таких льзя множество причислить.
По мне же, тот умен, кто умным быть не мыслит;
Других прощает он, к себе же быв жесток,
Ошибки видит все и судит свой порок.
Но где найтить людей к себе без снисхожденья?
Скупяга, занятый хранением именья,
Всю жизнь у сундуков проводит на часах
И нужды терпит все, зарывшися в мешках;
Но денег собранных не видя он ничтожность,
Дурачество свое берет за осторожность.
Скупого дураком честит с усмешкой мот,
Сам деньгам позабыв и цену он и счет,
Не мыслит, что семью тащит с собою в бедство;
Для прихотей своих отцовское наследство
Спеша скорей прожить, скупает всякий вздор,
Сбирает бронзы он, картины и фарфор;
Иль, вкус свой обратя на новые предметы,
Меняет лошадей, коляски и кареты,
И деньги за окно как сор метать готов.
Скажите ж, кто глупей из этих дураков?
«Они рехнулися», — игрок мне отвечает,
А сам за картами век целый провождает;

От двойки загнутой ждет участи своей
Иль мыслит получить богатство от костей.
В надежде сей других он судит хладнокровно.
Тут двойку соника, — там падает крепс ровно,
И хладнокровие оставило его.
В отчаяньи не знав святого ничего,
Клянет рождение, несчастную минуту,
Ругает мать, отца, бранит судьбину люту
И в бешенстве себя за волосы дерет!
Связать его скорей, а то он всех прибьет.
Но бросим игрока, уж он наказан роком,
Пусть мучит сам себя за глупость сим пороком,
И на другой предмет мы обратим наш взгляд.
Есть заблуждения, которых тонкий яд
В забвение собой рассудок повергает
И делать глупости неволей заставляет.
В поэты лезет тот, и вот его червяк:
На языке чужом писавши кое-как,
Свет ищет удивить надутыми стихами.
Хотя стихи сии освистаны меж нами,
Но, защищая их противу всех один,
Он мнит, что на Руси в нем воскрешен Расин!
Другой, собрав свои пустые сочиненья,
Над ними надписал: *такого-то творенья!*
Несет в Гостиный двор, свой напечатав клад,
И с Ломоносовым себя он ставит в ряд.
Но если б сих творцов кто видя заблужденье,
Открыл им жалкое рассудка ослепленье
И ясно б доказал, что весь нелепый вздор,
Что рифмы без ума, что громких слов набор,
Которыми они стихи свои надули,
Не на Парнас их взвел, а вздернул на ходули, —
Они б кляли того, кто ум их просветил
И с заблуждением их счастия лишил.
Какой-то в старину ханжа был болен странно:
Рехнулся он на том, что слышит беспрестанно
Небесна пения приятный, сладкий глас;
Позвали лекаря, как водится у нас,
И ну его лечить. — Случайно иль наукой
Врач, исцеля болезнь, ханжу оставил с скукой,
И требует за труд награды он себе.
«Противно то уму, чтоб заплатить тебе, —

Ханжа, сердясь, сказал, — я всё тобой теряю!
Мечту мою прогнав, лишил меня ты раю!»
За дело сердится, — и я согласен в том,
Что часто мы должны считать рассудок злом.
Не он ли средь утех нас ищет опечалить
И, быв всегда жесток, исподтишка ужалить?
Не он ли, всем идя желаньям поперек,
Нам шепчет на ухо, что слабость есть порок?
Но, с смертных думая дурачеств свергнуть бремя,
Как проповедники, рассудок тратит время.
Напрасно ж многие уверить нас хотят,
Что может он страстьми людскими управлять,
Что может довести он нас до совершенства
И льзя достигнуть с ним в сей жизни до блаженства.
Я, мысль сию хваля, в печать готов отдать;
Но прежде мнение мое хочу сказать,
Когда позволено судить о сем предмете:
Нередко кто глупей, тот счастливей на свете!

1807

2-я

Любимец нежных муз, питомец Аполлона,
Блюститель истинный парнасского закона,
Что ясно видим мы в творениях твоих,
В которых мыслию отличен каждый стих,
Хотя за ними ты не мучишься, не ходишь,
Скажи, о Дмитриев! где рифмы ты находишь?
Как можешь без труда приятно так писать
И мысли с легкостью столь ясно выражать?
Читав твои стихи, всяк должен согласиться,
Что рифма под перо сама собой ложится.
Не так, как у меня, — который за грехи
Судьбою осужден марать весь век стихи!
В сем трудном ремесле мой разум убивая,
За рифмами гонясь, от смысла убегая,
Терзаюсь, мучуся, бумагу я деру,
Но нужного стиха никак не приберу.
Коль ненавистника хочу назвать пороков,
Мне ум твердит *Княжнин,* а в стих идет *Сумброков.*
Когда ж с Омиром я сравнить кого готов,
Херасков на уме, а под пером *Графов.*

И сколько наконец ни мучусь, ни терзаюсь,
А с рифмою моей никак не повстречаюсь.
Досадуя решусь, себя чтоб не томить,
Стихи и рифмы все навеки позабыть;
Несчастну страсть мою к писанью проклинаю.
Ах! тщетно удержать себя предпринимаю!
И, муз всех разругав и Феба разбраня,
Приходит бешенство маранья на меня;
Мой ум забытый стих нечаянно встречает,
И огнь опять в душе писателя пылает;
Все клятвы позабыв, перо опять найду
И за стихом стиха с терпением я жду.
О! если б я умел мою принудить музу,
Чтоб, тяжких правил всех свалив с себя обузу,
Решилася в стихах искать лишь слов набор
И кстати вклеивать холодный, важный вздор;
Мне легче б было то; и, многим подражая,
Имел бы я слова для всякого случа́я.
Хваля красавицу — *«небесной красоты»,*
Тотчас бы я нашел — *«прелестней солнца ты!»*
Начав другой в стихах — *«единственна в вселенной!»*
А рифма тут и есть — *«ты ангел воплощенный!»*
И, словом, говоря не к месту в сих стихах
О солнце и луне, о вздохах и слезах,
В творении моем без знанья, без искусства
Я мог бы выказать все *Ахалкина* чувства
И всех любителей надутых пустяков.
Но разум мой всегда вникает в силу слов,
И без разбору он писать их не решится;
Противно слово мне, некстати коль ложится.
Стих двадцать раз готов с терпеньем начинать,
И, написав шесть слов, из них мараю пять.
Да будет проклят тот, кто впёрвые решился,
Чтоб ум его в стихе размерном заключился!
Кто выдумал словам границы положить
И с рифмой захотел рассудок согласить!
Без ремесла сего — я жизнью б наслаждался,
Ни зависти людей, ни злобы не боялся,
Смеялся, пил, и ел, и веселился б я,
Как, взяток нахватав, безграмотный судья.
Ночь спал бы хорошо, день встретил без работы,
И сердце бы мое без страсти, без заботы

Умело б положить для гордости конец.
Я знатных бегал бы, не знал бы где дворец,
И, словом, был бы всех счастливее меж вами!
Но, заразясь, к бедам, проклятыми стихами,
В писатели попал. С того печальна дня
Спокойствие мое оставило меня,
Враждующий мне дух прельстил меня желаньем,
Чтобы прославиться мне правильным писаньем!
С тех пор с пером моим минуты провожу
И за бумагою прикованный сижу;
Сам у себя весь век я находясь в неволе,
Завидую твоей, о *Патрикеич!* доле.
А ты! что на потоп поэму сочинил
И целый книжный ряд стихами затопил,
Ты дару твоему препоны не встречаешь
И месяц каждый нам по тому выставляешь.
Счастливым чту тебя! — Хоть в томах чепуха,
Но рифма на конце есть каждого стиха!
Что ж нужды, что твои творенья осуждают!
Их Глазунов продаст — а глупые читают;
Ты пишешь весело — не мыслишь никогда,
И очищать стихи не дашь себе труда;
Быв новой поражен в писаньи красотою,
Дивишься в нем себе, доволен ты собою.
Но как несчастлив тот, кто хочет сочинять
И строгим правилам свой разум подчинять!
Ум пылкий не терпя ни в чем себе равенства,
Стремится достигать до цели совершенства;
Но несмотря на то, что нравится он всем,
Ошибки видят все в творении своем,
И часто тот, кого свет целый прославляет,
Что был писатель он, забыть навек желает.
Спеши ж, о Дмитриев! от бед меня спасать,
И научи стихи по-твоему писать;
Когда ж надежды нет, скажи мне без притворства,
Как мне избавиться от страсти стихотворства?

1807 или 1808

ИГНАШКЕ

Игнашку чтоб зарыть, не много хлопотали,
Покрыли фартуком да пудрой заметали;
А чтобы знали все, кого сразил здесь рок,
То в кучу пудрену воткнули гребешок.

<1807>

ЕМУ ЖЕ

Надгробную ему я рано написал,
В походе он меня как липку ободрал.
Украл мои часы, червонцы, пистолеты
И проживет еще, к несчастью, многи леты.

1807 или 1808

СТИХИ НА РАССУЖДАЮЩИХ О ПОЛИТИКЕ

Всякий судит о сраженьи,
Мысля быть умен один.
И царей распоряженьи
Меряет на свой аршин.
Сердится на Бонапартья,
Карла, англичан бранит —
Словом, вся здесь сборна братья
Хочет белый свет делить.

1807 или 1808

М<ИЛОНОВУ> М<АРИИ> ЗДРАВИЯ ЖЕЛАЕТ

Приятно говорить, имея дарованье,
Ты кстати сохранить умеешь и молчанье.
Итак, хочу тебя, любезный друг, спросить:
Молчать ли должно мне иль должно говорить?
Проститься ли навек с моею должен лирой,
Или еще, ища прославиться сатирой,
Писателям дурным вновь объявить войну?
Над ними я шутил, как ум мой в старину,

Забыв о мудрости, блестеть собою тщился
И слабостьми других коварно веселился.
Но ныне стукнуло уж тридцать пять мне лет,
В размере я другом смотрю на белый свет,
Порывы гордости уж время укротило.
Не славы я ищу — спокойствие мне мило.
Свободно рифмачам теперь меня бранить
И яд против меня в стихи холодный лить.
Сам даже ****ругаться мною волен.
Пыл юных лет прошел, я стал и тих, и скромен,
Чтоб защищать себя, пера не омочу,
За брань нескладную забвеньем отплачу.
Так философствуя, рассудка быв во власти,
Врагами буду чтить мои лишь только страсти.
Мечтанья бросив все и мудрость полюбя,
Займусь наукою знать самого себя.
И впрямь: что нужды мне в дела других мешаться?
На свете может всяк чем хочет заниматься.
Пускай наш Ахалкин стремится в новый путь
И, вздохами свою наполня томну грудь,
Опишет свойства плакс, дав Игорю и Кию
И добреньких славян, и милую Россию.
****пускай царя великого поет,
Ни мертвым ни живым покоя не дает,
Пусть список послужной поэмой называет, —
Спокойства моего ничто не нарушает.
И на пучине сей, по коей мы плывем,
Хочу я запастись компáсом и рулем,
Чтоб можно было мне при случае волненья
Рассудок мой спасти, коль льзя, от потопленья.
Спокойствия души мы ищем всякий час —
Сей счастливый покой находится лишь в нас.
Смотри, как сей чудак, ничем не быв доволен,
Скучает в городе, в деревне тем же болен.
Он скачет скуку, грусть рассеять по полям, —
Но скука, грусть за ним вслед гонят по пятам.
Что в древни времена бед столько причинило
И в Александра жар к побоищам вселило?
То скука; и монарх, терзаемый тоской,
Боялся сам себя, боялся быть с собой.
Вот чем он был гоним, к пределам шед вселенной,
Где жизнь покойну вел перс, в роскошь погруженный.

Причиной главною мы сами наших бед,
Бежим самих себя, стремясь мечтаньям вслед.
На что нам золото отыскивать в Сибири?
То счастье, коего мы ищем в здешнем мире,
За коим за моря из нас всяк плыть готов,
Не извлекается из мрачных рудников;
Оно всегда при нас — и с нами обитает.
Доволен малым кто, тот всем здесь обладает,
А мы судьбу свою докукою трудим
И, нужд своих не знав, ненужного хотим.
«О, если бы мой тесть, зачахнув, сей зимою
Отправился отсель и к вечному покою,
Оставя деньги мне, скорее отошел.
День смерти бы его я к счастию причел,
Издержек бы жалеть не стал на погребенье,
И в трауре по нем увидел утешенье». —
Так зять откупщика недавно говорил,
И, в нужде жизнь ведя, учтив, уступчив был;
Тесть умер, к зятю всё имение попало.
Бедняк, разбогатев, счастливее ль хоть мало?
Ах, нет, — и, деньги лишь успев пересчитать,
Уж барам знатным он желает подражать.
Быв сыном чумака, но мысля лишь о чванстве,
Диплом и грамоту всем кажет о дворянстве,
И то, что путного в нем было, потерял:
Нахален, дерзок, груб и всем несносен стал.
О новых барышах по всякий час мечтает,
А между тем грустит, хлопочет и скучает.
И будет сам себе он в тягость наконец.
Счастливей бы он был, коль так же, как отец,
За стойкою сидя, услуживал народу,
Лишь в пенное вино не вмешивал бы воду.
О заключеньи сем не могут те судить,
Которых ложный блеск удобен ослепить;
О деньгах всё кричат, без денег всё ничтожно,
Быть добродетельным без денег невозможно,
За деньги в честные попасться может плут,
За деньги неуча ученым назовут.
Бездушник говорит, став плутнями известен:
«Что нужды, что весь свет твердит, что я бесчестен,
Достоинств в сундуке имею миллион.
И почитать меня всегда заставит он».

«Богатство все в себе достоинства включает», —
Так, совесть усыпя, Лукавин рассуждает,
Но не опасен блеск обманчивый сей мне:
Не ставлю знанье, ум с богатством наравне.
Почтенней бедностью Добротин отягченный,
Чем Плутяков, семейств несчастьем утучненный.
Однако ж не считай, чтобы я сходен был
С тем странным мудрецом, что в море потопил
Именье, говоря: «Теперь я стал свободен», —
С рассудком здравым был поступок сей не сходен;
Но я твержу одно: знав опытом сей свет,
Что рассудительным во многом нужды нет.
За что же нам, скажи, стремиться за мечтою?
Но, весь мой век судя, как здесь сужу с тобою,
Я хуже ли других на свете сем живу?
Здесь богачей тебе до сотни назову,
С которыми судьбой моей не променяюсь.
Они век мучатся, я жизнью наслаждаюсь,
Меж дружбы и любви свободно я дышу,
Смеюся глупостям, подчас стихи пишу,
Так счастие мое желанье превышает,
И оборот его меня не устрашает.
Вольно на колесе иных ему катать,
А я под скрыпом сим покойно буду спать.
Но если бы когда мой нрав переменился
И блеском суетным богатства я прельстился,
Тогда ты пожалей, любезный друг, о том,
Что счастия ищу уж не в себе самом.

1810

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ

Служи отечеству — твердят нам с юных лет,
Люби отечество — твердит весь белый свет;
Да только на словах те речи исполняют
И со вредом его счастливо поживают.
А службой верною, любовию к нему
Что можешь ты найтить? — найдешь костыль, суму,
С которыми пойдешь по улице шататься
И, именем Христа прося твой хлеб, питаться.

Как может это быть? Что ж делать, свет таков.
Он бедных почитать привык за дураков.
Будь честен, будь умен, да денег нет в кармане —
И ходишь ты всегда в заношенном кафтане,
Не можешь никогда ты царству нужным быть.
Ну можно ли тебя куда определить?
В Сенат бы, например, — там люди для парада,
Расшит чтоб был кафтан, а головы — не надо.
И без нее дела доныне там решат, —
На что б секретарей туда определять.
Они бы вовсе там без дела оставались,
Когда б сенаторы делами занимались.
А если плутни все и взятки истребить,
То род подьяческий льзя ль в бедность погрузить.
Так честность тут твоя, мой друг, и не годится.
Куда ж бы <ты> хотел теперь определиться,
Отечеству чтоб быть полезну твоему?
В Совете заседать ты мог бы по уму.
Да ум не надобен в верховном сем Совете,
А надо приезжать в двухтысячной карете,
И цугом правил чтоб с усищами немчин,
Лакей в басонах весь чтоб означал твой чин,
Чтоб были у тебя гайду́ки, скороходы
И разные тому подобные народы.
А если б ты пешком в собрание пришел,
То б умный твой совет в нем места не нашел.
Две службы не по нас — ты метишь в прокуроры,
Так будут у тебя в команде сенато́ры.
По дудочке своей заставишь их плясать,
И станут всякий день в Сенате работа́ть.
Не станут взяток брать, дела пойдут в порядке —
Да мигом голову свернут такому дядьке.
А если хочешь ты на месте этом быть,
То должен всех своих приятелей забыть,
Поклонами никак не должен унижаться,
Считать грехом большим делами заниматься.
Кто с просьбою к тебе, того не принимай,
Слова ты все забудь, лишь «завтре» повторяй.
Так тотчас наградят казною, деревнями,
Обвешают тебя портретами, крестами.
А если иначе ты станешь поступать,
В отставку выгонят и век велят молчать.

Так видишь ли, мой друг, — чтоб обществу годиться,
Богатым дураком в свет надобно родиться;
Или, к отечеству любовь всю истребя
И только лишь себя единого любя,
На счет жить ближнего и честность презирая,
На счет его же жить, народ весь разоряя.
Т<ирану> чтоб служить, карман свой набивай,
И подати ему и для себя сбирай.
Быв страшен ты для всех, окончишь дни спокойно,
И скажут — награжден за службу ты достойно.
А с честностью твоей ты бедно кончишь век,
И скажут о тебе — он глупый человек:
Имел случа́ев тьму, где мог бы понажиться,
Да не имел ума от ближнего живиться.
Вот что наградою получишь ты себе.
Послушай же совет мой искренний тебе.
Покойную ты жизнь всему предпочитая,
Живи для дружества! обязанность святая.
Почтеннее ты мне и лент всех, и крестов.
Верь, счастье не живет возле больших чинов.
С чинами искренность из сердца исчезает,
И честолюбие всю душу занимает.
Ты в бедности твоей будь добрый гражданин,
Будь вечный твоего отечества ты сын.
Оплакивай его, не говоря ни слова, —
Коль слово скажешь ты, награда вмиг готова.
За честность за твою, за вздох об оном твой —
Квартера в крепости и черный хлеб с водой.

Между 1810 и 1812

ХВОСТЫ

Отец богов! Тебе пеняю,
Что ты некстати заслонил
Отверстие, что по случа́ю
К сердцам нам Момус продолбил.
С тех пор в них стали кладовые
Обманов, злости, суеты;
Услугой сей довольны злые,
Но добрых тем обидел ты.

С тех пор мы дружбы убегаем,
Страшимся лесть найтить под ней,
И различить никак не знаем
Людей коварных от друзей.
Ты сделал вещью невозможной,
Чтоб друга по виду судить,
За что ж, любви дав знак неложный,
Забыл им дружбу наделить?

Всегда красавица узнает,
И даже в темноте ночной,
Старик ли дряхлый подступает
Или любовник молодой.
А нам и солнце не поможет
Изгибы сердца проницать,
И что в собаках всяк знать может,
То в людях трудно распознать.

Юпитер, днесь мое моленье
Услышь: в Олимпе сидя, ты
Окончи в дружестве сомненья,
Дай, как собакам, нам хвосты.
Приделай сам сей знак надежный
Ты ко хребтам твоих рабов.
Он будет знамем дружбы нежной,
Сердечных стрелкою часов.

Ты от хвоста сего пружины
Старайся к сердцу протянуть,
И чтоб без истинной причины
Нельзя им было шевельнуть.
Тогда бы за версту умели
Льстеца мы с другом различать:
Друзья хвостами бы вертели,
Льстецы должны бы хвост поджать.

Тогда бы видел всякий ясно,
В ком совесть истинно чиста,
И полагаться б не напрасно
Мог на движение хвоста.
Не слышно б было клятв притворных
И слов двоякий оборот,

И даже бы язык придворных
С хвостами стал совсем не тот.

Юпитер, взяв мое моленье,
Решился чудо сотворить
И дал Меркурью повеленье,
Чтобы глаза мне просветить.
О, страх, о, зрелище ужасно!
Я вижу всех людей с хвостом.
Движенье вижу несогласно
Хвоста сего с их языком.

Я вижу в городе, в деревне,
Между крестьян, купцов, вельмож,
В палатах, в хижине, в харчевне,
Одну и точно ту же ложь.
Друг друга всякий уверяет,
Что с ним готов он всё терпеть,
Жмет руку, к сердцу прижимает, —
А хвост-злодей висит, как плеть!

Я вижу пред царем собранье.
И если по виду судить,
У всех в сердцах одно желанье —
Чтоб для него на всё идтить;
Но изо всех, что здесь кружатся
С улыбкой, с выгнутой спиной,
Хвостов десяток шевелятся,
А прочие — кишка кишкой!

Страстям, порокам всё послушно,
Являют ясно то хвосты,
Нельзя смотреть мне равнодушно,
Что всех прельщают здесь мечты.
Так зрелище сие я чудно,
Юпитер, видеть не хочу;
За любопытство безрассудно
И так я дорого плачу.

Возьми ж твой дар назад обратно,
Сними очарованье с глаз,

Оно ужаснее стократно
Того, что получил Мидас.
Я вижу всех коварств сплетенье.
Ты справедлив, богов отец,
Что лучше в вечном быть сомненьи,
Чем знать всю черноту сердец.

НА РОЖДЕНИЕ МОЛОДОГО ГРЕКА

В белом платье полотняном,
Пук цветов держа в руках,
Под филейным покрывалом
Вдруг весна в наших странах
Показалася, и воды
Потекли опять в реках,
Сани бросили народы
И стучат на колесах.
Горы Охтенски пропали,
И коньки ну покидать.
Чистить улицы уж стали,
И Иванов не видать.
Полицейски офицеры
Не пускают по реке;
Не взял кто у нас квартеры,
Тот живет как вдалеке.
В сие время солнце красно
Стало ярче уж светить.
Родилось дитя прекрасно,
Чтоб собою свет дивить.
Не родился он в рубашке.
Нет! Он более блажен.
Весь завернутый в <бумажке>
В свет он матерью рожден.
Родился и раскричался,
Голос столь ужасен был,
Что и к мертвым он домчался,
Древних греков всторомошил.
Взбунтовалися их души,
Видеть все дитя хотят,
Крылья подвязав под туши,
В русскую страну летят.

Все к ребенку подступают,
Вид его их всех дивит!
Колыбель все окружают
И хотят его дарить.
Долго, долго говорили,
Что б ему в подарок дать,
Напоследок положили
Одному за всех вещать.
Жребий Биасу достался,
И Совет то подтвердил.
Старец кашлял, оправлялся
И потом так говорил:
«Будешь, будешь сочинитель,
Век писать ты будешь вздор;
Будешь в корпусе учитель,
А потом будешь майор.
Будешь — и судьбы гласили —
<Ростом> двух аршин с вершком»,
И все старцы подтвердили:
«Будешь век ходить пешком!»
Совершилось предсказанье —
Свет в тебе поэта зрит,
О ушей наших терзанье!
Долго ль будешь нас морить?
Ты престань марать бумагу,
Голову престань ломать!
Нет тебе к Парнасу шагу.
Когда ж будешь продолжать,
То напрасно уж порыщешь,
С рук товар твой не сойдет;
Добрых более не сыщешь.
И весь труд твой пропадет.

ТРОН И КРОВАТЬ

В соседстве некогда с кроватью трон стоял.
Соседку бедную трон гордый презирал
И занят был собою.
Он так ей говорил: «Мне стыдно быть с тобою.
Ты трусишь малостей, тебя свет дня страшит;

Героем презрена, с тобою сибарит.
Ты славы прелестей во весь твой век не знала
И храмом лености повсюду пребывала».
— «А я — постой, мой друг, — сказала тут кровать, —
Порывы гордости прошу тебя унять.
Поверь, когда я о тебе с собою рассуждаю,
Славнее кто из нас, по чести — я не знаю.
Лишь разумом царя гордиться можешь ты,
Моя же слава — блеск в руках у красоты!
Красавица меня в трон часто превращает;
Но чаще трон царям постелею бывает».

ОТ ИГНАШКИ К гр. ЗАВ<АДОВСКОМУ>

Ты требовал стихов похвальных;
Я угодить тебе спешу;
И, муз из стран призвавши дальных,
Заказну оду напишу!
Сплету кой-как стихи различны,
Забавны, томны, политичны;
По-свойски всё перекрою.
Представлю в них весьма красиво,
Что ты осьмое в свете диво;
Твои дела в них воспою!

Когда ж в них сыщется промашка
И не доволен коль стишком,
То вспомни ты, что я — Игнашка,
И мой удел быть с гребешком,
Вертеться вечно вокруг пудры
И видеть замыслы в том мудры,
Что барину вчесать тупей.
То вспомня, льзя ль тебе сердиться,
Усердьем знанье заменится,
К работе приступлю моей. —

О ты! (давно ль взошло то в моду,
Указ парнасский так велит,
Чтобы, писав похвальну оду,
О ты! почаще говорить.)

Итак — о ты! — но что же дале?
Вот запятая при начале,
О ты! не знаю, что сказать!
Как выхвалить тебя достойно
И с кем сравнить тебя пристойно,
Чтоб в свет не стыдно показать!

Но что же, надобно решиться
Тебя о! граф мой, похвалить!
Не хочешь ты никак лениться,
Желаешь в войске ты служить.
Ни нега, ни двора приятства
Тебе не могут быть препятства,
Ты службе жертвуешь собой.
Не хочешь ты без дел шататься,
Усердье, ревность наградятся,
И будешь славный ты герой!

Герой ты будешь непременно,
Коль будешь службу продолжать;
Ходи же в караул бессменно,
Старайся в такт маршировать.
От нас ты отвращай злодейство
И стереги Адмиралтейство,
Храни Аничковский дворец.
Забудь спектакль, забудь о бале,
Дежурь почаще в госпитáле,
И будешь славный молодец!

Но что за шум там — извините,
Писать я боле не могу,
Стихов вперед вы подождите,
Теперь же я чесать бегу. —
Спешит мой барин к вахтпараду;
Забравши пудру и помаду,
Забуду Пинд и Геликон.
Мой барин груб — стихов не знает,
Коль опоздаю — потазает,
Так музам я поклон — да вон.

ЕЛ. МАР. ОЛЕ<НИНОЙ>

Я, если б в Греции родился,
Когда Солон там жил,
В тюник бы белый нарядился
И босиком всегда ходил.
Но в русском я родясь народе,
По русской одеваюсь моде;
К тому ж в холодной стороне
С босыми пропадешь ногами;
Обуть их должно сапогами,
А утром — туфли надо мне.

Не папски туфли — нет, не нужно
Беду такую надевать.
Теперь уж людям недосужно
Со страхом ноги целовать.
Да надобно для них постричься
И сорок с лишком лет поститься,
Чтоб их под старость обувать.
А я люблю шататься в мире
И есть в день раза три, четыре,
Так туфель не могу желать.

Султански туфли — то ли дело!
Мне их, пожалуй, подавай!
Пей, ешь, гуляй, резвися смело,
В серале бабочкой летай.
А янычар — желанье к черту!
Оставлю я в покое Порту,
Султаном быть не хлопочу.
Лишь только сделал что неловко,
То вместо галстука — веревка.
За туфли жизнью не плачу.

Страну Тверскую проезжая,
Прекрасный город встретит взор.
Тверца там, быстро протекая,
Крутится меж высоких гор.
Он разделяет две столицы,
В нем есть прелестные девицы,

Которы, ставя лень в порок,
Сафьянны туфли работа́ют,
Шелками, златом вышивают
И тем прославили Торжок!

Торжок, известен ты в России,
Как Ярослав владел тобой;
Он, замыслы скрывая злые,
Грозил Нову Граду войной.
Ты страшен был князьям и барам,
Не покорился ты татарам,
Их силы презрил как мечты!
Теперь же в наши дни счастливы,
Как мирные цветут оливы,
То туфлями прославлен ты.

Вот к славе подвиги не ложны,
Они пребудут завсегда;
И ими достигать лишь должны
К бессмертной чести города!
Тиряне с светом воевали;
Но мы бы дел их не узнали,
Когда б не славились камкой.
Пускай сражаются соседы,
Твои ж над временем победы,
Сафьянный туфель золотой!

Таких-то туфель я пекуся
К спокойству моему сыскать.
Их славу поддержать горжуся.
Хочу наследникам предать.
Пусть, преходя из роды в роды,
Собой дивят они народы,
Анти́ков поместясь в число.
Пускай их в кабинет поставят,
Потомков поздних чтить заставят
Девиц торжковских ремесло.

У вас я туфли зрел недавно,
Которы взор прельстили мой;
Они расшиты златом славно

И цвет точнехонько такой,
Какой ищу я многи лета.
Утешьте бедного поэта,
Велите мне вы их отдать.
Когда я в туфли наряжуся,
Приятней музам покажуся,
И стану счастье воспевать.

РАКЕТА

Ракета счастье представляет
Как вверх летит, быв зажжена;
Тогда лишь свет ее блистает,
Доколь не лопнула она.

Любимцы счастья в белом свете,
Уймитесь в замыслах своих!
Вы все подобны сей ракете
И лопнуть можете вы вмиг.

ПРИЧИНА

Мне нужды в том необходимой
Никто не может доказать,
Чтобы, забыв язык родимый,
Нам должно на чужом писать, —
Затем на русском и мараю,
Хоть вздор на оном не пишу,
Но в люд чужой не выпускаю
И сор из изб не выношу.

ПРИНЦУ БИРОНУ

Прохожий, подивись, как всё превратно в мире, —
Рожден он во дворце, а жизнь скончал в трактире.

АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ СУКИНУ

Прохожий, не тужи, что Сукин наш скончался,
Не ядом опился — уставу зачитался.

ЕПИТАФИЯ

Под камнем сим лежит известный скоморох.
Над ним — висит пузырь, а в пузыре — горох.

АКИМ НИКОЛАЕВИЧ НАХИМОВ

А. Н. НАХИМОВ

Аким Николаевич Нахимов родился в 1782 году в семье помещика Слободско-Украинской (позже Харьковской) губернии. Отец Нахимова, по-видимому, был просвещенным человеком; известно, что он участвовал денежным пожертвованием в организации Харьковского университета.

Аким Нахимов воспитывался в пансионе при Московском университете, где была сразу «замечена в нем особенная способность и склонность к упражнениям в словесности». К этому же времени относятся и его первые литературные опыты, которые, по свидетельству его биографа, были тогда же помещены в некоторых журналах. По-видимому, большинство этих опытов было напечатано анонимно, но в 1798 году в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» мы находим ряд небольших прозаических переводов, преимущественно сатирического характера, несомненно, принадлежащих Нахимову. Это: «Из Нового Иорика», «Шах Магмуд и визирь его», «Жизнь-путешествие», «Делай добро и удаляйся зла, но презирай мнения людей, и без тщетного искания любви их», «Скупой и сорока», «Царство спокойствия и царство славы». Лишь один из них — «К дружбе» — подписан: «перевел с немецкого Яким Нахимов», все остальные подписаны буквой Н, но принадлежность их Нахимову устанавливается на основе того, что один из переводов — «Разговор в царстве мертвых. Меркурий, поединщик и дикий Американец» — вошел впоследствии в сочинения Нахимова, изданные после его смерти. Очевидно, Нахимову же принадлежит «Отрывок о вечности» (Из Галлера), с франц. Н, напечатанный в «Иппокрене» в 1799 г., ч. 2, стр. 102—109; и, несомненно, принадлежит ему сатирическое «О характере европейцев. Изображено в письме Бантамского посланника...» за подписью:

«с немецкого Акм. Нхмв. декабря 13 сельцо Дубровка (Там же, стр. 273—277).

О деятельности Акима Нахимова на служебном поприще сохранились лишь очень краткие сведения. Некоторое время он, в чине юнкера, служил в Мариупольском гусарском полку, но вскоре тем же чином вышел в отставку. Недолгое время он находился на статской службе в Петербурге. В это время произошло какое-то неприятное событие в его жизни, на которое он сам намекает в басне «Молодой орел», вследствие чего он оставил службу в Петербурге. Вернувшись на родину, очевидно в конце 1804 года, он сразу же по открытии Харьковского университета, 17 января 1805 года вступает в число его студентов. Оканчивает Нахимов университет в 1808 году со степенью кандидата. Живя на своем хуторе, он раз в неделю приезжает в Харьков для чтения лекций по словесности в Харьковском университете гражданским чиновникам.

Аким Нахимов скончался от чахотки 18 июля 1814 года (год устанавливается по заметке СО, 1815, № 43, стр. 180, где сказано: «Нахимов... скончался прошлого года на 33-м году от роду».) Его сочинения выходили уже после его смерти.

В 1830 году в «Вестнике Европы» был напечатан путевой очерк «Поездка в Харьков» питомца Харьковского университета Ивана Сбитнева, свидетельствующий о том, что Нахимов не был забыт. В этом очерке есть глава, названная «Хутор Нахимова»: «Уже последний луч заходящего солнца отражался в струях реки Уд, когда я приехал в сию деревню, а в сумерки достиг хутора Нахимова, лежащего в трех верстах от села Должик. Не знаю, отчего чувствуешь великое удовольствие посещать те места, где люди мыслящие любили иногда провождать свое время. Известно, что Нахимов был сочинитель: он писал сатиры, особливо на людей приказного состояния. Видно, что сии люди надоели ему».

НА ПОЛУЧЕНИЕ КАНДИДАТСКОГО ДОСТОИНСТВА

К перу! излей восторг и радость опиши!
За рифмой рифма вслед, стих за стихом спеши.
Десницей мощною ученого Сената
Се из ничтожества внезапно извлечен!
Петлиц сиянием сребристым озарен,
Стою на степени высокой кандидата!
И слава, осенив меня своим крылом,
С улыбкой кажет всем печатный мой диплом!
Но могут ли толпы безумного народа
Таинственный диплом понять без перевода?
Невежды, прочь! а ты, Дедалов правнук Блюм! [1]
В столярном мастерстве яви свой дивный ум:
Сооруди ковчег красивый и огромный,
И, что всего важней, толь крепкий и укромный,
Чтоб время и потоп, огнь, буря, град и гром,
И крысы не могли мой повредить диплом!

1808

ЭЛЕГИЯ

Восплачь канцелярист, повытчик, секретарь,
Надсмотрщик возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты в горести чернилами натрите
И в перси перьями друг друга поразите:
О, сколь вы за грехи наказаны судьбой!

[1] Известнейший в городе столяр.

Зрят тучу страшную палаты над собой,
Которой молния грозит вам просвещеньем,
И акциденций всех, и ябед истребленьем.
Как древо сокрушен, падет подьячих род;
Увы! настал для вас теперь плачевный год!
Какие времена! должны вы слушать курсы,
Судебные места все превратятся в бурсы.
Ах! если бы воскрес один хоть думный дьяк,
И, с челобитною явясь пред царский зрак,
Чем заслужили гнев мои, воскликнул, внуки,
Что посылаются к ним палачи науки?
Ты хочешь, чтоб от их немилосердых рук
Расправился или переломился крюк.
О солнце! не лишай ты филинов затменья!
Да крюк пребудет крюк по силе уложенья!
Но что! где дьяк и где прошение к царю?
Беда коллежскому теперь секретарю.
О чин асессорский, толико вожделенный!
Ты убегаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнил обнимать тебя, как друга, как алтын;
Быть может — навсегда прости, любезный чин!
Сколь тяжко для меня, степенна человека,
Учиться начинать, проживши уж полвека.
Какие каверзы, какое зло для нас
О просвещении гласящий нам указ!
Друзья! пока еще не светло в нашем мире,
На счет просителей пойдем гулять в трактире;
С отчаянья начнем как можно больше драть:
Свет близок — должно ли ворам теперь дремать?

1809

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ[1]

Блажен, кто в жизни сей с указкой меж перстов,
Прошед сквозь *юс* и *кси,* достигнул до складов,
И тамо в *бра* и *дра* прилежно углублялся;
Чей ум во чтении довольно подвизался,
И наконец, явя в писании успех,
Российской грамоты взошел на самый верх.

[1] Читанное сочинителем при начале курса словесности для гражданских чиновников.

Как уголь от золы, так от невежд отличен,
Кто рисовать азы способен и привычен:
Почтен от всех такой премудрый человек,
И перед ним ничто кузнец и дровосек.
В России исстари ведутся грамотеи,
Преборзые писцы, прехитры крючкодеи,
Которых дивная, пернатая рука,
Как лошадь почтова, поспешна и прытка.
Реченныя руки под гибкими перстами
Плодятся литеры с различными хвостами.
Писать — велика вещь, достойная трудов;
Но льзя ль без горести взирать на тех писцов,
Которы пишут так проворно, крючковато,
Да только без пути, неясно, длинновато?
Тарабарщи́на — плод их жалкого пера!
Подобно до времен Великого Петра
Из лык сандалии чухонцы соплетали,
Однако же они искусства в том не знали;
Но лишь монарх на них вниманье обратил —
Чухонский лапоть вдруг вид новый получил.[1]
Российской грамоте полезно то и нужно,
Чтоб жить с грамматикой всегда в связи и дружно.
Являют опыты, что без науки сей
Калека иль слепец несчастный грамотей![2]
Искусно с глаз его бельмо она снимает;
О чудо! грамотник внезапно прозирает;
Как солнце, азбука тогда пред ним блестит.
Не веря сам себе, он с изумленьем зрит
Разнообразных слов начало, род и свойство,
Премены дивные и чудное устройство!
Прозревший грамотей не ощупью идет,
В писаниях его тарабарщи́ны нет;
И слава громкая повсюду возвещает:
«Такого-то писца уж всякий понимает!»

1809 или 1810

---

[1] См. сказание о Петре Великом Якова Штелина.

[2] «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики». Ломоносов.

ПОХВАЛА ГУСИНОМУ ПЕРУ

Природа перьями довольствует гусей,
А гуси оными снабжают писарей;
Гусиное крыло без перьев ослабеет,
А писарска рука без оных оскудеет!
За данно вам добро
Природу, гуси, восхвалите;
За драгоценное перо,
Подьячие, главу пред гусем преклоните!

Между 1809 и 1811

ПИСЬМО ПРИЯТЕЛЯ МОЕГО, СТРАНСТВУЮЩЕГО В ЧУДЕСНОМ ПТИЧЬЕМ МИРЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПРЕДИСЛОВИЮ

О грозны критики! простите ль мне за то,
Что я, в словесности пред вами быв ничто,
Нескладные стихи на суд ваш предлагаю
И предисловием их называть дерзаю.
Без правил—признаюсь... Без правил? о глупец!..
Вот новый проявился еще у нас творец:
Он предисловие сложил в стихах без правил.
Но почему, скажи, ты правила оставил?
Ужели их не знал иль, знавши, ты презрел?
Презрел! нет, дерзости такой я не имел.
Молю, о судьи, вас: вы гнев свой укротите
И оправдание мое теперь внемлите.
Предпринимая толь немаловажный труд,
На слабый мой талант не полагаяся отнюдь,
Во храм, где в коже ум на полках почивает
И свет отколе он за деньги разливает,
Я в лавку книжную с поспешностью притек.
Клянуся вам, клянусь, как честный человек,
И если я солгу, да стану жертвой аду,—
Бесстрашно там разрыл риторик я громаду,
Вооружились вдруг против меня и пыль,
И прелый дух листов, и переплетов гниль,
Пот хладный орошал лицо мое пребледно.
Я всё пренебрегал; но ах! то было тщетно:

Хоть взором груду всю риторик пробежал,
О предисловии ни слова не сыскал!
«О небо!» — я вскричал, залившися слезами,
И, робко взяв перо, дрожащими перстами,
Я предисловие без правил написал,
С которым ныне к вам смиренно я предстал.
К нему вы наперед внимание склоните
И после уж меня, злосчастного, судите.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПИСЬМУ ПРИЯТЕЛЯ МОЕГО РОСТИСЛАВА

Природа с солнышком любезным распростилась
И в спальную потом одежду нарядилась:
Вкруг прелестей ее густой обвился мрак,
Надела звездами украшенный колпак
И утомленных чад к покою призывала:
На лоне их своем мать нежна усыпляла.
И я, природы сын, повиновался ей,
Но тихий сон не мог сомкнуть моих очей:
Хвостом его от них комета отгоняла,
Которая тогда всех взоры привлекала;
Стекался на высоты ученый люд толпами
И наблюдал ее стеклянными глазами;
Чернь робко мыслила, к ней простирая взгляд,
Что под хвостом у ней война, и мор, и глад.
Я, гордый вид приняв преславна астронома,
Для наблюдения полез на кровлю дома,
Оттуда с важностью комету созерцал;
Высокоумствуя, конечно б задремал
И, с кровли вниз слетев с ученостью моею,
За гордость и себе, и ей сломал бы шею.
Умножил бы число ученых я калек,
Обилен коими и без того наш век, —
Невероятное, чудесно приключенье!
Едва мой ум, едва стал приходить в забвенье,
Раздался с горних мест меня зовущий глас:
Обсерватория моя вдруг потряслась,
Со страхом я воззрел к странам эфирным света:
Какое чудо мне представила комета!
Верхом на ней скакал ужаснейший скелет
И, ставши надо мной, вниз опустил пакет;

Учтиво знаками и длинною трубою
Воздушный распростясь почталион со мною,
Комете шпоры дал; она, махнув хвостом,
Помчалась во всю прыть и скрылася потом.
Огромный взяв пакет, я в мысли углубился
И с кровли в свой чертог поспешно удалился.
Дрожащею рукой я разломал печать.
Кто вздумал, мыслил я, с небес ко мне писать;
Я не был ни с одним знаком доселе богом!
Но что сравню с моим внезапным я восторгом?
Возможно ль? Ростислав! так, так: его рука!
Но как же залетел мой друг за облака?
Уж не обманут ли моими я глазами?
О нос! вооружись скорее ты очками,
В сомнении моем всю истину открой.
Но так! мой друг! я зрю и слог, и почерк твой.
Раз двадцать я читал послание небесно,
И всё казалось мне в нем странно и чудесно.
Простишь ли, Ростислав, нескромность ты мою,
Что я письмо твое в свет ныне издаю:
Пусть знают все твои воздушны похожденья,
Я думаю, они достойны удивленья.
Но что так дух во мне тревожит и страшит?
Какое бедство мне, несчастному, грозит!
Со треском на меня подвиглась перьев сила,
Гремят чернильницы и брызжут вверх чернила.
На злобных критиках трясутся колпаки,
От сильна топота стенают чердаки;
Как град, посыпались учены возраженья,
Противоречия, вопросы и сомненья.
Но что могу на то я критикам сказать?
В невежестве моем я принужден молчать.
Да явится мой друг, и мщенья час настанет:
Как яростный перун, его ученость грянет
И критиков злый скоп рассеет, разгромит,
Накажет дерзость их и гордость посрамит.
В себе единоm он науки все вмещает,
Энциклопедию собою составляет
И может назван быть: ходячий лексикон,
Затем что разных тьму язы́ков знает он;
Но более всего поэзию он любит,
И в рифмах, и без рифм стихами громко трубит;

Теперь же, находясь в превыспренних странах,
И письма пишет он, и говорит в стихах.
Тих нравом Ростислав, и с добрым в вечном мире;
Но злобный! ты страшись подпасть его сатире.

ПИСЬМО ОТ ДРУГА МОЕГО РОСТИСЛАВА

Да здравствует мой друг в отечестве земном!
А я, ко странствиям охотою влеком,
На быстром вверх орле с Алтайских гор пустился,
Летел, парил, как вихрь, средь воздуха кружился,
И если бы к орлу себя не привязал,
Как дерзостный Икар, стремглав бы я упал. —
О человек! почто гордишься ты собою:
Как мелок, беден ты нынь зришься подо мною.
Навозной кучкою мне кажется земля:
С трудом, с усилием могу приметить я,
Что тварь прежалкая в навозе шевелится
И к удивлению! еще и суетится.
Без смеху посмотреть нельзя на сих червей,
Они не чувствуют ничтожности своей.
Иной из червяков как барин выступает
И гордо под бока других червей толкает;
Иной червь дуется и, ползая, пыхтит,
Как будто крест на нем андреевский висит;
А многие, судя по важному их виду,
Должны иметь кису, червонцами набиту!
Там *жрец копышится,* педант и крючкодей, —
Каких нет чудаков меж мелкой тварью сей!
Такое с высоты я делал наблюденье;
Но вдруг я ощутил в груди моей стесненье,
Свалившись на орла, едва-едва дышал,
Потом лишился чувств и память потерял.
Верховый мой орел! тебе лишь то известно,
Как долго плавал ты по воздуху чудесно:
Угодно было так всевидящей судьбе,
Чтоб наконец пристал к предивной ты стране.
Судьба готовила мне странны приключенья:
Еще я трепещу от первого явленья!
От сна крепчайшего внезапно пробужден,
Ужасным зрелищем мой дух был поражен.
Пернатый, страшный люд толпился предо мною:

Тот филином ревел, иной кричал совою,
Иль каркал вороном, сорокой лепетал.
И шум, и треск, и свист мне душу раздирал.
Но вдруг с почтением раздвиглась чернь крылата —
И птица важная, осаниста, носата,
Алмазную звезду имея на хвосте,
С отборной свитою явилася ко мне.
Подняв нависшу бровь, блестящий зоб надула
И с гордой на меня улыбкою взглянула.
Зобасту светлость зря, я пал со страхом ниц
И знаками молил сего вельможу птиц,
Чтоб мощными меня он осенил крылами
И не дерзал никто терзать меня когтями.
По манию его вдруг выступил глухарь,
Который, кажется, его был секретарь.
Перешептав, меня на цаплю посадили
И с торжеством во град столичный проводили.
Любезный друг! почто тебя со мною нет, —
О, сколь дивился б ты, сей странный видя свет!
Иные жители, обычаи и нравы,
Иные в обществах кривлянья и забавы,
Иные прихоти, иная подлость, спесь, —
И, словом, милый друг, всё, всё иное здесь.
Какое чувствует мой разум побужденье
Родить огромное, пуд в тридцать, сочиненье!
Дородностью оно все книги превзойдет,
Ученых толстый труд — сухой пред ним скелет;
Пространный новый мир я опишу подробно:
К толиким подвигам перо мое способно.
Воскреснут вдруг Страбон, и Плиний, и Тацит,
И слава обо мне в газетах возгремит.
Хоть много времени потребно дорогого,
Чтоб ум мой разрешился от бремени такого,
Но, любопытные! недолго вам терпеть;
Когда из рук моих пера не вырвет смерть,
То через год свершу я подвиг сей счастливо,
И в свете явится неслыханное диво!
А ныне, я клянусь, любезный, верный друг,
Что говорить с тобой о многом недосуг.
Лишь о воздушном я скажу тебе народе.
Не знаю, почему так вздумалось природе
Разумны существа по-птичьему одеть:

Пристойно ли уму под перьями потеть?
Сей гордый господин, любимый небесами,
Покоиться привык у нас под колпаками.
Не должен ли, скажи, краснеть бессмертный дух,
Когда по плоти он Сыч, Филин иль Петух?
Но что! не будем мы указывать натуре
И об умах судить не станем по фигуре.
Разумней, подлинно, иная здесь сова,
Чем с носом греческим французска голова;
Преславных вижу я ученых меж грачами,
И только стоит их украсить париками —
Как вдохновенные с кафедры восшумят
И всех профессоров немецких посрамят.
Великие умы летают здесь стадами
И славны мирными и бранными делами.
Там храбры коршуны воздвигли птичий Рим,
Когтисты римляне — гроза врагам своим;
Здесь хищны замыслы проникнув ястребины,
Витийствуют Скворцы за вольность и Афины;
С покляпым носом там наежился Невтон,
И, мудростью гордясь, топырит крылья он;
Здесь Филин — Ришелье иль Пит глазища жмурит,
И, ставя сеть царям, коварну рожу хмурит;
Толики здесь умы и доблести цветут.
Однако в мире сем не ангелы живут.
Пройдем мы все миры, рассмотрим все народы —
Увидим, что везде есть жалкие уроды!
Вот, например, идет надувшися Павлин;
При здешнем он дворе имеет знатный чин;
Такую заслужа высоку царску милость,
Чрез толь обманчиву наружности красивость,
Гордиться мог бы он сиятельным хвостом,
Но нет! он хвастает прескаредным умом.
А вот шестеркою промчалася Ворона,
Имея гордый вид немецкого барона;
И подлинно, ее знатнее в мире нет:
Придворным конюхом ее был славный дед.
Ба! вот еще Сова нарядная тащится:
Возможно ль Филину богиней не прельститься?
Какая выступка, какой на ней убор!
На всех пылающий она бросает взор.

Такие красоты в Москве, Париже редки,
И пред Совой должны смириться все кокетки.
Вот кстати и Журавль за модницею вслед
На длинных толь ногах в большой пустился свет;
Он легче воздуха, непостоянней ветра,
И ролю важную играет петиметра.
Влюбляться — долг его, повесой быть — закон,
Занятие — игра, похожа на бостон.
Но вот падучею страдает жалкий Кобчик.
Ах, как кобенится сей бедненький господчик!
Не Карачун ли то с ланцетами стоит, —
Нет! Тетерев глухой пред Кобчиком пыхтит.
И Кобчик корчится пред знатностью глухою,
В надежде, может быть, учтивостью такою
Защиту, иль чинок, иль место получить,
Чтоб после Снегирей и Воробьев душить,
Сдирать без жалости с бессильных птичек кожу
И наконец себя преобразить в вельможу! —
Ну! вот еще урод — ощипанный Петух!
Повеса промотал и перье всё, и пух,
Обрили Петуха пиры, игра и мода,
И стал бесхвостый мот посмехом для народа.
Тьфу! пропасть! и еще двух вижу чудаков:
Один задумчив, горд, и важен, и суров,
Другой ужасную имеет образину.
О муза! помоги списать сию картину!
Стань грозно со щитом ты ныне предо мной,
Чтоб глупость мстительна не ранила стрелой.
Представь себе, мой друг, без лести и отважно,
Сие позорище толь дивно и толь страшно,
Когда латынию напыщенный педант,
Превыше облака свой вознося талант,
Встречается с другим ему противной секты.
С обеих вдруг сторон стремятся аргументы!
Тот Аристотелем сопернику грозит;
Схвативши Канта сей, противника разит:
Трещат софизмами начйненны дилеммы,
Ревут по воздуху огромные системы;
Удару следует ужаснейший удар,
В героях множится свирепый, бранный жар,
Но оба вдруг снаряд логический теряют
И кулаками бой за истину решают; ..

Лежат растерзанны на части парики,
И носятся власов напудренных клочки.
Но в птичьем мире нынь лютейша битва зрится:
Педанты диспутам должны здесь поучиться.
Один боец — краса Индейских петухов,
Другой — честь Филинов и цвет всех мудрецов.
Как пред Троилом взгляд сверкал Ахиллов зверский,
Так взором Филину грозит петух Индейский;
Он, растопырившись, прегордо хвост несет,
Вращаясь крыльями, описывает свет;
Синеет рожа вся, трясется нос мясистый,
Кричит на Филина: «Вы все, все атеисты!»
Неистово взглянул тут Филин на него:
«О харя синяя! и ты бранишь того,
Кому в подсолнечной в учености нет равных!
Ужель ты не читал трудов моих преславных?»
Петух так Филину изволит отвечать:
«Как смеешь, рыжий враль, толь гордо помышлять,
Чтоб для твоих трудов хотел я тратить время:
Что может сочинить совино глупо племя?
Я в диссертациях то ясно доказал,
И в комментариях о том же толковал,
Что филины, сычи и все прегнусны совы
Не могут никогда быть славны богословы».
Подпрыгнул Филин вдруг: рогатый философ
С надутым мудрецом терять не хочет слов;
И с шумом началась меж птиц ученых драка.
И Филин и Петух, задорнейший клевака,
С размаху налетев, крылом друг друга бьют
И без пощады в зоб и в голову клюют;
С них перье падает, и кровь течет ручьями;
Но Филин, пользуясь преострыми когтями,
Кичливого врага сломил, сразил, попрал
И, ставши на него, победу прокричал! —
Здесь кончу повесть я о дивном птичьем свете.
Мудрец, что странствует в эфире на комете,
Давно меня к тому усильно побуждал:
С Сатурна родом он, и к нам сюда пристал,
Чтоб всем тем запастись, что для него потребно;
Он землю осмотреть желает непременно.
К тебе я чрез него решился написать,
А средство сыщет он письмо тебе отдать.

Желаю, друг, чтоб ты был счастлив в дольнем мире:
Люби отечество, играй подчас на лире.
Я знаю: на тебя всегда косится рок!
Ты в низком звании, но сердцем будь высок,
И чтя того, велик кто чувствами, делами,
На знатну чернь взирай ты гордыми очами;
Презревшему тебя — презрением отмсти.
Вот мой тебе совет, любезный друг! Прости!

1811 или 1812

ЗВЕРИНЕЦ

Ученый Усурум недавно отыскал
Предревний манускрипт на языке еврейском,
И в оном начитал,
Что при царе халдейском,
Не знает точно при каком,
Жил-был Халдей Салваназарадом.
Не столь о языке французском мы радеем,
Как к скотскому он прилежал,
И так в нем успевал,
Что говорил с Ослом как будто бы с Халдеем.
Кто где, а наш мудрец всё со зверьми;
С скотами для него жить лучше, чем с людьми.
Лишь только рассветет, уж он спешит в зверинец
И зверю каждому несет с собой гостинец:
Иному сена пук, другому мяса кус.
Встречают все его; и Заяц тут не трус;
К Халдею Лев, Тигр даже льстится!
Один Осел косится:
Не хочет разделиться
С Козлом гостинцем пополам:
«Меня равнять козлам!
Нет, брат, хоть я теперь жую траву с скотами,
Но прежде с господами
Я кушал за одним столом:
Был в жизни человек, по смерти стал Ослом!
Я Шляхтич Гурнгарндрас, не смей шутить со мною,
Иль формою суда разведаюсь с тобою!»
— «Как жалко мне, — вскричал с насмешкою Халдей, —
Что прежде не имел ты длинных сих ушей. —

Для шляхтича они великая прикраса;
Знавал я Гурнгарндраса;
Всем такать, всех лизать,
Спину пред всяким изгибать —
Его то было дело:
Кто подл, на счастье тот всегда надейся смело!»
Халдеев сей ответ понравился Козлу,
Он, гордо подошед к Ослу,
Так заблеял, тряся во гневе бородою:
«Мне низко говорить со шляхтою такою;
Я прежде был паша, тот дивный Беккоккос,
Чей в свете славился огромностию нос,
В серале целый век как в масле сыр катался,
И с Хрюхряхрюсом лишь в богатстве не равнялся».
— «Да, — хрюкнул Боров вдруг, — имел я с миллион!»
— «А пользы от того?» — спросил сердито Слон.
— «Та польза, что всегда я был ужасно тучен».
— «Да стал ли чрез тебя другой благополучен?»
— «Не много, Слон, теперь найдешь глупцов таких,
Чтоб думали и о других:
Свет нынешний наполнен мудрецами!»
— «Которы, — Слон взревел, затопавши ногами, —
Достойны быть, как ты, Свиньями!»
— «Да ты нам не указ! — прикрикнула Лиса, —
В науке жить с людьми не знал ты ни аза,
Хотя великим ты министром слыл халдейским;
Вот я-то мудрецом могу почесться светским,
Ласкаючись ко всем, с умильнейшим лицом,
Казалась другом всем и всем была врагом,
Достоинства людей мешками измеряла,
Для пользы и Ослов хвалами осыпала,
И в силе через то у знатных я была,
С тобою, грубый Слон, лишь сладить не могла!
Но вашей братии не много ведь в столице,
Так нечего о вас заботиться Лисице».
Халдей,
Мохнатых слушая людей,
Дивился —
И порознь каждого он расспросить решился,
В каком кто звании при жизни состоял.
«Я был судья, — Медведь сказал, —
И кожу не одну с невинности содрал!

Я назывался Ворворвором».
— «И ты был не судьей, а сущим живодером!» —
Рычал великодушный Лев,
Сверкая взорами, разинув страшный зев.
«Я протестуюся! — вскричала Росомаха. —
Смотрите! судия смердит уже от страха;
Поступком сицевым обижена и я,
Понеже в должности была секретаря;
Лев будет под судом по моему прошенью,
И карачун дадим всему его именью!»
— «А ты, Волк, чем служил?» —
Халдей у Бирюка спросил.
— «Я тож, как и Медведь, присяжный кож сдиратель —
В Палате председатель».
— «А ты, Барсук?»
— «Я также был приказный крюк;
Но не лупил людей, как будто бы скотину,
А скромно продавал законы по алтыну!»
— «Ну ты, Олень, скажи, кто прежде был таков?»
— «Я был охотник Люблюпсов:
В отъезжем поле мать, когда зверей травила
Верхом, меня родила;
И мой отец охоту так любил,
Что в псарне с гончими и спал, и ел, и пил,
Я также, будучи их одарен геройством,
Не славе жертвовал, но дичинé спокойством!»
— «А ваша честь, кто вы, Сурок?»
— «Разбойничек, то есть картежный я игрок!
Тузом и двойкою я нажил капиталец!»
— «А ты, слепой красавец,
Кто ты, угрюмый Крот?»
— «Я — всё: законник, волхв, философ, звездочет,
И, словом, в форме я ученый первоклассный!
Все мыши и кроты согласны,
Что я был чудо-человек:
Хоть здраво ни о чем не мыслил весь мой век,
Но умер, погружен премудрости в пучине;
В навозе рылся я, в навозе роюсь ныне!»
— «А ты, почтенный господин,
Благочестивый Кот, какой имел ты чин?»
— «Я человек не светский, но духовный,
По милости творца был жрец верховный;

Был образ кротости, смирения пример,
Свят духом, но притом халдейский кавалер.
Духовную мою трапезу составляло:
Млеко, сыр, масло, сало.
О стаде пекся я по долгу пастухов,
Но я терпеть не мог Мышей-еретиков!»
— «А ты что скажешь нам, Баран?»
— «О! я, сударь, из столбовых дворян.
На бранном поприще искал мой предок славы,
А я мух колотил в деревне для забавы;
Мой предок для того без сна в трудах потел,
Чтоб после правнучек попил, поспал, поел».
— «Ты выслушай меня, — вскричала Обезьяна, —
Вот я-то тварь была преславна,
И много обществу я пользы принесла:
Изрядно кушала, изрядно и пила,
Отменно прыгала, кривлялась бесподобно,
Играла дамами, как шашками, свободно;
Щелка́ла по носу и знатных, и господ,
Хоть я была ничто, как гаер иль урод,
Достойный забавлять на ярмарках народ;
Пристойность, правда, стыд всегда мне были чужды,
В религии совсем я не имела ну́жды,
И, будучи во всем глупее Лошака,
Я принимала вид большого знатока;
В искусстве льстить слыла великой мастерицей,
В обманах, в хитростях поспорила б с Лисицей;
На счет других жила приятно, без забот,
И, словом, я была скотина à la mode».[1]
— «Ну, ты, Хомяк, скажи, ты что был за детина?»
— «Ах! государь, я был торговый мужичина.
Товаром мелочным сперва я начал торг.
Стыд, правда, совесть, бог —
На чисты денежки всё это продавалось:
Иной день раз пятьсот божиться мне случалось!
Когда же нажил я изрядный капитал,
То так богобоязлив стал,
Что лишь по старой я привычке плутовал:
За доброе подчас я продавал гнилое,
И брал не более как впятеро иль втрое.

[1] Модная (франц.). — *Ред.*

Аршин и ножницы, весы, рука и взор,
Зуб каждый у купца и даже лавка — вор!
Не должен покупщик отнюдь обвертке верить,
Готова и она обвесить и обмерить!»
— «Молчи, подлец! — вскричал Салваназарадом. —
Ты счастлив, сделавшись по смерти Хомяком!
Услышь меня, услышь, всезиждущая сила!
О, если б ты закон такой постановила,
Чтоб всякий человек: судья, или купец,
Поп, воин, дворянин, ученый и кузнец,
Забывший совесть, стыд, закон, монарха, бога,
Перед зерцалом ли, средь царского ль чертога,
Иль в доме собственном, пируя за столом,
Ко удивленью всех стал волком иль ослом,
Примеры б таковы безумцев устрашили,
И смертные себя и бога б больше чтили».

ОТРЫВКИ ИЗ «ПУРСОНИАДЫ»

ИЗ ПЕРВОЙ ПЕСНИ

1

Помилуй ты меня, о Феб, парнасский бог!
Кого велишь ты петь, внушая мне восторг?
Ах! сжалься надо мной, чувствительная муза!
Могу ли я хвалить столь дивного француза,
Каков был некогда преславный Пурсоньяк:
В Париже продавал на рынке он табак,
Герой был в кабаках и первый жрец в харчевнях;
Шумел на площадях, смирялся он в деревнях,
Где часто странствовал для черствого куска,
Где бледная его голодная рука,
Тряся котомкою, прохожих умоляла
И с жадностию хлеб насущный принимала!
Из нищих вдруг потом попался Пурсоньяк
В число мошенников, воров и забияк;
Потом он заклеймен и сослан на галеру,
Но, земляков своих последуя примеру,
Чудесным образом в Россию убежал,
И ссылочный француз как солнце возблистал.

2

. . . .

. . . .

Восстал француз, но ах! от слабости шатался;
Вотще он воздухом как манною питался:
Лишь первый шаг ногой дрожащею ступил,
Зефир с насмешкою француза повалил;

. . . .

. . . .

Внезапно выглянул из ада Вельзевул,
Во всю бесовску мочь он крикнул: «Караул!»
И к Гладу так вещал: «О подлый забияка!
Вот до чего довел ты славна Пурсоньяка!
Познай, что сей француз мой искреннейший друг.
Ступай к нему, ступай скорее для услуг!»
Уродливый скелет, вооружась клюкою,
Пустился в дальний путь с походною сумою;
По ребрам повязал широкий он кушак
И пламенный надел на голову колпак;
Гремит он на бегу иссохшими костями,
И, челюсть искривив, гигант стучит зубами;
Траву, и дерево, и корни, и цветы
Теребит, гложет, жрет, глотает всё в пути.
«Возможно ль! — он кричит, — я должен быть слугою,
Вот как ругается царь адский надо мною!
Нет, Вельзевул! хотя ты знатный господин,
Но Голод в пекле тож имеет знатный чин,
И род мой твоему ничем не уступает:
Почтенна Смерть меня отменно уважает;
Война — сестра моя, а Нищета — кума,
Родная тетка мне сиятельна Чума,
В великой дружбе я с ученостью бываю
И часто чудеса творить ей помогаю.
О, сколь поругана высока честь моя:
Холопом буду нынь у санкюлота я!
Хоть должен выполнить бесовско повеленье,
Но Стиксом я клянусь питать к французам мщенье!
И, в помощь пригласив Разврат, Болезнь, Войну,
Обрушу гибель всю на горду их главу!»

3

Безумные враги отечественных щей!
Не зрю я в вас славян, не зрю богатырей:
Насилу движутся полмертвы ваши трупы!
Оставьте наконец вы соусы и супы;
Не галлам вы должны, но предкам подражать:
Прямою доблестью и пузом щеголять.

ИЗ ВТОРОЙ ПЕСНИ

1

На деньги ужасть как нечисты духи падки;
Известно, что они всегда любили взятки;
Бесовской алчности уже я зрю пример:
Содрал с меня алтын на привязи Цербер.
Когда с бумагой в суд приходит челобитчик,
Кряхтит и кашляет от радости повытчик,
Облизывается в восторге секретарь
И нюхает табак приказна мелка тварь.
Проситель корчится; подьячие гордятся:
Змеею должен он пред гадом увиваться,
Просить и кланяться, давать и обещать,
В трактирах потчевать и дома угощать.
Случилось так и мне меж адскими крюками.
Чего не делал я пред подлыми чертями!
Нижайше кланялся, покорнейше просил,
Давая деньги им, кису опорожнил;
Но недовольны тем кургузы оплеталы,
Зачем, кричат, зачем твои карманы малы?
Насилу я смягчил бесовские сердца,
Отверзлися врата геенского дворца:
В огне и в пламени монарх мне адский зрится,
Престол его в дыму, как ветчина, коптится;
Покрыты сажею порфира и венец;
Величество его так черно, как кузнец.
Отроду я не зрел толь пакостныя рожи!
Прекрасны все его министры и вельможи,
Нарядна гвардия, хорош придворный штат,
С рогами всякий здесь, ...

2

Простерла Мода перст — и вдруг девицы, дамы,
Как ведьмы, стали все с предлинными хвостами;
Рекла — и волосы нависли на глаза;
Велит — и лысина, где были волоса;
Восхощет — и все вдруг девицы обнажатся
И будут голые, как дикие, таскаться;
Прикажет им — и вдруг оденутся в мешки,
И вместо чепчиков носить начнут горшки;
Мигнет — и те, что нынь лепечут по-французски,
Заквакают в домах, как жабы иль лягушки.

3

Вдруг жрица земляка преславна обняла
И к русским модникам и модницам рекла:
«Месье! кто радости из вас не ощущает?
Еще клад мудрости вам небо посылает!
В французе дивном сем приходит к вам Сократ;
Какое счастие для вас и ваших чад!
К тому же и его несчастно положенье
Возбудит в вас к нему сердечно сожаленье.
Французам помогать обязан русский всяк,
Кто мыслит иначе, тот варвар и дурак.
Толико нищие французские почтенны,
Колико бедняки российские презренны.
Невеждам пособлять вам Мода не велит;
Хоть русский ранами в сражениях покрыт
И, славно прослужа отечеству полвека,
В награду нищий стал и жалостный калека;
Хоть жизнь боярскую, именье защитил, —
Но если б у бояр он хлеба попросил,
Бояре! вам велит французско воспитанье
Плевать на русское израненно созданье!
Похвальнее для вас французов богатить,
Чем грошем русского калеку одолжить.
Явите щедрость нынь преславну Пурсоньяку!»
Ужасну меж собой люд модный сделал драку:
Всяк хочет щедростью другого превзойти,
Француза хочет всяк к себе в дом отвести.
Тот говорит: «Жалеть не буду миллиона,

Такого чтоб достать себе компаниона!»
Иной кричит: «Детей моих наставник будь!
В год тысяча рублей и хлеба триста пуд».
А третий так брюзжит: «Он будет править мною
И всем распоряжать, и домом, и женою».
Не знал, что отвечать в восторге Пурсоньяк.
Доселе мнил француз, что первый он дурак;
Но ныне, окружен такими чудаками,
Узрел, что рангом он не первый меж глупцами,
И наконец сказал, что, мудрость полюбя,
Намерен посвятить в учители себя!
Простившись с дьяволом, дал руку Верхолету
И в грязном рубище сел с гордостью в карету.
Благодаря Гибу, почтенную мадам,
В пути готовился к учительским трудам
И мыслил так, в душе от смеха помирая:
«Россия, подлинно, земля предорогая;
Я чувствую, что здесь озолотят меня:
В России полубог — парижская свинья!»

РЕДКОСТИ, КОТОРЫЕ УДАЛОСЬ МНЕ ВИДЕТЬ

Я видел, как скупец, мешок схвативши злата,
На помощь к ближнему несчастному спешил,
С чувствительной душой обнял его, как брата,
И слезы горести в минуту осушил.

Я видел дервиша (турецкий то монах),
Который одержал победу над страстями:
Стал кроток, совестен, смирен, воздержан, благ
И грешный мир презрел не словом, но делами.

Я видел мудреца, кой истину любил:
Она ему всего была дороже в свете,
В беседе и делах ее имел в предмете:
Он жил так, как писал, а так писал, как жил.

Я видел счастия достойного любимца —
Прекрасен, молод он, богат и знатен был;
Но в добродетели всю роскошь находил:
Забава для него — утешить несчастливца.

Я видел дивное сословие ученых,
Которы в подвигах, их званию пристойных,
Хранили здравый смысл, честь, нравы и покой;
От зависти они не грызлись меж собой.

Я видел, как один почтенный секретарь
Оправил правого, не взявши ни алтына:
Так долг велит, он мнил; мне платит совесть, царь,
И вот награда мне бесценна и едина.

Я видел модника, который для покроя
Терял имение и не имел покоя;
Но вдруг познал, что ум дороже, чем кафтан,
И выключил себя из списка обезьян.

Я видел женщину во цвете нежных лет,
Которой ветхий муж прелестен — сединами;
Но на челе его еще рог не растет:
Она верна ему — о чудо меж женами!

Я видел, как один заезжий к нам мясник
Остался мясником, хотя мог быть учитель:
Родясь во Франции, парижский бывши житель,
Конечно площадной французский знал язык.

Я видел, как лжецы неправдой возгнушались,
Завистники чужим блаженством восхищались,
Придворный пред царем душою не кривил,
И сильный слабого не грабил, не душил.

Я видел торжество наук, достоинств, чести,
Позор невежества, изгнанье подлой лести,
В семействах тишину и счастие везде, —
Я видел всё сие, и видел всё... во сне!

ЗАБАВНАЯ БЕСЕДА

«Внемлите, горы и леса,
Стремлюсь поведать вам предивны чудеса...»
— «Чтоб ты пропал, Рифмач, с твоими чудесами! —
Вскричала Фиркина, — ты мучишь всех стихами.
Прямой парнасский ты урод!

Насильно рифмами зажать мне хочешь рот...
О чем, бишь, господа, я рассказать хотела?
Да! да — вот десять дней, как я уж овдовела!
Ну! как вам нравится печальный мой наряд?
Такую вдовушку нельзя не обожать;
Вчера Вертушкину я голову вскружила...»
  — «Убей тебя драгунска сила, —
  Рубакин вдруг как конь заржал, —
Вралиху глупую сквозь строй бы я прогнал:
Болтает о себе да о своих нарядах,
Ни слова вымолвить не даст о вахтпарадах.
Как выступим в развод — ну! посмотрели б вы;
Вдруг станем мы во фронт, стоим все как столбы».
— «Ей-ей! я знаю всё о сицевом параде:
Курьезнее у нас дела текут в палате», —
Гортанью хриплою приказный возразил.
— «Tacendum[1], — грозно муж ученый возгласил. —
Начнем беседовать о важных мы предметах —
  О манускриптах и кометах...»
— «Мне ваших никогда не переслушать врак, —
    Примолвил весельчак, —
Когда не глупы вы, то все вы очень странны,
И для меня тем более забавны,
Что все вы любите вранье —
  Лишь не чужое, а свое!»

ПЕСНЬ ЛУЖЕ

Пускай иной, потея годы,
С надсадой трубит страшны оды
Ручьям, озерам и морям!
Не море — лужу воспеваю:
Грязь в жемчуг я преобращаю,
Ударив лиры по струнам.

Судеб благоугодно воле,
Чтоб, лужа, ты, в несчастной доле,
Была других всех ниже вод:
Ручьи нас веселят струями,

[1] Следует замолчать! (лат.) — *Ред.*

Моря приводят в страх волнами,
А лужей брезгует народ.

Но насекомы неисчетны,
Для гордых взоров неприметны,
Зрят в луже дивный океан
И в подлых жабах — страшных китов!
Четвероногих сибаритов
Ты вместе ванна и диван.

Паши, украшенны щетиной,
Презренною твоею тиной
Не променяются на пух;
За бархат грязь они считают
И в роскоши такой не чают,
Что их готовят под обух.

Ни пред ручьем, ни пред рекою
Ты не похвалишься водою;
Но страннику в несносный жар
Вода твоя в степи Ливийской
Или в пустыне Аравийской
Небесный кажется нектар.

Пространством море пусть гордится,
Шумит волнами и стремится
Достигнуть грозной высоты.
В обширности неизмеримой,
Одним всесильным обозримой,
И море — лужа, как и ты.

Хотя б на дне его лежали
Блестящий бисер и кораллы,
Приманчивы для алчных глаз;
Но что ж! пред мудрыми очами
Столь почитаемые нами
Коралл и бисер — та же грязь.

Нет! лужи я не презираю;
Я в луже пользу обретаю —
Наставник лужа для меня:
Читает мне урок прекрасный,

С которым опыты согласны,
Сию нам истину глася:

Чей дух ленивый дремлет вечно,
В том мысль и чувствие сердечно
Как в луже мутная вода;
И праздности его в награду
Пороки в нем, подобно гаду,
Плодятся — множатся всегда!

СТИХИ ПО ПРОЧТЕНИИ СУМАРОКОВА

О горе, горе нам,
Мелкопоместным рифмачам!
Когда парнасский князь, преславный Сумароков,
Который бочек сто парнасских выпил токов
И лавки книжные стихами завалил,
Когда и он страдалец рифмы был:
В творениях его у ног Екатерины
Цветут для рифмы райски крины;
А где стоит Великий Петр,
Там поневоле дует ветр.
Нет, рифма! ты забудь нас почитать рабами,
Иль, рассердясь, тебя мы презрим сами.

ЖИВОПИСЕЦ

Был живописец славный,
Рафáэлю в искусстве равный,
И очень, очень не дурак,
Но сердцем жалкий был простак:
Уж до того он совести держался,
Что даже знатным льстить боялся!
А кто сие почтет за грех?
Спросите вы у всех.
Сей добрый человек хотел себя прославить,
И чем же? вздумал он представить
Пороки все и глупости людей.
Судя по мастерству, он сущий чародей!
Нельстива кисть его что ни изобразила —
Одушевила.
Картину кончивши, тотчас
Он выставил ее народу напоказ;
Но лишь ее узрели —
Кокетки обомлели,
У плута волос дыбом стал,
Лжец трепетал,
Грызть ногти начал скряга,
Грозил указами сутяга,
Кобенился пред живописцем франт,
И Катилиною назвал его педант.
Пылая в сердце мщеньем,
Порочные кричат художнику с презреньем:
«Ты пасквиль написал,
Честь нашу обругал;
В картине сей хотел смеяться ты над нами».

— «Бог с вами! —
Художник отвечал, —
Я глупость и порок изобразить желал,
А вас не трогал я, да я вас и не знал.
Уродов можно ли вам сравнивать с собою,
Когда красавцы вы душою?»
Но мастер сей не мог себя тем оправдать;
Хоть умные его взялися защищать,
Но их не много было,
И всё витийство их глупцов не убедило:
Художник отдан был под суд,
Который сжечь велел его прекрасный труд.
Так будет всякому, кто только дар имеет
И льстить пороку не умеет.

<1810>

МОЛОДОЙ ОРЕЛ

Не вняв отцовскому совету,
Орел поднялся со гнезда.
Летит, летит, летит по свету,
И вслед за ним летит беда:
Орел попался в сети —
Орлом играют дети;
А чтобы он не мог летать
И крыльями пощечин надавать,
Любимца Зевсова мальчишки ощипали,
И наконец Орла индейки заклевали.

О быстрый юноша! не торопися в свет:
Чем пламеннее ты, тем больше сыщешь бед.

<1810>

ПРОПОВЕДЬ И БАСНЯ

Валит народ, валит толпою,
Встречается народ с богатой госпожою,
Блестит на барыне наряд,
Гордится барыня нарядом,

Ни с кем себя не ставит в ряд
И удостоить чернь своим не хочет взглядом.
И подлинно! уж есть похвастать чем:
Украшена всем тем,
Что только ныне
В своем старинном магазине
Могла для ней мадам Риторика сыскать.
Убор такой мне вряд ли описать;
На голове не чепчик — хрия,
В фигурах платье всё, фигуры ж эти все,
Поверьте мне,
Работы мастерския;
Их выдумал какой-то грек,
Искуснейший в сем деле человек.
В руках, наместо опахала,
Пук тропов модница держала,
И гордо Проповедь на фижмах выступала.
Навстречу даме из села
Зачем-то Басенка брела.
Одета не по-барски,
А просто, по-крестьянски,
Но так к лицу, что мило поглядеть,
Желал бы, кажется, с ней жить и умереть.
Тут все простилися с нарядной госпожою,
Котора столько их заставила зевать,
Все к Басенке спешат,
Ее прелестною любуясь простотою.

МЕЛЬНИЦА БЕЗ МЕЛЬНИКА

Как мелет мельница! — но что? — в ней пыль одна,
А хлеба в мельнице не видно ни зерна:
Так мелет пыль она? —
Вот если б мельник был, молоть бы меньше стала,
Но хлеб молола бы; молоть бы пыль престала.

Молол бы меньше Тит и пыли б не пускал,
Когда бы языком рассудок управлял.

ПАРИК И БОЛВАН, НА КОТОРОМ ЕГО РАСЧЕСЫВАЮТ

С плешивой знатности когда парик снимали,
То самый сей парик болван носил.
«Уж то-то, чаю, вы сегодня рассуждали? —
Болван у парика спросил. —
Ведь много, думаю, у знатности рассудка?»
— «Как у тебя, дубового отрубка!»

РАЗГОВОР О СОЛОВЬЕ МЕЖДУ ДРОЗДОМ И СОРОКОЮ

«Каков же соловей?
Ведь вы его, сударыня, видали?»
— «Видала, батька мой: уж то-то дуралей!»
— «Так, видно, голосу его вы не слыхали?
Ах, как поет! нельзя его не почитать».
— «Fi donc![1] ты соловья чресчур уж выхваляешь».
— «А ты, мадам, за что его так унижаешь?»
— «Он прыгать не горазд, не мастер лепетать!»

Так о достоинстве сороки рассуждают,
И в этом женщины им часто подражают!

ВОЛЫ И ЛОШАДЬ

Спросили некогда у Лошади Волы:
«За что боярину понравились Ослы?
Ведь работа́ть они нам мало помогают,
Однако больше их и кормят, и ласкают».
— «И вы не знаете, — Конь отвечал Волам, —
За что такая честь Ослам
И барская немилость к нам?
Так знайте, братцы:
Мы русские, Ослы же иностранцы!»

---

[1] Фу! Как не стыдно! (франц.) — *Ред.*

СВИНЬИ И ЯГНЕНОК

Ягненку погулять без матери случилось,
И горе страшное бедняжке приключилось:
Увяз в болоте он; барахтаяся там,
Блеял о помощи к Свиньям,
Что в тине нежились, в серали как султан.
Расхрюкалося вдруг эпикурейцев стадо;
Не помогать оно — упреки делать радо:
«В какую ты забрел, бесстыдник, грязь!
Вот молодость, увы! к чему приводит вас!
А если б пожилым скотам повиновался,
Тогда б, молокосос, в беду ты не попался;
Каков ты прежде был? — как свинка бел, пригож;
Теперь же, посмотри, ну на кого ты схож!»
Так мудрецы сии Ягненка укоряли;
Но между тем они того не примечали,
Что сами глубже всё в болоте погрязали.

Всяк скажет, кто сию (уж какова ни есть)
Изволит басенку прочесть:
Бывают и у нас наставники такие:
Всем проповедуют, а сами не святые.

ПЧЕЛА И ОСА

Оса Пчеле так говорила:
«Давно во мне ты зависть возбудила,
Наш род везде гоним,
Ваш род везде любим,
Хоть также вашего боится всякий жала,
И лучше нас еще умеете язвить!»
— «Не спорю, что язвим! — пчела ей отвечала. —
Но, мед любя, нас можно ль не любить?»

Пчела — то критики полезной сочинитель;
Оса — безмозглый шпынь, завистливый хулитель.

МОСЬКА И СОБАКА НА ПРИВЯЗИ

«Ах! сжалься надо мной, сиятельная Моська! —
Любимцу барскому пес старый говорил. —
Весь век усердно я на привязи служил:
Смотри, изранена дубиной грудь геройска;
Я ужас был всегда для здешних всех воров,
Я был прямой слуга, не из числа льстецов.
Воззри, премудрый Мопс, на многие заслуги,
На дряхлость лет моих, на слабость и недуги;
Достань в награду мне, почтенный мой патрон,
Хоть каплю молока!» — «Да где такой закон? —
С презреньем временщик речь псову прерывает. —
Нет! барин милостей своих не расточает;
Послушай — молоко дается только нам,
Придворным господам,
А вы, на привязи герои,
Довольны будьте тем, что вам дают помои!»

ПЫЛЬ И АЛМАЗ

Потерянный алмаз в пыли лежал,
Алмазом пыль пренебрегала.
«Ах! как ты предо мною мал! —
Она ему сказала. —
С земли я гордо подымаюсь,
И в уши, и в глаза прохожему бросаюсь;
Здесь знают все меня: и лапоть, и башмак!
А ты... какой бедняк!
Никто тебя не примечает».
— «За пылью!..» — вдруг алмаз смиренно отвечает.

И ум там не блестит,
Где глупость наглая, как пыль, глаза мрачит.

НАХОДКА

В ночь летнюю глупец приметил, что блестит;
А что в траве блестит, о том не рассуждает:
Глупцов блеск всякий удивляет.

Безмозглый рад
И мнит, что клад
Бесценный он находит,
К бесценности подходит;
Хватает с жадностью дурацкая рука;
Повесил нос глупец — нашедши червяка.

Не знавши коротко, других кто оценяет,
Глупее, чем дурак, тот умник поступает.

ДУРАК И ДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ

Не полированный, но очень драгоценный,
Попался камень дураку.
Глупец, как видно, был минерало́г отменный,
На камень посмотрел и зашвырнул в реку.

И дарования ценить не всякий знает;
Глупец не видит их, иль, видя, презирает.

ОСЕЛ В СЧАСТИИ

«Ты помнишь ли Осла? — Вол Лошади сказал. —
У нашего он господина
Навоз таскал;
Но, к удивлению, сия скотина
На верх величия взошла!
Фортуна по уши влюбилася в Осла!
Навоз сперва возил, а ныне возит папу,
И папские льстецы Осла целуют в лапу;
Обвешан золотом, осыпан жемчугом,
Из смирной твари он стал страшным гордецом».
— «Да стал ли он умней средь пышности
и славы?» —
Спросила Лошадь у Вола.
— «Сего-то сделать лишь фортуна не могла.
Переменяет честь, вишь, не умы, а нравы!»

ДАМОН

Дамон имел не малу честь
Фортуны зреть в себе любимца,
И у Дамона, у счастливца,
Не можно даже было счесть
Родных, друзей горячих, страстных,
Не только кушать с ним — и умереть согласных.
Но вдруг фортуною за что-то презрен он —
Осиротел Дамон!
Друзья, которые с ним умереть решились,
Не видя прибыли, все в бегство обратились.
Лишь не рассталася собака с бедняком,
Являя ласки одинаки.
Дамон задумался, и произнес потом:
«Увы! друзья мои не стоят и собаки».

ОТКУПЩИК И ХАРОН

Узревши тень с огромным пузом,
Харон вдруг ахнул и вскричал:
«Боюсь, чтоб с сим тяжелым грузом
И сам я в Стиксе не пропал.
Откуда ты и что такое?
Скажи, дебелая душа;
Ты, видно, что-то не простое —
Ты кардинал или паша?»
— «Кто б ни был я, но вы не стойте,
Об этом смею вас просить,
Ввалиться в лодку мне позвольте,
Я должен в Тартар поспешить;
Скажу, старик, вам откровенно:
Хочу прожект Плутону дать;
И я надеюсь несомненно
Ваш перевоз на откуп взять.
Всегда сим планом занимаясь,
Я в мире толст, покоен был;
Богатства многого лишаясь,
О том при смерти не тужил.
Какие знатные доходы
Легко здесь можно получать:

Сюда толпятся все народы,
И так со всех мы можем драть!
Британцу скажем мы и галлу:
Нам чисты деньги отсчитай;
А господину камчадалу:
Ясак мехами заплати.
Теперь вы служите без платы,
Не правда ли? но у меня
Вы скоро будете богаты,
И столько же почти, как я;
Не рубище на вас дурное,
Не сей засаленный колпак,
Нет, будет платье дорогое
И пить вы станете арак».
Харон, угрюмый, дикий, строгий,
Смекнул и в первый раз запел;
Не мудрено: мужик убогий
Надежду к счастью возымел.
Он жирной тени поклонился
И с ней как можно скоро плыл;
Плывя, Юпитеру молился,
Чтоб груз его он сохранил.

ЗЕРКАЛО И УРОД

Урод

Ты, грубое стекло, меня приводишь в стыд,
Так гнусным смеешь ли изображать мой вид?
Будь вежливо: польсти!

Зеркало

Льстить, право, не умею.
Лесть свойственна Лисе, Собаке и Лакею.

ЛАСТОЧКА И КОЛОКОЛ

На башне Колокол висел,
И там же Ласточка гнездилась.
На Колокол вдруг птичка рассердилась:
«Уж ты мне уши прозвенел;
В соседстве жить с тобой моих сил не достанет».

— «Молчал бы, Ласточка, охотно для тебя,
Но что ж звонарь меня
За длинный мой язык всегда насильно тянет!»
А ты, Глупон, зачем ты подымаешь крик?
Ужели и тебя кто тянет за язык?

ОРЕЛ И СТРЕЛОК

«Не тронь меня! — Орел вдруг крикнул
на Стрелка, —
Дерзнет ли выстрелить по мне твоя рука?
Орлов и римляне, и греки уважали,
Священными они нас признавали!»
— «То были римляне! — Стрелок Орлу сказал. —
А ныне люд умнее стал;
Не очень о твоей заботится породе:
Теперь уж не Орлы, а Попугаи в моде».

ЖАЛКИЙ ЛЕВ

Был лев, муж возрастом, но по уму ребенок,
Не лев он был — теленок.
А вить и у зверей, когда царь слаб умом, —
Всё станет кверху дном!
Дай волю царь льстецам, так будет сам в неволе.
То сбудется со львом, о коем речь идет.
Зверей монархом он слывет
На прародительском престоле.
Загля́нь к сему монарху во дворец,
Кто подле льва? дурак, разбойник и хитрец:
Осел, волк и лисица
Да миловидная куница.
Они-то царством управляют,
От них зависит мир, война,
Они и подать налагают,
В их лапах царская казна!
Так мог ли быть порядок?
Повсюду недостаток
И в хлебе, и в уме,
Удачи мало на войне,
И мало проку в мире.

А лев храпит с куницею в порфире!
Хоть слышит иногда зверей несчастных стон,
Но слышит то сквозь сон.
Лев судит по себе, что подданные сыты,
И каждый из его монаршей пышной свиты,
Махая перед ним хвостом,
Клянется в том,
Что звери все его зовут отцом!
Но звери льва тираном называют,
И наконец они терпение теряют.
Бунтуется народ,
Кричит: «Пускай погибнет львиный род!
Не хочем над собой иметь мы властелина:
Вить лев такая же скотина!
Покуда с бедных нас он будет кожи драть
И нашу кровь сосать?»
Проснулся лев, но поздно!
Настало время грозно:
Куница, волк, лиса — как не были ни в чем!
А лев с ослом
Страдает под судом.
Могущий лев судим не львами,
Но подлыми зверями.
Так стоит льву махнуть хвостом —
Дрожать всю сволочь он заставит.
Нет! кротостию лев себя теперь прославит.
Великодушия неслыханный пример!
Смиренно когти он простер,
Которые совет зверей вдруг отгрызает;
Но лев еще зубами устрашает.
Так что ж? Он вмиг
Позволит вырвать их.
Потом льву лапы перебили
И хвост укоротили.
Потом,
Ругаясь слабым львом,
Ему и зайцы плюют в рожу,
И звери наконец со льва сдирают кожу!

Как жалок тот король, который смыслом слаб!
Погибнуть должен сей льстецов презренный раб.

ПРАВДА И ПОДЬЯЧИЙ

Считал алтыни драч тайком, подобно вору,
Вдруг правда хищному его предстала взору.
Затрясся, побледнел крючок,
И дыбом стал его пучок.
Алтынник правды испугался,
Алтыннику бес в правде показался!
Но правда не страшна,
То видит всякий зрячий;
Лишь зеркало она,
А дьявол сам подьячий.

КРЫСА И СЕКРЕТАРША

Нередко женщины влюбляются в зверьков:
В собачек, кошечек, и в белок, и в сурков.
Жена секретаря любила крысу страстно, —
Творенье гнусное, но для нее прекрасно.
А муж, усердный хлоп, нижайший секретарь,
Не смел уж не любить жене любезну тварь.
Вседневно уделял он крысе часть хабара
И отдал ей ключи от шкафа и амбара.
Когда бы ключница ему отгрызла нос,
Муж нежный для жены и то бы перенес!
Все привилегии та крысица имела:
Гуляла, кушала, покоилась, жирела,
Но секретарша тем довольна не была
И крысу в стряпчие она произвела.
Кто одолеть хотел в приказе супостата,
Искал тот милости у крысы-адвоката.
Сутяги с крысою знакомство вдруг свели,
В карманах сахарны гостинцы ей несли.
В приказе шайка их победоносна стала
И с стряпчим-крысою законы все попрала.

МОЛЬ И КАФТАН

Жил-был суконный великан:
Приказныя версты кафтан,

Отличный от других кафтанов
Ужасной глубиной карманов.
Подьячий сей кафтан от деда получил,
А дед подьяческий подьячий также был.
Верстою также слыл,
И также клал в карманы взятки.
Кафтан-старик имел премногие заплатки
И требовал отставки.
Не скоро от него прошенье принял внук,
Но наконец старик уволен был в сундук.
Покоился кафтан. Вдруг моли страшна сила
К его карманам приступила
И их без жалости точила.
Вскричал кафтан: «Помилуй, моль!
Точить карманов не изволь!
Ей-ей! Они невинны,
Не грабили они, но берегли алтыны,
А грабили всегда приказны дед и внук.
Почто не точишь, моль, подьяческих ты рук?»

ПОВЕСТКА

Понеже завтра именины
Могучей госпожи алтынницы Макрины,
То все в указный час должны явиться к ней
С почтением, при форме всей
И не с порожними руками,
Но с полными кульками.
К ней вход не возбранен с кульком и мужику,
И всякий дар — ее приятен сундуку.
Но кто ей поднесет куль с паюсной икрою,
Иль с семгою, иль с ветчиною,
Утробе тот ее и мужней удружит,
И рада по делам она тому служить.
А буде к оной кто не при́дет с челобитьем,
При форме и с кульком, притом в указный час, —
Тот с делом никогда не смей входить в приказ,
Понеже муж ее владеет там повытьем.

ОТСТАВКА И ПРОИЗВОДСТВО

По силе строгого, небесного указа
Подьячий смертию от места отрешен.
О, как дух отставной был в аде восхищен!
Лишь появился в ад — тотчас провозглашен
Торжественно дьяком геенноского приказа.

ГРИБ И ДУБ

«И ты сто лет растешь? Довольно, друг, терпенья!
Так медленно расти стыда ты не имел!
Вот я... достоин удивленья:
Рос каждый час, и в сутки я созрел!»
— «Зато я крепкий дуб, ветвистый, вознесенный,
А ты лишь гриб надменный».
В наш век нередко и умы
Походят на грибы.

ЖУК И ПЧЕЛА

«Ну, слава богу, я полсота сработала!» —
Пчела жуку сказала.
— «Полсота! только-то! — жук с гордостью вскричал. —
Я целую копну навозу натаскал!»
— «Навозу, а не меду», —
От пчелки был ответ рогатому уроду.
Клит целую стопу стихами исписал.
Но что! не меду он — навозу натаскал.

ДЬЯК И НИЩИЙ

Придрался к нищему старинный, пьяный дьяк:
«Ноздря твоя гласит, что нюхал ты табак,
И буде на тебя пойду в приказ с доносом,
По уложенью ты проститься должен с носом.
Так если нужен нос тебе для табаку,
Отдай котомку мне, лохмотья и клюку».

НАДПИСИ, ЭПИГРАММЫ, ЭПИТАФИИ

ПЫШНОМУ МАВЗОЛЕЮ

Народам и векам сей мрамор горделиво
Вещает: здесь лежит времен краса и диво,
Светильник мудрости, гром браней и побед,
Не смертный — полубог, дрожал пред коим свет.
Со страхом проходи, о путник! близ могилы. —
Врешь, мрамор! под тобой лишь горсть презренной пыли.

КЛИТУ

Равняешь ты меня с Жилблазом;
Но с кем же я тебя сравню?
С Скотининым Тарасом? —
Нет! всё еще твой ум я дорого ценю.

К ПОРТРЕТУ ПОДЬЯЧЕГО

Какая жажда в сих устах!
Какая хищность в сих когтях!
Не мнится ль, что портрет,
Как подлинник, и выпьет, и сдерет.

К РОДОСЛОВНОМУ ДЕРЕВУ

На древе сем висит Глупонов древний род!
И в том числе Глупон: какой премерзкий плод!

К ИЗОБРАЖЕНИЮ БЛОХИ

Подьячий! присмотрись к сей черненькой фигуре!
Не твой ли то портрет в миниатюре?

ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ ПОПИЛЮ, КОТОРОГО, КАК ГОВОРИТ ЛЕТОПИСЬ, МЫШИ СЪЕЛИ

О, участь жалкая несчастных королей!
Чего не делает над ними рок нахальный!
Им Пóпиль осужден на ужин для мышей,
Как будто бы король — огарок свечки сальной!

КЛИТУ

Клит мною огорчен, отмщеньем злобным дышит.
О, как я рад! пускай сатиру он напишет.
Я од его боюсь: то сущая хула;
Сатира, следственно, мне будет похвала.

ПО СЛУЧАЮ СПИСЫВАНИЯ ПОРТРЕТА С ОДНОГО ПРЕМУДРОГО МУЖА

Вы пишете портрет с философа Ослова;
Похвально славный лик в портрете сохранить.
Но выдумка сия, поверьте мне, не нова;
Вам можно более философа почтить:
С живого кожу снять и чучелу набить.

К ВЕТРАНАМ

Умом француз, красой Ветран снабждает мода.
Ужели ничего им не дает природа?

СКУПЯГЕ

Что не говел сей год, скупяга, ты жалеешь.
На что тебе говеть, ты целый век говеешь!

ПИГМАЛИОНУ, КОТОРЫЙ ВЛЮБИЛСЯ В МРАМОРНУЮ СТАТУЮ

Гордися ты, Пигмалион!
Превознося свою судьбину:
В прекрасный мрамор ты влюблен,
А прочие должны влюбляться в глину.

КЛИТУ

Учился долго Клит и очень много знает,
Но глупо мыслит он, глупее поступает;
По знаниям — подробный Клит словарь,
А по уму — букварь.

К МОДНЫМ ЖЕНЩИНАМ

О жены модные! несносен вам поэт.
Однако и ему в вас, право, нужды нет:
Лишь Грация его и музы восхищают,
А куклы не прельщают.

КУТЕЙКИНУ

Прошед поэзию, крылатого Пегаса
Кутейкин оседлал;
Он думал залететь на верх горы Парнаса,
Но быстрый конь его на колокольню мчал.

К НАБЕЛЕННОЙ КОКЕТКЕ

Кто набелил тебя, Ветрана? — Кто? — Амур. —
Возможно ль! бог любви стал ныне штукатур?

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

Оставя нектар, скипетр, гром,
Юпитер, по уши влюбленный,
К Данае, в башне заключенной,
Спустился золотым дождем. —
Прошли те времена, настали веки бедны,
И рада красота, как льется дождь и медный.

ОСЛУ ВЕЛЬМОЖЕ

Дивитесь, что осел вельможею стал ныне
И должно кланяться преглупой сей скотине?
Но для чего ослу вельможею не быть,
Когда мог древле бык в Египте богом слыть?

ВИРТУОЗУ АНТИПУ

На лире золотой когда Орфей играл,
То горы, и леса, и Тартар подвигал;
А ты, Антип, когда на скрипке заиграешь,
Смычок лишь подвигаешь.

ЕМУ ЖЕ

«Что, каково вчера оркестром мы играли?» —
Мне с гордостью Антип сегодня проворчал.
— «О боже! — я вскричал, —
Вы слух мой растерзали;
Согласья нет у вас, иль скрипки ваши в ссоре?»
— «Согласья? — крикнул он в задоре. —
Какой нелепый вздор
Искать согласия меж нами —
Меж флейтой, скрипками, басами, —
Когда в Европе всей господствует раздор!»

ПРОСВЕТИТЕЛИ

Чтоб мрачную страну наукой озарить,
Ученых множество в Украину валит.
Сияют здесь они, как в темноте зарницы!
Но что блестит у них? Мундирные петлицы.

КЛИТУ

Когда Державина без чувства Клит читает,
То мне ль писать стихи? Нет! полно, Феб! прости.
Но скромный василек престанет ли цвести,
Затем, что грубый мул и розу попирает?

ГЛУПОНУ

Дивитесь, глядя на Глупона:
Раз пятьдесят прочел Невтона!
И что ж? — Теперь Глупон —
Вы скажете — Невтон?
— Нет — всё Глупон!

ЧЕРТ И СМЕРТЬ

«Куда, курносая?» — «Иду я за душою». —
«К кому?» — «К секретарю: так велено судьбою!»
— «Ах! как проста судьба: живет она в глуши, —
Какой в секретаре, какой искать души!
Но если б и была, то верь, что прежде смерти
Ту душу за алтын купить успеют черти».

ВОПРОС ФРАНЦУЗА И ОТВЕТ РУССКОГО

«Мы служим вам: мычать вас по-французски учим;
А что даете нам за важный труд такой?»
— «Как что? безделицу: и корм, и водопой,
Да сверх того мы вас своим богатством вьючим».

ГОРАЦИЕВУ ПОДРАЖАТЕЛЮ

Из краткой оды Фирс лишь произнес два слова —
Вселенная зевать готова.

ЕМУ ЖЕ

И в длинных одах, Фирс, твой ум не длинен был,
А в кратких ты его лишь больше сократил.

ПЕДАНТУ, СОЧИНИВШЕМУ ЭПИГРАММУ

Вот чудо, да оно не снилось и Адаму:
Петух индейский снес — яйцо? — нет! эпиграмму.

ПОДЬЯЧЕМУ

«Я так же, как солдат, отечеству служу;
Не правда ли?» — меня ты, Когтин, вопрошаешь.
Большое сходство я меж вами нахожу:
Тот кровь свою, а ты чернила проливаешь!

ГЛУПОМУ СТИХОТВОРЦУ

Уж и осел
На Пинд забрел.

СИЛУ

В Париж поехал Сил; но с чем приедет к нам?
Ума не вывезет — кису оставит там!

ТАНЦМЕЙСТЕРУ ЛЕГКОСКОКУ

Что древле был Орфей, то Легкоскок меж нами:
По слову вдруг его колоды скачут с пнями.

КЛИТУ

Я Клитом раздражен, и вот тому причина:
Исподтиха меня он больно укусил;
Но можно ли, чтоб я ему сатирой мстил?
Сатира для людей, а для него... дубина.

ГЛУПОНУ — КЛИТУ

О Клит! не служит то, поверь, к моей отраде,
Что жить я принужден с тобой в едином стаде.
Хотя от жиру шерсть лоснится и блестит,
Хоть уши длинные вам счастье золотит,
Но лучше целый век с фортуною не знаться,
Чем для нее между онаграми[1] скитаться.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

ПО СЛУЧАЮ ТЕСНОЙ ДРУЖБЫ Р⟨УССКОГО⟩ ПОПА... С НЕМЕЦК⟨ИМ⟩ ПАСТОРОМ

С медведем станет бык ходить, обнявшись братски,
И с ястребом начнет лобзаться голубок,
«Ах! здравствуй, кумушка!» — овечке скажет волк,
С улыбкой райскою, без прежней злобы адской.
Настанет тишина на суше и морях,
Любви возникнет храм — везде, во всех сердцах,
И, словом, скоро к нам златый век возвратится,
Коль мог с пастóром поп жить вместе и дружиться.

ЗАВОЕВАТЕЛЮ

Стой, путник!.. здесь гигант ужаснейший лежит;
Пред ним вселенна трепетала!
— Возможно ль! великан в сей ямочке зарыт?
Стыдись, вселенная! потряс тобою... карла!

---

[1] Онагр — то же, что и осел.

ВЕЛЬМОЖЕ

В подземном здесь дворце вельможа обитает,
Своею знатностью червей он угощает.

ИГРОКУ

Сын счастия, кого все *короли* любили!
Где слава днесь твоя? Увы! прошла как дым.
Холопы игроку и *дамы* изменили;
Лишь *черви* поползли за ним.

ЗАВОЕВАТЕЛЮ

Эпитафия

Завоевателя натиснул камень сей.
Без пушек, без штыков, без труб и барабана, —
Одними перьями чудесный крючкодей
Пределы своего распространил кармана.

НАДГРОБИЕ БЕССРЕБРЕНИКУ

Не сундуки стерег — хранил он честный нрав,
И умер он хоть гол, да прав.

ЗАГЛАВИЕ К МОИМ СОЧИНЕНИЯМ

Ну как назвать? Мои безделки,
Мои творенья мелки,
Мое и се и то...
О гордость! Что мой труд? Героев труд ничто.

ВАСИЛИЙ ЛЬВОВИЧ ПУШКИН

В. Л. ПУШКИН

Василий Львович Пушкин, дядя А. С. Пушкина, родился в Москве 27 апреля 1770 года. Отец его, артиллерийский подполковник, принадлежал к числу преданных слуг Петра III. Во время государственного переворота 1762 года он отказался присягать Екатерине II, за что и был заключен в крепость, откуда был выпущен через два года. Обладая большим состоянием, он, бросив службу, стал жить в Москве и в своих имениях.

В. Л. Пушкин получил прекрасное по тем временам домашнее образование — кроме французского языка, знал немецкий, английский, итальянский и латинский, был широко начитан. Он служил в Измайловском полку, в 1797 году в чине поручика вышел в отставку и поселился в Москве, проводя время в занятиях литературой и посещении московских салонов, где был любим благодаря остроумию, веселому, общительному характеру и умению сочинять стихи «на случай».

Писать стихи он начал рано. В печати впервые он выступил со стихотворением «К камину» в 1793 году в «Санкт-Петербургском Меркурии».

В 1803—1804 годах Василий Львович совершил заграничное путешествие по Германии, Франции и Англии. (Когда он уезжал в Париж, И И. Дмитриев написал по этому случаю шуточные стихи «Путешествие NN в Париж и Лондон»). По возвращении из Парижа он сблизился с группой молодых литераторов: Александром Тургеневым, Вяземским, Жуковским, Батюшковым.

В 1811 году В. Л. Пушкин написал поэму «Опасный сосед». В этом же году он привез в Петербург своего племянника Александра для определения его в Царскосельский Лицей.

В войну 1812 года, при вступлении Наполеона в Москву, по-

гибло в пожаре все имущество Василия Львовича. Более всего он горевал о потере своей богатейшей библиотеки. Сам Василий Львович, с приближением Наполеона к Москве, бежал в Нижний Новгород, где собралось тогда почти все московское общество. В феврале 1813 года он вернулся в Москву. Когда было организовано литературное объединение молодых карамзинистов «Арзамас», Василий Львович Пушкин стал его членом, получив прозвище «Вот». Впоследствии он был избран старостой «Арзамаса» и прозван «Вот я вас». Прозвище несомненно отражало «боевую» славу Василия Львовича, активно выступавшего в своих посланиях против «шишковистов».

В 1821 году Пушкин начал подготавливать издание своих сочинений. Хотя его друзья, в частности Вяземский, и подшучивали над его волнением по поводу предпринятого издания, но охотно взялись ему помочь, так как у самого Василия Львовича не было для того ни необходимых материальных средств, ни нужного опыта. В 1822 году сочинения В. Пушкина, подготовленные Вяземским, Плетневым и Карамзиным, вышли в свет.

Последним крупным произведением В. Пушкина была стихотворная повесть «Капитан Храбров», пародия на романтические поэмы, напечатанная в 1829—1830 г. До последних часов своей жизни Василий Львович продолжал интересоваться вопросами литературы.[1] Умер он 20 августа 1830 года.

---

[1] А. С. Пушкин писал Плетневу 9 сентября 1830 года: «Бедный дядя Василий. Знаешь ли его последние слова? Приезжаю к нему, нахожу его в забытьи; очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: «Как скучны статьи Катенина» и более ни слова. Каково: вот что значит умереть честным воином, на щите».

ОПАСНЫЙ СОСЕД

Ох! дайте отдохнуть и с силами собраться!
Что прибыли, друзья, пред вами запираться?
Я всё перескажу: Буянов, мой сосед,
Имение свое проживший в восемь лет
С цыганками, с б..., в трактирах с ямщиками,
Пришел ко мне вчера с небритыми усами,
Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком,
Пришел — и понесло повсюду кабаком.
«Сосед, — он мне сказал, — что делаешь ты дома?
Я славных рысаков подтибрил у Пахома;
На Масляной тебя я лихо прокачу».
Потом, с улыбкою ударив по плечу,
«Мой друг, — прибавил он, — послушай: есть находка;
Не девка — золото, из всей Москвы красотка.
Шестнадцать только лет, бровь черная дугой,
И в ремесло пошла лишь нынешней зимой.
Ступай со мной, качнем!» К плотско́му страсть имея,
Я — виноват, друзья, — послушался злодея.
Мы сели в о́бшивни, покрытые ковром,
И пристяжная вмиг свернулася кольцом.
Извозчик ухарский, любуясь рысаками,
«Ну! — свистнул, — соколы, отдернем с господами».
Пустился дым густой из пламенных ноздрей
По улицам как вихрь несущихся коней;
Кузнецкий мост, и вал, Арбат, и Поварская
Дивились *двоице,* на бег ее взирая.
Позволь, Варяго-Росс, угрюмый наш певец,
Славянофилов кум, взять слово в образец.
Досель, в невежестве коснея, утопая,
Мы, *парой* двоицу по-русски называя,
Писали для того, чтоб понимали нас.

Ну, к черту ум и вкус! пишите в добрый час!
«Приехали», — сказал извозчик, отряхаясь.
Домишка, как тростник от ветра колыхаясь,
С калиткой на крюку представился очам.
Херы с покоями сцеплялись по стенам.
«Кто там?» — нас вопросил охриплый голос грубый.
«Проворней отворяй, не то — ракалью в зубы, —
Буянов закричал, — готовы кулаки»,
И толк ногою в дверь; слетели все крюки.
Мы сгорбившись вошли в какую-то каморку,
И что ж? С купцом играл дьячок приходский в горку;
Пунш, пиво и табак стояли на столе.
С широкой задницей, с угрями на челе,
Вся провонявшая и чесноком, и водкой,
Сидела сводня тут с известною красоткой;
Султан Селим, Вольтер и Фридерик Второй
Смиренно в рамочках висели над софой;
Две гостьи дюжие смеялись, рассуждали
И *Стерна Нового* как диво величали.
Прямой талант везде защитников найдет!
Но вот кривой лакей им кофе подает;
Безносая стоит кухарка в душегрейке;
Урыльник, самовар и чашки на скамейке.
«Я здесь», — провозгласил Буянов-молодец.
Все вздрогнули — дьячок, и сводня, и купец;
Но все, привстав, поклон нам отдали учтивый.
«Ни с места, — продолжал Сосед велеречивый, —
Ни с места! все равны в б... у б...;
Не обижать пришли мы честных здесь людей.
Панкратьевна, садись; целуй меня, Варюшка;
Дай пуншу; пей, дьячок». — И началась пирушка!
Вдруг шепчет на ухо мне гостья на беду:
«Послушай, я тебя в светлицу поведу;
Ты мной, жизненочек, останешься доволен;
Варюшка молода, но с нею будешь болен;
Она охотница подарочки дарить».
Я на нее взглянул. Черт дернул! — так и быть!
Пошли по лестнице высокой, крючковатой;
Кухарка вслед кричит: «Боярин тароватый,
Дай бедной за труды, всю правду доложу,
Из *чести* лишь одной я в доме здесь служу».
Сундук засаленный, периною покрытый,

Огарок в черепке, рогожью пол обитый,
Рубашки на шестах, два медные таза,
Кот серый, курица мне бросились в глаза.
Знакомка новая, обняв меня рукою,
«Дружок, — сказала мне, — повеселись со мною;
Ты добрый человек, мне твой приятен вид,
И, верно, девушке не сделаешь обид.
Не бойся ничего; живу я на отчете,
И скажет вся Москва, что я лиха в работе».
Проклятая! Стыжусь, как падок, слаб ваш друг!
Свет в черепке погас, и близок был сундук...
Но что за шум? Кричат! Несется вопль в светлицу.
Прелестница моя, накинув исподницу,
От страха босиком по лестнице бежит;
Я вслед за ней. Весь дом колеблется, дрожит.
О ужас! мой Сосед, могучею рукою
К стене прижав дьячка, тузит купца другою;
Панкратьевна в крови; подсвечники летят,
И стулья на полу ногами вверх лежат.
Варюшка пьяная бранится непристойно;
Один кривой лакей стоит в углу спокойно
И, нюхая табак, с почтеньем ждет конца.
«Буянов, бей дьячка, но пощади купца», —
Б... толстая кричит сердитому герою.
Но вдруг красавицы все приступают к бою.
Лежали на окне «Бова» и «Еруслан»,
«Несчастный Никанор», чувствительный роман,
«Смерть Роллы», «Арфаксад», «Русалка», «Дева
Солнца»;
Они их с мужеством пускают в ратоборца.
На доблесть храбрых жен я с трепетом взирал;
Все пали ниц; Сосед победу одержал.
Ужасной битве сей вот было что виною:
Дьячок, купец, Сосед пунш пили за игрою,
Уменье в свете жить желая показать;
Варюшка всем гостям старалась подливать;
Благопристойности ничто не нарушало.
Но Бахус бедствиям не раз бывал начало.
Забав невинных враг, любитель козней злых,
Не дремлет сатана при случаях таких.
Купец почувствовал к Варюшке вожделенье
(А б..., в том спору нет, есть общее именье),

К Аспазии подсев, дьячку он дал толчок;
Буянова толкнул, нахмурившись, дьячок;
Буянов, не стерпя приветствия такого,
Задел дьячка в лицо, не говоря ни слова;
Дьячок, расхоробрясь, купца ударил в нос;
Купец схватил с стола бутылку и поднос,
В приятелей махнул, — и Сатане потеха!
В юдоли сей, увы! плач вечно близок смеха!
На быстрых крылиях веселие летит,
А горе тут как тут! .. Гнилая дверь скрипит
И отворяется; спокойствия рачитель,
Брюхастый офицер, полиции служитель,
Вступает с важностью, в мундирном сертуке.
«Потише, — говорит, — вы здесь не в кабаке;
Пристойно ль, господа, у барышень вам драться?
Немедленно со мной извольте расквитаться».
Тарелкою Сосед ответствовал ему.
Я близ дверей стоял, ко счастью моему.
Мой слабый дух, боясь лютейшего сраженья,
Единственно в ногах искал себе спасенья;
В светлице позабыл часы и кошелек;
Чрез бревна, кирпичи, чрез полный смрада ток
Перескочив, бежал, и сам куда не зная.
Косматых церберов ужаснейшая стая,
Исчадье адово, вдруг стала предо мной,
И всюду раздался псов алчных лай и вой.
Что делать! — Я шинель им отдал на съеденье.
Снег мокрый, сильный ветр. О! страшное мученье!
В тоске, в отчаяньи, промокший до костей,
Я в полночь наконец до хижины моей,
О милые друзья, калекой дотащился.
Нет! полно! — Я навек с Буяновым простился.
Блажен, стократ блажен, кто в тишине живет
И в сонмище людей неистовых нейдет;
Кто, веселясь подчас с подругой молодою,
За нежный поцелуй не награжден бедою;
С кем не встречается опасный мой Сосед;
Кто любит и шутить, но только не во вред;
Кто иногда стихи от скуки сочиняет
И над рецензией славянской засыпает.

1811

К В. А. ЖУКОВСКОМУ

Licuit semperque licebit
Signatum praesente nota producere nomen.
Ut silvae foliis pro nos mutantur in annos,
Prima cadunt; ita verborum vetus interit aetas,
Et juvenum ritu florent modo nata vigentque.

Horat. Ars poetica.

Скажи, любезный друг, какая прибыль в том,
Что часто я тружусь день целый над стихом?
Что Кондильяка я и Дюмарсе читаю,
Что логике учусь и ясным быть желаю?
Какая слава мне за тяжкие труды?
Лишь только всякий час себе я жду беды:
Стихомарателей здесь скопище упрямо.
Не ставлю я нигде ни *семо*, ни *овамо*;
Я, признаюсь, люблю Карамзина читать
И в слоге Дмитреву стараюсь подражать.
Кто мыслит правильно, кто мыслит благородно,
Тот изъясняется приятно и свободно.
Славянские слова таланта не дают
И на Парнас они поэта не ведут.
Кто русской грамоте как должно не учился,
Напрасно тот писать трагедии пустился;

---

[1] Всегда и было и будет позволено употреблять слова, означенные обычаем. Как леса на склоне года меняют листья и ранее появившиеся листья опадают, так проходит пора старых слов и, словно юноши, цветут и крепнут вновь появившиеся. *Гораций. Искусство поэзии* (лат.). — *Ред.*

Поэма громкая, в которой плана нет,
Не песнопение, но сущий только бред.

Вот мнение мое! Я в нем не ошибаюсь
И на Горация и Депрео ссылаюсь:
Они против врагов мне твердый будут щит;
Рассудок следовать примерам их велит.
Талант нам Феб дает, а вкус дает ученье.
Что просвещает ум? питает душу? — чтенье.
В чем уверяют нас Паскаль и Боссюэт,
В Синопсисе того, в Степенной книге нет.
Отечество люблю, язык я русский знаю;
Но Тредьяковского с Расином не равняю —
И Пиндар наших стран тем слогом не писал,
Каким Баян в свой век героев воспевал.

Я прав, и ты со мной, конечно, в том согласен;
Но правду говорить безумцам — труд напрасен.
Я вижу весь собор безграмотных славян,
Которыми здесь вкус к изящному попран,
Против меня теперь рыка́ющий ужасно.
К дружине вопиет наш Балдус велегласно:
«О братие мои, зову на помощь вас!
Ударим на него, и первый буду аз.
Кто нам грамматике советует учиться,
Во тьму кромешную, в геенну погрузится;
И аще смеет кто Карамзина хвалить,
Наш долг, о людие, злодея истребить».
Не бойся, говоришь ты мне, о друг почтенный,
Не бойся, мрак исчез: настал нам век блаженный!
Великий Петр, потом великая жена,
Которой именем вселенная полна,
Нам к просвещению, к наукам путь открыли,
Венчали лаврами и светом озарили.
Вергилий и Омер, Софокл и Эврипид,
Гораций, Ювенал, Саллюстий, Фукидид
Знакомы стали нам, и к вечной славе россов
Во хладном севере родился Ломоносов!
На лире золотой Державин возгремел,
Бессмертную в стихах бессмертных он воспел;
Любимец аонид и Фебом вдохновенный
Представил Душеньку в поэме несравненной.

Во вкусе час настал великих перемен:
Явились Карамзин и Дмитрев-Лафонтен!
Вот чем все русские должны гордиться ныне!
Хвала Великому! Хвала Екатерине!
Пусть Клит рецензии тисненью предает,
Безумцу вопреки поэт всегда поэт.

Итак, любезный друг, я смело в бой вступаю;
В словесности раскол, как должно, осуждаю.
Арист душою добр, но автор он дурной,
И нам от книг его нет пользы никакой;
В странице каждой он слог древний выхваляет
И русским всем словам прямый источник знает:
Что нужды? Толстый том, где зависть лишь видна,
Не есть Лагарпов курс, а пагуба одна.
В славянском языке и сам я пользу вижу,
Но вкус я варварский гоню и ненавижу.
В душе своей ношу к изящному любовь;
Творенье без идей мою волнует кровь.
Слов много затвердить не есть еще ученье;
Нам нужны не слова — нам нужно просвещенье.

1810

К Д. В. ДАШКОВУ

En blâmant ses écrits, ai-je d'un style affreux
Distillé sur sa vie un venin dangereux?

Boileau, sat. IX[1]

Что слышу я, Дашков? Какое ослепленье!
Какое лютое безумцев ополченье!
Кто тщится жизнь свою наукам посвящать,
Раскольников-Славян дерзает уличать,
Кто пишет правильно и не варяжским слогом —
Не любит русских тот и виноват пред богом!
Поверь: слова невежд — пустой кимвала звук;
Они безумствуют — сияет свет наук!

[1] Браня его сочинения, разве я ужасным слогом изливал на его жизнь опасный яд? *Буало, сатира IX* (франц.). — *Ред.*

Неужель оттого моя постраждет вера,
Что я подчас прочту две сцены из Вольтера?
Я христианином, конечно, быть могу.
Хотя французских книг в камине и не жгу.
В предубеждениях нет святости нимало:
Они мертвят наш ум и варварства начало.
Ученым быть не грех, но грех во тьме ходить.
Невежда может ли отечество любить?
Не тот к стране родной усердие питает,
Кто хвалит всё свое, чужое презирает;
Кто слезы льет о том, что мы не в бородах,
И, бедный мыслями, печется о словах!
Но тот, кто, следуя похвальному внушенью,
Чтит дарования, стремится к просвещенью;
Кто, сограждан любя, желает славы их;
Кто чужд и зависти, и предрассудков злых!
Квириты храбрые полсветом обладали,
Но общежитию их греки обучали.
Науки перешли в Рим гордый из Афин,
И славный Цицерон, оратор-гражданин,
Сражая Верреса, вступаясь за Мурену,
Был велеречием обязан Демосфену.
Вергилия учил поэзии Гомер;
Грядущим временам век Августов пример!

Так! Сын отечества науками гордится,
Во мраке утопать невежества стыдится,
Не проповедует расколов никаких
И в старине для нас не видит дней благих.
Хвалу я воздаю счастливейшей судьбине,
О мой любезный друг, что я родился ныне!
Свободно я могу и мыслить, и дышать,
И даже *абие* и *аще* не писать.
Вергилий и Гомер беседуют со мною;
Я с возвышённою иду везде главою;
Мой разум просвещен, и Сены на брегах
Я пел любезное отечество в стихах.
Не улицы одне, не площади и домы —
Сен-Пьер, Делиль, Фонтан мне были там знакомы.
Они свидетели, что я в земле чужой
Гордился русским быть, и русский был прямой.

Не грубым остяком, достойным сожаленья, —
Предстал пред ними я любителем ученья;
Они то видели, что с юных дней моих
Познаний я искал не в именах одних;
Что с восхищением читал я Фукидида,
Тацита, Плиния и, признаюсь, «Кандида».

Но благочестию ученость не вредит.
За бога, веру, честь мне сердце говорит.
Родителей моих я помню наставленья:
Сын церкви должен быть и другом просвещенья!
Спасительный закон ниспослан нам с небес,
Чтоб быть подпорою средь счастия и слез.
Он благо и любовь. Прочь клевета и злоба!
Безбожник и ханжа равно порочны оба.

В сужденьях таковых не вижу я вины:
За что ж мы на костер с тобой осуждены?
За то, что мы, любя словесность и науки,
Не век над букварем твердили аз и буки.
За то, что смеем мы учение хвалить
И в слоге варварском ошибки находить.
За то, что мы с тобой Лагарпа понимаем,
В расколе не живем, но по-славянски знаем.

Что делать? Вот наш грех. Я каяться готов.
Я, например, твержу, что скучен Старослов,
Что длинные его, сухие поученья —
Морфея дар благий для смертных усыпленья;
И если вздор читать пришла моя чреда,
Неужели заснуть над книгою беда?
Я каюсь, что в речах иных не вижу плана,
Что томов не пишу на древнего Бояна;
Что муз и Феба я с Парнаса не гоню,
Писателей дурных, а не людей браню.
Нашествие татар не чтим мы веком славы;
Мы правду говорим — и, следственно, неправы.

1811

К КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

> Quand je pense au dégoût que les poètes ont à essuyer, je m'étonne qu'il y en ait d'assez hardis pour braver l'ignorance de la multitude, et la censure dangereuse des demisavans qui corrompent quelquefois le jugement du public.
>
> *Le Sage.*[1]

Как трудно, Вяземский, в плачевном нашем мире
Всем людям нравиться, их вкусу угождать!
Почтенный Карамзин на сладкозвучной лире,
В прекраснейших стихах воспел святую рать,
Падение врага, царя России славу,
Героев подвиги и радость всех сердец:
Какой же получил любимец муз венец?
Он, вкуса следуя и разума уставу,
Все чувствия души в восторге изливал,
Как друг отечества и как поэт писал, —
Но многие ль, скажи, ценить талант умеют?
О горе, горе нам от мнимых знатоков!
Судилище ума — собранье чудаков,
И в праздности сердца́ к изящному хладеют.

Давно ли, шествуя Корнелию вослед,
Поэт чувствительный, питомец Мельпомены,
Творец Димитрия, Фингала, Поликсены,
На севере блистал?.. И Озерова нет!
Завистников невежд он учинился жертвой;
В уединении стенящий, полумертвый,
Успехи он свои и лиру позабыл!
О зависть лютая, дщерь ада, крокодил,
Ты в исступлении достоинства караешь,
Слезами, горестью питаешься других,
В безумцах видишь ты прислужников своих
И, просвещенья враг, таланты унижаешь!

И я на лире пел, и я стихи любил,
В беседе с музами блаженство находил,

---

[1] Когда я думаю о тех оскорблениях, которые приходится сносить поэтам, я удивляюсь тому, что среди них находятся достаточно отважные для того, чтобы презирать невежественность толпы и опасную цензуру полуученых, которые иногда искажают суждение публики. *Лесаж* (франц.). — *Ред.*

Грав: С. Галактіоновъ.
В. Л. Пушкинъ.

Свой ум обогащать учением старался,
И, виноват, подчас в посланиях моих
Я над невежеством и глупостью смеялся;
Желанья моего я цели не достиг:
Врали не престают злословить дарованья,
Печатать вздорные свои иносказанья
И в публике читать, наперекор уму,
Похвальных кучу од, не годных ни к чему!

Итак, я стал ленив и празден поневоле;
Врагов я не найду в моей безвестной доле
Пусть льются там стихи нелепые рекой —
Нет нужды, — мне всего любезнее покой.
Но, от учености к забавам обращаясь,
Давно ли, славою мы русской восхищаясь,
Торжествовали здесь желанный всеми мир?
И тут мы критиков, мой друг, не удержали:
При блеске празднества, при звуке громких лир,
Зоилы подвиг наш и рвенье осуждали:
Искусство, пышность, вкус и прелестей собор —
Всё сделалось виной их споров и укор!

Не угодишь ничем умам, покрытым тьмою,
И, право, не грешно смеяться над молвою!
Какой-то новый Крез, свой написав портрет,
Обжорливых друзей к обеду приглашает:
Богатым искони ни в чем отказа нет.
Друзья съезжаются — хозяин ожидает,
Что будут славного художника хвалить,
Известного давно искусством, дарованьем;
Но сборище льстецов кричит с негодованьем,
И точно думая тем Крезу угодить,
Что в образе его малейшего нет сходства,
Нет живости в лице, улыбки, благородства.
Послушный Апеллес берет портрет домой.
Чрез месяц наш Лукулл дает обед другой;
Друзья опять на суд. Дворецкий объявляет,
Что барин нужного курьера отправляет
И просит подождать. Садятся все кругом;
О мире, о войне вступают в разговоры;
Европу разделив, политики потом
На труд художника свои бросают взоры,

«Портрет, — решили все, — не стоит ничего:
Прямой урод, Эзоп, нос длинный, лоб с рогами!
И долг хозяина предать огню его!»
— «Мой долг не уважать такими знатоками
(О чудо! говорит картина им в ответ),
Пред вами, господа, я сам, а не портрет!»
Вот наших критиков, мой друг, изображенье!
Оставим им в удел упрямство, ослепленье.
Поверь, мы счастливы, умея дар ценить,
Умея чувствовать и сердцем говорить!
С тобою жизни путь украсим мы цветами:
Жуковский, Батюшков, Кокошкин и Дашко́в
Явятся вечерком нас услаждать стихами;
Воейков пропоет твои куплеты с нами
И острой насмешит сатирой на глупцов;
Шампанское в бокал пени́стое польется
И громкое *ура* веселью разнесется.

<1815>

К***

Cujus autem aures veritati clausae,
ut ab amico verum audire nequeant,
hujus salus desperanda est.

Cicero.[1]

Я грешен. Видно, мне кибитка не Парнас;
Но строг, несправедлив карающий ваш глас,
И бедные стихи, плод шутки и дороги,
По мненью моему, не стоили тревоги.
Просодии в них нет, нет вкуса — виноват!
Но вы передо мной виновнее стократ.
Разбор, поверьте мне, столь едкий, не услуга:
Я слух ваш оскорбил, вы оскорбили друга.
Вы вспомните о том, что первый, может быть,
Осмелился глупцам я правду говорить;
Осмелился сказать хорошими стихами,
Что автор без идей, трудяся над словами,
Останется всегда невеждой и глупцом;

---

[1] Тот, чьи уши закрыты для истины так, что они не в состоянии услышать слова истины, произносимые другом, для того нет надежды на спасение. *Цицерон* (лат.). — *Ред.*

Я злого Га́шпара убил одним стихом,
И, гнева не боясь варягов беспокойных,
В восторге я хвалил писателей достойных!
Неблагодарные! О том забыли вы,
И ныне, не щадя седой моей главы,
Вы издеваетесь бесчинно надо мною;
Довольно и без вас я был гоним судьбою!
В дурных стихах большой не вижу я вины;
Приятели беречь приятеля должны.
Я не обидел вас. В душе моей незлобной,
Лишь к пламенной любви и дружеству способной,
Не приходила мысль над другом мне шутить!
С прискорбием скажу: что прибыли любить?
Здесь острое словцо приязни всей дороже,
И дружество почти на ненависть похоже.
Но боже сохрани, чтоб точно думал я,
Что в наши времена не водятся друзья!
Нет, бурных дней моих на пасмурном закате
Я истинно счастлив, имея друга в брате!
Сердцами сходствуем; он точно я другой:
Я горе с ним делю, он — радости со мной.
Благодарю судьбу! Чего желать мне боле?
Проказничать, шутить, смеяться в вашей воле.
Вы все любезны мне, хоть я на вас сердит;
Нам быть в согласии сам Аполлон велит.
Прямая наша цель есть польза, просвещенье,
Богатство языка и вкуса очищенье;
Но должно ли шутя о пользе рассуждать?
Глупцы не престают возиться и писать,
Дурачить Талию, ругаться Мельпомене:
Смеемся мы тайком — они кричат на сцене.
Нет, явною войной искореним врагов!
Я верный ваш собрат и действовать готов;
Их оды жалкие, забавные их драмы,
Похвальные слова, поэмы, эпиграммы,
Конечно, не уйдут от критики моей:
Невежд учить люблю и уважать друзей.

1816

МИРЗА И СОЛОВЕЙ

Мирза, любимый сын великого Могола,
Однажды в рощице с наставником гулял;
От скуки делать что, не знал —
А скука, говорят, живет и у престола;
Вельможи и князья зевают чаще нас,
И веком кажется иной вельможам час.
Но дело не о том. Мирза гулял в лесочке;
Там, сидя на кусточке,
Лесных певцов Могол пел громко и свистал,
И пением своим дивил и восхищал.
Мирза, как царский сын, и в клеточку скорее
Пернатого певца желал бы посадить.
В чертогах, думал он, жить птичке веселее —
И ну ее ловить.
Но только лишь Мирза пошевелился,
Певец в дубраве скрылся.
Сынок Могола осердился.
«Как можно, — он сказал, — что здесь в лесу густом
Так свищут соловьи и пеньем восхищают,
А у меня перед дворцом
Одни грачи и воробьи летают?»
«Дивиться этому не должно никогда, —
Ему наставник отвечает, —
Глупцов встречаем мы и видим их всегда,
Но мудрый кроется и пышность презирает»;
Блажен тот государь, кто мудрых обретает!

1798

МУДРЕЦ И ФИЛИН

Людьми, судьбою угнетенный,
Без крова и друзей, печалью изнуренный,
Скитался Доримон.
Безумцам истину представить вздумал он,
И истина была всех бед его виною.
Терпенье, здравый ум — сокровища свои —
Унес мудрец с собою.
Однажды видит он, что галки, воробьи
На филина напали.
«Он враг отечества, злодей, — они кричали, —
В пример и страх другим,
Ощиплем мы его, ощиплем, умертвим!»
Чего не делают безумие и сила!
Уже смерть филину грозила;
Но, тронутый его судьбой,
Мудрец махнул рукой —
И вмиг глупцов исчезла стая!
«Чем так против себя ты их ожесточил?» —
Он филина потом спросил.
Повеся голову и горестно вздыхая,
«Не знаю, — отвечал, — что мне тебе сказать?
К согласью и любви хотел их обращать,
И правду говорил, но говорил напрасно:
Моя вина вся в том, что ночью вижу ясно».

1802

ЛЕВ И ЕГО ЛЮБИМЕЦ

Собачку лев любил,
И все тогда ее ласкали;
Лисицы в гости звали,
Медведи кланялись и тигры уважали;
Спесивый даже слон собачке другом был,
И хоботом своим огромным
То на спину сажал, то гладил он ее.
Надеяться нельзя на счастие свое!
Врагам угодно было злобным,
Чтоб царь зверей сослал любимца своего.
Любимец изгнанный не стоит ничего!

Все стали клеветать насчет собачки бедной.
Что ум она имеет вредный;
Лисица голос подала,
Что будто так собака зла,
Что гнусную на льва сатиру сочинила;
Медведь всех уверял,
Что две сатиры он читал,
И что всю истину лисица говорила;
А заяц побежал
(В том зайцев вся и сила),
Не выслушав конца, рассказывать везде,
Что́ было, как и где.

И мы как звери поступаем:
Нередко зло ко злу нарочно прилагаем.

1802

ЯПОНЕЦ

Один Японец молодой
Был глух и слеп, к тому ж немой,
Но участью своей доволен:
Имел всё нужное, покоен был и волен.
«Благодарю богов, — нередко мыслил он, —
Что я в Японии живу благословенной!
Японцы так добры, чтут правду и закон,
И я, всех чувств почти лишенный,
Еще блаженствую и ими не забыт:
Одет, обут и сыт».
Какой-то славный врач, в Японии известный
(Не худо бы и нам таких врачей иметь!),
Дал бедному бальзам чудесный:
Он начал говорить, и слышать, и глядеть.
Какое счастие — вы скажете, конечно.
Но что ж Японец наш узнал?
Товарищи его не стоили похвал:
Друг друга грабили они бесчеловечно;
Везде бессильный был попран;
В судах коварство обитало,
На торжищах обман,
И, словом, зло торжествовало.

«О ужас, — юноша вскричал
С прискорбием души, с сердечными слезами, —
Таких ли гнусных дел от вас я ожидал?
Что сделалось, японцы, с вами?
Куда ни оглянусь — в стране несчастной сей
Или безумец, иль злодей!»
Слова его судьям пересказали,
И тотчас отдан был приказ,
Чтоб из отечества навек его изгнали.
«Японцы, — он сказал, — теперь я знаю вас,
И с вами счастие найти без спору можно,
Но быть уродом должно
Без языка, ушей и глаз».

1806

ВЯЗ И РЕПЕЙНИК

«Ты зацепляешь всех прохожих,
Дурных собою и пригожих, —
Кудрявый, толстый вяз репейнику сказал, —
Какую прибыль в том находишь,
Что их ты на сердце наводишь?»
— «Ах! право никакой, — репейник отвечал, —
И если иногда я поступаю грубо,
Причиною тому, что мне царапать любо».

<1807>

СУРОК И ЩЕГЛЕНОК

Сурку щегленок говорил:
«Как! вечно спать? Какая скука!
И вечно быть в норе? Так жить, конечно, мука!
Сон — та же смерть. Чтоб я, лишенный сил,
В гнезде своем лежал, как ты, сурок несчастный?
Нет, я хочу летать по рощам, по лугам,
По селам, городам,
Всё слышать, видеть всё. Свободою прекрасной
Я пользуюсь своей.
О бедненький сурок, об участи твоей
Я истинно жалею:

Ты знаешь, я любить умею!»
— «Что ж нового? скажи скорей», —
Спросил сурок рассказчика щегленка.
— «От старика и до ребенка
Все заняты умы в столичных городах:
Тот проживается, тот копит, богатится,
И в страшных откупах;
Другой над картами трудится;
Заботы, происки о лентах, о чинах;
Никто не думает о ближних, о друзьях;
Жена пред мужем лицемерит,
А муж перед женой, — и до того дошло,
Что брату брат не верит».
— «Какой разврат, какое зло! —
Вскричал сурок с презреньем, —
Не говори с таким, пожалуй, сожаленьем!
Чтоб ужасов таких не слышать и не знать,
По-моему, не лучше ль спать?»

1808

ОЩИПАННЫЙ ПЕТУХ

Лисица петуха поймала
И, по обычаю лисиц,
Ему все перья ощипала.
Лисицы — страшные охотницы до птиц,
И в этом сходны с нами:
Не тот лишь хищный зверь, кто в свет рожден с когтями!
Плутовка за обед уже садилась свой,
Как вдруг косматый пес, с широкой головой,
Домовый страж Полкан залаял и пустился
Лисицу жадную ловить.
Петух остался жив, в курятник возвратился.
Без перьев? — Как же быть!
«Не думал никогда увидеться я с вами, —
Бедняжка курицам сказал, —
Черт на меня беду ужасную послал;
И если б не Полкан с зубами,
Конечно б не был я в живых!»

— «Какое дело нам до шалостей твоих? —
Все куры в голос закричали, —
Без перьев голякам не можем мы помочь;
Беги отселе прочь,
Пока не заклевали!»
Ощипанный петух, собрав остаток сил,
От куриц лыжи навострил.

Гонимые судьбой, не тратьте слов напрасных!
Везде прием таков бывает для несчастных.

1808

МЕРКУРИЙ И УМЕРШИЕ

К Плутону грозному, в жилище страшных фурий,
Умерших провожал Меркурий;
Их было четверо: красавица, герой,
Старик и стиходей. Они тотчас дорогой
Вступили в речи меж собой.
«Удар судьбы несносный, строгой! —
Сказала девушка. — Как в юности такой
Оставить белый свет, с весельями проститься?
Любовник нежный мой
Навеки осужден крушиться:
Он счастие во мне лишь находил одной.
С такою пылкою душой
Он без меня и жить не будет,
А если будет жив, то, верно, не забудет».
— «Что делать? — говорил старик. —
Поверь, красавица, и мой урон велик:
Расстался я с женою,
С любезными детьми; над гробовой доскою,
Я знаю, что они теперь льют реки слез...
Пошли отраду им Зевес!»
— «Что вы передо мною! —
С презрением герой вскричал. —
Я именем моим вселенну наполнял
И ужас был врагов. В истории, конечно,
Великого вождя жить будет имя вечно.
Скажите, кто со мной равняется из вас?»

— «Не обижайте нас! —
Ответствовал пиит, — вы служите примером
Всем полководцам... может быть!
Но в памяти людей я доле буду жить.
Что Ахиллес перед Омером?
Все будут наизусть стихи мои твердить,
И, прославляя оды громки,
Восплачут обо мне, любимце муз, потомки...»
— «Вы ошибаетесь, — крылатый бог сказал, —
Любовник твой теперь другую уверяет,
Что ей он сердце посвящает
И что прямой любви доселе он не знал.
В твоем, старик, огромном доме
Идет ужасная война:
В суд просьба на детей женою подана;
Она б хотела их всех видеть на соломе;
Мешки разложены, и детки — в кладовой;
Не слезы льются — дождь златой.
О подвигах твоих, непобедимый воин,
Никто не говорит,
Лишь имя твоего преемника гремит:
Он более тебя всех почестей достоин,
Он истинный герой — так носится молва.
А ты, набитая стихами голова,
Великий рифмоткач, слывешь певцом нескладным
И журналистам в снедь остался непощадным».

Меркурий точно прав. Мы, люди, таковы:
Ближайших к сердцу забываем,
И с ними навсегда — увы! —
Любовь и горесть погребаем.

1808

БЫЛЬ

(Сказка)

На Лизе молодой богач-старик женился,
И участью своей он недоволен был.
«Что ты задумалась? — жене он говорил. —
Я, право, пищи всей лишился
С тех пор, как бог меня с тобой соединил!

Всё ты сидишь в углу; не слышу я ни слова;
А если молвишь что, то вечно *вы* да *вы*.
Дружочек, любушка! скажи мне нежно: *ты* —
И шаль турецкая готова».
При слове «шаль» жена переменила тон:
«Как *ты* догадлив стал! Поди ж скорее вон!»

1808

ВОЛК И ЛИСИЦА

Волк хищный занемог. Раскаянье с недугом
Приходит часто и к зверям.
«Нет, — так он рассуждал с кумой своей и другом, —
Нет, полно рыскать мне по рощам и лугам!
Довольно подушил овечек я невинных;
Не лучше ль смирно жить, питаться мне травой?
Мы, кумушка, с тобой
Забудем о делах бесчинных!
Ты грешнику поверь: в прожорстве нет добра!
И нам опомниться пора!
Советую тебе оставить кур в покое;
Смиренье — дело золотое.
Увидишь, я во всем с ягненком буду схож —
И если не лицом, обычаем хорош».
Лисица удивилась;
«Волк, — думала она, — недаром слезы льет
И злость свою клянет;
Он, верно, завтра же умрет».
С почтеньем, молча поклонилась.
Но, к счастью, у волков
Не знают докторов:
Больной оправился. Курятница-лисица
В политике, как всем известно, мастерица,
Пустилась волка поздравлять:
Не худо иногда зубастым угождать!
Итак, угодница является в пещеру
К нравоучителю, иль, лучше, лицемеру.
Что ж видит там она? Покойно волк сидит
И кушает барана;

Овца несчастная полмертвая лежит,
Такой же участи ждет скоро от тирана.
«Прекрасно, куманек! — лисица говорит. —
Ты каялся в грехах и плакал, как ребенок,
Но видно, что в тебе глас совести умолк!»
— «Так что ж? — вскричал злодей. — В болезни я — ягненок;
Когда здоров — я волк».

1811

СЫЧИ

Сияние златого Феба
Не может нравиться сычам.
Когда по тонким облакам,
Средь светло-голубого неба,
Он, гордо шествуя, дарит отраду нам;
Враги его в дуплах скрываются, стонают
И Феба проклинают. —
Меж солнца и земли луна
Однажды проходила
И в полдень темнотой вселенную покрыла:
Луне такая власть дана,
И мы, знакомые с небесным сим явленьем,
Зовем его затменьем;
Итак, затмился солнца свет. . .
В восторге сыч кричит: «Друзья, злодея нет!
Светильник пагубный не существует боле;
Нет, полно жить в неволе!
Глядеть во все глаза нам велено судьбой;
Тьма благотворная навеки воцарилась;
Летите вслед за мной!»
Безумцев стая возгордилась,
И тучею они стремятся к небесам.
Но вечно ль ликовать сычам? —
Затменье кончилось, и солнце воссияло;
В величии свой путь небесный восприяло;
Возвеселился мир; всё оживилось вновь:
Долины, горы, рощи;
Воспели соловьи блаженство и любовь;
Одни любимцы темной нощи,

Прослыть орлами возмечтав,
Валятся на землю стремглав.

Как солнца светлого лучи,
Сияют дар, ученье:
Невежество — умов затменье;
Невежды-авторы — сычи.

1812

ВОЛК И ПАСТУХИ

Волк вздумал добрым, смирным быть.
Злодеям мудрено любить —
Не спорю, но прошу послушать
С терпеньем мой рассказ.
Каким-то случаем, в какой-то добрый час,
Привыкший волк овец, ягнят невинных кушать,
Задумался и говорит:
«Кому не сделал я обид?
Я общий враг; меня за дело проклинают;
Все гибели моей желают:
Псари, собаки, пастухи.
Давно за тяжкие грехи
Изгнали нас из Альбиона.
Жизнь волчья сущий ад. Не лучше ль наконец
Муравку мне щипать и не душить овец?
Утешно ль быть виной несчастия и стона?» —
Сказал смиренник наш, и видит пастухов,
Сидящих вкруг огня под взрослыми дубами.
Волк тихими шагами
Подходит. — Ужин был готов.
Барашек жареный, растерзанный на части,
Приятной пищею хозяевам служил.
«И у людей такие ж страсти! —
Прожора закричал, — напрасно я грустил,
Напрасно в постника хотел я записаться:
Стад караульщики изволят забавляться
Не хуже нас, волков.
К чему мне быть смирней и лучше пастухов?

Овечки милые, я с вами расставаться
Теперь, поверьте мне, не буду никогда;
Прошу пожаловать сюда!»

Волк прав, и, несмотря на все людские толки,
Мы точно те же волки.

1812

МЕДВЕДЬ И ЕГО ГОСТИ

Медведю вздумалось зверям дать угощенье;
Толпою все бегут на зов:
И пир, конечно, был таков,
Что он гостей привел в восторг и удивленье!
Вельможа не жалел кармана своего;
Всё было славно и богато.
Без спору, можно жить медведям тарова́то!
Лишь только на пиру веселья одного,
Не знаю, как-то не случилось.
В тот вечер, может быть,
Оно в сердечную беседу удалилось.
Мартышка резвая, охотница шутить,
Прожора не большая,
Зевала, морщилась, плечами пожимая,
И наконец, отдав хозяину поклон,
Сказала барсуку: «Веселье — мой закон;
У пышных богачей, я вижу, всё прекрасно,
Но что-то говорить и трудно, и опасно!
Ты оставайся здесь, а я бегу туда,
Где рассмеяться не беда».

1815

БОГАЧ И БЕДНЯК

«В уме ли ты, несчастный? —
Богатый бедняку однажды говорил. —
Ты в лотерею рубль последний положил,
А сам без обуви и в нищете ужасной!

Не лучше ли беречь деньжонки на обед,
А не бросать в огонь!» — Бедняк ему в ответ:
«Винить меня ты волен;
Надежду я купил, и тем пока доволен».

1816

КРАСАВИЦА В ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ

(Сказка)

Шестидесяти лет Пулхерия-старушка,
Которая в свой век была
Кокетка и вострушка,
Мечтала, что еще пленять она могла
И что амуры вкруг прелестницы резвились,
Но, в зеркале себя увидев невзначай,
Сказала, прослезясь: «Веселие, прощай!
Как зеркала переменились!»

1821

ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА

(Сказка)

Муж умирающий так говорил жене:
«Скажи чистосердечно мне:
Вот слишком десять лет, как я живу с тобою,
Была ль ты мне верна? Я от тебя не скрою:
Казалось мне, сосед Фома
Любил тебя, дружочек, без ума.
Скажи всю истину; чего тебе бояться?
Я через час умру, впросак не попадешь!»
— «Нет, муженек, не смею я признаться:
Ну, как обманешь — не умрешь!»

1821

* * *

Какой-то стихотвор (довольно их у нас!)
    Послал две оды на Парнас.
Он в них описывал красу природы, неба,
    Цвет *розо-желтый* облаков,
Шум листьев, вой зверей, ночное пенье сов,
    И милости просил у Феба.
Читая, Феб зевал, и наконец спросил,
    Каких лет стихотворец был
И оды громкие давно ли сочиняет?
«Ему пятнадцать лет», — Эрата отвечает.
— «Пятнадцать только лет?» — «Не более того».
        — «Так розгами его!»

1798

* * *

«Отечеству служить есть первый мой закон», —
    Твердит Ликаст важнейшим тоном.
        А как же служит он? —
        В танцклубе за бостоном.

1806

* * *

        Змея ужалила Маркела.
Он умер? — Нет, змея, напротив, околела.

1808

СРАВНЕНИЕ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ РОДИМОЙ СЛОВЕСНОСТИ С ИНОЗЕМНОЮ

Кто наши трагики? — Грузинцев, Висковатов.
Кто лирик наш? — Мурза Шихматов.
Кто Депрео, Вольтер? — Шуб краденых певец.
Кто Фонтенель, Томас? — Захаров молодец.
Кто наш Фрерон? — Анастасевич.
Гробокопатель Юнг? — Станевич.
Ламотт, Шолье, Лафарг? — Всех перешиб Хвостов!
Кто Мармонтель, Лагарп? — Что за вопрос! Шишков!
Кто Сен<Реал>, Веротт? — Гераков, внук Биаса.
Какая честь! увы! для росского Парнаса.

Между 1812 и 1816 (?)

* * *

Приятель наш Ликаст
Над сочиненьями трудится и потеет;
Но он писать стихов, к несчастью, не умеет,
А прозой — не горазд.

1814

* * *

Панкратий, откупщик богатый,
Не спорю, любит барыши;
Зато как он живет? — Огромные палаты,
Французы повара, турецкие халаты,
Дом чаша полная, нет одного — души.

1814

* * *

Возможно ли, скажи, чтоб нежная Людмила
Невинность сохранила?
Как ей избавиться от козней сатаны?
Против нее любовь, и деньги, и чины.

1814

* * *

Прославился хозяйством Тит;
Убытку в доме он не терпит никакого:
И ест, и пьет, и говорит
Всегда за счет другого.

1814

ЭПИТАФИЯ

Здесь Пушкин наш лежит; о нем скажу два слова:
Он пел Буянова и не любил Шишкова.

Июнь 1816

* * *

В дороге тягостны ухабы,
В Беседе тягостен Шишков,
Сварливые досадны бабы,
Досаден глупостью Хвостов.
Летают на конях разбойники арабы,
Летает на стихах разбойник Соколов,
А женщины везде любезны, когда слабы,
И басом воспевал их даже и Бобров.

1816(?)

* * *

Читая Пустодома,
Несчастный жребий свой наш Га́шпар предузнал.
Партера грозного он не дождавшись грома,
Осмеянный — упал.

24 марта 1819

* * *

«На что мне жизнь? — Лишился я друзей,
Которые меня любить всегда хотели».
— «Что ж, умерли они к злой горести твоей?»
— «Нет, живы, но разбогатели».

1821

* * *

«Гордец Клеон тебя ласкает;
С тобою говорит, на балы приглашает;
Признаться, я дивлюсь тому!»
— «Взаймы я денег дал ему».

1821

* * *

«Завистливость рождает
Ужасные беды», — так говорил Дамет.
А я ему в ответ:
«Пустое, от нее завистник умирает».

1821

* * *

«Ах, как я рад! Прошу откушать!
Сегодня у меня с дичиною паштет».
— «Согласен, мой сосед».
— «Еще прошу послушать
Трагедию «Улисс и Филоктет».
— «Я отобедал, мой сосед!»

1826

* * *

Ты думаешь, что глух брюшистый Ермолай,
Но ошибаешься ужасно;
Скажи ему: *возьми* — он слышит, и прекрасно;
Он глух, когда ему кто молвит: *подавай*.

1826

ОТВЕТ НА ВОПРОС: «ЧТО ЗА ЛЮДИ ДАНТИСТЫ?»

Приемы их довольно грубы.
Они стараются чужие зубы
Как можно чаще вырывать,
Чтобы своим зубам доставить что жевать.

1827

* * *

Злослова, говорят, совсем переменилась;
Видал ли прежде кто, чтобы она белилась?
А ныне без сего не может дня пробыть.
Мне кажется, теперь за ум она хватилась.
Не лучше ль во сто раз себе лицо белить,
Чем славу добрую других людей чернить?

1827

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ ВОЕЙКОВ

А. Ф. ВОЕЙКОВ

Александр Федорович Воейков — поэт, переводчик, критик и журналист — родился в Москве 30 августа 1779 года. Есть расхождения в указании даты рождения Воейкова, но правильная дата устанавливается с полной точностью на основе одной записи от 30 августа 1812 года в неопубликованном дневнике Воейкова: «Сегодня... мне исполнилось 33 года...» (Рукописный отдел ПД). С 1791 по 1796 год он учился в пансионе при Московском университете, где было положено начало его дружеским связям с братьями Тургеневыми и Жуковским. Пансион он окончил с отличием, уже в молодости удивляя всех своими обширными познаниями.

В автобиографической записке Воейков пишет: «Я был зачислен с колыбельных лет в конную гвардию, вступил в действительную службу в конце 1796 года; вскоре по восшествии на престол Павла Петровича 18-го января 1797 года был произведен в офицеры, в конце 1798-го исключен из службы, в январе 1800 года опять принят на службу. Я был сто раз арестован, мне запрещен был въезд в обе столицы...» Впоследствии Воейков скрывал факт первого увольнения из армии, так как в его послужном списке отмечена лишь его окончательная отставка, когда он «был уволен к статским делам» 13 октября 1801 года. Также не встречаем мы в послужных списках Воейкова и указаний на упоминаемые им аресты. Зато в послужном списке обстоятельно перечислены военные заслуги Воейкова в период войн России с Наполеоном, в частности, что при преследовании неприятеля от Малоярославца до Смоленска он участвовал в «действительных делах и сражениях».

Любовь к литературному творчеству проявилась в Воейкове рано. В 1809 году в Москве был напечатан перевод Воейкова «Век Лудовика XIV и Лудовика XV. Соч. Вольтера в IV частях». Уже в конце XVIII в. в различных журналах начинают появляться отдельные стихотворения Воейкова. Так, например, в «Приятном и

полезном препровождении времени» на 1797 г., в ч. 16-й мы встречаем «Осень» и «К живописцу», в «Иппокрене» 1800 года в ч. 6-й напечатан «Святослав» и т. д. Но наиболее значительными произведениями Воейкова, по его мнению и мнению современников, были, наряду с его сатирическими посланиями и «Домом сумасшедших» — вольный перевод описательной поэмы Делиля «Сады, или Искусство украшать сельские виды», изданный в 1816 году; отрывки из Делилевой поэмы «Воображение» (отрывок «Прелесть ужаса» был напечатан, например, в «Полярной звезде» на 1823 г.; «Страх и надежда», в котором Воейков выступает против фанатизма и суеверия, в «Новостях литературы» 1822 года, № IX); «„Георгики", поэма Публия Вергилия Марона в IV песнях, перев. эксаметром с лат.»; «„Вергилиева Энеида", перев. эксаметром» (Первая песня напечатана в «Вестнике Европы» на 1817 г.). Наряду с этими переводами, которые по традиции того времени, по существу, приравнивались к оригинальным произведениям, значительным поэтическим достижением Воейкова была его «дидактическая поэма» в 4-х песнях «Искусства и науки», в которой Вяземский и многие другие, не без оснований, находили много истинных «красот» и восторгались хорошими стихами.

А. Ф. Воейков был женат с 1815 года на Александре Андреевне Протасовой, воспетой Жуковским под именем «Светланы». Она скончалась от чахотки в 1829 году. 10 августа 1814 года Воейков был утвержден ординарным профессором Дерптского университета по кафедре русского языка и словесности, и занимал ее до 1820 г. По приезде из Дерпта в Петербург он был назначен инспектором артиллерийского училища. В 1820 году он был избран в члены Российской Академии.

Воейков был последовательно издателем четырех журналов: «Сына отечества» (1821 — март 1822, совместно с Н. И. Гречем), «Русского инвалида» (1822—1828), «Новостей литературы» (1822—1826, совместно с В. И. Козловым), «Славянина» (1827—1830) и «Литературных прибавлений» к «Русскому инвалиду» (1831—1836).

Воейковым был предпринят целый ряд изданий, положительно оцененных современниками. Им были изданы: «Собрание образцовых русских сочинений» в 12-ти частях (1-е изд. — 1815—1817 годы, совместно с А. Тургеневым и Жуковским, 2-е — 1822—1824); «Новое собрание образцовых русских сочинений» в 4-х частях (1821—1822); «Собрание новых русских сочинений», 4 части (1824—1826) и др.

Умер А. Ф. Воейков в Петербурге 16 июня 1839 года, пережив свою известность.

ДОМ СУМАСШЕДШИХ

1

Други милые, терпенье!
  Расскажу вам чудный сон;
Не игра воображенья,
  Не случайный призрак он.
Нет, но мщенью предыдущий
  И грозящий неба глас,
К покаянию зовущий
  И пророческий для нас.

2

Ввечеру, простившись с вами,
  В уголку сидел один,
И *Кутузова* стихами
  Я растапливал камин.
Подбавлял из *Глинки* сору
  И твоих, о *Мерзляков,*
Из «Амура» по сю пору
  Не дочитанных стихов!

3

Дым от смеси этой едкой
  Нос мне сажей закоптил,
И в награду крепко-крепко
  И приятно усыпил.

Снилось мне, что в Петрограде,
Чрез Обухов мост пешком
Перешед, спешу к ограде —
И вступаю в Желтый Дом.

4

От любови сумасшедших
В список бегло я взглянул
И твоих проказ прошедших
Длинный ряд воспомянул,
Карамзин, Тит Ливий русский!
Ты, как *Шаликов,* стонал,
Щеголял, как шут французский...
Ах, кто молод не бывал?

5

Я и сам... но сновиденье
Прежде, други, расскажу.
Во второе отделенье
Бешеных глупцов вхожу.
«Берегитесь, здесь *Магницкой!* —
Нас вожатый упредил. —
Он укусит вас, не близко!..»
Я с боязнью отступил.

6

Пред безумцем, на амвоне —
Кавалерских связка лент,
Просьбица о пенсионе,
Святцы, список всех аренд,
Дач, лесов, земель казенных
И записка о долгах.
В размышленьях столь духовных
Изливал он яд в словах.

7

«Горе! Добрый царь на троне,
Вер терпимость, пыток нет!..
Ах, зачем не при Нероне
Я рожден на белый свет!
Благотворный бы представил
Инквизиции проект;
При себе бы сечь заставил
Философов разных сект.

8

Я, как дьявол, ненавижу
Бога, ближних и царя;
Зло им сделать — сплю и вижу
В честь Христова алтаря!
Я за деньги — христианин,
Я за орден — мартинист,
Я за землю — мусульманин,
За аренду — атеист!»

9

Други, признаюсь, из кельи,
Уши я зажав, бежал...
Рядом с ней на новосельи
Рунич бегло бормотал:
«Вижу бесов пред собою,
От ученья сгибнул свет,
Этой тьме Невтон виною
И безбожник Боссюэт».

10

Полный бешеной отваги,
Доморощенный Омар
Книги драл, бросал бумаги
В печку на пылавший жар.

Но кто сей скелет исчахший
    Из чулана кажет нос?
«То за глупость пострадавший
    Наш *Попов*... Чу, вздор понес!»

11

«Хочешь мельницу построить,
    Пушку слить, палаты скласть,
Силу пороха удвоить,
    От громов храм божий спасть;
Справить сломанную ногу,
    С глаз слепого бельмы снять,
Не учась, молися богу, —
    И пошлет он благодать!

12

К смирненькой своей овечке
    Принесет чертеж, размер,
Пробу пороху в мешечке.
    Благодати я пример!
Хоть без книжного ученья
    И псалтырь один читал,
А директор просвещенья
    И с звездою генерал!»

13

Слыша речь сию невежды,
    Сумасброда я жалел
И малейшия надежды
    К излеченью не имел.
Наш *Кавелин* недалеко
    Там, в чулане, заседал,
И, горé возведши око,
    Исповедь свою читал:

14

«Как, меня лишать свободы
И сажать в безумный дом?
Я подлец уже с природы,
Сорок лет хожу глупцом,
И *Магницкий* вечно мною,
Как тряпицей черной, трет;
Как кривою кочергою,
Загребает или бьет!»

15

«Ба! Зачем здесь князь *Ширинский?*
Крокодил, а с виду тих!
Это что?» — «Устав Алжирский
О печатании книг!»
Вкруг него кнуты, батоги
И *Красовский* — ноздри рвать...
Я — скорей давай бог ноги!
Здесь не место рассуждать.

16

«Что за страшных двух соседов
У стены ты приковал?»
— «Это пара людоедов! —
Надзиратель отвечал. —
Аракчеева обноски,
Их давно бы истребить,
Да они как черви — плоски:
Трудно их и раздавить!»

17

Я дрожащими шагами
Через залу перешел
И увидел над дверями
Очень четко: *Сей отдел*
Прозаистам и поэтам,
Журналистам, авторáм:
Не по чину, не по летам
Здесь места — по нумерам.

18

Двери настежь надзиратель
Отворя, мне говорит:
«Нумер первый, ваш приятель
Каченовский здесь сидит.
Букву Э на эшафоте
С торжеством и лики жжет;
Ум его всегда в работе:
По крюкам стихи поет;

19

То кавыки созерцает,
То, обнюхивая гниль,
Духу роз предпочитает;
То сметает с книжек пыль
И, в восторге восклицая,
Набивает ею рот:
«Сор славянский! пыль родная!
Слаще ты, чем мед из сот!»

20

Вот на розовой цепочке
Спичка *Шаликов*, в слезах,
Разрумяненный, в веночке,
В ярко-планшевых чулках,
Прижимает веник страстно,
Ищет граций здешних мест
И, мяуча сладострастно,
Размазню без масла ест.

21

Нумер третий: на лежанке
Истый *Глинка* восседит;
Перед ним дух русский в склянке
Не откупорен стоит.
Книга Кормчая отверста,
А уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверх устремлены.

22

«О Расин! откуда слава?
Я тебя, дружка, поймал:
Из российского «Стоглава»
«Федру» ты свою украл.
Чувств возвышенных сиянье,
Выражений красота,
В «Андромахе» — подражанье
„Погребению кота"».

23

«Ты ль, *Хвостов?* — к нему вошедши,
Вскрикнул я. — Тебе ль здесь быть?
Ты дурак, не сумасшедший,
Не с чего тебе сходить!»
— «В Буало я смысл добавил,
Лафонтена я убил,
А Расина переправил!» —
Быстро он проговорил.

24

И читать мне начал оду...
Я искусно ускользнул
От мучителя; но в воду
Прямо из огня юркнул.
Здесь старик, с лицом печальным,
Букв славянских красоту —
Мажет золотом сусальным
Пресловутую *фиту*.

25

И на мебели повсюду
Коронованное *кси,*
Староверских книжек груду
И в окладе *ик* и *пси,*
Том, в сафьян переплетенный,
Тредьяковского стихов
Я увидел изумленный —
И узнал, что то *Шишков.*

26

Вот *Сладковский*. Восклицает:
«Се, се россы! Се сам Петр!
Се со всех сторон зияет
Молния из тучных недр!
И чрез Ворсклу, при преправе,
Градов на суше творец
С драгостью пошел ко славе,
А поэме сей — конец!»

27

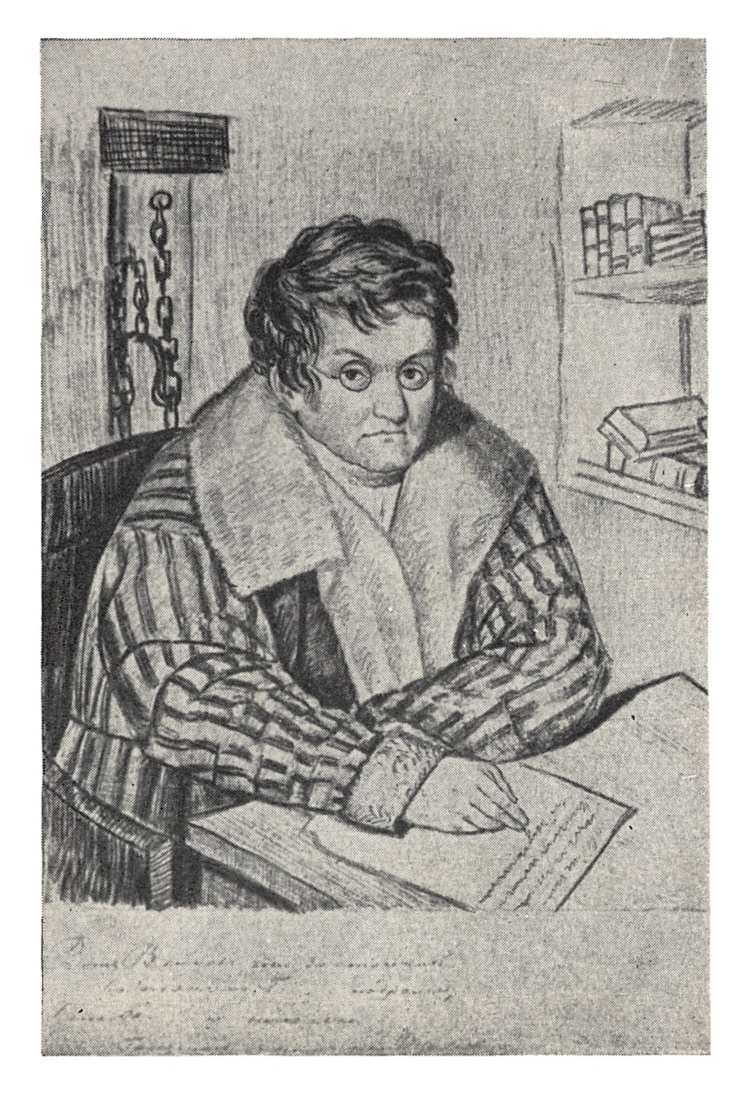
Вот *Жуковский!* В саван длинный
Скутан, лапочки крестом,
Ноги вытянувши чинно,
Черта дразнит языком.
Видеть ведьму вображает:
То глазком ей подмигнет,
То кадит и отпевает,
И трезвонит, и ревет.

28

Вот *Кутузов!* — Он зубами
Бюст грызет Карамзина;
Пена с уст течет ручьями,
Кровью грудь обагрена!
И напрасно мрамор гложет,
Только время тратит в том,
Он вредить ему не может
Ни зубами, ни пером!

29

Но *Станевич,* в отдаленьи
Усмотрев, что это я,
Возопил в остервененьи:
«Мир! Потомство! за меня
Злому критику отмстите,
Мой из бронзы вылив лик,
Монумент соорудите:
Я велик, велик, велик!»



«Как, и ты бессмертьем льстишься,
О червяк, отец червей! —
Я сказал. — И ты стремишься
К славе из норы твоей?»
— «Двор читал мои творенья, —
Прервал он, — и государь
Должен в знак благоволенья...»
— «Стой, дружок! наш добрый царь

31

Дел без нас имеет кучу:
То смиряет смутный мир,
От царей отводит тучу,
То дает соседям пир;
То с вельможами хлопочет;
То ссылает в ссылку зло;
А тебя и знать не хочет;
Посиди — тебе тепло!»

32

Чудо! — Под окном на ветке
Крошка *Батюшков* висит
В светлой проволочной клетке;
В баночку с водой глядит,
И поет он сладкогласно:
«Тих, спокоен сверху вид,
Но спустись на дно — ужасный
Крокодил на нем лежит».

33

Вот *Измайлов!* — Автор басен,
Рассуждений, эпиграмм,
Он пищит мне: «Я согласен,
Я писатель не для дам.
Мой предмет — носы с прыщами,
Ходим с музою в трактир
Водку пить, есть лук с сельдями.
Мир квартальных есть мой мир».

34

Вот и *Греч* — нахал в натуре,
Из чужих лоскутьев сшит.
Он — цыган в литературе,
А в торговле книжной — жид.
Вспоминая о прошедшем,
Я дивился лишь тому,
Что зачем он в сумасшедшем,
Не в смирительном дому?

35

Тут кто? — «Гречева собака
Забежала вместе с ним».
Так, *Булгарин*-забияка
С рыльцем мосьичим своим,
С саблей в петле... «А французской
Крест ужель надеть забыл?
Ведь его ты кровью русской
И предательством купил!»

36

«Что ж он делает здесь?» — «Лает,
Брызжет пеною с брылей,
Мечется, рычит, кусает
И домашних, и друзей».
— «Да на чем он стал помешан?»
— «Совесть ум свихнула в нем:
Всё боится быть повешен
Или высечен кнутом!»

37

Вот в передней раб-писатель,
Каразӥн хамелеон!
Филантроп, законодатель.
Взглянем: что марает он?
Песнь свободе, деспотизму,
Брань и лесть властям земным,
Гимн хвалебный атеизму
И акафист всем святым.

Вотъ на яицахъ насѣвши
~~Ужасно~~ сидитъ Хвостовъ сумасбродъ,
И Россійская заздки:
~~Мадиво! ...~~
Вотъ чудакъ! ~~подъ~~ надъ
~~[illegible]~~ попарно
~~Онъ~~ съ обузданой чорный конь,
И совершенно тинтуерной
Съ куклой върно рогъ ведётъ.

+

„Кони ль эти были?“ — Перовскій!
Мнѣ товарищъ прошепталъ.
„Что не тотъ ли, что лакейски
Турокъ в Варнѣ описалъ,
Или, что взапуски ~~[illegible]~~ по своимъ
Иль убогой ~~[illegible]~~ скакалъ конь?“ —
Нѣтъ! ~~[illegible]~~ Францій Московскій;
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~ до пресвященыхъ ченкиныхъ?

+

„~~[illegible]~~ куда летитъ большовой!
~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ долго ~~[illegible]~~
На конюшнѣ у Ш—ова
И у Л—а в хлѣвѣ?
Жаль, но върно онъ соврать
Одурѣлъ онъ!“ — я сказалъ:
„Укусилъ его Ш~~[illegible]~~въ,
Ибо Ш—овъ покусывалъ

—

Вотъ чудакъ! предъ нимъ попарно
Съ обузданой ~~[illegible]~~ конь, ~~[illegible]~~
И совершенно тинтуерной
Съ куклой върно рогъ ведётъ.
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~

(Глупые стихи на Алексія Перовскаго)

Похоже на Перовскаго сатира сколок Пушкина

38

Вот *Грузинцев!* Он в короне
И в сандалиях, как царь;
Горд в мишурном он хитоне,
Держит греческий букварь.
«Верно, ваши сочиненья?» —
Скромно сделал я вопрос.
«Нет, Софо́кловы творенья!» —
Отвечал он, вздернув нос.

39

Я бегом без дальних сборов...
«Вот еще!» — сказали мне.
Я взглянул. *Максим Невзоров*
Углем пишет на стене:
«Если б, как стихи Вольтера,
Христианский мой журнал
Расходился. Горе! вера,
Я тебя бы доконал!»

40

От досады и от смеху
Утомлен я, вон спешил
Горькую прервать утеху;
Но смотритель доложил:
«Ради вы или не ради,
Но указ уж получе́н;
Вам нельзя отсель ни пяди!»
И указ тотчас прочтен:

41

«Тот Воейков, что бранился,
С Гречем в подлый бой вступал,
Что с Булгариным возился
И себя тем замарал, —
Должен быть как сумасбродный
Сам посажен в Желтый Дом.
Голову обрить сегодни
И тереть почаще льдом!»

42

Выслушав, я ужаснулся,
Хлад по жилам пробежал,
И, проснувшись, не очнулся —
И не верил сам, что спал.
Други, вашего совету!
Без него я не решусь:
Не писать — не жить поэту,
А писать начать — боюсь!

Между 1814 и 1825 (?)

САТИРА К С ПЕРАНСКОМУ› ОБ ИСТИННОМ БЛАГОРОДСТВЕ

Сперанский, друг людей, полезный гражданин,
Великий человек, хотя не дворянин!
Ты славно победил людей несправедливость,
Собою посрамил и барство, и кичливость.
Ты свой возвысил род; твой герб, твои чины
И слава — собственно тобой сотворены;
Твои после тебя наследуют потомки
Любовь к отечеству, не титлы только громки.
Однако же нельзя дворянство вздором счесть,
Когда, с заслугами соединяя честь,
Почтенный дворянин, блистая орденами,
Быть хочет так, как ты, полезен нам делами.
Дворянство помнит он лишь только для того,
Чтобы достойным быть отличия сего;
Заслуги праотцев своими умножает —
И честь их имени еще светлей сияет.
Напротив, не могу я вытерпеть никак,
Чтобы воспитанный французами дурак
Чужим достоинством бесстыдно украшался
И предков титлами пред светом величался.
Пусть праотцев его сияет похвала;
Пускай в истории бессмертны их дела;
Пускай монархи им, за верное служенье,
Пожаловали герб, дипломы в награжденье:
Гербы и грамоты в глазах честных людей —
Гнилой пергамент, пыль, объедки от червей,

Коль, предков славные являя нам деянья,
В их внуке не возжгут к честям поревнованья.
Когда без славных дел, тщеславием набит,
Потомок глупый их в презренной неге спит;
А между тем сей князь, боярин этот гордый,
Надутый древнею высокою породой,
Глядит, как будто он нас царством подарил
И бог не из одной нас глины сотворил;
Как будто с Минихом делил труды и славу,
Или с Суворовым взял гордую Варшаву.
Неужли вечно мне глупца сего щадить?
Однажды навсегда хочу его спросить:
Скажи, о дивный муж, отличное творенье!
Какие у людей животные в почтенье?
Мы дорого ценим ретивого коня
За то, что статен он, горяч, как пыл огня;
За то, что никогда в бегу не утомлялся,
И на ристалище стократно отличался;
Но будь Алфанов он или Баярдов внук,
Да кляча по себе, тотчас сбывают с рук;
Прощай почтение и к племени, и к роду!
На нем тащáт дрова или привозят воду.
Зачем же хочешь ты слепить нас мишурой?
Родня великим ты — примеры пред тобой:
Румянцов и Орлов — среди громовых звуков;
В посольстве — князь Репнин, в Сенате — Долгоруков;
Спаситель Еропки́н от язвы, от врагов;
Любители наук Шувалов, Муравьев;
Херасков — наш Гомер, воспевший древни брани,
России торжество, падение Казани;
Поэтов красота, вельможей образец,
Державин славных битв, любви, богов певец:
Он движет в нас сердца, златые движа струны;
Он нежен, как любовь, и звучен, как перуны.
К заслугам и честям премножество дорог!
Наследник бабушкин и маменькин сынок,
Не на одних словах, будь барин самым делом,
Великих сих мужей поставь себе примером;
Будь честен, как они, — и княжеством хвались,
Полезен обществу — и предками гордись;
Пусть бабушка твоя от крови будет царской,
А дедушкой родным князь Курбский иль Пожарской.

Хоть ты не внучек их, но можешь внучком слыть;
Кто смеет Минина породой укорить?
Но знай, что кто в деда́х считает Геркулеса,
Не должен быть ни трус, ни глупая повеса.
Но ты не внемлешь мне! — ты вечное пятно,
Бесчестье праотцев. Я вижу то одно,
Что ты дурак, подлец, бездельник благородный,
От корня доброго гнилой сучок негодный...
Остановись, мой дух! В досаде на бояр
Ты слишком далеко простер сердечный жар;
Со знатным будь всегда учтивее, скромнее:
Смягчи же грубый глас, спроси его нежнее:
Как древность рода вы изволите считать?
«О! — я за триста лет могу вам доказать,
И доказательство так ясно и бесспорно:
Дипломы, грамоты!..» Помилуйте, довольно!
А кто поручится, коль сметь у вас спросить,
Что не изволили прабабушки шалить
Над знаменитыми своих супругов лбами,
Простонародными украся их рогами?
И не было ли встарь удалых молодцов,
Которые у сих почтенных старичков
Чистейшей крови ток в теченьи возмутили?
Иль ваши праотцы других счастливей были
И в длинный ряд веков, на грешной сей земли,
В родство с Лаисами ни разу не вошли?
Притом, как русскому, вам до́лжно быть известно,
Что местничество здесь нимало несовместно;
Под скиптром благости для всех права даны.
Полезные сыны отечеству равны,
И самый древний род, богатое наследство
Не есть отличное для службы царской средство.
Но если как-нибудь ошибкой или так
И выдет в знатный чин ленивец и дурак,
Почтения к нему нимало не прибудет,
Он из простых глупцов глупцом чиновным будет.

Отечество мое! ты будешь ввек цвести;
Для всех сынов твоих отверстые пути
Ко смерти на бою, к трофеям после боя!
Из бедного слуги соделал Петр героя,

Который не родством, а сам собой блистал —
И выбор Мудрого заслугой оправдал.

Пускай же мальчики болтают и танцуют,
Потомки воинов всю жизнь провальсиру́ют;
Пусть эти гордецы, без чести, без заслуг,
Стараются набрать толпу большую слуг,
Лакеев отличать ливрейными цветами
И с ног до головы обшить их галунами.
Невеже нужно быть отличну от людей
Кафтанов пестротой и статью лошадей;
Но горькие плоды их старость ожидают,
Презрение и смех на бал сопровождают.

Меж тем, Сперанский, ты, трудясь как муравей,
Чин знатный заслужил прилежностью своей;
Твоею доблестью отечество гордится;
Осмелится ль с тобой дворянский сын сравниться,
Который газы лишь и фейерве́рки жжет,
Или на псарне жизнь прекрасную ведет?
Сперанский, ты наук, словесности любитель,
От сильных слабому покров и защититель;
Ты духом дворянин! трудися, продолжай,
Вослед за Сюллием, за Ко́льбертом ступай;
Не орденской звездой — сияй ты нам делами;
Превосходи других душою — не чинами;
Монарху славному со славою служи;
Добром и пользою вселенной докажи,
Что Александр к делам людей избрать умеет
И ревностных сынов отечество имеет.

1805

К ДАШКОВУ

Дашков, хранитель добрый вкуса,
Присяжный враг дурных стихов
И невредимый средь искуса
Толпы зоилов и глупцов!
Когда нелепый Мерзляков
Тебе давал свои уроки,
До непонятности высоки,

И юный вкус твой развращал, —
Ты, как спартанец добрый в поле,
Против соблазнов устоял
И вынес честный вкус оттоле,
Как из сражения герой
Выносит щит свой лучезарный...
Хвала тебе, надзвезднопарный!
Слова бессильны над тобой.

И многотрудный опыт снова.
Увы! наместо Мерзлякова,
От коего ты спас свой вкус,
Милонов послан сатаною,
Ему Мегера вместо муз;
Ползет то червем, то змеею;
Под нож и лучший друг, и брат,
Коль имя вставить можно в строку;
И стыд певцам его талант,
И блеск, и торжество пороку!
Но скоро спрятал от него
Ты сердце доброе, простое:
Презренна неприязнь его,
А дружество презренней вдвое.
Хвала! Ты сердце на руке
К нам вынес как торжествователь...
Но туча рдеет вдалеке,
Страшнейший мчится неприятель,
На твой рассудок ополчен:
Его хитон хитро изшвен
Фитами, семо и овамо,
Колпак, как пси стоящий прямо,
Ковыка и ерок в десной
И книга Кормчая в другой,
Как щит огромный Ахиллеса!
Рыкнул как некий дивий зверь
Иль адский пес на Геркулеса:
«В Славянску ересь, чадцо, верь,
Или — умри, пребеззаконный!..»
Слова столь вежливы и скромны
Тебя подвигнули на смех:
Смеяться над глупцом не грех,
И острая приятна шутка! —

Ты бритвой светлого рассудка
Отбрил раскольника за всех,
И, поразя в чело урода,
Воскликнул: «О друзья! Свобода!
Воскресни Карамзин и вкус!»
Но тщетно мы средь восхищений
Ждем новых от тебя творений,
Ты спишь... — проснись, любимец муз!
И грянь, твои за правду длани
Сторицей ополчались к брани,
В опале зря святую Русь.
Смотри, как просится Грузинцев
В Вергилии из разночинцев
И во́пит: «Я певец Петров!»
Хвостов Расина распинает;
Князь Шаликов девиц пугает,
Дразня аркадских пастухов;
Кряхтит под книжицею Львов,
На слог и на руку не чистый;
Вот ямбов защищая честь,
Не зная, что гекзаметр есть,
В филиппике многоречистый,
Капнист рассказывает нам,
Что в музыке Гораций сам
Не знал ни толку, ни размера,
Что ухо грубо у Гомера;
Вот здесь Альзира слезы льет:
Ее свирепый нрав Гусманов
Не мучит так, как перевод,
Который сделал Карабанов.
Шихматов ждет себе венца
За то, что публика страдала
И как задачи разрешала
Стих за стихом сего певца.
Станевич пишет без конца,
А пылкий Глинка без начала.
Скажи, Дашков! чего ты ждешь,
Зря лютую сию годину?
И скоро ль ты перо возьмешь
И саранчу сию сметешь,
Как вихрь сметает паутину?

1810 или 1811

* * *

Послушай, Писарев! бояться надо бога;
У всякого своя дорога
К бессмертию лежит:
Солдат идет к нему чрез поле брани,
Поэт в стихах пашпóрт себе чертит.
А живописец, кисть держа в искусной длани,
В картине быть бессмертным мнит.
А ты, быв генералом славным,
Но не довольствуясь мечом,
Сегодни явишься на поприще с пером,
А завтре с циркулем, иль с кистью, иль с резцом.
По чести, стыдно быть столь жадным;
По чести, время перестать
Кресты нанизывать и лавры приплетать...
Иль нет! Сорвавши лавр, ты снова
Спеши к другим венцам;
Перед тобою ветвь лаврова,
Будь кавалер того креста или другого;
Но крест обруганный Владимира Святого
Оставь ученым и ворам.

1818

ИЗ ПИСЕМ К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

* * *

...во многих городах полицеймейстеры

Нередко для страстей своих
К слезам и стонам ближних мертвы,
Любуются, смотря на судороги их,
И режут хладнокровно жертвы.

Очень знаю, что нередко

Исправник здесь и там
С ворами пополам,
Начальник области, беспошлинно, безданно,
Ее сочтя деревнею своей,
Как хан татарский ею правит:
Берет оброк, запас, жнет, косит, старост ставит,
И рубит, и сечет, и давит
По милости своей.

Благодаря рабству в Белеве, например, видел я барина,

Который целый век свой прожил с лошадями,
Который лошадей не разнил с сыновьями,
Который ангела-супруги был палач,
В дому которого рабынь биемых плач
И стон терзаемых кровавыми бичами
Рабов, мешаяся со скрежетом зубов,
С отчаяньем детей, со звоном кандалов,
Образчик на земле являли мне геенны.

В Рязани . . . .

...Буянов развращенный,
Обогащающий прелестниц записных,
Баркова ценящий всех выше в свете книг,
Собачий меценат, изящных вин любитель —
И, ко стыду дворян, губернский предводитель.
Везде, я не могу без горьких вспомнить слез,
В гостиницах у иностранок
В рабынях купленных я видел россиянок,
Россиян, проданных на своз,
Томящихся у них в работе беспрестанной:
Герой, героев племя — росс,
Мой брат, с невольником алжирским в доле равной.

8 октября 1818

⟨Н. Н. РАЕВСКОМУ⟩

Когда Вы знамена в Париже водружали,
Когда Наполеон сходил уже с ходуль,
Конечно, Вы тогда совсем не ожидали,
Чтоб из-под града вражьих пуль
Под град дурных стихов в отечестве попали.

1818

* * *

Пусть в Академии забудут
И там навек запрут меня,
Пусть корни слов мне пищей будут,
Когда забуду я тебя.

Пусть пыткой медленной *Гульянов*[1]
В другой речи́ морит меня,
Пусть буду толст, как *Карабанов,*
Когда забуду я тебя.

Пусть будет слог, как *Соколова,*
Шероховатый у меня,
И вкус раскольничий *Шишкова,*
Когда забуду я тебя.

Пусть *Поликарп* один лишь внемлет
С попом *Григорием*[2] меня,
Под стих мой *Сестренцевич* дремлет,
Когда забуду я тебя.

Пусть буду пламенем холодным
Гореть в стихах, как *Гнедич,* я,
И сам себя чтить превосходным,
Когда забуду я тебя.

Пускай с засморканным *Хвостовым*
И с немчурой[3] воссяду я,
О казнь! лицом к лицу с *Шишковым...*
Нет, не забуду я тебя.

11 октября 1821

ПОСЛАНИЕ К Н. И. ГНЕДИЧУ

Без лицемерства друг, без зависти писатель,
Враг вялых рифмачей, таланта почитатель,
В приятельском кругу стихов приятный чтец,
Терпения в трудах полезных образец,
Свободномыслящий поэт без своевольства
И молодых певцов советник без потворства,
О Гнедич! Дай и мне свой искренний совет!
Газетчик, журналист и записной поэт,

---

[1] Член Русск. акад., новоизбранный.
[2] Новоизбранные члены Рос. академии.
[3] Граф Хр. Адр. Ливен, новый член Акад., не умеет ни писать, ни читать по-русски.

Стихи печатаю и рассылаю даром,
О детях не пекусь с таким усердным жаром.
Всхожу на чердаки к издателям просить,
Чтоб соизволили в журнал их поместить,
И сам их продаю и сам же покупаю;
Хвалить себя, хулить других я нанимаю;
Но славы не купил еще своим стихам,
Она, незваная, летит к другим певцам.

Или, с зоилами гордясь высокой связью,
Бросаю в авторов прославившихся грязью,
Как мышь, в твореньях их погрешностей ищу;
Ни опечатки им, ни точки не прощу.
Кричу: «Разбой! пожар!» над каждою безделкой:
Что мелко для других, то для меня не мелко.
На титул книги я, написанной с умом,
Нередко издаю ругательств целый том;
Над предисловием потею многи лета.
Довольно, если свет лишь похвалил поэта,
Чтоб мне казался слог его и вял, и груб;
Но громкая молва ни на одной из труб
О знаменитости моей не протрубила!
Рецензии мои ждет ранняя могила!

Иль в цех комических вступаю авторов:
Что день — то опера иль водевиль готов;
Что день — в афишах я, натиснутый, сияю;
Насильно публику смотреть себя сбираю.
Осмеиваю всех, кто смеет быть острей
И чьи стихи моих забавней и складней.
Явлюсь ли как творец или как преложитель,
Но образованный всегда зевает зритель.
Глас общий ценит в грош мои полсотни драм,
И знают многие о них из эпиграмм!
Злой *Вяземский* мне сплел из них венок терновый.

А я в отчаяньи спешу на подвиг новый.
Сам об известности своей я хлопочу;
Сам в обществах о ней, как бешеный, кричу.
Бегу за Славою, летящей в колеснице,
Пою, держа покал напененный в деснице:

«Таинственных могил и ранних не забудь
И сладострастнее к стихам бывалым будь!»
Но Слава от моих унылых песней дремлет
И оглушающим мольбам моим не внемлет.

О Гнедич! Научи, что делать мне с собой?
Как подружиться мне с стоустою молвой?
Как о стихах моих ее трубить заставить?
Чем можно мне блеснуть и чем себя прославить?
Пора, давно пора! Ах, время не стоит,
И прозу, и стихи, и нас оно умчит...
Что вижу? ты меня совсем не понимаешь,
И жизнь не по часам — по пользе ты считаешь,
И презираешь толк гонителей-невежд!
Быть может, ты и прав, что цвет своих надежд
К потомству позднему, в мир лучший переносишь
И Христа ради здесь венцов себе не просишь.
Ты враг тщеславия, а я покорный раб;
Дивлюсь тебе, хвалю, но вслед идти я слаб.
И много ль у тебя героев на примете,
Которые, терпя глупцов насмешки в свете,
Умели б похвалы безумцев презирать
И славы истинной с достоинством искать?

<1823>

* * *

Попалась мышь! Умри — спасенья никакого!
Ты грызть пришла здесь Дмитриева том,
Меж тем как у меня валялись под столом
Творения Хвостова.

1826

К БУРДИНУ

Давно ль еще, давно ль, Бурдин непостоянный!
На бога и царей хулы ты изрыгал?
Давно ль еще твой дух тревожный и тщеславный
Слыть независимым за славу поставлял?

Еще в ушах моих не стихнул грубый голос,
Которым ты души ничтожество гремел;
У верных россиян вздымался дыбом волос,
Как санкюлотские ты гимны пьяный пел.
Давно ль в Америку уехать ты сбирался,
Чтоб там, на бочку став, монархов вслух ругать,
Пророча мятежи и бунты, улыбался
И жажду крови, тигр! не мог в душе скрывать?
За равенство готов был умереть на плахе,
За вольность дать себя изрезать на куски...
И что же? зрим тебя лежащего во прахе
И у врага наук просящего руки,
Чтоб целовать ее с слезой подобострастья.
В передней у него ты храм построил счастья!
Скажи, как изъяснить переворот такой
От буйства к низости, от своевольства к рабству,
Как, власти не терпя законной над собой,
Стал друг невежеству и брат родной тиранству,
Борющему талант, и здравый ум, и вкус?
Доселе, признаюсь, тебя мы почитали
За шалостли́вое, но доброе дитя;
Паскаля, Гердера тебе читать давали
И верили, что ты исправишься шутя.
Всё в пользу толковать мы о тебе искали;
Ты не доносчиков в нас видел, а друзей,
Которые, схватясь рука с рукой твоей,
Старались вывести на правую дорогу
И душу возвратить потерянную богу.
Но, принуждения малейшего боясь,
Ты с нами разорвал приятельскую связь.
И видишь следствия!.. замаран отовсюду!
От благородных душ ты брошен и презрен,
В разврате, в происках и пьянстве погружен,
Искариотского играешь ты Иуду!
Бывало, ветреность и вспыльчивость твоя
Бессмысленность твоих поступков извиняет;
А подлый нынешний лишь ненависть твоя
Непримиримая к России объясняет.

АЛЕКСАНДР ЕФИМОВИЧ ИЗМАЙЛОВ

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

Александр Ефимович Измайлов родился 14 апреля 1779 года в семье бедного помещика Владимирской губернии, владевшего всего лишь 7-ю «душами» крепостных крестьян. Семилетним мальчиком, в 1786 году, Александр Ефимович Измайлов был записан каптенармусом в лейб-гвардии Преображенский полк, 20-ти лет получил чин сержанта, но запись в полк была лишь данью дворянским обычаям того времени. Измайлов не стал военным и, поступив в 1792 году в Горный кадетский корпус, по собственному признанию, «особенно занимался словесными науками» («Исторический вестник», 1886, № 11). В январе 1797 года Измайлов был «уволен для определения к статским делам», с чином губернского секретаря. В августе 1797 года он поступил на службу в Экспедицию о государственных доходах. Там он прослужил до 1821 года, а затем в чине коллежского советника был назначен начальником отделения департамента государственного казначейства, где пробыл пять лет.

Измайлов служил честно, выполнял свои служебные обязанности добросовестно, но в его письмах мы часто встречаем жалобы на службу, которая не дает ему возможности целиком отдаться занятиям литературой, любимым делом его жизни. Тянуть служебную лямку он вынужден был из-за материальной необеспеченности.

Первым печатным произведением Измайлова был перевод стихотворения французского поэта Малерба «Смерть», напечатанный в 1798 году в «Санктпетербургском журнале», издававшемся И. П. Пниным. Очевидно, в 1797 году, так как сам Измайлов говорит «осьмнадцати — не больше — лет», был им написан «нравоописательный», сатирический роман «Евгений, или Пагубные след-

ствия дурного воспитания и сообщества», первая часть которого поступила в продажу в половине 1799 года.

Антидворянская направленность творчества Измайлова сказалась с большой силой уже в этом раннем произведении. Продолжает линию, намеченную Измайловым в его романе, и «истинный анекдот» «Честный слуга», в котором писатель выступает против крепостного права, говоря о страстном желании крепостного обрести свободу (напечатано в «Любителе словесности», 1806, № 10). Вторым крупным произведением Измайлова после его романа «Евгений» была «Бедная Маша. Российская, отчасти справедливая повесть», напечатанная в 1801 году.

3 мая 1802 года А. Е. Измайлов был принят в члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Повесть Измайлова «Ибрагим и Осман, или Трудись, делай добро и будешь счастлив», напечатанная в 1806 году в «Любителе словесности», как и публицистические произведения Измайлова «Рассуждение о нищих, каким способом можно уменьшить у нас в России великое число оных и доставить всем прочим безнуждное пропитание безо всякого на то иждивения от казны» (1804) и «Вчерашний день, или Некоторые размышления о жалованьи и пенсиях» (1807), связаны с кругом идей, характерных для Вольного общества. Члены Вольного общества придавали большое значение идее практической филантропии. Измайлов в течение всей своей жизни оставался ревностным пропагандистом «благотворения», объединяя впоследствии вокруг своего журнала «Благонамеренный» всех, кто готов был на пожертвования в пользу бедных.

С начала 1800-х годов А. Измайлов печатает в различных журналах свои стихотворения, добиваясь наибольшего успеха в жанре сатирических басен и сказок. В 1814 году в Петербурге вышли «Басни и сказки Александра Измайлова», включавшие 26 басен и сказок. В 1816 году вышло 2-е издание басен и сказок Измайлова, «вновь исправленное и умноженное». В заметке «От сочинителя» Измайлов скромно говорил:

Я подражателя названия желаю;
Свой труд достоинством чужим я возвышаю.

В 1817 году были изданы «Новые басни и сказки, также разные мелкие стихотворения с присовокуплением Опыта о рассказе басни». В книгу вошли, помимо басен, и некоторые эпиграммы, надписи Измайлова, а также и его «стихотворные разговоры». «Рассуждения о басне» и «Разбор басен» Измайлова появлялись частями в жур-

налах, начиная с 1815 года, на страницах «Вестника Европы», затем «Сына отечества» и «Благонамеренного». В 1821 году были напечатаны «Басни и сказки Александра Измайлова с присовокуплением Опыта о рассказе басни и разбора некоторых образцовых басен лучших Российских фабулистов», по счету это было 4-е издание басен Измайлова, в которое вошло 77 его басен и сказок. И, наконец, в 1826 году вышло наиболее полное прижизненное издание басен и сказок Измайлова.

Первые годы своего членства в Вольном обществе Измайлов посещал не очень аккуратно его собрания, но впоследствии он стал одним из деятельных членов Вольного общества, был избран в Комитет цензуры. В 1807 году А. Измайлов стал секретарем Общества.

В 1809 году Измайлов совместно с А. П. Бенитцким начал издание журнала «Цветник»; в 1810 году, после смерти Бенитцкого, Измайлов издавал «Цветник» с П. А. Никольским. Журнал был тесно связан с участниками Вольного общества.

В 1812 году А. Е. Измайлов издавал «Санкт-Петербургский вестник», также связанный с деятельностью Вольного общества. Война прервала издание журнала в ноябре 1812 года.

А. Измайлову принадлежала инициатива в деле возрождения Вольного общества в конце 1816 года, он был его председателем вплоть до 1825 года, когда уехал из Петербурга в провинцию.

Свою журнальную деятельность Измайлов продолжил в 1817 году, когда во время заграничной поездки Н. И. Греча он редактировал «Сын отечества», поставив перед собой задачу сделать более интересным литературный отдел журнала. В 1818 году А. Измайлов основал собственный журнал «Благонамеренный», который издавал до 1826 года. Как издатель, Измайлов был чрезвычайно неаккуратен. Когда журнал опаздывал, то Измайлов часто оправдывался перед читателями, приводя причины личного порядка, вроде:

Как русский человек на праздниках гулял:
Забыл жену, детей, не только что журнал.

Придавая «личностный» характер всем своим объяснениям, Измайлов преследовал цель создания «литературной биографии» добродушного, наивного «фабулиста».

В 1826—1827 годах Измайлов вместе с П. А. Яковлевым издал две книжки альманаха «Календарь муз».

Желание Измайлова выбиться из нужды заставило его искать места вице-губернатора в провинции. В ноябре 1826 года он был

назначен тверским вице-губернатором. По службе он преследовал взяточничество, плутовство, много раз писал министру о различных беспорядках в тверской палате, чем восстановил против себя все высшее начальство в Твери, начиная с губернатора, который и попросил убрать от него неуживчивого вице-губернатора. В Архангельске, куда затем был переведен Измайлов, его отношения с начальством сложились еще хуже. Измайлов обличил во взяточничестве, злоупотреблении властью самого генерал-губернатора С. И. Миницкого. В письмах к жене он писал, что защищал от разорения крестьян, и выражал уверенность, что царь не может отставить его за то, что он «берег государево добро». Впрочем, он полагал, что «лучше быть отставлену за правду, нежели за участие и связь с плутами и ворами». В результате клеветы Миницкого Измайлов, не прослужив в Архангельске и года, был с позором отставлен. В Петербурге его причислили к министерству финансов, но без жалованья, так что он жил в нищете, получая гроши за уроки словесности в Пажеском корпусе. Измайлов мечтал об издании журнала «Любитель отечественного». Сохранилась написанная его рукой программа предполагавшегося журнала, но осуществить это издание ему не удалось. Лишь в 1830 году была доказана невинность Измайлова, и ему была назначена небольшая пенсия, которую Измайлову не суждено уже было получать.

16 января 1831 года, на одной из лекций в корпусе, он почувствовал себя дурно и в тот же день скончался. Похоронили его на средства, собранные друзьями и знакомыми.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПОЛЬЗА БАСНИ

Однажды — кто б поверить мог? —
К царю, в его чертог,
Вошла вдруг Истина нагая!
Царь в гневе закричал: «Бесстыдница какая!
Как смела ты войти, и кто ты такова?»
— «Я — Истина». — «За чем?» — «Сказать лишь слова два:
Льстецы престол твой окружают,
Народ вельможи угнетают,
Ты нарушаешь сам нередко свой закон...»
— «Вон, дерзкая! вон! вон!
Гей! стражи! гей! войдите,
Возьмите, отведите
Ее в смирительный иль в сумасшедший дом!»
Хорош был Истине прием!
Вздохнула бедная — и вмиг из глаз пропала.
Охота после ей припала
Идти опять к царю; подумала, пошла,
Но уж не голая, как прежде:
В блестящей, дорогой одежде,
Которую на час у Вымысла взяла.
Смягчивши грубый тон, к царю она с почтеньем
Приближилась, и с ним вступила в разговор.
Царь выслушал ее с великим снисхожденьем;
Переменился скоро двор:
Временщики упали;
Пришел на знатных черный год;
Вельможи новые не спали;
Царь славу приобрел, и счастлив стал народ.

1802, 1813

УМИРАЮЩАЯ СОБАКА

Султанка старый занемог,
Султанка слег в постелю,
Лежит он день, лежит неделю,
Никто из медиков Султанке не помог,
Час от часу лишь только хуже:
Все ребра у него наруже,
Как в лихорадке он дрожит
И уж едва-едва визжит.
В конýре, у одра больного,
Соколка, внук его, стоял,
Не мог он вымолвить от жалости ни слова
И с нежностью его лизал.
Султанка на него взглянул, и так сказал:
«Ну! видно, мой конец приходит:
Нельзя ни встать, ни сесть;
Душа из тела вон выходит...
А перед смертью как хотелось бы поесть!
Послушай, милый внук, что я тебе открою:
Две кости спрятал я, как был еще здоров;
Умру, ведь не возьму с собою.
Они вон там лежат, у дров;
Поди же, принеси их обе
И старика утешь,
Который скоро будет в гробе...
Да только сам, смотри, дорогою не ешь».
Как из лука стрела Соколка мой пустился,
В минуту воротился
И кости в целости принес.
Султанка тронут был до слез.
Ну нюхать кости он, глодать уже не может,
Понюхал и промолвил так:
«Когда умру, пускай мой внучек это сгложет...
Однако же теперь не тронь ты их никак.
Кто знает? Может быть, опять здоров я буду,
Коль веку бог продлит, тебя не позабуду:
Вот эту кость отдам тебе,
Большую же возьму себе.
Постой, что мне на ум приходит:
Есть славный у меня еще кусок один;
Я спрятал там его, куда никто не ходит.

Сказать ли? Нет, боюсь: ты съешь, собачий сын!
Ох, жаль! . .» и с словом сим Султанка умирает.

На что сокровища скупой весь век сбирает?
Ни для себя, ни для других?
Несносна жизнь и смерть скупых.

1804, 1813

ОСЕЛ И КОНЬ

Один шалун Осла имел,
Который годен был лишь ездить за водою;
Он на него чепрак надел,
Весь шитый золотом, с богатой бахромою.
Осел наш важничать в таком наряде стал,
И, уши вверх подняв, прегордо выступал.
Навстречу Конь ему попался,
А на Коне чепрак обыкновенный был.
Тут длинноухий рассмеялся,
И рыло от него свое отворотил.

Таких ослов довольно и меж нами,
Без чепраков, а с чем? — ну, догадайтесь сами!

1810, 1811

ФИЛИН И ЧИЖ

В лесу Соловушко зарей вечерней пел,
А Филин на сосне, нахмуряся, сидел
И укал что в нем было мочи,
Как часовой средь ночи.
«Пожалуй, дядюшка голубчик, перестань, —
Сказал Чиж Филину, — ты Соловью мешаешь».
— «Молчи, дурак, молчи, ты ничего не знаешь.
Что Соловей твой? — Дрянь!
Ну! так ли в старину певали?
И так ли молодцы из нас теперь поют?»
— «Да кто же? Соловья мы лучше не слыхали,
Ему здесь первенство все птицы отдают».

— «Неправда! он поет негодно, вяло, грубо,
А хвалит кто его, несет тот сущий бред.
Вот Ворон, мой сосед,
Когда закаркает, то, право, сердцу любо!
Изряден также черный Грач:
Хоть мал, а свил гнездо под крышкой храма славы!
Кукушкин на кладбище плач
Нам тоже делает забавы.
Но Сыч! вот из певцов певец!
Его брать должно в образец:
Кричит без умолку, прекрасно!
Скажу пред всеми беспристрастно,
Что нет здесь равного Сычу...
Зато я сам его учу!»

1811

ШУТ В ПАРИКЕ

Однажды в маскараде
Явился старый шут в неслыханном наряде:
С хрустальной запонкой и воротом косым
Из ткани пестрыя на нем была срачица,
Да с гульфиком большим
Атласна черна исподница.
С нагнутых плеч его висел
Запачканный тулуп, но настоящий русский;
На голове же он имел
Распудренный парик французский.
За старым шутом вслед шел молодой чудак
В престранном тоже одеяньи —
В каком-то шахматном, смешном полукафтанье,
И с колокольчиком торчал на нем колпак.
Лишь в залу чучелы вступили,
Все бросилися к ним, кругом их обступили.
Никто не мог свести с них глаз.
Старик, пожав плечми, воскликнул: «Вижду аз,
Коликой степени достигли развращенья!
О!..... но воздержимся еще от удивленья!
О буйно скопище безумцев и невежд!

И мужеск пол, и женск совлекся тех одежд,
Которые дедов и бабок украшали.
Почто французские вы моды переняли?
Воззрите на меня, на юношу сего,
Так иноземного не на́йдешь ничего.
Всё русское на нас, изящно всё и лепо;
Мы любим старое, и вы любите слепо...»
Тут некто старика прервал
И вежливо ему сказал:
*«За что всех, дедушка, поносишь?
Ты сам парик французский носишь».*
О, если бы кто видел тут,
Как разозлился старый шут.
Сначала у него язык прильпе гортани;
Потом уж кое-как собрался с силой он,
И полился из уст его источник брани.
«*Безбожник!* — закричал, — *изменник! франкмасон!
Сжечь надобно его, на веру нападает!*»
Что ж это был за шут, никто не отгадает.

1811

ЛЕБЕДЬ, ГУСЬ, УТКА И ЖУРАВЛЬ

Две птицы плавали в пруде:
Красивый Лебедь, чистый, белый,
Да серый Гусь, дрянной. — Гляделся месяц светлый
В прозрачной, зе́ркальной воде;
Лучи его в струях играли серебристых;
Зефир чуть колебал листы дерев ветвистых,
И Лебедь начал гимн вечерний богу петь.
Гусь этого не мог стерпеть,
Вскричал: *га! га!* и, вытянувши шею,
Шипел, подобно змею.
Где Утка ни возьмися тут,
И говорит: «Куда как хорошо поют!
Однако Гусь поет приятнее, нежнее,
Да он же и плывет важнее!»
— «Что ты, прожора, врешь! —
Прервал ее Журавль, — молчи, пока не бита!

Недаром первенство ты Гусю отдаешь:
Он есть тебе дает из своего корыта».

Кто Утка? — Подлый журналист.
А Гусь? — Рифмач-капиталист.

1811

СТИХОТВОРЕЦ И ЧЕРТ

«Ну! есть ли кто на свете
Несчастнее меня? И не было и нет! —
Так говорил Дамон, поэт,
Сидя один в полнóчь со свечкой в кабинете,
Вздыхая тяжело и нюхая табак,
Которым вымарал лицо, халат, колпак,
И, с позволения сказать, свои творенья. —
Кляну день своего рожденья:
Такое горе я терплю!
Уж сорок лет пишу, хвалю себя, хвалю;
Не верит мне никто, как я ни уверяю;
Уж я ли не поэт? не знаю!
По смерти памятник мне, верно, сорудят,
А нынче — посидеть со мною не хотят.
Начну читать стихи — смеются;
Печатаю — не продаются;
Пришлось с Парнаса в петлю лезть!
Чтоб уважение и славу приобресть,
Каких я не искал каналов!
Платил газетчикам, издателям журналов;
Свои сам книги раскупал,
Все раздарил — а их никто и не читал!
Врагам своим писал в честь оды и посланья,
И в книжных лавках стал предметом посмеянья!
Рад душу черту я отдать,
С тем только, чтоб он стал стихи мои читать!»
Едва слова сии Дамон успел сказать,
Черт страшный вылез из камина.
«Я здесь, условимся со мной.
Что надобно тебе?» — «Ах, мой отец родной!

Садитесь... Перевел я сцену из Расина,
Послушайте...» — «О нет!» — «Да почему ж?»
— «Спешу».
— «Послушайте, как я пишу;
Не читывали вы такого переводу.
Я вам прочту еще посланье, притчу, оду;
Стишки, ей-богу, хороши!»
— «Мне дело до твоей души;
Дай кровью мне сперва свое рукописанье».
— «В стихах? с охотою, чур слушать наперед!»
Исполнил Черт его желанье,
Садится, а Дамон берет
Претолстую тетрадь, потеет и читает.
Черт бедный морщится, зевает
И ничего не понимает.
Бьет час, бьет два, бьет три, четыре, пять —
Дамон не устает читать:
Прочел трагедию, лирически творенья,
За притчи принялся... Черт потерял терпенье,
Ушел и никогда назад уж не придет.
Пускай же кто другой так Черта проведет!

1811

УСТРИЦА И ДВОЕ ПРОХОЖИХ

Шли два прохожие по берегу морскому
И видят — устрица большая на песке
Лежит от них невдалеке.
«Смотри, вон устрица!» — сказал один другому,
А тот нагнулся уж и руку протянул.
Товарищ тут его толкнул
И говорит: «Пожалуй, не трудися,
Я подыму и сам, ведь устрица моя».
— «Да, как бы не твоя!»
— «Я указал тебе...» — «Что ты? Перекрестися!»
— «Конечно, первый я увидел...» — «Вот те раз!
И у меня остер, брат, глаз».
— «Пусть видел ты, а я так даже слышал носом».
Еще у них продлился б спор,
Когда б не подоспел судья к ним *Миротвор*.

Он начал с важностью по форме суд допросом,
Взял устрицу, открыл —
И проглотил.
«Ну! слушайте, — сказал, — теперь определенье:
По раковине вам дается во владенье;
Ступайте с миром по домам».

Все тяжбы выгодны лишь стряпчим да судьям.

Март 1813

ПАВЛИН, ДВА ГУСЯ И НЫРОК

Павлин дугою хвост блестящий распустил.
Все птицы любовались,
Как в перьях у него цветы переливались;
Но в луже серый Гусь другому говорил:
«Кто ждал такой тревоги?
Скажи, чего смотреть? что у него за ноги?»
— «Да, — подхватил другой, — Павлин с ног молодец!
Он, верно, танцевать здесь учит.
Чу! слышишь, как кричит?.. ну, брат, какой певец!
И кошка так не промяучит!»
— «Постойте, — молвил им Нырок, —
Я с вами, господа, согласен:
В ногах и в голосе один у вас порок,
Но у Павлина хвост прекрасен».

Ах! сколько и у нас есть критиков таких,
Которые талант отличный ненавидят
За то, что нет его у них,
И с радостью в другом свой недостаток видят!

1813 (?)

СТРАСТЬ К СТИХОТВОРСТВУ

Как пьянство, так и страсть кропать стихи — беда!
Рифмач и пьяница равно несчастны оба:
Ни страха нет в них, ни стыда;
Один всё будет пить, другой писать до гроба.

Был на Руси один поэт,
Которого весь знает свет,
Но имени ему здесь нет.
Он, верно, за грехи на муку нам родился:
Лишь буквы выучил, писать стихи пустился,
Да как же? со всего плеча.
Что день, то новые стихи у рифмача.
Объявлена ль война? — Вот радость для урода!
Прочел реляцию — и уж готова ода!
Из сродников его, из ближних кто умрет,
Он рад и этому, тотчас перо берет
И мертвых, и живых терзает без пощады.
В сатире ли его, как шута, осмеют?
Он плачет от досады,
Не пьет, не ест, не спит; однако же и тут
В кропании стихов находит утешенье.
Простил бы я ему уж это согрешенье;
Пускай бы только он писал,
А то стихами он всем уши прожужжал.
Одну жену до смерти зачитал;
Другая, не прожив с ним году,
За ум взялась
И развелась.
Была б, как первая, в могиле без разводу!
Последняя жена с ним потому жила,
Что на ухо крепка была.
И люди у него никак не уживались,
Хотя для слушанья стихов чередовались.
Вот наказал злодея бог:
Рифмач опасно занемог;
Лежит, а бредит всё стихами!
Призвали доктора. «Что сделалося с вами? —
Спросил тот у него. — У вас, конечно, жар?»
— «Как жару и не быть! Я, правда, хоть и стар,
Но я поэт, притом же лирик,
И лирик первый, вам не лгу...»
— «Пожалуйте-ка пульс». — «Еще сказать могу,
Что я и фабулист, и трагик, и сатирик...»
— «Вам вредно много говорить».
— «Ну! а стихи читать мне можно?»
— «Нельзя». — «Так умереть мне должно!
Что ж это вы меня хотите уморить?

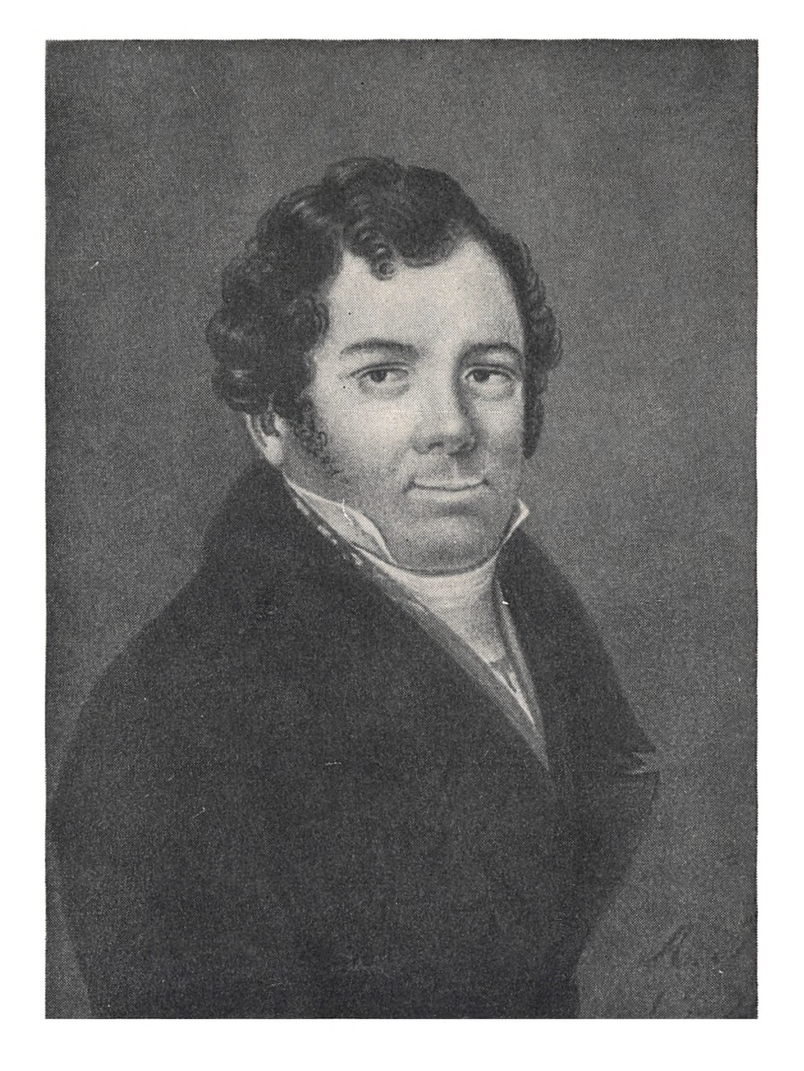
Я напишу на вас за это эпиграмму.
Постойте, à propos![1] я сочиняю драму,
И выведу на сцену вас...»
— «А я вот сей же час
По власти докторской употреблю и силу,
Покрепче рот вам завяжу
И муху шпанскую к затылку приложу.
Вам, верно, хочется в могилу?»
Со страху прикусил язык себе больной,
Минуты не прошло одной,
Как доктор, прописав лекарство, удалился.
Рифмач опять читать стихи свои пустился;
Читал, читал, читал, и так он ослабел,
Что доктор, потеряв надежду, отказался,
Да и никто лечить его не соглашался.
Вот он духовного отца позвать велел.
С сердечным сокрушеньем
Покаялся ему в грехах
(Не прозою, а на стихах)
И подарил его своим стихотвореньем —
Посланьем — он ко всем послания писал
И каждое в печать особо отдавал.
Сам эпитафию себе продиктовал.
Уж наконец язык у бедного отнялся —
И даже тут еще, пока он не скончался,
Всё стопы пальцами считал...

20 мая 1815

СВЯЩЕННИК И КРЕСТЬЯНИН

Пришел к Священнику Крестьянин Парамон,
И, сделав перед ним чуть не земный поклон,
Так говорил ему со вздохом и слезами:
«Помилуй, батюшка, что делать мне с чертями?
Из дому выживают вон!»
— «Перекрестися, Парамон!»
— «Да я уже и так крестился,
Молитву с вечера творил,
А домовой меня давил;

[1] Между прочим (франц.). — *Ред.*



Всю ночь с проклятым провозился!
Послушай-ка, лежу вечор я на спине,
Гляжу — ан черт на мне,
Лежит как будто куль с мукою,
Иль с солью, так тяжел! Ей-ей! тебе не лгу.
И что ж? пошевелить рукою,
Ни слова вымолвить никак я не могу.
Уж как-то я поворотился,
Так он с меня свалился.
Ты в семинарии, отец Иван, учился;
Пожалуй, одолжи,
Свою науку покажи,
Не дашь ли зелья мне какóго,
Иль корешков от домового?
А я тебе за то пшеницы четверик».
— «Я думал, Парамон, что умный ты мужик,
А вздор какой ты мелешь!»
— «Неужели, батюшка, мне ты не веришь?
Ну! право, домовой давил меня, давил!
Спроси хоть бабушку Пахомовну Ненилу.
Еще он невзлюбил
Саврасую мою кобылу.
Пришел я утром в хлев: под яслями лежит,
Сердечная, в поту и так, как лист, дрожит!
Изъездил бедную! Уж диво!..» — «Не дивися;
Вперед не на спину, а на бок спать ложися.
От крови сделалось тебе так тяжело:
Как навзничь ты лежал, она остановилась...»
— «А как кобылу-то под ясли занесло?
Небось, сама туда забилась?»
— «Конечно». — «Отчего?»
— «Да оттого,
Что муха укусила...»
— «Неправда! а нечиста сила...»
— «Да нет на свете домовых».
— «Как нет! не видывал ты их;
А я, хотя впотьмах, да видел домового:
Как уголь черен весь! собой здоров, высок!
Плечами же вельми широк...»
— «Пожалуй, не греши и не мели пустого».
— «Вот хорошо! не верь своим очам,
А верь твоим речам!

Какой ты поп! да ты совсем не христианин!
К тебе я на дух не пойду!»
И, рассердившися, ушел домой Крестьянин.
Отец Иван попал в беду:
Безбожником в селе его прозвали;
Иные же ходить и в церковь перестали,
И менее чем через год
Он перешел в другой приход.

Упрямых, глупых суеверов
Ничем не можно убедить;
Опасно даже им и правду говорить.
Довольно есть тому в истории примеров.

17 мая 1815

ДВА ОСЛА

Шли два Осла дорогою одной,
И рассуждали меж собой
О политических и о других предмётах
(Они уж оба были в летах).
«Что, братец? — говорит один, —
Как может мнимый наш, бесхвостый господин —
Ну, знаешь, человек — ругаться так над нами?
В насмешку он зовет ослами
Кого же? самых уж безмозглых дураков!
А, право, у людей не много есть голов,
Какие у ослов!»
— «И ведомо! да вот, без лести,
Каков ты, например, у них такого нет.
Гордился бы тобой Парламент иль Совет».
— «Помилуй! много чести!»
— «Нет, нет, что чувствую, то я и говорю.
Конечно!.. от тебя не скрою,
И я иного члена стою,
Но что же я перед тобою?
Советовал бы я Льву, нашему царю,
Чтоб воспитать тебе наследника дал трона:
Ты, без пристрастия, умнее Фенелона.
Не поленись, любезный брат,
О воспитании нам сочинить трактат».

— «То правда, я имею знанья,
Пригодные для воспитанья,
Но не имею остроты
И красноречия, как ты».
— «Э! шутишь! а твое похвальное-то слово
Ослицам!... Лучше бы я сам не написал!»
— «Другое у меня еще теперь готово;
Изволь, прочту тебе». О, черт бы их побрал!
Друг дружку до того хвалили,
Что после и у всех ослов в почтеньи были.

Нет легче ничего, как нравиться глупцам:
Хвали их, и они равно тебя похвалят,
Притом и в нужде не оставят.
Где много дураков, житье там подлецам.

25 июня 1815

ГОРА В РОДАХ

Родами мучилась Гора;
Земля вокруг дрожала.
Бедняжка простонала
С полудни до утра;
Расселась наконец — и родила мышонка!

Но это старая, все знают, побасёнка,
А вот я быль скажу: один поэт писал
Не день, не два, а целый месяц сряду,
Чернил себя, крестил, марал;
Потом, друзей созвав, пред ними прочитал...
Шараду.

30 июня 1815

ПОЕДИНОК

Осла нечаянно толкнул Лошак.
«Смотри же ты, дурак! —
Осел мой закричал. — Как смеешь ты толкаться?»
— «Ах, скот! как смеешь ты ругаться?
Я жив быть не хочу,
Когда тебя не проучу;

Разделайся со мной». — «Изволь... На чем
угодно?»
— «Ну на копытах?» — «О! охотно!»
— «Мой секундант Баран». — «А у меня Козел».
Вот через час, не боле,
С Козлом Осел,
С Бараном же Лошак явились в чистом поле;
У обоих блистает гнев в глазах.
Дрожат от ярости; друг к дружке задом стали,
И очень близко: в двух шагах.
Уж кинут жребий — знак секунданты дали.
Сперва Лошак лягнул — Осел лягнул потом.
Откуда ни возьмись Хозяин тут с кнутом,
Нет, с плетью, виноват! Не говоря ни слова,
Давай стегать того он и другого;
По очереди им всю спину исстегал.
«Проклятые! — из сил он выбившись, вскричал, —
Да что вам вздумалось лягаться?»
Сквозь слез Осел на это говорит:
«Когда point d'honneur[1] велит,
Не рад, а должен драться.
Сам посуди, он стал толкаться...»
— «А он так стал ругаться...»
— «А если станете вы у меня лягаться, —
Хозяин подхватил, —
Хоть и не рад, за плеть я должен буду взяться.
Смотрите же!» Тут он им плетью погрозил.
При взгляде на нее герои онемели;
Жест более еще подействовал, чем речь,
И после не было уже у них дуэли.

Что, если бы велели
Мальчишек розгами за поединки сечь?

1 декабря 1815

СЛЕЗЫ КАЩЕЯ

Не знаю точно кто, а проповедник славный,
Платон, Леванда ли, иль кто-то, с ними равный,
Однажды в пост великий говорил

---

[1] Чувство чести (франц.). — *Ред.*

О милостыне поученье,
И слушателей всех привел во умиленье.
Кащей у кафедры стоял и слезы лил.
Знакомый у него спросил:
«Да что за удивленье?
Ты плачешь, кажется?» — «Как слез не проливать!
Я эту проповедь вовек не позабуду».
— «Что ж? станешь ли убогим подавать?»
— «Нет, милостыню сам просить теперь я буду».

13 апреля 1816

КАРЕТА И ЛОШАДИ

Ах! если бы хотя под старость дал мне бог
Местечко где-нибудь такое,
Где б мог остаток дней я провести в покое,
Где б взятки брать иль красть я мог, —
Клянуся честию и совестью моею,
Уж дал бы знать себя! Что? скажут: *не умею?*
Пустое! выучусь, лишь только захочу,
Да многих, может быть, еще и поучу.
Взгляните: грамоте иные не умеют,
А как живут! как богатеют!
Вот главное: *иметь не надобно стыда.*
Отставят? — отставляй, и это не беда:
Коль наживу полмиллиона,
В отставку сам тогда пойду без пенсиона.
Рассказывал один знакомый мне купец
(Не здешний, и теперь едва ли не покойник),
Что в городе у них советник был, делец,
Великий взяточник, невежда и законник:
Указ прибравши на указ,
Оправит всякого за денежки как раз.
Когда напишет сам экстракт, определенье,
Хоть юрисконсультам отдай на рассмотренье:
В законах пропуска, ей-богу! не найдут,
А дела не поймут!
Так спутает, так свяжет,
И белым наконец вам черное покажет.
Кто больше даст ему, тот у него и прав;

А там в глаза ругай, он ничего не скажет, —
Такой имел уж нрав!
Проситель подарил советнику карету;
Соперник же, узнав о том через людей,
Не знаю по чьему совету,
Прислал к советнику четверку лошадей.
Он принял их, и я бы сделал то же.
Как четверня была кареты подороже,
То в пользу лошадей и сделан приговор,
Объявлено истцу с ответчиком решенье.
Вот вечером катит к советнику на двор
Бедняк, что потерял с каретою именье.
В сердцах кричит ему: «Бездельник! шельма! вор!
Ты обманул меня! отдай мою карету».
— «Да, как не так!» — «И совести-то нету!
Отдай; в присутствии при всех я расскажу».
— «Так что ж?» — «Свидетелей представлю, докажу;
К присяге ведь тебя притянем».
— «Пожалуй, присягать мы станем».
— «Ты взял карету, взял?» — «Ну что же? взял так взял!»
— «А чалых четверню кто, кто к тебе прислал?»
— «Соперник твой, на нем ищи своей потери:
Ведь чалые свезли карету со двора.
Однако ужинать пора.
Прощай, вот бог! вот двери!»

22 апреля 1816

ПЬЯНИЦА

Пьянюшкин, отставной квартальный,
Советник титулярный,
Исправно насандалив нос,
В худой шинелишке, зимой, в большой мороз,
По улице шел утром и шатался.
Навстречу кум ему, майор Петров, попался.
«Мое почтение!» — «А! здравствуй, Емельян
Архипович! да ты, брат, видно,
Уже позавтракал! Ну, как тебе не стыдно?
Еще обедень нет, а ты как стелька пьян!»
— «Ах! виноват, мой благодетель!

Ведь *с горя,* мой отец!» — «Так с горя-то и пить?»
— «Да как же быть!
Вот бог вам, Алексей Иванович, свидетель:
Есть нечего; все дети босиком;
Жену оставил я с одним лишь пятаком.
Где взять? Давно уже без места я, несчастный!
Сгубил меня разбойник пристав частный!
Я до отставки не пивал:
Спросите, скажет весь квартал.
Теперь же с горя как напьюся,
То будто бы развеселюся».
— «Не пей, так я тебе охотно помогу».
— «В рот не возьму, ей-богу, не солгу;
Господь порукою!..» — «Ну полно, не божися,
Вот крестникам снеси полсотенки рублей».
— «Отец!.. дай ручку!..» — «Ну, поди домой, проспися,
Да чур, смотри, вперед не пей».
Летит Пьянюшкин наш, отколь взялися ноги,
И чуть-чуть не упал раз пять среди дороги;
Летит... домой? — О нет! — Неужели в кабак? —
Да, как бы вам не так!
В трактир, а не в кабак, зашел, чтобы промена
С бумажки беленькой напрасно не платить,
Спросил ветчинки там и хрена,
Немножко так перехватить,
Да рюмку водочки, потом бутылку пива,
А после пуншику стакан,
Другой... и наконец, о диво!
Пьянюшкин напился уже мертвецки пьян.
К несчастию, еще в трактире он подрался,
А с кем? за что? — и сам того не знал;
На лестнице споткнулся и упал,
И весь, как черт, в грязи, в крови перемарался.
Вот вечером его по улице ведут
Два воина осанки важной,
С секирами, в броне сермяжной.
Толпа кругом. И кум, где ни возьмися, тут.
Увидел, изумился,
Пожал плечами и спросил:
— «Что? верно, *с горя* ты, бедняк, опять напился?»
— «За здравие твое от *радости* я пил!»

У пьяницы всегда есть радость или горе,
Всегда есть случай пьяным быть;
Закается лишь только пить,
Да и напьется вскоре.
Однако надобно, чтоб больше пил народ:
Хоть людям вред, зато откупщикам доход.

16 мая 1816

ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА

Предвидя свой конец, Петр-лавочник в грехах
Духовному отцу признался,
И смерти дожидался.
Жена стоит пред ним в слезах.
«Не плачь, — он ей сказал, — Дуняша!
Ты знаешь, сколько нам приносит лавка наша;
Беда, коль отойдет от нас теперь Кузьма;
Выдь замуж за него, людских речей не бойся...»
— «Ох! батюшка, не беспокойся:
Я это думала давно уж и сама».

28 сентября 1816

СОВЕСТЬ РАЗБОЙНИКА

Попа пред казнию Разбойник попросил.
Приходит поп. — Ему тот в ноги повалился
И прослезился.
«Простит ли бог меня?» — он у него спросил.
— «Покаяться тебе чистосердечно должно...
Ну, сколько душ ты потерял?»
— «Да как упомнить можно!
Я, право, не считал».
— «А что, посты, чай, соблюдал?»
— «Помилуй, батюшка! да разве я татарин,
Чтоб не соблюл поста?
Избави бог! я христианин;
Так стану ль мясом в пост сквернить свои уста!»

И не разбойники за грех большой считают
В пост оскоромиться, обедню прогулять;
А ближнего оклеветать,
Имение и с ним нередко жизнь отнять —
В достоинство еще и в честь себе вменяют.

7 октября 1816

КАПРИЗ ГОСПОЖИ

«Послушай, маменька, мой друг, —
Супруге говорил супруг, —
Ванюшка давиче мне в ноги повалился...»
— «Что, верно, пьян вчера напился?
Ну, папенька, прости для праздника его».
— «Нет, маменька, не то; он, знаешь ли, влюбился».
— «Влюбился! а в кого?»
— «Да в горничную Катерину:
Охотою идет Катюша за него».
— «Велю я положить женитьбу им на спину!»
— «Ты шутишь?» — «Никогда я с вами не шучу!»
— «Послушай, маменька...» — «И слушать не хочу!
Жените их, а я уж на своем поставлю:
В деревню их отправлю,
И там свиней пасти заставлю.
Вот вздумали женить слугу!
Да я, сударь, терпеть женатых не могу».

27 января 1817

КРЕСТЬЯНИН И КЛЯЧА

«Ну, матушка!.. о, дьявол! стала!
(Филат так Кляче говорил
В лесу, где дров он пропасть нарубил
И воз престрашный навалил).
И с места не сошла еще, а уж устала,
Дворянка!.. я тебе вот дам!»
При слове сем схватил Филат мой хворостину

И ею ну возить он бедную скотину,
И по спине и по бокам.
Упала Кляча на колени.
Как будто милости хотела сим просить;
Филат неумолим, терпеть не может лени,
И продолжает бить.
Приподнялась она тут нехотя на ноги
И кой-как потащила воз.
«Пошла! пошла! легко: смотри, какой мороз!»
Но Кляча стала вдруг опять среди дороги,
И далее нейдет.
Опять Филат ее с плеча дубиной бьет.
Упала, бедная, и уже не встает,
Не тронется, не шевелится.
Филат, приметя то, дивится,
Посмотрит — Кляча умерла!
Как взвоет мой мужик: «Одна лишь и была
Лошадушка — и та вот пала!
Пропала голова моя теперь, пропала!
Чем прогневил тебя, о господи! Филат?»
А сам, бездельник, виноват!

Уж нечего сказать, крестьяне
Как мучат бедных лошадей!
Не хуже, право, чем людей
В какой-нибудь глуши дворяне.

6 января 1819

СМЕТЛИВЫЙ ЭКОНОМ

Хемницер говорит: *где сборы,*
Тут и воры;
А я скажу: где есть расход,
Там, верно, и доход
Всегда тому бывает,
Кто деньги выдает или́ что закупает.
Вот, например,
Какой-то комиссионер —
Не помню, комиссариатский,
Ах! нет, бишь провиантский —
Мундира прежде не имел

(Да, правда, и теперь его он не имеет),
Лишь съездил за мукой и вдруг разбогател, —
Зато уж принимать и отдавать умеет!
Теперь блаженствует без места под судом.
Был у меня один приятель-эконом,
Который в пять-шесть лет себе построил дом
По крайней мере тысяч во сто;
А жалованья брал в год семьсот девяносто
И два рубли — за вычетом на госпиталь.
Недавно умер... очень жаль!
Мы часто в шашки с ним играли
И пунш пивали.
Когда ему крест дали,
Как у него мы подгуляли!
Шампанским запоил!
«А что, Карп Сидорыч, — я у него спросил, —
Воруешь ты? скажи всю правду-матку,
Скажи, пожалуйста». — «На что тебе? Ха! ха!
Сам знаешь, кто же без греха?»
— «А много ль в год?» — «Ну, тысяч до десятку,
А может быть, и с лишком два».
— «Вот ты теперь купил дрова,
Почем?» — «По десяти. И то едва-едва
Знакомый уступил. Зато дрова какие!
Здоровые, сухие!
Осины нет, всё березняк!»
— «Какую ж цену в счет поставишь ты?
Двенадцать?»
— «Избави господи! Да что я за дурак!»
— «Неужели тринадцать?»
— «Смешон ты, право, мне!» — «Четырнадцать?
Пятнадцать?»
— «Да, как тебе не так!
По десяти купил, по десяти поставлю;
Знай, никогда в цене полушки не прибавлю.
За что же генерал
И орден-то мне дал?
За то, что дешево всегда я покупал...
Но сажен сот пяток я у себя оставлю».

3 сентября 1821

ЗОЛОТАЯ СТРУНА

(Из Патрю)

На лире порвалась струна:
Обыкновенная была она.
Вот навязали вмиг другую,
Однако не простую,
А золотую!
И лира начала блистать.
Но стали как на ней играть,
Не та уже была гармония, что прежде.

Коль именитому невежде
Стул в Академии дадут —
Чего ждать тут?

16 декабря 1821

БЛИНЫ

На Масленице здесь один
Приезжий дворянин
Просил приятеля к себе блинов покушать.
(Не лучше ль есть блины, чем оды, притчи слушать?)
Пришел тот и принес с собою аппетит.
И водка, и икра уж на столе стоит.
Хозяин на людей кричит
И подавать блины велит.
«Скорее ж подавайте!..
Угодно водочки?.. полнее наливайте!»
Вот подали блины.
Чернехоньки все, сожжены!
«Назад, назад! Я этих есть не стану!
Скажите Куприяну,
Чтобы прислал других,
Да не таких.
Получше... слышишь ли? с яичками, с припекой!
Скорее ж!» — «Слушаю-с», — сказал лакей высокий.
Ушел, и через пять минут
Блины другие подают.
Блины уж были не такие —

С припекою! зато прекислые, сырые.
«И этих есть нельзя! Вот, право, грех каков!
Но делать нечего, быть, видно, без блинов!
Хоть хлебца нам к икре подайте!
Селедку, масла, сыру дайте.
Скажу вам, у меня ведь повар золотой!
И предводитель наш такого не имеет;
Готовить кушанья он только не умеет —
Ну, каши не сварит простой.
Но, впрочем, я им страх доволен».
— «Да чем? желал бы знать». — «Ах! Как он богомолен!»

17—18 декабря 1821

ПРИКАЗНЫЕ СИНОНИМЫ

Какой-то человек имел в приказе дело.
Он прав был и богат; итак, взяв денег, смело
К секретарю ранехонько идет,
Челом ему, а сам мошонку вынимает
И перед ним на стол крестовики кладет.
Тот, бросивши перо, просителя сажает,
Но с денег сам не сводит глаз.
«Вчерашнего числа в приказ
Я подал, батюшка, прошенье...»
— «Читал его, ты прав! всё знаю!» — «А решенье
Когда последует? осмелюся спросить».
— «Да стоит только *доложить*...
А там и в город свой ты можешь убираться,
Чем здесь напрасно проживаться».
— «Счастливо ж оставаться!»
Проситель через день пришел опять в приказ.
— «Что ж, батюшка, указ
По делу моему? Когда б сегодня можно...»
— «Ведь я сказал тебе, что *доложить* мне должно».
Проситель принужден был с месяц тут прожить
И слышал то ж да то: *лишь только доложить*.
Не знал, что делать, челобитчик;
Но сжалился над ним повытчик.
«Ну, полно, не тужи, —

Шепнул он так ему, — всю правду мне скажи,
Что дал секретарю?» — «Да двадцать пять
целковых».
— «Ну так десяточек еще ты *доложи*.
Да мне пять рубликов! Учи вас, бестолковых!
Не смыслите, что *доложить*
Всё то же, что и *приложить*...
Фунт чаю взять еще с тебя за объясненье».
Истец исполнил всё тотчас,
И на другой же день как раз
Поспел экстракт, определенье,
И выдали ему указ.

8 сентября 1822

ТАК ДА НЕ ТАК

В одной губернии был жадный Губернатор,
Без взяток жить никак не мог.
(Давно уж отрешил его наш император,
Да ниспошлет ему за то здоровье бог!)
Однажды поутру пришел к нему приятель,
Питейных сборов содержатель,
И говорит: «Из Питера сейчас
Я получил письмо; мне пишут, что в Правленье
К вам с сей же почтою отправлен уж указ
Сената, чтобы мне отдать за долг именье
Корнета Дурова. Вот делай одолженье!
Наличных у меня взял тысяч шестьдесят!
А за имение дадут ли пятьдесят?..
Но сам я виноват... введите во владенье».
— «Не можно, братец, сделать *так*».
— «Как?
Сенат велел, и сделать должно...»
— «Я говорю, что *так* не можно».
— «Помилуйте, Сенат...»
— «Пустое, брат!
Ну, будто ты не понимаешь?
Сам знаешь,
Что ничего, нигде не делается *так*».
— «Ах! извините, я дурак!

Забыл вам доложить: ко мне вчера прислали
Из Оренбурга две прекраснейшие шали;
Из них одну...»
— «Да обе уж пришли: я подарю жену,
Другую дочери». — Проситель поклонился
И с шалями чрез пять минут назад явился;
А Губернатор тот же час
Послал секретаря в Правленье,
И секретарь принес откупщику указ
О вводе во владенье.
Вот надо делать как!
Хоть так, однако же не *так*.

20 января 1823

ЛГУН

Павлушка-*медный лоб* (приличное прозванье!)
Имел ко лжи большое дарованье.
Мне кажется, еще он в колыбели лгал!
Когда же с барином в Париже побывал
И через Лондон с ним в Россию возвратился,
Вот тут-то лгать пустился!
Однажды... ах! его лукавый побери!..
Однажды этот лгун бездушный
Рассказывал, что в Тюльери
Спускали шар воздушный.
«Представьте, — говорил, — как этот шар велик!
Клянуся честию, такого не бывало!
С Адмиралтейство!.. что? нет, мало!
А делал кто его? — Мужик,
Наш русский маркитант, коломенский мясник,
Софрон Егорович *Кулик,*
Жена его Матрена
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это летом в ночь,
В день именин Наполеона.
На шаре вышиты герб, вензель и корона.
Я *срисовал* — хотите? — покажу...
Но после... слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шаре посадили

Пять тысяч человек стрелков
И музыку со всех полков.
Все лучшие тут виртуозы были.
Приехал Бонапарт, и заиграли марш.
Наполеон махнул рукою —
И вот Софрон Егорыч наш,
В кафтане бархатном, с предлинной бородою,
Как хватит топором —
Канат вмиг пополам; раздался ружей гром —
Шар в небе очутился
И вдруг весь газом осветился.
Народ кричит: diable! vive Napoléon!
Bravo, monsieur Sophron![1]
Шар выше, выше всё — и за звездами скрылся...
А знаете ли где спустился?
На берегу морском, в Кале!
Да опускаяся к земле,
За сосну как-то зацепился
И на суку повис,
Но по веревкам все спустились тотчас вниз;
Шар только прорвался и больше не годился...
Каков же мужичок *Кулик?*»
— «Повесил бы тебя на сосну за язык, —
Сказал один старик. —
Ну, Павел, исполать! Как ты людей морочишь!
Обманывал бы ты в Париже дураков,
Не земляков.
Смотри, брат, на кого наскочишь!..
Как шар-то был велик?»
— «Свидетелей тебе представлю, если хочешь:
В объеме будет... с полверсты».
— «Ну как же прицепил его на сосну ты?
За олухов, что ль, нас считаешь?
Прямой ты *медный лоб!* Ни крошки нет стыда!»
— «Э! полно, миленькой, неужели не знаешь,
Что *надобно прикрасить иногда*».

15 сентября 1823

[1] Черт возьми! Да здравствует Наполеон! Браво, господин Софрон! (франц.). — *Ред.*

СЛОН И СОБАКИ

Брылан, задорный беглый пес,
С большой Свиньей схватился,
Возился с ней в грязи, возился,
Свиною кровью обагрился,
Всю Свйнью искусал, прогнал и... поднял нос.
«Знай, наши каковы кусаки! —
Сказал он ей, — и век Брылана поминай!»
Возрадовались все его друзья, собаки.
— «Ай! ай! —
Визжит, вертя хвостом, Брех, пудель сухощавый, —
Покрыл себя, Брылан, ты славой!
Ай, ученик! Ай, друг!
Прославил ты наш круг!»
— «Ай! ай! Брылан! ай! ай! — кричат тут и щенята, —
Хвала, свиной герой!» — «Послушайте, ребята! —
Брылан преважно возгласил. —
Чуть-чуть я у Свиньи хвоста не откусил.
Когда же сладил со Свиньею,
Примусь и за Слона. Ну что, *в родню хоть толст,*
Да не в родню, быть может, *прост.*
Друзья! за мной!
Я знаю, Слон идет теперь на водопой.
Марш на Волынский двор!» За ним все побежали...
Увидели Слона, смешались, задрожали,
Попятились. — «Стой, толстый, стой! —
Кричит Брылан. — Как смел обидеть ты дворняжку?»
— «Какую?» — «Завирашку!
Проси прощения; не то, брат, на дуэль.
Заставлю пролежать в сарае пять недель».
— «Да отвяжись, чего ты хочешь?
Не прыгай высоко, ведь на клыки наскочишь».
— «Что пред дворняжкою ты виноват, скажи,
И всею правдою в неправдах нам служи;
Велим ли проучить кого, так размозжи;
Кого лизать, лижи».
— «Лизать?» — Вот Слон тут осердился,
Брылана хоботом схватил,
Через решетку вмиг его в канал спустил,
И где же? в полынье, каналья, очутился!..
А Пудель?.. на язык хотя он и остер,

Но немец так хитер,
И совестней притом: нет, он не горячился
И впереди щенят бежать назад пустился.

Хоть как собака ни сильна,
Но где ей укусить Слона!
Беда, когда дойдет до драки;
Не трогайте ж Слонов, Собаки!

2 апреля 1824

СУДЬЯ ФАДДЕЙ

Нет, не было еще такого из судей,
Каков был в старину *чугунный лоб* Фаддей:
Цыгане все ему в бесстыдстве уступали!
Служил он в коннице, как ротмистр Брамербас,
И из конюшни вдруг переведен в Приказ!!
Как в старину места давали!
Однако же Приказ не то ведь, что Парнас!
И на Парнасе здесь кого мы не видали?
Фаддей
Не из ученых был людей,
Не так-то грамотен; в Приказе ж был подьячий,
Подьячий с приписью, искусник, сын собачий!
Знал все крючки, но не был смел;
Блудлив, как кот, труслив же, как зайчишка,
Подьяческая так душишка!
И потому один не мог он делать дел.
Подьячий походил на хитрую собаку,
Которая исподтишка
Кусает, а не лезет в драку,
Чтобы не потерять ушка.
Фаддей же сдуру лез всегда, как конь в атаку.
Но, впрочем, был он не дурак:
Судил почти всегда вот так:
«Как смел ты вопреки закону
Для церкви поправлять икону?» —
Он подсудимого в присутствии спросил,
А подсудимый сам иконописец был.
Тот отвечает смело:
«А мне какое дело?

Отец Василий мне икону эту дал;
Так я ее и подновлял».
— «Добро бы подновлял ты краски,
Зачем, скажи, переменял?
Такие ль были прежде глазки?
Такой ли носик?» — «Нет, уж слишком мал был нос;
Так я его прибавил:
Один глаз был велик; так я его убавил,
Да и спрямил, чтобы угодник не был кос».
— «А знаешь, сказано, что *аще кто прибавит*
Или убавит,
Да будет проклят тот!»
Вот как священное писанье понял скот!
— «Помилуйте!..» — «Ни слова больше!
Вот я тебя уйму!
В тюрьму!
Я знаю как судить: ведь я и вырос в Польше!»

Избави господи! нас от таких судей,
Каков безграмотный *чугунный лоб* Фаддей!

30—31 мая 1824

ДВОРЯНКА-БУЯНКА

Быль

Как могут люди забываться!
Прилично ль дамам драться?
Одна из городских и самых важных дам,
По долгу христианки
Вошедши в божий храм,
Плывет поднявши нос, как гордые дворянки,
Которые крестьян, мещан
Едва ли чтут за христиан.
Жеманится, пыхтит. Лакей большой пред нею,
Но в церкви теснота — прохода не дают.
«Что ты зеваешь, плут? —
Кричит она лакею. —
Не может растолкать, урод!
Приказных этих модниц,
Чепёшниц и купчих-платочниц.
Пусти меня вперед!»
И барыня моя — нет, барышня, девица,

Рванулася вперед как львица.
С отважностью лихого мясника,
Который с братией своей из кабака
Стремится на площáдь рвать голову с быка,
Идет она и всех толкает под бока
На обе стороны локтями,
Ступает с форсу каблуками
На ноги секретарш смиренных и купчих,
Да и ворчит еще на них.
Вот вдруг вперед взглянула —
Стоит смирнехонько тут барышня одна,
Одета запросто и молится она.
Буянка так ее толкнула,
Что та упала на амвон.
Раздался вопль и стон.
Диакон оглянулся
И содрогнулся.
Невольно вздрогнули на крылосе дьячки,
От ужаса у них приподнялись пучки.
Но чем же кончилось? — Она остановилась,
Не извинилась
И богу с важностью дворянской помолилась;
Потом же на уборы дам
Глядела и косилась.

О стыд! о срам!
И это сделала дворянка и девица?
Проклятая! Срамница!
Будь я архиерей,
Иль хоть протоиерей,
То, право б, проучил злодейку:
На паперти б ее поставил у дверей,
Вздев ожерелье ей железное на шейку.[1]
Сошлось бы множество народа поглядеть.
Дай господи ей век весь в девках просидеть.

1827

---

[1] В старину надевали в церквах железные ошейники на тех, которые делали там какое-либо бесчиние. Ошейники сии прикованы были цепью к стенам.

NN и N

NN

Здорово, брат старик. Ах! как ты поседел!
В коллегии у вас, чай, очень много дел?

N

Служили ведь у нас, так знаете и сами,
Что заняты всегда бываем мы делами.

NN

Для этого-то я от вас и перешел,
Что тяжело служить, а выгод не нашел,
Ты что к коллегии, скажи, пристал, как тесто?
Зачем не перейти тебе в другое место?

N

К делам коллегии я более привык.

NN

Причина важная! чуден ты мне, старик!
Ты жалованьем лишь одним живешь с семьею,
Дохода ни рубля!.. в одних чинах с тобою
Семь лет я был назад. Вот я тебе пример:
Я *генерал* теперь, а ты *штаб-офицер...*
Ты принужден ходить пешком в такие леты!
Нет! я умней тебя: две у меня кареты.
Две славных четверни, два дома, два креста.

N

А у меня, сударь, есть совесть — и чиста.

1807

ГРАФ N И ЕГО СЕКРЕТАРЬ

Граф

Послушай, à propos,[1] что ж списки о чинах,
О награждениях, вещах и орденах?

Секретарь

Я ночь сидел насквозь, извольте, все готовы.

Граф

Кого ж ты написал?

(Пересматривает.)

Семен и Петр Вралёвы,
Мои племянники, — их должно поощрить,
С крестами, верно, уж не станут так шалить.
За ними кто? Ба! ба! Включил ты и Ослова!..
Да ведь побочный сын он князя Пустослова.
Ремизин! хорошо! играет по рублю.
Вертушкин! ну! его не очень я люблю.
Графиня?..

(Морщится и потирает лоб.)

Секретарь

Точно-с так, еще вчера...

Граф

Довольно!
Пускай и он идет, хотя другим и больно.
Мошнин! о, молод он, и как дать крест купцу...
Да, правда, должен я еще его отцу...
Чины теперь кому, посмотрим: Езельману —
Ну! немец он, пускай, — Лентягину Ивану,
Фролу Скотинину!.. как можно? он дурак!

Секретарь

(кланяясь)

Двоюродный мой брат.

Граф

Ну! разве уже так!

(Подписывает.)

1810

---

[1] Между прочим (франц.). — *Ред.*

ЦЕНСОР И СОЧИНИТЕЛЬ

Сочинитель

На рассмотренье вам принес я сочиненье.

Цензор

Садитесь, сделайте-с, прошу вас, одолженье.
А как-с заглавие, позвольте вас спросить?

Сочинитель

О Разуме.

Цензор

Никак-с не можно пропустить.
О Разуме! нельзя-с! оно умно, прекрасно,
Но разум пропускать, ей-богу! нам опасно.

Сочинитель

Извольте наперед с вниманием прочесть.

Цензор

Пожалуйте-с.

(Берет рукопись.)

Вот здесь и карандашик есть,
Чтоб замечать места, — с нас взыскивают строго.

(Читает.)

Позвольте-с мне у вас здесь вымарать немного.
Невежда судия! За что-с судей бранить?
Нельзя ли-с, право, как-нибудь переменить?
Подумайте-с.

Сочинитель

Тут нет противного Уставу.

Цензор

Конечно-с, только мне *невежда* не по нраву.
Поставьте лучше вы *надменный* судия.

Сочинитель

Что ж выдет из того? сумбур, галиматья!

Цензор

Ну-с! очень хорошо, покамест я оставлю,
А только-с черточку карандашом поставлю.

(Читает далее.)

Прекрасно пишете, у вас слог очень чист...
Что это? нет-с, нельзя! *безумный журналист!*
Тут-с личность, пропустить не можно, воля ваша!

Сочинитель

Помилуйте...

Цензор

Да нет-с, велит так должность наша.

Сочинитель

Клянусь, что личности тут нету никакой.

Цензор

Быть может, журналист и сыщется такой.

Сочинитель

Так что ж?

Цензор

Так-с очень может статься,
Что право будет он иметь сим обижаться.

Сочинитель

Пусть обижается, а мне что до того.

Цензор

Ей-богу! обижать не должно никого.
Достанете вражду через такую вольность,
А лучше сохранить во всем благопристойность.

Сочинитель

Врагами дураков иметь я не боюсь
И наставлений брать от вас не соглашусь.

Цензор

Я, право-с, так сказал, меня вы извините,
Я уважаю вас.

Сочинитель

И я.

Цензор

Перемените
Из дружбы хоть ко мне.

Сочинитель

Вам хочется шутить?

Цензор

Без этого никак не можно пропустить.

Сочинитель

Скажите, почему?

Цензор

Да пропустить опасно.

Сочинитель

Я вижу, что писал я целый год напрасно;
Пожалуйте мою мне рукопись назад.

Цензор

Я, право, пропустить ее охотно рад,
Мне очень нравится, но сами посудите...
Вы так упрямитесь, поправить не хотите...
Ну! что замечу я, так выкиньте то вы.

Сочинитель

(берет рукопись)

Что ж будет за урод без рук и головы!

Ценсор

Есть новый у меня один роман французский —
Жанлис, не то Радклиф. Не худо бы на русский
Перевести его. Я вам сейчас сыщу.

Сочинитель
(кланяется и уходит)

Не беспокойтеся.

Ценсор
(вслед ему)

Я всё там пропущу.

1811

ЭПИГРАММЫ, ЭПИТАФИИ, НАДПИСИ

* * *

«Ты друг мне?» — «Друг». — «А чем докажешь?»
— «Что ни прикажешь,
Всё сделать рад».
— «Дай денег мне взаймы». — «Изволь... давай заклад».

1807

* * *

«Послушай, Секретарь,
Пиши теперь же представленье,
Чтобы Глупягину чин дали в награжденье».
— «Позвольте доложить, сударь,
Есть многие у нас его гораздо старе:
И так уж говорят...»
— «Прошу не умничать, а делать что велят:
Глупягин мастерски играет на гитаре».

1807

* * *

Я месяц в гвардии служил,
А сорок лет в отставке был.
В деревне я учил собак,
Ловил зверей, курил табак,
Наливки пил, секал крестьян,
Жил весело и умер пьян.

<1809>

К ИЗОБРАЖЕНИЮ ФЕМИДЫ

(С немецкого)

Одной рукой — весы; другою — меч держу.
Кладите — свешу я; коль мало — поражу!

1809

* * *

Под камнем сим лежит губернский предводитель.
Он был собак борзых и гончих покровитель.

1809

* * *

Остановися, гражданин!
Под камнем сим лежит российский дворянин:
Его прапрадед жизнь окончил под Полтавой.
Дед под Кистрином пал со славой,
А под Бендерами отец убит ядром.
Его ж убил... ямайский ром.

1809

* * *

Вралев наш фабулист примерный:
Нет в баснях у него искусства, пышных слов,
А сколько *простоты!* Вот в них-то совершенный
Язык скотов.

1810

* * *

Под камнем сим лежит великий генерал.
Его солдаты не забудут
И долго, долго помнить будут,
Как он их палками бивал.

1810 (?)

* * *

О, ужас! о, досада!
Гомера перевел безграмотный Глупон.
От лошади погиб несчастный Илион,
А от осла погибла Илиада.

<1812>

* * *

Прелеста овдовела —
И плачет в два ручья. Бедняжку очень жаль:
Пред смертью мужниной она купила шаль
И обновить ее, к несчастью, не успела!

1812

* * *

«Что наш больной?» — «Сегодни приобщался,
Лекарства больше не берет,
И доктор отказался».
— «Ну, слава богу! есть надежда, не умрет».

6 сентября 1814

* * *

В боях щадила смерть его:
Безвредно проходил сквозь огнь, мечи и воду;
А умер отчего?
Да только выслушал одну Вралева оду.

1814

* * *

Что на Ж<уковско>го наш Шутовской взбесился?
Ж<уковск>ий трогал ли когда-нибудь его?
А как же? Асмодей в балладах у него,
Так Комик за себя за самого вступился.

17 октября 1815

* * *

Подлон начальнику дочь отдал в услуженье;
Начальник бедную невинности лишил
И орден батюшке за то дал в награжденье.
Вот прямо орден-то он кровью заслужил!

1815

(РАЗГОВОР В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ)

«Что, есть у вас Кутузова портрет?»
— «Без рамки пять рублей». — «О деньгах слова нет...
Пожалуй кстати мне Платова, Витгенштейна,
Да их *деяния*». — «Прикажете связать?»
— «Постой... *Записки*... как? *Манштейна.*
Науку побеждать
Суворова!.. люблю его сердечно!..
Вот карту бы еще Италии я взял».
— «Вам *генеральную?*» — «Конечно:
Я не полковник, *генерал!*»

18 мая 1816

* * *

«Прочь с глаз, сударыня, ты стен должна стыдиться,
Не только что людей:
Имея мужа и детей,
Как на любовные дела могла решиться!
И с кем вошла ты в связь?
Ну на кого, скажи, меня ты променяла?
Не понимаю, чем понравился ей князь!
Ужели в городе ты лучше не сыскала?
Куда хорош собой!
Араб! косой! рябой!
И с бакенбардами! Ну точно обезьяна!
Орангутанг! — а с ног походит на Вулкана!
Сутуловат, горбат!..»
— «Ах! Папенька, да он богат!»

25 мая 1816

(РАЗГОВОР ПРИ ВХОДЕ НА ОБСЕРВАТОРИЮ)

«Швейцар! вот на! возьми билет,
Да сделай, братец, одолженье,
Скажи, куда идти?» — «Уж кончилось затменье». —
«И астроном ушел?» — «Он здесь». — «Так нужды нет!
Он по знакомству не откажет
И на просторе всё мне сызнова покажет».

30 мая 1816

* * *

«Я видел вас вчера в трагедии моей.
Вам нравится она?» — «Нимало».
— «А что ж вы плакали?» — «Сказать ли? жаль мне стало,
Что дал за кресла пять рублей».

15 сентября 1816

* * *

«Когда ты, папенька, играть в банк перестанешь?»
— «Когда ты, маменька, от всех интриг отстанешь?
Отстань, и больше карт не буду в руки брать».
— «Ну, видно, век тебе, бессовестный, играть».

28 сентября 1816

* * *

Каких лишились бы прекрасных мы стихов,
Когда бы не писал Вралев!
Смеетеся? — Тут нечему смеяться:
Я правду говорю, — Вралев, конечно, глуп,
Да и полезен нам: оселок хоть и туп,
Но об него ножи острятся.

8 декабря 1816

* * *

Корнет наш Ипполит
Хоть молод, никогда без дела не бывает;
Он в карты не играет,
А с трубкой вечер весь за книгами сидит.
«Какие ж книги он читает?
Военные?» — «Зачем? ведь он еще корнет».
— «Романы?» — «Не берет романа никакого».
— «Моральные?» — «О нет!»
— «Да что ж читает он?» — «Грекура и Баркова».

<1817>

* * *

Всю проповедь отца Тарасия хоть кинь;
Одно лишь слово в ней понравилось: *аминь*.

1817

* * *

Не верят, что Хвастон
Имеет место на Парнасе. —
Там нет козла, так Аполлон
Хвастона держит при Пегасе.

7 января 1817

* * *

«Не знаешь ты моей печали:
Пять лет копил, берег, а у меня украли...»
— «Жалею; подлинно печаль!»
— «Все, все мои стихи». — «Жаль вора, очень жаль!»

19 марта 1817

* * *

«Ветрана по уши в тебя, брат, влюблена;
Женись-ка ты на ней: богата ведь она;
Пятьсот душ». — «Разве я взбесился!»

— «А что? небось стара? Ей, правда, пятьдесят».
— «Напротив, молода: когда бы шестьдесят
Ей было, право бы женился».

15 мая 1817

* * *

«Наш общий друг Дамон
Сегодни застрелился...
Ты плачешь и в лице совсем переменился!»
— «Три тысячи мне должен он!»

1817

* * *

«Ну, милая, прощай: пора уж, я спешу».
— «Когда ж опять к нам в город будешь?
Уедешь ты отсель, совсем меня забудешь!»
— «Нет, имя я твое на память запишу».

1817

* * *

Все бьют у нас челом перед судьей Фомой;
А он гордее, право, папы:
Ни перед кем не скинет шляпы
И не поклонится. Вот судия *прямой!*

1817

* * *

Конечно, зол Глупон
И в злости не уступит зверю,
Эхидне, аспиду, — однако же не верю,
Что ближнего не любит он:
Племянников к чинам представил сам Глупон.

17 февраля 1818

* * *

«Всё только с книгами! Не посидит с женою!
Хотела б книгой быть — тогда бы вы, сударь,
Надеюсь, всякий день уж занимались мною».
— «Ах! если б, душенька, была ты календарь».

20 марта 1818

* * *

Я русский дворянин; родился я в Малмыже;[1]
Воспитан был в чужих краях,
И, ах!
В России кончил дни! — Но здесь мой только прах:
Душа моя — в *Париже.*

Апрель 1818

* * *

«Я слышал, не живешь ты более с женой?»
— «Терпел уж я, терпел, но наконец взбесила!
Прогнал негодную». — «Конечно, изменила?»
— «О нет, совсем не то!» — «Так, верно, нрав дурной?
Что, неуступчива она или бранчива?»
— «Ну, грех сказать: глупа, зато уж молчалива...
Да страсть проклятая!..» — «Ужли она пила?»
— «Пила поутру чай, да и детей поила,
И чашку с блюдечком разбила,
А чашка в пять рублей была!»

Май 1818

[1] Заштатный город в Вятской губернии. Пригодился для рифмы к Парижу.

* * *

«Теперь вы замужем!.. и не узнаешь вас!
Теперь уж вы на нас
Не смотрите и не глядите;
Прошло то время, как...» — «Что вы сказать хотите?
Я одинаково всегда себя вела
И так же в девушках, как замужем, жила».

1 ноября 1818

* * *

Здесь Пустельгин лежит — не так-то был умен,
А нечего сказать — учен!
Всё знал, всему учился,
Проекты сочинял, и день и ночь трудился...
Но только к делу не годился.

18 ноября 1818

* * *

«Вот на, возьми определенье;
Я ни за что его не подпишу,
А уж тебя, брат, попрошу
Мне написать — ну, знаешь, голос, мненье».
— «Что ж в этом мнении, сударь,
Прикажете сказать?» — «Из дела это видно!
Как спрашивать тебе не стыдно?
Сам должен знать: ты секретарь!»

1818

* * *

Послушаешь одних, так очень глуп Дамон;
Другие говорят: умен!
Кому же верить должно?

Не лжет ли кто-нибудь? — Никак!
Когда Дамон молчит, его счесть умным можно;
Заговорит — дурак!

19 апреля 1819

* * *

«О, цензор! о, злодей!
Не пропустил элегии моей!»
— «Как? почему?» — «Да говорит, что в ней
Находит смысл двоякий.
Ну ты читал ее; ты, братец, сам поэт;
Скажи: двусмысленна ль?» — «Вот вздор! да скажет всякий,
Что в ней и *просто смысла* нет».

15 ноября 1821

* * *

У Лицемерина жена
Черна, скверна —
Медуза, верьте мне, красавица пред нею.
Не потому ль, что так она гнусна,
Супруг зовет ее всегда *душой своею?*

15 ноября 1821

ЭПИГРАММА

Ну, исполат Фаддею!
Пример прекрасный подает!
Против отечества давно ль служил злодею,
А «Сын отечества» теперь он издает.

Ноябрь 1824

НАДПИСЬ НА ДВЕРЯХ БЫВШЕЙ МОЕЙ ПРИЕМНОЙ

Всегда и всех принять готов,
Опричь клеветников,
Наушников, льстецов и сплетниц,
Разносчиков, разносчиц
Из дома в дом пустых вестей.
Таких гостей
К себе не принимаю;
Торжественно им объявляю,
Что не приму их, не терплю;
А ежели войдут — в дверях их прищемлю.

<1830>

* * *

Бесчестен наш Змеяд, однако любит *честь*
И хочется ему повыше прочих сесть.
Ну что ж? его потешить можно
И на кол посадить давно бы, право, должно.

* * *

«Коль *теплое* дадут местечко мне, пойду».
— «Ты заслужил давно *претеплое*... в аду».

* * *

«Твои портреты очень схожи:
На лица пишешь все!» — «Нет, я пишу на рожи».

ЭЛЕГИЯ[1] НА ОТСТАВКУ гр. Д. А. Г.

В подвалах винных, в кабаках
Все вопиют: *увы и ах!*
Виц-губернаторы в слезах,
И воры все по винной части
Дрожат и ждут себе напасти.
А Взметнева такой взял страх,
Что не заглянет и в карманы.
Обрезков стер с лица румяны;
Дубенский осовел, как пьяный;
Ждет казни Мечников Евграф,
Моргает, делает гримасы —
Теперь бы взять его в паясы!
А граф, спесивый, толстый граф
Молчит и не промолвит слова,
Краснеет только и пыхтит,
Как холмогорская корова,
И сам себе так говорит:
«Пропал и ум, и аппетит!
Не знаю-с, как в такие годы
Поехать мне на теплы воды!»

Апрель 1823

НА ПЕРЕМЕЩЕНИЕ М.

Хвала, хвала тебе, Канкрин!
Хвала и лета многа!
В Сенат попал друг Сатанин;
Благодарят все бога!

[1] Так назвал И. И. Д<митриев>.

Ликуют горные и пьют,
  В церквах молебны служат;
Все Мечникова, все клянут...
  Но родственники тужат.
В отчаяньи Евграф-моргун:
  Зла делать он не может;
Молчит богопротивный лгун —
  Кривляясь, пальцы гложет.
Сенаторству свинья не рад!
  И шепчет: я *обижен,*
А как теперь им весь Сенат
  Замаран и унижен!

Восстань, великий Петр, восстань!
  Возьми забвенну палку,
Поди в Сенат, очисти дрянь,
  Дай бестолковым валку,
Схвати Евграшку за чупрун
  И об пол головою!
В окно его — и чтоб моргун
  Упал там за Невою!
И чтобы труп его лежал
  В позор без погребенья.
Кто всех теснил и обижал,
  Достоин посрамленья!

1823 или 1824

СОВЕТ НОВОМУ СЕНАТОРУ

  Покорен будь судьбе:
В Сенат от горных удалися;
А коль умен, то отравися,
Да *есть ли яд-то по тебе?*

1823 или 1824

МОЛИТВА ПИТЕЙНЫХ ЧИНОВНИКОВ

Счастливы *горные!* томились восемь лет;
Но их мучителя в Сенат уж посадили,
  А нам, *питейным,* счастья нет!

Дай бог Дубенскому попасть хотя в Совет —
Лишь нас бы от него скорей освободили.
Когда с креста был взят на небо прямо вор,
То и разбойник наш да будет контролер.

1823 или 1824

ПИСЬМО СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ САТАНЫ К ЕГО ПРЕ-ВУ Е. И. М.

Любезнейший мой друг и брат!
Тебе, конечно, очень больно,
Что ты попал в Сенат.
Пора и отдохнуть — ты послужил довольно.
Прошу покорно в ад —
А как тебе он будет рад!
Я сам, я сам в восторге буду;
Столкну прочь от себя Иуду,
На правое к себе колено посажу
И забавлять тебя чертям я прикажу.
Шешковского тебе дам с причетом в услуги,
Сестру Али-Паши в подруги,
И если приживешь ты с ней в аду детей,
То я пожалую им все права чертей.
Ну, милый мой, решися:
Осину выбери погорче, удавися
И в Тартар провалися.
Скорей, скорей же к нам!
Тебе я праздник славный дам.
Вот тут пойдут у нас пиры и ликованья!
Прости... до скорого свиданья!

1823 или 1824

ПЕСНЯ

Пусть задорный пес Фаддей
От безделья лает
На свиней и на людей,
Сзади всех кусает.

Я Фаддею не спустил,
В полынье его крестил:
Будет помнить век меня
Крестный мой сыночек.

Пусть Павлушка медный лоб
Дураков морочит,
Лжет бездельник, как холоп,
Обмануть всех хочет.

Я бесстыдного лгуна,
Вора Павла Свиньина,
За язык, в пример другим,
На сосну повесил.

1824

СЛЕНИНА ЛАВКА

У Сленина в лавке на креслах сижу;
На книги, портреты смотрю и гляжу.

Вот бард наш Державин, вот Дмитрев, Крылов!
А вот Каталани — под нею Хвостов.

Тимковского-цензора тут же портрет.
Есть даже Гераков — Измайлова ж нет!

Авось, доживу я до светлого дня!
Авось, в книжной лавке повесят меня!

Чу! чу! колокольчик в сенях зазвенел;
Хозяин с улыбкой к дверям полетел.

Кого-то к нам в лавку лукавый принес?
Не граф ли? — Нет, польский задорный наш пес!

Измайлова видя, бледнеет вдруг он,
И крестному батьке отвесил поклон.

Приходит Рылеев, Бестужев и Греч,
Язык ему надо немножко присечь.

Вот Сомов вбегает, вот входит Козлов!
А вот из Сената заехал Хвостов.

В собрании этих почтенных людей
К Измайлову речь обращает Фаддей:

«Что! сказочки нет ли какой на меня?»
— «Есть! Бойся ты сказок моих как огня,

Любезный мой крестник! Изволь, одолжу:
Три новые сказки тебе я скажу.

Кусал пес задорный большую свинью,
А я его кинул под лед в полынью.

С Поляком бездушным я бился вдвоем —
И с боя бежал он, в слезах, с фонарем.

Безграмотный ротмистр-беглец был у нас,
Судьею его посадил я в Приказ...»

Булгарин взял шляпу и вон побежал,
А то бы Измайлов еще продолжал.

1824

МОЯ ИСПОВЕДЬ К. С. М.

Кто исповедь других откроет,
Тот смертный ров себе изроет.

За множеством хлопот и дел
Два года я уж не говел.
Грехов скопилось много, много:
Не исповедывайте ж строго.

Боюсь я бога одного
И богом только чту его.
Не поклоняюся болвану
И гнуть спины пред ним не стану:
Болван хоть в золоте, но всем
Известно — глуп он, глух и нем,
Народ вокруг него толпится,

Когда ж он сверху вниз свалится,
Когда с него наряд сдерут —
Достанется болвану тут!

Нет, никогда я не божуся,
И имя божие страшуся
Порукой *всуе* призывать.
И в шутках не люблю я лгать.
Притом, цензуру помня строгу,
Где был Красовский, Бируков,
Не напишу в стихах: *ей-богу!*
И прочих запрещенных слов.
Воров бесстыдно защищая,
У трона не скажу вблизи:
«Господь меня сам разрази,
Когда мука была гнилая»,
Хотя бы вор мне был и кум.
И не придет равно мне в ум
Сказать — лоб должен быть из стали —
Тому, с кем вместе воровали:
«Как бога, вас сюда мы ждали!»
О низость! подлый интерес!
Ну бог ли это? Разве бес!

О, очень помню я субботу!
Отправлю почту и работу,
Оставлю, кину до утра.
Когда же поутру пора
Придет принесть для воскресенья
Во храме с прочими моленье —
Боюсь идти я в божий храм,
Коль проповедник буйный там.
Галиматья экспромтом льется,
Народ исподтишка смеется,
Скрываются в платках носы,
Невольно вверх стремятся плечи,
Не только склада и красы —
И смысла не бывает в речи.
Жаль, право, вчуже бедных дам:
Стоят себе потупя глазки;
Одна вздохнет, другая там,
Ах! лучше б я читал им сказки.

Досада! Стыд! И срам! И смех!
Соблазна в церкви избегаю
И редко потому бываю.
Так не на мне и этот грех.
Противу заповеди пятой,
Равно шестой, осьмой, девятой
Я никогда не согрешал:
Родителей я почитал,
Не убивал, не воровал,
Ругался только, взятки брал
(Тогда, как издавал журнал) [1]
И на врагов не клеветал.
По счастью, робким я родился
И рано же притом женился.
Пять люстров я с женою жил,
С женою милой и прекрасной,
Как добрый муж, любовник страстный,
А то б, быть может, согрешил
Против параграфа седьмого.
Полюбит кто теперь седого?
Хоть я и прозван L'art d'aimer, [2]
Крылова дружкой и Теньером;
Хоть *мил, умен* и *славен*... mais, [3]
Что я пред юным офицером?
Ma chère, il est volage et bête, [4]
Но militaire [5] и в двадцать лет!
Ах! дамам [6] нравятся не лиры,
Но с эполетами мундиры.
У статских хоть и есть шитье,
Но им плохое всё ж житье,
А эполеты, эполеты
Как много придают красы;

---

[1] Со всех издателей по экз. каждой новой книги; с дурных литераторов не книгами, а разными вещами и даже деньгами *в пользу бедных;* с дам за стихи в альбомы кошельками, снурками и только два раза поцелуями, — со старух за прозу просвирами.

[2] Искусство любить (франц.). — *Ред.*

[3] Но (франц.). — *Ред.*

[4] Моя милая, он ветреный и глупый (франц.). — *Ред.*

[5] Военный (франц.). — *Ред.*

[6] Только не всем, особенно в Архангельске. Желательно, чтобы по примеру умниц иностранок наши провинциальные дворянки любили своих мужей, детей, рукоделье, музыку и чтенье.

Притом же черные усы,
Особенно в младые леты.
Не только жен желал чужих,
Я и теперь желаю их.
Своей давно со мною нету.
Без дам нельзя же жить поэту,
Не съем я их, не укушу,
Не на век ведь себе прошу.
Кто нравится, той напишу
Стишки на память для альбома,
А нет, не увезу из дома;
Кто делает в семье раздор,
Тот хуже для меня, чем вор.
Кто ж за́ хлеб, за́ соль и за ласки
Выносит из избы весь сор,
Да выставляет на позор, —
Тот истинно достоин таски.
Люблю не только молодых,
Но даже умненьких старушек:
Приятней мне беседа их,
Чем говор суетных вертушек.
Не жалую я красоты
Без разума и доброты,
Без воспитанья, просвещенья,
Без ловкости, без обращенья.
Как снег зимою, будь бела,
Как клюква-ягода, ала,
По *Галатее* нарядися,
Как стрекоза перетянися;
Но ежели глупа, иль зла,
Или завидлива без меры —
Будь лучше хоть самой Венеры, —
Противней для меня мегеры,
Нет в сердце для такой квартеры...

Вот все, вот все мои грехи!
Скажите-ка теперь мне ваши.
Переложу я их в стихи,
Чтоб знали и потомки наши.

9—11 апреля 1829

* * *

Был негде, некогда судья высокомерный,
Лицом пречерный,
Душа ж его еще была черней,
И не было его в округе всей скверней.
Он бога не боялся
И совести не знал,
А сатане усердно поклонялся,
Где только мог, там взятки брал
И в карты воровал;
Сирот, хоть дворянин не бедный, обижал;
Где видел выгоду, как змей там изгибался.
Крестьян и грабил он, и бил,
Собак же, грех сказать, и лошадей любил.

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ДОЛГОРУКОВ

И. М. ДОЛГОРУКОВ

Князь Иван Михайлович Долгоруков родился в Москве 7 апреля 1764 года. Он принадлежал к древнему роду, происходившему от удельного князя Юрия Долгорукого. В разное время Долгорукие были в числе видных государственных деятелей России. Дед И. М. Долгорукова князь Иван Алексеевич, приближенный Петра II, трагически окончил жизнь на эшафоте.

В 1777 году И. М. Долгоруков был принят в Московский университет (по экзамену слушателем), а в июне 1778 года произведен в студенты. Его учителями в университете были выдающиеся русские ученые — профессора Аничков, Барсов, Чеботарев. Осенью 1779 года за перевод книги Мерсье «Философические сны» (перевод Долгорукова напечатан в 1780 году в типографии Н. И. Новикова, с посвящением И. И. Шувалову) он был принят в литературно-ученое общество «Вольное Российское собрание», существовавшее при университете. 16-ти лет, в 1780 году, Долгоруков окончил Московский университет и, по дворянскому обычаю, поступил на военную службу. Сперва он служил при главнокомандующем Москвы, позднее — в гвардейском Семеновском полку в Петербурге.

Гвардейская служба и артистический талант И. М. Долгорукова сделали его известным цесаревичу Павлу Петровичу.

По словам самого поэта, он начал писать стихи с 18-летнего возраста, т. е. примерно с 1782 года. Считается, что первым печатным стихотворным произведением Долгорукова являются напечатанные в 1788 году стихи «На смерть Горича», казака, убитого при взятии Очакова в 1787 году, но по некоторым данным можно говорить о том, что стихи Долгорукова печатались анонимно и ранее.

Громадный успех выпал на долю стихотворения Долгорукова «Камин в Пензе» (1795), им зачитывались и в Москве, и в Петербурге. Им заинтересовался даже известный французский поэт Делиль.

26-ти лет, в 1791 году, Долгоруков вышел в отставку в чине бригадира для определения к статским делам. Этот его поступок явился одной из причин охлаждения к нему наследника престола, будущего императора Павла I, который презирал «штатских».

С конца 1791 по 1797 год И. М. Долгоруков служит вице-губернатором в Пензе. Молодой, «либеральный» вице-губернатор, ревностно взявшийся за исполнение новых для него обязанностей, встретил противодействие со стороны старых служак, защитников рутины. К концу своего пребывания в Пензе он испытал много неприятностей и, при восшествии на престол Павла I, который смотрел на Долгорукова как на «якобинца», был «отставлен от дел». Вскоре, впрочем, он был назначен в Главную московскую соляную контору.

8 февраля 1802 года выходит указ о назначении Долгорукова губернатором во Владимир, и он находится на этом посту до 1812 года. Со свойственной ему иронией и прямотой Долгоруков так оценил свое назначение: «Звание губернатора всегда почиталось самым важным в государстве, — писал он в своей «Повести», — и, в самом деле, управлять полмиллионом душ, казалось бы, довольно мудрено, но в России правительство привыкло издавна не дорожить никем и ничем. Не требовались ни опыты, ни заслуги, и каждая должность назначалась наудачу. ...Готовился ли я быть начальником губернии? Совсем нет! .. Учиться было поздо в мои лета, недостаток требовал, чтоб я искал жалованья». К тому же губернатор-поэт, да еще сатирик, просвещенный и честный человек, был, конечно, «белой вороной» в провинции, где привыкли к губернаторам-казнокрадам, ворам. Потому И. М. Долгоруков был заранее обречен на то, чтобы рано или поздно стать жертвой интриг, несправедливостей.

В Москве в 1798 году И. М. Долгоруковым были написаны комедия «Отчаяние без печали» и опера «Любовное волшебство». Он исподволь стал подготавливать и издание своих стихов. В 1802, 1808 и 1817—1818 годах выходили его сочинения — «Бытие сердца моего». Последнее издание было посвящено воспитавшему Долгорукова Московскому университету. Интересные прозаические сочинения Долгорукова мемуарного характера «Славны бубны за горами», «Журнал путешествия из Москвы в Нижний» и «Путешествие в Киев», «Капище моего сердца» и «Повесть», в которой

дана живая картина современной ему жизни, начали появляться в печати, и то частично, лишь в 60—70-е годы XIX века.

В 1804 году Долгоруков был избран в почетные члены Московского университета, чем он чрезвычайно гордился.

С 1811 года начались служебные неприятности Долгорукова. В частном письме к министру полиции А. Д. Балашову он жаловался на Сенат, употребляя «выражения свободные». Балашов показал письмо Александру I, к этому прибавились козни и интриги, которые вели и до этого разные лица против Долгорукова, и «погибель» Долгорукова, как он говорит в своих мемуарах, «была близка». 23 марта 1812 года он получил отставку. Дело закончилось в 1816 году выговором, объявленным Долгорукову. Этот несправедливый выговор дал повод Долгорукову написать оду «Невинность».

С тех пор он жил преимущественно в Москве, иногда печатал свои стихи в журналах, и отдался своей страсти к театру, организовав у себя театр на сто мест.

Скончался Иван Михайлович Долгоруков 4 декабря 1823 года.

А. С. Пушкин в 10-й главе «Евгения Онегина» вспомнил сатирическую оду Долгорукова «Авось».

ПРИКАЗ ШВЕЙЦАРУ

Андрюшка! кинь топор! я в знать тебя пустил,
Из русских мужиков швейцаром окрестил.
Живи теперь в сенях, опрятно одевайся,
Носи большую трость и шпагой величайся;
Будь ловок, будь учтив, умей сказать ответ,
И здесь вить уж большой открылся ныне свет:
Все по уши в долгах, все знают толк в уборах,
И купчик завелся каретой на рессорах.
Лишь только кто ко мне пожалует на двор,
Ты встреть его тотчас, вступай с ним в разговор.
А что кому сказать на разный спрос придется,
Однажды навсегда инструкция дается:
Для знатных бар меня во весь день дома нет;
Приятелей зови на дружеский обед;
Купцам скажи, что я в них нужды не имею;
Попам, что и без них спастись один умею;
Приказных и судей к местам их посылай;
А нищих и сирот всегда ко мне пущай.
Я требую, чтоб ты был низок перед ними;
Жалей о их судьбе и не ругайся ими:
Пускай, увидя твой приветливый прием,
Пойдут они ко мне, уверены в моем.
Кто дряхл, кто притеснен, кто пищи не имеет,
Того согнать с двора никто да не посмеет.
Нам знатность, власть, чины цари дают на то,
Чтобы в подда́нстве их не бедствовал никто;
Чтоб люди, не страшась пить скорби чашу люту,
Блажили свой удел на каждую минуту,

И нищему велят с тем руку протянуть,
Чтоб шаг их поддержать, а не в овраг столкнуть.
Я князь не для того, чтоб чваниться породой,
Другой богат не с тем, чтоб жить согласно с модой;
На то ль иной в звездах, чтоб камней нанизать
И, к солнцу ими став, как пряником играть?
Породою своей кто выситься желает,
Благотворенью тот весь век свой посвящает;
А кто лишь знатен тем, что знатный носит сан,
Тот прах пред божеством, пред троном истукан.

Андрюшка! бойся ты сказать: теперь не время
Тому, кто терпит зол различных тяжко бремя.
Приятно ль мужику, вздыхая тяжело,
Дождаться у судьи, чтоб в спальне рассвело?
Стоять в его сенях, покамест он проснется,
Причешет паричок и кофею напьется?
Зимой мужик озяб, а летом недосуг:
Собрать он должен хлеб, скосить он должен луг.
Как нежный сын к отцу в объятия стремится,
Лобзанием его в нем сердце обновится,
Так точно и к судье поселянин бежит.
Прямой судья пример в Екатерине зрит:
Ей все часы равны, как днем, так и средь ночи,
На пользы стран ее всегда отверсты очи;
Несчастливых судьбин в ее державе нет:
Ей россы тем должны, чем должен богу свет.

У многих здесь господ, я знаю, что швейцару
Приказ дан различать четверку, цуг и пару,
Провесть иного вверх, иному отказать,
Иного за порог передней не пускать;
Однако чтоб швейцар от этого разбору
Не сделал иногда какого-нибудь вздору:
Купца не распознав, затем, что он обрит,
Не молвил бы врасплох, что барин еще спит, —
То велено уже торгующу народу
Во всяку дверь входить дать полную свободу.
Хозяина любя от искренней души,
Несут к нему наверх чай, сахар и гроши;
А сей, приемля дар тихонько в кабинете,
Благодарит богов: не худо жить на свете!

И вправду вить нельзя того грехом назвать,
Чтоб богу и царю — обоим вдруг солгать.
Присяга в старину считалась важным делом;
А ныне всё пустяк, все люди пишут мелом:
Сегодня присягнул и крест расцеловал;
Назавтра обманул, обидел и украл.
Блажен, стократ блажен, кто в бедности почтенной
Суд праведный творит на мзде не положенной,
Кто чести смыслит вес и милости предел,
Кто истину судьей своих поставил дел,
Чье имя с похвалой по стогнам раздается,
От коего нигде прискорбных слез не льется!
Вот истинный мой друг! вот я кого люблю!
С коварством никогда водиться не терплю.
И что за прибыль мне, что страх какой вельможа,
От коего подчас трещит на многих кожа,
Приедет не ко мне, а к чину моему,
Вводить в соблазны дух и ставить сеть уму?
В добре ли от меня он ищет вспоможенья?
Ах, нет! ему мое лишь нужно преступленье.
Я совестью своей не жертвую страстям
И должность покорить не смею прихотя́м;
Ходатаев снискать злодействами не жажду:
Пред всей вселенной чист, хоть в тесной нужде стражду.
Случалось мне видать — и, право, я не лгу, —
Как знатный господин, согнувшись весь в дугу,
Зывал к себе в село судей уездных кушать;
По нужде, хоть не рад, готов их вздору слушать;
Вина им реки льет, подносит тьму плодов,
И смучил целый полк французских поваров;
Про дело им свое с дово́дами толкует
И каждому в карман подарки разны су́ет,
Вся челядь вдруг ему в один вещает глас:
Хоть дело и с душком, но мы оправим вас...
Металл! ты мудрецов коверкаешь душами,
Коробишь совесть в них и движешь всех умами!
Так можно ли хотеть, чтоб на чужой алтын
Чиновник без души не городил свой тын?
Судьи, обворожась сияньем знатной славы,
Решились портить вдаль свои худые нравы,
И, правилом прияв боярские слова,

Смешали в честь ему закон и все права.
А тот же господин, я сам слыхал нередко,
За тридевять земель так потчевает едко
Тех самых, перед кем, за то, чем их язвит,
С поклонов и теперь еще спина болит.
На что же мне с такой почетной чернью знаться,
И ядом льстивых слов на что мне упиваться?
Чем выше на степень входящих я видал,
Тем больше к ним мое почтение терял.
Злодейство назовут они предрассужденьем,
На скорбь и тесноту глядят с пренебреженьем.
Как редко сердце в них займет благой предмет
Иль сроднику помочь, иль другу дать совет!
Он сам всё для себя. Разруша связь природы,
Запутался в цепях мечтательной свободы;
Все средства хороши, невинны для него,
Лишь только б удалось, желает он чего.
От гнусных дел стыда в лице его нет краски;
С женою и с детьми, с глухими даже в маске.

Андрюшка! в толк возьми, что я тебе сказал,
И рабски исполняй, что я ни приказал.
На водку за доклад просить не покушайся,
Не трися вкруг мещан, с купцами не якшайся;
Будь попросту холоп. Не мысли никогда,
Кого бы в кабинет пустить ко мне когда:
Проситель ни в какой мне час не помешает,
Он, нужду объяснив, немедля отъезжает.
А в гости никого к себе я не зову,
Не чванства ради здесь — по должности живу.
Зачем ко мне придет охотник до попойки?
Что делать и тому, кто век сидит на двойке?
Зачем того ко мне нелегка понесет,
Кто всякий дрязг и вздор из дому в дом несет,
Кто, скромности презря любезнейши уставы,
Как аспид злой, мутит сердца и портит нравы?
Сих качеств человек соскучится со мной.
Беседу всяк на вкус прииискивает свой.

Довольно мира я пленялся суетою,
Довольно миру я давал играть собою;
Хочу отныне впредь я жить уединен,

На ба́лы торопя́сь, я меньше был блажен,
Чем ныне в те часы, в те сладкие минуты,
Когда, скорбящих душ унявши вздохи люты,
Окончив тяжкий срок рекрутских злых часов,
Домой я прихожу свободен от трудов
И, бросившись к жене, стократ ее лобзаю,
А деток вкруг ее и тешу, и ласкаю.
О сладкая стократ замена тем пирам,
На коих я бывал не рад и жизни сам!
С почтением внимал несвязную беседу,
Желая поскорей узреть конец обеду;
Что в мысли мне вошло, сказать не мог никак,
Коль не был я готов кричать со всеми: так.
Что счастием зовем, то разно все толкуют,
И часто на судьбу напрасно негодуют.
Я в добродетели блаженство полагал;
Я в ней его ищу, и в ней всегда искал.

Довольно!.. Но уже... какая-то карета
Приехала на двор, и ждет слуга ответа;
Поди и поступай, как я тебе велел.
Мой жребий кабинет, а сени — твой удел.

1793

ПАРФЕНУ

Парфен! напрасно ты вздыхаешь
О том, что должен жить в степи,
Где с горя, с скуки изнываешь.
Ты беден — следственно, терпи.

Блаженство даром достается
Таким, как ты, на небеси;
А здесь с поклону всё дается.
Ты беден — следственно, проси.

Коль барин на смех поднимает,
Вменяй то в честь и не ропщи;
Тобой он тешиться желает.
Ты беден — следственно, молчи.

Не смей отнюдь тем обижаться,
Что некогда ему тобой
В своей уборной заниматься,
Ты беден — так в сенях постой.

Иной шага́ не переступит,
С софы не тронется своей,
А сходно всё достанет, купит.
Ты беден — бегай и потей.

О бедность! горько жить с тобою!
Нельзя и чувствам воли дать.
Я, рассуждая сам с собою,
Не мог вовек того понять,

Как могут люди быть такие,
У коих множество всего,
И в том же свете есть другие,
У коих вовсе ничего.

Иной в прекраснейшей палате
Дает вседневный пир друзьям;
А рядом с ним в подземной хате
Другой не ест по целым дням.

Богач теряет десятину,
И все кричат: «Какой урон!»
А бедный выронит полтину —
И никому не жалок он.

Обижен сильный — шум, тревога;
Обижен сирый — быть должно!
Иль в области всесильна бога
Парфен и Крез не всё равно?

Ужли различны всем на свете
Удел судьбы, природы дар!
Иным все радости в предмете,
Другим, что шаг — то и удар.

Ах, нет! нельзя, чтоб провиденье,
Создав меня, тебя, его,

Пролило всё благотворенье
Из нас из трех на одного.

Равно нас матери утроба,
Равно и носит, и родит;
И всем, в свой час открыв дверь гроба,
Равно нас смерть туда валит.

За что ж? — Опять позабываешь,
Что ты не должен рассуждать,
Ко всем вопросы посылаешь;
А знал бы ты, Парфен, — молчать.

Терпи свое тихонько горе,
И знай, что наша жизнь была
И будет впредь такое море,
В котором гадов несть числа.

Рассудком тщетно ты хлопочешь
Предрассужденье одолеть;
И если волею не хочешь,
Насильно будешь же терпеть.

Так верь ты мне, Парфен! держися
Пословицы казачьих стран;
По их системе жить учися:
Терпи — и будешь атаман.

<1794>, <1802>

КАМИН В ПЕНЗЕ

Камин, товарищ мой любезный!
Куда как я тебя люблю!
С тобою в сей юдоли слезной
Заботы все свои делю.
Когда природа умирает,
Когда нас осень запирает
В темницу скучных наших стен,
Тогда, как лист, и я желтею,
К огню прибежище имею,
Играю с ним, уединен.

Хотя без всякого убранства
Из камней грубых ты сложен,
Не монументом гордым чванства
В моем углу ты быть сужден;
Тебя не мрамор одевает,
Не стали луч в тебе сияет,
Не грань хрустальная блестит;
Приятство ломкого фарфора
Толпы невежд не тешит взора, —
Зато ты греешь, тот давит.

Как ночь войдет ко мне в окошко
И дня прогонит белый свет,
Внесут ко мне дровец лукошко:
В моем быту затеев нет;
Вельможам я не подражаю,
На кораблях не добываю
Ни знатных угольев, ни дул;
Дубовыми топлю дровами
Своими попросту руками,
И сам расклал, и сам раздул.

Пока еще не разгорится
Костер моих дешевых дров,
Мой взор с приятностью дивится,
Смотря на быстрый бег дымов,
Смотря, как искра искру тронет,
Как, иссыхая, влага стонет
И место пламени дает;
Огонь все поры распирает,
Дрова трещат, а он пылает,
И что ни встретит, мигом жжет.

Один впотьмах, нога на ножку,
Я в креслах нежусь у огня;
То сон вкушаю понемножку,
То мысль к мечтам зовет меня:
Высоки замки шпански строю,
Стада рабов зрю пред собою,
Готовых манию внимать;
Вселенну всю межую взглядом;

Царей даю смятенным градом,
Гоню морей пределы вспять.

Или, наскучивши войною,
С досад далеко бросив шлем,
Гонясь за новой суетою,
Спешу в мечтании моем
Судей, корыстью обольщенных,
Судейских чучел изумленных
Поганы гнезда разорить,
Злых ябед жало притупляя,
Злодейства капища сжигая,
Во храм свят правды обратить.

Или, намыкавшись по свету,
Наделав пропасть славных дел,
Опять к любезному предмету
Несу убогий свой удел:
Камин поленьями питаю,
Все думы в кучу созываю
И, грезы сонные прогнав,
Влекусь ко сладку размышленью,
Плету хвалы уединенью,
Мирских сует тщету познав.

«Чего ты хочешь, горделивый, —
Вещаю мысленно к себе, —
Ко счастью муж несправедливый?
Чего недостает тебе?
Ты хлеб свой с прихотью съедаешь,
Жену прекрасную лобзаешь,
Детей любезных тормошишь;
Ты млад и незнаком с недугом;
От стужи печь к твоим услугам,
И в неге, сколько хочешь, спишь.

Ты всуе молишь провиденье,
Чтобы, как Крез, ты был богат;
Сребро и злато — обольщенье:
Бедняк покойнее стократ.
Кто мер желаниям не ставит,
Тот, сколько золота ни сплавит,

Всё будет беден перед тем,
Кто, по прибаске русской, ножки
Тянуть умеет по одежке
И медный грош ценит рублем.

Напрасно и о том скучаешь,
Что не живешь в ином краю;
Неужли ты воображаешь,
Что Лондон и Париж в раю?
Ах, нет! во все года и веки
Везде те ж были человеки. —
Бог миру дал всё пополам;
Нигде нет ясного блаженства,
Нигде нет благ всех совершенства:
Есть смеху час, есть час слезам».

Так думу думал и, вздыхая,
Воображал наш краткий век;
С собой беседу продолжая,
«Не прах ли, — мнил я, — человек?
Постигнет и его кончина
Так точно, как среди камина
Теперь огонь щепы́ палит.
Вчера сей дуб был знатен, славен,
В лесу ни с чем он не был равен;
Сегодни — срублен, и горит.

Колико мы ни нарохтимся
Один другого выше стать,
Напрасно, право, суетимся;
Хоть титло в лист, а умирать!
Рожденья миг есть шаг к могиле.
Нельзя противиться нам силе
Законов вечных естества;
Конца достигнет вся вселенна,
И скот, и тварь одушевленна
В свой час лишатся существа».

И так-то бре́дя в кабинете
Меж многих мертвых мудрецов,
Я прогонял на белом свете
Тоску осенних вечеров;

То рубль один мильоном множил,
То всю Сибирь на фраках прожил,
То пир Лукуллиев давал;
Иль философии стезею,
Простясь с гостившею душею,
Червей в могиле ожидал.

Камин! к тебе я обращаюсь!
Ты в скуке мне великий друг!
Коль в мрачну думу углубляюсь,
Ты всю ее разгонишь вдруг;
Ума и сердца заблужденья,
Страстей жестокие волненья
На память тотчас мне явишь;
Чего напомнить не умеешь!
Со всяким вздором вмиг поспеешь,
Чело улыбкою даришь.

Какое множество ласкательств
Тебе я в жертву приносил!
Любовных клятв и отрицательств
Тебе стопами я дарил;
Нередко шитые жилеты,
Колечки, перстни, силуэты
С лучиной вместе зажигал,
Огонь физический с моральным,
В угоду случаям печальным,
Со всякой скромностью венчал.

О сердца сладкие обманы!
Что может с вами быть равно?
Не вы спокойствия тираны;
Вам царство радостей дано.
Стократ благословенны годы,
В которы красоты природы
Влюбляют снова каждый день!
Всё в мире лживо нас пленяет.
Где ж правда? — В небе обитает;
Внизу ее лишь только тень.

Учитесь, смертные! учитесь
Во всем средину познавать,
И, буи, мира умудритесь!

Чего бог не дал, где же взять?
Кто свет таким, как есть он, создал,
Кто всем из нас свой жребий роздал,
Пред тем винися всяка тварь.
Во всем на власть его надеюсь,
А между тем сижу и греюсь;
Камин мой двор, при нем я царь.

Я вижу часто, как родится
От искры пламенной пожар;
Не так ли царств судьба вертится?
Горит война от мелких свар.
Но там камины зло калятся,
И сплошь дрова так разгорятся,
Что не зальет морской кувшин;
А здесь воды, чуть жарко станет,
Графина одного достанет:
Спросил да влил — погас камин.

1794 или 1795

ПАРАШЕ

Я был в гостях у Селимены,
Прекрасный видел там боскет,
В диване зе́ркальные стены,
В гостиной розовый паркет.

В который край ни оглянуся —
Красно, богато и светло!
Чего рукой ни дотрону́ся —
Всё бархат, мрамор иль стекло!

Во изумленьи любовался
При Селимене там на всё,
Умом своим ей посужался,
Но сердце прятал от нее.

Рекою льются там шарады,
В большом почтеньи каламбур;

Стихи терзают без пощады,
А в лампах светит petit-jour.[1]

Хозяйка по́ходя смеется
Всегда на чей-нибудь да счет;
Друзьям нередко достается,
Какой в семье вести расчет.

Словца без умыслу не скажет;
Глазам великий недосуг;
С надменностию тонкой кажет
Свои алмазы и жемчуг.

Она нередко пустошь мелет
Про тех, кого бежит обнять;
По-русски молвить: мягко стелет,
Да жестко, сказывают, спать.

Иному даст такую зо́рю,
Что кровь приводит всю в игру.
Остра, бойка — я и не спорю;
Да только мне не по нутру.

Меня, спасибо, там ласкали
Хозяйка, гости, вся семья,
Вперед почаще приглашали;
Но вряд опять вернусь ли я.

От них, лишь только всё уселось,
Поехал к Пашеньке сидеть:
Мне сердцем жить в тот день хотелось,
А не на золото глядеть.

Хоть бедных комнаток Параши
Не злата рядит красота,
Но, ах! они чертогов краше:
В них дружба, честь и простота.

Не сыщешь тут хрустальных вздоров,
Ни шума праздничных забав,
Не застят солнце тьмой уборов;
Всё дрянь — да что-то всё на нрав.

[1] Слабый свет (франц.). — *Ред.*

Натура жизнь дала,
а страсти воспитали.

Здесь в мыслях полная свобода:
Хотя проврешься — не беда;
И на чужом дворе народа
Никто не тронет никогда.

Гостей не стая к ней валится;
Пять-шесть персон — беседа вся.
Никто, вспотевши, ни чинится;
Все тут родня, все тут друзья!

Хозяйка суясь не хлопочет:
Есть креслы — сядь, не хочешь — стой;
Кому смешно — пускай хохочет;
Кто любит петь — пожалуй, пой.

Она свое пригожство знает,
Но так им мало дорожит,
Что даже часто забывает,
Где зеркало ее стоит.

А Селимена... (ах! как стыдно!..)
С трюмо почти не спустит глаз;
И как ни кроется, но видно,
Что в день сойдется с ним сто раз.

Что я красою понимаю,
Что я зову любезной быть,
В тебе то, Пашенька, встречаю;
Другим дано лишь только слыть.

Твоим подобьем Стерн пленялся;
Его Элиза такова;
В тебе (он сам бы в том признался)
Она родилась сызнова.

Мое сравнение не ложно:
В твоем углу небесный рай;
В нем горя чувствовать не можно,
И скука сердца не замай.

Любовь прямая без примера,
Не знаема вселенной всей,

С тобой лишь только не химера;
Она в душе живет твоей.

Она-то общество пленяет,
В котором дни свои ведешь,
Она всечасно посещает
Тот дом простой, где ты живешь.

Жеманства маскою дурною
Ты прочь ее не отразишь,
Молвы боязнию пустою
Ты дружбы нежной не страшишь.

Живи рассудка под законом,
Богатых не ревнуй судьбе;
К богатым придут все с поклоном,
А с сердцем бросятся к тебе.

И так я с ней залепетался,
Что на часы когда взглянул,
Ахти, полночь! — домой помчался.
Путем-дорогой так смекнул:

Парашу вечно не забуду!
Мила мне будет навсегда!
К ней всякий вечер ездить буду,
А к Селимене — никогда.

<1798>

АВОСЬ

Хочу стихи писать от скуки,
От скуки, точно для себя, —
Беру перо теперь я в руки,
О ближний мой! не для тебя.
Да что писать? Ей-ей, не знаю!
Предметов много я встречаю,
Но было писано про всё;
За мысль чужую ухватиться,
По мне, так это не годится:
Нет! — лучше выдумать свое.

Любовь! тебя во всех возможных
Наречиях стихотворят;
Богов и истинных, и ложных
Давно уж рифмами дарят;
Давно псалтирь в них наряжали,
Царям как пар их поддавали;
Что знатный пан, то акростих!
Безделки, реченьки, камины,
Измену Лизы, верность Нины
И Феклу кто-то впрятал в стих.

С чего ж начать свою мне оду,
Покамест жар мой не простыл,
Чтобы попасться ею в моду,
Чтоб все кричали: как он мил!
С чего? — Или кто мил безмерно,
На вкусы всех тот трафил верно?
Нет, также, чаю, на авось.
Авось! — что лучше сей обновки?
Твои я стану петь уловки;
Как, браво, кстати ты пришлось!

О слово милое, простое!
Тебя в стихах я восхвалю!
Словцо ты русское прямое,
Тебя всем сердцем я люблю!
Без важных вычур, но прекрасно!
Ты кратко всякому и ясно
Свой вес почувствовать даешь.
Куда с копытом конь помчится,
Туда же рак ползком тащится;
Обоих в путь один ведешь.

Исчислить всех чудес не можно,
Какие строишь ты, авось!
Скажу — и это, чай, не ложно —
Что без тебя весь ум хоть брось.
Трудись, потей, слагая темы,
Исчерпай естества системы, —
И всё ты с места никуда;
А тот, кто за авось возьмется,

Ни думав, ни гадав, плетется,
И промах редко даст когда.

Со мной не хочешь ли поспорить,
Высокомудрый философ?
Напрасно станешь ум задорить;
На правду-матку мало слов.
Пожалуй, разводи бобами,
Слыхал я их семи веками,
Красны они лишь на письме;
А как на деле пешку сдвинуть,
К царю свою ладью придвинуть,
Так тут у всех авось в уме.

На свете мыкался я много,
Ходил, езжал и так и сяк;
Пойдешь авось — везде отлого,
Пойдешь с умом — всё буерак.
Удача, матушка ты наша!
Земля такая ныне каша,
Что без тебя всё наплевать.
Наперекор рассудку смело
Ломай, коверкай всяко дело;
Коль тут авось, всё тишь да гладь.

Не ныне, ах! во всяко время
Удача — бог была земной!
Прочтите древних книг беремя,
Давно сей сякнет ключ дрянной.
Взгляните вы на римлян, греков,
На белых, черных человеков, —
Откуда что у них взялось?
Что был бы Ромул, витязь бравый,
Сей римлян царь превеличавый,
Что был бы, если б не авось?

Коснусь ли здесь я для примера
Вина не пьющих музульман?
Взгляните там на изувера,
Алтарь низвергша христиан.
Что Магомет богохулитель,
Востока вредный обольститель?

Что Александр, весь свет пленя?
Что б были знатные герои,
Богатырей водящи строи?
Что без авось? Точь-в-точь, что я!

Колико нежных сибаритов,
Блестящих златом и сребром,
Дающих дань толпе пиитов,
Чтоб зла их тонкость звать добром?
Когда бедняк пот крови точит,
Слезами каждый грош промочит,
По лестнице тот благ летит:
«Авось взойду!» — себе вещает,
И, где не сеял, пожинает,
Что восхотел, то и творит.

А сколько тех сирен прекрасных,
Что знать бы век не довелось,
Когда бы в помыслах их страстных
Не поселилося авось?
Но в рост пустив свои приятства,
Снискали славу, честь, богатства,
Пошевеляся как-то в час.
Когда иная шить устанет,
Ценой камзола хлеб достанет
И съест, не осушая глаз.

Авось всему и всем подпора,
С ним любо и за карты сесть;
Не глядя в них, кричи знай скоро:
«Бостон!» — открыл — он тут и есть.
В беседе миленькой девчонке,
Влюбился ль кто в ее глазенки,
Скажи «люблю», скажи, не бойсь;
И верь, что нежно то словечко
Пройдет насквозь ее сердечко.
В любви премудрость вся — авось.

Вещайте, мудрецы! вещайте,
Деля на классы школьный бред!
Птенцам его преподавайте;
А тот смеется вам, кто сед.

Вы то, а свет твердит иное,
Хотя и мнится, что пустое,
Да вить его не стать учить;
Не к нам обычай применится,
А нам с ним надо согласиться:
С волками надо волчьи выть.

В глазах у матушки играя,
Ребенок иногда сшалит,
По мере лет обман слагая,
Авось она не разглядит;
Растет — тогда шалит важнее,
Всё с тою целью, хоть скромнее,
Что с рук авось-либо сойдет;
Мужает с тою же повадкой,
Питаяся надеждой сладкой,
Что он-то всех и проведет.

Сожитель женку уверяет,
Что он чужих не терпит жен;
Супруга мужа лобызает,
Твердя, что боле всех мил он;
Скупой свою шкатулу прячет;
Бродяга весь свой век маячит;
Приказный крадет что есть сил;
А всякий сам в себе смекает:
Авось никто-де не узнает,
Что я проказу сгородил.

Старик, одной ногою в гробе,
Мечтает год прожить еще;
Он, чая жизни новой в небе,
Здесь любит суеты вотще;
По склонности своей природной,
В часок, от немощи свободный,
Карабкается мыслью вверх:
Авось, дескать, я знатен буду,
И денег наживу я груду!
Меня чем лучше сей извéрг?

За что зовем того злодеем,
Кто мастер счастье добывать.

Кто случаем, как дети змеем
По ветру, смыслит управлять?
Чужое благо нас тревожит;
Но разве всяк из нас не может
Одною с ним стезей идти?
Его авось вить удается;
Поди за ним, коль не споткнется
Твоя нога на сем пути.

Авось велико, право, дело!
Он всех затеев наших руль;
Лови успех, чтоб всё кипело,
Коль в мире быть не хочешь нуль:
У всех такие ныне мысли.
По мне, меня чем хочешь числи,
Лишь был бы я здоров и сыт;
Затем ни в шахи не желаю,
И предков слов не забываю:
Закон мой — правда, бог — мой щит!

И так тебе хвалу воздавши,
Словцо языка моего!
Твои доброты описавши,
Прошу вниманья твоего!
В отечестве моем преславном,
Ни с чьим в подсолнечной не равном,
Останься друг мне навсегда!
А если я подчас рехнуся,
К тебе под крылья подобьюся,
Не посрами меня тогда!

И точно так, коль друг по моде,
Чтоб дружбу сильно мне явить,
От важных дел своих в свободе
Задумает мне яму рыть;
Но, средств на то честных не зная,
А на тебя лишь уповая,
Коль станет гнуть меня в дугу,
Ты с ним, пожалуй, не якшайся;
В овраг спихнуть его старайся,
Вступясь за верного слугу!

О, час досуга вожделенна!
Прошел, и в вечность канул ты;
С ним вместе духа восхищенна
Исчезли пылкие мечты!
Но плод сей не забвен пребудет,
В бюро моем храниться будет,
Доколе жить мне довелось!
Созрей ты там возле Камина! [1]
Его устроена судьбина;
Но ты сравнишься ль с ним?.. Авось!

<1798>

В ПОСЛЕДНЕМ ВКУСЕ ЧЕЛОВЕК

Люблю приятельску беседу,
Где нет насмешки никакой,
Где можно за столом соседу
Сказать словца два-три за свой;
Люблю я там играть, резвиться,
Где принят просто, без чинов,
Где не боюсь тем провиниться,
Что на bon mot [2] я не готов.

Бывало, дед почтенный в роде,
Когда семейный пир дает,
По чувствам сердца, не по моде,
Своих гостей к себе зовет,
Трапе́зу ставит не богату,
Вином заморским не поит,
Не штофом убирает хату,
А всякий весел там и сыт.

Там нет вестей, переговоров,
Надутый барин не шипит;
Не сеют сплетницы раздоров,
Богач над бедным не трунит.

---

[1] Сие относится к оде моей под названием «Камин».
[2] Острота (франц.). — *Ред.*

Прошли те годы, как любили
Таким манером в свете жить;
То дни златого века были,
Каких нам снова не нажить.

Тогда супруг жене был верен,
Сестру любил всем сердцем брат,
Родитель в детях был уверен,
И ближний ближнему был рад;
Но столь похвальные примеры
Не попадаются уж нам:
Другой все люди стали веры,
Себе всяк ныне строит храм.

Мы ближних и друзей не знаем;
Куда ни сунься — всё один;
Взаимны связи презираем, —
Корысть нам бог и господин.
Где есть хоть малые выгоды,
Умеем тотчас их смекнуть;
Для них чрез пропасти и воды
Безделка нам перешагнуть.

В большой, великолепной зале
Посмотришь инде — тьма людей!
Все пляшут до пота на бале,
А скука ждет всех у дверей.
Приятель друга обнимает,
Его нимало не любя;
Тот той же лаской отвечает,
И шепчет: «Черт бы взял тебя!»

Видал я часто обращенье
Обоих полов меж собой;
Их вальс приводит в восхищенье,
Мазурка[1] — рай для них земной;
Повсюду слышится всечасно:
Ах, как мила! ах, распремил!
Всё в ней божественно, прекрасно!
Гудки с двора — и жар простыл.

[1] Имена плясок, тогда употребляемых.

Мужчин ли где кружок сойдется,
Там беспорядок и содом;
Бостоном день у них начнется,
А вечер кончится вином.
Потом расценка за глазами
Пойдет порядочная всем;
В злословьи хвастают умами,
Никто не дорожит никем.

Вот так-то жить мы научились!
О предки! если б вы сюда
Хоть на минуту к нам явились,
Едва поверили б тогда,
Что ложь, обман и лицемерство
Умов отличных ныне знак;
Что честь слывет за суеверство;
Что кто не льстит, тот и дурак.

В замену древня благородства
Взгляните вы на нашу спесь,
Взгляните, чада патриотства,
Колико эгоистов здесь!
Сие угрюмое созданье —
Лукавства смертных горький плод;
За нашу хитрость в воздаянье
Возник на свете сей урод.

Ликуй, холодный себялюбец!
Твой праздник и пора теперь;
Лежи в диване, сластолюбец,
Один, как в дебри дикий зверь!
Тебя никто, никто не любит,
Хотя ты знатен и велик;
Твои дела не слава трубит,
Но купленный бродяг язык.

Когда железный прут судьбины,
Который школит смертных всех,
Пробьет на лбу твоем морщины,
Тогда болезнь уймет твой смех;
Вздохнешь, ума забыв игрушки;

Никто не повторит твой вздох;
Обняв парчовые подушки,
Тошней меня ты скажешь: «Ох!!.»

Тошней, чем я, который в свете
Тропинкой узенькой бреду,
Имея малое в предмете,
Тихонько жизнь свою веду.
Жена мне друг, она мне рада;
Детей у нас полна изба;
Вот в мире сем небес награда!
Красна простых сердец судьба!

О друг мой, мать и вождь природа!
Твои дары милей всего!
Здоровье, пища и свобода,—
Не надо больше ничего.
Пускай в златую колесницу
Другой садится, а не я;
Пускай крестьянин в поясницу
Не гнется, встретивши меня:

Мои не трогаются чувства,
Когда я Крезов светских зрю;
Стяжать мне не дано искусства,
За то творца благодарю!
А если б дал богатства много,
Когда б возвысил он мой рог,—
Сошед убожества с порога,
Я б, может быть, забыл, где бог.

Итак, ты думай как угодно,
В последнем вкусе человек!
Но мне с тобой никак не сходно
Своим на твой меняться век.
Я буду жить, как жил доселе,
Твоя пусть жизнь идет, как шла;
Когда ж не будет духа в теле,
Тогда увидим — чья взяла!..

<1798>

СПОР

«Из двух светил, что бог устроил
На освещенье тверди сей,
Луну хоть ночи он присвоил,
Но солнца мне она милей».

Так мысль свою мне изъясняла
Одна любезная жена.[1]
За солнце мне досадно стало;
Вошел я в речь — и вот она:

Луч солнца греет и питает;
Что может быть его светлей?
Он с неба в руды проникает...
«Всё так! — да мне луна милей».

Когда весной оно проглянет
И верх озолотит полей,
Всё вдруг цвести, рождаться станет...
«Всё так! — да мне луна милей».

Огнем его животворится
Вся связь вещественных вещей,
Душа стихиев веселится...
«Всё так! — да мне луна милей».

Его все твари ощущают:
И хищный зверь, и муравей;
В морях чудовища играют...
«Всё так! — да мне луна милей».

С каким желаньем тот, кто болен,
В избе своей ждет ясных дней!
Увидит солнышко — доволен...
«Всё так! — да мне луна милей».

За что ж вы так к ней пристрастились?
Позвольте, говорил, спросить:

[1] Кн. Вар. Алек. Тр.

Каким в ней свойством столь пленились?
Всему должна причина быть.

«Вы очень сильно расхвалили, —
Она сказала, — солнца свет;
Но лишь примолвить позабыли,
Что солнце жжет, а месяц нет.

Лишь свод небес им озарится,
С ним встанут суеты все вдруг,
Весь смертных род зашевелится,
Везде начнется недосуг:

Тут все заботы, попеченьи,
Житейских дел мятеж пойдет,
Умы и чувства в развлеченьи,
И всякий вне себя живет.

Когда ж луна чело подъемлет,
Тогда природа в тишине,
Как будто в утомленьи, дремлет;
Тогда и я — я вся во мне.

К ней взор мой смело простираю:
Она, как солнце, не слепит;
Живу, люблю и размышляю, —
Ничто меня не суетит.

Сложив неволи всякой бремя,
Полна я мыслию моей,
И ни в какое так я время
Души не чувствую своей.

Конечно, если бы не знали
Мы неба и земли творца,
Луну боготворить бы стали
Чувствительные все сердца».

Пришлось мне с нею согласиться
На месяц солнце променять,
Ее речами убедиться
И самому себе сказать:

Вперед не спорь, да будь умнее,
И знай, пустая голова,
Что всякой логики сильнее
Любезной женщины слова.

<1800>

Я

Ты хочешь знать меня? — Изволь, мой друг, скажу,
И с радостью тебе портрет мой покажу;
Со всем, что бог ни дал, на сцену я предстану;
Пороков убирать моих отнюдь не стану.
Так слушай же теперь, кто я, чей сын, чей внук,
И в правде слов моих поверь мне без порук.

Я мелкая кроха князей тех крупных, славных,
Из коих на Руси один во днях недавных
Великому царю велику правду рек.
Не мне чета был князь и громкий человек!
Всю жизнь свою провел в обычае угрюмом,
Отечества был столп, отцу его был другом.
Внук этого — мой дед — познал, как говорят,
Что вправду близ царя — близ смерти все стоят.
Монарх его любил, вельможи величали;
Там сослан и казнен — и поминай как звали!
Жена его с ним всё делила, так, как друг,
Милей самой себя ей был ее супруг;
Лишася в нем всего, в монахинях спасалась
И, схиму восприяв, средь Киева скончалась.
Отец мой (и того уже к себе взял бог)
Душою был богат, а счастием убог.
Моя почтенна мать тяжелый крест свой носит,
В недугах изнурясь, вседневно смерти просит.
А я Jeannot tout court [1] и гол так, как сокол,
Служа 18 лет, в четвертый класс вошел.
Жена моя добра, люблю ее как душу,
Люблю — но и подчас трясу ее как грушу.
Детей вокруг себя привел бог восемь счесть;
Но двух спросил назад, осталось только шесть.

---

[1] Только Ванюша (франц.). — *Ред.*

Творец да будет им прибежище и сила,
И что восхощет он, чтоб с ними то и было!
За ним, уверен я, ничто не пропадет:
Молитва, вздох, слеза — всё мзду свою найдет.
Доволен будь, мой друг, ты сею родословной!
Займу тебя теперь я описью подробной
Всего того, что здесь своим могу назвать.
Снаружи наперед начну я рисовать.
Натура маску мне прескверну отпустила,
А нижню челюсть так запасну припустила,
Что можно б из нее по нужде, так сказать,
В убыток не входя, другому две стачать;
Глаз пара пребольших, да под носом не вижу,
То есть я близорук, — лорнета ненавижу;
Хоть ростом никогда не буду великан,
Но в рекрутский набор и мой годится стан.
Вот всё, что мне на крест природа положила!
Увидим ниже, чем душонку снарядила.
Но вместе всё смешав, нельзя ей попенять,
Чтоб метила во мне товар лицом продать.
Родитель мой меня воспитывал как должно:
Учился я всему, чему придумать можно;
Да что-то я на всё тупенек смалу был:
Иное не далось, иное позабыл.
По мере лет моих прошел я все науки,
На разных языках мололи мне *аз, буки;*
Латынь, одну латынь — по складу, по толкам
Твердил семь битых лет, и всё по пустякам;
Что денег бог пошлет, в минуту сосчитаю,
А математики совсем, мой друг, не знаю,
И сколько мастеров ни смучил я за ней,
Дошел до дележа и в пень стал у дробей.
Учился фехтовать за дорогую цену,
И вечно попадал не в цель, а прямо в стену.
Бивал все в барабан бои до одного,
А ныне, хоть убей, не помню ничего.
В манеже три зимы меня ль не муштровали,
К езде на лошадях всемерно приучали;
Но всуе затевать, чего нет на роду:
Не только что с коня — с клячонки упаду.
Ты видишь, что я льстить нимало не намерен,
Итак, в моих словах, пожалуй, будь уверен.

Учился я всему, но был успех в том плох;
Наука в стороне, а я стал скоморох:
Пляшу, пою, резвлюсь, комедии играю,
И в знатных людях тем по нужде промышляю.
Спасибо, что хотя на что-нибудь да гож!
До сих пор мой портрет со мною очень схож;
Жаль только, что моя пропала штукатура!
Посмотрим, чем внутри снабдила мать натура.
Слыхал я от жены, что будто я умен;
Быть может, что и впрям в своем углу смышлен.
Когда о чем-нибудь я с ней перебиваю,
Скажу без хвастовства, не всё же повираю.
Да в этом вслух нельзя признаться мне никак;
А то вить скажут все: какой-ста он дурак!
Пусть буду я таков, я, право, не сержуся
За то, что в список ваш, люд умный, не гожуся.
Не чван ли я? — О нет! и если б знатен был,
За всякий бы поклон поклоном я платил.
Самолюбив ли я? — К несчастью, очень много,
И сей порок во мне хоть школят очень строго,
Но что же делать с ним, коль слаб его унять?
Во всех частях собой кто может управлять?
Я дик, тяжел и груб; но льзя ли быть иначе
С развратными людьми, с такими наипаче,
Которым, говоря о правде каждый час,
Всё бойся, как бы им не трафить камнем в глаз?
Приятно ль встретить вдруг на рыцарской ходули
Того, кто в целый век не видывал и пули?
Что хочешь говори, бичуется вся кровь,
Когда иной подлец вздымает горду бровь,
Когда сам о себе и бог весть что мечтает,
Уверить хочет всех, что звезды он хватает;
А ты, когда пред ним как подлый раб стоишь,
Внутри своей души в алтын его ценишь.
Я гибкости в себе нимало не имею,
В клубок ни перед кем свернуться не умею;
Иду своим путем, как должность мне велит,
И где споткнется ум, там совесть подкрепит.
Я вспыльчив, но во мне дух злобы не гнездится
И мщением моя душа не возгорится.
Коварствовать ни с кем не смышлю никогда,
И с чувствами язык согласен мой всегда.

Здоровьем небогат, однако же доволен,
И, слава богу! я не очень часто болен.
В герои не влечет меня мой тихий шаг;
По склонности ушел от рыцарских отваг.
Не зная, лучше что из этих двух игрушек:
Пырнуть ножом в углу иль дать туза из пушек,
По логике моей давно расположил,
Что так ли или сяк, да плохо, как убил.
Мне мамки натвердя: вон, батюшка князь, бука!
Пугнули так, что я боялся долго жу́ка;
А нынче, как уж стал немножко смышлене́й,
Так только лишь одних боюсь, мой друг, — людей,
И для того от них поодаль часто жмуся,
Из-за угла на их проказы я смеюся:
Подобно как в лесу громовою стрелой
Падет разбит в щепы́ кудрявый дуб большой,
Громадою его весь мелкий лес разится;
Что прежде защищал, то вмиг стремглав валится;
В то ж время деревцо в кустарнике глухом,
Где чуть-чуть раздались стихиев пря и гром,
От солнышка в тени, от бурь в уединеньи
Разгневанных небес не чувствует волненьи.
Природа не дала мне больше сих даров;
Весь тут, как видишь ты, и без обиняков.
Но спросишь ты меня, чем в жизни наслаждаюсь,
И в праздности какой забавой занимаюсь? —
Мой друг! от карт меня уволить я прошу,
Бостону жертвы я совсем не приношу;
За зайцем по полям с собаками гоняться —
Сим правом сильного не мастер величаться.
О женщины! лишь вас с пристрастием люблю;
За вас — для вас — по вас я многое стерплю!
Лишь взвижу где корсет — пропал душой и телом!
Не думай, чтоб шутил; нет, право, самым делом.
Каких краев и лиц я женщину ни зрю,
Готов для всякой храм, и сердцем всех дарю.
Премудрости богов, о ты, залог прекрасный,
О женщины! какой не любит вас несчастный?
При вас я и крoха́м сухого хлеба рад;
Без вас — не надо мне и мраморных палат.
Причины у всего просил я околодка,
Почто я весь не свой, как встретится красотка;

Всяк бредит свой довод, а кажется, все врут.
Что нужды, пусть меня Сердечкиным зовут;
Купиду, верь, мой друг, никто не одолеет,
И всяк из нас его по-своему лелеет.
Доколе свет стоит и смертных род живет,
От женщин нас ничто нигде не отвлечет.
Все моды проходя, одна другой менялись:
Мужчины то в шишак, то в шали наряжались.
Бывало, как изволь везде без пошлин ври;
А нынче — сядь за стол и делай de l'esprit[1].
Век на век не придет: то вдруг затеют драться,
То примутся пахать, хозяйством заниматься;
Теперь же посмотри (когда весь мир вверх дном),
Мужчина за канва, а женщина верхом...
Прости — я от моей материи отбился;
Но к слабостям людским отчасти устремился
На тот один конец, чтоб делом показать,
Что тот же вкус всегда не может нас пленять.
И так среди всего, что толь непостоянно,
Амур! хоть от тебя сердцам людским изъянно,
Амур! один лишь ты с Адамовых времен
Дань брал и будешь брать со всех земных племен.
Адам в раю один за Евою гонялся,
Потомство тем взманил, — весь свет с тех пор влюблялся,
Но с той по временам и людям разнотой,
Что все любезны быть имели способ свой.
Лет триста, например, назад тому, я чаю,
Любовник не певал: «Ах! я вас обожаю!»
Гуляфною водой распрысканный Синав
Славянским красотам не трафил бы на нрав;
Детрейше Генрих сам не так бы полюбился,
Когда бы прочь усы и в фрачек нарядился;
И также вряд теперь понравится паша,
Который, сняв чалму, проскачет антраша.
Но, впрочем, всяк свою красоточку голубит!
Владыка под венцом, мужик в отрепьях любит.
За что же одного винить в любви меня?
Желал бы посмотреть, кто ж в этом и не я?
Я думаю, что ты, мой друг нелицемерный,

[1] Щеголяй остроумием (франц.). — *Ред.*

Доволен должен быть картиною столь верной.
Прости!.. пора письмо на почту отсылать;
В Москве всему свой час, боюся опоздать.
Люби Jeannot; хоть он детина не задорный,
Но будет навсегда слуга твой всепокорный.

<1802>

КАМИН В МОСКВЕ

Еще мы лета не видали,
А уж опять зима как тут!
Морозы в комнату вогнали
И долго выйти не дадут;
Краса природы изменилась,
Завесой ночи обложилась.
Ахти, что делать? что начать?
Придвинусь к милому камину
И с ним мою тоску, кручину,
Как прежде, стану разделять.

В каких краях я ни шатался,
Велик ли, мал ли был мой дом,
В высоких замках величался,
Иль крылся внутрь своих хором, —
Камин, мой зимний благодетель,
Везде был дел моих свидетель —
По суткам с ним живал один;
Тоску, печали и досады,
Утехи, радости, отрады —
Всё мой заведовал камин.

На все судьбы людские в свете
Когда я мысленно гляжу
И у камина в кабинете
О человечестве сужу,
С трудом в моем воображеньи
О счастье общие всех мненьи
Могу я с правдой согласить.
Весь мир шумит и колобродит,
Но вместо счастья что находит?
Лишь новы способы тужить.

Цари, по самой доброй воле,
Оставя трон, бегут к ружью,
В своей толь знаменитой доле
Клянут нередко жизнь свою.
Бояра, сколько ни тучнеют,
А так же в счастии беднеют,
Как самый их последний раб.
И тот в своей огромной сфере,
И сей в землянке, иль в пещере,
Равно против напасти слаб.

Везде о счастии писали
И будут вечно толковать;
Нигде его не отыскали.
Ах! трудно счастие стяжать!
И я, мужик хоть немудреный,
Сказать то так же, как ученый,
Могу: оно в самом во мне.
Да где и как найтить? — не знаю;
В печали — наяву страдаю,
А весел — всё будто во сне.

Против страстей восставши лихо,
Чело нахмуря, как Катон,
Когда в душе его всё тихо,
Философ свой дает закон:
«На что страстям порабощаться?
Рассудку должно покоряться.
Все наши прихоти мечта;
Всё здесь, о люди! скоротечно;
Ищите в небе счастья вечно,
А мир — сует есть суета.

Коль сыт одним — на что три блюда?
Коль есть кафтан — на что их пять?
К чему потребна денег груда?
Умрешь — с собой вить их не взять.
Стесни ты нужд своих границы,
Беги в деревню из столицы,
Живи спокойно малый век,
Терпи обиду равнодушно,

Сноси печаль великодушно,
Будь выше, нежель человек».

Да сам ты что, мой поучитель?
Ты бог, иль ангел во плоти?
Глубокой мудрости рачитель!
Позволь во внутрь себя войти!
Открой не ум один, но чувства,
Вещай без всякого искусства,
Ужли таков ты вправду стал?
Я вижу — тщетно лицемеришь;
Сей проповеди сам не веришь,
И вышел ты — пустой кимвал!

О, если б люди все так жили,
Как им рассудок повелел!
Когда бы чувства тише были,
Источник крови б не кипел,
Куда бы было жить прекрасно!
Всё было б мирно, безопасно,
Любовь была б союз всех стран;
Друг друга люди бы не ели,
Ужиться меж собой умели
Француз, араб и мусульман.

О, если б — это только слово
Когда в заглавьи положу,
Одну ли землю — небо ново
Тотчас пером моим рожу.
Все царства будут изобильны,
Все люди будут равно сильны;
Нигде ни снега, ни зимы,
Цветы расти вседневно станут,
К каминам бегать перестанут, —
Совсем переродимся мы.

Ах, нет! мне жаль камина стало!
Оставим лучше всё как есть:
Того, что мне на разум вспало,
Никак не можно произвесть.
Пускай себе кружится сфера,

И пусть различная химера
Играет каждого умом!
Творец всё к лучшему устроит;
Нас ныне стужа беспокоит,
Зато не страшен летний гром.

Молву я слышу повсечасну
О свойстве добрых поселян:
Какую жизнь ведут прекрасну!
Закон природы не попран.
У них грубей, твердят мне, нравы,
Но несравненно их забавы
Простее, нежели у нас:
Друг с другом водятся в свободе,
Не пьют и не едят по моде.
Неправда! — так же, каков час.

Когда даются серенады
У вас в прекрасный летний день,
Шумят прозрачны водопады,
От зноя кроет кедров тень,
Тогда мужик коня впрягает
И плугом землю раздирает,
Или беремя дров тащит,
Или сквозь тусклые окошки,
В которы не видать ни крошки,
Зимою на метель глядит.

Жену хоть часто он целует,
Но коль обман подстережет,
Жесточе нас вознегодует
И за неверность сильно бьет.
Он мил быть хочет поневоле,
Не смысля прав над нею боле,
Как то, что венчан — петый кус. [1]
И так, как мы перед министром,

[1] Может быть, сие выражение покажется многим странно; но мне точно случилось видеть в отдаленной от Москвы деревне бабу, которая, будучи прибита мужем, на вопрос мой, любит ли она его, отвечала мне, и с некоторым сердцем: «Как же, мой батька! вить мы повенчались; он петый кус».

Так точно он перед бурмистром
Застенчив, робок — тот же трус.

Согласен я, что наши страсти
Не нарушают их покой;
Зато у них свои напасти:
Уроки, порча, домовой.
И так они в словах разбились,
Но в вещи мало отличились.
Грущу и я, грустит и он.
А что мы модой называем,
Мы точно то ж у них встречаем:
Обычай их в селе — закон.

Одно лишь умствованье наше
Влечет нас бедных разбирать,
Чья участь чьей судьбины краше,
Что лучше: ползать иль пахать.
Ах! всякий ношу свою тянет,
Вседневно в меру сил устанет,
От дроворуба до царя.
Тот мнит, что я богат и тучен,
А я, что он благополучен;
Но всё умов пустая пря!

Я тут себя не исключаю,
Подобный прочим человек;
В желаньях также убиваю
Бесплодный мой и краткий век:
Чужой ревную часто доле,
В воображаемой неволе
Кружу с досады весь мой ум;
Бываю многим недоволен;
Дни два грущу, да дней пять болен
От бури беспокойных дум.

Камин! тобой не променяюсь
На все сокровища вельмож!
Тобою часто утешаюсь,
Всегда мне мил, везде пригож.
Пускай печали неизбежны,
Но с ними смехи часто смежны.

Ты будь престол моих забав;
А книг моих с меня довольно;
От них ни тесно мне, ни больно:
Читаю то, что мне на нрав.

Когда же книгу я оставлю
И углублю в камин мой взор,
С каким веселием представлю
Различных случаев собор!
Моей всей юности картину,
Сует успехи и причину
Тотчас в уме вообразу;
На север, юг, и на столицу,
И на финляндскую границу
Как будто я теперь гляжу.

Винюсь, мой боже! пред тобою,—
Я праздно молодость убил;
Влеком обычая волною,
И день и ночь мечтам дарил.
То там, то сям я суетился,
Искать знакомства торопился
И мыслил: «Это всё заем,
Которым я кого ссужаю;
Со временем сей долг, я знаю,
Красён мне будет платежом».

Ошибся я в моем расчете,
Пропал весь труд мой ни во что,
И из людей мне на примете,
В ком я искал тогда, никто —
Не говорю благодеянье —
Ниже малейшее вниманье
Ко мне с тех пор не показал;
И коль встречать мне их случалось,
То — вероятно ль бы казалось? —
Иной меня не узнавал.

Таков сей свет, такие люди,
И сбитенщик не лжет Степан,
Конечно — что плывет, всё уди,
Что ни дадут, клади в карман.

Два слова *я* и *он* вовеки
В одно не свяжут человеки,
И вряд найдешь ли где кого,
Кто бы, соседа повстречавши,
Не мыслил, руку ему жавши:
Мне всё — другому ничего!

Пора ко нравам примениться,
Мне скоро будет сорок лет,
Пора из опытов учиться
Ценить людей, узнать сей свет.
Искать друзей есть обольщенье
И сердца суетно стремленье.
Исполнилася в наши дни
Людского равнодушья мера;
Не требуйте на то примера: [1]
Увы! — во множестве они.

В глаза друг друга все расхвалят;
Но случай лишь придет помочь,
Тотчас цены твоей умалят,
Пойдут, не молвя слова, прочь.
Умен ли кто — тот так задавит,
Что целый век тебя заставит
Об нем с слезами вспомянуть.
Дурак — тот где ни повстречает,
Каменьев пропасть накидает
И ими заградит твой путь.

А вы, которы без умолку
Чувствительностию надмясь,
Предрассудительному толку
Несете в жертву сердца связь,

---

[1] На сих днях два меня поразили. Молодой мужчина застрелился, и некоторые из приятелей его, с коими он обращался и в кругу которых почитаем был необходимым, поговоря об этом как о странном случае сутки, на другие — поехали на бал и плясали. — Умер также некто скоропостижно, и вместо кого-либо из родных или друзей, на снискание коих он лет с 60 века своего употребил, глаза ему закрыла сердобольная старая иностранка, а в гроб прибрали рабьи руки. Тут также ничья дружеская слеза на труп его не канула... Какая сильная для чувствительных сердец наука!

На что вы так дары небесны,
Любезность, ум, черты прелестны,
Употребляете во зло?
Почто над чувствами другого
Толико ваша власть сурова,
Что жить не в силу нам пришло?

От зол таких моя отрада
Единый бог — бог твари всей;
Мне ничего уже не надо:
Не жду блаженства от людей.
Стократ приятней, дома сидя,
Соблазнов света в нем не видя,
С своей семьею просто жить!
И, скромно время провождая,
Рассудку здраву угождая,
Дрова в камине шевелить!

<1802>

ВОЙНА КАМИНОВ

Собравшись с мыслями своими,
Камин я новый сочинил;
С стихотвореньями своими
Его в бюро мой положил.
Камин там прежний встрепенулся;
Он, гостя встретивши в сердцах,
Высокомерием надулся
И речь повел в таких словах:

«Куда, скажи, камин московский,
Несет нелегкая тебя?
И кстати ль в сей бюро господский
Со мною в ряд кладешь себя?
Хоть я в провинции родился,
А ты в Москве произведен,
Но сколько б сим ты ни гордился,
Со мной не можешь быть сравнен.

Ни в чем, поверь, ты мне не пара, —
Я шлюся в том на общий суд;

В тебе той связи нет, ни жара,
Какие все во мне найдут.
Ведь нам здесь в ящике с тобою
Свободно можно рассуждать,
И что мы молвим меж собою,
Того никто не будет знать.

Пускай того ж отца мы дети;
Но ах! какая разнота!
Давно мой вес поставлен в свете,
Ты мне лишь именем чета.
По мне отец мой стал известен;
В печати два раза́ я был.
Суди, колико рок мой лестен:
Меня француз переводил!

Ты всё в черне на свете видишь,
А я и черное белю;
Ты с желчью смертных ненавидишь,
А я всем сердцем их люблю;
Ты путь ко счастию теряешь,
А я по нем иду всегда;
Везде коварство ты встречаешь,
А я напротив — никогда.

Напрасно мой отец старался
Дитя такое произвесть;
Пускай бы тех детей держался,
От коих он приемлет честь.
Себя, меня, «Авось», «Глафиру»
И «Эгоиста» написав,
Он должен был оставить лиру
И не искать над нею прав.

Когда ж в несносной нашей доле
Пришел его паденья час,
Не мучь по крайней мере боле
Своим присутствием ты нас!
С тебя здесь ящиков довольно;
Переберись из них в любой:
Но, право, нам ужасно больно
В одном быть обществе с тобой!»

Камин московский догадался,
Что с самохвалом труден спор;
Он очень скромно отмолчался
И презрел весь его задор.
А я, чрез то познав упадок
Моих во стихотворстве сил,
Дабы всё в должный ввесть порядок,
Тотчас их порознь разложил,

И сам себе на замечанье
Сей случай без досады взял:
Когда я сделал завещанье,
Из рук перо почти бросал,
Так уже подлинно напрасно
За новой рифмой я летел;
Во всяком случае опасно
Забыть способностей предел!

Итак, не буду я стремиться
Из точки выскочить моей,
Дабы до смерти не убиться,
Не стать посмешищем людей;
Но впредь, трудом умов полезных
Любя свой разум занимать,
В воспоминаниях любезных
Дни сладки стану провождать.

<1802>

ПИР

Ah! il n'est point de fête
Quand le coeur n'en est pas.[1]

Взманил меня на днях знакомый малый вздорный
В деревню к богачу на праздник преогромный:
Там стерлядь, хвастал он, аршина в полтора,
К тому же, говорил, живого осетра
С курьером во весь дух из Волги притащили;
Вчера его при мне в садок здесь посадили;
Вина — хоть окунись — какого хочешь есть,

[1] Ах! праздник не в праздник, когда сердце не там (франц.). — *Ред.*

И, словом, лишь была б охота пить и есть,
А впрочем, всякий там найдет, чего желает;
Гостям хозяин рад, как принц их принимает.
Я слушал и молчал, смекая сам с собой:
Ни крошечки не лжив детина дорогой.
Зачем поеду я обедать в дальни гости?
Верст тридцать от Москвы ломать напрасно кости
Нет нужды никакой; а если сила в том,
Чтоб стерлядь запивать диковинным вином
И в куче разных лиц незнаемых шататься,
То, право, лучше мне в своей семье остаться.
Дворянский наш базар меня уж не дивит,
А кашею крутой я также буду сыт.
Но вдруг поехать с ним мне что-то рассудилось,
Иль пуще оттого, что мне в тот день сгрустилось.
«Решился, так и быть, поедем!» — я сказал,
И цугом заложить коляску приказал.
Пока мой экипаж к походу снаряжался
И Колобов,[1] как бес, по всем избáм прощался
(У всякого своя приманка в свете есть:
Любовь не всё одну боярску холит честь,
Не всё она к одной прекрасной тянет роже;
Бродяга часто в ней поспорит и вельможе.
А что до красоты, то свет давно пустил
Пословицу в Руси: не по хорошу мил,
А по милу хорош) — итак, пока впрягали,
Нам просто, без затей позавтракать собрали;
Мы, съевши хлеба край, хлебнули молочка.
Прекрасен был тот день — ни туч, ни облачка;
Посовестившись брать с собой в дорогу книжку,
От голоду в запас взял вяземску коврижку.
Не рифму здесь хочу для книжки прибирать —
Нет, истинно люблю я пряники жевать.
Меж тем уже в подъезд коляску подвозили;
Мы прыг в нее тотчас — тряхнули — покатили
Без цели тридцать верст скакать, бог весть зачем.
Едва ль, опричь меня, случалось это с кем!

Ах! если б я умел здесь живо и прекрасно
Пером то написать, что мне молол всечасно

[1] Слуга мой.

Товарищ на пути... уверен бы я был,
Что повестью такой и мертвых рассмешил.
Лишь сел и закричал: «Пошел! Как тихо едем!
Мы эдак никогда до места не доедем».
— «Помилуй! пять минут лишь только со двора».
— «Какое пять минут! часа уж с полтора.
Фу! что за пекла здесь! нет мочи — задушился!
Вели спустить хоть верх». — «Ты очень зашалился».
— «Пожалуй, прикажи!» Слуга лишь соскочил —
«Постой, постой!» — «Что там?» — «Я тросточку
забыл».
— «Неужто нам за ней турить домой лакея?»
— «Добро, уж так и быть — пошел, да поскорея».
Отъехали сажень: «Ай! ай! вон косогор, —
Коляска на боку». — «Пустое, братец, вздор!»
Вот так-то он блажил, а я всё с ним чинился.
Наскучил мне сумбур, и я за ум хватился:
Не слушал ничего, что далее ни врал.
Ах, боже мой! как он меня тогда залгал!
Вестей не есть конца — всего и всех коснулся;
Скакали три часа, хоть в слове бы запнулся;
Да пуще-то всего он тем мне надоел,
Что сряду двух минут в покое не сидел:
Как живчик, — то и знай в коляске он вертится;
Вдруг крикнет: «Ну, пошел!», вдруг: «Дай
остановиться!»
Там кочка, сям бугор — «ой! вывалят тотчас»;
Подъедем ли к реке — «прости, уходят нас!»
Я только что спрошу, когда заколобродит:
«Да часто ль на тебя такая дрянь находит?»
Как стали мы к селу верст на пять подъезжать,
«Постойте!» — закричал. — «Когда теперь стоять!
Что там бог дал еще?» — «Вон в роще незабудка;
Сорви ее, слуга!» — «И! полно, что за шутка!
Не слушайтесь его!» — я людям закричал,
И кое-как в село к обеду прискакал.

Оправились, взошли. — В прекраснейшем строеньи
Художества везде находим превращеньи.
Хозяин из-за карт à bras ouverts [1] бежит;
Хозяйка на софе разнежившись лежит.

[1] С распростертыми объятиями (франц.). — *Ред.*

Французских слова два она нам отпустила;
Товарищ мой тотчас: «Ах! как у вас всё мило!
Мы видим возле вас Олимп среди полей».
И подлинно тогда набег к ним был гостей:
Иной кричит «бостон», иной «сампрандру» просит;
Тот песенку поет, другой стихи подносит;
Французов, немчуры — бесчисленный народ,
По всем углам торчит иноплеменный сброд.
Товарищ мой ко всем с приветством подбегает;
Иного руку жмет, другого обнимает.
Девиц прекрасных строй, любезных женщин тьма,
И было б, может быть, с чего сойтить с ума;
Но, к счастью моему, ум дома я оставил,
А сердце на житье к Раиде я отправил,
И тут среди гостей вздохнул об ней тогда:
С ней розно не могу быть весел никогда.
Пошедши на балкон окинуть глазом виды,
Нечаянно нашел в диване Аониды,
Раскрыл — мой первый взор Парашу повстречал:
Под именем ее тебя тогда мечтал.
Раида! не страшись в приязни ты измены:
Все пали пред тобой Параши, Селимены.
Друг дома между тем, гляжу, ко мне катит
И двух в поддачу нам бостонщиков тащит.
Но двери настежь в зал — когда ж играть садиться?
Народ и повалил — давно всем стерлядь снится.
Кувертов я у них без мала со сто счел:
Какой огромный дом! какой богатый стол!
Покоем пребольшим хотя он был поставлен,
При всем том их сервиз не мог быть весь уставлен.
Я под бок к своему товарищу подсел.
Во весь обед звук труб и бой литавр гремел.
И рыбы, и мясá, и всякие приправы
Для пищи животам и зренья для забавы
На блюдах в два ряда носили вкруг стола;
А стерлядь всем сама хозяйка раздала.
От пращуров у них посуда та осталась,
В ломбардных кладовых доселе не валялась.
Откуда ни возьми на пробу и на вес,
Добра со всех сторон, и лишних нет примес.
Попутчик мой везде глазами восхищался,
Как самый тонкий пух, на воздух подымался;

А я молчал, как пень, и крепко лишь тужил,
Что так некстати тут я целый день убил.
Покушавши, когда немножко толще стали,
Друг к другу наклонясь, как мухи зажужжали;
Час от часу потом и громче, и сильней
Гость каждый речь свою запел, как соловей;
Иной, схватя пирог, в две щеки утирает
И думает, что он *Моро́* на штык сажает;
Индеичье крыло терзая там другой,
Рассказывает всем про *Макдональдов* бой;
Над жирной ветчиной уездный Бушма преет
И крайне о долгах дворянских сожалеет;
Потягивая пунш, беззубых двое тут
Грустят, что скоро дни последние придут;
Никто ни с кем ни в чем не хочет быть согласным,
А всякий свой дово́д считает распрекрасным.
Хозяин, чтобы вдруг все мысли согласить,
Спросил большой покал — и ну здоровье пить.
Он наше, мы его пока шампанским пили,
По ноте *много лет* нам певчие сулили.
Потом со всех сторон пошли десерт таскать.
Всего, что было тут, нельзя пересказать.
Желая истощить всей неги услажденья
И самых тонких чувств растрогать в нас движенья,
На арфе двух певиц заставили играть
И нежны голоса со звуком струн сливать.
Хозяйка между тем жеманяся непутно,
Болтала всякий вздор французский поминутно;
Девицы про себя: «Ты знаешь, chez Pierrsohn [1]
Препропасть навезли bonnets à la Nelson. [2]
И вот уж — быть нельзя — тотчас ведь спорить стала;
А я вчера за ним нарочно заезжала».
— «Поеду же и я». — «Сегодни уж когда?»
— «Так завтра». — «А как всё раскупят — вот беда!»
— «Какая здесь corvée! [3] терпенья не достанет,
Нет! маменька меня вперед уж не заманит».
А маменька в ушко соседке: «Ах! мой свет!
Взгляни-ка, — шепчет ей, — не смялся ль мой корнет?»

---

[1] У Пьерсон (франц.). — *Ред.*
[2] Чепчики а-ля́ Нельсон (франц.). — *Ред.*
[3] Тяжелая повинность (франц.). — *Ред.*

Чад винный между тем объявши все утробы,
Тронулись страсти в нас, вскипел в устах яд злобы.
Мой хватик дал сигнал, возвыся первый тон;
Исчезли речи все — стал слышен рев и стон.
Хозяйка «Ah! j'ai peur!»[1] — взвизжала и умчалась,
За нею дам толпа в минуту разбежалась, —
И тут-то начался порядочный содом,
А люди то и знай, что всех поят вином.
В ином углу дрались, в ином еще бранились;
Кой где гостей уж нет — давно под стол свалились.
За женщинами вслед и я было урыл;
Да пьяный мой сосед за фалду ухватил:
«Постой! после стола спектакль нам покажут».
Какой тебе спектакль: уж в лыко все не вяжут.
Под эту речь *Мортивр*,[2] проснувшися со сна,
Дворецкому кричит: «Дай сладкого вина!»
Пристали все рабы, с попырок у рту пена;
Да пьяным, говорят, и море по колена.
Не ведаю, как я непьяный уцелел.
Мой хватик, нагрузясь, едва уже сидел.
По рюмке поднесли еще нам дрей-мадеры, —
Тут новые у всех родилися химеры:
Кто в шахи захотел, кто в знатны господа,
Кто хочет миллион иметь рублей всегда,
Иной стрельнул в Мадрид с испанцами подраться,
Другой готов весь век с соседями тягаться,
Тот весь индийский скарб в баул свой положил,
А этот в свой чулан сераль перетащил:
Что разум, то расчет, что сердце, то желаньи.
Хозяин, посреди сих пьяных восклицаний,
Ко мне оборотясь: «А вы, гость дорогой!
Чего б хотелось вам?» — «Домой, сударь, домой», —
Ответствовал ему я очень равнодушно.
— «Так рано!» — «Да мне здесь, помилуй бог,
как скучно!»
Пострел мой унимать: «Пожалуй, погоди,
На фейерверк ужо немножко погляди!
Такого, мне поверь, не видывал вовеки:
Фонтаны, бураки и пламенные реки;

---

[1] Ах! я боюсь! (франц.). — *Ред.*
[2] Имя хозяина.

С собор Успенский щит, и тысяч сто фузей».
— «Ах! полно, братец, врать! По милости твоей
Я слышал уж и так, как лжешь ты превосходно,
И далее с тобой транжирить мне несходно».
— «Так я останусь здесь». — «О! ты хоть до утра,
Пожалуй, пей и жди живого осетра,
А мне пора в Москву». — Ни с кем я не прощался;
Вскочил из-за стола, на цыпочках убрался.
Недолго на крыльце своей коляски ждал,
И в город во весь дух скакать я приказал.
Дорогой размышлял: вить есть же в свете люди,
Которы осетров хотят ловить на уды.
К Раиде прикатил, — Раиды милой взгляд
И путь мне, и обед вознаградил стократ.
Свободен от чинов, без всяких принуждений,
Блажен, когда могу ей делать угожденьи!
С ней мал и целый день, с другою длинен час
И тут я испытал уже не в первый раз,
Что где мне ни польстят к утехам разны виды,
Ах, нет! я не могу быть счастлив без Раиды!

<1802>

ВЕЗЕТ

1

Я пел *авось*, и мне сказали,
Что эта песня хороша;
Ее все взапуски читали,
И добрая моя душа,
Не зная по себе притворства,
Возмнила, будто стихотворства
Ей боги ниспослали дар...
С тех пор хоть изредка, бывало,
Стихов я писывал не мало,
Сдавал бумаге весь мой жар.

2

Теперь я стал мужик свободный,
И делать всячину досуг.

Хотя пиит не превосходный,
Но всё гожусь в семейный круг.
Поем, сосну и помараю,
Перепишу да прочитаю;
Моя цензура всё жует.
Она не смеет бить тревогу,
Затем, что дома — слава богу! —
Черезвычайно мне *везет!*

3

Блажен не тот, кому природа
Дарит ключи чужих сердец!
Не тот, кому дала порода
Права на знатность и венец!
Поверьте — всё мечта пустая...
Нередко слезы проливая,
И царь, как подданный, живет;
А только тот лишь без сомненья,
Во всем пространстве выраженья,
Совсем счастлив, — кому *везет!*

4

На что чему-нибудь учиться?
Без пользы тратить краткий век.
И звездочет подчас крушится,
Как и без смысла человек.
На свете что-то есть другое,
Непостижимое, живое,
Чего премудрость не дает,
Чего в рядах не покупают,
Ни в житницы не собирают,
Что просто мы зовем — *везет.*

5

В одном прекрасном этом слове
Сокрыт чудесный талисман...
Вседневно счастия в обнове,
Горит в алмазах истукан.

Убей, украдь, сожги, насилуй,
Невинных корчь, злодеев милуй —
Как с гор вода, всё с рук сойдет.
Любви усердной под предлогом
Тебя зовут все полубогом;
Чему дивиться тут: *везет!*

6

Кому не хочется быть знатным
На месяц, на день, на часок?
Не вечно может быть приятным
Смиренный сельский уголок.
О ком-то, помню, басня пела:[1]
Он спал, а у него сидела
Сама Фортуна в головах.
Сказать-то можно всё гладенько;
Но, стоя прямо, мудрененько
Быть в холе в царских теремах.

7

Римлян дни древние промчались,
Бояр не видно за сохой,
А мы их сказок начитались
И бредим тою же мечтой.
Народ не шлет уж ныне в поле
Просить на царство поневоле,
И Цинциннатов не видать.
Фортуны всякий иском ищет,
Пешком, верхом, на тройке рыщет;
Догнал — так и пошла писать.

8

В избах, на стогнах и во граде
Побольше значить хочет всяк.
Собой любуется в наряде
С разумным рядом и дурак.

---

[1] Сочинение Дмитриева.

Жрецы своим огромным строем
О том же мыслят пред налоем,
И даже в кельях говорят.
Не все монахи бьют поклоны,
Но часто, глядя на иконы,
В уме мирское сатанят.

9

Гостеприимства добродетель
Напрасно мы даем себе,
Корысть и страх, я сам свидетель,
Одни лишь действуют в избе.
Коль денег нет, коль нет и власти,
Среди отчаянной напасти
Вы не добьетеся нигде
Ни есть, ни пить, ниже ночлегу,
Вам клячи не впрягут в телегу
И нагло вытеснят везде.

10

Пускай бы ездили вельможи
Без важной почести своей
В одной дворянской нашей коже
Российских посмотреть затей.
Увидели бы, что без крову
Меньшую братию Христову
Во всяком смысле тормошат.
А то сатрапам лежебоким,
Иль витязю с пером высоким,
Известно дело! — кто не рад?

11

Мораль — фальшивая монета
И уничтожена давно,
Во время Ветхого Завета
Известно было уж оно, —
И Новый стар, но всё не видно,

Чтоб смыслил кто ей безобидно
Прямую таксу положить;
А на мене́ с таким товаром,
Слыхал я, ходя по базарам,
Сегодни вряд и харч нажить.

12

Осмотрим весь народ крещеный;
Везде проказами живут.
Араб, на солнышке копченый,
И замороженный якут —
С конца в конец все козни строят,
Плетут силки да ямы роют,
И князь, и граф, и барин лжет;
Но только тот умен, достоин,
Хорош, пригож, богат, покоен
И, словом, хват, — кому *везет!*

13

На это нет в законах права,
Не схватишь пушкой напролом,
Ни самым лучшим свойством нрава,
Ни твердым духом, ни умом;
Пускай одно благотворенье
Твой долг, и честь, и наслажденье.
Прекрасно! — только впрок нейдет.
Себе тем жила не устроишь,
От темной ночи не укроешь;
За малым стало! — не *везет.*

14

Другой за всё, про всё рискует
И не теряет ничего;
Колоду карт возьмет, стасует,
Ва-банк пустил! — и всё его.
Над ним не грянет гром из тучи;
При нужде вдруг червонных кучи —
И тот, и тот взаймы дает.

На чай, на бал откушать просят,
Студенты в рифмах превозносят, —
Вот то ли дело, как *везет!*

15

Везло и мне, как был моложе;
Я славно сеял, чисто жал.
Мой конь всего мне был дороже;
На царство бы не променял.
Свою сработав десятину,
Любил запахивать чужбину, —
И в землю рылся глубоко.
В загонце маленьком пушистом,
На бегуне моем рысистом,
Умел уехать далеко.

16

Везло! — Когда с подругой милой
Катался в шлюпках по Неве,
Или со всей душевной силой
Влюблялся каждый день в Москве.
Мечтами сердце восхищалось,
Кого ни встречу — мне казалось,
Что всякий внутренно хорош.
Не знал, что есть такие души,
Для коих нá море и суше
Другого бога нет — как грош!

17

Везло! — Когда в дворянску шайку
Попал театрить[1] во дворце,
С царевичем играли в свайку
Или в воланы на крыльце.
Ходил за стол его к обеду,

---

[1] Слово собственное мое, чтоб посредством его избежать целой речи: ибо слово одно «играть» не значило бы еще точно играть комедию, а это иного ничего разуметь не дает.

И на вечернюю беседу
Дверей никто не затворял.
А как женился я — то, право,
Такой был бал, огонь, забава,[1]
Каких я вечно не давал.

18

Тогда летели мы, летели,
Неслись на крыльях счастья в рай;
А ныне всё пошли метели,
На ясны дни неурожай.
Пришлось и мне сквозь огнь и воду
Стерпеть ужасную погоду;
Дух бурный перья все ошиб,
Я стал сутул, и стар, и гадок,
Везде со мною беспорядок,
Но бог взглянул — и я не сгиб.

19

Ему едину поклоняюсь
В душе и совести моей,
Его десницей ущедряюсь,
Живу, дышу и движусь ей.
Не гнев бояр — гнев божий страшен;
Не суд людской — его ужасен;
Он вьюги веет — он уймет;
Велит заре во мглу проникнуть, —
Тогда и мне удастся вскрикнуть:
«Ура, друзья мои, — *везет!*»

1813

ЧЕРТЫ СВОБОДНОГО ПИСАТЕЛЯ

Пеняешь ты, мой друг, нередко мне, что я,
Любя стихи писать, пишу их для себя,
Что нет моих трудов ни в Вестнике Европы,

[1] Свадьба моя была на Каменном острову, во дворце тогдашнего наследника, в 1787 году.

Ни в Русском их с собой никто не возит в клопы,
Меж тем как иногда, шатаясь по домам,
Оценку слышишь ты моим рукописям;
На это я скажу тотчас мою причину:
Всяк пашет по своим достаткам десятину.
По-моему, тот грех ужаснейший творит,
Который дар пера во зло употребит.
Сегодни пишут все, имея лишь в предмете
Под *фирмой* знатоков прославиться на свете,
Приятнейший талант идеи вымышлять
И рифмой звучной слог красивой одевать.
Не тот уж в наши дни, что был во дни Гомера,
Когда всему была своя пристойна мера,
Когда мораль и честь воспламеняли кровь
И движила сердца безмездная любовь;
Стихи писать теперь есть промысел торговый,
И к праздничному дню бояра все с обновой.
Что нужды для того, кто рифмы подбирал
И тоненьким пером узор свой рисовал,
Что он, чертя в уме все вымыслы возможны,
Наплел, злодею льстя, нелепицы безбожны
И красное словцо везде перепустил;
Он тем надежней путь в чертоги проложил,
Где, сидя развалясь, немолчно баснословит
Иль, стоя на часах, минуту счастья ловит.
Из трусости хвалить раскрашенное зло
Пиитов наших дней оброчное тягло.
Он славит и бранит, что к случаю пригодно,
И строчки не черкнет по совести свободно;
В неволе у властей, в неволе у себя,
Он пишет день и ночь, напрасно труд губя.
К лукавству приучен, из почести хлопочет,
Где плачет без причин, а где сквозь слез хохочет;
Во весь кадила жар болванов лик курит,
Трофеи выше звезд случайному дарит.
О бедный стихотвор! сын тьмы и заблужденья,
Водимый завсегда молвой предубежденья!
Ты злей того раба свой дар употребил,
Который, взяв талант, шед, в землю его скрыл!
Прости, что я с тобой так вольно рассуждаю!
Но скаредом того последним почитаю,
Кто, будучи рожден с способностью писать,

Высоких истин смысл народу изъяснять,
Кто, Демосфеново приобретя искусство
И добродетели ценить умея чувство,
Сквернит свое перо, топя его во лжи,
И плевелы садит на нивах чистой ржи;
Влечет прямую честь на жертву мнимой чести,
Во всякий стих кладет приправу подлой лести.
И что ж? — какой себе награды ждет за то?
Презренья! — мзды другой не даст ему никто.
Хоть труд его трубит издательская стая,
Но, скоро хвастовство и наглость примечая,
Разумный кинет муж писателя того,
Который, не щадя святого ничего,
Сегодни песнь поет хвалебную вельможе,
А завтра начертит сатиру на него же,
Соображаяся с умом французских стран,
Печатать лишь один приветливый обман,
Сказать не то, что есть. — Благовестить загадки,
Витийством выжимать с народа разны складки,
Писатель-временщик турит в печатный двор
Поутру, ввечеру подряженный свой вздор.
Возможно ли, скажи, с душою откровенной
Читать в Ведомостях, как подвиги вселенной
Иска́зит иногда французский попугай,
Пустая голова, но сладкий краснобай!
То бегство назовет попятным он движеньем,
Богатством — нищету, стон скорби — восхищеньем,
Победы посулит и там и сям, — глядишь,
Листок переверни — уж он и за Калиш[1]
Сосредоточиться во весь дух устилает,
И мер своих больших понять не дозволяет;
А если набежит фортуны час благой,
Того гляди, что он Астреин век златой
На фразах подвезет в тот мира край прелестный,
Где твари на убой недостает словесной,
Где пушки то и знай людей, как мошек, бьют
И по сту тысяч вдруг потомков к предкам шлют.
Нет! нет! не так писать пииту принадле́жит.
Хочу, чтоб он был тверд, — пусть правду чисту режет.

---

[1] Всё сие в похвалу Наполеона печаталось в иностранных листах его панегиристами.

Чем может небесам признательность явить
За то, что дали дар ему стихи творить,
Иным, как не судом строжайшим человека
В деяньях своего и времени, и века?
О случаях мирских с чего нам рассуждать?
Как внуку будет дед свой век передавать,
Когда не станут нам деяписатель верный,
Изящных книг творец, пиит нелицемерный
В прямых чертах казать достоинства людей?
Иначе как спознать, кто добр был, кто злодей?
Решительно скажу: когда бы меньше льстили,
Конечно бы добрей и лучше люди были.
Но лесть, как тать нощной, вселяется в наш дух,
Пыль бросит нам в глаза и защекóтит слух;
Пленясь под звуком лир хвалою мы негодной,
Мечтаем славы быть достойны превосходной,
Не чувствуя, что тот, кто к небу взводит нас,
Для выгоды готов и в ад свалить подчас.
По мненью моему, чем больше кто учился,
Словесности плодом с успехом насладился,
Тем должен тот сильней порок уничижать,
Во славу божества дар божий расточать,
Хвалить одно добро, с нечестием сражаться,
Невежество учить, фанатику смеяться,
И, правду предпочтя всем счастия играм,
Без трепета ее вещать самим царям.
Чего смотреть ему, что цензор не похвалит;
Тем истинный талант отнюдь он не умалит,
Когда, приноровясь к обычаям мирским,
Печатать не велит наборщикам своим
Того, что вера, честь рекла, а совесть пропустила,
И что с согласья их душа в огне чертила.
Восторгов дань пиит везде приобретет,
А в родине своей когда ж пророк живет!
Ученый муж писать обязан для вселенной
Из пользы лишь одной, для цели той священной,
Чтоб разум и сердца людские убедить
В согласьи меж собой с благоприязнью жить;
Очистив от скорлуп разврата дики нравы,
Поставить миру храм в пустынях хищной славы.
Вот истинный предмет любителя наук,
Которому соха милей, чем шлемов звук!

Он должен позабыть во бдении работы
Любостяжания широкие расчеты,
И, сидя за пером, не для того потеть,
Дабы за сладкий стих в петлицу крестик вздеть;
Из виду у него чтоб вечность не терялась,
Бессмертием идей душа бы воздымалась.
Умрем — и всё свое возьмет себе земля;
Но дух вовеки жив — его не тронет тля;
В изящных письменах залог его хранится,
Грядущи племена придут в руде сей рыться,
Чтоб черпать из нее светлее злата луч,
И солнце озарит перст мудрого из туч.
Для общества людей, к поверхности прилежных,
Запас огромный мы стихов имеем нежных.
Простительно певцу минутныя тоски,
Когда его любовь потянет за виски,
Венерою назвать ледащую калмычку
За то, что сделал он вздыхать по ней привычку;
Но клятвы на суде потомства ждут того,
Кто силы истощил искусства своего
На то, чтоб выхвалять, добра надев личину,
Моральных тяжких зол ужасную пружину.

Вот исповедь моя тебе, любезный друг!
Внимательно прочти, когда найдешь досуг;
Увидишь из нее, зачем ленив бываю,
В журналы никаких стихов не посылаю.
Писать прекрасный вздор для распрекрасных дам
Без года в пятьдесят труда себе не дам;
А дело говорить рассудок запрещает:
Не всё то хорошо, что сердце соблазняет.
Итак, пускай по мне прочтут, что я писал,
Увидят, как я жил, как чувствовал, мечтал.
Я жить хочу, люблю — и миром забавляюсь;
Но, выучен бедой, уже не домогаюсь
За острое словцо гром вызвать на себя,
От коего спаси всесильный и тебя!

1813

ТОРЖЕСТВО СОВЕСТИ

Нет краше ничего, как жить с собою в мире!
Бессовестному нет спокойства в целом мире;
Тщеславие бы как ни высило наш рог,
Всё пагубно тому, кого оставил бог, —
Вот истинный закон премудрости правдивой
И философия души благочестивой!
Рассмотрим в существе владык благую часть,
Их силу, их корысть, величество и власть.
Счастлив ли тот из них в чаду похвал народных,
Владея тьмою тем язы́ков разнородных,
Который, возгордясь удачною войной,
Все жатвы усырив кровавою росой,
Дымяся пред людьми фараонитской славой,
Изобличается от совести лукавой?
Тиха ль его заря? бестрепетен ли сон?
Послушайте в ночи его прискорбный стон.
Объятая душа змеями вероломства
И неба слыша суд, и позднего потомства,
Сквозь грезы сообща страх скрежетный ему,
Покоя не дает ни крови, ни уму;
Подобного царя в непостижимой доле
Давно ли зрели мы у галлов на престоле?
Чтоб дать сигнал бедам, народов слышать стон,
Довлело произнесть: идет Наполеон!
Не им ли бог предрек, открыв геенны бездну,
И небо медяно́, и персть земли железну?

Наружности одне лишь действуют на нас:
Богатство и престол для наших алчных глаз
Суть вывеской всегда блаженства и покоя.
Завидно титло всем надменного героя;
Молвы стоустой клик, сияние венца,
Величественный вид огромного дворца,
Ласкателей народ и гул рукоплесканья,
Поникшее чело гражданского собранья,
Толпящаяся чернь, как пчел журчащий рой,
В бесчисленных крестах оруженосный строй,
Торжественных столпов совместны солнцу своды,
Булатные мечи, сокровище свободы,
На коих вражьих ран запекшаяся кровь

Свидетельствует всем к отечеству любовь,
Жрецов поющих лик победную песнь богу,
Курящих пред вождем кадилами дорогу,
Ружейный адский залп, — звонóв раскатный рев
И гром из пушечных неутомимых чрев;
А там пиитов сонм на сладкозвучной лире,
Наречием богов дающий дань порфире;
А тут хор юных дев, сей первый дар небес,
Щедрот их к нам залог, край творческих чудес;
Всё, всё наш бедный ум к восторгам возбуждает.
Увы! кого тщета из нас не обавает?

Поставим рядом с сим источником сует
Богатство, наших душ любезнейший предмет,
Кумир, который все пути сердечны правит
И часто велий грех наверх блаженства ставит.
Богатый может всё, чего б ни захотел;
Изъятия здесь нет, — весь мир его удел;
Свободнее царей, — те дома лишь велики;
От подданных своих внимая громки клики,
Не могут иногда, по званью своему,
Стремиться в край чужой, как вздумалось кому:
Носящий сан — слуга, — а служба что? — неволя;
И царская ее не избегает доля.
Богатый — тот один владыка над собой;
Он золотом облит, как дерево корой.
Чужое — слова нет такого в лексиконе;
Дал деньги — всё его, и верно всё в законе;
Боярам — ближний друг, с монархами — за свой,
В Пекине — первый гость, в Стамбуле не чужой;
Куда ни загадал, летит без принужденья,
Везде ему пиры, везде увеселенья!
Соскучилось в Москве, не взмилился климáт —
Он в Риме! — Слышу, там кричат ему: виват!
В Париже у него все милостыни просят;
В Италии к нему ж художества приносят.
Богатому Дербент и Або за Невой,
Как просто говорят у нас, подать рукой;
Всё спеет по его малейшу произволу;
Приятен своему, любезен нежну полу.
Проснется — целый полк служителей готов;
Из уст его приказ — веление богов!

Ложится почивать в серале дев прекрасных
И дремлет тонким сном в объятьях сладострастных.
Садится ли за стол — гроздь алого вина
Сам Бахус в чашу жмет и в сердце льет до дна.
Летит ли по гостям — карета золотая,
Лакеев, гайдуков и скороходов стая;
В кивоте из стекла богатый, развалясь,
С улыбкою глядит, как брызжет всюду грязь
Из-под златых копыт шестерки Идумейской,
Ярящейся в дыбы под шорою черкесской.
Какая бы игра в театре ни была,
Все лучшие места дирекция дала;
Карету прежде всех его к крыльцу подвозят,
Все мелкие чины вокруг его елозят,
А крупные себе вменяют в знатну честь
С ним молвить слова два, хоть рядышком присесть.
Чего ему искать? о чем ему крушиться?
Не наша сухота, — всё с неба в дом валится;
А что всего милей — и истина полна:
Богатый вечно прав, безгрешен, без пятна.
На что ему стяжать моральные доброты?
Они не векселя, — не выложишь на счеты;
А с де́ньгами каких нельзя пороков сбыть,
Достоинств наклепать, талантов прикупить!
Дурак ли кто — премудр; безграмотен — всё знает;
Бесчестен — день и ночь о чести помышляет;
Безбожник, изувер — все в городе твердят,
Что нет святых мужей, коль первый он не свят;
Обманщик, езуит — журнал, однако, пишет,
Что легкое его для ближних только дышит;
Холодный сибарит — давно ли я читал,
Что в пользу бедных он комедию давал;
Он злобен, на корню от желчи черной сохнет,
И жжет, и рубит всех, и ни по ком не охнет —
Все в голос за него: какая чернота!
Все ради присягнуть, что это клевета.
Короче — в нем всё дар, изящность, превосходство!
Сомнительно ль его хоть мало благородство —
Отыщется тотчас наемный хронолог
И выведет, что он породой чуть не бог.
Богатому на что молвою дорожить?
Он может, как тиран всесветный, говорить:

Я царь и над молвой! — Облыжна или права,
Дать славу я могу; себе же сам я слава!
Послушай богачей, как вздумается им
Геройством в правоте похвастаться своим:
Я честен! — ничего не требую с народу.
О подвиг! — своего ему мильон доходу;
А рядом важный дом, наполненный всего;
Спросите только, чей? — Правителя его.
Туда на целый день вся шайка и́стцов хлынет,
Шампанское кипит, и самовар не стынет.
Я чист — нельзя сказать, чтоб лаком был к дарам;
Поверю, — всю Москву дарить ты сможешь сам.
О феникс в естестве, изнеженный сын неба!
Как сытому легко не есть чужого хлеба!
Нет, нужду, нищету и голод испытай,
А после правотой похвастаться дерзай.
Но ты ни без вины, ни по вине не страждешь,
И по уши в добре, тепло, не тощ, не жаждешь;
Души твоей не жмет ужасная тоска,
Что по миру пойдет семейство без куска;
Что, может быть, иных погонит недостаток
У псов твоих отнять и падали остаток.
Вздымайся до небес, — твой век, твоя пора!
Где бог твой, укажи? — Алмазная гора!
Нет! внешнее ничто нам счастье дать не может;
Коль совесть не чиста, и ясный день тревожит.
Бесстыдного царя кровавый видя трон,
Злодейский произвол, поправший весь закон,
Мы зрели, изумясь небес долготерпенье,
Всеобщее пред ним коленопреклоненье;
Проникнем же теперь в тот внутренний тайник,
Где, мал перед собой, пред светом кто велик!
Посмотрим, как в своих чертогах отдыхает
И в очередь свою как совесть поздравляет!
Умолк народный шум, исчез волшебный рай,
И глас ее проник: «Стань, Кесарь, отвечай!
Когда ты на престол вскарабкался бесславно,
В свидетельство меня не призывал ли явно
Пред небом и землей, что будешь справедлив,
С рассудком милосерд, по разуму правдив?
Дни счастливы даря подвластному народу,
Сулил ты охранять права его, свободу;

На истине святой укоренить свой трон
И, чужд от прихотей, блюсти один закон;
Обиженным клялся давать защиту скору,
Несчастному покров, безродному подпору;
Щедроты проливать из кроткого пера
И стражем верным быть всеобщего добра;
Дух злобы заключить в узилища жестоки,
Ошибки извинять, наказывать пороки;
Без крайности войны клялся не начинать,
Траяну всякий день в добротах подражать;
И, край свой удалив от всякия напасти,
Хотел, чтоб все твоей завидовали части.
И что ж из этих клятв явилось наконец? —
Народа своего ты бич, а не отец!
Не веря никому, лукавя осторожно,
Обманываешь всех, кого и как возможно:
Отвсюду молодежь под пушки волокут,
Все хлеб едят в слезах, захлебываясь пьют;
Нет правды на суде, ни милости у трона;
Все слышат, и никто не унимает стона;
Унылая тоска, как чемер, сердце жмет,
Игрушка никому на разум уж нейдет;
Налогами свою сварил всю землю варом,
И воздухом дышать едва ли можно даром!
И кем ты окружен? Взгляни на свой совет!
Болтают все красно, а правды слова нет.
Шпионов полон двор, на подкупы все чивы,
Доносами твои наполнены архивы;
Гражданские дела без смысла все решат;
Злодей и чист, и прав, а правый виноват;
В духовные дела мешаясь без разбора,
Главой себя нарек священного собора;
И, храмы осквернив небесного царя,
Грабительство простер до вратниц алтаря!
Меня ли обольстишь трофеями своими!
Вельможам их кажи, диви полсвета ими!
Чужие племена тебя превознесут
И титло божества в угаре поднесут;
Повсюду прослывешь вождем победоносным;
Но дома назовут владыкою несносным.
С полками на штыках быть пугалом всех стран
Способен так, как ты, — последний атаман.

Меня не примирят с тобой удачны брани,
Ни славы торжество, ни золотые дани;
Я благости одной ищу в душах людей,
А ты всегда в крови, как яростный злодей.
Гражданский царь прямой бывал ли забияка?
Быть славным алчет он, но, ах! совсем инако.
Увы! какой венец, какой чугунный щит
От совести царя в день брани защитит?
Грызение ее, всечасная тревога
Суть Тартар для владык, забыть дерзнувших бога!
Богатые! и вас, средь злата тяжких груд,
Не пощадит ее немздоприимный суд!
Мир праздники любя, за них хвалить вас будет;
Но совести упрек и в крепком сне разбудит,
Истяжет, — кто из вас как благо наживал.
Ответствуйте! — ее допросов час настал.
Вещай, кичливый сын великого героя!
На ближнего беда́х свое блаженство строя,
Не тем ли в наши дни царям подобен стал,
Что правом тяжких сил в родстве всё похищал?
В крутые времена жестокого гоненья,
Когда твою сестру, не знавшу преступленья,
Сослали без вины из красных теремов
В далеких жить снегах, в тюрьме между штыков, —
Ты дух имел лишить ее в такой напасти
В имении отца ей следующей части;
Всё мало: двух сирот ее злосчастных зря,
Анафему судьбы на целый род простря
И горькой нищете оставивши на жертву,
Сугубо в них разил родительницу мертву!
Сюда, Махиавель! По моде человек,
Отечеству служа мздоимно весь свой век,
Чем нажил, говори, огромное именье?
Сокровище твое — чужое разоренье!
Прекрасный держишь дом и нектар сладкий пьешь,
Весь город всякий раз на праздники зовешь;
Но взглянь вокруг себя, на кровы тех несчастных,
Иль временно тебе, или совсем подвластных,
Которых ты всего имущества лишил,
Иное с молотка за полцены купил;
Хозяйственно других опекою своею
Заставил навязать суму себе на шею;

Там, меру положив неправеднейшей мзде,
Ты почерком пера всё отнял на суде;
Тут нагло торговал прекрасною женою,
Здесь строил, созидал всё де́ньгою чужою.
Бледней и трепещи! — я вечно при тебе;
Приду — и обличу в какой-нибудь судьбе!
Страшись меня и ты, враг юношества скрытный,
Чужих фортун насос и зев их ненасытный,
Безжалостный игрок! Чего у тебя нет!
Откуда? Мечешь банк вот ровно сорок лет
И нагло всем твердишь: «Я всё трудами нажил».
Но меньше ль согрешил, когда ты не уважил
Долг ближнего прямой, и, лежа на тузе,
Неопытных смеясь отчаянной слезе,
В один несчастный миг решительного бедства
Лишил навек детей отцовского наследства.
Фортуна! где бы ты ни ставила престол,
Каких ни чаял благ, ни избегал я зол,
Но ежели стяжать мне жребий несравненный
Ценою совести предложат возмущенной, —
Дарами ты меня своими не прельстишь:
Хвала чужая — грязь, коль сам себя не чтишь.
Умеренный удел и скромное жилище
На родине святой, отцовом пепелище,
Где опыт научал издетства мудрым быть,
Надежды все свои на бога положить;
Где разум сатанин во мгле своей глубокой
По безднам не ведет в ров пагубы жестокой;
Где чистая душа, свободна от страстей,
Дает всему красу невинностью своей,
Там, там — оставя все теории неверны —
Ищите счастия, умы высокомерны!
Там страшен только грех, велик — небесный царь,
Там тверд его закон и свят его алтарь!
Лукавство паутин с улыбкою не вяжет,
И взора своего зла ненависть не кажет;
Там хитрость простоты с ножом не стережет,
Ни зависть острых ран, лобзая, не дает;
Там кроткая любовь, сопутница смиренья,
В полезном для других находит наслажденья:
Вот истинных отрад естественна черта;
За нею всё туман, везде лишь суета!

Мы счастия хотим, но, ах! того не знаем,
Что сами от себя пути к нему теряем!
Один душевный мир родит сие добро;
Не даст его ни меч, ни злато, ни сребро.
Правдивый никогда о внешности не тужит,
Химерами надут, полубогам не служит;
Он знает, кучу книг прочтя уединен,
Что вечно не бывал тщеславный муж блажен;
Что почести двора, чины, кресты с эмалью
Доходят иногда со всякою печалью;
Что нужды ему в том, что он в летописях
Бессмертным по себе не сделает свой прах,
Что слава не звучит повсюду в рог широкой
Ни подвигов его, ни мудрости высокой;
На что ему царя великолепный сан,
Или правленья жезл, или персидский стан;
Столь тяжки бремена равняются ли доле,
В которой он живет по доброй своей воле?
Захочет ли всю жизнь в походах погубить,
Ведя войну сто лет, мир ложный заключить?
И вновь опять лететь, схватя перун и стрелы,
Земель завоевать последние пределы?
Он, меньше суетясь, довольнее в глуши
И первым благом чтит спокойствие души.
Захочет ли, стесня свою и всех свободу,
Прихожие держать набитые народу?
Потерянный досуг — один лишь только шум;
В приветствиях пустых разбросан мелкий ум.
И этот ли трофей, которым свет гордится,
Блаженством почитать мудрец не постыдится?
Пускай его везде не ставят ни во что,
Услуг просить к нему не бегает никто,
Пускай его теснят, уничижают, давят,
Чужими иногда пороками бесславят, —
Он в правилах своих как твердый дуб стоит,
И буря зол мирских его не шевелит;
Невзгоды вынося с безропотным терпеньем,
Он брошен от людей, но взыскан провиденьем,
И, небу поручив себя на всякий час,
Под мирным кровом ждет трубы последний глас.

О совесть, верный страж и ангел наш хранитель,
Ума чистейший свет, души путеводитель,
Незлобивых венец, а злых сердец беда,
Предтеча страшного великого суда!
С тобою бог привел доныне жить бесспорно:
Блюди, да дней конец свершу я незазорно,
Чтоб телу смерть дала забвенья тихий сон,
А дух, умучен здесь, — нашел бы рай в день он! . .

1813

НЕЧТО ДЛЯ ВЕСЕЛЬЧАКОВ

Скажи, пожалуй, мне, любезный мой приятель,
Обрядов календарь и мод образователь!
Кто выдумал закон, который все так чтут
И пышным титлом здесь *приличия* зовут?
Не читывал о нем в уставах я церковных,
Ни в Правах у римлян, ни в книгах баснословных,
И думаю, что он уставлен для людей,
Наскучивших другим свободою своей.
Охотно дань платить готов связя́м сердечным,
Обязанностям всех народов вековечным,
Без коих нам нельзя между собою жить,
Ни людям, ни властям, ни небу угодить.
Позволь однако мне обычаям смеяться
И явно против тех из них вооружаться,
Которые людей без пользы тяготят
И часто старику мальчишкой быть велят!
Любить велел нам бог от чиста сердца ближних,
Покорствовать властям и миловати нижних,
Сносить свою судьбу, какая нам дана,
И совесть уберечь от всякого пятна,
Простой душою чтить родства священны узы,
На чести основать житейские союзы,
Чужого ничего себе не присвоять,
Убожество снабдить, несчастью сострадать,
И, словом, так собой управить осторожно,
Чтоб счастья в тишине достигнуть было можно.

Закон сей сколько раз и в книгах я читал,
И в школах натвердил, от батюшки слыхал;

Морали долг прямой я очень понимаю,
Совет ее ценю, восторги ощущаю,
Но что с обрядом в ней есть общего, скажи,
Коль можешь — растолкуй, коль мастер — докажи!

Я знаю тьму людей, воспитанных прекрасно,
Обширного ума, хваленых всеми гласно,
Которые проказ своих теряют счет,
А весь обрядов лист у них наперечет,
Иные же совсем обычаев не знают,
Различных сих причуд оковы низлагают,
И, чистое добро за правило приняв,
По нем кроят и мысль, и образуют нрав.

Приличие в глазах моих не что иное,
Как модных сорванцов условие пустое.
Шагни лишь чуть не так, как все они хотят,
«Не принято, беда», — тотчас и закричат.
Не принято! — Да кем? — Господь их, право, знает, —
И этот деспотизм чрезмерно досаждает.
Будь честен, добр, умен, но ежели не так
Живешь, как все, — прощай: навеки стал чудак.
Как будто, чтоб иметь отраду наслажденья,
Я мучеником быть сужден предубежденья.
Не смей надеть кафтан, таким покроем сшит,
Который в декабре от стужи защитит;
Как мальчик в двадцать лет, издрогни на диване,
И ветер пропусти сквозь десять дыр в кафтане;
Не смей купить сукна, коль любишь яркий цвет, —
Чтоб темен был твой фрак, еще темней жилет;
Чтоб ворот был похож на выкройку такого,
И будь одет на вкус совсем не свой — другого.
На бал ли позовут — не езди в семь часов;
Какая старина! — наш век уж не таков:
Старайся трафить так, чтоб, около полночи
Приехавши, торчать до бела дня сверх мочи;
А там, как повалит к заутреням народ,
Ступай назад домой, и спи хоть целый год,
Хворай, лежи, умри — знакомства не бывало,
Приехать навестить не вздумают нимало.
Общественный закон ни в чем не пророни!
Обедать в два часа — владыко сохрани!

А голод коль проймет — ему вить нет уставу, —
С бифштексом заказав хорошеньку приправу,
Тарелочку спроси, без лишних прихотей
Пожуй минут пяток да водочкой запей;
Потом, как позовут к вечерням преподобных,
В карету — и качай искать обедов сдобных;
Хоть кушай, хоть не ешь, да только не молчи,
Сентенциями плюй и в горло хохочи.
Так в свете жить большом уставщик превосходный
По конституции приказывает модной;
И боже упаси, опомнясь как-нибудь,
К забавам захотеть другой назначить путь.
Да только ли наряд иль суточное время
Такое выносить обязывают бремя;
Нет, целу жизнь хотят по-своему вертеть
И дома не дадут спокойно усидеть.
Ты как бы поскромней под крышку запереться —
Две трети года снег, вить надобно погреться, —
А наши молодцы одно свое несут:
Не принято, не так — и весь догма́т их тут;
Руби венцы насквозь, тяни во всю палату
Гостиных целый ряд, — что нужды до клима́ту!
Рук сотню вдруг заставь ударить в топоры,
Окошкам свету дай сажени полторы,
Чтоб ветер в ноябре взвывал как на пароме,
А барин бы не знал, куда деваться в доме,
В Италии-де так веками введено.
Злодеи! — там печет, там может быть оно;
А здесь, когда метель с полей траву всю сдернет,
Не только в жилах кровь — и ртуть на стенах мерзнет.
Пожалуй им толкуй; что негру рожу мыть,
Так точно их на лад другой переучить.
А более всего меня визит замучит!
Кому сей площадной обычай не наскучит!
Из края в край гоняй без пользы, без утех,
Чтоб только показать приязни вид на смех.
Не ехать — зашумят: да жить он не умеет,
Почтенья к старикам и к роду не имеет!
Хоть вовсе не люби, да лишь в заветный день
Толкнися к ним присесть на полчаса, как пень.
Или, еще того забавнее затея,
Отправь по всем домам с каретою лакея;

Он с именем твоим колоду карт возьмет,
В знак дружбы к господам — швейцарам их свезет.
За вздор готовы стать врагами человеки!
Визиту не отдай — поссоришься навеки;
При нужде бросят все, и бабушка, и дед,
Травою зарастет к твоим хоромам след.
Но смей об рождестве и на святой неделе
Кататься на горах, явиться под качели,
А к ним не завернуть — хоть не за чем, да так, —
Прощения себе не ожидай никак;
На память приведут старинное знакомство,
И предков воскресят, и разродят потомство.
За что, скажи, всем тем приязнью должен я,
Которы как-то мне случилися родня?
Будь родственник мне друг, я буду его другом,
Быть с ним не отзовусь подложным недосугом,
Копейку разделю; а это кто сказал,
Чтоб в жизни час один я попусту терял
И столько-то раз в год оказывал бы ласки
Тому, о ком слыхал от мамы вместо сказки,
Что дедушку его, когда Петр I жил,
С моим в одну купель приходский поп грузил?
Родным зову того, кто мыслит благонравно,
Во счастьи твердый друг — в несчастии подавно;
А тем отнюдь нельзя в душе согреть любовь,
Что пращуров одних смешалася в нас кровь.

Намедни на пиру, не помню где-то, званом,
Нечаянно попал я с модным истуканом;
На этот же предмет он много говорил,
Ел плотно ветчину, прилежно пиво пил,
Да хвастался еще, что может по-французски
Свободней говорить гораздо, чем по-русски;
Охотник всякий спор пословицей решить,
И тотчас отпустил: «С волками надо выть;
Еще что? — в монастырь чужой, как говорится,
С своим уставом вам мешаться не годится».
Конечно, я и быть отнюдь не хлопочу
Уставщиком нигде, не этого хочу:
Весь свет перемудрить мечтают лишь уроды;
Я только самому себе прошу свободы.
Не вам закон пишу, а вы, напротив, мне

Препятствуете жить с рассудком наравне;
Хотите, чтобы я и ел, и спать ложился,
И нюхал, и дышал, и богу бы молился
Так точно, как и вы, и в тот же самый час,
Когда нашлется мне обычая указ.
Нет, слишком тяжело! Живите как угодно,
Да волю дайте жить другим, кому как сходно!
«Но кто ж вам не велит», — ударил как в набат,
Подслушав нашу речь, душистый отомат,
Ходячий косметик, простеган весь на ватке,
Мурашки не стряхнет без лайковой перчатки,
Чинится день и ночь, напудренный шкелет,
Поношен, как букварь, и стар, как этикет;
Лишь чуть пахнет зефир, перхота не умолкнет,
И с кашлем вас в глаза последним зубом щелкнет;
«Да кто же вам велит, — твердит мой молодец, —
Снимать с других для вас противный образец?»
— «Как кто, сударь? как кто? Приличие проклято,
Которое, бог весть, откуда в жизни взято!
Насмешки попрыгуш и страшный суд повес,
В которых на беду вселился модный бес,
Такой трезвон дадут и фраку, и жилету,
Что завтра ж попадешь как чучела в газету».
— «Сидите дома». — «Ах! душою бы я рад;
Да хвост велик, нельзя — ребята тормошат:
Им хочется везде на праздниках болтаться.
И я за ними вслед повинен там шататься.
Сто раз бы лучше звал к себе гостей содом —
По милости творца большой имею дом, —
Умел бы кое-как еще пирушку сладить,
Рассохший в зале пол велел бы стругом сгладить;
И были по зиме рога у нас в торгу:
Беда! таких потех сносить я не могу.
Попросишь в семь часов, ждешь в восемь —
ошибешься;
Устанешь, отдохнешь, задремлешь и проснешься,
А милые мои голубчики точь-в-точь,
Ни ра́ней, ни поздней, как в самую полно́чь
Оравою к тебе, как шавочки, нагрянут,
Поклонятся едва и по ранжиру станут.
Начнется толкотня — и, не подстереги
Лихого слова враг, хоть со двора беги,

Хоть тресни паралич, не жди себе покою,
Пока бурливый вальс не выпустит из строю;
И сколько прихотей приложится к тому!
Посмешище за всё, — не ради ничему:
На что встречать гостей и требовать поклона?
Учтивость такова худого признак тона.
Зачем горят свечи? — Стократ милей кинкет;
К чему огромен стол — как свадебный банкет;
Не лучше ли круг дам, взяв вилку, наудачу
С тарелок их ловить приятную подачу,
И в страшных торопях, как будто свод летит,
У стенки прислонясь, потешить аппетит?
Короче, если их уважить предложенья,
Откажешься, ей-ей, от вотчин, от именья,
Или за каждый бал схлебнешь горячек пять;
И вся потеха в том, чтоб нагло осмеять.
Поверьте, им нейдет на разум веселиться,
Лишь только б язычком на счет других остриться.
И так-то ныне все, в народе егозя,
Мечтают, что живут; а прямо жить нельзя».
В ответ ко мне тотчас на проповедь жестоку
Пословица летит: «Не всяко лыко в строку».

Меж тем одна из дам свой голос вознесла,
Поступков прочих всех она превыше чла
Искусство на себя принять добра личину
И, грешников щадя, любить греха причину,
Живой родне помочь не тронется ногой,
По мертвым то и знай, что правит упокой,
Нижайшая раба, как скоро зазрит ленты,
И даже на медаль особы комплименты, —
«Помилуйте! — рекла, прихолившись, она. —
Не левой ли ногой воздвиглись вы от сна,
Или какой-нибудь в угодность Дульцинее
Хотите расплодить Жан-Жаковы идеи?
Когда из пустяков так желчь у вас кипит,
Зачем живете здесь? — Бегите лучше в скит;
С медведями вы там попробуете силы,
Докажете им вес чудесной русской вилы;
А ель, береза, дуб в награду за труды
Листами зашумят — беседа хоть куды!»

— «Насмешки слышать мне, сударыня, не в диво, —
Ответствовал я ей довольно терпеливо. —
Когда бы жить в лесах с дубинами хотел,
Товарищей таких и здесь бы я нашел.
К чему вы об Руссо теперь напоминали?
Я сам его читал, — вы, может быть, слыхали.
Вселенная над ним произнесла свой суд;
Средину потеряв, испортил он свой труд.
На четвереньках ползть нимало не забавно,
Да и зачем, когда на двух ногах исправно
Иной так мастерски в глазах у нас ползет,
Что самый гнусный червь того не переймет.
Мне сходбища людей нимало не постылы;
Напротив, без вреда и сплетни даже милы.
Люблю ходить в театр, охотно я пляшу
И чувство всех забав в груди своей ношу;
В деревне жить один не чувствуя отваги,
Скрываться не привык во мрачные овраги,
И паче всех твержу и в прозе, и в стихах,
Что смерть сама красна бывает на людях;
Веселью не злодей — кляну лишь принужденье:
Обряды ваши мне Танталово мученье!
И сколько я люблю в свободе суету,
Столь ненавижу мод ужасну тяготу».

— «Послушайте меня, — Дельфина в речь вступила;
Наш дом она давно и искренно любила,
Дельфина, нежный друг, любезная жена,
Которая на то, казалось, рождена,
Чтоб твердости пример, ума и сердца к славе
Пред светом развернуть в чувствительнейшем нраве, —
Свет создан не теперь, — он был всегда таков;
Вотще хотите вы громадою стихов
Исправить смертных род, как школьника лозою:
Обычая никто не сломит головою.
Вам должно наперед весь мир переродить
И заново потом вселенну сотворить;
Иначе, мой совет: с приличьем соглашаться,
Чтоб странным чудаком в собраньях не казаться,
Тем более что, сколь неволя ни тяжка,
Не людям вить без вас, а вам без них тоска;

И что за похвальба при разуме немалом
Обычаю назло прослыть оригиналом!
По чести, торжества не вижу вовсе тут;
Живите лучше так, как люди все живут».

— «Как люди! — я вскричал с горячностью душевной. —
Из уст ли ваших ждал сей общий крик вседневный?
И вы ли, от кого назад бежит порок,
Со всеми сговорясь, даете сей урок?
О! если перенять, что в людях-то ведется,
То думаю, едва ль и в Африке найдется
Такой ужасный зверь, каким в наш мудрый век
Состроен напоказ изящный человек.
Всё в свете прощено намереньям постыдным,
Лишь только их прикрой предлогом благовидным.
Оставя шутки все, дадим уму простор,
Коль может быть терпим без лести разговор.
Взгляните на людей отличнейшего света!
Душа — как уголек, но щегольски одета.
Иной у всей родни именье отобрал,
Прекрасный человек! — он праздники давал;
Другой с своих крестьян сдирает по три кожи,
Не тронь его — смотри, с ним все за свой вельможи;
Мондор почасту пьет, да только по ночам,
А днем любезен всем за колкость эпиграмм;
В кругу больших господ, рассыпав денег слитки,
Проигрывай шутя всё до последней нитки;
Ты принят как родной, зовут тебя везде,
Лишь карты подадут — да где же он? да где?
Невинность оболги поносной клеветою
И, добродушия ругаясь над слезою,
Бессовестным лицом, вдруг режь и лобызай,
Мышонка бей сплеча, а крысу не замай, —
Ты будешь слыть дельцом и станешь в ряд чинами
Со всеми лучшими отечества сынами;
Тихонько, без ножа, шпионскою тропой,
Любого приколи, — да вслух молебны пой.
Вот что между людьми, кощунствуя безбожно,
Временщики зовут жить в свете осторожно!
Будь нá это похож, и странным в наши дни
Небось не прослывешь; те странны лишь одни,

Кто правду говорить готов непринужденно,
Чтить доблесть в нищете и рубище смиренно;
Кто друга для того, чтоб кстати притакнуть,
В компании не даст злоречию кольнуть.
Мы в совести своей хотя всю цену знаем
Сердечной правоты, но вне уничижаем;
Ревнивой злобы дух геройский малит рост,
Подобно как лиса, подрезавши свой хвост,
Хотела, чтоб у всех лисиц его не стало.
Я часто примечал, на пиршествах, бывало,
Явится муж как лунь, и спросишь: кто таков?
Ответ: Мафусалем, педант иль философ,
И думают, что тем возвысили отчизну,
Когда кому-нибудь изволят в укоризну
Такие имена без смысла придавать,
Какие древний мир любил провозглашать.

Когда такую часть имеют добры нравы,
Чего же могут ждать невинныя забавы,
К которым, признаюсь, неравнодушен я,
И кои рвет из рук обычай у меня.
Еще бы иногда, по милости природы,
Я мог забыть мои пятидесяты годы,
Одышки не страшась, я мог бы танцевать
И в обществе друзей комедии играть;
Вреда нет никому — да говорят, что стыдно,
Благопристойности, приличию противно.
Беседу бы завел — да разве ты Вольтер,
Всё хочешь жить на свой особенный манер?
Сберешься посмотреть в деревне хороводов,
Наскучивши толпой вертлявых сумасбродов, —
И тут всё невпопад; наскажут тотчас всем:
Соседей разогнал, не знается ни с кем.
Пошутишь ли в семье — пасквиль прескверный сложат
И к сочинениям твоим его приложат.
От шуму не уйдешь, — вертись и так и сяк.
Умен ли — всё ты плут! а скромен — всё дурак!
Вот так-то волю жмут в желаниях сердечных
Законодатели обрядов бесконечных.

Дельфина! может быть, я вышел из себя
И слишком горячо оспоривал тебя,

Тебя, в ком зрю доброт столь многих совершенство,
Семейства моего, души моей блаженство!
Прости, я виноват! — Желал бы так, как ты,
Оставя далеко владычество мечты,
От общества сокрыв сердечные вздыханья,
Природы лишь одной вкушать очарованья —
Гулять, писать, цветы рукой своей садить
И чтеньем от друзей сладчайших писем жить;
Но, ах! сама велит в том истина признаться,
Что в твердости души с тобой нельзя равняться!
Не всем дано сие небесное добро,
Терпеньем что нарек язык наш и перо».

Воротимся к тебе, всех тонов провозвестник,
Судилищ их орган, державы их наместник!
И следующий здесь определим конец:
Чему не учит нас небесный наш отец,
Не требуют чего гражданские законы,
По мыслям то моим — пустые лишь препоны;
Доколе будут нас поддельные друзья
Водить на помочах, не будет здесь житья:
Где страха вовсе нет, там нечего страшиться,
В чем нет стыда, того напрасно и стыдиться.

Таков мой приговор внесите в свой журнал! —
Пиит один давно в побасочке сказал:
Когда мы будем все чужие слушать речи,
Придется нам осла взвалить себе на плечи.
Идею ту же здесь хотел я намекнуть;
И полно! — уж пора дать пальцам отдохнуть.

1814(?)

СЕМИРА БОЛЕСЛАВНА

Послушайте меня, Семира Болеславна!
Открою тайну вам; она весьма забавна.
Вестимо буди вам, чтоб в добрый молвить час,
Что дернул сатана меня влюбиться в вас.
Невмочь уже терпеть: или сейчас жениться,
Иль тяжкий сделать грех — на своре удавиться.
А что бы за резон? Понять изволь, мой свет:
Петров день на дворе — мне стукнет двадцать лет;

У матушки в селе крестьяне в это время
Все женятся давно — мне жизнь без друга
бремя, —
Слоняюсь всё один, ни бабы, ни детей,
И некому ходить за пажитью моей.
Нет, полно! уж пора зажить домком господским;
Об этом толковал я и с попом приходским,
А к нам вот на святой лишь только посвящен
Какой-то богослов — и сильно обучен.
Он часто мне твердит, что лучше обвенчаться,
Чем страстию любви сушиться и терзаться.
И впрямь, коль рассудить, голубушка моя,
Что толку одному маячить век, как я?
Господь благословил меня таки достатком:
Крестьян за мной в степи душ триста и с остатком;
Скота — не перечтешь! а жита что! а птиц!
Сусеков не стает, — нигде таких пшениц!
Овса ли, как у нас в уезде, не родится;
Что лесу на бору, и в стройку весь годится;
А рыбы-то в прудах — не видано такой,
И наши караси весь круглый год с икрой.
Уж то ли не житье! — Да что б добра ни было,
Без милого дружка на свете всё постыло, —
И солнце не светло, и месяц не на вкус,
И в душу никакой нейдет любимый кус.
Пойдешь на скотный двор — с навозу станет душно,
А с матушкой сидеть — помилуй бог как скушно!
Такая лезет дрянь, такой найдет столбняк,
Что суток пять лежишь, как в стойле аргамак.
Лишь только б до венца мне как-нибудь добраться,
А то я молодец, могу хоть с кем равняться;
Детина напоказ, натурою счастлив,
И туловищем дюж, и рожею смазлив;
Хоть речью говорить заморской не умею,
Признаться, и свою тупенько разумею, —
Да разве тем одним на свете только жить,
И бабу целовать, и детушек родить,
Которые, с тех пор как школы появились,
Неведомо какой грамматике учились?
Пустое не потачь! — Хоть я не грамотей,
Дай сроку, как женюсь, и я взведу детей.
Что много рассуждать? Семира Болеславна!

Поди-ка за меня, и заживем мы славно!
Всё, ягода моя, тебе во власть отдам,
Прошенье в земский суд по форме я подам;
Велю в нем написать, что весь мой скот рогатый,
И закром, и подвал, и пчельник мой богатый
Потомственно тебе, сударушка, дарю:
Пускай же знают все, как жарко я горю,
И пусть по всем торгам разносится молвою,
Что скоро я вступлю в законный брак с тобою.
Исправник и судьи к нам гу́рьбой налетят,
Нацедим пива чан, нарежем поросят;
В день свадьбы подарю волосяно колечко,
И с перламутрами янтарное сердечко;
А сам надену фрак, что мой отец носил,
Когда по сторонам амуриться ходил.
Кой час из-под венца воротишься со мною,
Велю псарям встречать музы́кой роговою;
А там я приложусь к малиновым устам, —
Хе! хе! — и будешь ты, как водится, *мадам.*
Назавтра пир горой; мой староста с народом
Ударится челом; а бабы хороводом
Придут вокруг тебя венки зелены плесть
И станут песни петь, что силы в гру́ди есть.

Как праздники пройдут, начнем сушить овины,
Под ивами гулять мы станем вдоль плотины,
Холопей за собой нарядим ровно двух,
Чтоб веничком они обмахивали мух;
Не то — велим по нас приехать дрожкам с клячей,
Объедем вместе хлеб молоченный, стоячий;
Для случая велю срубить сот пять дерев,
Плотами по реке пригоним их в Венев,
Чтоб можно было там на временну забаву
Поставить флигелек с светелочкой на славу,
И было бы куда просить гостей к себе;
А ежели и то соскучится тебе, —
Так что ж? — неволи нет: раскланявшися миру,
В коляску — и махнем поблизости в Каширу.
Там станем день и ночь по улицам катать,
С настойкой чаю пить, к знакомым заезжать.
Уж то ли, я скажу, не разливанно море?
Какое может нас тогда постигнуть горе!

Сорокоумники напрасно все твердят,
Что Питер да Москва одни лишь веселят;
Пустое! — в этом наш поспорит околодок.
Во-первых, нет нигде таких отменных водок;
К тому же никакой в столице господин
Не ссилит выпить то, что наш брат дворянин.
У нас вить то и знай попоечкам причины:
Поминки ли, сговóр, рожденье, именины,
Без хмелю никакой здесь случай не пройдет;
Хозяин всем поит, а гость всего припьет.
По крайней мере, мы когда набьем утробы,
Хоть съездишь и в висок соседа, да без злобы,
Назавтра же и мир — и снова наливай;
А инде-то небось со всячинкой, я чай!
Да что нам до людей, предбудуща супруга!
Мы будем ликовать взаимно друг для друга.

По милости творца я полный господин!
Всё вдоволь у меня, — на что мне важный чин?
Я сроду не служил, по вольности дворянства,
И впредь из одного лишь только окаянства,
Как многие у нас, служить я не хочу;
Достаточек бог дал, а вдаль не хлопочу.
Взбредет ли мне на мысль смотреть какой потехи —
Велел запрячь коней, и нет ни в чем помехи;
На месяц или два слетать куда сберусь —
Во власти всё моей, и в отпуск не прошусь.
Скажу не хвастовски, Семира Болеславна!
Башка моя дотоль блага и своенравна,
Что ежели в нее какая дичь влетит,
Никто не выбьет вон, хоть будь митрополит;
Но верь, что для твоих забав не пожалею
Ни дворни, ни скота, всего, что я имею.

Убравшись в красны дни работой полевой,
Мы хлебец продадим, а с деньгами зимой
В широких розвальнях, морозу не робея
И совокупно в них под полстью мягкой прея,
Мы дернем — например, куда бы? — в Епифань.
Уж не Москве чета! — и Питер-то их дрань.
Там славный есть трактир, вседневная жерёха!
За гривну серебра увидишь скомороха;

Он в обруч проползет, свернувшися кольцом,
Иль шпагу на носу поставит острием,
И столь он кажет там ужасные фигуры,
Что ваши сестры все валяются как дуры;
Прах ведает его, откуда в полчаса
Непостижимые берутся чудеса!
Прыгнет сперва на стол, в отдушину под крышку,
Подпустит порошку, и даст такую вспышку,
Что инда задрожит хоромина-та вся.
А фокус отойдет, поднимется возня;
Тут стряпчий удалой вприсядку славно пляшет,
А заседательша над ним ширинкой машет.
Да мало ли забав! Лишь деньга бы была,
Уж залюбуешься, красотка, до зела.

Свезу тебя к сестре недели на две в гости;
У ней по вечерам играют часто в кости.
Малеванный гусек, и восемь гнезд вокруг,
На каждом свой цифирь — раскинуть надо вдруг;
И если трафишь так, что кость числом тем ляжет,
Которое гнездо гусиное покажет,
То ставочка твоя. — Я сам любил играть;
Да больно дома бит, пришлося перестать,
А то бы и своих костей не досчитался,
Я с этою сестрой с младенчества свыкался.
Мой дядюшка ее был деверю свояк,
А ближе довести родства не знаю как;
Но слышал от того, кто нас учил закону,
Что бог велит любить Далматову Пиону
Затем, что я ей брат, а мне она сестра.
Родню свою хвалить негоже — а востра!

Довольно ль изъяснил, Семира Болеславна,
Все выгоды житья со мною вам исправна?
Мудреных от меня не ждите вы словес,
А в срок купить горазд и сено, и овес;
Но если, как осел под вьюком, я вспотею,
То лучше ничего сказать вам не сумею,
Как то, что от любви шатаюсь без ума
И в теле, и в мозгу ужасна кутерьма.
Готов я и на то, против природной лени,
Чтоб, ставши на часок пред вами на колени,

Из книжки прочитать страницу наизусть,
Как некий описал свою любовну грусть
Восточный *Дурилом,* собравший важну силу,
Чтоб в плен с собой угнать с орды княжну *Ненилу:*
«О ты, таинственна небесна красота!
Воображения сладчайшая мечта!
Души моей кумир и ландыш благовонный!
Воззри на гордый дух, красе твоей преклонный! . .»
Ах! как, бишь, там еще? Постойте! да, — «Луна
На Севере не так в кругу своем полна,
Не столько видно мачт на гордом океане,
Не столько Магомет сумбурит в Алкоране,
Не столько дал добра ост-индский нам народ,
Колико мне любви, тебе дал бог красот!»

Каков восточный шах, — но я косноязычен,
И к вычурам таким с маленька не обычен;
Я попросту одно заладил и твержу,
Когда к тебе в окно с плотины погляжу:
Венчаться поскорей! — и мать сбил с ног родную:
«Да высватай же мне соседку дорогую!»
А матушка твердит всеобщую молву:
«Сынок! да поезжай искать жены в Москву;
Там девок, говорят, тьма-тьмущая в народе,
Как репы родилось на нашем огороде;
Лишь стоит кошелек пошире развязать —
Из тысячи дадут любую выбирать:
Для трехсот душ степных одну жеманну душу
Кто замуж не отдаст за этакую тушу?
Вот мой тебе совет! Надумайся, ступай,
И с милою женой по ярмаркам качай.
Ну, что тебя, скажи, к плотине привязало?»
— «Кормилицу спроси — меня приколдовала
Каким-то корешком одна ворожея;
Ведь драться с сатаной не станешь, и нельзя, —
На том и кончим спор». — Я губу вдруг надую,
Уйду в дремучий лес, да месяц и бунтую;
А там опять за то ж. — Уж будет ли конец?
Или кинжалом в бок, или надеть венец.

Усовестись, прошу, Семира Болеславна!
Грех смертный волочит меня и так издавна.

Подходит мясоед — реши мою судьбу!
Я к свадьбе заказал миндальную трубу;
Уже готово всё: двуспальная перина,
Подножие, свечи́, попу с дьячком полтина,
Трезвоны на мази — вся дворня маршируй!
Лишь только скажешь: «Да!» — Исаие, ликуй!!!

1816

ЖИВЕТ

Кто вам сказал, любезны други!
Что будто грамота у нас
Для стихотворческой прислуги,
Когда зарезвится Пегас,
Бедна, подла и так ничтожна,
Что даже вряд ли нам возможно
Сменить с чужою нашу речь?
Конечно, сей раскол ужасный
В Руси завел француз опасный;
Пора бы моду сбросить с плеч.

На всё язык российский годен
Тому, кто дар стяжал писать;
Он силен, звучен, благороден
И всё способен выражать.
На нем читаем «Россияду»,
Поем любовь, печаль, досаду,
Есть «Душенька», «Фелица», «Бог»!
Кому в каком угодно роде,
Стихов премножество в народе;
По вкусу выбирайте слог.

Своя у всякого есть муза,
Бумаги пропасть, перьев тьма,
Идей под черепом обуза,
Как мошки льнут вокруг ума.
Прихо́жан в храме Аполлона
Так много, что от их трезвона
Он сам уж места не найдет.
А я, у притолки там стоя,

Худую балалайку строя,
Мурнычу кой-что, — и живет!

И рад бы в рай, как говорится,
Да не пускают нас грехи.
Иной над стопами трудится,
Кладет как здание стихи,
А толку нет; да и не диво:
Воображение лениво
В странице многосложных слов,
Без пиитического дара,
Без мыслей резких и без жара
Распустит кучу пустяков.

Не всякий может, как Державин,
Вспорхнуть и на небо лететь,
Быть арфой и свирелью славен;
Одной тронýть, другой греметь.
Изящность прочим уступаю,
Я звезды с неба не хватаю;
На откуп взял Парнасский сор.
Писать пустое — наше дело,
За это мы беремся смело.
Послушайте ж мой новый вздор!

«Ужли творец подлунной сферы
Вселенну так расположил,
Чтобы красот одних примеры
Повсюду смертный находил?
Никак, всему различны свойства, —
И тем-то связь благоустройства
Природа в существах блюдет:
Иному вид дает нарядный,
Кому простой, кому изрядный,
А где со всячинкой, — живет!

По мыслям и слова родятся,
А навык, сей большой деспóт,
Уча свободно изъясняться,
Знакомит с ними весь народ.
Во всех странах язык природный
Свой дух имеет превосходный;

Но наш всех зá пояс заткнет.
Ну как француз, швейцар и немец,
Какой хотите иноземец,
По-свойски выразит — *живет?*

А мы прекрасно вразумились
В натуру этого словца,
Играть им кстати научились
От самых хижин до дворца.
Везде, во всяком разговоре,
Хоть запросто, хотя в уборе,
Оно приличие найдет;
И баба в грубом сарафане,
И щеголиха на диване
Твердят частехонько: *живет!*

Пленя большого господина
Расхожей прелестью своей,
Выпрашивает мужу чина
Наглейшая из Дульциней.
Для сильных есть ли невозможность?
Готов и крест, и чин, и должность —
И вместе рог на лбу растет.
Вотще рассудок возражает:
Постой! он грамоте не знает!
У страсти свой ответ: живет!

Боярин длинного заглавья,
Готовясь к праздничному дню,
Когда сберется из тщеславья
Дарить убогую родню,
Велит сыскать в рядах безделку,
Или лежалых смокв тарелку
С большими вычурами шлет.
Что дрянь такая не годится,
Он тем нимало не стыдится;
Бормочет сквозь зубов: *живет!*

Судейка просит на крестины
Мелкопоместного к себе;
Сперва попробует все вины
У клюшницы своей в избе,

И лучших со́ртов прочь отставит,
А кислые медком приправит,
Смолой замажет — и черкнет
Своей рукою: дрей-мадера!
Весьма хозяйственная мера!
А где же лучше взять? — *живет!*

Купец, нанявши щель, торгует,
И метит, как бы обмануть;
Повеса, вздернув нос, гарцует
И всюду хочет заглянуть.
Попалось взору нечто мило,
На вид красно, на пользу гнило —
Он туго денежки дает;
Сиделец фарсы выпускает,
«Купите, барин! — приступает,
Товар по вас, сударь! — живет».

Мастеровой ли, — тот, конечно,
Шага не ступит без него.
Верстак ворочая беспечно,
Путем не сладит ничего;
У всех работой заберется,
И тем история начнется,
Что весь задаток он пропьет;
Потом с похмелья кажду штуку
Испортит он на скору руку,
И кончит песенкой: *живет*.

Отпущенный на госпожинки
К отцу домой семинарист,
Обнюхавши домашни скрынки,
Нашел в обертках драный лист,
И ну с ужасною методой
Потеть над чрезвычайной одой;
Риторика так и плывет.
А батька, веселясь о чаде,
Воркует при умильном взгляде
С улыбкой скромною: *живет!*

«Сосватай, сваха, мне невесту, —
Просил бесчестный женишок, —

На фижмах, сдобную, прелесту;
Я меди дам тебе мешок».
Старухе девки все знакомы;
Она ошмыгала все домы,
Нашла калеку, и ведет
Играть в игрушку чет и нечет,
А суженому в ухо шепчет:
«Венчайся, батька мой! — живет!»

На свете много штук подобных,
А свет — огромная семья,
И в ней не без людей негодных;
Уродов разных видел я.
Бог знает, что на них находит!
Иной такую дрянь городит,
Что Соломон не разберет;
Другого идеалы мучат,
Как женщину на сносях пучат, —
Родится мышь — и чуть живет!

Пускай бы так; но вот несчастье!
О небо! отврати его!
Исчезло в родине участье,
И свой не любит своего;
Благоутробие пропало,
В устах кипит змеино жало,
А сердце каждый день гниет.
Смотря на эту зла картину
И видя прежних благ руину,
Никак нельзя сказать — живет!

Забыли вовсе мы природу
И отступились от нее;
Судим приязнь, твердим свободу,
А как до дела — басни всё.
Впадешь невольно в прегрешенье,
Фон-Визина стихотворенье
Тотчас на разум набредет:
Мы точно на столе игрушки;
Везде в нас козыряют пушки;
А игроки кричат: *живет!!!*

О суетная горделивость,
Всех низких побуждений мать!
Почто ты гонишь справедливость,
Не дашь и слова ей сказать!
Скорее понт оземленится
И бес полуденный смирится,
Чем самолюбие простит
Того, кто в глаз его уколет!
Ничто кичливых не умолит;
Во чреве их весь ад кипит.

Но сбился я с своей дороги.
Совсем заехал не туда.
С дудою ломится в чертоги
Наш брат не всякий, не всегда;
Там виртуозы лишь играют,
Там двери настежь растворяют
Златым цевницам и трубам;
А мне чего же добиваться?
Я рад, что любят посмеяться
На площади моим стихам.

Прощай, дитя новорожденно!
Да не задорься из похвал;
Не требуй их уничиженно,
Не будь, пожалуйста, нахал.
По чести, я не сокрушуся,
Ни на кого не рассержуся,
Коль журналист тебя хлестнет...
Я знаю сам, что соли мало
В мою чернилицу попало;
Но так и быть — ступай — живет!!!

<1817>

НА ПЛАН ГОРОДА БЕРЕЗОВА

Под стражей мой отец на месте сем родился,
Мой дед и друг царев в остроге здесь томился;
А я, как Павел крест, всех выше титлов чту
И дедов эшафот, и отчу нищету.

<1817>

К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

Мне душу дал творец, дыхание — природа;
Глас сердца — мой закон, сокровище — свобода,
Родство мое — приязнь, любви обязан всем,
А проискам гнилым — не должен я ничем.

<1817>

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ МИЛОНОВ

М. В. МИЛОНОВ

Михаил Васильевич Милонов родился в 1792 году в имении «Придонский ключ» Воронежской губернии. Отец его был просвещенный человек, масон.

В 1803 году Милонов поступил в пансион при Московском университете. (Его ближайшими товарищами по пансиону были Д. В. Дашков, Н. Ф. Грамматин. С ним вместе воспитывался в пансионе и его двоюродный брат Петр Николаевич Семенов, автор пародии на «Дмитрия Донского» Озерова — «Митюха Валдайский» (1810) и пародии на оду «Бог» Державина, в будущем член Союза Благоденствия.)

М. В. Милонов «был одним из первых и самых лучших благородных воспитанников в учении и поведении, в знак чего при публичных экзаменах получил две книги, серебряную и золотую медали и одобрительный лист за отличные успехи в науках, особливо в беллетрах» («Русская старина», 1887, № 11, стр. 364). Имя Милонова было записано золотыми буквами на доске отличных воспитанников пансиона. 23 декабря 1805 года Милонов поступил студентом в Московский университет, окончив его в 1809 году со степенью кандидата.

По окончании университета он едет в Петербург и поступает в бывшее при министерстве внутренних дел Главное правление мануфактур. Познакомившись с И. И. Дмитриевым, тогда министром юстиции, Милонов переходит в 1811 году в департамент министерства юстиции, где и служит до мая 1813 года.

Милонов не находит удовлетворения в отупляющей канцелярской службе, когда он, как сообщает в письме к Н. Ф. Грамматину, в «убийственном бездействии» сидит «между приказною челядью» и теряет «самое драгоценное и лучшее в жизни время».

Понимание несоответствия, существующего между идеалами и реальностью, присущее не только Милонову, но и многим его современникам, неудовлетворенность жизнью и явились, несомненно, первопричиной того, что Милонов уже в эти годы начинает искать «рассеяния» в разгуле. Впоследствии это приведет его к гибели.

Печататься Милонов начал еще в университетские годы в пансионском журнале «Утренняя заря» (1807—1808) и в «Вестнике Европы» (1808—1809). В Петербурге он сближается с литературными кругами, и годы службы в Петербурге совпадают с расцветом литературной деятельности Милонова. В ноябре 1810 года он становится членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, участвует в изданиях Вольного общества — в «Цветнике» (1810), «Санкт-Петербургском вестнике» (1812).

В неопубликованном письме к А. П. Вяземскому от 15 июля 1812 года Милонов сообщает о постигшем его несчастье — о гибели его имения от пожара. «Еще дышит пепл родительского крова!» (ЦГАЛИ). Но он забывает о своих личных несчастиях, думая о судьбах России. Он хочет принять участие в Отечественной войне, сражаться за освобождение своего отечества. В письме к Вяземскому от 9 августа 1812 года он пишет: «Я решился непременно вступить в военную службу; здесь все ополчается, и уже сформировался полк Бессмертных Гусар, кроме так названной дружины, но мне предпочтительно хотелось бы определиться в Московское ополчение, т. е. в полк графа Мамонова, где, как я слышал, и вы уже записаны, и потому всепокорнейше прошу вас уведомить меня, будет ли там для меня место. ...Подробным и скорейшим о сем известием вы меня чувствительно обяжете. Грамматин пишет ко мне, что и Жуковский вступает в военную службу — благородное дело! Я буду видеть вас и праздным оставаться! Здесь изо всех почти мест определяется множество; у вас, я думаю, еще больше, ибо там сердце России» (ЦГАЛИ). Очевидно, какие-то обстоятельства помешали осуществлению этого патриотического желания Милонова. 31 мая 1813 года «титулярный советник» Милонов был командирован в Москву в качестве правителя канцелярии в Комиссию, учрежденную для рассмотрения прошений от граждан Москвы и губерний, «потерпевших разорение от нашествия неприятеля». В марте 1814 года он возвращается в Петербург, о чем сообщает Измайлов в своем письме к Н. Ф. Грамматину от 24 марта 1814 года (Рукописный отдел ПД). В октябрьском письме этого же года Измайлов с беспокойством пишет о неожиданном отъезде Милонова из Петербурга, из-за чего он, по мнению Измайлова, может потерять службу.

В 1815 году Милонов увольняется из департамента министер-

ства юстиции и то живет в Задонске, то в Петербурге. В это время Милонов страшно нуждается и потому вынужден вновь искать место. В одном из писем к Н. И. Гнедичу, относящемуся, по-видимому, к концу 1818 года, письме, полном истинного отчаяния, он почти прямо говорит о том, что голодает (Рукописный отдел ПД). А. И. Тургенев из сострадания определяет Милонова в конце 1818 года к себе в департамент духовных дел, взяв с Милонова обещание не пить. К этому же времени относится и подготовка Милоновым издания своих стихотворений, которые он продает книгопродавцу Глазунову за 500 рублей. Вскоре А. Тургенев был вынужден уволить Милонова, и тот в 1819 году определяется в провиантский департамент военного министерства, находя покровительство в лице генерал-провиантмейстера Абакумова, который участливо отнесся к несчастному поэту. Но Милонов был уже слишком тяжело болен, еще в 1818 году в письме к Гнедичу он говорил о случающихся с ним эпилептических припадках, перед смертью в нем приметно было «помешательство ума». 17 октября 1821 года Милонов скончался. В числе его незавершенных и не дошедших до нас произведений была поэма «Сотворение мира», которую друзья его считали лучшим его произведением. Еще при жизни Милонова, в письме к брату Льву от 27 июня 1821 года, об этой поэме Милонова спрашивал А. С. Пушкин.

К РУБЕЛЛИЮ

САТИРА ПЕРСИЕВА

Царя коварный льстец, вельможа напыще́нный,
В сердечной глубине таящий злобы яд,
Не доблестьми души, пронырством вознесенный,
Ты мещешь на меня с презрением твой взгляд!
Почту ль внимание твое ко мне хвалою?
Унижуся ли тем, что унижен тобою?
Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души с тобой не равен я!
Что твой минутный блеск? что сан твой горделивый?
Стыд смертным — и укор судьбе несправедливой!
Стать лучше на ряду последних плебеян,
Чем выситься на смех, позор своих граждан;
Пусть скроюсь, пусть навек бегу от их собора,
Чем выставлю свой стыд для строгого их взора;
Когда величием прямым не одарен,
Что пользы, что судьбой я буду вознесен?
Бесценен лавр простой, венчая лик героя;
Священ лишь на царе владычества венец;
Но коль, на поприще устроенном для боя,
Неравный силами, уродливый боец,
Где славу зреть стеклись бесчисленны народы,
Явит убожество, посмешище природы,
И, с низкой дерзостью, героев станет в ряд, —
Ужель не обличен он наглым ослепленьем
И мене на него уставлен взор с презреньем?
Там все его шаги о нем заговорят.
Бесславный тем подлей, чем больше ищет славы!
Что в том, что ты в честях, в кругу льстецов лукавых,

Милоновъ

Вельможи на себя приемлешь гордый вид,
Когда он их самих украдкою смешит?
Рубеллий! титла лишь с достоинством почтенны,
Не блеском собственным, сияя им одним,
Заставят ли меня дела твои презренны
Неправо освящать хвалением моим?
Лесть сыщешь, но хвалы не купишь справедливой!
Минутою одной приятен лести глас;
Но нужны доблести для жизни нам счастливой,
Оне нас усладят, оне возвысят нас!
Гордися, окружен ласкателей собором,
Но знай, что предо мной, пред мудрых строгим взором
Равно презрен и лесть внимающий, и льстец.
Наемная хвала — бесславия венец!
Кто чтить достоинства и чувства в нас не знает,
В неистовстве своем теснит и гонит их,
Поверь мне, лишь себя жестоко осрамляет;
Унизим ли мы то, что выше нас самих?
Когда презрение питать к тебе я смею,
Я силен — и ни в чем еще не оскудею;
В изгнаньи от тебя пусть целый век гублю,
Но честию твоих сокровищ не куплю!
Мне ль думать, мне ль скрывать для обща посмеянья
Убожество души богатством одеянья?
Мне ль ползать пред тобой в толпе твоих льстецов?
Пусть Альбий, Арзелай — но Персий не таков!
Ты думаешь сокрыть дела свои от мира
В мрак гроба? но и там потомство нас найдет;
Пусть целый мир рабом к стопам твоим падет,
Рубеллий! трепещи: есть Персий и сатира!

<1810>

К ЛУКАЗИЮ

(САТИРА ВТОРАЯ)

Луказий! решено: ты хочешь быть поэтом
И требуешь, чтоб я снабдил тебя советом,
Как славы достигать и имени певца;
Что легче, как найти невежду и льстеца?
Ищи их и пиши: всё будет совершенно!
Писателем прослыть весьма обыкновенно,

Стихи свои хвалой наполни гнусных дел,
Будь дерзок, подл и льстец — и слава твой удел!
Рубеллию тверди, что он рожден вельможей,
Жене его шепни, что всех она пригожей,
А *Балдусу,* вралю, что первый он поэт,
И одами зови его высокий бред;
Утешь его, скажи, что добрый час настанет
И свет стихи его порочить перестанет,
Что рано ль, поздно ли, насмешники помрут —
И томы пыльные читателей найдут;
К *Вралеву* забеги с пренизким ты поклоном:
Ему не в первый раз вступаться Цицероном
За скаредных певцов, уродство их хвалить,
Дерзни его хоть раз с Горацием сравнить —
И он, не устрашась, провозгласит пред светом
Тебя и Пиндаром, и классиком-поэтом!
Там к *Бавию* иди: сей ждет тебя бедняк,
Отец *помесячных* нелепостей и врак,
Дай что-нибудь ему! он скоро разорится —
И жизнь твоя как раз в журнал его вклейтся!
С огромною своей поэмою спеши
В дом *Клита,* и ему усердно припиши:
Он знатный господин, талантов покровитель
И просвещения в отечестве ревнитель,
Страницей лести лишь пожертвуй — и твой труд
На счет его казны тисненью предадут!
Лишь книга добрая явиться в свет не смеет,
А вздорная везде заступников имеет,
Нет нужды, что о ней забудут через день!
Тем лучше, сочинять Луказию не лень;
Комедии своей желаешь ли успеха,
Зови друзей в театр для хлопанья и смеха —
И слава о тебе промчится *в шумный рай*!
В обширных замыслах своих не унывай,
Быть может, за игру актрисы превосходной
Похвалят и стихи в трагедии негодной;
Тогда тебя введут к *Лукуллу* в пышный дом,
Где он, обсаженный невеждами кругом,
За каждую строку твоей подлейшей лести
Сторицею воздаст хвалы тебе и чести!
В ученых обществах ты станешь заседать,
Куда стекаются не слушать, а зевать;

Где *Мйдас*, мстя женам, в бессмыслии суровом,
Недавно их морил своим похвальным словом;
Но только ли еще? — о гении твоем
И *Клузий* возвестит в издании своем,
И *Глазунов*, сей муж, толико благодарный,
Распишет о тебе хвалой высокопарной,
И книжного ума брадатый продавец
Всех будет уверять, что первый ты певец!
У нас кто захотел в поэты — записался,
Хоть новый рекрут сей с грамматикой не знался.
Нет нужды до того! отвага, дерзость, лесть
Невежд и подлецов нередко вводят в честь!
Смелей бери перо! примеры пред тобою:
Так *Мевий*, разродясь сатирою одною
И выдав сто дурных стихов наперечет,
Попал в певцы и всем свой строгий суд дает;
Ах, сколько есть таких, которы от рожденья
Не могши написать двух строк без погрешенья,
Взялись о правилах и вкусе говорить;
Невежда боле всех имеет страсть учить.
И ты, хоть не богат своим природным даром,
Старайся заменить его отвагой, жаром,
Найдутся многие, которые простят
Бессмыслице твоей за то, что в ней узрят
И цель полезную, и рвение благое,
Которы облечешь ты в рубище худое!
Что добрый гражданин, что в службе ты давно,
Как будто гражданин и автор — всё равно!
Как будто стыд тому, кто всех из нас честнее,
Быть в мыслях правильней и в связи их яснее;
Пусть *Фабий* нежный друг, пусть добрый он отец,
Пусть мужа верного он будет образец, —
Все качества сии достойно уважаю.
Но, слушая его трагедии, зеваю.
И если б кто дерзнул в присутствии моем
Сказать, что он рожден трагическим певцом —
И мне бы отвечать на то не можно было:
Молчание мое льстеца бы обличило.
И как, не изменя и чести и стыду,
Осмелюся назвать я к собственну вреду
Нескладного певца поэтом превосходным,
Хотя б он в доброте Сократу был подобным?

Радковского вранье поэмою считать,
С российским Пиндаром *Бессмыслова* равнять,
И, чтоб никто в моем безумстве не сомнился,
Кричать, что снова Юнг в *Плаксевиче* родился!
Скорей решусь принять ужасный приговор,
Что буду помещен поэтов сих в собор,
Скорее соглашусь смешнее быть *Шутова*,
Глупее *Бавия* и даже злей *Злослова!*
Но это для себя, Луказий, я сказал,
Ты смело достигай великих сих похвал;
Так *Фирса* Томасом друзья его назвали,
Хоть смысла у него в твореньях не встречали,
Но он привык искать не смысла — длинных слов,
И мало ли ему подобных есть творцов?
Их дружбы ты ищи, их слушай наставле́нья,
Яви себя рабом нелепого их мненья.
Наука их легка: не думать ни о чем,
Лишь странным щеголять в болтаньи языком;
Так *Вадий* нанизал поэму в их расколе
Из смеси чудных слов, неслыханных дотоле, —
И вправду славен он! поэмой будут сей
Теперь определять безумие людей!
Но главный мой совет: будь тверд в своем ты мненье
И бранью защищай нелепое творенье;
На всё за детище любезное дерзай,
И умным, и глупцам ни в чем не уступай.
Быть может, иногда ты встретишь, хоть их мало,
Людей, которые острят на глупость жало,
Тогда, рассвирепев и взявши грозный вид,
Брани их наповал, забыв и честь, и стыд;
«Безбожник, — закричи, — злодей и изверг света,
Кто смеет не почтить в Луказии поэта!»
Но этих смельчаков немного меж людей,
И прозе, и стихам большая часть судей:
Педант, над книгами в течение полвека
Утративший и смысл, и образ человека,
Который всякий час, с надменною мечтой,
Вам будет заменять грамматику собой,
Который всё наук прошел обширно поле,
И сам — том древния грамматики, не боле;
Иль автор мелочей, в посланиях своих,
Где с здравой логикой в раздоре каждый стих,

Дающий вес умам, познаниям, талантам;
Иль *Вариус*, что схож с огромным фолиантом,
В котором столько же нелепиц, сколько слов,
Иль славы ищущий ругательством *Злослов,*
Кто, площадную брань нам выдав за сужденье,
Себе вменяет в честь всеобщее презренье,
Иль *Друз,* что о любви к отечеству твердит
И первый сам его невежеством срамит!
Ступай, Луказий мой, храня в душе отвагу,
Смелей переводи чернила и бумагу,
Такое ремесло нимало не во вред!
Но вижу, что тебя смущает мой совет;
Такими ль, говоришь, такими ли путями
Державин, Дмитриев прославились меж нами?
Не все под сча́стливой планетой рождены;
Луказий, чтоб дерзать за славой, как они,
Чтобы стяжать венцы, которы их покрыли,
Им равные, скажи, имеешь ли ты силы?
Питаешь ли в груди божественный сей жар,
Который от небес не многим послан в дар,
Сию высокость чувств и духа благородство:
Достоинство людей, поэтов превосходство!
Для славы истинной отважишься ль на всё,
Найдешь ли ты в себе возмездие свое?
Луказий! не мечтай: мне цель твоя известна!
С прямым талантом лесть и низость несовместна.
Для тех особый путь назначен был судьбой;
Тебе ли, как они, прославиться собой,
Одну лишь страсть к стихам несчастную имея?
Что подвиг Геркула для слабого пигмея?
Совет же мой лего́к — и к славе путь прямой —
Решился — в добрый час! пиши — и бог с тобой!

<1810>

К МОЕМУ РАССУДКУ

(САТИРА ТРЕТЬЯ)

Смирись, рассудок мой! к чему такое рвенье!
Сатира для людей худое наставленье.
С сим страшным ремеслом ты будь всегда готов
Приязни рушить связь, нажить себе врагов:
Все скажут о тебе: насмешник сей несчастный

Есть язва общества, ум вредный и опасный,
Беги его, страшись, для острого словца
В сатире уязвит он матерь и отца!
И те, которые слывут тебе друзьями
И смелыми подчас пленяются стихами,
В обиженном лице портрет увидя свой,
Смеяся вслух над ним, а тихо над тобой,
К толпе твоих врагов тотчас передадутся
И дружества с тобой под клятвой отрекутся;
Сатира, в коей желчь и злоба лишь видна,
Без пользы для других писателю вредна;
Исправишь ли порок насмешкою одною?
Стихи ль подействуют над зверскою душою?
Напрасно! все труды останутся вотще,
Такие чудеса не слыханы еще.
Ты будешь обличать *Грабилина* злодейства,
Им разоренные показывать семейства, —
Что пользы? хищник сей покоя и добра
Иль друг с вельможами, иль силен у двора!
Хоть всеми бранными осыпь его словами,
Он, откуп новый сняв, сравнен с полубогами!
И день и ночь пиры богатые дает,
На коих, крокодил! он кровь и слезы пьет!
Ты скажешь: на суде, пред взорами *Клеона,*
Уснула грозная блюстительность закона,
Невинный осужден, оправдан плут... а он?
Он знатен, он богат, на что ему закон?
Суда для сильных нет, он слабым лишь ужасен;
Преступник чем знатней, тем боле безопасен.
Явишься ль в общество осмеивать порок,
Иль юности давать спасительный урок,
Бранить невежество, пустую знатность рода, —
Что ж будет? все тебя в нем примут за урода,
Который должного почтенья не хранит
И смело знатному о чести говорит!
Писателей дурных исправить ты желаешь, —
Вот цель премудрая! как будто выставляешь
Себя лишь одного для них ты образцом;
В сатире, где едва смысл вяжется с стихом,
«Пришел, — вскричат они, — давать нам наставленья,
Как будто бы писать нельзя уж без ученья!»

Начнешь ли *Балдуса* порочить скучный бред —
Он добрый человек, услышишь ты в ответ:
Кто право дал тебе бранить его нещадно?
Всяк волен здесь писать и складно, и нескладно;
Простительно отцу лелеять милых чад;
К тому ж ввели ль кого стихи его в разврат,
Не долговечные творения поэта,
Которые гниют, не знав дневного света?
Вралева упрекнешь — все ахнут: боже мой,
Что труд *Бессмыслова* возносит он хвалой!
Чего же хочешь ты? вражды между друзьями,
Которые живут взаимными хвалами?
Оставь, оставь навек такое ремесло,
Пока оно тебе вреда не принесло;
Поэма вздорная, нелепо песнопенье
Герою и певцу есть вместе посрамленье!
Пусть тонет, пусть горит в незнании от всех,
Сказав о ней, родишь лишь жалость, а не смех;
Печатный всякий вздор исчезнет сам собою:
Его ли воскресить осмелишься хулою?
Театра нашего и слава наших дней:
Сумбека, *Радамист, Електра* и *Атрей*
Довольно на себя врагов вооружили:
Пыль, черви, сырость, мгла войну им объявили!
И ты, на сцену вновь явившийся *Един,*
Из нищего — царем, безжалостно погиб,
Предтечу своего вотще затмить стремился:
Слепец афинский жив, а *Царь Един* сокрылся
При плеске зрителей высокого райка!
Но можно ль сосчитать, упомнить, хоть слегка,
Трагедий, драм собор, труд цеха заказного,
Которы погреблись в подвалах Глазунова;
Пусть, клятвой отягчась расчетных продавцов,
Скрывают там себя и стыд своих творцов, —
Нет, мало! для твоей обидной им забавы
Ты отыскал в пыли валявшийся *Храм Славы*
Биона с Мосхом вновь несчастный перевод,
И Федру *Бавия,* и кучу разных од,
Улику жалкую бессмыслия, безумства;
Но мщенье ждет тебя за дерзость и кощунство!
Уж *Вздоркин* для тебя по дням и по ночам
Терзает бедный ум для жалких эпиграмм;

Уж вновь бессвязное послание готовит,
В котором очернит тебя и озлословит,
И, в гибельном бреду, бумажный витязь сей
С костра возопиет к дружине так своей:
«Зачем мы, друг, с тобой на сем костре палящем —
Я сроду не писал ни *абие*, ни *аще!*
Он враг мой, он злодей, в посланиях моих,
Жестокий, обличил в бессмысльи каждый стих,
А их хвалил и ты, хвалил, мой благодетель,
Сам, в радостных слезах, я был тому свидетель;
О, вечно я ему сей злобы не прощу,
Иль *абие* скорей в стихи мои вмещу...»
Так *Вздоркин* на тебя в посланьи ополчится,
Проси его иль нет, уж он не примирится,
Тиснению себя безжалостно предаст;
Ты шепчешь: «В добрый час! не так-то он горазд».
Согласен в том с тобой; но разве не случалось,
Что даже *Балдусу* нередко удавалось
Насмешкою платить насмешникам своим;
Не сам ли он тебя под именем чужим
Недавно разбранил и с другом поплатился,
Чтоб глупость тот его назвать своей решился, —
В немногих сыщешь ты ума и остроты;
Во всех достанет сил для подлой клеветы;
И брань ли требует таланта здесь какого,
Коль льется нам она с пера и с уст *Злослова?*
Пусть *Балдус* не страшит, пускай его весь век
В кропании стихов уродливых протек,
Но *Бавий, Мевий, Фирс,* поющий доброгласно,
Но злобных рифмачей соборище ужасно!
Один уж пред тебя с ругательством предстал,
Торгаш бессмыслицы и продавец похвал,
Который всех морит, в горячке стихотворной,
Журналом, виршами и прозою позорной.
Страшись, страшись толпы рассерженных певцов,
Уж гром их над тобой обрушиться готов,
Неистовый порок обиды не прощает,
И гибельный конец злословье ожидает!

Но тише — ты в ответ — и в спор со мной идешь:
Ты вид злоречию совсем иной даешь;

Когда бы, например, в горячности безмерной,
Открыл пред светом я тот путь неимоверный,
По коему достиг *Рубеллий* до честей,
Стал властвовать людьми, раб низкий всех страстей,
Когда бы, гнусную сорвав с него личину,
Я подлых дел его открыл хоть половину,
И, в виде собственном представив на позор,
Ужасный произнес над ним бы приговор;
Когда бы обличил я страшны злодеянья,
Которы, в поздние минуты покаянья,
Ханжихин, устрашась и смертных, и богов,
Смиренно облачил в монашеский покров;
Когда бы, позабыв к прелестным уваженье,
Всех тайн *Кокеткиной* я сделал откровенье,
Иль жизнь *Распутина* порочить стал бы вслух,
Как в ветхой хижине, храня он бодрый дух,
И, мудрость с ранними обретши сединами,
Нас жалкими о ней смешит проповедями, —
По праву б ты меня злоре́чивым назвал;
Но чтобы над глупцом смеяться я престал?
Чтоб *Вадия* стихи внимая на мученье,
Я мог выказывать в лице своем терпенье,
Чтоб, стоя с низостью пред знатным подлецом,
Престал бы соглашать я сердце с языком,
Иль, чтоб в кругу друзей, с людьми иль меж стенами,
Бурруна, Бавия назвал бы я певцами,
Чтоб, оды *Балдуса* читая, не зевал,
В них каждой бы строки с досады не марал,
На жалкий перевод Расина и Вольтера
Спокойно бы смотрел и хлопал из партера, —
На это нет моей покорности к тебе:
Я это повелеть не в силах сам себе!
Предавши своему печатный вздор сужденью,
Мешаю ль от него купцов обогащенью!
Благодаря уму своих покупщиков,
Как Крез, от глупых книг разжился Глазунов;
И в чем же винен я, когда, за наказанье,
Купивши и прочтя *Бессмыслова* маранье,
Скажу, что лучше б он его не издавал,
Тогда его глупцом никто бы не назвал;

Полезный сей совет всяк право дать имеет
Тому, кто пишет вздор и вздор печатать смеет,
Пусть автор плачущий нанижет пять страниц,
Где просит милости, пощады, павши ниц,
Не внемлет ничего читатель беспристрастный:
Стихи летят в огонь — и гибнет труд несчастный!
К тому же в силах ли сатирой я своей
Хоть мало обратить на разум рифмачей?
Я *Балдусу* твержу: ты не рожден поэтом;
Будь другом, будь отцом, полезен будь советом
Иль помощью другим; лишь кончу мой совет —
А *Балдус* за перо, и вновь полился бред,
И мне ж, за доброе приязни наставленье,
Несносные стихи читают на мученье!
Я *Вздоркину* сто раз стыд тяжкий предрекал,
Когда он в свет свои посланья издавал;
А *Вздоркин,* что ни день — то басня или ода,
А *Вздоркин,* нового произведя урода,
Скропавши два стиха, надулся и кричит:
«О, радость! о, восторг! и я, и я пиит!»
Вотще пред *Бавием* все силы истощаю
И к смыслу здравому склонить его желаю;
Рифмач неколебим — и с каждою луной
Нас новою дарит в журнале чепухой;
Советом оскорбясь, себе ж к стыду и сраму,
Смешную на меня пускает эпиграмму;
И это ль ты во мне злоречием зовешь,
За это ли конца ужасного мне ждешь?
Не мне ли одолжен тем *Балдус* многоплодный,
Что, может быть, его прочтет потомок поздный?
Безвестны имена *Фирс, Мевий и Злослов*
Известность обретут ценой моих стихов,
И, может быть, с гудком мой *Бавий,* вместо лиры,
По смерти рассмешит читателей сатиры!
За это ль на себя их мщенье навлеку,
Что я им лишний год прибавлю на веку?
Но, муза! замолчим, покорствовать умея,
До первого глупца — и первого злодея!

<1812>

НА МОДНЫХ БОЛТУНОВ

(ПОДРАЖАНИЕ ВИЖГ, САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ)

Клит! Вздоркин! Пустослов! дадут ли мне покой?
Лишь этот от меня, а тот уж предо мной!
Клевещет, лжет, бранит, а я пред ним ни слова,
Со скуки умереть душа моя готова;
Рассказчик мелочной ничтожных новостей,
По воле скачущий терзать собой людей,
В ком вечно действует язык велеречивый!
Что нужды мне, что «Фирс вступает в брак
счастливый,
Тот умер, тот расторг супружеский союз...»
За диво выдает!.. Тогда лишь я дивлюсь,
Коль, ставя тяжкому мучению преграду,
Он, сжалясь, замолчит ушам моим в отраду,
И даст спокойно мне, прослушав скучный вздор,
Вздохнуть — и устремить на небо скорбный взор!
«Покражею стихов, ничтожных сил в замену,
Там *Глупов,* на подряд, дурачит Мельпомену;
Там шут, на площади привыкший чернь смешить,
Судьею посажен дела ее решить;
Там, жалкий раб страстей, *Развратин* вянет
в цвете...»
Довольно и того, что есть они на свете!
Свет вечно будет тем, чем был он искони.
Иль мало, что со мной встречаются они?
Злоречие в устах единого порока;
Правдивый муж скорбит, но тихо, без упрека;
Коль слабостей людских нельзя нам истребить,
Не лучше ль во стократ уметь их извинить?
Нет, вы опять свое: «Зачем тот знатен, пышен,
Тот слишком скромен, тих, а тот в хвалах излишен
И ползает в пыли у княжеских дверей...»
Не лучше ль, чем судить, вам научать людей,
Чем порицать кого в пренебреженьи веры,
Вам благочестия подать ему примеры
И первым перестать, пришедши в храм святой,
Окинувши народ, собравшийся толпой,
Ловить своих Лаис завистливые взоры,
Иль громко выхвалять их модные уборы,
Взгляд дерзкий на красу невинную кидать,

Смиренье бедности почтенной презирать,
Молебный старца лик, с рукой, в боях увечной,
Встречать с холодностью души бесчеловечной?
Судить не мудрено — примером трудно быть.
Славней, откинув брань, невежеству простить,
Чем, слабость в ком нашед и став его судьею,
Лишь с тем, чтоб уязвить, ползти за ним змеею,
Винить как мудрецу, как злобному ругать,
И собственный порок злословьем обличать;
На труд художника взирать с пренебреженьем,
Уничижать его единым мановеньем;
С лицом безмысленным, на коем лишь одни
Изжитые в цепях разврата видны дни,
Хулить творение, венчанное от света,
И хладной убивать улыбкою поэта!
С душою, ноющей под бременем страстей,
В личине мудреца казаться всех умней,
В личине, кою я бестрепетно срываю
И Ми́даса под ней со смехом открываю!..
К чему вы тратите ничтожные слова?
Оставьте лучше свет, каким он был сперва;
Поверьте, скучные врали и пустомели,
Что с вашей брани в нем глупцы не поумнели,
Что так же плут хитрит, коверкается льстец
И с наглостью везде является подлец!
«Смотри, — опять жужжат, — там святости ревнитель,
Сокрывшийся навек смирения в обитель,
Который с жаром нам о ней благовестит,
У коего с слезой в очах она блестит,
Сей веры пылкий друг, хвалящий строги нравы,
Сей благочестия читающий уставы,
На время отложив премудрость, божий страх,
Резвится с нимфами на Вакховых пирах!
А там Фемиды жрец, решащий тяжбы, брани,
Пред коим сироты подъемлют нежны длани,
Пред коим целая несчастная семья
Лобзает, честь забыв, одежд его края,
Вельможа, на себе священный долг носящий,
Работает умом — за картами сидящий,
Он встанет для того, чтоб снова сесть за них,
Или насытиться избытком яств драгих,
И челяди в кругу, прельщающей нарядом,

Воссесть с невежеством и с лестью подлой рядом!»
Увы, я часто сам свидетель был сему!
Но надобно ли мстить злоречием всему?
Нет, мстите лучше вы не злобой, не презреньем,
Но бедным помощью, но сирых заступленьем;
Полезно ль для меня в беспечности отдать
Другому, общий долг несчастным сострадать?
Пусть он закона страж — я точный исполнитель,
Пусть будет он судья, но я благотворитель,
Присвоим то себе, что, может быть, другим
Как должность случаем приписано слепым,
Потщимся, отложив суждения пустые,
Чтоб прямо показать намеренья благие,
Удерживать язык, пример давать собой,
Быть делом добрыми, не словом, не молвой.
<1818>

НА ЖЕНИТЬБУ В БОЛЬШОМ СВЕТЕ
(ПОДРАЖАНИЕ ЮВЕНАЛУ И БОАЛО; САТИРА ПЯТАЯ)

Наскучив жить один и в суете, и в горе,
Дамон, пронесся слух: ты в брак вступаешь вскоре,
И тысячи уже с невестой сочтены:
Порука верная в достоинствах жены!
«Давно, — ты говоришь, — я, в участи жестокой,
Желал избавиться от жизни одинокой,
Встречать вокруг себя лишь лица скучных слуг,
Всегда, везде один, — мне нужен нежный друг,
Полсердца праздного что занял бы собою;
На свет к супружеству мы созданы судьбою —
И жалок, кто бежит его во цвете дней!
Несчастней — истинно — не вижу тех людей,
Которые живут под старость холостыми,
И участи страшусь я одинакой с ними:
Дряхлеть без помощи и ждать лишь с каждым днем,
Чтобы наследников обрадовать концом,
И, может быть, еще — пример в том не единый —
От них же умереть безвременной кончиной!
Нет, нет! Природы мне закон всего святей;
Хочу иметь жену и милых мне детей:
В семействе лишь приют сердечного покоя!..»

Так впору б говорить с церковного налоя,
И лучше убедить, Дамон, на этот счет
Красноречивый сам не мог бы Боссюет.
Кто спорит в том — ничто не может здесь сравниться
С блаженством — жребием с подругою делиться,
И видеть вкруг себя малюток резвых сонм,
Которых, в торжестве, мечтаешь быть отцом,
Их ласки, суету, домашних уваженье,
И обморок жены при малом огорченье!
Но вспомнил ли и то, счастливец из мужей,
Что также горести имеет Гименей,
И что он, в наши дни, не страж уже любови...
Но что? я начал лишь, а ты уж хмуришь брови
И мне наперекор с досадой говоришь:
«Ты так же, как и свет, во всем лишь худо зришь;
Но если б знал кого в невесте обожаю,
То воспитание, те чувства...» — Понимаю
И все достоинства даю охотно ей —
Пусть будет честь невест и зависть матерей;
Положим, что тобой избранная супруга
В учении добра не ведала досуга,
Как ангел, дышит лишь невинностью одной.
Но кто уверен в том, чтоб, с пылкою душой,
Начав с тобою жить средь нег и обольщений,
Невинность бы ее спаслась от преткновений,
Явившись в этот свет, на сей театр чудес,
С какими взорами твой ангел сей небес,
Со всею нежностью и непорочным чувством
Пленится зрелища волшебного искусством —
Узрит героев сих, которых нежный глас
О сладостях любви твердит нам целый час,
Роландов яростных, Ренальдов сих прелестных;
Услышит о вещах, еще ей неизвестных,
Услышит, что любви всё то, что свято есть,
Как вышню божеству на жертву должно несть,
Все скромны правила, столь в операх знакомы,
Которы разожгут оркестра звучны громы...
Каким движением, в душе воспалена,
Ты думаешь, тогда исполнится она?
Ручаться можно ли, что, возвратясь смущенна,
Армид и Ангелик вслед славный устремленна,
Отважно не начнет твердить уроки их?

К разврату женщины один потребен миг.
Но пусть, в сем случае, она не изменится,
И робкий стыд ее соблазном оскорбится.
Один ли страх? Вступя в блестящий света круг,
Куда ее введет гордящийся супруг,
Где окружат ее ласкатели болтливы,
Прельстители сердец, в успехах столь счастливы,
Безмолвна и тверда, подобяся скале, —
Она ль бесчувственна к их будет похвале?
Сперва исподтишка, то взором, то словами,
Их отличит, назвав домашними друзьями;
А там, Дамон, а там?.. Жоконда уж не раз,
Краснеяся скажу, мы видели у нас!
Честь с неприступною той крутизной сравнится,
С которой, низойдя, не можно возвратиться.
Быть может, не пройдет супружества двух лет,
Как, страстная менять любви своей предмет,
Открыто принимать она друзей сих станет —
И цвет стыда навек в лице ее увянет!
В порывах пламенных порочныя любви
Ничто не утолит кипящей в ней крови;
Тогда, неистовой подобясь Мессалине,
Что с ложа цесарей разврата шла к пучине,
В ряд гнусных став рабынь, забыв и сан, и двор,
Позора на следах, являла вновь позор,
Предавшись слабости и ею вновь борима,
Не раз утомлена, но ввек ненасытима...
Счастлив, когда в стыде, не кроясь от людей,
Даст средство, чтоб тебе избавиться от ней!
Но что с тобой тогда, коль более жестока,
Любя один соблазн и блеск один порока,
Не столько для себя, как чтоб тебя терзать,
Кокетству своему границ не будет знать?
В дому твоем, скажи, радеющий ко благу,
Как встретишь волокит ты шумную ватагу?
Для всех услужливый и ласковый прием,
Лишь только ты один несносен ей во всем:
Тот словом заплачен, а этот куплен взглядом;
Для них у ней прошло все утро за нарядом,
И грудь прелестная, с стыдливостью борясь,
Вся дышит негою, в покровах не таясь;
Для них искусная рука ее, в терпенье,

Красивое волос устроила паденье...
К ней в спальню, бедный муж, не каждый час входи,
С терпением минут благоприятных жди —
И скромен будь, не смей, при всех словах учтивых,
Ей нежно упрекать в издержках прихотливых;
Чтоб страшных не слыхать упреков, бранных слов,
Рад будешь жертвовать наследием отцов;
И можно ли, скажи, встречать когда с укором
Наклонность в женщине невинную к уборам?
При всем роскошестве ее возможно снесть:
Ей скоро в нищету нельзя еще привесть.
Другой, другой есть страх!.. Что будешь ты, несчастный,
Как демон злой игры вдохнет ей огнь ужасный?
Готовься ты ее за карточным столом
Увидеть заняту сим важным ремеслом,
Как поприще она откроет новой славы
И игры все от ней возьмут себе уставы;
Готовься видеть ты, как нежная жена,
Почтенных игроков толпой окружена...
. . . .
Но мне опять гремит твое опроверженье:
«Ее небесный нрав, любезность, просвещенье...»
Всё помню, но, Дамон! жив в свете меж семей,
Сих кротких ангелов до брачных алтарей
Не видел ли потом, чрез год или и мене,
На пагубу мужьям в ужасной перемене,
Как их могущий гнев в минуту обратит
Храм мирныя любви в жилище эвменид?
Как нежность их в словах, и вкусу должны дани —
Всё увлекается потоком страшной брани?
Нет спуску небесам! И тут-то нам, Дамон,
Есть случай кое-чем пополнить лексикон!
Но что, когда еще от страсти иль досуга
Захочет в верности испытывать супруга?
Тут слово каждое являет смысл двойной;
Там твой веселый вид ей кажет знак худой;
Зачем ты вечно с ней, иль, встретясь по разлуке,
Так приближаешься задумчив, будто в скуке,
И, будучи отец уж взрослым дочерям,
Не падаешь, актер, в любви к ее ногам!

Иль, ада самого достойное мученье,
Как тайное к ней в грудь вселится подозренье,
Как твой в молчании замечен каждый ход,
И ты, идя домой, встречаешь у ворот,
В ночи, свирепый вид, в суровом пламень взоре —
И милую жену в прелестном сем дозоре!
Как будешь рад тогда, от страха побледнев,
Когда лишь на тебя обрушится весь гнев,
И, злобствуя, она забудет в сих досадах
Преступного отца тиранить в бедных чадах!
Тут с помощью врачей, приисканных в полночь,
Успеет от притворств не в шутку занемочь,
И ты, ты сам бы рад, теряя духа силы,
В отчаяньи ступить на край своей могилы...
«Ты сóбрал горести все брака», — говоришь.
Я сóбрал? все, Дамон? ах, ты меня смешишь!
От страшного возьмем предмет не столь суровый;
Я всё ли описал, сказал ли я хоть слово
О той, чей пылкий ум, познания и вкус
С собой переселят в твою обитель муз?
Какое для тебя готово восхищенье!
Ты будешь об одном лишь слышать песнопенье,
Или — беда, коль Феб тебе не будет мил —
Из рук твоих тогда не примут и чернил!
Поэты у тебя назначат вечеринки,
Где слышать будешь все бумажные новинки;
И все перед тобой отборные умы —
Иной послания, другой свои псалмы —
На суд твоей жене прочтут приличным тоном, —
Чего тогда хотеть, владея Геликоном?
И *Вздоркин, Вздоркин* сам, от басен без ума,
Их будет там читать, как читывал Тальмá! [1]
Услышишь, как меж них, забыв она о поле,
Явится рыцарем в славянском их расколе,
И ты, чтоб их понять стремлением горя,
Вновь будешь осужден начать от букваря —
О той, которая, в любви к тебе немая,
Ласкает одного счастливца — попугая,
И будет принимать и жар сердечный твой,
И нежность, и любовь с стоической душой?

[1] Известный актер в Париже.

О той, что, избежав молчания порока,
Без умолку сама лепечет, как сорока?
О той, чья набожность, ища различных мест
И мужа посвятя на вечный переезд,
Захочет свойства в нем узреть к тому потребны,
Чтоб всю его казну отправить на молебны...
Ты, вижу, поражен суждением таким;
Терпенье! кончу всё явлением одним,
И уж страшней сего — готов хоть до заклада —
Не скажет ни одна новейшая баллада!
Что, ежели тебя постигнет эта часть?
К гееннской скупости в нее вселится страсть —
Тогда, Дамон, тогда заранее покайся:
Суровостям зимы тут в осень подвергайся,
И, строгий пост храня во все годичны дни,
Готовься жалобы выслушивать одни,
Что ты, в глазах ее, и мот, и расточитель,
Какого ни она, ни сам ее родитель,
Блаженной памяти, не видел пред собой, —
Что скажешь? Неужель ты думаешь со мной
Сказать: «Мучение терпеть не бывши сроден,
Сударыня, вот вам всё ваше — я свободен».
И тут развод... Дамон, но вспомни, как у нас
Подобные дела заведает приказ!
Но свет? спокойствие погибшее? но дети?..
И ты, как ни мечтай сии расторгнуть сети,
Всечасно жалуясь пред светом и судьбой,
В терзаньи от нее, в терзании с собой,
Готовый в участи завидовать злодею,
И, к ужасу всех зол, жить будешь вместе с нею.

<1818>

ОТРЫВОК ИЗ ЛУЦИЛЛИЕВОЙ САТИРЫ ПРОТИВ ЕГО ВЕКА

(САТИРА ШЕСТАЯ)

Какие времена! какое ослепленье!
За злато плебей вступают в знатный сан,
Берут достоинств мзду и кроют преступленье!
Весь Рим — софистов сонм! нет истинных граждан!

Где древних праотцев прямое превосходство,
Их в бранях храбрый дух, их неизменный нрав,
Ко Славе, Истине любовь и благородство?
Всё пало, всё падет! таков судеб устав!
О, мир, довольствие, народа благоденство!
Весь град огнем вражды мятежной воспален,
Благое сограждан сокрылося равéнство —
И отрок слабых сил владыкой наречен!
Изображу ль семейств печальную картину?
И там порок возжег погибельный раздор.
Подвластных ли возьму несчастную судьбину,
К владычеству ль простру свой огорченный взор —
Везде лишь ищут польз других к вреду и стону,
Везде лишь сильному предстательство и кров;
Суды суть торжища, судьи — враги закону,
Бесчестьем осквернен и самый сан жрецов.
Где Рима древнего величие и сила?
Почто не обращен мгновенно он во прах!
Здесь прелесть слабых жен порфиры блеск затмила,
Там стыд властителей, там воев низкий страх...
Где любомудрый взор, стрегущий суд и брани?
Там знатный род возвел надменного глупца
В священный сан вождя, дал меч и жезл во длани
И чтит достоинством гражданского венца!
О, участь жалкая! умов порабощенье!
В могиле хладной я почто еще не скрыт?
Ах, лучше бы меня богов постигло мщенье,
Чем римлян чувствовать и бедствие, и стыд!
Оплачем, граждане, наш жребий униженный,
Я видел... о, почто очей был не лишен,
Наш сильный легион, коварством подкупленный,
Без браней, без побед повергшийся во плен!
Я зрел и олтарей, и жатв опустошенье,
Я зрел оратая среди его трудов —
Без силы, без надежд, с отчаяньем боренье!
Я зрел, при пышности вельможеских дворов,
Как вмиг, их алчности в угодность, исчезало
Терпение и труд чрез целый ряд годов,
Как Истину и Честь изгнанье осрамляло!
Я зрел... Отечество! красу твою и щит,
Героев, средь смертей себя на жертву несших,

И, возвратясь к тебе, о, срам, о, вечный стыд!
Презор, и нищету, и глад себе обретших!
Я зрел — и скорби мрак мой дух отяготил;
Оставим всё, о вы, для коих предков слава
Еще в душах жива, еще сердец отрава, —
И будем Рим искать... среди одних могил.

<1810>

* * *

Сопоклонник Аполлона
И пиерид юный жрец,
Лавра леторосль зелена
В чей вплетается венец,
Музе я моей смиренной,
Убегающей похвал,
Дружбы в хартии священной
Похвалы твои читал.
О любезный незнакомец
И знакомый мой поэт!
Нет, названый муз питомец
Их на счет свой не берет;
Там с любезными певцами
За валдайскими горами
Музы кроются в Москве,
А у нас здесь на Неве,
Где от прозеб и поклонов
Людям вечный недосуг,
Их не слышит лирных звонов
Суетливый Петербург.
Под знамены став Шишкова
И клянясь писать сумбур,
Здесь поет Петра большого
Наш варяжский трубадур,
И, забыв свои победы
Здесь над чувством и умом,
От докучливой беседы
Музы скрылися тайком...

25 февраля 1812

* * *

Жуковский, не забудь Милонова ты вечно,
Который говорит тебе чистосердечно,
Что начал чепуху ты врать уж не путем.
Итак, останемся мы каждый при своем —
С галиматьею ты, а я с парнасским жалом;
Зовись ты Шиллером, зовусь я Ювеналом,
Потомство судит нас, а не твои друзья,
А Блудов, кажется, меж нами не судья.

М. Милонов,
обнимающий с почтением Жуковского.

3 сентября 1818

К И. М. Ф‹овицком›у на вызов его продолжать мои сатиры

Ты требуешь, мой друг, чтоб я на лире снова,
Тесним от злых забот, хотел еще бряцать
И дерзостный порок бесстрашно обличать, —
Тебе покорствовать рука певца готова!
Но что, скажи, за цель в стремлении таком
Мне сделать каждого читателя врагом;
Довольно без того в сей жизни огорченья!
Свет беден в знатоках хорошего творенья;
Вотще у нас певцы соревнованья ждут,
Их публики давно убил холодный суд.
Кто чтит Державина превыспренне паренье,
Российской музы честь и лиры украшенье,
Тот скажет: брось перо, иль равен будь ему,
Прочтя его, дам суд таланту твоему;
А кто небесных тайн поэзии не знает,
В ком сердце при его струнах не постигает,
Что может человек, что чувства значат в нас,
Кому знаком один *Безмыслова* Пегас, —
Для тех и без меня поэтов тьма способных:
Не ищет мой талант похвал простонародных!
Ты скажешь: а друзья, которы в тишине
С Горацием тебя ласкают наравне,
И Музе скромной в дар венок от них плетется?..
Ах, дружба реже всех с поэтом уживется!
В том лесть, ласкательство, а в этом приговор,

От коего моей пылает Музы взор,
Тот, из любви ко мне, душит в нравоученье,
Что страсть к поэзии есть к пагубе стремленье,
Что должно бросить всё, чтоб с низкой я душой,
В презреньи полз к чинам презрительной тропой,
Чтоб чувств небесный жар, души моей светило,
Я в низкое вменил страстей людских кормило,
К *Рубеллью* ненависть в почтенье обращал
И в зеркале красой уродство бы казал!..
Сей, в простоте ума, избрав себя судьею,
В глаза мои стихи зовет галиматьею,
И те, кем одобрять талант бы слабый мой,
Я часто слышу, чтут поэзию чумой;
В сомнении таком, скажи, могу ль решиться,
Что мой ничтожный дар на что-нибудь годится?
Без чувства сограждан едва ли бы посмел
К бессмертию Гомер и к славе Пракситель —
Не оскорблю тебя, о Пиндар наш единый,
Сказав, что дан полет тебе Екатериной;
Она великий дар в душе твоей зажгла —
И с музою твоей к потомству перешла!
Но ревность к гениям, без смелости и дара,
Вновь пагубу явит несчастного Икара;
Что может горестней быть участи певца —
Дивиться — и не сметь достичь до образца!
Так часто вижу я художника с терзаньем
Перед единственным богини изваяньем,
Ломающа резец по тягостной борьбе,
Всю силу чувствуя бессилия в себе.
Скорей советуй мне, чужд лести и сомненья,
Чтобы, напрасные оставив покушенья,
Я уклонился муз в ничтожности моей,
Которым жертвовал бесплодно цветом дней,
Для коих пренебрег, исполнен их отравой,
Как юность пылкая стремилась вслед за славой,
И брани, и честей блистательный доспех,
Для коих я бежал пленительных утех,
Которы радостно чело других венчали, —
Для них сокрыты дни в трудах перепадали,
И скорбь их сблизила безвременный закат;
Мой гений подавлён под бременем утрат!

1818

ПОСЛАНИЕ В ВЕНУ К ДРУЗЬЯМ

Давно живущие средь Вены
И мне давнишние друзья,
Душа к которым без измены
Давно привержена моя.
Я к вам от Северной Пальмиры
Теперь, настроя звуки лиры,
Хочу послание писать
И о себе кой-что сказать.
Обнявши брата Владислава,
Через него я шлю к вам весть,
Как здесь Российская держава
Не престает поныне цвесть.
Как здесь министры все спокойны,
Устроясь во взаимный лад,
И их чиновники достойны
Берут чины наперехват.
Как здесь в обширном Петрограде,
На дождь и слякоть несмотря,
Во всем величьи на параде
Мы видим нашего царя.
Как он, Европу созерцая,
Иметь мечтая перевес,
Обширно царство оставляя,
Спокойно едет на конгресс,
Что ждет вдали — того не знает,
Но, други, согласитесь в том,
Что трон, который покидаем,
Несчастным кажется рулем.
Не осердитесь хоть из дружбы,
Что речь покажется темна.
Ведь я чиновник статской службы,
А в оной ясность не нужна.
Оставя сей предмет высокий,
Я о другом вам расскажу:
И красоту здесь, и пороки
Литературы покажу.
Здесь пишут менее, чем было,
И повестей хороших нет:
Не всходит более светило
Поэзии средь наших лет.

Державин спит давно в могиле,
Жуковский пишет чепуху,
Крылов молчит и уж не в силе
Сварить Демьянову уху,
Измайлов, общий наш приятель,
Хоть издает здесь свой журнал,
Но он лишь только что издатель
И ничего не написал.

1818

ПОСЛАНИЕ К Н. Р. П.

При первом я своем с Патри́кием свиданье
Условился, чтоб к Вам стихами написать
Великолепное, обширное посланье,
Какое вам досель не снилося читать;
В нем будут новости, начавши от погоды,
Дела военные, гражданские суды,
Моральные черты, явления природы,
Разлив морей и рек от дождевой воды,
И, словом, всё, что есть и зримо, и незримо,
Для расширения послания сего,
Для мыслей и для рифм всё то необходимо:
Поэты наши блеск заемлют от того!
Теперь, окончивши толь нужное введенье,
Торжественно хочу эпистолу начать,
Да голос оныя, пройдя в уединенье,
Где вы с природою укрылись обитать,
Склонит ваш взор и слух к беседе нашей с вами,
Давно перерванной отбытием моим.
Вы знаете, что я, меж многими краями
По свету колесив, здесь вновь явился зрим.
Не раз я посещал и древнюю столицу,
Обитель пышную российского царя,
И видел древнюю и юную царицу,
Меж черные блещущих, как утренняя заря,
И гостя славного, потомка Фредерикса,
В мундире, на коне, в карете и пешком,
Для созерцания его почтенна лика
И стар, и млад, и хвор бросали всякий дом;

Как велие пиры давала им Орлова
На деньги чистые едва ль не в миллион,
Где все сознался, что пиршества такого,
Уж бывши королем, не видывал и он;
Какое множество пред освещенным домом
Народа и карет тянулось под Донской,
Как войско под ружьем нас оглушало громом
И тешило царей готовностью на бой;
Как сын Юсупова в присутствии монарха,
Который мнил его глаголом уст почтить,
От глупости ли то иль попросту от страха,
Здоровы ль вы, король? — изволил вопросить;
Как средь дворцового великолепна сада,
Где приготовлен был чудесный фейерверк,
Пылала лишь одна всеобщая досада,
Зане на оный дождь полился в виде рек!
Как на свершаемом кавалерийск-параде,
Который окружен отвсюду был людьми,
Брат Иловайских пал, притиснутый в ограде,
И стоптан при глазах невесты лошадьми;
Как было торжество при заложеньи храма
Во имя господа спасителя Христа,
Картине сей нужна обширнейшая рама
И кисть духовная, всех кистей красота:
Как весь священный клир, вмещаемый Москвою,
Горé имущ сердца, брады и очеса,
Тянулся вслед полкам под ризою златою,
И куревом кадил мрачились небеса;
Как сам монарх, прияв и камень, и лопатку
В державну длань свою, с открытою главой,
Великолепную тут совершал закладку,
И место храму быть означено доской;
Как пастырь Августин, в восторге исступленья,
Вещал: *где мы, на что и чтó мы се творим?*
Толпы народные, как воды в час волненья,
Во знак согласия склонились перед ним.
Я зрел храм наших муз, еще не обновленный,
Экзерциз-гауз близ, взнесенный к облакам,
На диво зданьям всем в трофей сооруженный
И во вместилище тьмочисленным полкам.
Я зрел обширные руины и бульвары,
Где тысящ тысящи гнездились, как клопы,

Купцы, посадские, профессоры, и бары,
И черни жалкия жужжащие толпы.
Я видел в пансион монарха посещенье,
Он рек: всё держится лишь Библией одной,
И те слова тотчас инспектор в восхищенье
Ко стенке прилепил на дщице золотой.
Я был в собрании словесности российской,
Известный русский где профессор Мерзляков,
При громе бубн, кимвал и песни мусикийской,
«На Гаваоне бог!» — в начале рек стихов.
Я веси многие обтек вокруг и грады
И зрел различные народов племена,
И нивы злачные, и скал нагих громады,
И шуму волн внимал, склоняясь к неге сна.
Я был в Владимире, что Клязьма обтекает,
И виц-правителя того я посещал,
Который многого хотя не обещает,
Но, так сказать, себя порядком основал.
Я зрел монархини путь скромный до Ростова
Для поклонения усердного мощам,
Где видел вашего и дядюшку родного —
Царицы-матери для встречи был он там
И получил от ней себе благоволенье
За то, что, тысяч пять слупивши от купцов,
Он сделал в честь ее приезда приношенье
На вспоможение для сирых и для вдов.
Я был и в Суздале, старинном граде оном,
Который славится княженья сединой,
И мощи лобызал с любовью и поклоном,
Останки дивные угодницы святой;
Там зрел я монастырь во имя спаса-бога,
Супруга где Петра Великого жила,
Где жизнь она вела елико можно строго
И, схиму восприяв, в мир лучший отошла.
Тут видел страшное судеб я превращенье
И в свете, так сказать, единственный пример:
Сын Разумовского, сидящий в заточенье
Под видом, что дурак, — с умом и камергер:
От блеска и честей отторгнувши далеко,
Судьба рукой отца, без ведома царя,
На поглумление холодных душ жестоко
Влекла его к стенам сего монастыря.

И мало ли еще что видел я в вояже,
Смешного множество и жалкого в сто раз —
Разбои, грабежи и — что всего есть гаже —
Юстиция в судах и подлинно без глаз!
Наскучив житием в глуши, в уединеньи
И этот свет еще не вовсе разлюбя,
Отраду заключив в надежде и терпеньи,
Я миру захотел еще явить себя.
Итак, собрав свои физические силы
И нравственность свою устроя сколько мог,
Я паки привязал воображенью крылы,
Да снова отворю честей себе чертог.
К сему способствовал Сьеринов с миллионом,
Который он в Москве охотно отдал с рук:
При встрече я его обрадован поклоном,
Мы тотчас бросились в объятья к другу друг
И слово за слово поспешно объяснились.
Простившись с дядею, у коего я жил,
Мы, в бричку польскую воссевши, вмиг пустились
Во славный Питер-град, где я уже служил.
Едва достигнул я столичныя заставы,
На стогны гра́дские едва ступил ногой,
Друзей моих пошел испытывать я нравы,
А более, чтоб их обрадовать собой.
И что ж нашел? Увы! Тот беден, тот без места,
Иной возвысился, иной приунижен,
Рамбовского свела совсем с ума невеста
(Колико сильны суть над нами власти жен!),
И то, что так ему и нравилось, и льстило,
Хмельное именно, настойка и коньяк, —
Он ныне от того уж отвращает рыло;
Женитьба же его идет и так и сяк.

Теперь я обращусь к другим местам и лицам,
Пузырность чудную везде я нахожу:
Здесь всё подобится воздушным колесницам,
На статских ли чинов, военных погляжу;
Везде одни слова, везде одни обманы,
А деньги, кажется, всему дают здесь ход,
Все туже набивать стараются карманы,
Но здесь простите мне: се нужный эпизод.
Патрикия нашел, как прежде, я в халате,

В суждениях его не вижу перемен;
В архиве он своей сидит, как будто в хате,
И мнит, что свет — архив, в архиве прах и тлен;
А Федоров почти совсем переменился,
Не мню, чтобы душой и сердца добротой,
Но так в юстицию жестоко углубился,
Что на проспект уже не ступит и ногой.
Брат Лев же, например, он всё еще мечтает —
Блажен, кто и мечтать способен в жизни сей!
Но жаль, что иногда чрез меру он ласкает
Или чрез меру он ярится на людей.
Измайлова нашел я точно в том же виде,
Нисколько тонее, нисколь не потолстел;
Благонамеренный, скажу я не к обиде,
Имеет тот же ход, как прежде он имел.
Я был и в Обществе: какая перемена!
Все члены новые и новые умы;
Никольского уж нет, и критика забвенна,
Дашков уж не творит с Хвостовым кутерьмы.
Да, кстати, речь пришла теперь и о Хвостове:
Сей ветхий сластолюб, гуляючи в саду,
Внезапно пойман был дев радостей на лове,
Единой дав из них полсотни на беду.
По поводу сему Измайлов покусился
При хартии к нему отправить нищету,
И в хартии он той открыто изъяснился,
Что, щедрость чтя его и сердца доброту,
Благотворения публично зря примеры,
Он убедил его и сей толико ж дать,
Как с удовольствием он жрице дал Венеры:
Да дастся за сие обоим благодать!
В таких тисках Хвостов никак не отказался
И разом две свещи кумирам двум возжег:
Там черт на старости поймать его старался,
А здесь же уловил благотворенья бог.
Окончивши теперь историю Хвостова,
Я должен вам сказать кой-что и о других —
О красном Сферане хоть ме́льком два-три слова:
Лице сие нельзя забыть в стихах моих!
Он так же, как и был, и странен, и чудесен,
Над всем смеется вдруг, быв сам всего смешней,
В речениях своих славянских полновесен

И нет юстиции во всей его смелей,
Работает сплеча записки, отношенья,
Мечтая оными Поспелова сражать,
Не видя за труды другого награжденья,
Как только б где поесть, попить и поплясать.
Янжула встретил я случайно на бульваре;
Он, по обычаю, захохотал тотчас,
Хоть вовсе на моей новоявлённой харе
Смешного ничего не зрелось в этот раз.
Я зрел Викулина среди Казанска храма
С печальным образом и скорбию в очах,
Где он оплакивал на лоне Авраама
В бозé усопшего митрополита прах;
С ним вместе он сокрыл надежду и мечтанья
На связи, на чины, на деньги, на кресты,
Которые дают другим не за гулянье,
Но он их от одной желал бы простоты.
Потом приятеля его я зрел Мороза —
И сей, равно как он, невесел из лица,
Лабанова ему не по нутру угроза:
Он дал ему пинка юстиции с крыльца.
Я зрел и Гнедича с отрывком Илиады,
Он преложенье мне показывал свое:
В экзаметрах тут слов уродливых громады
И *долготенное* меж прочим копие.
Другие новости еще литературы:
Оленин меценат, к тому ж статс-секретарь
И выдумщик большой творить карикатуры,
Которого хранит наш адрес-календарь,
Недавно сочинил творение антично,
В котором древние медали разбирал,
И Каченовский так задел его прилично,
Как никого никто еще не задевал.
Он доказал ему, что, пыль пуская в очи,
Он сим фальшивая монета для очей;
Издатель Вестника уж выбился из мочи,
В отчизне чтоб терпеть чиновных толь вралей.
В Москве Димитриев, от света удаленный,
Сей критикою был ужасно восхищен,
Что тот, кто, в выдумках от всех превознесенный,
Внезапно был одним профессором сражен.
Тут многие у вас родятся мысли новы,

Век просвещения каков теперь у нас:
Лишь слово написал — и все кричать готовы:
Вот истинный мудрец — он врет же на заказ.
Но Каченовский сей, издав сужденье смело,
От крайности одной в другую вдруг попал:
Оленина задев по роже он за дело,
Карамзина совсем невинно обругал;
Да это не прошло сему педанту даром:
Жуковский с мщением явился яко тать,
С холоднокровием и купно вместе с жаром
Сказал ему в стихах: дурак, — м...[1]
Простите мне сие нескромно выраженье,
Эпистола сия лишь писана для вас;
К тому ж история не терпит принужденья
И пишет для ума, для сердца и для глаз.
О многих говоря приятелях я с вами,
Об Албрехте совсем я чуть не позабыл:
Он чудо говорун, будь сказано меж нами,
Но в угощениях по-прежнему всё мил.
Я видел Спасского и был весьма доволен
Суждением его о бедности людей,
Сей добрый человек хотя и очень болен,
Но для башки его не нужно лекарей.
Об экзекуторе департаме́нта Сборов
Одно могу сказать прилично в похвалу,
Что век не терпит он бумажных наших вздоров
И от Корнеева скрывается в углу;
Но, впрочем, портер он имеет превосходный,
Который я не раз с Патрикием вкушал;
Хвала ему за то, он вкус свой благородный
Достойно портером пред нами оказал.
Я часто захожу и в мрачную архиву,
Но лица светлые встречаю там людей.
Я видел, как они ведут там жизнь счастливу,
Не ждя себе за то награды и честей;

[1] Здесь ходила по рукам Записка о Москве Карамзина. Издатели Украинского Вестника ее напечатали без согласия автора. Каченовский разбранил ее в своем Вестнике. Жуковский написал ему следующее:

Я умный стих хотел, педант, тебе сказать,
Но умное тебя ничто уж не достойно;
Скажу тебе спокойно:
Дурак, — м...!

И се поистине суть смертные блаженны,
Знакомы с ветхостью единою бумаг,
Которые стоят у них переплетенны
И вервьем стянуты в ужаснейших стопах.
Я зрел и Бахтина случайно, мимоходом:
Едва ль он прежнего не сделался смешней,
Одет как чучело, глядит прямым уродом
И знатных чтет в числе запазушных друзей.
Голицын, Тро́щинский — ему защита оба,
Забота вся его о юных дочерях,
Супруга же его, как воплощенна злоба,
Не раз ему тупей литала яко прах.
Из новостей вы сих довольно днесь познайте,
В столице нового что встретил всюду я,
И лучших мне узреть предметов пожелайте,
Которыми мечтал утешить я себя.
Сие же прочитав послание пространно,
Которое едва теперь я окончал,
Почтите к вам мое желание преданно, —
Всё то, что чувствовал, я то и написал.
Увидевши же вас со счастливым возвратом,
Я более еще могу вам объяснить
О том и о другом, — теперь же с вашим братом,
Патри́кием, иду трапе́зу разделить.

1818

ПОСЛАНИЕ К А. Е. ИЗМАЙЛОВУ

Притчу мою поместя в издаваемом вами журнале,
Вместе в двустишьи вы мне подаете совет
дружелюбный
Притчи размером таким мне отныне писать
воздержаться,
Но для чего ж?.. Ах! прошу вас, внемлите
совет Рифмокласта:
Сам он, отрекшись от рифм, благозвучным
эксаметром пишет.
«Видите ль, — он говорит, — можно всё им писать,
что захочешь:
Турк, перс, влах, финн, швед, галл, лях и
татарин обритый,

Сладость вняв метра сего, вас поймут и
не знавши по-русски.
Гул, вой, гром, треск и блеск сей стих нашим
чувствам рисует;
Раз в раз щелка́нье в сталь чрез него отдается
во слухе».
С тех пор отвергнул я рифм для пииты тяжелое
бремя,
И от сего же часа им пишу не одну эпопею —
Басней, песней, драм, эпиграмм, трагедий, комедий
В краткое время могу написать я огромные томы,
Ныне отрывок один к помещению вам посылаю;
Вскоре другие за ним вослед полетят через почту;
А в ожидании я остаюсь навсегда вам усердный
Милонов.

<1820>

ПОСЛАНИЕ ПРОСИТЕЛЬНО-ПОКОРНО-СТИХОТВОРНОЕ, ПОСЛЕ СОВЕРШЕНИЯ ДЕСЯТИРИЧНОГО ПОДВИГА НА ПОПРИЩЕ ПОЭЗИИ В БОРЬБЕ С РИФМАМИ И СМЫСЛОМ

(К Н. Р. ПОЛИТКОВСКОМУ)

Протектор книжицы с зеленым корешком,
Гордящейся твоим не многим стихотворством,
О ты, безвласый муж, враждуяй с париком,
Чтоб истины чело не омрачать притворством!
Прочти послание затейливых писак,
Родивших в час один столь многи надписанья.
Ты любишь истину, они не любят врак
И пишут на лицо, презрев иносказанья.

Пускай неславные, безвестны имена
Прославятся твоим изобретеньем книжным;
Она усердием ко истине полна,
В ней спуску нет друзьям и родственникам ближним.
Се книга случаев как книжица судеб:
Ее не разогнет порока длань развратна,
Се жертва, коею любуется сам Феб,
Ужасная глупцам, для мудрых же приятна.

Внеся в нее стихи, согласны с правотою,
И чествуя тебя мы ими как поэта,
Любитель истины! Не шапки иль бехмета,
Но, руководствуясь везде прямой ценой,
Изящности своей не портивши простой,
Шестирублевого мы просим от Тангета.

К ПОРТРЕТУ ФРИДРИХА II

Сей смертный помрачил сияние короны,
Ум, лучший дар творца, во зло употребил;
Ему дивилися — и гибли миллионы;
Он добродетель пел — и бич Европы был;
Поступками тиран, философ размышленьем,
Величие снискал единым преступленьем;
Им свет опустошась, его боготворил.

<1819>

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Притча

В тинном лугу, близ реки, между кочек, Лягушки сидели.
Подаль от топких болот было пастбище, злаком покрыто.
Зубом щипля мураву, там расхаживал Вол сановитый,
Тучен, и бодр, и велик! — И, Волу удивляясь, Лягушки
(Глупая шайка зевак!) из-за кочек, оскалясь, смотрели.
Зависть, одною из них овладев, как лозой подстрекала.
«Сестры! — проквакала та, — ну скажите, чему тут дивиться?
Верьте иль нет — только я, коль хочу, с сим Волом поравняюсь.

Дело в охоте: сейчас надуваться я стану; и, право,
Ахнете, видя, как я толстяка пополам расцараплю,
Плотно ему вдоль спины запустя крючковатые когти».
— «Ну-тка, сестра, покажи удальство не словами,
а делом», —
Был ей содружный ответ... И Лягушка давай
надуваться
Меху подобно, каким раздувается пламя в горниле.
— «Взгляньте, похожа ли я на Вола хоть немного?»
— «Нимало!»
— «Ин погодите еще! вот сейчас! ...Ну, теперь?»
— «Ни на крошку».
Новые силы собрав, дуться, дуться Лягушка...
и что же?
Лопнула! «Ква, ква, ква, ква!» — хохотня раздалась
по болоту.

К вам обращаюсь теперь, о несчастны завистники
знатных!
Словно лягушка сия, раздуваяся в тщетных затеях,
Лопнете вы, как она, и собою других насмешите.

<1820>
Овидиополь

ЭПИГРАММА

Как изменяет свой вид ежедневно красотка Клариса!
Днем ей пятнадцать лишь лет — а ночью за пятый
десяток.

<1820>

ЭПИТАФИЯ

В гробе сем тот положен, кто был знатностью, саном
украшен:
Важную он оказал всем услугу тогда, как скончался.

<1820>

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ВИКУЛИНА

Отец его и брат корчёмством, грабежом
Составили себе ужасные именья;
А сей пошел от них совсем иным путем:
Не деньги крáдет он, но дни у провиденья.

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ВИКУЛИНА

Любитель новостей, театра посетитель,
Цловальник предками, но лично капитан,
Шантеров слушатель, плохой нравоучитель
И взоров, и ушей, и общества тиран.

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ОЛЕНИНА

Поэтов небольших великий меценат
И человек в миниатюре —
Но в этом он не виноват,
А только стыд натуре.

* * *

В россиянах нет благодарности ни крошки,
Петрополь весь в огне, а у Петра ни плошки.

II

ИЗ ЖУРНАЛОВ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛАВКА

Быль

Разврата обошла
Ряды всех русских лавок,
Нигде по мысли не нашла
Ни лент, ни шпилек, ни булавок.
Всё было не по ней;
Ей не хотелось русских.
На что дешевых ей!
Ей надобно французских.
Французское добро годится ко всему,
Хоть дорого, да мило;
А русское всегда не годно ни к чему,
Что дешево, то гнило.
Российский глуп народ,
Не смыслит вымышлять различных дамских мод.
По правилу сему *Разврата* поступала:
Что дорого, она лишь то и покупала.
Пришед она к купцу сказала: «Буржуа!
Пожалуй, покажи мне ленты мерд д'уа».
Купец от радости себя позабывает,
Кусок лент лучших подает,
И, чтоб скорей продать, ей тотчас объявляет,
Что их он продает
Недорогой ценою.
«Маршан! мон бон мосье, ты шутишь надо мною! —
Разврата, слыша то, со гневом бросив их,
Купцу так говорит. — Ты подал, видно, русских,
Не надо мне таких;

Мне надобно французских».
— «В французских лавках те ж изволите купить, —
Ответствует купец, — лишь только подороже».
— «Ах! русская свинья! тебе ль меня учить,
И вкус в нарядах знать твоей ли мерзкой роже?
Как смел против меня разинуть ты свой рот?
Фуй! повр дьябль ке тю э! [1] ты глуп, ты русский скот!»
Сказав сие, она с досадою уходит,
Французских лент купить к француженкам приходит.
Разврата в лавку лишь французскую вошла,
По мысли всё нашла.
Какие чепчики! какие это шляпки!
Какие калеши́!
Флер, креп, лино, цветы, и перья, и накладки!
И, словом, в лавке сей все вещи хороши;
Да тут же и сидит не русская торговка,
Старинная плутовка,
Но честная мадам
Французския породы,
Котора принимать умеет знатных дам
И из Парижа к нам выписывает моды.
Что вымыслит сама, то модою зовет,
И с данным именем парижским то слывет!
Парижская дрянца московской лучше дряни,
Достойна налагать на дам российских дани,
Достойна всех похвал,
Не всяк ли это скажет?
И гордый самохвал
Почтение к ней кажет.
А вы! издатели французских разных мод,
Достойны всякой славы!
Вы русский учите переменять народ
Свои на ваши нравы;
Вы мудростью своей
В изобретении вседневно моды новой
Госпож и щеголей
Увеселяете какой-нибудь обновой.

[1] Какое ты ничтожество! (франц.). — *Ред.*

За ваши все труды
И малы те плоды,
Что гривенную вещь за рубль вы отдаете
И русское в пять раз дороже продаете.
Какая в лавке сей дороже вещь была,
Разврате более казалась та мила.
За всё она платила
Роскошною рукой,
Мадам обогатила,
Поехала домой.
Дорогой веселится,
Француженку благодарит,
Хорошим всё ей мнится,
Она с собой так говорит:
«Бессмысленные, знать, скоты вы, россияне,
Французы вам ли, ах, чета!
И вы такие ж христиане,
Но мысль, не знаю, в чем ваша занята!»

<1782>.

НАСТАВЛЕНИЕ МОЛОДОМУ СУЕТОНУ, ВСТУПАЮЩЕМУ В СВЕТ

Когда ты, Суетон, во свет теперь вступаешь
И благородным в нем почесться ты желаешь,
Коль хочешь жизнь свою по моде провождать,
Законы нужные ты должен наблюдать.
Не бывши просвещен нравоученьем модным,
Не можешь в публике казаться благородным.
Постой, остановись, помедли в свет вступать
И прежде научись, как должно поступать.
По моде ты чешись, по моде одевайся,
Румянься и белись, духами окропляйся,
Помадою тупей душистою свой мажь,
Приборный, щегольской имей ты экипаж,
По улицам скачи, лети, как вихрь несися,
Гони, дави людей и тем превозносися;
Французским языком и в русском щеголяй;
Что вздумаешь, то ври; но ввек не размышляй.
Ты должен стыд изгнать, учение оставить,
Бесстыдство вместо их с невежеством восставить;
Себя ты внутренно всех лучше почитай,
Не слушай никого, один лишь всё болтай;
Суди о всех вещах, хоть ничего не знаешь,
Ты сим почтение себе приобретаешь.
Все знания и все науки отметай,
Одни лишь басенки и пустоши читай;
Люби лишь оперы, комедии, романы,
Стихами наполняй любовными карманы;
Из философских книг ты разве те имей,
Что душу с вечностью глотают у людей.
Хоть ты и азбуки еще не разумеешь,
Однако делай так, что будто всё умеешь;

По-модному себя роскошно ты веди,
Богатым кланяйся, на бедных не гляди;
Перед чиновными ты подло унижайся,
Над низшими гордись, а часто и ругайся,
Подвластными тебе не очень дорожи,
Иль изредка ты им вид милости кажи.
Не нравы почитай, но платье и уборы,
Кто щегольски одет, входи с тем в разговоры.
Достоинство, чины за деньги покупай,
В военную одну ты службу лишь вступай.
Что нужды, что одним лишь именем ты служишь?
И лежа на боку ты чин себе получишь,
Любовниц также ты с полсотни подбери,
Притворною ко всем любовию гори.
Нередко тем хвались, что, видом лицемерным
Красавиц ты прельстя, им сделался неверным,
Кокеток иногда за деньги ты люби,
Но вольности своей женитьбой не губи;
Будь вечно холостым, женись лишь на богатстве;
С женою разведись, так водится в дворянстве.
Учись во все игры ты модные играть,
Всех карт приметы знай, умей их подбирать,
Выдергивай, воруй проворно, осторожно,
Чрез карты получить министра дружбу можно.
Крестьян ты разорив, продай иль заложи
И, деньги взяв за них, на карту положи.
Коверкайся, вертись, как будто на пружине,
Будь скот, будь без души, подобен будь машине.
Ужимок модных ты и жестов не щади,
Ногами шаркая по комнатам ходи;
На стуле сидючи, тянись, вертись, качайся,
Тряси, стучи ногой, кривляйся, величайся;
Свисти, пой, хохочи, в ладоши бей, щелка́й;
По-модному кряхти, плюй, харкай и сморкай.
Когда ты с женщиной вступаешь в разговоры,
Мели ей всякий вздор, хвали ее уборы,
Во всем ей угождай, тверди ей о любви,
И, словом, ты во всем по-модному живи.
Еще ж знать всякому потребно офицеру —
Оспорить в полчаса и опорочить веру,
Ругать того, кто в пост не хочет мяса есть,
Он двух, ты говори, не смыслит перечесть.

С презреньем смейся ты всегда над стариками,
Язви насмешками, считай их дураками.
Будь модный вертопрах, во всем будь удальцом,
Не можно без сего быть прямо молодцом.
Похвально, если ты обиды не прощаешь,
Бесчестен будучи, честь шпагой защищаешь.
Ты смело без вины соперника рази,
За грубые слова и друга грудь пронзи,
И самого себя ты не щади в напасти.
Ешь, пей и веселись, во все вдавайся страсти.
Над добродетелью победу одержи,
На совесть, здравый ум оковы наложи;
Низвергнув сих врагов, своей последуй воле,
Стремлению препон иметь не будешь боле,
Свободен стал ты, власть тиранскую поправ;
Непостоянен будь, переменяй свой нрав.
Всё делай тленным, всё ты делай бесконечным,
Сей мир ты признавай то временным, то вечным;
То телом иногда ты душу называй,
То духа имя ей из милости давай.
То волокитою, то пышным ты являйся,
То вдруг ты иногда смиренным притворяйся,
Притворно говори, что жизнь тебе скучна,
Что может счастливой почесться та одна,
Того, кто пышности, чинов, сует не знает,
Но в сельской простоте весь век своей провождает.
Так жизнью на словах ты градскою скучай,
Так модные ты все поступки примечай.
То будь ты молодым, то стариком суровым,
По моде притворись больным и нездоровым.
Пей воду лишь одну, диету наблюдай,
Лекарства, рвотные по всяк день принимай.
По моде говори: мой не варит желудок.
Впоследок истреби совсем ты свой рассудок,
Скажи: произвела натура весь сей свет,
Превыше умудрись — скажи, что бога нет,
Что вера есть обман, лукавое притворство, —
Вот в сем-то состоит прямое благородство!
Сим можешь ото всех ты отличить себя.
Какое счастие, честь, слава для тебя!

<1782>

СЕМЕН ПЕСТОВ

ЧЕМ ОТЛИЧАЮТСЯ НАЧАЛЬНИКИ ОТ ПОДЧИНЕННЫХ

Станс

Когда начальники в пиру где подопьют,
Не пьяными тогда — веселыми зовут.
Коль на кого они сердиты, злы, брюзгливы,
Тогда все говорят: они в том справедливы.
Когда природа их обидела умом,
Не смеет и тогда никто сказать о том.
Их добродушными зовут — не дураками,
Их про́стыми все чтут, уж худо — простяками;
Хотя бы ничего не делали в суде —
За леность и тогда не обнесут нигде
И подчиненных труд одним лишь им припишут,
Не зная, кончат кой тем, имя что подпишут.

<1789>

НАДГРОБНАЯ КОШЕЛЬКУ

Вот этот кошелек, хоть туго был набит,
От невоздержности он мертв теперь лежит!
Чтоб он воскрес, друзья! о том вы помолитесь!
Но участи и вы подобной берегитесь!

<1789>

С. А. ТУЧКОВ

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Был зверь, и на людей он много походил:
То есть, как человек, на двух ногах ходил,
Лишь только был в шерсти, да рожа не румяна.
А попросту сказать, он звался Обезьяна.
В нем не было ума, да в том и нужды нет:
Голов, подобных сей, вмещает много свет.
Итак, его равнять с людьми нам можно смело,
Лишь только жаль, что всё его мохнато тело;
Он много дуростей людских в себе вмещал,
Себя умнее всех и лучше почитал,
Но паче красотой желал превозноситься
И мыслил, что его лицу весь свет дивится,
Хоть много напроти́в старались говорить;
Но то могло его лишь только рассердить.
Не ведаю когда, в день пасмурный иль ясный,
Увидел в зеркале он образ свой прекрасный.
Красавец мой, взбесясь, вдруг камень подхватил
И, как из праща, им он в зеркало пустил.
В несчетные куски стекло сие разбилось;
Но как его тогда в нем сердце возмутилось,
Что, мысля истребить вид скаредный один,
Увидел с тысячу сих мерзких образин.
Сердился, но потом, опомнясь, воздохнул,
Сказал: «Знать, скверным слыть есть вечный мой
титул».
Читатель, знаешь ли, о чем вещает лира?
Сей гнусный зверь — порок, а зеркало — сатира.

<1789>

РОНДО

О, времена! о, нравы!
Златый скончался век!
Лишь собственной забавы
Здесь ищет человек;
Астрея удалилась,
Неправда водворилась,
Всяк чтит ее уставы, —
О, времена! о, нравы!

О, времена! о, нравы!
Испорченных людей;
Для пользы лишь и славы
Трудится всяк своей;
Попранна Справедливость;
Неправда и кичливость
Здесь зрят свои забавы, —
О, времена! о, нравы!

О, времена! о, нравы!
Нет силы зло сносить!
Всяк Честности уставы
Стремится преступить;
Отечество любезно!
Иройство неизвестно
Для сил твоих и Славы, —
О, времена! о, нравы!

О, времена! о, нравы!
Вельможа горделив
Своей лишь жаждет славы,
Отечество забыв;
Хоть общество страдает,
Но он лишь помышляет
Иметь свои забавы, —
О, времена! о, нравы!

О, времена! о, нравы!
Невинность гонит всяк,
На сильного ж управы
Сыскать нельзя никак;

Несчастный, ты крушися;
Счастливый! веселися,
Счисляй свои забавы, —
О, времена! о, нравы!

О, времена! о, нравы!
Уж нет ироев тех,
Для общества что Славы
Старались паче всех;
Воскресните! проснитесь!
Воззрите, ополчитесь!
Сдержите блеск державы! —
О, времена! о, нравы!

О, времена! о, нравы!
Всяк злато богом чтит,
И собственны забавы
В уме своем твердит.
Прошли счастливы веки,
Воспомните, о греки!
Вы Честности уставы, —
О, времена! о, нравы!

О, времена! о, нравы!
И где тот век девался,
Как для народной Славы
Алкид вооружался,
Но ныне уж забыты
Ирои знамениты,
Хоть зрят их истуканы, —
О, времена! о, нравы!

О, времена! о, нравы!
Несчастная страна!
Честь, Истины уставы —
Суть праздны имена,
Хоть всем они здесь лестны,
Но малым, ах! известны,
Как блеск прямыя Славы, —
О, времена! о, нравы!

<1789>

И. И. БАХТИН

САТИРА НА ЖЕСТОКОСТИ НЕКОТОРЫХ ДВОРЯН К ИХ ПОДДАННЫМ

Хотя сатиру я писати начинаю,
Однако же перо не злобе посвящаю,
Не желчь свою на всех желаю я излить:
Подвигнут жалостью, хочу сатирик быть.
А вы, что за скотов подобных вам приемля,
Ни бедных жалобе, ни воплю их не внемля,
Употребляя власть, вам данную во зло,
На всяк час множите несчастливых число!
Не сетуйте за то, что здесь изобразитесь,
И на самих себя, не на меня сердитесь.
Я первый приписать хвалу вам был бы рад;
Но стоите хулы, так я ли виноват?
Вы, вместо чтобы быть подвластным вам отцами,
Над ними злобствуя, как волки над овцами,
Преобразили в их мучителей себя.
Я ж истину, равно и смертных род любя,
О слабостях людских хоть молча сожалею;
А видя страждущих, молчать уж не умею.

Рассмотрим мы теперь Крисипа прежде всех,
Который верх своих находит в том утех,
Чтоб деньги лишь копить и их имети много,
Кой, будучи богат, ведет себя убого;
Рассмотрим следствия мы скупости его,
Тиранства к подданным чудовища сего;
Жестокости все к ним рассмотрим беспристрастно:

Увидим, что вмещен в сатиру не напрасно,
И что поставлен он хотя и первым в ней,
Но стоит во стократ поболе казни сей.

Вот с подданными как Крисип наш поступает,
Вот как он кормит слуг, вот как их одевает:
Сермяжный каждому из них дает кафтан.
Но должно знать, что с тем бывает дан,
Чтоб он в случа́е был холопу одеялом,
Чтоб в дождь был епанчой, а в вёдро был кафтаном;
Да чтобы он притом и прослужил пять лет.
Слуга кричит «нельзя», однако пользы нет;
Крисип своих людей нимало не потворит,
Продрался коль кафтан, слугу за то он порет.
Слуга виновен в том, чего для не чинил,
Хоть суммы господин на то не отрядил.
То правда, что слуге, прикрывши грешно тело,
Крисип и деньгами дает посильно дело.
Он даст на сапоги полтину кажду треть;
А чтобы шубу мог холоп себе иметь
Для защищения от зимней непогоды,
Рубля два жалует; но тоже сроком в годы.
И сколько кажется та сумма ни мала,
Но должно из того ж и шапка чтоб была;
А пояс, и чулки, и прочую одежду
Слуга, всю отложа на барина надежду,
Как хочет, так ее уж сам и промышляй.
Зато ни часу он гулять не помышляй,
И в праздник годовой работай до обеда,
Или в ночи́ что меть стащити у соседа.
Обжорство ведая Крисип что грех велик,
Дает на месяц ржи слуге лишь четверик;
Другой же жалует из милости мякины,
В тех мыслях, что она годится для скотины,
Которую слуга́м Крисип, хотя не мот,
Дозволил содержать, на их, однако ж, счет.
Вдобавок же Крисип всечасно слуг ругает,
Грабитель будучи, ворами называет.
Сечет за леность их почти он каждый день;
Но он ли виноват, что в них вселилась лень?
Виновны слуги в том, что к уреченну сроку
Не могут сработа́ть им задану уроку.

А лишнего Крисип ведь не задаст вовек:
Скупяга хочет, в день чтоб сделал человек
То, что и в два дни он с трудом лишь сработа́ет.
С крестьянами Крисип подобно ж поступает,
И отменил их он лишь тем от слуг своих,
Под видом податей что грабит всё у них.

Но время уж теперь Крисипа мне оставить.
Пустое что болтать: его уж не исправить.
Попробую, Меандр, к тебе склонити речь.
Ты взоры на себя тем тщишься всех привлечь,
Что душ с пятисот в год пять тысяч получаешь,
Посредством их себя от равных отличаешь
Каретой, лошадьми, уборами, столом;
Араб есть у тебя, и в три жилья твой дом:
Большим боярам ты тем хочешь быть подобен.
Хотя уж, кажется, с Крисипом и не сходен,
Однако ж на него ты в том весьма похож,
Что подданных своих, Меандр, ты грабишь тож
И что несносною уж мучишь ты работой,
Бесщадно их сечешь, притом сечешь с охотой.
Меандр, ты пьешь всегда шампанское Понтак,
Крестьяне же твои забыли в квасе смак;
А часто бедняки и бе́з соли хлебают,
Мякину иногда за хлеб употребляют,
И мясо коль едят, то разве только в год:
Вот роскоши твоей и вот тщеславья плод.

Но я ль, ты говоришь, Меандр, во оправданье,
Один лишь у крестьян отъемлю пропитанье:
Не то ж ли делает с своими и Дамон,
Хотя не так, как я, живет роскошно он?
Но худо ты, Меандр, себя тем извиняешь,
Когда в пример себе тирана поставляешь,
Кой мучит бедных с тем, чтоб денег накопить,
А оных накопя, чтоб душ ста два купить,
Дабы вновь купленных лишь мучити подобно.
А муча подданных своих Дамон толь злобно,
В отмщение за них он мучит и себя,
Но всё то для детей, которых он любя,
Желает, говорит, им счастие доставить,
И было б век чем жить, печется им оставить.

И так, виня иных Дамон своей виной,
Как будто маской скрыть мнит гнусный образ свой:
Лишая что других, покоя сам не знает,
Не жадность в том свою — детей он обвиняет.

Посмотрим же, кого виной в том ставит Клит,
Что каждый почти день его дворецкий бит,
Да что и всем слугам нередко достается.
Божиться Клит в том рад, что дельно он дерется,
Но мы увидим здесь, что дельно или нет.
Коль сыт его слуга, доволен и одет,
Скажи, читатель, мне, судя о том ты здраво,
За всё то ждать услуг имеет ли Клит право? —
Имеет, чаю, ты мне будешь отвечать. —
Клит худо услужен, так как же слуг не драть?
Вчера версты три он послал сходить Матвея,
Который хоть бежал и прея, и потея,
Со всем же тем пришел назад едва ли в час;
А Клиту нашему желалось в этот раз,
Чтоб сбегать мог Матвей одною бы минутой:
Не стоит ли за то плут казни самой лютой?
А нынче Клит сказал: горячего подай.
Про кофе думал он, а Мишка подал чай.
Клит дал пощечину и дал ему другую;
Да льзя ль и упустить кому вину такую?
О Муза! перестань!.. Брось тщетный труд скорей!
Горбатых ведь нельзя уж сделать попрямей.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРОВО НА САТИРУ

Читатель, не дивись, что пахнет стариною
Сатира на дворян, прочтенная тобою.
Ты скажешь, что у нас уже Крисипов нет.
Однако ж не вина, и мой прочти ответ:
Назад пятнадцать лет
Уродов таковых зреть всякому случалось,
И их осмеивать мне нужным показалось.
В сатиру мне они тогда казались быть
Достойны помещенья;
Но действие наук и сила просвещенья
В коротко время то умели учинить,

Что ныне уж их нет, иль очень меньше стало...
Пожди, читатель, мало!
Пожди десяток лет, другой:
Законы мудрые монархини благой,
Котора выше всех Ликургов, Марков, Титов,
В людей преобратят Меандров всех и Клитов.

<1790>

СТИХОТВОРЕЦ НЕЛЮДИМ

Сатира

Нет больше сил терпеть, оставлю город сей;
Оставлю целый свет, бояр, вельмож, князей,
Которы только всем словами помогают,
Надеждой жить велят и вечно обещают.
Напрасно счастием я льстился от стихов,
То счастье для своих оставлю я врагов.
Что в том, что все мои сложенья похваляют,
Когда спокойствия хвалы не прибавляют;
Коль должно зиму мне без шубы провождать
И часто до утра обедать отлагать;
Всечасно занимать, не зная, что уплата,
Страшиться хлебников, купцов и магистрата;
С заимодавцами бояся встречи злой,
По улицам ступать трепещущей ногой.

Итак, коль в сих местах, для муз спокойных прежде,
Ввек должно трепетать, живя в пустой надежде,
Коль ум с достоинством не значат ничего
И для прибытка лишь всяк дружен своего,
То лучше скроюся в пустыню я отселе,
Там всякий лютый зверь в своем известен деле;
Я буду знать, что волк меня там может съесть;
Медведь, не говоря, что любит он лишь честь,
И злобу скрыв свою в учтивстве прежестоком,
Не станет веселить себя моих слез током;
Коль лют медведь, он лют не как зловредный льстец;

Я в зеве у него увижу мой конец;
Он ласки во цветах не может яда скрыти
И дружеством меня притворным уловити.
В лесах я всех моих врагов могу узнать
И способы найду от них себя спасать;
На высоте древес или в пещере тесной
Без страха я могу вкушати сон прелестный;
Не чая ничего, престану я желать,
Лишен желаний всех, не буду я страдать;
Злодея в славе зря, не буду огорчаться
И пред фортуниной скотиной унижаться.

Змеяд пускай живет, он здесь умеет жить;
Наполнив сундуки, о чем ему тужить?
Бездельствами свое имение умножа,
Из бритовщика он соделался вельможа.
Пускай Фирюлин здесь веселы дни ведет
И знатным за прием он сказки продает,
В которых не щадя для острого он слова
Ни дяди, ни отца, ни черта, ни святого,
Приносит в жертву всё веселию вельмож,
В грудь чести клеветой вонзая острый нож.
Пускай Пущалин здесь в довольстве обитает
И нуждой страждущих себя обогащает:
В день с целого рубля — о, честный человек!
О, добродетели! о, бескорыстный век! —
Он в день с рубля берет лишь только по полушке.
Коль описать его деревни, чарки, кружки,
Залоги верности несчастных должников,
Претолстый лексикон из оных выйдет слов.
Пускай он здесь живет, пускай он веселится,
А мне здесь жить! зачем? какой надеждой льститься?
Я лгать, обманывать, лукавить не могу;
И в бедствии своем я гордый дух брегу;
Спесивцу ни за что я гнусну льстить не стану
И, в низких я стихах подобяся Бурану,
Из именинников, из мертвых, из купцов,
Из воинов, судей, невест и женихов
Наделавши себе тьму мелких меценатов,
Гласити не хочу я, алчный, рублехватов;
За деньги не хочу хвалы я продавать
И барина в стихах, зевая, поздравлять:

К толь низкой должности моя не сродна муза.
Я только с истиной одной ищу союза;
Не крашу ничего я льстивым языком,
Осла зову ослом, а Брутума скотом;
Служить любовнику искусно не умею;
Прекрасной тетушки к услугам не имею.
Зачем же здесь мне жить оставленну от всех,
Где бедность мне мою приписывают в грех.

«К чему, — вещают мне, — толь дика добродетель?
Уклончив будь, мой друг! коль рок не благодетель,
То должно к счастию искать иных путей;
Ты вникни мыслью в свет, колико есть людей,
Которы не прямой дошли дорогой к счастью:
Иный, наскучивши своею тяжкой частью,
Расстался с честностью и сделался богат.
Дрелес за то почтен и знатен, что рогат;
Сними с него рога, что выйдет из Дрелеса?
С рогами барин он, без рог Дрелес — повеса.
Кто мыслит выйти в свет достоинством, умом,
Любителям коней тот хвастает ослом,
Желая благ себе, несчастия он ищет.
Пляши по дудочке, в котору счастье свищет.
Сноровку знать во всем — вот к счастью лучший путь.
Будь честен ты; но знай и кстати обмануть.
Убудет ли тебя, коль ты, избрав минуту,
Способную тебе, сиятельному плуту
С почтеньем донесешь, что нет его честней
И что и сам Сократ в сравненьи с ним злодей?
Убудет ли тебя, коль ты златому Миду,
Не ставя грубостей его себе в обиду,
Чтоб сотню выманить, поклонишься сто раз,
Когда насмешки, чем тебя он колет в глаз,
С холодностью снося, ты станешь удивляться
И над собою сам с невеждою ругаться?
Забавен будь, кажи всегда веселый вид,
Фортуна от лица нахмуренна бежит.
Для счастья редкий кто не хочет быти плутом:
Почто же иногда не быть для счастья шутом?
Быть гордым одному лишь можно богачу;
Но бедный должен быть всем людям по плечу.

Не может счастья дать едино стихотворство;
С бездельством сходное нам всё дает проворство.
Тем только лишь свою поправить можно часть
И умягчити звезд враждебствующих власть.
Увидь ты счастия чудесны обороты:
Кто прежде запирал в монастыре вороты,
Тот ныне с пышностью благословляет мир,
Умевши умолить фортуниных кумир.
Увидь строптивого педанта развращенна,
Между боярами слепой судьбой вмещенна:
Не в том ли вся его ученость состоит,
Что, сам не смысля, он чужое говорит?
Что знающ он во всем, он всех возмог уверить
И ныне он умы своею мерой мерит.
Кто хочет быть умен, тот кланяйся ему:
Здесь всяк по низости почтен, не по уму.
Напрасно чудеса твой разум строить тщится;
То мало, коль тебе весь город удивится,
Начальнику умов умей угоден быть,
Потом как хочешь ври, ты умным будешь слыть».

Благодарю за все советы толь полезны!
Я вижу, что в себе Балтийска порта бездны
Имеют славного: то должно делать здесь;
С Андрюшкой Каина имея в сердце смесь,
Умети на лице казати маску чести?
Я жертвой не хочу быть подлости и лести;
Отчаян, огорчен, от музы я своей
Не видя прибыли, оставлю город сей.

Хотя монархиня с блистающего трона
Отраду и дает питомцам Аполлона
И, избавляючи от тяжких бедства уз,
Желает извлечи из богадельни муз,
Хотя отверст им путь к приятству дней спокойных,
Но много в сем пути есть стражей недостойных.
Премудрости ее во всем блистает свет;
Но что ж, хоть Август есть, но Мецената нет.
И кто восхощет, зря меня в уничтоженьи
И видя бедности на мне изображеньи,
Быть столько духом тверд, чтоб мне подпорой быть?
Кто честь свою, ах! кто восхочет помрачить

И согласится быть себе сам столько вреден,
Чтоб свесть знакомство с тем, кто не одет и беден?
С дырами шляпою покрытая глава,
От слякоти власы — как мокрая трава
Всех честных от меня прочь плутов отгоняют
И мной их, как ребят страшилищем, пугают.

Когда б я красны мог имети каблуки,
Коль сзади б я носил пространны толь мешки,
В которых сокрывал Скапин свои обманы,
Когда бы наполнять французов мог карманы
За то, что в пять часов искусной их рукой
Кудрявей буду я с душистою мукой,
Когда б по обручу обрезано Брокаром
В долг взятое сукно, то есть по-русски даром,
Имети я возмог на щегольских плечах, —
Я сомневатися не стал бы о друзьях;
Все б люди были мне приятели услужны;
Но к сим достоинствам, увы! суть деньги нужны.
Как хочешь голову без денег ты крути,
Без денег всё ничто, всё тело без души;
Однако подлостью и денег не желаю
И для того сей град навеки оставляю,
Где чести счастие противно завсегда
И где лишь одному оно пороку мзда,
Где все науки суть гонимы и презренны,
Где все пронырствами одними возвышенны,
Где только учатся обманывать и льстить.
Где всё мне гнусно, где... не смею говорить.

Какий бы человек, развратны нравы видя,
От гнева не кипел, бездельства ненавидя,
И кто б, не быв вовек со музами знаком,
Не сделался б стихов способнейшим писцом;
Чтоб смертных подлости прекрасно описать,
Зачем к источнику Пермесскому всползать,
Крылатого коня нет нужды в оном мучить, —
В ком нет природного, то гнев писать научит.

<1782>

БОГОМОЛЬЩИЦА

Эпиграмма

Старушка с четками ко всенощне пошла,
И, шедши, по пути в кабак она зашла.
Пришедши с кабачка в храм божий, задремала,
Будящему ее дьячку она сказала:
«Нет, полно, батька мой, меня ты не проси,
Коль хочешь угостить, так внучке поднеси».

<1782>

К БЕДНЯКОВУ

Эпиграмма

Любезный Бедняков, коль ты теперь убог,
Богатым быть тебе вовек не доведется.
Неужто ты того узнать еще не мог,
Что богачам одним богатство достается.

<1782>

СКУПОМУ

Эпитафия

Скончался здесь скупой, оставя здешний свет,
Расстался с телом дух, и подлинно расстался.
В могиле тело лишь, а духа в оной нет:
В кубышке заключен он с деньгами остался.

<1782>

НА ПЕСМЫСЛА

Эпиграмма

Театра никогда Несмысл не посещает,
Но что тому виной?
«Театр, — он говорит, — пороки осмехает,
А я вить не терплю насмешек над собой».

<1782>

НА МЕЧТОНА

Эпиграмма

Мечтон богатыми поместьями владеет,
Мечтоновы чресчур деревни хороши.
Мечтон душ с тысячу крестьян одних имеет;
Но сам он без души.

<1782>

УЧАСТЬ СЛУГ НАШИХ

Надпись

Коль барин на слугу надуется, беда!
Все прочь беги, кого чтоб барин не погладил.
Коль голоден слуга, надуйся ж он тогда, —
Так бойсь, чтоб барин ввек от пищи не отвадил.
Злы бара для того живут, чтоб слуг лишь бить,
А слуги для того, чтоб ввек в побоях жить.

<1789>

РЕЦЕПТ ОТ ГЛУПОСТИ

Надпись

Сей свет наполнен дураками,
И кто не хочет оных зреть,
Тот должен жить один с зверями,
Ниже на тень свою смотреть.

<1789>

ПУСТОЗВОНУ

Надпись

Что Пустозвон всегда болтает, врет, шумит —
Не диво: боле вить пустый горшок звучит.

<1789>

ПРАВДОНУ

Надпись

Кто честен и правдив, кому не сродна ложь,
Не может приобресть тот милости вельмож.

<1789>

СУДЬЕ БЕССОВЕСТУ

Надпись

Бессовест все б дела по истине вершил,
Когда б он совести своей не сокрушил.

<1789>

ЗНАЙ САМОГО СЕБЯ

Не стоишь ты, мой друг, чтоб знать тебе себя,
Ищи к познанию, что лучше есть тебя!

<1789>

РАЗБОЙНИК

Разбойника монах при казни утешал:
«Тебе пир нá небе готовится», — сказал.
Разбойник же на то: «Мне должно нынь поститься,
Так не угодно ли там вам повеселиться».

<1789>

ПРИДВОРНАЯ ЖИЗНЬ

Сонет

Быть предану властям и оным лишь служить,
Зависеть от других и воли не иметь,
В местах тех обитать, где б не хотелось быть,
За несколько утех премного скук терпеть.

Что в сердце чувствуешь, того не сметь сказать,
Любимцам следовать, притом их не любить,
Надеждой богатеть, а в существе нищать,
То, чем гнушаешься, из силы всей хвалить.

С вельможей льстивну речь искусно продолжать,
Смеяться верности, пронырствовать, ласкать,

Есть поздно завсегда, день в ночь преобразить,
Лобзати всякого, а друга не иметь.

Казать веселый вид, спокойствия ж не зреть, —
Вот, кратко, при дворе как должно ныне жить!

<1789>

ПОСЛАНИЕ К ПРАВДОНУ

Любезный друг, Правдон! ты просишь наставленья,
Как жизнь покойну весть, избегнуть униженья,
Коварства не держась и презирая лесть,
Боготворя одну душевную лишь честь,
Во всех своих делах бывая откровенным,
Со всеми и всегда чтоб быть нелицемерным,
Хранити истину и совесть чтить душой,
Гнушаться гордостью и светской суетой,
Вещать то языком, что с чувствием согласно,
Пороки всех людей изобличати ясно,
Смеяться лишь тому, смешным найдешь что сам,
А в скорби вольный ток давать своим слезам;
Сребро считать мечтой, пренебрегати славу,
И следовать во всем естественному праву?
Послушай, брат Правдон! к чему ты шутишь так?
Ты знаешь, ныне свет не любит старых врак.
Шути чем новеньким, так будет всяк смеяться;
А старым словарем некстати забавляться;
Некстати с честию знакомить нас опять
И дряхлу искренность в беседы к нам пускать.
На что ты этих нам старух стащил на сцену,
Как будто Талию и слезну Мельпомену?
На что нам искренность, на что душевна честь?
Коль можно всё без них коварством приобресть.
Ты с честию, скажи, счастливо ль век проводишь?
Едва не на своих, бедняк! подошвах ходишь;
А истина твоя с нахмуренным челом
Лишь где покажется, всяк гонит помелом.
Прийми-ка мой совет, так лучше будет дело!
Сгони ты честь с двора, дружись с лукавством смело!
Иль новый ты Солон, законы чтоб давать

И честности чтоб нам систему обновлять?
Тебе, как вижу я, еще совет полезен!
Итак, коль хочешь ты всем людям быть любезен,
Учись притворствовать! Кто счастлив хочет быть,
Тот должен в обществе природу позабыть!
Природа в нас груба, и ум без просвещенья,
Как золото в горну, желает искушенья,
Для диких ты оставь естественный закон!
А просвещенным нам совсем не нужен он.
Как следовать со всем естественному праву!
И как для польз своих не сокрывати нраву! —
Все состояния теперь мы разберем,
Но с честью счастия мы вместе не найдем,
И состоянья нет на свете сем такого,
Чтоб с совестью достиг до счастья золотого.
Как деньги без замка не можно схоронить,
С открытой так душой не можно в свете жить!

Возьми-ко при делах ты барина большого,
Который, хоть велик, зависит от другого;
Любимца царского он богом чтит своим,
А хочет от других быть сам боготворим;
Перед любимцем он хоть станет на колени,
И слушает его ругательства и пени, —
В всеобщу комнату войдя, он вид берет,
Как будто уж его дружней любимцу нет;
Иному скажет он из предстоящих стройно,
Что будет эту ночь он очень спать покойно,
Что просьбы все его любимец совершил
И всех по мыслям он его определил.
От тварей тварь тогда приемлет поздравленье,
И, тщась сколь можно скрыть душевно сокрушенье,
Он глупым тут сулит чин, деньги и места,
Хоть будет их мошна по-прежнему пуста.
Но от любимца он и плоше сей монету
На пай себе достал, да только по секрету.
«На что ж он подел был? на что прельщал людей?» —
Ты скажешь мне, Правдон! — Для прибыли своей.
Скромненько чтоб сказать, коль хочет он нажиться,
Так на колени как пред тем не становиться,
Кто может дать ему или отнять всю честь,

К пороку все дела иль к слабости причесть? —
За преступленья нас законы наказуют,
За слабости ж на нас лишь только негодуют.
Так пусть хоть отрешат от дел его за то,
Но он несчастным лишь слыть будет от народа,
А все его чины, дворянская порода
Пребудут с ним так, как сто тысячек рублей,
Которы приобрел он слабостью своей.
Все обстоятельства на свете суть пременны,
И временем дела бывают все забвенны:
Так кой-как и опять добьется он к делам,
И с честью проведет еще весь век свой там;
Что ж ползал он в ногах, никто того не знает.
Так подлость часто нам в наш век нужна бывает!
И в наши времена всяк мыслить должен так:
Без лести кто живет, великий тот дурак.
Потом поди-ко ты с естественным законом
К Подлону! премени, чтоб не был он Подлоном,
Чтоб ползать перестал у знатных бар в ногах
И в честь бы не вменял в алмазных быть рогах;
Чтоб, слабость знав свою, от дел всех уклонился,
Постыдный брося блеск, деревней веселился!
Нет; подлость — бог его! он ею чин достал,
А чрез рогатый лоб боярином он стал.
Так как же существо оставить для химеры?
Ведь в нашем веке, брат, уж нету теплой веры!
«Любимец царский... но оставим мы его!
Не всё нам разбирать! с нас будет и того,
Когда мы в круг...» А! а! и ты уж начинаешь
Со мной кривить душой... нечисто поступаешь! —
Как! состояния ты все хотел исчесть,
Но к самым столбовым вельможам что ж за лесть? —
Не лесть, мой друг Правдон! а людскость, обхожденье
Велят их миновать и к ним иметь почтенье!
Когда на степень сей монархом кто взведен,
Ты скажешь, из людей и он не исключен! —
Ты прав, Правдон! да ты не должен быть нескромен!
Правлением наш век Астреину подобен!
Теперь тебя никто не может притеснить,
Отнять имения и жизни прекратить!
Законы святы все, коль были б соблюденны!
И нам завидуют концы всея вселенны.

Да люди с слабостьми, а истина суха,
Так за нее тотчас скроят и треуха.
Ведь ты не Боало! Зовет тот кошку кошкой;
А вора вором звать здесь ставится оплошкой.
Грабителя казны зовут здесь хитрецом,
Буяна, драчуна зовут все удальцом;
Мздоимца же судью все бойким называют,
Начальника-емца случайным почитают.
Здесь поздравляют все полковника с полком,
И мнят, что он село в владении своем,
Душ тысячу крестьян имеет для доходу;
Сколь скоро же велят готовиться к походу,
Прибытки новые тотчас летят к нему.
Там вдруг за провиант и за фураж ему
Все денежки казна немедля отпускает,
А он в пути всё то без денег забирает.

Ролета Боало мошенником хлеснул,
Помпеем назван был в глаза емцом Лукулл.
А ныне век не тот, и люди в просвещенье!
Вещь именем назвать вменяют в преступленье.
Чуть было чуть и так впросак я не попал
За то, что я при всех стихи твои читал;
В них тотчас всяк себя как в зеркале увидел,
И в ту ж минуту всяк меня возненавидел.
Ты знаешь, с музами веду я хоровод
И часто я мучу́ кастальских чистых вод
Источник там, где он почти уж исчезает
И мелких нас писцов лишь грязью снабдевает;
Но в новом свете я за Пиндара почтен,
Хотя я от него на бездну отдален.
Творение твое сочли за мой пасквиль,
И выдумку твою поставили за быль.
Всё поднялося вдруг: наместник и правитель,
Правленье, и суды, и сам казнохранитель,
Все на все стряпчие, губернский прокурор,
Как будто, как назвал ты, впрямь он был уж вор!
И магистраты все, зацепа городничий,
В ком подлая душа и нрав воловый, бычий,
Полиция и сам призрения приказ —
Кряхтят все от твоих затейливых проказ.
Когда тебе нельзя уже иного мыслить,

По крайней мере то ты должен уж расчислить,
Что я твой друг, и хоть я вольный человек,
Но трудно будет мне меж недругов жить век.
А ты своими мне престрогими стихами
Из всех друзей моих соделал всех врагами.
Ведь здесь провинция и натуральный люд!
Не служит здесь мораль, а им потребен <кнут>, —
Исправит ли таких людей нравоученье!
Правительству об них взять должно попеченье!
Последуй правилу: что видел — не видал,
А что услышал ты, так будто не слыхал!
Здесь давят бедняка, теснят здесь добродетель;
Я вижу то, скорблю, но быв немый свидетель.
Пословица у нас издревле та идет,
Не всё то перенять, рекою что плывет.

В письме своем ко мне бранишь ты Сластякову,
Что жизнь ведет она роскошну, не сурову,
Приветлива ко всем, в любови не верна;
Полюбит вдруг, и вмиг изменит же она;
С запа́сным стариком ведет любовны шашни,
И между тем как он ей сказывает басни,
Она лишь дакает и мыслит о другом,
Кому назначила в диване ждать своем.
Ты пишешь, что она неискренна и льстива,
Притворствует всегда, во всем самолюбива;
Не быв воспитана, не быв и учена,
С постыдной дерзостью о многих врет она;
Безнаказательно кого злословить смеет,
Заочно разбранит того, и не краснеет;
А свидевшися с ним, начнет ему ласкать
И на словах ему готова всё отдать;
Для пышности она всё в свете презирает,
И слыть любовницей за честь себе вменяет.
Не совестится тем, что подлостью своей
Нашла прием себе у знатных всех людей;
Она имеет дар заплакать, как захочет,
А если нужен смех — в минуту захохочет;
В стяжаньи жизнь ее; ей золото — кумир,
Для этих двух вещей погибни хоть весь мир!
Такая жизнь гнусна, не спорю я с тобою;

Но можно ль к счастью бресть дорогою иною?
Зачем своих детей в Париж мы посылаем?
Неужто для наук, которых мы не знаем!
Иль для того, чтоб честь и совесть лучше знать
И нравы добрые стараться перенять?
Без подлости чтоб быть учтивым, благосклонным,
Во всем умеренным, приветливым и скромным?
Совсем не для того! Нам в этом нужды нет;
А нужно только то, чтоб всякий видел свет,
Ухватки б все познал, ко вкусу применился,
Узнал бы, что́ феатр, и на него взмостился.
Как можно б убегал ученых он людей;
Нам нужен острослов, не нужен грамотей!
Чтоб к достопамятным вещам он не касался,
В познаньи климата отнюдь не занимался, —
Ученого вранья, как свет вертится весь,
Есть много и у нас; оно не нужно здесь.
Коль он друг чести был, чтоб с нею побранился,
Да с лестью б дружбу свел, притворству научился;
Природа самая когда уж нам раба,
Так философия твоя, мой друг! слаба!
С водою как огонь бывает вечно в споре,
Так с счастьем честь твоя в непримиримой ссоре.

Военный, и судья, и винный откупщик,
Картежник, фабрикант, купец и ростовщик,
Поверь! одним путем до счастья достигали
И с совестию честь в дороге потеряли!
Последнее скажу: найдешь ли одного,
Кто б с честностью достиг до счастья своего? —
Оставь же лучше свет! храни ввек добродетель,
В безмолвии живя, будь сирым благодетель!
Ты, правила свои желая соблюсти,
Будь новый Мизантроп! — Я всё сказал, прости.
<1789>

ЖУРНАЛ НЕКОТОРОГО СЛАВНОГО МОТА ОТ 1 ДО 12 ЧИСЛА

Я продал, *первое,* удачно мужика,
Хотя работника, не дурака.
Второе — за пять лет вперед оброк весь сбрил,
А третье — за большим расходом,

Деревню за бесценок заложил
И, ободрен сим будучи доходом,
Четвертое — себя как куклу нарядил;
Галантерейными я, *пятое,* вещьми
Всего себя от ног до головы опутал;
Но чтобы знатным мне казаться меж людьми,
Шестое — модную карету я купил.
Седьмое — четверню к ней пегих прицепил.
Осьмое — чтоб мне быть отменным господином
И чтоб никто не счел меня простолюдином,
Гусара, егеря по-щегольски окутал.
Девятое — везде пришла мне рыскать блажь,
Чтоб в городе казать наряд и экипаж.
Но ах! сколь все сии утехи скоротечны!
Вот так-то мотовы все замыслы не вечны!
Десятое... увы!.. мне встретился врасплох
Заимодавец кропотливый,
Увы! меня он срезал с ног,
Как будто ветрену кокетку муж ревнивый.
«Краул», — он закричал... меня и потащили;
Но чтоб в полицию меня не засадили,
Каретою и всем заплату учинил;
В *одиннадцатый* день я нищенски ходил,
Пешком и пó грязи ходил я, как прошака,
С досады рвался, как собака.
Не знаю, выдет что в *двенадцато* число.
Боюсь, чтоб бóльших бед оно не принесло.
Скажу, однако ж, не в пронос:
По векселю в тот день большую денег кучу
Другому должен я ростовщику платить;
Коль не поплатишься, приставит нос...
Кто видит над собой толь грозну тучу,
Так не захочет тот ни есть, ни пить.
Вы сами по себе то рассуждайте...
Но вот беда!.. идет тот ростовщик... прощайте!

<1791>

* * *

Блажен, кому всегда печаль и скука чужды;
Блажен, кто не имел в родных ни разу нужды;
Блажен, кто не роптал вовеки на судьбу;

Блажен, равняющий с Расином К<оцебу>,
Стократ блаженна та судебная палата,
Котора трезвыми подьячими богата;
Блажен, кто не имел, однако ж, с ними дел.
Блажен, кто от стихов своих разбогател;
Блажен, кто верную любовницу имеет;
Блажен, кто Кантовы писанья разумеет;
Блажен ревнивый муж, проживший без рогов;
Блажен, кто, дослужась до старших генералов,
Ни разу не видал ни пушек, ни врагов;
Блажен, кто не бывал издателем журналов;
Но тот блаженнее едва ль не всех святых,
Кто не читал поэм и драм, Клитандр, твоих!

<1804>

ИНТЕРЕС

(Сатира)

Ученые умы! позвольте мне узнать,
Доколь вы будете нам книги издавать?
Доколе будете, запершись в кабинете,
Чернилом убелять тьму, сущую на свете?
Уж и без вас давно все люди говорят,
Кто праведен — тот прав, кто грешен — виноват,
Вы ж, если смыслите, так покажите средство,
Как можно избежать, на свете живши, бедства?
А если и сего нельзя уж вам сказать,
То хоть скажите нам, кто злу всему есть мать?
Законы слабые, — один нас уверяет,
Примеры вредные, — другой предполагает,
Но третий, возразив с досадой, вопиёт:
От роскоши всё зло произошло на свет.
Поклон мой сим умам и мыслям их вернейшим,
Поклон всем авторам Викариям первейшим.
Я твердо верую и присягну сей час,
Что книги их нигде не учат худу нас,
Но кто, читая их, уж плохо ныне видит,
Тот неужель мужей великих тех обидит,
Что и свою им мысль приложит для суда?
Спроситься, кажется, не есть еще беда;
Один лишь Аруэт себя той спесью славил,

Что посторонние умы в умы не ставил,
А я так думаю, что тем не погрешу,
Когда умней себя о чем ни есть спрошу.
А именно, вот что мой ум не постигает,
Не *интерес* ли зло на свете всё рождает?
Не он ли главная причина есть тому,
Что без греха прожить не можно никому?
Сам дьявол, где ко злу всё средство потеряет,
В пособие его всегда употребляет.
Припомните, когда ходил он за Христом
И царство показал богатое перстом,
Употреблял свои все хитры покушенья,
Чтоб сына божия довесть до искушенья, —
То милость обещал, то милости просил,
И наконец с стыдом во ад отослан был;
Припомните, как вся тогда гееннска сила
Подпоры более ни в чем не находила,
Но злой вить Вельзевул и тут не позабыл,
Что интерес еще ему на помощь был:
Прибегнул к сладкому сему для смертных яду
И к козням новые доставил средства аду.
В чем сам дух хитростей успеть никак не мог,
Увы! в том интерес тотчас ему помог.
Прельщен Иуда им, и предан бог на муки, —
О интерес! твои его убили руки.
Но остановимся о том мы продолжать,
Чего без ужаса нельзя воображать.
Рассмотрим лучше связь дел нам людей подобных,
Разумных, дураков, святых и преподобных.
Рассмотрим пахаря, у коего все дни
В предмете с тернием загоны лишь одни:
Зачем он трудится? затем ли, чтоб оралом
Чин выпахать себе и выйти генералом?
Иль силится чрез то добиться ко кресту,
Имея круглый год лицо свое в поту?
Иль хочет он святым соделаться от плуга?
Иль лестно для него названье царска друга?
Нет! он охотою и в старосты нейдет;
Так что ж причиною таких его работ?
Первейшая — чтоб есть, другая — денег боле
Желается ему достать чрез плуг и поле.

О интерес! и тут ты тоже, интерес,
Твой, видно, и в пыли блеск яркий не исчез;
Но пусть то хорошо, что ты к трудам охотишь,
Да чем же после нам за те труды заплотишь?
Привычкой к жадности, привычкой к грабежу,
И, что то истина, я твердо докажу.
Боится, например, в посты есть пахарь с соком,
И маслом щи подбить считает он пороком;
Боится выбранить кумы своей куму
И хлеб собаке дать, что нищий клал в суму;
Боится крест стереть, написанный в крещенье,
Боится ворона убить в своем селеньи;
Боится курицы, что пела петухом,
И голубей стрелять считает он грехом;
Охотнее готов с своим расстаться домом,
Чем погасить пожар, зажженный в оном громом;
Боится мельников, боится ворожей,
Боится мертвецов, боится растаней;
Короче, он всего боится — уступает,
Где только интерес его не воружает,
А для него готов и вдовий луг скосить,
И в поле сироту копною заделить;
Готов за сноп один вонзить соседу вилы:
Вот как и набожным душам прибытки милы!
Рассмотрим и купца, который и гроша
С тем в руки не возьмет, не сделав барыша;
Что рыба без воды, растение без влаги,
Хвастун без языка, подьячий без бумаги,
То точно и купец без интереса есть:
Он божество его, и жизнь его, и честь.
От полюса пройти до полюса другого
Не поленится он для барыша большого;
А вера и закон ничто суть для него,
Коль нет ему от них прибытку ничего.
Купец для барыша не только к аду ближе,
Но и за ад еще готов спуститься ниже,
И если б в Тартаре публиковать подряд,
То точно бы он там был торговаться рад.
Попробуйте открыть вдруг пред его глазами
И рай, небесный дом, и биржу с кораблями
И посмотрите, что скорей его займет —
Жилище ли святых иль торг и оборот?

«Един бог без греха», — вот что, вздохнув, он скажет
И в зал купеческий вести себя прикажет.
Там смоляной матроз и шкипер с колбасой
Приятней для него, чем Авраам святой:
На что о будущем так рано заниматься?
В могиле, скажет он, успеем належаться.
Рассмотрим барина, который вопиет,
Что Ной по грамоте отцу его есть дед,
Что предок был его при штурме Ерихона,
А потому и герб его — с мечом корона,
Что за отечество, за веру и любовь
Готов охотно он пролить до капли кровь;
Рассмотрим мы его поближе и потоне,
Что есть отличного в кичливой сей персоне?
То правда, что он есть в отечестве тот член,
На коем главный руль правленья укреплен,
Ветр с поля без него так сильно в парус дунет,
Что весь гражданский груз тотчас на камень сунет,
И чтобы чернь была в связи как двор один,
Необходим в таком дворе есть дворянин.
Многоразличные правленья суть машины,
Имеют колеса́, валы, зубцы, пружины,
Что всё хоть государь и мудро сорудил,
Но нужен человек, чтоб в срок их заводил,
А иначе тотчас всё двигаться престанет,
И гиря, и закон лежать без действа станет.
А кто тот человек? не нужно толковать
Ни как его зовут, ни где его сыскать,
Известны всем его и имя, и порода,
Известны, но, увы! в семье не без урода:
Коварный интерес и эту чисту кровь
Умеет очернить через свою любовь.
Нередко офицер, имея алчность к злату,
Не полный выдает паек муки солдату,
И там уже, где всё извешено лот в лот,
Старается найти на терезях поход.
Нередко комендант, дарами обольщенный,
Без совести сдает редут, ему врученный.
Нередко генерал, для равной же вины,
Переменяет ход счастливыя войны
И, быв неустрашим среди картеч летящих,
Робеет и бежит от талеров блестящих.

Увы! отечество, увы! и ты, закон,
Не слышимы вы там, где слышен денег звон.
Но это лишь в войне, то что ж увидим дале,
Когда явимся мы в судейской мирной зале?
Там алчный секретарь, не делом утружден,
А мздой виновника великой убежден,
Ворочает листы, перебирает числы,
Стараясь в них найти указа разны смыслы,
Дабы чрез то не он законы исполнял,
А делал то закон, что секретарь сказал.
Короче объяснить, сей изверг государства
Закон чтет за царя без подданных и царства,
И им, как мышьяком, и лечит и мертвит,
Смотря то по тому, как интерес велит.
А выбранный судья дворянскими баллами
Не занимается казенными делами,
Сидит и думает, какой бы взять предлог,
Чтоб и его в пять цифр длиною был итог;
Сидит — но секретарь, заметя план судейский,
Подходит с важностью, яко посол индейский,
И говорит ему: «Обряд не есть закон,
И так я думаю, что время выйти вон,
Понеже сбившиесь просители, как туча,
Желают выхода, присутствием наскуча;
Законы ж вам велят и дома то читать,
О чем намерены в суде вы рассуждать,
И не затем они нас здесь определили,
Дабы мы, правя суд, без пропитанья были.
В присяге мы клялись, чтоб с верностью служить,
Но в ней не сказано, чтоб нам ни есть, ни пить.
Жиды и не служа, но русско достоянье
В аренду взяв, себе имеют пропитанье,
А правды сыщику на что о том тужить,
Что нечем лишний ноль к итогу приложить.
Спросите лишь о том проворную персону,
То есть секретаря, яко ключа закону,
А с ним, распорядя предбудущий итог,
Поможет точно вам в желании сам бог.
Делить в молчании... и дателя оправить —
Есть то ж, что грешника в погрешности исправить,
А кто на то подаст в присутствие извет,
Тот, без сомнения, в остроге пропадет.

Указ о ябеде довольно средств доставил,
Чтоб всякий судия, служа, свой счет составил;
Итак, держитесь лишь меня во всех делах,
Совет мой, право, вам насчет итога — благ».
Вот как хранители закона поступают,
Вот дворянина как прибытки повреждают.
Рассмотримте ж теперь и пастырей церквей,
Которым поручен ключ царствия дверей:
Фон Визина слуга их, правда, уж тревожил,
Но только совесть их нимало не умножил;
Осталося у них и по сие число
Одно и то ж в руках для паствы ремесло,
То есть: они людьми, как куклами, играют
И, миру мир моля, мир с миром обдирают.

. . . .

. . . .

Что ж? то ли делать им велел творец небес?
Отнюдь не то, сему ж причиной интерес;
А без того, на что б учителям спасенья
Червонцы доводить свои до утесненья
И экипаж иметь такой величины,
Коль двери райские в аршин лишь ширины?
На что им покупать под бронзою комоды,
Когда на небесах на них совсем нет моды?
И хитрые замки на что ж к ним прибирать,
Коль в небе и воров нельзя предполагать?
О зол всех обер-зло! поносный интерес!
Тобой ад движется, тобою крепок бес,
Ты, будучи царем над тартарской геенной,
Пороки распустил над целою вселенной.

<1816>

III

ИЗ РУКОПИСНЫХ СБОРНИКОВ

П. МЕЩЕРСКИЙ

СТИХИ
НА ПРИБЫТИЕ В КУРСК МАЛОРОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛА-ГУБЕРНАТОРА КНЯЗЯ АЛЕКСЕЯ БОРИСОВИЧА КУРАКИНА ДЛЯ ОБОЗРЕНИЯ ДЕЛ И НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВИЙ В АПРЕЛЕ 1806 ГОДА

Ну! полно, муза, спать, проснися!
Полтавский едет гость сюда,
Встряхнись, умойся, причешися,
Вот так! ой девка! хоть куда!
Смотри ж, скромненько приоденься,
Чинненька будь — и не кобенься,
А попросту, без всех затей;
Белил, румян совсем не надо,
При нем быть можно без наряда,
Он знает различать людей.

Со сна! — так пой ты на бемоле,
А если хочешь — заори!
Взять тон в твоей, голубка, воле,
Лишь только правду говори.
Чтоб не было ни лжи, ни лести,
Чтобы ничьей не трогать чести,
А именем все вещи звать,
Как например: вздор можно вздором,
А вора — всем возможно вором
Без страха нам именовать.

Пустилась муза петь те веки,
Как можно было взятки брать,
Текли судьям златые реки,

Не нужно было в банк играть.
Кто просьбу лишь подать смышляет —
К судье заране прибегает,
Кладет на столик сигунка;
А если тяжба хлопотлива,
Жена судейска не брезглива —
Сама возьмет из сундука.

Кто прежде не имел соломы,
Чем бедну хижину покрыть,
Накупит тот деревни, домы,
Лишь только б удалось побыть
Судьей лет пять, шесть иль десяток.
Коней, овец, коров, теляток
И дом, как полну чашу, заведет;
Да будет чем и поделиться,
Когда несчастьишко случится,
Домой с остатком побредет.

Начальникам места в продажу
Давались прежде с молотка,
А брал он сверх того за кражу
С богатого и бедняка.
Исправник хочешь быть — торгуйся,
А с честным именем не суйся:
Уезду всякому цена!
Дай цену — после грабить волен,
И будет всяк из нас доволен,
К местам дорога здесь одна.

Вот так-то в старину бывало,
Зато и всем уж был хабар,
Чего ж тогда недоставало?
Места ходили за товар.
Есть деньги — место вдруг готово,
Нет их — о месте уж ни слова,
Или за откуп как не дать?
Когда начальнику нет платы,
Он втрое наведет утраты
И не позволит притеснять.

Да полно, девка! Завралася.
Почто о прошлом вспоминать?

Иль рада ты, что дождалася
Того, кто едет восставлять
Во всем порядок и устройство,
Доставить жителям спокойство
И зло исторгнуть, истребить.
Он волю вышню исполняет,
Всего себя истощевает,
Чтоб всех законом защитить.

Гряди! гряди! к нам, муж почтенный!
Благую волю совершай,
Лучом небесным озаренный,
Покой стране сей возвращай.
Да правда пред тобой предыдет,
Фемида здесь на трон свой взыдет
И зло во узы заключит.
С весельем честь тебя встречает,
Порок со страхом ожидает,
Народ — твой вход благословит!

МОЛИТВА
ОТ ИСТИНЫ К БОГУ, ВНЕГДА СКОРБЕТИ ЕЙ

Вонми мне, господи зиждитель,
Стенящий мой услыши глас!
И буди ты мой покровитель
Внегда скорбети мне всяк час.

Внуши царю, помазанну тобою,
Внуши вельможе близ него,
Что я гонима злой судьбою,
Лишенна права моего.

Внуши, что старостью согбенный
Вельможа, чувств почти лишен,
На верх начальства вознесенный,
Пристрастию порабощен.

Святошствуя, он в пост говеет
И наизусть акафист чтет;
Но о несчастных не болеет,
И мзду с невинных он берет.

Деянья все его пристрастны,
Он власть во зло употребил;
Законы стали все безгласны,
Меня в темницу заключил.

Места пристрастно отдаются,
Пред старшим младший предпочтен,
Там звуки злата раздаются,
Где мне был храм сооружен;

Во бранях воин отличенный,
Двумя крестами хоть почтен,
По чину места став лишенный,
Оставить службу принужден.

А юный родственник вельможе,
Быв в двадцать лет, имеет полк;
Корысть где истины дороже,
Впущен в овчарню тамо волк.

Бумаг к подписке не читает,
Хотя к царю он их несет;
И то неважным всё считает,
В чем выгоды ему лишь нет.

Он секретарский чин в наследство
В род и род отдать судил;
Сие богатым было средство,
Что тот, кто мог, тот чин купил.

Из недр судьбы ужасной
К тебе, владыко, вопию:
Десницею своей всевластной
Избавь от бед ты дщерь свою.

Поставь начальника другого,
Чтоб волю царску исполнял;
Поставь начальника такого,
Чтобы законы соблюдал,

Чтоб, матери щедрот, царице
В делах его зреть милость, суд;
И чтоб во слух императрице
Век жалоб не было отнюдь.

СТИХИ О ПРАЗДНИЧНЫХ ОБНОВАХ,
СОЧИНЕННЫЕ 1791 ГОДА
⟨Д?⟩ М.

Суетяся, всяк хлопочет
Для праздни́чных наших дней,
Всяк обновки делать хочет
На себя и на людей.

Все ряды людьми набиты,
В магазейны не пройтить,
К портным щеголи все сбиты,
Всяк толкует, как что сшить.

Из конца в конец всяк мчится
И торопится поспеть,
Чтоб обновок не лишиться
И чтоб в первый день надеть.

То карету подряжает
Или скачет по кафтан,
То гусара наряжает
Хотя в долг иль на обман.

Иной, егеря одевши,
Одевает ямщиков,
Хоть из них никто не евши,
Без рубах и без чулков.

Лишь бы в праздник показаться,
У качелей проблестев,
С богачами поравняться,
Денег гро́ша не имев.

Кто с кредитом распростился,
Да и денег ни гроша,
Тот на выдумки пустился,
Хотя б в ад пошла душа.

И за грех то не считает,
Коли случай только есть,
Друга, брата обыграет
И отца готов оплесть.

Разный способ избирает,
Разный есть у них и план,
От чахотки избавляет
Свой чахоточный карман.

Векселями награждают
Иль расписок надают,
Когда их не уважают,
Без залога не берут.

Так порукой представляет
Всё имение отца
И родителю желает
Жизни временной конца.

Либо лбы крестьянам бреет,
Не внимая плач и стон,
Слез семейств их не жалеет,
На всё смотрит равно он.

Лишь душевно веселится,
На наряд прельщаясь свой,
Беспрестанно ему мнится,
Как прельстит он всех собой.

Всё на свете забирает
От купца тройной ценой,

А другим сие ж сбывает
В пяту долю цены той.

На убытки не взирает,
Были б денежки в руках,
Всё на свете забывает,
Скачет, пляшет впопыхах.

Едва праздник появился,
Едва слышен стал лишь звон,
Как уж франт наш покатился
И гремит, как фараон.

Скачет, давит, кто попался,
Дабы первый был везде,
Хотя нужным не считался
И не надобен нигде.

Нет ни места, ни собранья,
Где бы он не побывал,
Нет игры и нет той зданьи,
Чтоб в какую не нырял.

В сем забавном упражненье
Всю неделю провождал,
Но в последнем воскресенье
Он нигде уж не бывал.

Куда щеголь наш девался,
Куда он из глаз пропал?
Он в тюрьму за долг попался.
Сидя ж там, он рассуждал,

Чем теперича решиться
И что должно предпринять?
Удавиться иль жениться,
И жену богату взять.

Но уж поздно размышленье
Вошло в голову его,
И всех книг нравоученье
Бесполезно для него.

ЭПИТАФИЯ

Прохожий! помоли всевышнего творца,
Что сей не разорил России до конца.

<1791>

СТИХИ, НОСИВШИЕСЯ В НАРОДЕ НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ ПОТЕМКИНА

Век счастливо прожив, Потемкин князь скончался,
Роскошествуя жил и дельности чуждался,
Век умницею жил, но был ли он таков —
Судить лишь могут то Фалеев и Попов,
Другие ж от него так *да* да *нет* слыхали;
Иные только рост, походку его знали;
В нем чести, правоты не виделось следа,
Властолюбив и горд, надменен был всегда.
Незнающей был вождь. Непобедимо войско
Доставило ему название геройско.
Везде он крал казну, себя обогащая,
Пол женский развращал, богатством обольщая.
Его уж нет! — Забудем, престанем говорить,
Дадим наследникам простор имение делить.

1791 или 1792

СТИХИ СОЧИНИТЕЛЮ УСТАВА

Так-то делают вельможи,
Так-то век свой кончит плут,
Благовидные их рожи
Часто в гибель нас влекут.

Князь княжим почтенным родом,
Рожу рожей прикрывал,
Сро́нил маску и уродом
Себя свету показал.

Жил как ангел будто плотский,
А таскал, что смог, как крот,
Написав устав банкротский
Для себя — и стал банкрот.

Где акафисты, молитвы,
Где смиренный разговор,
Эти сети для ловитвы,
Кои расставлял нам вор.

Обокрав до миллиона
Разных званиев людей,
Ты прибег под сень закона, —
Свят закон, а ты злодей.

Появившись в свете, то
Принят будешь за кого?
Взглянут: ленты, — это барин!
По душе что? — ничего!

Был министр и стал банкротом,
Спросят, отчего и как?
Плутовским-де оборотом, —
Так, кто верил, тот дурак.

Право, князь, чему смеяться,
Твой прожект хоть бы куда!
Обокрав, вздума́л прижаться...
Хорошо, но ведь беда:

Дураки другое скажут,
Собрав вну́чат и детей,
Пальцем на тебя укажут:
Бойтесь вы его — злодей!

Целый век молился богу,
Целый век псалтырь читал,
Худо понял и дорогу:
Вместо рая в ад попал.

Пересудят скоро черти
Все сиятельны дела,
Будут исчислять по смерти,
Сколько делал в жизнь ты зла.

Как ты, бывши прокурором,
Занимал, не отдавал,

Не хотя быть явным вором,
Вексель за дела давал.

Вспомнят, как людей подлейших
Ты в майоры произвел,
Чтобы дел твоих гнуснейших
Был певец, который пел.

<1799>

ПОСЛАНИЕ ОТ ДОЛЬСКОГО К КУТАЙСОВУ

Пришло нам время разлучаться,
О граф надменный и пустой!
Нам должно скоро удаляться
От мест, где жили мы с тобой;
Где кучу денег мы накрали,
Несчастных бедных разоряли
И мнили только лишь о том,
Чтоб брать и златом и сребром.
Фортуна много нам служила,
Закрыв глаза свои платком,
И если бы не удушила
Виновника параличом
В то время, как ты пробирался,
Метался, рвался и бросался,
То случай вышел бы иной,
Когда б не спас тебя Ланской.
Ты сном приятным наслаждался
В то время, как пришел удар,
В своих покоях прохлаждался,
Когда кончался государь.
Но, видно, внял ты ту причину,
Спасаться твоему как чину,
Бежал как можно поскорей,
Чтобы не заперли дверей.
Мест ты приятных удалялся
В портках, в халате, без штанов,
Чрез грязь, каналы пробирался,
Надевши обувь без чулков.
Летел как громом пораженный,
Как зверь, собакой уязвленный,

И в трусости вострепетал,
Стремглав из замка убежал.
Твоим приятством одолженный,
Я должен правду говорить
И, раболепства став лишенный,
Тебя не лестью озарить.
Дела чтоб наши не гремели,
Заслуги вовсе онемели,
Нам льзя ли лучше предпринять,
Как к туркам в Азию бежать.
Накупим бритв мы здесь поболе,
Чтоб лучше время проводить,
И если поживем там доле,
Там станем бороды им брить.
Равны разуму науки
Не сделают для нас ни малой муки,
Сие искусство с мастерством
Мы в Азии уж заведем.
Тебе известно их правленье,
Ты знаешь бритвой, граф, водить,
Мы то введем в обыкновенье
И там без усиков ходить.
Вот наших рук дела достойны
И сердцу милы и покойны,
Чем ролю нам играть вельмож.
И ты на то, граф, не похож!
Хоть ты осыпан и звездами,
А всё останешься ослом,
Ты хлопал лишь ушами,
Где надо действовать умом.
Превратным счастьем одаренный,
Вмещал в душе своей льстеца,
Оставил видеть всей вселенной
В себе скота и подлеца!..

1801 (?)

БОСТОН

Игра бостон явилась снова,
Ее Совет апробовал;
В Москву послали Беклешова:

Играть в нее он не желал.
А Воронцов, король бубновый,
Доволен сей пременой новой,
Стал Черторыйскому под масть:
Товарищ сей не помогает,
Он вечно на свои играет,
Топить — его охота, страсть.

Грансуверень в руках имея,
Весь Кочубей объемлет свет;
Но, разыграть его не смея,
Поставит, верно, он лабет:
Некстати козыря подложит,
Ренонс он также сделать может
И станет масти проводить.
С ним, правда, Строганов играет,
Но козырей сей граф не знает,
С чего не смыслит подходить.

Бостона правила известны,
Державин сам их написал,
И как в игре должны быть честны —
В стихах и прозе объяснял;
Но карты в руки — и забылся,
Ремизы ставить ты пустился,
Чужие фишки подбирать,
И доказал тем очень ясно,
Что можно говорить прекрасно,
Но трудно делом исполнять.

Расклавши карты на уделы,
Трощинский сюры подхватил;
Когда б не женщины-пострелы,
Игрок больших он был бы сил;
Но люди созданы все слабы,
Им овладели девки, бабы,
Тащат всё у него из рук;
Без них он мог бы без лабету
На пользу быть всему Совету,
Но что ж? .. Кто бабушке не внук?

Румянцев носится с мизером,
Внося за всё двойной платеж,
И хочет собственным примером
Рублем ходить заставить грош.
Давно по свету дух промчался,
Что женщин он всегда боялся
И в мизер <он> относит дам;
Игру он плохо разумеет
И карты лишь в руках имеет,
Играть велит секретарям.

А ты, холоп виновой масти,
Вязьмитинов, какой судьбой,
Забывши прежние напасти,
Ты этой занялся игрой?
Ты человек, сударь, не бойкой,
Тебя всегда мы звали двойкой,
А нынеча фигурой ты!
Но не дивлюсь тому нимало:
Всегда то будет и бывало,
Что в гору лезут и кроты.

1804

НАДПИСЬ НА ЧУЧЕЛУ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩУЮ ОТКУПЩИКА, ПОСТАВЛЕННУЮ В САДУ ДЛЯ ПУЖАНИЯ ВОРОБЬЕВ

МАЯ 30 ДНЯ 1806 ГОДА

Вот славный откупщик, полезныи народу.
Чтоб пьянство истребить, в вино вливает воду.
Нецельное вино с досады больше пьют.
Ему то хорошо, что денежки дают,
Нажива! Кто дела такие в свете правит,
Тот тысячи себе в карманы тем доставит.
А целовальники все мерами кривят,
Что и хозяева, то делать им велят,
За то, что с них берут еще себе оброки,
А тем и откупы ценой весьма высоки.
Народ же, лишь свою в питье питая страсть,
Теряет всё свое и чувствует напасть.
Не столько воробьи вредят нам в огороде,
Как компанейщики то делают в народе.

Из общества сосут монетный элемент
И три рубля на рубль берут уже в процент.
Их в действии таком отнюдь не обличают,
Но и медалями их честность отличают:
Кто низок родом был и знанием мужик,
А в откуп лишь шагнул — стал барин, и велик,
И, бывши чучелой, он ездит уж в карете,
Хоть верь сему иль нет, так делается в свете.
И, несмотря на то, что общество грызут,
Полезными еще себя притом зовут,
Конечно, польза им одним, а не народу.
Они напитки пьют, народ глотает воду.
И сложный откуп их, смотри, куда течет?
Всю пользу не в казну, но в их мешок влечет.

К NN

Великого отца делами малый сын,
И ты, как он, быть хочешь славен;
Но так как карло быть не может исполин,
Так с ним не можешь быть ты равен.
Иль нет, отчизны Герострат!
Ты не сокроешься забвенья покрывалом;
Твоим я буду Ювеналом;
Прославишься, как мор и глад!
Мой глас — глас правды твердый, громкий
Услышат поздние потомки,
Услышит дальний свет!
Когда б не твой погибельный совет,
Москва б еще стояла,
Врагов нахлынувших Россия не видала,
Ни зарева градов и сел;
Не трясся б Рюриков престол,
Убийца б не сквернил Романовых чертога,
Когда б ты не видал в Наполеоне бога,
Пред ним колен не приклонял
И, рабственного страха чуждый,
Постыдный мир, подписанный от нужды,
Как новый Регул бы вовре́мя разорвал;
(Перед тобой пример великий Филарета;

Перед тобою Гермоген:
Темница, пытка, плен,
Небесные венцы и удивленье света!)
Когда б надеждой ты нас ложной не пытал
И вместе с Австрией, в могуществе восставшей[1]
Противу Франции, Европе угрожавшей,
Одну поставить грудь царю совет бы дал, —
Давно бы Александр могуществом десницы
Низвергнул идола с победной колесницы,
Не оставалось бы пятна
Нам в летописях русских
И не поила бы Двина
Несметных орд французских
От Немана и до Оки.
В пожарище бы Русь святая не лежала...
Но развернувшие уже хоругвь полки
Твоя приверженность к убийце удержала...
Так, так! Единая твоя к нему любовь
Внесла в отечество пожар и истребленье,
Невинности и нравов оскверненье;
Ты пролил нашу кровь!
Тогда и царская высокая решимость,
Дружин его неустрашимость,
Кутузова воинский дар,
Вождей неугасимый жар,
Усердие к царю народа,
Вооруженная против врагов природа —
Едва от гибели отечество спасли!
А ты, когда граждане нá смерть шли,
Когда был царский одр земля и пук соломы,
Когда твой царь туда, где ад кипел,
Где лес штыков, где вихорь стрел,
Летел орлом — и сыпал громы;
Когда вождь Остерман жалел,
Что не обеих рук за родину лишился;
Когда Багратион израненный томился;
Когда Раевский вел на верну смерть сынов,

[1] Здесь говорится об войне 1809 года между французами и австрийцами; читатели вспомнят здесь об трехтысячном австрийском корпусе, который дошел, не встречая препятствий, до самого Дрездена. В Северной Германии не было тогда почти ни одного французского солдата.

Стон заглуша родительского сердца;
Когда сражалось всё, от старца до младенца,
Когда последний лепт свой нищий отдавал,
Жена — мописты и браслеты;
Когда теснилось всё во храм,
И были длани к небесам
Левитов день и ночь воздеты,
И мир, звеня оковами, восстал
Против надменного успехом исполина, —
Тогда ты в праздности и неге утопал
И римлянам в разврате подражал
Против естественного чина.
Пускай теперь наемные певцы
Тебя прокличут меценатом;
Меня ты не подкупишь златом;
Сорву без трепета неправедны венцы!
Девиз мой — правда и свобода;
Мой глас — есть глас народа!

Конец 1812 (?)

* * *

Не два и не один ограблен,
А целый бедных миллион;
Но тот злодей судом оправлен,
И сам судьею сделан он.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ М<ИНИСТРА> Ю<СТИЦИИ> Л<ОПУХИНА>

Вопрос

В изображеньи сем что за похабна рожа?

Ответ

Министр юстиции — светлейшая вельможа.

Вопрос

Да как достигнул он сей знати?

Ответ

Он сводник и отец известной *Благодати.*

* * *

Здравствуй князь, о князь светлейший!
Из болот и из грязей
На высоку гору взшедший,
Ты теперь не меж свиней.

Ты теперь в руках имеешь
Правосудия безмен,
Ты теперь отважно смеешь
Сделать много перемен.

Можешь не жалеть оковы,
Цепь, рогатку, кнут и плеть, —
Можешь сделать ныне новы,
Можешь и казнить велеть.

Можешь все места в Сенате
Опорожнить в день один,
В уголовной все палате
Могут быть без всяких вин.

Можешь старца, украшенна
Сединою и умом
И семьей обремененна,
По миру пустить с кушмом;

А на стул его судейский
Посадить того, кто мил
Был тебе, жене полезный,
Или дочери служил.

Ты теперь уж при юстиции —
Можешь награждати всех,
Кто с тобой был при полиции,
Можешь награждать и тех,

Кто писал расход домашний,
За конюшней кто смотрел,
Кто чесал тупей ужасный,
Бороду тебе кто брел.

Но за то не брали платы,
Как то водится у бар,
Коих суть домашни траты —
Чин дать, крест и место в дар.

Оных всех ты ныне волен
Записать в приказный цех,
Кто тем будет недоволен,
Тех в судьи вписать не грех.

Уж одни и подоспели
Получить себе свое,
Губернаторство схватили
В прежне счастие твое.

Уж живут они спокойно,
Давят добрых стариков,
Ты ж не так криви проворно
Стрелку праведных весов.

Но на месяц хоть скрепися,
Презри их коварну лесть,
После сжалься, умилися,
Дай аренду, чин и крест.

Хоть бы был ты и прилежен,
Но нельзя всех дел обнять:
Всё делец тебе потребен
Твою должность исправлять.

Надобно искать такого,
Чтоб весы кривить так знал,
Чтоб на них клал больше злого
И добра не подмешал.

Буде б подмесь таковую
Учинить просить кто стал,
То бы совесть никакую
В поручительство не брал.

Но на верном договоре
Делом делу бы конец.

В компанейской есть конторе
Преспособный молодец.

Кроме должности казенной,
Он и дом твой учредит;
Кучер и лакей твой верный, —
Будет пьян, одет и сыт.

Чуда в людях не бывало,
Как вселенна создана,
На Руси бы чтоб не стало
Пива, меду и вина.

Чтоб солдат в пыли и поте
И лишась жены, отца,
И мужик в грязи, в работе
Не пил чарочки винца.

Ныне ж все они говеют
От уставов, от умов,
Тужат, стонут, но не смеют
Потузить откупщиков.

Пусть еще хоть год и боле
Будет мучиться народ,
У тебя, князь, будет море,
Будет водка, пиво, мед.

У тебя вить дел правитель
Будет зять откупщика,
Будь ему ты покровитель
Ради тестева умка.

Век не тот, чтоб кто был в силе
Разбирать твои дела:
Долгоруков уж в могиле! —
Для кого тюрьма мила?

Ты ж велико сделал дело
Для верховнейших судей,
Ты на сей пустил свет тело
Видно в красоте своей.

Как проникнем в даль-судьбину —
Князь был прежде при весах,
Весят где грибы, свинину...
Ныне что в его руках!

Прежде весил все припасы,
Мыло, сало и гусей,
Ныне ест он ананасы
За судьбу и рок людей...

Здравствуй с сею, князь, добычей,
С министерской головой!
Прежний ты держи обычай,
Прежнею пари стезей!

Коей шел ты в прежне счастье,
Пред собою дщерь ведя,
Пусть еще придет ненастье
И еще спасут тебя.

Об тебе нам насказали,
Будто стал с другим умом,
Совесть, душу приписали,
Будто брезгаешь ты злом.

Слух прошел, что не желаешь
Быть с министерским пером,
Будто жить располагаешь
С прежде схваченным добром.

Кто и чувствует и знает
Цену праведных весов,
Тот их пусть и отвергает,
Но ты, князь мой, не таков.

ОДА НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОТСТАВНОГО ШТАБА СЕРОПЕГОЛЮБОВА

«Ну, к черту! музы с Аполлоном!
Мне голос лиры незнаком:
Запой своим, Сафошка, тоном,
Сюда канашку нам с рожком!

Для пятого числа июня
Махну и сам, гудок наструня,
Плясать заставим сельских баб.
Пускай нам наши трясогузки
По старине тряхнут по-русски.
Я, право, не спесивый штаб;
В сей день я должен веселиться:
Я в этот день увидел свет,
В сей день мне бог велел родиться
И жить десятков за пять лет.
Жена, вставай! Пора проснуться!
Изволь получше приряхнуться
И праздника такого в знак
Последней выписки наряды
Надень и, не щадя помады,
Закрой морщины все под лак».
— «Ах, батька, что за наставленье!
Ведь я в уборах знаю вкус
И нынче про твое рожденье
Неряхою не покажусь.
Я знаю, что, когда к резону,
Умею к своему шиньону
Чужих шиньонца три подвить».
— «Ин как тебе, мой свет, угодно,
А мне, пока теперь свободно,
Не на конюшню ли сходить?
Лошадки! вы — моя забава,
О серопегие друзья!
Вы мне краса, и честь, и слава,
Дышу на свете вами я.
Вы наших слабых сил подмога,
Вы нам дарованы от бога.
Мне кажется, заместо крыл
На вас летаем мы как птицы.
Я, вас впрягая в колесницы
Четверкой, всем мой чин открыл.
Коль счастлив я судьбой своею,
Что лучших, так сказать, статей
Лошадок и собак имею —
И тройку добрых дочерей.
Жена, как тыква, плодовита,
Модна, жеманна, домовита,

Притом и вкус у ней таков,
Что любит, как меня, лошадок;
Я к серопегим больше падок,
А ей по нраву в семь вершков.
Ау! да не пора ль обедать?
Уж, чаю, за полдень теперь.
Давно бы нам о том проведать.
Запри ж в конюшне крепче дверь.
Готовьте стол, давайте водки,
Печенки закусить, селедки!
Зовите барыню, детей.
Пора, пора за стол садиться,
Поесть, попить, повеселиться —
Ждать много некого гостей.
Садитесь, братцы, просто с ряду:
Где дружбы — что тут за чины?
Я — штаб, а не люблю параду;
То мило, коли все равны.
Я знаю чванов, нашу братью,
Которых, если не по платью,
Не различишь от мужика.
Что ты, казак, сидишь, как сонный?
Скажи, давно ли был на конной, —
Не продают ли бегуна?»
— «Ходил-ста я и Елистратка
Туда сегодни поутру.
Была, боярин, там лошадка,
Уж барыне бы по нутру
Хвостом, и передом, и задом,
Чиста и гривою, и складом,
Не старе четырех годков.
Рубашка светло-солова́я,
Ну, слышь ты, лошадь молодая,
А мерой ровно в семь вершков».
— «Ах, сделай мне, канаша, дружбу.
Достань для бога этот клад...»
— «Изволь, боярыня, я службу
Служить тебе такую рад.
Вели хозяин дать сивухи!
Готовы вечно работать...»
— «Ин ладно. Стукнем пс стакану —
С друзьями быть не стыдно пьяну

И весело покуликать.
Как летом дождь во дни засухи
Живит поблеклую траву,
Так чарка добрая сивухи
Бодрит унылую главу.
Запойте что-нибудь по-сельски,
А ты нам, дочка, по-козельски
Тряхни-ка под мужичий лад!
Ликуй, ребята-коноводы!
Продли, о боже, наши годы,
Лошадок наших, жен и чад!»

СТАНС

Когда Подлон кричит пред многолюдным кругом,
Что с ним министр вчера беседовал, как с другом,
А время тот министр с ним дружески деля,
От скуки дал ему раз пять-шесть киселя, —
Встречаясь иногда с вралями таковыми,
Я прав, пренебрегая ими.

Когда мне Сумасход умильным, тихим гласом
Бормочет проповедь, стращает смертным часом
И, мысли все свои направя к небесам,
Толкует то, чего не понимает сам, —
Не могши вздорами мой ум занять такими,
Я прав, всегда скучая ими.

Когда о тактике Храброн всечасно бредит,
Мечтая, будто он Румянцову наследит,
И думает, что тем за славою парит,
Когда Румянцова он речью говорит, —
Почасту будучи с Тюренами такими,
Я прав, смеявшися над ними.

Когда случилось мне увидеть онамедни,
Что, рано идучи поутру от обедни,
Ханжахина кресты десницею кладет,
А шуйцею слугам пощечины дает, —
Обращаяся с змеями таковыми,
Я прав, гнушаясь вечно ими.

Когда, жеманяся, придворный дурачина
Считает, будто нет его важнее чина,
И, спрошен будучи, где на обеде был,
Из чванства говорит: «Я, право, позабыл», —
Бывая нередко́ с животными такими,
Я прав, ругаяся над ними.

ПОСЛАНИЕ К БРЮЗГИНУ

Зерцало честности и разума пример,
Великий Златоуст, лейб-гвардьи офицер,
Премудрым образец, весы чужих умов,
Наставник молодых, учитель стариков,
Поступков каждого правдивейший аршин,
Во цвете юности созрелый муж Брюзгин,
О пугало страстей! О строгой правды пень!
Тебя, знать, Диоген искал со свечкой в день,
Знать, к счастью наших дней дала тебя судьбина.
О бич порокам всем, не бич, а вся дубина!
Не нужен мне фонарь, я зрю тебя сквозь мглу;
Чуждаясь суеты, сидишь всегда в углу,
Отколь на всех дела прямым ты оком зришь;
Не зря ни в ком добра, как чад отец, журишь;
За истину схватясь обеими руками,
Глагол учительский лиешь из уст реками;
Всех учишь, судишь всех, бранишь порочных смело,
Шумишь, ворчишь, брюзжишь, но всё ни в путь, же в дело.
Хоть сколько ни кричи, развратный мир не внемлет.
Где совесть умерла и где рассудок дремлет,
В оковах честность где, где правда попрана,
В развратны где сердца зла сеют семена,—
То внятны будут ли там истины слова?
Но вот какая здесь идет, Брюзгин, молва:
Что будто ты, других пороки обличая
Иль, так сказать, глаза людские излечая,
Слеп будучи и сам, не зришь того в себе;
А пластырь, кой даешь, годился б и тебе.
Не знаю, правда ль то, но можно же и верить,
Ведь сердца глубину трудненько нам измерить,

Языком не всегда в нас сердце говорит;
Не всё то золото, что нам в глаза блестит.
Не всё, что думаешь, языком то болтай,
Но прежде мысль свою прилежно испытай,
К чему то клонится и что в себе скрывает.
Язык наш есть орга́н — как хочешь, так настрой;
Он временем хорош, и дурен он порой.
Ты дельно говоришь, я в том с тобой согласен,
Противу правды я безмолвен и безгласен.
Не спорю я с тобой и паки повторяю,
Не спорю, говорю, а только вопрошаю:
Не самолюбие ль острит в тебе язык?
Не вдруг учитель будь, — будь прежде ученик,
Тогда учи людей, когда других научишь.
Болтливый свой язык к молчанью как приучишь,
Последовать тогда учи сему примеру!
К делам, а не к словам имеют больше веру.
Воззри на пастырей, пасущих наши души,
Прилежно посмотри на жирные их туши, —
Под рясой бархатной усмотришь ли вериги?
Прочти же писанны претолсты ими книги, —
Найдешь ли в жизни их тому ученью след?
Нас учат пост держать, — но их каков обед?
Как честные отцы, взгляни-ка ты, говеют!
Конечно, бедные, с поста они тучнеют!
Воздержность кажут нам зарделые их лицы,
Их бедность с наготой не кроют власяницы,
Но шелк, и золото, и камни драгоценны.
В наряде таковом муж кроткий и смиренный,
Приехав в а́нглинской рублей сот в семь карете,
Содо́мит в предике: «Зрю роскошь лишь на свете,
Любовь ко ближнему совсем зрю истребленну.
Се зрите пред собой вдову непогребенну.
Нет сожаленья в вас, о чада мира злаго,
Исчезло всякое, треклятые, в вас благо!
Се нищий при вратах от глада умирает;
Вопль бедного никак вам сердца не пронзает;
Иссякла в вас любовь За ваши злодеянья
В святы монастыри нет ныне подаянья.
В забавы предались, в одни пиры прохладны;
Прибытка алчут все, как птицы плотоядны,
Прибытком, тщетностью всех очи ослепились.

На то ль, о смертные, на свет вы сей родились?
О прилепленные к наружностям земным,
Внемлите, — вопиёт, — глаголам днесь моим,
Приклоньте ушеса́, к вниманью мысль прострите,
Пороки кроющу завесу поднимите
И зрите ясно то, коль гнусно для людей
Страстей слугами быть и всей душой своей
Порабощенными порокам навсегда,
О добродетели ж не мыслить никогда
И совесть продавать, сей дар неоцененный,
За злато и сребро, за идолы вселенной!
Не то есть счастие, не то есть вам покой,
Не тщетности земны, не грязь, не прах пустой —
Вам вечность суждена в наследие, не тлен,
И седмерицею всяк будет там блажен.
Отложьте вы алчбу, коварство, хитрость, лесть...»
Не хочет сам вдову без пенязей погресть,
Но думает с мирян содрать за панихиду.
Разгладивши браду, расширивши хламиду,
Грозит всем посохом и Та́ртаром страшит,
И ад и рай сулит, и вяжет, и решит.
Какую ж пользу нам слова его приносят?
Всё нищи под окном на пропитанье просят,
Всё так же и судьи, как встарь, душой кривят,
За деньги и теперь и друг, и сват, и брат,
Всё так же в сундуках скупой казну стрежет,
Честолюбивые всё гордостью надуты,
Льстецы всегда подлы, и всё плутуют плуты,
Коварства, хитрости, как прежде, вымышляют,
Порокам идут вслед, друг друга притесняют
И, волю разнуздав неистовых страстей,
Всем в свете жертвуют лишь прихоти своей,
А добродетель всем нам кажется строга.
Молодчики куют всегда мужьям рога,
Напротив, и мужья таскаются от жен;
Всё прихоть собственна у всех один закон,
И тщетность лишь одна у всех в воображенье.
А это отчего? — В одних словах ученье!
Одно и то же мы хоть слышим и стократ,
Но гоним истину, у всех в чести разврат.
Сам тако говорит, что люди молодые
Тем портятся, что зрят примеры всё худые.

А воспитанье в том родитель почитает,
Как сын языками двумя-тремя болтает.
Так думает тогда: что нужно знать для сына,
То всё уж знает сын, а сын его скотина.
Нет сердца, нет ни чувств, души нет благородной,
Но то к нему нейдет: он самый малый модный.
Не дивно, что нейдет, — затем, что сам далек
От правил истины сей модный щеголек.
Но то химера всё! Была б навычка света.
Довольно в чем успел в свои цветущи лета:
Развязен, ловок, жив, проворен, вороват,
Резв, остр, пригож довольно и богат, —
А то есть счастие прямое в нашем веке.
Какие быть должны таланты в человеке,
Всё то имеет он. В прибавок к красоте
Мотает щегольски — и краля всё руте, —
Искусно ближнего умеет обобрать,
Иль острое словцо насчет других сказать;
А это значит ум у русского народа.
У нас ведь и на ум, как и на платье, мода,
На дружбу, на любовь, на совесть, честь и веру.
Во всем том он успел по новому манеру.
Бывает и в церквах, затем чтоб волочиться,
Берет всё на кредит, влюбляется, дружится,
Клянется всем честию, — забыв то, изменяет.
Театра никогда никак не прогуляет,
Во клубах завсегда, в редутах и в шинках,
Куда ни поверни, болван на трех языках.
«Как лучше воспитать? — в восторге мнит отец, —
Смотри-тко, хоть куда мой сын-то молодец!»
Бесценный сын его всем, думает, хорош,
Так светел с радости, как будто медный грош,
Положишь как его на оловянно блюдо.
Да мыслит сам в себе: «И то б еще не худо,
Когда бы мой сынок в Париже побывал;
Хорош он и теперь, но света не видал.
Да, надобно б пожить в Париже с год ему:
В России живучи, научишься ль чему?
Хоть сколько ни имей воспитывать раченья,
Нельзя в России дать прямого просвещенья».
Вот так-то правильно родитель рассуждает!
Дав деньги, молодца в путь с миром отпускает.

Поехал молодец в трактирах жить учиться,
По моде кланяться, проказить, волочиться,
В театрах свет смотреть, в кофейны ходить домы,
Актрисы все ему за денежки знакомы;
Гуляет в Тюльери, манерится фигурно.
Пора теперь домой: танцует уж недурно.
Не даром время он в Париже потерял:
За пудры всякий день платил империал.
Иного о́т смеха и колика подхватит:
«Империалы кто, — шалун мне скажет, — платит?
Там платят ливрами, невежда, враль, простак».
Ошибся, виноват, но быть тому уж так.
Ну, как бы ни было, всему он научился;
К отцовской радости, хоть с долгом, возвратился.
Ну, что-то скажет нам заморский философ?
Посмотрим на него, таков ли то он, каков
От здешних умников, что, есть ли то отмена?
Поправился ли? Да, велика перемена!
Поехал человек, приехал уж вертушка,
Знак просвещения — большой тупей и клюшка.
С великой пользой он там прожил целый год:
На что ни взглянешь ты, на нем все à la mode.[1]
Какие же часы! цепочка! пряжки! фрак!
Поехал — был шалун, а ныне стал чудак!
Отменной выступкой от прочих выступает,
В шесть пуколь чешется и мушки налепляет,
Духами облит весь, в затылке кошелек,
Кобенясь, чваняся, бормочет: «Je m'en moque!»[2]
Вертится, шаркает, поет и мелет вздор,
А вкруг его кричат: «Воя́жор! вояжо́р!»
То даром, что болван, да был в чужих краях,
Так всем и нравится. «Мил, мил! — кричат, — ах! ах!»
А он, услыша то, и более болтает,
Тупой язык острит, а разум притупляет.
Вот нравы, вот умы всех модных остряков!
Вот воспитание! Вот ныне свет каков!
Чего же доброго тут можно перенять,
Коль деток батюшки лишь учат щеголять?
Но должно, чтоб отец себя примером ставил.

---

[1] По моде (франц.). — *Ред.*
[2] Мне это смешно (я презираю это) (франц.). — *Ред.*

Какой же он пример, когда худых сам правил?
Они не учат их, а только развращают,
Пороки более людские примечают.
О! в правомыслии недремлюща зеница!
Глагол в устах твоих не сахар, но горчица.
Ты правду говоришь, но сам тем доказал,
Чтоб лучше свет делам, а не словам внимал.
Послушай же меня, да только не сердись.
Я чаю, ты слыхал: «Врачу́, сам исцелись!»
Ты молодчик молодой, а много уж детина,
Пристала ли учительска к тебе личина?
Ты сам ее надел, так сам ее и скинь,
Оплюй ее, кругом иль за угол закинь.
Не трогай колеса вертящегося мира!
Что пользы принесет смеющася сатира?
Исправит ли людей закоренелы нравы,
Коль пишет лишь писец в час скучный для забавы?
Забавно их читать; они нас веселят;
Они с овечками волков мирить хотят.
Не странно ль, не смешно ль? Но вот еще смешнее:
Хотят, чтобы ослы все сделались умнее,
К опрятности свиней насильно приучают,
На улице собак от лая унимают.
Ну, уж затеяли куда какое дело!
Не я б на лошади, она б на мне сидела!
Противо шерсти всех старательно он гладит,
Но волком кто рожден, с овцой уж не поладит.
А умным можно ль быть с ослиной головой?
Свиньей родился кто, тот будет ввек свиньей.
Возможно ли идти природы вопреки?
Желать, чтоб умными вдруг стали дураки?
Стремленье Нила нам возможно ль удержать?
Иль приказать <пропуск> бумаги не марать?
И в рифму чтоб слова насильно не тащить,
Иль жалость во попах к умершим поселить?
Аптекарь чтоб всегда здоровья всем желал
И взяток за письмо подьячий чтоб не брал
И чтоб не чванился своим кудрявым летом?
Кокетку можно ли поссорить с туалетом,
Иль пьяницам велеть хмельное не любить?

И «ergo»[1] запретить педантам говорить?
Купцам из барышей без нужды не божиться,
Раскольникам велеть по-нашему креститься?
Возможно ль убедить бесстыдного стыдом?
На свете сем идет своим всё чередом.
Слепому зеркало как близко ни кажи,
Пожалуй ты ему хоть на нос положи,
Увидит ли себя? И может ли то статься?
Сатиры нынеча совсем уж не боятся.
Нескромность зеркала сатирик своего
Знав, не посмотрится ни разу сам в него;
Для шутки лишь его он держит пред собой
Стеклом всегда к другим, к себе всегда доской.
Какой же из сего льзя пользы ожидать?
Не лучше ль и тебе ученье оставлять?
Учи лишь сам себя, будь честен, справедлив,
Будь искренен, молчи и меньше будь хвастлив!..

РАСПУТСТВО И ВЕТРЕНОСТЬ

Орлова ставила на карту миллион,
Чему дивился весь бесовский легион,
Что собранный с крестьян оброк пошел на ветер.
Так делает всегда и каждый петиметер.
Хоть предки капитал с трудом приобрели,
Но бережливости в потомство не ввели.
Какую в карточной игре найти забаву,
И может ли она умножить честь и славу?
Никак, обманы в ней и скрытыя подбор
При свете и в глазах окрадут так, как вор.
Итак, разумно ли искать в бесчестье славы?
Не лучше ль избегать столь вредныя забавы.
Кто тратит доброе — не человек, не скот,
Но как его назвать? Безумнейший всех мот.
Хотя распутные лепечут по-французски,
Но нет в них разума, как честности по-русски.

---

[1] Следовательно (лат.). — *Ред.*

ПЕСНЯ НА ГОЛОС ФРАНЦУЗСКИХ СВЯТОК

1-е

Эй, братцы, не резвитесь,
Чтоб худо не сбылось.
Каменского страшитесь —
Он вам откусит нос.
«Подайте батожья, — он скажет, — отваляю,
Хотя немудрый я судья,
Да только плеть востра моя;
Я всех вас разгоняю!»

2-е

Вдруг перед ним, согнувшись,
Явился Гагельстром,
Умильно улыбнувшись,
Пустил шпионства гром.
«Узнал я, — он сказал, — что каркают вороны,
Они в их тайном языке
Толкуют, верно, в уголке,
Как бы потрясть короны».

3-е

Каменской ужаснулся,
Потряс своей главой,
К Овсову обернулся,
Сказал: «Мудрец ты мой,
Пожалуй, отыщи, ворон где делась туча?»
Овсов на это отвечал:
«Вам Гагельстром не так сказал, —
Навозна была куча».

4-е

Крючки вдруг раздалися,
Смутился их собор,
Хоромы потряслися
От звука светлых шпор.
От страха перевесть едва могли одышку,

Всяк мнит, что грома то удар,
Но, грудь подняв, влетел Угар,
Гора родила мышку.

5-е

Каменской взволновался
От грозного посла,
Как мышка заметался
Он в угол из угла.
Угар ему сказал, пожавши важно руку:
«Я вам, сударь, пришел дать знать,
Чтоб вы велели отыскать
Мою борзую суку.

6-е

Хоть грамоты не знаю,
Хоть я совсем осел,
Однако различаю,
Что сука, что козел.
Притом же во дворце живу я нандресоле,
И выгод столько я стяжал,
Как будто храбрый генерал,
Служивший славно в поле.

7-е

В придворну сев карету,
Сам-пять[1] стучу как гром.
Смотрю по белу свету,
Как ходит ум пешком.
Притом же от двора идет фураж и пойло,
Мне нужды нет, что все твердят,
Что лучше было бы стократ,
Когда б мне дали стойло».

8-е

Такие-то вельможи
В России развелись!

---

[1] Он сам и 4 лошади.

А ум не высунь рожу
И в нору удались.
От доброго царя всех добрых удаляют,
Но скоро время то придет,
Что слуг он истинных найдет,
А шу́тов разгоняют.

ОФИЦЕР И БРИГАДИР

Какой-то офицер новейшего покроя
Смеяться захотел над старым бригадиром.
И, бедному ему не дав совсем покоя,
Он шутит и над ним — он шутит над мундиром:
«Какой смешной покрой,
Как длинен, как широк,
Точь-в-точь как юберрок.
Какая разница, смотри на мой,
Короток, узок, строен,
Немножко беспокоен,
Но воину покой
Не нужен никакой,
Он должен чувствовать всегдашне беспокойство,
Вить в том и состоит теперешне геройство.
Ты скажешь, что платка нам некуда девать,
На это наплевать.
Мы шляпы для того огромные имеем,
Подчас же и в сапог мы класть его умеем.
А если скажешь ты,
Что книжку с де́ньгами нам негде положить,
Об этом не изволь, мой друг, тужить,
Я выведу тебя тотчас из сей мечты,
У нас взята на то достаточная мера,
Ни гро́ша не найдешь теперь у офицера.
Не так, как в старину бывало с вами, —
Карман ваш был надут
И новыми, и старыми рублями,
А я так весь вот тут.
Зато и сам ведь ты
На старую похож монету.
Нет этой красоты,
Ни той осанки нету,
Какая у меня вот, видишь, например.

Что скажешь ты? Каков теперь офицер?
Вот я перед тобой, как новый рубль пред старым,
И это, кажется, довольно доказал».
— «Я в этом сам тебя, мой друг, считаю правым, —
Смиренно бригадир в ответ ему сказал, —
Конечно, разница такая ж между нами,
Какая между новыми и старыми рублями.
Хотя они во всем почти одно и то же,
Однако же один другого подороже».

СТИХИ НА АРХИМАНДРИТА ФОТИЯ

Карета мчится выписная,
В ней рожа постная, больная,
В престранном черном клобуке
Смиренно жмется в уголке,
И над каретными дверями
Герб графский, с бронзой, вензелями,
Четверка ухарских коней
Летит как вихрь, стрелы скорей,
Звенит со стоном мостовая.
Чья эта четверня лихая
И слуги в золоте горят?
«Вот батюшка святой наш едет..»
— «О нет, народ пустое бредит, —
Архип тут Сидору сказал, —
Ну кто видал или слыхал,
Чтобы святые так езжали
И их форейторы визжали? —
Смотри, всех встречных ломит с ног.
Когда монаху велел бог
В каретах графских величаться?
А тут легко всем догадаться,
Что у графини маскерад;
Надев монашеский наряд,
Морочить барынь он к ней мчится
И маску уронить боится».
Архип, мне кажется, в том прав.
Быть у народа такой нрав,
Что он молодчика лихого
Подчас считает за святого.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. ХВОСТОВ

МЫСЛИ 19-го ВЕКА

Грех — скончался в имени, а живет в действии.
Правда на земли сгорела и взошла на небо.
Благодать вышла из света,
Искренность спряталась.
Правосудие сбежало.
Добродетель — ходит по миру,
Благодеяние — под арестом.
Помощь — в доме сумасшедших.
Истина — погребена под развалиной.
Кредит — сделался банкротом.
Совесть — сошла с ума.
Польза — в безмене купеческом.
Вера — осталась в Иерусалиме.
Надежда — с якорем на дне моря.
Любовь — больна простудою.
Честность — вышла в отставку.
Верность — осталась на весах аптекаря.
Кротость — взята в драке на съезжую.
Закон — на пуговицах в Сенате.
Терпение — скоро лопнет,

а унылость вселилась в сердце не имеющих пристойного содержания, и потому купеческий кредит господствует всеми и безбожные проценты наполняют мешки торгующих.

Лицемерство и лесть исправляют свои дела по желанию их. Гордость, пышность и суетность обреме-

няются долгами до бесконечности и переходят в квартиру грызущей их бедности. Тюрьмы наполняются не наблюдающими баланса приходов и расходов. Землепашцы угнетаются оброками. А все выгоды в жизни остаются в руках купеческих.

1810 (?)

А. Ф. ВОЕЙКОВ

ПАРНАССКИЙ АДРЕС-КАЛЕНДАРЬ,

ИЛИ РОСПИСЬ ЧИНОВНЫХ ОСОБ, СЛУЖАЩИХ ПРИ ДВОРЕ ФЕБА И В НИЖНИХ ЗЕМСКИХ СУДАХ ГЕЛИКОНА, С КРАТКИМИ ЗАМЕЧАНИЯМИ ОБ ИХ ЖИЗНИ И ЗАСЛУГАХ. СОБРАНО ИЗ ДОСТОВЕРНЫХ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ В БЛАГОШЛЯХЕТНОМ АРЗАМАССКОМ ОБЩЕСТВЕ

(1818—1820)

1. И. И. Дмитриев, действительный поэт 1-го класса. По прошению уволен от поэзии в царство дружбы и славы, с ношением лаврового венка.

2. Ю. А. Нелединский-Мелецкий, действительный поэт, чрезвычайный и полномочный посол царя Парнасского при дворе царицы Пафосской, имеет на голове миртовый венок и лавровый лист в петличке с надписью: «За перевод Заиры».

3. Кн. Д. П. Горчаков, действительный поэт, экзекутор при наказании сатирическим бичом разврата, ябеды и грабительства, имеет в петличке лавровый лист с надписью: «За сатиры».

4. К. Н. Батюшков, действительный поэт, стольник муз, обер-камергер граций.

5. Д. В. Дашков, министр юстиции, комитета для пересмотра вновь выходящих книг, уголовной литературной палаты и комитета о наблюдении православия в слоге первоприсутствующий.

6. Князь П. А. Вяземский, министр полиции, главноуправляющий смирительными заведениями для завистников, вралей и бездельников.

7. Д. Н. Блудов, государственный секретарь бога Вкуса при отделении хороших сочинений от бессмысленных и клеймении сих последних печатью отверже-

ния; находится на теплых водах для излечения от простудной лихорадки, которую получил он на Липецких водах.

8. Д. В. Давыдов, действительный поэт, генерал-адъютант Аполлона при переписке Вакха с Венерою.

9. Д. И. Баранов, аккредитованный переводчик 1-го класса. Находится при выдаче за золото иностранных писателей равной суммы русской ходячею монетою.

10. М. Т. Каченовский, великий государственный архивариус, хранитель древней пыли, обер-банщик торговых Гиппокренских бань, бессменный член банного строения, церемониймейстер предбанников, ордена бани кавалер; имеет через плечо веник на лыке.

11. Вильгельм Кюхельбекер, хирург из Немчин, заготовляет из стихотворений своих для Феба промывательное.

12. Николай Иванчин-Писарев, по горной части, при переплавке свинцовых Мерзлякова стихов в свои.

13. А. Ф. Мерзляков, придворный карапузик, великий раздаватель галиматьи.

14. Ф. Ф. Кокошкин, служит знаком удивления при великом раздавателе галиматьи.

15. В. В. Измайлов, действительный явный галломан, чувствительный писатель 1-го класса, помещен на вакансию Ж.-Ж. Руссо при рескрипте, в котором сказано: «На безрыбье и рак рыба!» Пользуется привилегиею выпускать в Благовещенье из клеток чижиков и заведывает департаментом истерик.

16. С. Н. Глинка, снабжает отхожий кабинет патриотической русской Музы мягкою бумагою.

17. Максим Невзоров, за сумасшествием употреблен при Московском университете.

18. Евстафий Станевич, академик и беседист. За ревностные труды по части злословия совет муз добавил к его фамилии недостававшую литеру «а» и повелел ему впредь и слыть и быть Сатаневичем.

19. А. Н. Грузинцев, 12-го класса. За малолетством отпущен в дом родителей доучиться читать и писать.

20. Кн. Шаховский, придворный дистилатор; составляет самый лучший опиум для придворного и общественного театра. Имеет привилегию писать без вкуса и толку.

21. Кн. П. И. Шаликов, присяжный обер-волокита, князь вралей; находится при составлении из канареишных яиц для Феба яишницы и при собрании для него же жемчужной росы и любовных вздохов.

22. Н. Грамматин, ветошник русских писателей, перекраивает новые пьесы из старых лоскутьев и перекрашивает в свои чужие поношенные стихотворения.

23. Городчанинов, сорок лет находится при составлении экспромта на взятие графом Минихом города Гданска.

24. Таушев, винный пристав.

25. Кн. Козловский, при дополнении календаря объедения.

26. Ив. Муравьев-Апостол, великий усыпитель двора его парнасского величества; обязан просиживать ночи без сна для усыпления читателей.

27. Иван Евсеевич Срезневский, употреблен по части народного просвещения; сочиняет историческое похвальное слово покойному Ерофеичу и исчисляет, сколько азов употребил в сочинениях своих Аристотель.

28. П. Ю. Львов, для увеселения важных муз пускает огромные мыльные пузыри и прогуливается на ходулях по болоту; во грехе зачинает и родит в беззаконии.

29. А. М. Пушкин, служит при нагрузке Расиновых и Мольеровых сочинений балластом.

30. В. Л. Пушкин, при водяной коммуникации, имеет в петлице листочек лавра с надписью: «За Буянова».

31. П. И. Голенищев-Кутузов, беседист, почетный член общества завистливых, обучает змей пресмыкаться по книге, которая есть плод его долговременных опытов.

32. Карабанов, именитый стихотворец, долженствующий всегда иметь в запасе несколько пьес на рождение, крещение, бракосочетание и кончину знатных особ обоего пола.

33. Кн. Шихматов, беседист; член противной стороны здравому рассудку, пишет неведомо что, неведомо для кого; сочинитель песен, которых никто не поет, и книг, которых никто не читает.

34. Жихарев, экс-беседист, ныне член Арзамасского общества, снова вступил в управление умом и вкусом.

35. Статский советник Яценко, тайный издатель, по секрету славный писатель, выпускает из себя Дух Журналов.

36. Д. И. Языков, «ъ» его величества.[1]

37. Гр. Д. И. Хвостов, обер-дубина Феба в ранге провинциального секретаря; обучает иппокренских лягушек квакать и барахтаться в грязи.

38. А. С. Шишков, патриарх старообрядцев, главный директор раскольничьего книгохранилища; на шее носит шиш на пестрой тесьме, а в петлице — раскольничью бороду на голубой ленте; перелагает в стихи Стоглав и Кормчую книгу.

39. Макаров, 14-го класса, издатель журнала для милых; управляет департаментом шлифования на московских улицах камней.

40. Катенин, царский постельничий; обязан каждый вечер подходить к постели Феба и говорить ему из своего Расинова перевода: «Ты дремлешь, владыко! владыко, ты дремлешь!», поутру же приветствовать царя муз сими словами: «Сице, сице, весы в твоей деснице!»

41. А. Ф. Воейков, избран советом немецкого университета в профессоры российской элоквенции, перевозчик дидактических поэм по именному указу Аполлона, последовавшему по прочтении «Русских Садов» его, выворачивает наизнанку Вергилиевы «Георгики». Избран в члены Беседы и Академии.

42. Висковатов, при театральной дирекции; член комиссии для сочинения проекта смешить муз трагедиями.

43. И. А. Крылов, действительный поэт 1-го класса. Придворный проповедник, имеет лавровый венок и входит к его парнасскому величеству без доклада.

44. Михайло Милонов, действительный поэт.

45. Иванчин-Писарев
46. Сокольский
47. Глебов
48. Арапов
49. Аполлонский
50. Росляков

} юнкеры при разных министерствах

---

[1] Он писал и печатал, не употребляя букву «ъ».

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является первой попыткой свода избранных произведений сатириков конца XVIII — начала XIX в., малоизвестных широким кругам читателей.

Сборник делится на две части. Первая часть знакомит читателей с сатирическим творчеством поэтов Д. П. Горчакова, С. Н. Марина, А. Н. Нахимова, В. Л. Пушкина, А. Ф. Воейкова, А. Е. Измайлова, И. М. Долгорукова, М. Л. Милонова. Некоторые из них, в частности Воейков, Долгоруков, Милонов, были не только сатириками, но и талантливыми лириками. Однако лирическое творчество этих поэтов не входит в данную книгу, оно будет представлено в другом выпуске «Библиотеки поэта», посвященном поэтам конца XVIII — начала XIX в. Во вторую часть настоящего сборника входят наиболее интересные сатиры из числа печатавшихся различными поэтами в журналах того времени и некоторые сатирические стихотворения из рукописных сборников. В большинстве своем — это анонимные произведения.

Изучение текстов поэтов-сатириков конца XVIII — начала XIX в. затрудняется тем, что автографы во многих случаях утеряны, серьезные научные издания сочинений данных поэтов, за немногими исключениями, отсутствуют, многое было напечатано в журналах анонимно. Поэтому были широко использованы списки, имеющие тем большее значение, что, в силу цензурных условий, зачастую именно списки воспроизводят с наибольшей полнотой авторский текст.

При подготовке этого сборника были обследованы главные материалы по XVIII в., хранящиеся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом), а также в Центральном государственном Архиве литературы и искусства в Москве и в Рукописном отделении Библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

При наличии разных списков одного стихотворения предпочтение отдавалось списку, наиболее значимому по своему социальному звучанию и наиболее полному по количеству стихотворных строк.

Тексты, отобранные для данного сборника по печатным изда-

ниям или рукописным материалам, как правило, воспроизводятся в последней прижизненной редакции. Но так как значение русской сатиры определяется в первую очередь ее обличительными тенденциями, ее злободневностью, тем, в какой мере в ней отразились настроения прогрессивных слоев общества, то в некоторых случаях, когда ясно, что поздние авторские переделки объяснялись или цензурными причинами, или же коренным изменением взглядов автора, тексты даются в первой редакции. В первой редакции напечатано, например, «Послание к Сперанскому» А. Воейкова, так как обращение Воейкова прямо к Сперанскому имело для поэта принципиальное значение, а позднейшая замена имени адресата послания абстрактным «Эмилием» была вынужденной. Поздним редакциям «Дома сумасшедших» предпочтена более ранняя, так как, эволюционируя к концу своей жизни вправо, Воейков вносил в свою поэму изменения, фактически искажающие ее первоначальный замысел.

Выбор произведений для сборника определялся в первую очередь их идейной остротой, социально-политическим звучанием, тем резонансом, какой они имели у современников, и их художественными достоинствами.

В книгу вошло значительное количество ранее не опубликованных произведений. В частности, впервые вводится в литературный оборот целый ряд эпиграмм, сатирических посланий Горчакова, впервые полностью публикуется его сатира-разговор «Он и Я». В сборник включены и неопубликованные сатирические стихи Воейкова, А. Измайлова и других поэтов. В каждом отдельном случае это оговаривается в примечаниях.

Вопрос изучения литературного наследия Горчакова сложен, так как рукописи Горчакова сгорели во время бывшего в его деревне пожара. Единственное существовавшее до сих пор издание произведений Горчакова — «Сочинения князя Д. П. Горчакова». М., 1890, изданное внучкой Д. П. Горчакова Еленой Горчаковой, не представляет никакой научной ценности. Е. Горчакова, не располагая рукописями, не попыталась обратиться к авторитетным спискам, не поставила перед собой задачи обследовать журналы конца XVIII — начала XIX в., а ограничилась лишь известными ей поздними печатными источниками, далеко не безупречными. Из поля ее зрения выпал даже ряд произведений, напечатанных в журналах за подписью Горчакова; собрание сочинений Горчакова оказалось неполным, и многие произведения были напечатаны в нем в урезанном, сокращенном виде.

Публикации отдельных стихов Горчакова, осуществленные в начале XX в. В. Каллашем, Н. Петровским, С. Браиловским и в 1928 г. С. Шестериковым, значительно расширили наше представление о творчестве Горчакова.

Обследование обширного архива Д. И. Хвостова, хранящегося в Рукописном отделе ПД, дает сейчас возможность еще пополнить сатирическое наследие Горчакова. Списки Хвостова, друга Горчакова, являются в высшей степени авторитетными. Хвостов вообще был очень точен и пунктуален в своих записях, имея в виду, что его архив может принести пользу будущим исследователям русской литературы, о чем он сам писал.

В данном сборнике тексты сатир Горчакова печатаются по спискам архива Хвостова, по другим спискам, а также по журналам. По изданию 1890 г. печатаются лишь отрывки из комических опер Горчакова.

Как при жизни С. Марина, так и в последующем, были напечатаны лишь отдельные его стихи. Только в советское время вышло издание, подготовленное Н. Арнольдом: С. Н. Марин (1776—1813). Полное собрание сочинений. М., 1948. Издание снабжено большим научным аппаратом, является первым опытом текстологического изучения творчества Марина. К сожалению, в него вкрались досадные неточности; спорной представляется и принадлежность некоторых произведений Марину. Обременяют и перегружают книгу излишние материалы, относящиеся к истории рода Мариных. Тем не менее, издание 1948 г. все же явилось важным вкладом в дело изучения творчества интересного русского сатирика. Собрания автографов С. Марина не существует.

Основным источником для печатаемых здесь текстов Марина служит хранящийся в ГПБ авторизованный сборник его стихотворений, так называемый «Зеленый альбом графини В. Н. Завадовской», с собственноручными поправками С. Н. Марина. Учитываются в данном издании и некоторые списки произведений Марина, хранящиеся в ЦГАЛИ.

Лишь ничтожная часть произведений Акима Нахимова была опубликована при его жизни. Все издания сочинений Нахимова вышли уже после его смерти. Это прежде всего три издания сочинений Акима Нахимова, подготовленные Д. Борзенковым. 1-е издание — «Сочинения Акима Нахимова, в стихах и прозе, напечатанные по смерти его. В Харькове 1815 года», 2-е издание под тем же заглавием, дополненное рядом стихотворений Нахимова, появилось в 1816 г., а 3-е, в основном повторяющее 2-е, вышло в свет, также в Харькове, в 1822 г. В 1842 г. в Москве, в издании Андрея Глазунова, появилось и 4-е издание «Сочинений Акима Нахимова, в стихах и прозе, напечатанных по смерти его», воспроизводящее издание 1822 г. Наконец, в 1849 г. Смирдин в серии «Полное собрание сочинений русских авторов» издал вместе «Сочинения Нахимова, Милонова и Судовщикова». Ни одно из этих изданий нельзя назвать научным. Однако издания Борзенкова имеют важное значение, так как он учился вместе с Нахимовым в Харьковском университете, был его другом, и, судя по тому, что он пишет в предисловии «От издателя», очевидно, что 1-е издание сочинений Нахимова подготавливалось им совместно с Нахимовым еще при жизни поэта.

В 1880 г. Г. С. Чириков напечатал в «Русской старине» целый ряд произведений Акима Нахимова по подлинным рукописям писателя, которые тогда хранились в Рукописном отделении Харьковского университета. Сейчас ни в одном харьковском хранилище нет рукописей Нахимова, нет их также ни в Ленинграде, ни в Москве. Очевидно, они утеряны. Тексты Нахимова в данном сборнике печатаются по 3-му изданию сочинений Нахимова (1822), как наиболее полному. Кроме того, ряд произведений взят из журнала «Харьковский Демокрит» (1816) и из «Русской старины».

«Стихотворения Василия Пушкина» были изданы в 1822 г. в Петербурге его друзьями — Вяземским, Плетневым и Карамзи-

ным. Издание стихотворений В. Пушкина 1822 г. было перепечатано Смирдиным в 1855 г. с прибавлением 5-ти стихотворений. Первой попыткой научного подхода к наследию В. Пушкина надо считать «Сочинения В. Л. Пушкина, изданные под редакцией В. И. Саитова. С биографическим очерком и примечаниями». СПб., 1895. В это собрание сочинений В. Пушкина вошли его прозаические статьи, письма и стихотворения, печатавшиеся в журналах, альманахах, сборниках. Поэма «Опасный сосед» ни в одно из вышеназванных изданий не вошла. Об издании «Опасного соседа» при жизни В. Пушкина существуют разноречивые сведения (см. стр. 657). Лучшим посмертным изданием поэмы считается изданное известным библиографом С. Полторацким: «Опасный сосед. Стихотворение Василия Львовича Пушкина. Издание второе». Лейпциг, 1855. Оно авторитетно, так как напечатано по «исправному» списку, полученному Полторацким от самого автора в 1830 г., незадолго перед смертью В. Пушкина. Существует очень большое количество посмертных изданий «Опасного соседа». Назовем основные: «Опасный сосед. Стихотворение В. Л. Пушкина». Берлин, 1859; перепечатка этого же издания, вышедшая в Берлине в 1871 г.; затем также берлинское издание 1876 г. В России «Опасный сосед» был напечатан А. Е. Бурцевым («Библиографическое описание редких и замечательных книг», т. 4. СПб., 1901). В количестве 75 экземпляров он был издан в Москве в 1913 г. с предисловием Саводника. В этом издании был воспроизведен текст издания С. Полторацкого с вариантами по рукописным спискам. Со вступительной статьей и примечаниями Бориса Садовского «Опасный сосед» вышел в Москве в 1918 г. Интересным в научном отношении следует признать издание «В. Л. Пушкин. Опасный сосед». Вступительная статья и примечания С. П. Боброва. Москва, 1918. В 1922 г. в Петербурге появилось издание: «В. Л. Пушкин. Опасный сосед». Под редакцией и со статьей В. И. Чернышева. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Научное издание «Опасного соседа» было осуществлено Б. В. Томашевским в Большой серии «Библиотеки поэта», в сб. «Ирои-комическая поэма» (Л., 1933), где поэма была напечатана по тексту лейпцигского издания 1855 г. Этот же текст был перепечатан Б. В. Томашевским в сб. «Карамзин и поэты его времени». «Библиотека поэта», Малая серия., Л., 1936.

Автограф «Опасного соседа» не сохранился. Разрозненные автографы стихов В. Л. Пушкина сохранились лишь в очень небольшом количестве (ЦГАЛИ, БЛ). Основные стихотворные тексты В. Пушкина печатаются по изданию 1822 г. В основу публикуемого текста «Опасного соседа» положено издание 1855 г., вышедшее в Лейпциге.

А. Ф. Воейкову не удалось осуществить задуманное им собрание своих сочинений, все они остались рассыпанными по журналам. Об отдельных прижизненных изданиях некоторых произведений Воейкова сказано в биографической справке о Воейкове. «Дом сумасшедших» был напечатан лишь посмертно. Интерес представляют следующие издания сатирической поэмы Воейкова: «А. Воейков. Дом сумасшедших». Libraire B. Behr (E. Bock), Berlin (год издания не указан); «А. Воейков. Дом сумасшедших». Ред. И. Розанова и Н. Сидорова. М., 1911 (в это издание включены вариан-

ты поэмы). Разные редакции «Дома сумасшедших» печатались и в «Русской старине». В советское время сводная редакция «Дома сумасшедших», а также «Парнасский Адрес-календарь» и ряд мелких сатирических произведений Воейкова были опубликованы В. Н. Орловым в первом томе изданного им сборника «Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века». М.—Л., 1931.

Автографы «Дома сумасшедших», главным образом черновые, хранятся в ГПБ (фонд Воейкова) и в ЦГАЛИ. Они и были приняты во внимание при публикации поэмы Воейкова. Ряд стихов Воейкова взят из его подлинных писем к Вяземскому (ЦГАЛИ). При включении в данный сборник сатирических сочинений Воейкова были учтены и авторитетные списки, которые находятся в Остафьевском архиве в ЦГАЛИ и в БЛ, а также приняты во внимание журнальные редакции сатир и посланий Воейкова.

При жизни Измайлова вышло пять изданий «Басен и сказок» (перечислены в биографической справке). В 1839 г. вышло 6-е издание «Басен и сказок», 7-е — в 1862 г. Смирдин в 1849 г. в СПб. издал в 2-х частях «Сочинения Измайлова (Александра Ефимовича)». Из посмертных изданий заслуживает наибольшего внимания трехтомное «Полное собрание сочинений» А. Е. Измайлова. М., 1890. Хотя оно не лишено многих погрешностей (в нем встречаются опечатки), но все же оно важно своей полнотой: в него включены прозаические произведения Измайлова, а стихотворный отдел по сравнению с предшествующими изданиями дополнен несколькими эпиграммами, песнями и сказками, которые были помещены в «Русской старине» в декабре 1875 г. В советское время 32 басни и сказки А. Измайлова были напечатаны в Большой серии «Библиотеки поэта», в сб. «Русская басня XVIII и XIX веков». Л., 1949, со вступительной статьей Н. А. Степанова. К сожалению, это издание снабжено весьма краткими примечаниями. Если рукописное литературное наследие большинства вышеназванных поэтов-сатириков дошло до нас лишь частично или совсем не дошло, как рукописи Горчакова и Нахимова, то состояние рукописного наследия А. Измайлова можно назвать благополучным. Помимо большого количества автографов отдельных стихотворений А. Измайлова, которые находятся в различных фондах в Москве и в Ленинграде, в ГПБ хранятся четыре тома рукописей Измайлова, в которые вошло все самое главное из созданного им. Вместе с тем при публикации текстов Измайлова возникает ряд вопросов, так как существует очень большое количество разных редакций его басен, и если последние редакции, принятые Измайловым, обычно в художественном отношении являются более совершенными, то в идейном отношении они уступают ранним. Цензурные условия 1820-х годов вынуждали Измайлова лавировать и смягчать острые углы. Поэтому между рукописными редакциями, являющимися, как правило, более ранними, а также первыми журнальными публикациями и последней редакцией, принятой Измайловым в последнем, 5-м по счету, прижизненном издании, существуют значительные расхождения. Как правило, тексты Измайлова печатаются по последнему изданию — «Басни и сказки Александра Измайлова, с присовокуплением опыта о Рассказе басни и разбора некоторых образцовых басен

лучших российских фабулистов, в трех частях». СПб., 1826. Наиболее важные рукописные варианты оговариваются в примечаниях. Но в некоторых случаях, когда слишком очевидны причины, в силу которых Измайлов в печатном издании смягчал социальную остроту своей сатиры, текст дается по рукописи. По рукописям даются и некоторые неопубликованные стихи А. Измайлова.

Наиболее значительная и важная часть творческого наследия И. М. Долгорукова вошла в подготовленные им самим три издания его сочинений. Первым было — «Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого». М., 1802. 2-е, расширенное, издание вышло в 1808 г. под тем же заглавием, а 3-е, так же озаглавленное, в 4 томах, самое полное и интересное. в Москве, в 1817—1818 гг. В ЦГАЛИ находится ряд рукописных материалов И. М. Долгорукова, относящихся главным образом к позднему периоду его творчества. Тексты Долгорукова печатаются по 3-му изданию «Бытия моего сердца» (1817—1818).

Значительная часть литературного наследия М. В. Милонова, если судить по отзывам современников, осталась в рукописи. При жизни Милонова вышло единственное издание его произведений, подготовленное им самим: «Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения Михайла Милонова, члена С.-петербургского Вольного общества словесности, наук и художеств». СПб., 1819. Друзья поэта с сожалением отмечали, что Милонов не включил в это издание многие свои стихи. Неизвестно, что представляла собой поэма М. Милонова «Сотворение мира», которую современники считали его лучшим произведением. В последние годы жизни Милонов писал много сатирических посланий, но большинство из них до нас не дошло. Издание 1819 г. было перепечатано в Полном собрании сочинений русских авторов — «Сочинения Милонова, изданные Александром Смирдиным». СПб., 1849 (в одном томе с Нахимовым и Судовщиковым). Как источник текста смирдинское издание не может быть принято во внимание, так как обезображено цензурными пропусками.

В 1911 г. В. М. Маслов в своей книге о К. Ф. Рылееве указывал на то, что в Рукописном отделении Петербургского университета есть большое количество рукописных автографов неизданных стихотворений Милонова. По-видимому, эти автографы безвозвратно пропали: в настоящее время их нет в Рукописном отделении при библиотеке Ленинградского университета.

В данное издание включено несколько не опубликованных ранее стихотворений Милонова, которые печатаются как по рукописным автографам Милонова, так и по спискам (хранятся в ПД и в ЦГАЛИ). 6 сатир Милонова публикуются по текстам прижизненного издания.

При отборе сатир для первого раздела второй части сборника — «Из журналов» — внимание сконцентрировано прежде всего на журналах XVIII в. Они менее всего доступны читателям, а главное, что именно на страницах журналов XVIII в. русская сатира предстает в ее наиболее типическом выражении, в ее обличительной направленности.

Материал рукописных сборников настолько обширен, что ни одно издание не может его вместить полностью, поэтому то,

что публикуется в разделе «Из рукописных сборников», является лишь малой частью существующего огромного рукописного наследия.

Ряд интересных сатир из рукописных сборников был впервые напечатан Г. А. Гуковским и В. Н. Орловым в 1933 г. в «Литературном наследстве», № 9—10, посвященном XVIII в.

Материал в сборнике расположен в основном по хронологическому принципу, но есть и отступления от него.

Ввиду отсутствия точных датировок большинства произведений Нахимова, сначала помещены произведения Нахимова, которые могут быть датированы, а вслед за ними идут недатированные, расположенные по жанровому признаку. Этот принцип расположения материала в целом соответствует принятому Борзенковым в его изданиях.

Целесообразным оказался жанровый принцип и в ряде других случаев. Так, раздел, посвященный творчеству Милонова, открывается его шестью сатирами, которым современники придавали большое значение. Расположены сатиры в порядке, установленном самим автором. Жанрового принципа при издании своих произведений придерживались В. Пушкин и А. Измайлов, поэтому вполне закономерно принять его и в данном сборнике по отношению к их произведениям. «Опасный сосед» В. Пушкина и «Дом сумасшедших» Воейкова, как произведения наиболее значительные в творчестве этих писателей, помещены ранее посланий и эпиграмм.

Вторая часть сборника открывается несколькими сатирами, принадлежащими авторам, имена которых известны; для анонимных сатир принят хронологический принцип.

Все даты, заключенные в угловые скобки, обозначают дату первой публикации или год, не позднее которого написаны данные произведения. Даты предположительные сопровождаются вопросительным знаком. Две даты, отделенные запятой, означают, что произведение было впоследствии переработано.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Аониды — Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. I — III. М., 1796, 1797, 1798—1799.
Б — журнал «Благонамеренный». СПб., 1818—1826.
БГ — журнал «Беседующий гражданин». СПб., 1789.
БЗ — «Библиографические записки». Периодическое издание. М., 1858, 1859 и 1861.
БиС — «Басни и сказки» А. Е. Измайлова. (Все издания.)
БЛ — Библиотека СССР им. В. И. Ленина.
БСМ — «Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого». (Все издания.)
БЧ — журнал «Библиотека для чтения». СПб., 1822—1823, 1834—1865, 1875—1885; 1892 (М).
ВЕ — журнал «Вестник Европы». М., 1802—1830.
ВЗ — журнал «Вечерняя заря». М., 1782.
Вигель — Записки Филиппа Филипповича Вигеля, чч. 1—7. М., 1891—1893.

ГПБ — Рукописное отделение Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
ДВ — журнал «Драматический вестник». СПб., 1808.
ДП — журнал «Друг просвещения». М., 1804—1806.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения». СПб., 1834—1917.
ЖРС — «Журнал российской словесности». СПб., 1805.
Жуковский — Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изд. Вас. Жуковским. СПб., 1811.
ЗС — журнал «Зеркало света». СПб., 1786—1787.
ИАН — Известия Академии наук СССР. М.
Изв. ОРЯС — Известия Отдела русского языка и словесности Академии наук. СПб., Л.
Иппокрена — журнал «Иппокрена, или Утехи любословия». М., 1799—1801.
Капище — И. М. Долгоруков. «Капище моего сердца». М., 1874.
КМ — «Календарь муз» на 1826, 1827 гг. (СПб.).
ЛА — «Литературный архив». М.—Л., 1938.
ЛВ — журнал «Литературный вестник». Изд. Русского библиографического общества. СПб., 1901—1904.
Летописи — Летописи. М., 1948. Изд. Государственного литературного музея. С. Н. Марин (1776—1813). Полное собрание сочинений.
ЛН — «Литературное наследство».
ЛМ — «Литературный музеум».
ЛРЛД — «Летописи русской литературы и древности». М., 1863.
ЛС — журнал «Любитель словесности». СПб., 1806.
М — «Минерва». Журнал российской и иностранной словесности. М., 1806—1807.
МЗ — журнал «Московский зритель». М., 1806.
МК — журнал «Московский курьер». М., 1805—1806.
НБиС — «Новые басни и сказки» А. Измайлова. СПб., 1817.
НЕС — журнал «Новые ежемесячные сочинения». СПб., 1786—1796.
НЛ — журнал «Новости литературы». СПб., 1822—1826.
НРЛ — «Новости русской литературы». М., 1802—1805.
ОА — Остафьевский архив князей Вяземских, тт. 1—5. СПб., 1899—1913.
ОЗ — журнал «Отечественные записки». СПб., 1818—1830, 1839—1884.
Пантеон — «Пантеон русской поэзии», издаваемый Павлом Никольским. СПб., 1814—1815.
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом).
Периодическое издание — Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, ч. 1. СПб., 1804.
ПЗ — альманах «Полярная звезда» на 1823, 1824, 1825 гг. (СПб.).
Повесть — И. М. Долгоруков. «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. . .». П., 1916.
ППВ — журнал «Приятное и полезное препровождение времени». М., 1794—1798.

ПСУНП — Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. СПб., 1803—1819.
ПТ — «Покоящийся трудолюбец». М., 1784—1785.
РА — «Русский архив». Историко-литературный сборник, издаваемый при Чертковской библиотеке. М., 1863—1917.
РВ — журнал «Русский вестник». М., 1808—1820, 1824.
РМ — «Российский музеум, или Журнал европейских новостей». М., 1815.
РС — «Русская старина». Ежемесячное историческое издание. СПб., 1870—1897; 1900—1918.
РЭ — Русская эпиграмма (XVIII—XIX вв.). «Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1958.
С — журнал «Современник». СПб., 1838—1846, 1847—1866.
САН — Сочинения Акима Нахимова. (Все издания.)
Сатиры — Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения Михайла Милонова. СПб., 1819.
СГ — Сочинения князя Д. П. Горчакова. М., 1890.
СО — журнал «Сын отечества». СПб., 1812—1852.
Соревнователь — журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» (Труды Вольного общества соревнователей просвещения и благотворения). СПб., 1818—1825.
СП — газета «Северная пчела». СПб., 1807, 1825—1864, 1869—1870.
СПВ — журнал «Санкт-петербургский вестник». Изд. Общества любителей словесности, наук и художеств. СПб., 1812.
СПМ — журнал «Санкт-петербургский Меркурий». СПб., 1793.
ТВАК — Труды Воронежской ученой архивной комиссии, вып. 2. Воронеж, 1904.
Тр. РАК — Труды Рязанской ученой архивной комиссии, т. 25, вып. 1. Рязань, 1912.
Труды — Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете. М., 1816—1824.
УВ — журнал «Украинский вестник». Харьков, 1816—1819.
ХД — журнал «Харьковский Демокрит». Харьков, 1816.
«Цветник» — журнал «Цветник». СПб., 1809—1810; сборник — 1816.
Чтение — «Чтение в беседе любителей русского слова». СПб., 1811—1816.
ЩС — Щукинский сборник, вып. 1—10. М., 1902—1912. Изд. Отделения имп. Российского исторического музея П. И. Щукина.
ЦВИА — Центральный военно-исторический архив в Москве.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
ЭиС — «Эпиграмма и сатира», т. 1, сост. Владимиром Орловым. М.—Л., 1931.
Яковлев — «Опыт русской антологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения». Собрано Михаилом Яковлевым. СПб., 1828.

Условные сокращения рукописных сборников, альбомов, отдельных автографов, принятые в примечаниях

БЛ 1 — Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Списки стихов Д. П. Горчакова, шифр: ф. 218, № 701, ед. хр. 2.
БЛ 2 — Альбом Неелова, ф. 129, п. 20, ед. хр. 4.
БЛ 3 — Автограф «Дома сумасшедших», ф. 233 (Полторацкого), п. 9, ед. хр. 37.
БЛ 4 — Письма А. Ф. Воейкова, ф. 226, п. 3, ед. хр. 14.
БЛ 5 — ф. 233 (Полторацкого), п. 36, ед. хр. 13.
БЛ 6 — Рукописный сборник, ф. 344 (Шибанова), № 282.
ГПБ 1 — Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Рукописный сборник F XVII, № 98.
ГПБ 2 — То же, Q XVII, № 240.
ГПБ 3 — Рукописные сборники, Q XVII, № 183 (1—4 тт.).
ГПБ 4 — Фонд А. Ф. Воейкова, ф. 151, оп. 1, ед. хр. 1—14.
ГПБ 5 — Рукописный сборник, Q XVII, № 266.
ГПБ 6 — Рукописный сборник под заглавием «Разные сочинения», F XVII, № 80.
ПД 1 — Пушкинский Дом. Письма А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву, 14. 163 L XXVII б. 7.
ПД 2 — ф. 31, оп. 8.
ПД 3 — ф. 357, оп. 2, № 220.
ПД 4 — Архив Я. К. Грота, ф. 88, оп. 2, № 67, «Зеленая тетрадь» Н. Д. Политковского.
ПД 5 — Бумаги С. Д. Полторацкого, шифр 23481/с L XIX б. 2.
ПД 6 — Рукописный сборник М. Маркевича, ф. 265, оп. 3, № 10.
ЦГАЛИ 1 — Центральный Государственный архив литературы и искусства. Альбом с автографами из архива Вяземского, ф. 195 (Остафьевский архив), оп. 1, ед. хр. 5082.
ЦГАЛИ 2 — ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5551.
ЦГАЛИ 3 — Письма В. Пушкина к П. А. Вяземскому, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611.
ЦГАЛИ 4 — Автограф «Дома сумасшедших» Воейкова, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1186.
ЦГАЛИ 5 — Список Вяземского послания Воейкова «К Дашкову», ф. 195, оп. 5, ед. хр. 11.
ЦГАЛИ 6 — ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1234 (Письма А. Ф. Воейкова к Вяземскому).
ЦГАЛИ 7 — ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1602 (Письма А. Ф. Воейкова).
ЦГАЛИ 8 — ф. 1064 (Долгорукова), оп. 1, ед. хр. 3.
ЦГАЛИ 9 — ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5326а.
ЦГАЛИ 10 — ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2324 (Письма Милонова к Вяземскому).
ЦГАЛИ 11 — Альбом А. Е. Измайлова, ф. 1336, оп. 1, ед. хр. 23.
ЦГАЛИ 12 — ф. 1346, оп. 1, ед. хр. 570.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 519.

I

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ ГОРЧАКОВ

<Послание к Д. И. Хвостову> (стр. 89). Впервые — ЭиС, стр. 35, в ином прочтении. В частности, в ЭиС вместо Шипов напечатано Шишков. Печ. по ГПБ 1. Послание отражает скрытую литературную полемику 1780-х годов, которая велась главным образом не столько на страницах журналов, сколько в ходивших по рукам списках стихов. По-видимому, «Послание» было написано между 1783 и 1786 гг. Именно в этот период Горчаков обращается в своих неопубликованных письмах к Д. И. Хвостову с призывами к творческой активности, к литературной полемической борьбе. В 1785—1786 гг. он пишет комическую оперу «Счастливая тоня», в которой издевается над Чертополохом (см. ниже). *Хвостов* Дмитрий Иванович (1757—1835) — писатель, друг Горчакова. Горчаков особенно ценил притчи Хвостова. *Карин* Федор Григорьевич (ум. 1800) — переводчик, писатель, друг Горчакова. Вот что пишет о Карине Хвостов в своих набросках «Опыта словаря о писателях»: «Человек, одаренный глубоким разумом, беспримерной остротою и редкими дарованиями к словесным наукам. Он имел просвещение, большое чтение и весьма достаточное познание российского языка. Равнодушие его о венце славы воспрепятствовало ему приобрести оный» (ПД, ф. Хвостова). *Николев* Николай Петрович (1758—1815) — известный в XVIII в. драматург, автор комической оперы «Розана и Любим» (1776), гражданственной трагедии «Сорена и Замир» (1784), друг Горчакова. *Шипов* Григорий Иванович (1742—1807) — полковник, член литературного кружка Горчакова—Карина. Судя по посланиям Горчакова, обращенным к Шипову, Шипов был писателем. Анонимность была чрезвычайно распространена в среде литераторов XVIII в., поэтому имена многих литераторов того времени, известные современникам, оказались безвозвратно потерянными для потомков. К числу этих безвестных писателей XVIII в. надо, по-видимому, отнести и Шипова. В ПД, в архиве князя Ф. Н. Голицына, сохранилась хозяйственная переписка Григория Ивановича Шипова, относящаяся к 1795—1798 гг., из которой можно сделать вывод, что Шипову совместно с Ф. Н. Голицыным принадлежало село Михайловское в Тульской губернии. Возможно, что Шипов был соседом Горчакова по имению, также находившемуся в Тульской губернии. В переписке Горчакова с Хвостовым встречаются и упоминания о дружбе Горчакова с Голицыными, для домашнего театра которых он пишет комедии. *Чертополох* — один из главных объектов сатиры Горчакова в области литературы. Против Чертополоха выступает со множеством эпиграмм и Николев, о нем же упоминает он и в статье «Рассуждение о стихотворстве российском», напечатанной без подписи в НЕС в апреле 1787 г. Николев ссылается в примечании на Горчакова: «Пример бестолковщины сего нового лирика смотри в опере «Счастливая тоня» в оде Чертополоха» (НЕС, стр. 61—62). Вероятнее всего, что под именем Чертополоха Горчаков и Николев выводили придворного одописца Василия Петровича Пе-

трова (1736—1799). В идейном отношении им претила официозность творчества Петрова, в художественном они были противниками метафоричности, напыщенности его стиля. В опере «Счастливая тоня» Чертополох говорит о себе — «Я новый Ломоносов», а на это звание претендовал именно Петров. Не кто иной, как сама Екатерина II в своей книге «Антидот» (1770) прямо приравняла Петрова к Ломоносову, защищая своего «карманного стихотворца» от нападок со стороны литераторов, принадлежавших к прогрессивному лагерю. Некоторые детали свидетельствуют о том, что члены кружка Карина критически относились к Петрову и как к поэту, и как к человеку. В свой «Опыт словаря о писателях» Хвостов переносит язвительную характеристику В. Петрова из словаря Новикова, являющуюся прямой полемикой с Екатериной II: «Он напрягается идти по следам российского лирика, и хотя некоторые и называют уже его вторым Ломоносовым, но для сего сравнения надлежит ожидать важного какого-нибудь сочинения, и после того заключительно сказать, будет ли он вторый Ломоносов или останется только Петровым и будет иметь честь слыть подражателем Ломоносова» (ПД, ф. Хвостова). *Уж Доброхотова велел он оседлать.* Писателя по фамилии Доброхотов обнаружить не удалось. По всей вероятности, Доброхотов, так же как и упоминаемый ниже *Наушкин,* — не подлинное имя, а сатирическая кличка какого-нибудь бездарного и сервильного литератора. Однако возможно, что Горчаков имеет в виду не писателя, а какое-то враждебное ему духовное лицо (фамилия Доброхотов очень распространена в духовной среде в XVIII, XIX вв.); в своих стихах Горчаков постоянно жалуется на нападки святош, ханжей и изуверов, грозящих ему за вольнодумство адскими муками. *Треух* — оплеуха. *Меркурий* — старинное название ртути; ртутью лечили венерические болезни. *Шипова календарь.* Сохранились эпиграммы Хвостова на Шипова (ПД), из которых явствует, что Шипов вел сатирический календарь, который, может быть, был одним из прообразов будущего «Парнасского Адрес-календаря» Воейкова. Вот одна из этих эпиграмм:

Шипов записывать привыкнул в календарь
Всё то, что выпустит Пиронов наших дар!
Но ежели сражать людей пороки,
Не говоря про них
Речей от мыслей злых,
То выйдут многие издания на строки!
И ежель у кого в душе Пиронов жар,
То новый каждый день потребен календарь.

Пирон Алексис (1689—1773) — французский поэт-сатирик, автор сатиры «Метромания», комедий, эпиграмм.

Ответ на ответ (стр. 90). Печ. впервые по ГПБ 1. Является ответом на обращенное к Горчакову стихотворение Д. Хвостова, в котором он побуждал Горчакова, следуя по пути Буало, язвить колкими стихами глупцов-писателей; заканчивались стихи Хвостова следующими строками:

Ступай, мой друг, ступай его следами —
Снищи себе хвалу полезными трудами,
Давай Хулилиным почаще тумаков,
И буди Горчаков — бич русских дураков.

Палиод. Очевидно, Горчаков подразумевал кого-либо из семьи французских художников и граверов Паллио (Palliot). Их было несколько — Паллио Пьер (1608—1698), наиболее знаменитый; его сын Цезарь-Александр-Луван Паллио, в родстве с ними находился и художник и гравер Паллио Жан. Быть может, кто-либо из них был и рисовальщиком карикатур. Писателей с такой фамилией нет. *Чертополохи* — см. стр. 613. *Буало*-Депрео Николя (1636—1711) — французский поэт-сатирик, теоретик французского классицизма, автор знаменитой поэмы «Поэтическое искусство» (1674). *Полисот* — Палиссо Шарль де Монтенуа (1730—1814), французский писатель, яростный противник энциклопедистов и Руссо. Его комедия «Философы» (1760) направлена против Руссо, Гельвеция.

Святки («В России лишь узнали...») (стр. 91). Впервые — ЩС 2, стр. 259. Печ. по списку БЛ 1. В ГПБ 1 содержится список «Святок», в котором отсутствует строфа о Домашневе и есть небольшие разночтения со списком БЛ. Кроме того, переписчик внес путаницу в примечания Горчакова, исказив их собственными полемическими дополнениями. В тексте ГПБ 1 после заглавия «Святок» написано, что «подчерненные примечания сделаны некоторым читателем, а неподчерненные самим сочинителем». Действительно, большинство неподчеркнутых примечаний принадлежат самому Горчакову, но есть примечания, хотя и не подчеркнутые, принадлежащие явно не ему. Упоминание в «Святках» трагедии В. П. Колычева «Сальвиний и Адельсон», которая была напечатана в 1781 г., позволяет заключить, что «Святки» были написаны не ранее 1781 г. Горчаков прославился своими «Святками», существующими в различных вариантах. Жанр «Святок» или «Ноэля» родился во Франции. «Святки» — песенка, святочное сатирическое обозрение, которое писалось к Рождеству; в нем изображалось рождение Христа и пародировался евангельский рассказ о приходе к Марии волхвов с поздравлением. Строфа французского ноэля состояла из четырех шестисложных стихов, одного двенадцатисложного, двух восьмисложных и заключительного шестисложного. В русском стихе ноэли писались ямбами: четыре трехстопных, один шестистопный, два четырехстопных и один трехстопный, при этом рифмовка первого четверостишия — перекрестная, второго — охватная. *Ученого собранья директор*. Вероятно, имеется в виду Сергей Герасимович Домашнев (1743—1795), который был в 1775—1783 гг. директором Академии наук. Его деятельность на этом поприще вызывала недовольство, и потому против Домашнева было много сатирических выпадов. На 50-летнем юбилее Академии наук он произнес бессвязную речь на очень плохом французском языке. Наверное, Горчаков иронизирует по этому поводу. *Хвостов*. Имеется в виду поэт-сатирик Александр Семенович Хвостов (1753—1820), впоследствии член «Беседы»; А. С. Хвостов был человеком умным и талантливым, славился своим остроумием; произведений своих он почти не печатал, они имели «карманную» славу. *Фонвизин, вздернув нос* и т. д.

«Вольномыслие» Фонвизина в вопросах религии проявилось хотя бы в его «Послании к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» и в «Лисице-казнодее». В «Послании к Ямщикову», например, Фонвизин пародирует Евангелие: «О чудо странное! Блаженна та утроба, котора некогда тобой была жереба...» Существуют упоминания о том, что якобы был «Ноэль» Горчакова, направленный против Фонвизина. Однако никаких следов этого «Ноэля» не обнаружено. Куплет о Фонвизине из данных «Святок», несмотря на несколько иронический тон его, не дает оснований говорить об идейных расхождениях Горчакова с Фонвизиным, так как сам Горчаков был «вольнодумцем» в вопросах религии, во всяком случае в молодости. Характерна запись Жихарева в «Дневнике студента»: «Ну что бы кн. Горчакову или Карину побывать у пасхальной заутрени в Успенском соборе? Нет сомнения, чтоб они вышли от нее другими людьми и, отложив ветхого человека, в нового облеклися» (С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, стр. 47). В Библии именем «ветхого человека» обозначается человек в его греховном естестве, не обновленный христианством, так что в данном случае налицо явный намек Жихарева на «вольтерианство» Горчакова и Карина. Между Горчаковым и Фонвизиным могли быть, и, видимо, были, расхождения чисто личного порядка (Фонвизин был своим человеком в доме родителей Д. И. Хвостова, друга Горчакова, и Горчаков пишет о Фонвизине в своих письмах к Хвостову как о хорошо знакомом, как о человеке одного круга). *Микулин* Николай — поэт, поставщик официозных од. Вероятно, Горчаков имеет в виду оду «Песнь славному веку Екатерины вторыя, императрицы и самодержицы всероссийския, на открытие Московской губернии по новым учреждениям, сочиненная Николаем Микулиным в Москве», 1782. Образцом «ломоносовского» стиля Микулина могут служить хотя бы следующие строки из этой «Песни»:

Се Феб . . . .
На сфере кажет вид румяный,
От уст пускает он эфир...

Капнист во хлев спешил. В примечании к куплету, направленному против Василия Васильевича Капниста (1758—1823), Горчаков прямо называет причиной своего отрицательного отношения к Капнисту его «Сатиру первую» (1780), в которой тот подверг осмеянию всех современных ему авторов. Горчаков был, вероятно, оскорблен тем, что Капнист высмеял в числе многих писателей, действительно достойных осмеяния, и хорошего писателя по тем временам, друга Горчакова Н. П. Николева. *Арсеньев следом... с украденным обедом.* В примечании, имеющемся в редакции ЩС, Горчаков объясняет, что Арсеньев «сделал подражание» сатире Буало. С полной точностью нельзя сказать, какого именно Арсеньева имеет в виду Горчаков. В 1777 г. в Петербурге вышла книга «Разговоры (сократические), соч. г. Вернета, вновь переведены кадетами 4-го возраста». В числе переводчиков-кадетов значится Н. Арсеньев. Существовал и другой Арсеньев, Яков Арсеньевич (1768—1848), сын священника села Бедарева Костромской губернии, учившийся в Костромской семинарии, впоследствии протоиерей и духовный писатель.

Обращает на себя внимание то, что Я. Арсеньев, как и Горчаков, был костромич. Яков Арсеньев писал не только духовные сочинения. В 1791 г. было напечатано его «Слово на торжественный день мира России с Портою». В сб. «Распускающийся цветок» (1787) был помещен перевод с немецкого Арсеньева «Печальные следствия игры». В ППВ в качестве переводчиков участвовали Александр Александрович Арсеньев и Д. Арсеньев, который перевел с французского басню «Подстреленный журавль». *Мидас* (греч. миф.) — царь, которого бог Аполлон наделил ослиными ушами в наказание за то, что Мидас присудил награду за игру не Аполлону, а состязавшемуся с ним Пану. *Младший Хвостов* — Дмитрий Иванович Хвостов (см. стр. 613). *Калычев* — Василий Петрович Колычев (1736—1794), писатель, автор пьесы «Бедство, произведенное страстью, или Сальвиний и Адельсон», изданной в 1781 г. с инициалами В. К. Хотя сам Колычев называет ее «трагедией гражданской», но Горчаков совершенно правильно отрицает ее право на это название, так как ничего гражданственного в ней нет. По жанру эта пьеса близка к мелодраме, очень беспомощна в драматургическом отношении и полна нелепостей. Эпитет «смертоносная» объясняется тем, что в пьесе происходят бесконечные убийства. Сальвиний сначала убивает «злодея» Стрюлея, затем стреляет в Неллию, невесту Адельсона, с намерением убить ее. Затем он убивает второго злодея — Жипсона и, наконец, самого себя.

<Письмо к Г. И. Шипову> (стр. 93). Впервые — в другой редакции — Изв. ОРЯС, 1928, 1, стр. 163. Печ. по списку ПД (ф. Хвостова). Данный текст, являющийся подлинным горчаковским, так как взят из архива Д. Хвостова, значительно смелее и ярче текста, приведенного в Изв. ОРЯС. В ОРЯС отсутствуют 8-я и 12-я строки и дана другая концовка:

Но не сочти, чтоб я в безверье
Впал, суеверья избежав:
Священ мне естества устав,
А глупое высокомерье —
Не верить в свете ничему,
Что чудно нашему уму, —
Не чту я мудрости стезею,
И дерзость смертных таковых
Кроплю я жалости слезою,
Дивяся ослепленью их.
К познанию творца дорога
Для всякого весьма легка.
Часы явят часовщика,
А мир показывает бога.
Пойдем без ужаса к нему:
Он пища сердцу и уму.
Почто в нем зреть судью лишь строга?
Нет, зрим в нем нежного отца;
Он заблужденьям ждет конца,
Казнит одно ожесточенье.
О смертный! Он — сама любовь,

И казнь его есть попеченье
Доставить нам блаженство вновь.
На нем всю основав надежду
И презря гордого невежду,
Я не нуждаюсь мира благ,
Но тщуся с ним умерить шаг.
Когда ж прийдет мне срочно время
Сложить сей частной жизни бремя,
Минуте сей я буду рад
И, равнодушен к миру тленну,
Оставлю я тогда вселенну,
Как в заговенье маскарад.

Вероятно, текст ОРЯС является более поздним вариантом «Письма», когда Горчаков уже не относился воинственно к проблеме бытия бога. Датируется на основании письма Горчакова от 24 мая 1783 г., в котором поэт, благодаря Хвостова за присланный ему в подарок перевод Вольтера, в ответ на это посылает стихотворное «письмо... к Григорию Ивановичу Шипову» (ПД, ф. Хвостова). Речь, несомненно, идет о стихотворении «Ахти, любезный мой Шипов...» У Горчакова есть и другое письмо к Шипову, но в нем говорится, что Горчаков живет в деревне, а письмо «Ахти, любезный мой Шипов...» прислано из Москвы. Следовательно, данное стихотворение точно датируется маем 1783 г. *Оклобученный люд* — монашество; клобук — головной монашеский убор. *Не хуже древния Цирцеи.* Цирцея — царица острова Эи, волшебница, очаровавшая Одиссея и превратившая его спутников в свиней. *Как в заговенье маскарад.* Заговенье — день накануне одного из четырех постов, установленных православной церковью. В этот день все веселились на балах и маскарадах, прощаясь на несколько недель с развлечениями, так как во время поста считалось недопустимым устройство балов. Во время «великого поста» были даже закрыты многие театры.

Из комической оперы «Счастливая тоня».

1. «Я есмь Чертополох...» (стр. 97). Впервые — «Счастливая тоня», опера в 4-х д., М., 1786. Печ. по СГ, стр. 75. 29 января 1786 г. Горчаков сообщает Хвостову о том, что написал комическую оперу «Счастливая тоня», — следовательно, работал он, вероятно, над ней и в 1785 г. Поставленная на сцене (музыка Стабингера), опера имела у публики большой успех, которому немало способствовали остроумные куплеты на злобу дня. *Чертополох* — см. стр. 613. В куплетах Чертополоха пародируется пышный, громозвучный стиль од Петрова. *Ночь мрачный кров свой опустила, Стадами облаки сгустила* — здесь Горчаков высмеивает характерное для Петрова сочетание патетики слога с неожиданно грубыми словами. *Стихии там готовят рать. Запоры зрят себе отверсты* — пародирование строки Петрова из поэмы «Графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому», где Петров восклицает: «Запри днесь хляби все, о небо!» *Парнасский мудрый бог* — Аполлон. *Пиндар* (522 — ок. 442 до н. э.) — лирический поэт древней Греции, здесь: М. В. Ломоносов, которого сравнивали с Пиндаром.

2. Песенка судьи (стр. 98). Впервые — «Счастливая тоня». М., 1786. Печ. по СГ, стр. 72.

Песенка Абдаллы из комической оперы «Калиф на час» (стр. 98). Впервые — «Калиф на час», опера в 4-х д. М., 1786. Печ. по СГ, стр. 15. Как и «Счастливая тоня», пользовалась большим успехом у публики. Пьеса давала возможность «применений» к русской действительности. В «Калифе на час» Горчаков говорит о починке мостовых, имея в виду, конечно, починку дорог, крайне обременительную для населения, отражавшуюся, главным образом, на положении крестьянства, выступает против взяточничества судей, обличает министров — плутов и хищников, от чьих злодейств и государь «почитается мучителем». *Крюк* — в старинном словоупотреблении — клюка, кочерга. В XVIII и начале XIX в. слова «крюк», «крючок» часто применялись к судейским чиновникам.

Из комической оперы «Баба-яга» (стр. 99). Впервые — «Баба-яга», опера в 3-х д. Калуга, 1788. Печ. по СГ, стр. 109. «Баба-яга», в которой Горчаков использует мотивы народных сказок, по содержанию и развитию действия слабее его предыдущих комических опер, но и в ней выведен отнюдь не «сказочный», а реальный персонаж — подьячий Взяткин. В одном из рукописных сборников ГПБ находится «Песня из оперы „Баба-яга“», текст которой смелее печатного. В нем преподносится и урок царям, которые скоро «истину прочтут. Будут только человеки, их богами назовут». Однако в печатном тексте куплеты «Бабы-яги» совершеннее в художественном отношении, кроме того, любопытны своей скептической окраской, выраженным здесь неверием в возможность скорого истребления зла. *Каретный ряд.* В XVIII и начале XIX в. московское дворянство тратило целые состояния на щегольские модные кареты. *Магистрат* — городское судебное учреждение, занимавшееся разбором дел горожан.

Теперешняя моя жизнь (стр. 101). Печ. впервые по списку Д. Хвостова (ПД). Написано не позднее 1788 г., так как в послании упоминается в числе живых Бюффон, умерший в 1788 г. *Сретать* — встречать. *Гельвеций* Клод-Адриан (1715—1771) — французский философ-материалист, один из идеологов революционной французской буржуазии XVIII в. *Расин* Жан-Батист (1639—1699) — французский драматург. *Кребильон* Клод-Проспер-Жолио (1707—1777) — французский писатель, автор ряда гривуазных романов. *Жестокий отец* его — то есть Кребильон Проспер-Жолио-старший (1674—1762), французский драматург, с 1731 г. член Французской академии. Кребильон-старший изображал в своих трагедиях неистовых злодеев и злодейства. *Реньярд* (Реньяр) Жан-Франсуа (1655—1709) — французский комедиограф, продолжатель реалистических традиций Мольера, в некоторых комедиях пародировавший мифологическую и рыцарскую героику. *Пирон* — см. стр. 614. *Реналь* (Рейналь) Гийом (1713—1796) — французский историк, деятель Просвещения, близкий к энциклопедистам. Наибольшую известность получила книга Рейналя «Философская и политическая история о за-

ведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» (1770), созданная при участии Д. Дидро и П. Гольбаха, за которую Рейналь подвергался преследованиям. Рейналем зачитывались Радищев, Новиков, Фонвизин. *Бюффон* Жорж-Луи-Леклерк (1707—1788) — известный французский естествоиспытатель, чьи труды подвергались жестоким преследованиям со стороны духовенства. *Нолет* (Нолле) Жан-Антуан (1700—1770) — французский физик, внесший значительный вклад в развитие опытной, экспериментальной физики во Франции. *Франклин* Бенджамин (1706—1790) — знаменитый американский физик и выдающийся политический деятель, выступавший против рабства негров. *Держа в своей деснице гром.* Горчаков имеет в виду изобретенный Франклином громоотвод. *Мозглявин.* Возможно, что Мозглявиным Горчаков называет писателя-ремесленника Лукницкого, переводчика всевозможных оперетт и пьес иностранных авторов. *Николев* — см. стр. 613. *Бежать с поклоном к Н. . . . . .* Судя по количеству точек и по тому, что следующая строка заканчивается словом «обнову», здесь, вероятно, подразумевается Новиков. Подтверждением этому служат и следующие затем два стиха. *Чтоб при газетах* и т. д. Очевидно, имеется в виду литературное приложение к газете «Московские ведомости», издававшееся Н. И. Новиковым, — «Прибавление к Московским ведомостям» (1783—1784). *Мне смеют их на счет давать.* Приписывание своих стихов другим авторам было чрезвычайно распространенным явлением в конце XVIII и начале XIX в. И. И. Шувалов выпускал свои стихи под чужим именем; Д. Хвостов, А. Хвостов, А. Измайлов пользовались подобными мистификациями; чаще всего это являлось способом «мести» своим литературным противникам, о чем говорилось даже в одной из эпиграмм того времени. *Девять дщерей Мнемозины* (греч. миф.) — девять муз.

Святки («Как в Питере узнали. . .») (стр. 105). Впервые — Изв. ОРЯС, 1928, 1, стр. 160. Если судить по упоминанию в сатире смерти Шешковского, то «Святки» Горчакова должны были быть написаны после 1793 г., но этому противоречат другие упоминающиеся обстоятельства, связанные с именем Безбородко. Вероятнее всего, что «Святки» создавались в течение ряда лет, в 1780—1790 гг. — свободная форма «Святок» давала возможность прибавлять к ним куплет за куплетом, в зависимости от меняющихся событий политической жизни. Данный вариант «Святок» Горчакова очень интересен своей политической направленностью, выступлением против заведовавшего Тайной экспедицией «кнутобойцы» Степана Ивановича Шешковского (1727—1793), «домашнего палача кроткой Екатерины», против всесильного вельможи князя Г. А. Потемкина (1739—1791). *Племянницы его* — т. е. сестры Энгельгардта (Анна, Александра, Варвара, Екатерина и Татьяна Васильевны). *Что вместе спим с родными.* И. М. Долгоруков в «Капище моего сердца» говорит следующее о племянницах-любовницах Потемкина: «Все лица бесподобного, и во всех дядюшка изволил влюбляться. Влюбиться на языке Потемкина значило наслаждаться плотью; любовные его интриги оплачивались от казны милостью, отличиями и разными наградами, кои потом обольщали богатых женихов и доставляли каждой племяннице, сошедшей с ложа сатрапа, прочную фортуну

на всю жизнь» («Капище», стр. 271). *Приходит чупский граф, чтоб канцлерство Христовым* и т. д. Имеется в виду Безбородко Александр Андреевич (1747—1799), крупнейший деятель екатерининского царствования. Безбородко получил титул графа Священной Римской империи в 1785 г. Чупский — от слова «чуб», намек на украинское происхождение Безбородко. Возглавлял Коллегию иностранных дел. С 1797 г. — государственный канцлер (высшее звание в империи). *И правь пойди волами* — намек на то, что Безбородко, возможно, был сыном украинского крестьянина, торговавшего рогатым скотом. *К...., главный прокурор* — по предположению С. П. Шестерикова, князь Вяземский Александр Алексеевич (1727—1793), генерал-прокурор Екатерины II с 1764 по 1783 г.

Он и Я (стр. 107). Впервые — отрывки — «Памятник отечественных муз», на 1827 г. СПб., 1827. Печ. полностью по списку Хвостова (ПД). Судя по тому, что в «Разговоре» Горчаков упорно говорит о том, что его обошли наградою, «Разговор», очевидно, написан до 1790 г., когда Горчаков участвовал в штурме крепости Измаил и был удостоен за это ордена Владимира 4-й степени. Несомненен автобиографический характер «Разговора» — в нем отражены неудачи Горчакова по службе и в личной жизни. В «Стансах», тоже автобиографических, повторяется тема «Разговора», и в письмах к Хвостову мы находим намеки на какое-то разочарование, постигшее его в любви. В письме к Хвостову от 24 мая 1783 г. (ПД) Горчаков пишет: «Надеюсь, что ты снизойдешь моим обстоятельствам, когда скажу тебе, что:

Любовь, душа вселенной,
Оселок мудреца,
Которая разит чувствительны сердца,
И коей попоряд наш разум ослепленный
Находит своего блаженства в ней творца.

Любовь отчасти была причиною моего нерачения писать к тебе. Кто ей не был покорен? .. Однако же:

рассыпалось прельщенье,
Явился обнажен глазам моим призрáк:
Узрел я, что в любви и умный и дурак
Находит лишь мученье».

Вместе с тем было бы неверно видеть в Миловзоре портрет Горчакова, тем более что многие черты своего характера, а главное свои взгляды на обязанности дворянина по отношению к обществу, родине, писатель передал оппоненту Миловзора, выступающему в «Разговоре» под именем «Я». *Меркурьев часто жезл в войне* и т. д. (римск. миф.). Меркурий изображался с жезлом в руках, имевшим вид крылатой палки, обвитой двумя змеями. Жезл Меркурия служил символом мира и красноречия. *Итак я, Марсовы оставя знамена.* В 1780 г. Горчаков вышел в отставку. *Я маску Талии, сестры ее кинжал.* Горчаков именно в начале 1780-х годов, после выхода в отставку, пишет свои комические оперы, затем трагедию об Аме-

рике, переводит «Федру» Расина. *Дщери памяти* — музы, дочери Мнемозины, богини памяти. *И лиру, и свирель попеременно брал.* Горчаков говорит о разнохарактерности творчества. Лира была символом оды, свирель — символом «пастушеской» поэзии, т. е. идиллий, эклог. *Шольо* (Шолье) Гильом-Амфри (1636—1720) — французский поэт, представитель «легкой» поэзии, писал изящные по форме стихи гедонистического характера с налетом скепсиса. *Буффлер* Станислав (1737—1815) — французский писатель. *На Марсовых полях* — на полях сражений. *Три-три* — карточная игра. *Гельвеций* — см. стр. 619. *Шильник* — плут, надувала. *Семира* — героиня трагедии А. П. Сумарокова «Семира» (1751). *Роль Синава иль Замира.* Синав — новгородский князь, действующий в трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор» (1750); Замир — герой трагедии Н. П. Николева «Сорена и Замир». *Маймист* — в XVIII — начале XIX в. название финского населения Петербургской губернии; по-фински означает земледельца. *От гордого... лишь якства.* Якство — от слова «я», т. е. эгоизм, индивидуализм.

К другу моему Н. П. Н. Беседа 1-я (стр. 121). Печ. впервые по списку Хвостова (ПД). Датировка — до 1790 г. определяется тем, что «Беседа 2-я», печатаемая ниже, была опубликована Горчаковым в 1790 г. «Беседа 1-я» написана под явным влиянием книги Рейналя (см. стр. 619) «Философская и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях». *На что в стране моей климáт устроя грубый.* Современники вкладывали в понятие русского сурового климата политический смысл. Известно, например, что рижский цензор Туманский вычеркнул в пьесе Коцебу «Примирение» слова сапожника: «Я отправляюсь в Россию; говорят, там холоднее здешнего» (А. М. Скабичевский. Очерки истории русской цензуры, 1700—1863 гг. СПб., 1892, стр. 68, 83). *Марзий* — Марсий, фригийский сатир, состязавшийся с богом Аполлоном в музыке. Победитель в споре, Аполлон, разгневанный дерзким вызовом, велел повесить за руки Марсия и содрать с него, живого, кожу. *Гангезские берега* — т. е. Индия, где протекает Ганг. *Ариман* — бог тьмы, олицетворяющий зло и враждующий с Ормуздом, олицетворением света и добра. *Смотри философическую и политическую историю* и т. д. — ссылка на книгу Рейналя. *Сокращенное повествование о путешествиях, изданное г-ном Лагарпом.* Лагарп Жан-Франсуа (1739—1803) — известный французский критик и историк литературы, друг Вольтера. Упоминаемая Горчаковым сокращенная история путешествий появилась в 1780 г. *Ужасной заразил болезнью смертных род.* Может быть, Горчаков под «болезнью» подразумевает корыстолюбие, о котором он говорит на строку выше, но возможно, он имеет в виду действительно болезнь — сифилис. Об этом очень часто писали в XVIII в. *Жители Тамизы и Секваны* — т. е. англичане и французы. Тамиза — Темза. Секвана — Сена. *Антильской скорби раны.* Антильские острова — Вест-Индия, архипелаг островов между Северной и Южной Америками. Горчаков подразумевает здесь зверства колонизаторов в Вест-Индии, которая раньше многих других стран стала объектом грабежа со стороны ряда государств Европы. Коренное население — индейцы — было полностью истреблено в процессе колонизации

Вест-Индии. *Брамы* и т. д. Брама, или Брахма — один из высших богов в индуизме, считающийся творцом мира и всех существ. Брахманы, или брамины — жрецы в древней Индии, высшая каста. Они разработали учение о своей «избранности», ставящей их выше всех людей. *Путешествия капитана Кука и Бугенвиля.* Кук Джемс (1728—1779) — английский мореплаватель, открывший целый ряд островов в Тихом и Атлантическом океанах, во время своих экспедиций (1768—1771 и 1772—1775) два раза посетивший Таити. Бугенвиль Луи-Антуан де (1729—1811) — французский мореплаватель, известный своими открытиями в Океании. Во время возглавлявшейся им первой французской кругосветной экспедиции остановился в 1768 г. на Таити. В 1771 г. издал географическое и этнографическое описание своего путешествия.

К нему же. Беседа 2-я (стр. 125). Впервые — в другой редакции — НЕС, 1790, июнь, стр. 44, под заглавием: «Письмо к ***. Никакой человек не может знать, что ему скучно оттого, что ему нечего делать», без подписи. Затем с разночтениями — СПМ, 1793, август, стр. 100, с подписью К. Д. Г. Печ. по списку архива Хвостова (ПД), где эта сатира помещена вслед за «Беседой 1-й» под заглавием «Беседа 2-я». Обе «Беседы» тесно связаны между собой, и их следует, согласно замыслу Горчакова, печатать вместе. Существование большого количества редакций «Беседы 2-й» и то, что она при жизни Горчакова была им напечатана дважды, говорит о том, что сатирик придавал ей большое значение. Посылая свою сатиру в журнал Крылова, Горчаков выбросил из нее следующие строки:

Старался ль, рождшиясь под сенью грубой лжи,
В отечестве своем спокоить мятежи?

В этих строках содержался явный намек на Пугачевское восстание. Очевидно, в 1793 г. Горчаков уже не считал участие в подавлении крестьянского восстания одной из «доблестей» дворянина и, может быть, учитывал также и политические взгляды Крылова. В печатаемой в данном издании редакции эти две строки заменены следующими:

Стремился ли, как наш в Элладе веял флаг,
Огнем преобратить флот варварский во прах?

В СПМ отсутствуют примечания, зато в НЕС они есть, и даже более распространенные, чем в тексте Хвостова. К строке 46-й в НЕС есть любопытное критическое примечание о Ломоносове: «Ломоносов, сей славный лирик, имел несчастие написать несколько песней поэмы Петра Великого довольно скверно». Чрезвычайно интересно и примечание о Гельвеции: «Назло мелким, мелким лицемеришкам, Гельвеций будет всегда почитаться одним из лучших в свете философов». *Контре-данс* — кадриль. *Сражался ль при Кагуле.* На реке Кагуле (в Бессарабии) фельдмаршал П. А. Румянцев (см. стр. 628) разбил турок 12 июля 1770 г. Кагульская победа открыла Румянцеву дорогу на Дунай и даже за Дунай. *Как наш в Элладе веял флаг*

и т. д. Подразумеваются победы России в русско-турецкой войне (1768—1774). В результате сражения в Хиосском проливе и в бухте Чесме весь турецкий флот был сожжен. *Николев* — см. стр. 613. *Сорена* — героиня трагедии Н. П. Николева «Сорена и Замир» (1784). *Иль Ломоносова* и т. д. Горчаков имеет в виду эпическую поэму М. В. Ломоносова «Петр Великий» (1760—1761), из которой Ломоносовым было написано 2 песни. Критическое отношение Горчакова к художественным качествам поэмы Ломоносова, сказавшееся в примечании Горчакова в редакции НЕС, свидетельствует о том, что, призывая своего Пустона к следованию за Ломоносовым, Горчаков имел в виду гражданственное раскрытие темы Петра I у Ломоносова, который воспевал Петра I как царя-реформатора, просветителя родины. *Лицемер.* Подразумевается комедия Мольера «Тартюф». *Невтон* — Ньютон. *Эйлер* Леонгард (1707—1783) — один из величайших математиков XVIII в., с 1730 г. член русской Академии наук и профессор физики и математики. *Гельвеций* — см. стр. 619. *Клоб* — клуб. *Жак* — жокей.

Беспристрастный зритель нынешнего века (стр. 128). Впервые — М., 1806, кн. 2, стр. 41, в сокращенной редакции, под названием «Таков ныне свет», с подписью: Вологда, Б—ъ. Печ. по списку ПД из тетради, принадлежавшей Н. А. Селиванову, так как печатные тексты дают «Беспристрастного зрителя», в силу цензурных условий, в урезанном виде. Отсутствие автографа или прижизненного печатного текста за подписью Горчакова требует аргументации принадлежности ему этой сатиры, тем более что авторы некоторых рукописных сборников приписывали сатиру и Капнисту, и Фонвизину, и Дмитриеву. К сожалению, она не вошла в число произведений Горчакова, переписанных Д. Хвостовым. Стихи Горчакова входят в последний том архива Хвостова, и одно из стихотворений Горчакова обрывается на середине, в тетради вслед за этим идут чистые листы. Очевидно, смерть Д. Хвостова явилась причиною того, что он не смог довести до конца начатое дело — собрать все стихи Горчакова в своем архиве. Тем не менее неопровержимым доказательством принадлежности «Беспристрастного зрителя» именно Горчакову служит то, что сатира была передана для публикации издателю «Памятника отечественных муз» на 1828 г. Д. Хвостовым и была опубликована как принадлежащая Горчакову при жизни Хвостова. Кроме того, самое содержание «Зрителя» не вызывает сомнений в том, что эта сатира действительно принадлежит Горчакову. Об этом говорит и характерный для Горчакова оборот — выступление против «дурачества», и гневное обличение монахов-попов, и упоминание о Вольтере, и обличение фигурирующего и в других произведениях Горчакова Трускина, который бежал с поля брани, а потом получил «Георгия в петлицу» за храбрость, и выступление против мистиков, беседующих с «духами», и др. В рукописи эта сатира, содержащая прямые выпады против духовенства, имела большое распространение, и, печатая ее с пропуском наиболее острых мест и под псевдонимом, Горчаков, возможно, хотел отвести от себя опасное обвинение в религиозном вольнодумстве. В 1792 г., в ноябре, в НЕС были помещены сатирические стихи, направленные против увлечения французской модой, под заглавием: «Таков-то

ныне свет», за подписью И. Я. де М. (т. е. Янкович де Мириево). Горчаков использовал это заглавие для своей сатиры. *Монархиня, о нас имея попеченье* и т. д. Горчаков говорит о реформах 1775 и 1785 годов, считая их бесполезными. В 1775 г. Екатериною II были изданы «Учреждения для управлений губерний», было создано новое административное деление государства. В каждом губернском городе были установлены (вместо прежнего губернатора с его канцелярией) — губернское правление под председательством губернатора, казенная палата под председательством вице-губернатора, судебные палаты: гражданского суда и уголовного суда; совестный суд: приказ общественного призрения. В каждом уездном городе был установлен нижний земский суд, соответствовавший губернскому правлению, состоявший из «исправника» и двух заседателей, которых должны были избирать дворяне уезда. Все это должно было создавать иллюзию широкого участия местного общества в делах местного управления. Горчаков, говоря *мы больше во сто раз ко воровству прильнули,* показывает, что все эти реформы не уничтожили хищничества, взяточничества. *Ты думаешь, судей мы сами избираем, наместник изберет.* Дворяне, горожане должны были посылать своих выборных заседателей в суды своего сословия и в совестный суд. Вместе с тем, по мысли Екатерины II, некоторые губернии должны были объединяться в «наместничества» под управлением доверенного и близкого к монарху лица — «наместника» или генерал-губернатора. В частности, в 1779 г. были открыты Курское, Тамбовское, Воронежское наместничества. Горчаков говорит о том, что «наместник» своею властью сажает угодных ему людей в суд, а местные круги дворянства к выбору судей не имеют никакого отношения. *Приди-ка в суд когда хотя и сам Спаситель!* — перекличка со «Святками» Горчакова, где Шешковский собирается арестовать самого Христа. *Пою велика мужа!* и т. д. — обычное для Горчакова издевательство над жанром хвалебной оды. *Шварц, монах германский* — Бертольд Шварц, францисканский монах; по преданию, ок. 1330 г. изобрел порох. *Барков* Иван Семенович (1732—1768) — поэт, прославившийся своими «срамными» стихотворениями, в которых он выступал и против развращенности духовенства. *«Блажен, кто духом нищ, тот узрит в славе бога».* Горчаков выступает против одного из основных положений христианской религии. «Блаженни нищие духом, яко тех есть царствие небесное», — сказано в 5-й главе Евангелия от Матфея. *Кандид* — герой философской повести Вольтера «Кандид» (1759). *Старик Панглосушка* и т. д. Повесть Вольтера «Кандид» направлена против философии оптимизма Лейбница (1646—1716). Как доказал Вольтер, эта философия приводила к фатализму, к отказу от борьбы. Учитель Панглос, один из героев повести Вольтера, сторонник философии оптимизма, постепенно разочаровывается в ней и к концу романа по-иному трактует ее. Якобы «соглашаясь» с Панглосом, Горчаков, идя вслед за Вольтером, фактически также высмеивает философию оптимизма, показывая в своем «Беспристрастном зрителе», что не «добро», а социальное «зло» торжествует в мире. *Магистрат* — см. стр. 619. *Григорий Богослов,* Назианский (328—390) — епископ Константинопольский, проповедник, был причислен к лику святых. *Кураж* — от французского слова courage — отвага, храбрость, мужество. *Сикурс* — от французского слова

secours — помощь, вспомогательное войско, резерв. *Епикур* (Эпикур) (341—270 до н. э.) — греческий философ-материалист. В результате ошибочного толкования учения Эпикура, эпикурейцами стали называть людей, видящих смысл жизни в чувственных наслаждениях. *Когда Юпитер плут, когда Юпитер вор.* Здесь Юпитер — в смысле: стоящий у власти. *Кригс-обер-комиссар* — военный чиновник, ведавший денежным и вещевым довольствием войск. Звание кригс-комиссара было установлено в 1711 г., были чины генерал-кригс-комиссара, обер-кригс-комиссара и просто кригс-комиссара. *Княжнин* Яков Борисович (1740—1791) — поэт, драматург. *А только подтвержу, что в мире равно в море, в котором гады без числа* — любопытная перекличка со строкой из стихотворения «Парфену» Долгорукова, свидетельствующая о том, что, когда Горчаков писал свою сатиру, это стихотворение было уже ему известно. *Глаголь* — название буквы Г в славянской и русской азбуке. *Буки* — название буквы Б.

Надгробие самому себе 1797 году, марта 1 (стр. 139). Впервые — ДП, 1804, июнь, стр. 233. Принадлежность «надгробия» Д. Горчакову бесспорна, так как оно было напечатано при его жизни в ДП за его полной подписью. Вместе с тем, у М. И. Сухомлинова это шуточное «надгробие» приводится как якобы написанное Д. И. Хвостовым на самого себя (М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. 7. СПб., 1885, стр. 516).

Письмо к другу моему Николаю Петровичу Николеву (стр. 139). Впервые — ДП, 1806, март, стр. 224. Датируется 1799 г., судя по упоминанию Швейцарского похода Суворова. *Не о росском грома сыне* и т. д. Горчаков подразумевает фельдмаршала А. В. Суворова и его знаменитый поход через Альпы (*в Гельветических горах*). *Курноска* — смерть. *И даже Мирлифлор* и т. д. Очевидно, Горчаков имеет в виду Н. М. Карамзина или, может быть, кого-либо из его последователей.

Напрасные труды (стр. 142). Печ. впервые по списку Хвостова (ПД). Послание интересно как своим автобиографическим содержанием, так и легкостью стиха, живостью диалога, происходящего между «честью» и лирическим героем послания — самим Горчаковым. *С жильцами Геликона* — т. е. с музами. *Тазать* (орл., ворон.) — бранить, журить. *Платон* (427—347 до н. э.) — греческий философ. *Мозглявины* — см. стр. 620, здесь: бездарные поэты. *На пленного стихи* и т. д. Горчаков говорит о «Песне на приезд шведского виц-адмирала в вокзал. Взятого в плен на сражении с его кораблем», которая приписывалась ему. Эти стихи находятся в ГПБ 2. Есть в этом сборнике и второе стихотворение, также приписывавшееся Горчакову, «Песня на московских стихомарательниц», связанное также с пребыванием в Москве пленного шведского адмирала. Стихи эти, слабые в художественном отношении, интересны своим презрением к низкопоклонству светских дам перед иностранцами. Горчаков отрицал принадлежность ему этих стихов. Приводим несколько сатирических строф из «Песни на приезд шведского виц-адмирала», характеризующих нравы московских дам:

Солнце к вечеру стремится,
Тьма карет в вокзал катится,
Все торопятся, спешат,
Все хотят не опоздать.
Дамы голос подымают,
Кучеров своих ругают:
«Всех в солдаты отдадим,
Коль минуту умедлим».

В беспорядке в двери рвутся,
Меж собой почти дерутся,
У всех слышен один тон:
«Здесь ли, здесь ли он?»

Обветшалые княгини,
Поседелые графини,
Все за шведом поплелись,
За кокетство принялись.
Дамы, барышни, старухи
К шведу льнут, как к меду мухи,
Все толпятся, все бегут,
Со всех сторон его жмут.

Война России со Швецией, начавшаяся в 1788 г., окончилась в 1790 г. Верельским миром. Поэтому послание Горчакова «Напрасные труды», в котором упоминаются события, связанные со шведской войной, очевидно, было написано после 1790 г.

Стансы (стр. 145). Впервые — ДП, 1804, май, стр. 123.

Письмо к Михайле Антоновичу Шишкову (стр. 146). Впервые — ДП, 1804, август, стр. 91. *Шишков* Михаил Антонович (1749—1810) — друг Горчакова, тобольский гражданский губернатор (1809—1810). *Сатурн* (римск. миф.), *Хрон* (греч. миф.) — бог времени. *Я за Суворовым по Альпам не лечу.* Имеется в виду переход Суворова в 1799 г. через Сен-Готард, знаменитый Швейцарский поход. *Триптолемов плуг* (греч. миф). Триптолем, юный сын царя Элевсина, первый трижды вспахал плугом поле у Элевсина, бросив в землю семена пшеницы, данные ему Деметрой, богиней плодородия.

Пустынник и Фортуна (стр. 147). Впервые — ДП, 1805, ноябрь, стр. 123—125. В качестве источника Горчаков использовал произведение французского поэта Грекура Жана-Батиста (1683—1743), автора гривуазных сказок, подражателя Лафонтена. Политический деятель Дж. Ло предложил Грекуру поступить к нему на службу. Грекур ответил ему басней «Пустынник и Фортуна». До Горчакова в 1792 г. напечатал свое подражание Грекуру И. Дмитриев. «Пустынник и Фортуна» Горчакова колоритнее и своеобразнее басни Дмитриева. Горчаков совсем снимает характерную для сентиментализма тему уединения с любимой Пленирой. Его

«пустынник», в котором можно угадать самого автора, именно поэтому более конкретен и ярче выписан, чем дмитриевский «пустынник». Характерно перекликающееся с названием сатиры Горчакова «Беспристрастный зритель» определение пустынника как «зрителя». Ввел Горчаков в свою басню и образ Наполеона, чем придал ей злободневность. *Александр кроваву взял дорогу.* Имеется в виду Александр Македонский (356—323 до н. э.), завоевавший Малую Азию, Палестину, Египет, часть Индии. Горчаков разделяет присущее всем просветителям отрицательное отношение к завоевательной политике.

Звери, больные чумою (стр. 149). Впервые — ДП, 1806, апрель, стр. 27. Источник — одноименная басня Лафонтена. Горчаков снял длинный лафонтеновский приступ, в котором французский поэт изображает действие чумы на зверей, и ограничился одной краткой фразой. Интересен «лев» Горчакова: у Лафонтена он считает нужным лицемерить и «каяться», у Горчакова же это самовластный государь, деспот, который даже и не задумывается над тем, имел ли он право поедать зверей, поэтому Горчаков снял имеющиеся у Лафонтена рассуждения лисицы, оправдывающей все действия льва. Очевидно, эта басня была написана Горчаковым в период царствования Павла I.

Русский у подошвы Чатырдага (стр. 150). Впервые — РА, 1871, № 7 и 8, стр. 1286. Печ. по более полному тексту Архива графов Мордвиновых, т. 3. СПб., 1902, стр. 691. В тексте РА отсутствует концовка, относящаяся к 1810 г., и есть небольшие разночтения. Сатира отражает негодование русского общества, вызванное заключением Тильзитского мира, унизительного для России. *Преседя* и т. д. — сидя перед истоком, у истока Салгирских вод. *Где лаврами обвитый меч твой, росс* и т. д. — противопоставление побед русского оружия в XVIII веке воинским неудачам александровского времени (поражение русско-австрийских войск под Аустерлицем 2 декабря 1805 г., а также битва при Фридланде 8 июля 1807 г., после которой был заключен Тильзитский мир). *Корс* — корсиканец, т. е. Наполеон I. *Колосс* — Колосс Родосский, греческая статуя Аполлона, стоявшая у входа в Родосскую гавань, славилась своей огромной величиной; здесь — Россия. *Оттоман* — турок. Турция называлась Оттоманской империей. *Румянцев* гр. Петр Александрович (1725—1796) — фельдмаршал, знаменитый полководец. В русско-турецкую войну (1768—1774) был главнокомандующим, одержал блестящие победы над турками при Ларге и Кагуле, занял Килию, Измаил, Аккерман, Браилов и др., перешел Дунай и заключил Кучук-Кайнарджийский мир. *Кичливый галл... твоим Суворовым нещадно пораженный.* Подразумеваются победы Суворова в знаменитом Итальянском походе (1799), когда Суворов в полтора месяца очистил от завоевателей-французов почти всю северную Италию, разбил при реке Адде генерала Моро, на берегах реки Требиа — Макдональда и армию генерала Жубера у городка Нови. *Не гибкого, уклончивого нрава* и т. д. Намек на графа Беннигсена Леонтия Леонтьевича (1745—1826), участника убийства Павла I, неспособного военачальника, бывшего в 1807 г. главнокомандующим русскими войсками. К нему как к иностранцу относились с нена-

вистью многие и не без оснований считали его главным виновником поражения русской армии в битве при Фридланде. *Вотще всей силою ко благу воспарит* и т. д. Эти строки были восприняты современниками как обращение к Александру I, которого Горчаков обвиняет в предпочтении, оказываемом иностранцам, которое и привело к позору России. В 1810 г. в воздухе запахло новой войной с Наполеоном. Отношение к иностранцам, особенно к французам, стало даже в правительственных кругах резко отрицательным. Кроме того, в 1810 г. был организован Государственный совет, на который возлагались первоначально большие надежды. Вероятно, все эти обстоятельства и вызвали концовку сатиры, в которой Горчаков говорит о своем решении служить «благу общему». Есть свидетельство, что министр полиции Балашов, прочитав сатиру Горчакова и остановив свое внимание на строках, обращенных к Александру I (Владыки царств земных! и т. д.), не счел возможным ее печатать, но якобы Александр I возразил Балашову, сославшись на русскую пословицу — «на воре шапка горит» (ЖМНП, 1891, № 4, стр. 450). Тем не менее сатира не была напечатана, не увидела она света и в николаевское царствование. Обнаруженные в ЦГИАЛ материалы дают важные данные о цензурной истории стихотворения Горчакова. Дело за № 58 Санкт-петербургского цензурного комитета по поводу сатиры Горчакова было начато 7 декабря 1826 г. и закончено 11 января 1827 г. Возникло оно в связи с предполагавшейся публикацией сатиры Горчакова в «Памятнике отечественных муз». 7 декабря 1826 г. цензор Сербинович «внес на общее обсуждение Главного цензурного комитета» данное стихотворение Горчакова; он осуждал мысли Горчакова «о прежней неуспешной войне с Наполеоном и о Тильзитском мире и рассуждение о том, что токмо удачный выбор вождей может быть порукою успеха». Комитет «усомнился» пропустить стихотворение Горчакова, «из которого читатели могут выводить неправильные заключения о действиях блаженныя памяти императора Александра I». Завязалась переписка. Сатира Горчакова была представлена «на благоусмотрение» министра народного просвещения А. С. Шишкова. Он довел до сведения Цензурного комитета, что оставил у себя стихи Горчакова для доклада о них императору (ЦГИАЛ 1). «Русский у подошвы Чатырдага» напечатано не было, и совершенно очевидно, что решил этот вопрос сам Николай I, за которым оставалось последнее слово.

Послание к князю С. Н. Долгорукову (стр. 153). Впервые — небольшой отрывок — «Улей», 1811, № 7, стр. 49; другой отрывок под заглавием «Невероятные» — «Памятник отечественных муз» на 1827 г. Наиболее полный текст был опубликован С. П. Шестериковым в Изв. ОРЯС, 1928, I, стр. 170. Печ. по списку ГПБ (из архива Майковых), дающему полный и острый текст, с поправками по спискам ПД из собрания Юдина и из архива «Русской старины». Существует еще большое количество списков этой сатиры, хранящихся в ГПБ и в БЛ, но во многих из них опущены самые смелые места. В записи от 24 мая 1807 г. С. П. Жихарев в «Дневнике чиновника» упоминает об этой сатире Горчакова, цитируя из нее две строки, ставшие очень популярными: *И наконец я зрю* и т. д. Этим указанием примерно датируется сатира. Обращена она

к князю Сергею Николаевичу *Долгорукову* (1770—1829), который был посланником в Голландии (1808—1810) и Неаполе (1811). *Ювенал* Децим Юний (60-е гг. — после 127) — римский сатирик, грозный обличитель пороков. *Банк* — азартная карточная игра. *Когда губернию Подлягин разоря* и т. д. Горчаков говорит здесь о типическом явлении современной ему действительности. Большинство губернаторов были алчные грабители. Нижегородский губернатор Быховец был страшный взяточник; жена иркутского губернатора Трескина поставила себе задачей для каждого из своих восьми детей собрать по пуду ассигнаций; белорусский губернатор Северин приобрел себе своими «трудами» имение в 400 душ крестьян и т. д. *На шее с лентою, избавлюсь от веревки.* «Везде грабят — и кто наказан?» — писал Н. М. Карамзин. «Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования — и ничего не выходит... Не так легко уличить искусного вора, особенно с нашим законом, по коему взяткобратель и взяткодатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей и дают им чины, ленты» (Записка Н. М. Карамзина о древней и новой России. РА, 1870, т. 2, стр. 2338—2339). *Иль, жаркой мы когда быв заняты войной, Заграбин и Хапков* и т. д. Имеется в виду война против Франции 1805—1807 гг., закончившаяся 27 июля 1807 г. заключением Тильзитского мира. Лихоимство, открытое хищничество интендантских чиновников в период войны было столь велико, что Александр I даже специальным указом от 28 июня 1807 г. запретил всем служащим в комиссариатском и провиантском департаментах носить общий армейский мундир. *Марсовы поля* — см. стр. 622. *Фрина* — греческая красавица-гетера, в данном случае ее имя употребляется Горчаковым как нарицательное. *И грешником себя* и т. д. Расторжение брака в царской России было одновременно актом юридическим и религиозным. Одним из случаев, когда допускался развод, было доказанное прелюбодеяние. Горчаков обличает корыстолюбие супруга, который за деньги согласился взять на себя вину и публично объявить себя якобы виновным в нарушении супружеской верности. По законам царской России виновный супруг лишался права вторичного вступления в брак. *О, времена! О, нравы!* — патетическое восклицание Цицерона (106—43 до н. э.), римского философа, оратора и государственного деятеля, в одной из его речей, направленных против Катилины, римского патриция, участника заговора против правительства. *Продажу уняли в солдаты наших слуг.* В 1808 г. было запрещено выводить крестьян на продажу в рекруты на ярмарки и торги. В 1810 г. было повторено запрещение принимать крепостных в рекруты раньше трех лет по совершении на них купчей. *Так стали жен сбывать своих за деньги с рук.* В записи Жихарева от 16 июля 1805 г. мы читаем: «Камергер князь Голицын, проживший в продолжение весьма короткого времени сорок тысяч душ и вследствие того уступивший жену свою графу Разумовскому...» (С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 73). *К Макарью.* Макарьевская ярмарка, или, как ее называли, Макарьевский гостиный двор, помещалась на берегу Волги в городе Макарьеве. Она «могла по справедливости называться первою ярмаркою в Европе по великолепию зданий своих, по чудесному богатству несметных товаров, в ней продававшихся, и по чрезвычайному

стечению разнородных купцов из всех стран Европы и Азии» (СО, 1817, № 8, стр. 76). *Рассмотрим же теперь своих Невероятных.* В тексте ОРЯС С. П. Шестериков дает примечание Горчакова, отсутствующее в наших списках: «Невероятный — по-французски incroyable. Так зовут ныне тех, кои прежде назывались у нас щеголями, а после, с французского, петиметрами. Признаться должно, что нынешнее название совершенно прилично и внутренности и наружности их». *Там Вральман, там Годдем, а здесь учил Аббé.* Нарицательное обозначение немецкого, английского и французского учителей. *Кто рожею сесть к ставцу не умеет* — т. е. неуч, дурак. Ставец — общая застольная миска. *Дюпати* (1775—1851) — французский писатель, автор чувствительных «путешествий», оказавший влияние на русских сентименталистов, в частности на Карамзина. *Мирлифлор* — С. П. Шестериков считает, что Горчаков под этим именем подразумевает Карамзина, но, очевидно, в данном случае подразумевается эпигон Карамзина, может быть Шаликов, так как Карамзина Горчаков выводит несколькими строками ниже под именем *российского Стерна.* Доказательством этого служит точная ссылка Горчакова на «Письма русского путешественника», в которых Карамзин действительно, как об этом пишет с иронией Горчаков, «курсивом» прописал «змее свое прощенье», т. е. с сентиментальным умилением относится даже к змее, не решаясь убить ее, так как она тоже живое существо. *Просодия* — слогоударение. *Иной наивностью в развратной сказке дышит.* Может быть, намек на сказки И. И. Дмитриева. *И наконец я зрю в стране моей родной* и т. д. Эти строки повторялись всеми, стали ходячим выражением. В. Маслович, издававший в 1816 г. сатирический журнал «Харьковский Демокрит», назвал его «тысяча первый журнал» и на заглавном листе поместил эпиграф:

Все в ежемесячны пустилися изданья.
И, словом, вижу я в стране моей родной
Журналов тысячу, а книги ни одной!

И две на нем сестры к нам смотрят не Касьяном. Церковный праздник св. Касьяна 29 февраля приходился только на високосные годы. Таким образом, можно объяснить это выражение Горчакова как «не так редко». Но, по мнению А. Д. Галахова, можно дать и другое толкование: трагедия и комедия смотрят ли на нас прямо, открыто, или как косоглазый заяц, который в простонародье зовется Касьяном (А. Д. Галахов. Историческая хрестоматия, т. 2. СПб., 1864, стр. 170—175). *Ипполит* — сын афинского царя Тезея, трагически гибнущий, один из главных героев расиновской «Федры» (1677). *Ифигения* — героиня трагедии Расина «Ифигения в Авлиде» (1674) — дочь царя Агамемнона, которая по воле отца должна была быть принесена в жертву богам, но была спасена Артемидой. *«Сын любви», «Гуситы», «Попугай»* — мелодраматические пьесы А. Коцебу (1761—1819), немецкого реакционного писателя и драматурга. Полное название «Гуситов» — «Гуситы под Наубургом». Арапов объясняет происхождение горчаковских строк, направленных против Коцебу, негодованием Горчакова по поводу того, что цензура не пропускала трагедию Николева «Сорена и Замир» (П. Арапов. Летопись русского театра, СПб., 1861, стр. 174). Можно предполо-

жить, что строки о предпочтении «Сорене» «коцебятины» были написаны Горчаковым в виде эпиграммы ранее, чем вся сатира к Долгорукову.

Святки («Вновь года нарожденье...») (стр. 160). Впервые — «Искра», 1870, № 49, стр. 1539. По утверждению П. А. Ефремова, именно этот список «Святок» является подлинным, точным списком, переданным ему сыном Горчакова М. Д. Перемышльским в 1818 г. (А. С. Пушкин. Сочинения, ред. Ефремова, т. 8, 1905, стр. 606). Нет оснований не доверять Ефремову, который говорит, что другие списки этого времени фальсифицированы добавками из «Святок» князя Вяземского. Уже С. П. Шестериковым было высказано справедливое, по нашему мнению, предположение, что существовало два списка «Святок», в которых высмеивался Государственный совет, министры, — Д. Горчакова и П. Вяземского. Данный текст Горчакова свидетельствует о том, что все иллюзии, какие были у поэта в 1810 г., с течением времени рассеялись. «Святки» Горчакова, критикующие деятельность Государственного совета, перекликаются с басней Крылова «Квартет» (1811). *Вновь года.* Возможно, здесь — цензурная замена «бога» «годом». *Совет наш именитый* и т. д. — высмеиваются члены Государственного совета. *Суконный образец* и т. д. Намек на суконные фабрики Козодавлева Осипа Петровича (1754—1819), министра внутренних дел (1810—1819), основателя выходившей с ноября 1809 по 1820 г. газеты «Северная почта». *Наш Неккер* и т. д. Неккер Жак (1732—1804) — французский государственный деятель, в 1776 г. стоял во главе финансового ведомства. Горчаков имеет в виду Гурьева Дмитрия Александровича, министра финансов (1809—1823). В достаточной мере ядовита характеристика Гурьева, который отличается не как политический деятель, а своими кулинарными способностями — умением варить кашу, названную его именем. *Сподвижник знаменитый* и т. д. По мнению В. В. Каллаша, сенатор и генерал-майор Михаил Алексеевич Обрезков (1754—1842), «отличившийся» своим хищничеством в войну 1806—1807 гг., когда он был генерал-кригс-комиссаром действующей армии; был уволен и предан суду. *Березинский герой* — Чичагов Павел Васильевич (1767—1849); в 1812 г., командуя Южной армией, неудачно преследовал отступавших к реке Березине французов, вследствие чего Наполеону удалось избежать грозившего ему плена. Высмеивает Чичагова по этому поводу и Крылов в басне «Щука и кот» (1813). *Кикин* Петр Андреевич (1775—1834) — статс-секретарь, член «Беседы любителей русского слова». В 1812 г. он был дежурным генералом и не принимал участия в военных действиях. Именно по поводу этой строфы о Кикине А. С. Пушкин писал в «Послании к В. Л. Пушкину»:

Смешон, конечно, мирный воин,
И эпиграммы самой злой
В известных «Святках» он достоин.

Пестель Иван Борисович (1765—1843) — отец декабриста, при Александре I сенатор и генерал-губернатор Сибири, управление которой передоверил иркутскому губернатору Трескину, совершившему много беззаконий. Современники обвиняли и самого Пестеля во взяточни-

честве. *Новый Локк* — Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1765—1851), член «Беседы». Локк Джон (1632—1704) — английский философ, написал трактат о воспитании, поэтому Горчаков и сравнивает Муравьева-Апостола, который в 1812 г. написал «Письма о классическом образовании», с Локком. *Министр я водяной.* Наверно, имеется в виду И. И. де Траверсе, морской министр (1811—1828). *Еще карикатура* и т. д. Вероятно, Д. П. Трощинский, министр юстиции (1814—1817), родом с Украины.

[Эпиграммы

«Все лица в «Мельнике» мне кажутся на стать...» (стр. 164). Печ. впервые по списку БЛ 1. Эпиграмма направлена против Аблесимова Александра Анисимовича (1748—1783), автора комической оперы «Мельник — колдун, обманщик и сват»; Горчаков, видимо, при всей прогрессивности своих взглядов, не смог принять новаторской пьесы Аблесимова с ее национальным крестьянским колоритом. Впрочем, конечно, надо учитывать и то, что Горчаков увидел в Аблесимове опасного «конкурента» в жанре комической оперы. Белинский отмечал в рецензии на сочинения Фонвизина, что «водевиль Аблесимова... и комедии Фонвизина убили все комические знаменитости, включая сюда и Сумарокова». Опера Аблесимова была поставлена на сцене в 1779 г.; этим годом, очевидно, можно датировать эпиграмму. *Мерен* — мерин. Имеется в виду лошадь, выведенная на сцене в «Мельнике» Аблесимова (во 2-м действии).

«Московской публике Мирон служить хотел...» (стр. 164). Печ. впервые по списку Хвостова (ПД). *«Минутное заблуждение»* — опера в 1 д., перевод с французского князя Хилкова. Опера прошла в Москве в театре Меддокса за 4 года всего по одному разу в год, а именно в 1780, в 1782, в 1783 и в 1785. Это свидетельствует о том, что она не имела успеха у публики. Датировать эпиграмму, вероятно, можно 1780 г., годом первой постановки оперы.

Эпитафия («Лежащий здесь Дамон, играв в волан, вспотел...») (стр. 164). Печ. впервые по списку Хвостова (ПД). Эта же эпитафия есть также в списке БЛ 1, разночтение в этом списке — Домин, а не Дамон. В эпитафии высмеивается трагедия В. Колычева «Бедство, произведенное страстью, или Сальвиний и Адельсон» (см. стр. 617). На этом основании эпиграмма датируется 1781 г. *Волан* — игра; закругленную с одного конца пробку, с перистым венчиком в другом конце, бьют, вскидывая ракеткой.

«Из ваших петербургских стран...» (стр. 165). Печ. впервые по автографу Горчакова (ПД, ф. Хвостова). Этой эпиграммой на Фонвизина Горчаков начинает свое сообщение Хвостову о московских новостях в письме от 24 мая 1783 г. *Денис-тиран* — так называет Горчаков Фонвизина и в другом письме к Хвостову, очевидно, это было «домашним» прозвищем Фонвизина. *Однако же не Сиракузский.* Было два тирана Сиракузских — Дионисий Старший

и Дионисий Младший. Вероятно, Горчаков подразумевает Старшего (ок. 406—367 до н. э.), так как он был драматургом, автором трагедии «Выкуп Гектора». Тиран Сиракузский Старший осуществил ряд удачных походов. Подчеркивая, что Фонвизин является не сиракузским тираном, Горчаков, возможно, имеет в виду неудачи, постигшие Фонвизина как раз в 1783 г. в его литературной полемике с Екатериной II, когда он поместил в 1-й кн. «Собеседника любителей российского слова» «Опыт словаря синонимов», а в 3-й кн. свои дерзкие «Вопросы» Екатерине II. Основание для такого предположения дают письма Горчакова к Хвостову. Эпиграмма носит характер дружеской шутки. В этом же духе выдержан и дальнейший рассказ Горчакова о пребывании Фонвизина в Москве: «Он здесь многое бранит, его многие не слушают, и так все разошлись по своим. Здесь был игран Недоросль и принят как должно недорослю. Может быть оттого, что здесь народ простой и всякую вещь принимает по ее имени, не в состоянии будучи догадаться, что она хороша» (ПД).

«От жару утомясь в Италии, Дидона...» (стр. 165). Печ. впервые по списку БЛ 1. Датировать эпиграмму можно 1785 г., так как трагедия «Дидона» Я. Б. Княжнина (см. стр. 626), давшая повод к эпиграмме Горчакова, была поставлена в Москве в театре Меддокса впервые в 1785 г. *Дидона* — карфагенская царица, героиня «Энеиды», поэмы римского поэта Вергилия Марона (70—19 до н. э.). *И к Помпияну в дом.* Жан-Жак Лефранк маркиз де Помпиньян (1709—1784) — французский поэт, написавший трагедию «Дидона» (1734). *Но вшедши к Княжнину.* В 1769 г. Княжнин напечатал трагедию «Дидона», заимствованную им из трагедии Понпиньяна и частично из пьесы того же названия итальянского поэта Метастазио Пьетро-Антонио (1698—1782). Основою для большинства драматических произведений Княжнина служили иностранные источники, что вызывало частые сатирические нападки на него современников. *Синявская* Мария Степановна (1762—1829) — артистка московского театра Меддокса. Историк театра П. Н. Арапов говорит о ней — «очень умная, талантливая актриса». В «Воспоминаниях о Московском театре при М. Е. Меддоксе» Федор Кони сообщает, что она «почиталась первою трагической актрисой. В пламенных, неистовых ролях она действительно была превосходна... торжеством ее игры была роль Дидоны... Пламень южной страсти и порывы отчаяния мастерски рисовались на ее лице, высказывались в ее голосе и жестах». Впоследствии Синявская, в замужестве Сахарова, выступала на сцене петербургского Большого театра.

«История вещает...» (стр. 165). Печ. впервые по списку БЛ 1. Горчаков подразумевает трагедию Я. Б. Княжнина «Титово милосердие», которая шла в Москве в театре Меддокса с 1786 г. Этим годом можно датировать эпиграмму Горчакова, так как он, очевидно, смотрел «Титово милосердие» в Москве, где подолгу жил. *Тит* Флавий Веспасиан (39—81) — римский император, при нем был открыт Колизей, построены водопроводы и термы. Тит считался образцом мудрого и милосердного государя.

«Не попусту Волтер монахов ненавидел...» (стр. 165). Печ. впервые по списку БЛ 1. *Их воспитанник.* Может быть, Горчаков имеет в виду Виноградова Ивана Ивановича (ум. 1801), сына священника, который обучался в духовном училище, затем был взят в учительскую семинарию. В 1780 г. появилась переведенная им «Жизнь славнейшего Вольтера», а в 1786 г. поэма Вольтера «Естественный закон».

«Вздорон кричит: „Нельзя не верить колдунам...“» (стр. 166). Впервые — НЕС, 1790, октябрь, стр. 90, без подписи. Горчаков, поклонник философии Гельвеция, Вольтера, конечно, в высшей степени отрицательно относился как к всевозможным видам суеверия, так и к мистицизму, пропагандистами которого были некоторые масонские ложи. Возможно, что эпиграмма Горчакова направлена против масонских книг вроде «Карманной книжки для Вольных Каменщиков и для тех, которые не принадлежат к числу оных; перев. с нем.». М., 1783, переводчиком был И. П. Елагин под псевдонимом «майор Оболдуев». 1-е изд. вышло в 1779 г. под заглавием «Записная книжка для друзей человечества». Или же эпиграмма направлена против «Ручной книжки о созерцании Христа, или О слове божием, которым погубленная память в стране небесной паки приобретается; пер. с лат. Вас. Беляев». М., 1783. Были книги и не масонского типа, которые должны были вызывать также презрение и негодование со стороны Горчакова, а именно: «Колдун не болтун, или Настоящий ворожея»; СПб., 1782. Изд. К. Д.; или «Колдун (новый) предсказатель и ворожея». СПб.

«Маралов написал стихов велику груду...» (стр. 166). Впервые — НЕС, 1790, октябрь, стр. 89, без подписи. Эпиграмма была напечатана анонимно, но так как следовавшая за ней под вторым номером эпиграмма «Вздорон кричит...» в архиве Хвостова находится в числе принадлежащих Горчакову, то несомненно авторство Горчакова и в отношении данной эпиграммы.

«Что честность иногда бывает бесполезна...» (стр. 166). Печ. впервые по списку Хвостова (ПД). Текст этой же эпиграммы есть также в БЛ 1, где 4-я строка читается: «Лютейшая, что он Мозглявиным воспет». Таким образом очевидно, что Мозглявин и Безумин являются одним лицом, т. е. литератором-ремесленником Лукницким (см. стр. 620). По-видимому, Горчаков подразумевает пьесу, напечатанную в Петербурге в 1808 г., но, вероятно, известную значительно ранее, — «Велисарий, римский полководец, или Великий и несчастный человек, в 3 д., перевел с франц. А. Лукницкий». «Велизарий» Мармонтеля, которого переводила Екатерина II совместно с И. П Елагиным, Захаром Чернышевым, С. М. Кузьминым, Григорием Орловым и др. во время своего путешествия по Волге, не может иметься в виду Горчаковым, так как этот перевод был коллективным. Вряд ли также мог подразумеваться «Велисарий», сочинение г-жи Жанлис, которое было переведено сенатором Захаровым и др. *Велизарий* — Велисарий (ок. 505—

565), византийский полководец. В 562 г. Юстиниан, опасаясь популярности Велисария, отстранил его от командования. По легенде, он был ослеплен и нищенствовал.

«Заграбин в воровстве хотя явился грешен...» (стр. 166). Печ. впервые по списку Хвостова (ПД). За вымышленным именем Заграбина, очевидно, скрывается реальное лицо. Возможно, что подразумевается М. А. Обрезков (см. стр. 632). Мы встречаем имя Заграбина также в сатире Горчакова «Послание к князю С. Н. Долгорукову», относящейся примерно к 1807—1810 гг., в которой Горчаков говорит о чудовищных хищениях в войну 1805—1807 гг.

(Подражание французской) («Попам заграждена всегда во ад дорога...») (стр. 167). Печ. впервые по списку БЛ. *Когда в живых они едали бога.* Имеется в виду причастие, евхаристия — главное таинство в христианской религии, состоящее в том, что верующие, вкушая хлеб и вино, являющиеся якобы телом и кровью Христа, освобождаются от грехов.

«Хоть Ниса ни к кому сурова не бывает...» (стр. 167). Печ. по списку Хвостова (ПД). Источником является эпиграмма французского писателя, члена Французской академии Сен-Ламбера (1716—1803). Эпиграмма переводилась многими русскими писателями, в частности была переведена в XIX в. А. Измайловым, который более, чем Горчаков, приблизил эпиграмму к русской действительности:

Клариса, в чепчике степенном и в салопе,
Днем молится в церквях, бежит от мира прочь.
А ночью? — О! она, подобно Пенелопе,
Что днем ни сделает, то перепортит в ночь.

Супруге следуя Улисса. Пенелопа, верная жена Улисса (Одиссея), ждала возвращения своего мужа 20 лет. Своих назойливых поклонников она обманывала, обещая им выйти замуж, когда соткет покрывало, но ночью она распускала то, что успевала наткать в течение дня.

«Велят свой ум скрывать поэту сколько можно...» (стр. 167). Печ. впервые по списку Хвостова (ПД). *Чертополох* — см. стр. 613. Возможно, что имя Чертополоха, возникнув сначала применительно к В. Петрову, могло впоследствии употребляться Горчаковым и его друзьями как имя нарицательное для определения вообще плохого поэта, «казенного», официозного направления.

«Чертополох хотел бессмертным учиниться...» (стр. 167). Печ. впервые по списку Хвостова (ПД.) *Мом* или *Момус* (греч. миф.) — бог насмешки и порицания.

1796-го году, но<ября> 7-го (стр. 173). Впервые — Летописи, стр. 791. Печ. по авторизованному списку ГПБ (Зеленый альбом графини В. Завадовской; в дальнейшем указывается: список ГПБ). В стихотворении отражено недовольство широких кругов офицерства в связи с «прусской муштрой», введенной Павлом I. *Клоб* — клуб. *Вахтпарад* — военный развод для смены караулов. *Пуколь тьму, украситься косою.* Речь идет о прическе, которая существовала в армии времен Екатерины II и Павла I. Пукли — букли, искусственные локоны, напудренные мукою. *Вертеть шестом проворно* — т. е. вертеть эспантоном, небольшой пикой.

Пародия на оду 9-ю Ломоносова, выбранную из Иова (стр. 173). Впервые — «Материалы для биографии Павла I». Лейпциг, 1874, стр. 101. Печ. по Летописям. Существует очень большое количество списков этой «оды», свидетельствующее о популярности сатиры Марина. В списках есть незначительные разночтения. *Эспантон, вахтпарад* — см. выше. *Шаржировать* — от французского слова charger (зарядить); «командное» слово, введенное Павлом I. *Алебарда* — старинное оружие, было введено Павлом I в подражание «пруссакам» в пехотных корпусах. В бою оно не могло иметь практического применения. *Деревянные кремни.* В павловское время на маневрах кремни в ружьях заменялись деревянными. *Бить* — золотая канитель; Павел I заменил украшения из настоящего золота на мундирах мишурой. *И двух в солдаты написать.* Капитан Генерального штаба Кирпичников, например, был разжалован в солдаты с прогнанием сквозь строй через 1000 палок; сам Марин в 1797 г. также был разжалован за то, что на одном из вахтпарадов перед Зимним дворцом сбился с ноги. *Бип* — укрепление в Павловске. *Из беглых мог ли ты капралов* и т. д. Намек на то, что Павел I в гвардейских полках заменил почти всех прежних начальников «гатчинцами», по происхождению захудалыми провинциальными дворянами, выходцами из Германии и Остзейского края. *За вздор из службы исключить.* В одном рукописном «Разговоре в царстве мертвых» Безбородко говорит Екатерине II: «Вы еще не знаете, что значит воля Павла: выключив из службы, лишить достоинства и имения, заключить в крепость — это малейшее его наказание за малую вину, которая в твоем милосердном правлении не заслуживала и выговора. Вечная ссылка в Камчатку, за Китай, Японию, в Гангут — вот удел большей части моих собратий. Не очень давно известный тебе своей справедливостию князь Сибирский и Турчанинов, за то только, что сукно, ставимое на армию и ими принятое, показалось посветлее немного данного образца, лишились чинов, имения и дворянства, и теперь учат их ловить соболей за Байкалом» (ГПБ 3). *Кутайцев* — Кутайсов Иван Павлович (ок. 1759—1834), граф, фаворит Павла, родом турок из города Кутая, начавший свою карьеру с того, что был камердинером и цирюльником Павла I. Не только сам Кутайсов, но и любовница его, французская актриса Шевалье, которой старались угождать царедворцы, «почиталась одною из сильных властей государственных» (Вигель, ч. 1, стр. 156). *Велел что головы рубить,*

Декабрист В. И. Штейнгель в своих «Записках» рассказывает о трагической гибели двух братьев Грузиновых, бывших любимцев царя, которые были засечены «по ошибке» («Общественное движение в России», ред. В. Семевского, стр. 373). Были отрублены головы их дяде, а также трем казакам, якобы причастным к делу Грузиновых (РС, 1878, т. 23, стр. 241; 1873, т. 7, стр. 573). *Служа обедню за попа.* Павел I первым из русских государей объявил себя главою православной церкви и присвоил себе право входить в алтарь через «царские врата». Он мечтал о том, чтобы выполнять епископские функции, «хотел священнодействовать, служить литургию и исповедовать свою семью и своих подчиненных. Он даже заказал себе богатейшие церковные облачения...» (К. Валишевский. Сын великой Екатерины. СПб., 1914, стр. 218). Есть сведения, что Павел I служил литургию в гатчинской церкви. *Еврейска Анна, что по-русски* и т. д. Княгиня Анна Петровна Лопухина (1777—1805), в замужестве княгиня Гагарина, была фавориткой Павла I. Павел I приказал именем своей возлюбленной, которое означает по-гречески «благодать», украсить знамена, флаги кораблей и даже гренадерские шапки. *Кто славный акцион завел* и т. д. Акцион — аукцион. Орден Мальтийского креста появился в России в павловское время. По свидетельству современников, ордена Мальтийского креста приобретались за деньги. В том же рукописном «Разговоре в царстве мертвых» Екатерина II спрашивает Суворова: «На что сей Малтийский орден принят? Какая России в нем нужда и, как видно из последствий, с Англиею теперь за Мальту приходит драться. Суворов: ...Павел I-й, приняв сей орден в свою защиту, объявил себя великим Магистром оного, учредил командорства, состоящие в поместьях и деньгах, разделил оные, но как денег и поместьев на то не достало, придумано экономическое средство продавать сей орден. — Государыня! не можно ступить шагу в Петербурге, чтобы с дюжину сих кавалеров не повстречалось; выключая дворян, купец, актер, мастеровой всякий вправе его иметь» (ГПБ 3). *Чтоб остров Мальта нам достался.* Одной из причин разрыва между Францией и Россией (1798) послужил захват французами острова Мальты, принадлежавшего рыцарям «иоаннитам», приверженцам «старого порядка» Франции. *Гоненье шляпам объявить.* Павел I преследовал все, что напоминало ему революционную Францию. Характерен в этом отношении анекдот, который рассказывает П. Вяземский: «Во время государевой <Павла> поездки в Казань, Нелединский, бывший при нем статс-секретарем, сидел однажды в коляске его. Проезжая через какие-то обширные леса, Нелединский сказал государю: «Вот первые представители лесов, которые далеко простираются за Урал». — «Очень поэтически сказано, — возразил с гневом государь, — но совершенно неуместно: изволь-ка сейчас выйти вон из коляски!» Объясняется это тем, что было сказано во время Французской революции, а слово *представитель,* как и круглые шляпы, были в загоне у императора» (П. Вяземский. Старая записная книжка. Л., 1929, стр. 79). *Пучки* — прическа времени Екатерины II. *Изгнал потом с заносом фрак.* «Павел вооружился против круглых шляп, фраков, жилетов, панталон, ботинок и сапогов с отворотами, строго запретил носить их и велел заменить однобортными кафтанами со стоя-

чим воротником, трехугольными шляпами, камзолами, коротким нижним платьем и ботфортами» (Вигель, ч. 1, стр. 141). *И без роптания проси* — стих, завершающий «Оду, выбранную из Иова» Ломоносова. Первый стих пародии Марина также повторяет первый стих оды Ломоносова.

На приезд кн. Шаховс<кого> из Парижа (стр. 177). Впервые — С., 1856, № 11, стр. 44, под заглавием «Возвращение князя А. А. Шаховского из Франции в 1802 году». Печ. по списку ГПБ. В Летописях, по непонятным причинам, выпущены строки 75—77-я, в которых Марин говорит о последствиях Французской революции, эти строки заменены точками, в то время как в тексте ГПБ никаких точек и никакого пропуска нет. *Шаховской* кн. Александр Александрович (1777—1846) — известный драматург, член «Беседы», друг Марина, служил сначала в лейб-гвардии Преображенском полку, после выхода в отставку в 1802 г. был послан как член Репертуарного комитета в Париж для приглашения актеров французской труппы. Эта поездка Шаховского и воспета Мариным в его шуточной оде. Говоря о том, как боги помогают Шаховскому в его путешествии, Марин пародирует в своей оде описание поездки Венеры из 1-й кн. поэмы Богдановича «Душенька». *Форейтором Меркурий.* Бог торговли Меркурий считался покровителем путей, путешественников. *Эспантон* — небольшая пика. *На ярославский герб похож.* На гербе Ярославля был изображен медведь, это сравнение — насмешка над толщиной, неуклюжестью Шаховского. *Нева двукратно разливалась.* Марин имеет в виду наводнение 1802 г.

Эпиграмма на сочинение И. И. Дибича «О воинской науке» (стр. 179). Впервые — РС, 1897, № 9, стр. 632. Имеется в виду *Дибич* Иван Иванович (Ганс-Фридрих-Эренфрид) (1737—1822), отец фельдмаршала. Был адъютантом прусского короля Фридриха II, с 1798 г. «по желанию и по повелению» Павла I был принят в русскую службу и дослужился до чина генерал-лейтенанта. Автор ряда работ по воинскому искусству. *«О воинской науке».* Очевидно, имеется в виду книга Дибича «Мысли о солдате в различных по званию его отношениях, рассматриваемых в воинском и нравственном виде». 2 ч. СПб., 1802—1803, переведена с немецкого Карбонье д'Арсит. *Минерва росская* — Екатерина II. *Тилемахида* (1766) — поэма В. К. Тредиаковского (1703—1769), основой для «Тилемахиды» послужил роман «Похождения Телемака» французского писателя Фенелона (см. стр. 690). *Велела в наказанье.* Екатерина II, которой не нравилась критическая направленность романа Фенелона, пыталась опорочить поэму Тредиаковского. В журнале «Всякая всячина» (1769) Екатерина II предлагала читать «Тилемахиду» как средство от бессонницы. *Александр* — Александр I.

Царь, пустынник и мужик (стр. 170). Впервые — Летописи, стр. 79. Печ. по списку ГПБ. Сюжет басни был распространен в XVIII в. В ЗС, 1786, № 49, стр. 318, была напечатана анонимно басня «Царь, крестьянин и пустынник» («Бессонницей томясь, один царь по ночам. . .»). В отличие от концовки, которую придает басне

Марин, в редакции ЗС царь не казнит, а лишь наказывает преступника.

А. Н. Со<ймонову> (стр. 180). Впервые — Летописи, стр. 64. Печ. по списку ГПБ. *Соймонов* Александр Николаевич (1780—1856) — отец С. А. Соболевского, друга А. С. Пушкина. *Мальтийска славного совета* и т. д. Соймонов ездил из Москвы в Петербург за получением Мальтийского креста, но в первый раз вернулся, не получив его. В «Придворном адрес-календаре» на 1804 год (стр. 348) Соймонов значится кавалером ордена Иоанна Иерусалимского. *Маркиз*. Марин, очевидно, называет Соймонова маркизом, издеваясь над его стремлением стать таким же «аристократом», как и знатные иностранцы, кавалеры ордена Мальтийского креста. *Чупятов* Василий Анисимович, гжатский купец, торговал в Петербурге пенькой. После пожара своих кладовых объявил себя банкротом; чтобы избежать неприятностей от верителей, притворился сумасшедшим, навесил на себя разноцветных лент и медалей, будто бы присланных его невестой марокккской принцессой (см. Сочинения Державина, т. 3. СПб., 1866, стр. 634). *Донат* — медный Мальтийский крест, который с 1800 г. должен был выдаваться нижним чинам за двадцатилетнюю беспорочную службу.

Изъяснение заслуженного армейского офицера в любви (стр. 182). Впервые — МК, 1805, ч. 1, стр. 316. В списке ГПБ это стихотворение озаглавлено: «Песня», в списке Д. Хвостова: «„Возвращение с маневров“ — шуточные стихи покойного Марина» (ПД). В списке ГПБ после 7-й строфы есть отсутствующая в тексте МК:

Но если чести той не стою,
Позволь ефрейтором ходить,
Чтобы, притопнувши ногою,
Любви *рапóрт* тебе вручить.

Вахтпарад — см. стр. 637. *Кто визитир твой будет рунд*. Визитир-рунд — проверяющий часовых. *Фуктель* — удар клинком тесака или саблей плашмя. *Отставка без мундира*. Выход в отставку без права ношения мундира применялся как кара за служебные провинности. *Скроюсь в инвалид* — т. е. в «инвалидный дом», дом призрения для раненых и больных воинов. *Снабзак* — солдатская сумка, ранец.

Ответ на письмо (стр. 184). Впервые — ТВАК, 1904, вып. 2, стр. 38. Печ. по списку ГПБ. Ответ на стихотворное письмо от 7 августа 1805 г. Федора Ивановича *Толстого* (1782—1846). Письмо Ф. Толстого находится в тексте ГПБ, л. 92, и перепечатано в Летописях, стр. 375. О Федоре Толстом (Американце) Грибоедов сказал в «Горе от ума»: «ночной разбойник дуэлист», а П. А. Вяземский — «Американец и цыган, на свете нравственном загадка». Толстой прислал Марину стихотворение из Нейшлота, куда он, разжалованный в солдаты, был назначен в гарнизонный батальон. *Друг всех Алцибиадов*. Алцибиад, или Алкивиад (ок. 451—404 до н. э.), ученик Сократа, афинский государственный деятель и полководец, не

отличавшийся принципиальностью, воевал против Спарты на стороне афинян и на стороне Спарты против афинян. *Кругом объехав белый свет.* Ф. Толстой пустился в кругосветное путешествие с Крузенштерном, но был высажен им в Америке. *Сидоров* — вестовой, солдат 1-й роты Преображенского полка. *Утков* — писарь роты. *Розен* Григорий Владимирович — батальонный командир; в 1812 г. командир лейб-гвардии Преображенского полка. *Полиб* — согласно примечанию в тексте ЦГАЛИ, фельдфебель роты, которой командовал Марин. *Гераков прозою, стихами Шаховской.* Гераков Гаврила Васильевич (1775—1838) — плодовитый, но бездарный писатель; его стихи были объектом многочисленных пародий, в том числе и Марина. Шаховской — см. стр. 639. Возможно, что Марин имеет в виду комедию Шаховского «Коварный» (переделка «Le Méchant» Грессе), поставленную 16 декабря 1804 г. и шумно провалившуюся, и сочинение Геракова «Твердость духа некоторых россиян» (1803). *Фацет* — скошенная грань зеркального стекла. *Ламсерт* — владелец парфюмерного магазина в Петербурге. *Дюкло* — владелец косметического магазина в Петербурге. *И равен чином я армейскому майору.* Чин поручика гвардии при переводе на армейские чины равнялся майору.

На 26 марта 1805 года (стр. 186). Впервые — ЭиС, т. 1, стр. 63. Одно из многих стихотворений Марина, направленных против Г. Геракова (см. выше). Как пишет Вигель: «Марин был его (т. е. Геракова. — *Г. Е.*) казнию» (Вигель, ч. 3, стр. 147). *Афинян пасынок.* Гераков был грек, его подлинная фамилия была Гераки.

Орел и червяк (стр. 186). Впервые — Лицей, 1806, ч. 4, кн. 2, стр. 20, за подписью ф-р Яковлев; в «Пантеоне», 1814, т. е. после смерти Марина, за его подписью. Н. Арнольд сообщает, что в списке В. Г. Арнольд эта басня стоит под знаком вопроса (Летописи, стр. 406). Но существовала еще одна прижизненная публикация басни, которая уничтожает сомнения в принадлежности этой басни Марину. «Орел и червяк» был еще напечатан в ЛС, 1806, № 10, стр. 77, вместо подписи: «Прислано». На этой же странице над басней помещен следующий экспромт:

НА ИГРУ Г. АКТЕРА *ЯКОВЛЕВА* В ТРАГЕДИИ «ФИНГАЛ»

Довольно, коль актер героя выражает!
Но Яковлев игрой героя возвышает.

И подпись под этим экспромтом в достаточной мере прозрачная, включающая в себя главные начальные буквы фамилии и имени Марина: М. С-ъ. Несомненно, что и экспромт и басня принадлежат Марину.

Сатиры

1-я («Какая бы тому, Капнист, была причина. . .») (стр. 187). Впервые — ДВ, 1808, № 21, стр. 169. Кроме того, вместе с сатирой 2-й была напечатана отдельной брошюрой под названием: «Сатиры, взятые из Боало». СПб., без обозначения года. Печ. по

списку ГПБ, в котором есть поправки Марина. Отмечаем разночтение между списком ГПБ и ДВ. Стих 7-й в ДВ читается: «Платона вытвердив с доски он до доски». В ГПБ первоначальный текст этой строки такой же, но потом Марин перечеркнул его и, заменив Платона Аристотелем, изменил строку. Стих 10-й ДВ: «Он мыслит, что без них» и т. д. Стих 31-й в ДВ: «Тот легче б счел людей, весной что лекаря». Сатира 1-я является довольно близким подражанием 4-й сатире Буало «A l'abbé Levayer». Жихарев в «Дневнике чиновника» отмечает, что сатира была впервые прочитана на вечере у И. С. Захарова 30 марта 1807 г. *Капнист* — см. стр. 616. *Желтый Дом* — больница умалишенных. *Кутейкин* — один из учителей Митрофанушки в комедии Фонвизина «Недоросль». *Соника.* В карточной игре в банк соником обозначается выигрыш или проигрыш по первой вскрытой карте.

2-я («Любимец нежных муз, питомец Аполлона...») (стр. 190). Вольный перевод 2-й сатиры Буало «A Molière». Впервые — ДВ, 1808, № 23, стр. 187, с подписью С... М... . Марин «применил» сатиру Буало к русской действительности. Она интересна как принципиальное выступление против литературных штампов. В своем отношении к «нищенским» рифмам, как назвал их в «Рассуждении о стихотворстве» Николев, Марин сближается с Нахимовым (см. стр. 650). Марин выступает не только против штампованности рифмы, но и против стертости образов, одинаково подвергая своей критике как представителей «старой» школы в поэзии, так и Карамзина (Ахалкина). Впоследствии эту борьбу против литературных штампов продолжат Кюхельбекер, Катенин. *Дмитриев* Иван Иванович (1760—1837) — известный поэт сентиментального направления. *Сумароков.* Имеется в виду Александр Петрович Сумароков (1718—1777). *Княжнин* — см. стр. 626. *Омир* — Гомер. *Херасков* Михаил Матвеевич (1733—1807) — поэт, драматург, автор поэмы «Чесменский бой» (1771), эпопеи «Россияда» (1779). *Графов* — Д. И. Хвостов (см. стр. 613). *Ахалкин* — Н. М. Карамзин (1766—1826). *Патрикеич* — уличный стихотворец, который писал стихи с неожиданными рифмами. Хвостов пишет в своих «Записках»: «Известный Патрикеич... написав для театра гаерскую, что под качелями, драму, принес ее к графу Аркадию Ив. Моркову, который был болен и у которого случился лейб-медик Роджерсон. Драма начиналася следующими стихами:

Послушайте, друзья, какой я видел сон.
Его не может знать и доктор Роджерсон.

Лейб-медик... подарил деньголюбивому певцу пятьсот рублей, с тем, чтобы он его имя вымарал» (ЛА, 1, 1938, стр. 385). *Глазунов* Иван Петрович (1762—1831) — книготорговец и издатель.

Игнашке (стр. 193). Впервые — ТВАК, 1904, вып. 2, стр. 47. Печ. по списку ГПБ. *Игнашка* — парикмахер и слуга С. Н. Марина.

Ему же (стр. 193). Впервые — ТВАК, 1904, вып. 2, стр. 47. Печ. по списку ГПБ. Написана по поводу предательства Игнашки, который бежал после Аустерлица, оставив раненого Марина.

Стихи на рассуждающих о политике (стр. 193). Впервые — Тр. РАК, т. 25, вып. 1. Рязань, 1911, стр. 59. Печ. по списку ГПБ. *Карла, англичан бранит.* Карл-Людвиг-Иоганн — эрцгерцог австрийский (1771—1847); в 1793—1809 гг. участвовал в войне с Францией; в 1793—1799 гг. командовал австрийской армией и явился одним из инициаторов ряда враждебных актов, направленных против Суворова; в борьбе с Наполеоном не раз терпел поражения. В октябре 1807 г. Россия, выполняя условия Тильзитского мира, разорвала дипломатические сношения с Англией. Англичане около Лиссабона напали на русский флот, предводимый адмиралом Сенявиным.

М<илонову> М<арин> здравия желает (стр. 193). Впервые — Чтение, 1811, кн. 3, стр. 120. Перевод 5-й сатиры Буало «A m. le marquis de Dangeau»; Марин применил ее к русским условиям. *Милонов* Михаил Васильевич (1792—1821) — поэт-сатирик. *Сам даже **** ругаться мною волен.* С определенностью сказать, кого имеет в виду Марин, нельзя. Может быть, Марин подразумевает Соколова Петра Ивановича (1766—1835), непременного секретаря Российской академии наук, члена «Беседы». Впоследствии против него выступит А. Ф. Воейков в «Доме сумасшедших». В размер укладываются фамилии Николева, Карамзина. *Ахалкин* и т. д. — Н. М. Карамзин. Марин подразумевает занятия Карамзина русской историей. Уже в «Записке о старой и новой России» (1810) Карамзин осудил большую часть александровских либеральных реформ, в том числе и задуманные Сперанским. *Игорю и Кию.* Игорь Рюрикович — великий князь Киевский (912—945). Кий — легендарный основатель города Киева. **** пускай царя великого поет.* В 1810 г. Д. И. Хвостов написал «Оду Петру Великому». В этом же 1810 г. князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783—1837), член Российской академии и «Беседы», создал поэму «Петр Великий». Может быть, косвенно Марин затрагивает и его. Для Марина, как и для Горчакова, характерна борьба как против карамзинистов, так и шишковистов. *И в Александра жар.* Имеется в виду завоевательная политика Александра Македонского.

Послание к другу (стр. 196). Впервые — ЛРЛД, 1863, т. 5, стр. 47. Печ. по списку ГПБ. Примерная датировка стихотворения определяется упоминанием в нем Государственного совета, учрежденного в 1810 г. *(В Совете заседать). Цуг* — упряжка в четыре или шесть лошадей попарно. Ездить цугом было привилегией высшего дворянства. *Басоны* — позументы. *Гайдуки* — выездные лакеи у знатных особ XVIII в. *Т.... чтоб служить.* В тексте ГПБ стоят точки. Н. Арнольд предполагает, что слово должно читаться: «тирану».

Хвосты (стр. 198). Впервые — Тр. РАК. Рязань, 1886, стр. 10. Печ. по списку ЦГАЛИ. В Рязанском областном архиве хранилась тетрадь «Собственноручные сочинения Сергея Никифоровича Марина», она погибла в Отечественную войну 1941—1945 гг. Точное соответствие данного списка автографу Марина заверено Рязанским

областным архивом. Список ЦГАЛИ точнее текста Летописей. В Летописях в 3-й строфе стихи 5-й и 6-й напечатаны следующим образом:

А нам и сердце не поможет
Изгибы сердца пронизать.

Явно, что в стихе 5-м должно быть «солнце», а в 6-м «проницать». В Летописях 8-я и 9-я строфы ошибочно не отделены. *Момус* — бог насмешки, подсматривавший дела богов и людей. В НРЛ на 1802, январь, стр. 65, за подписью В. была напечатана характеристика Момуса, как бы служащая комментарием к основной мысли стихотворения Марина: «Говорят, что Момус беспрестанно осмеивал и охуждал все, что он ни видел... состав самого человека, по его мнению, крайне недостаточен, потому что на его груди нет окна, которое показывало бы его чистосердечие или обнаруживало вредные его замыслы и предупреждало их исполнение». *Мидас* — см. стр. 617.

На рождение молодого грека (стр. 201). Впервые — ЛРЛД, 1863, т. 5, стр. 45. Печ. по списку ГПБ. Существует очень большое количество рукописных списков этой пародии Марина. Она упоминается в «Войне и мире» Л. Толстого: «Кутузов стал рассеянно оглядываться, как будто забыв все, что ему нужно было сказать или сделать. Очевидно, вспомнив то, что он искал, он подманил к себе Андрея Сергеича Кайсарова, брата своего адъютанта. «Как, как, как стихи-то Марина, как стихи, как? Что на Геракова написал: «Будешь в корпусе учитель...» Скажи, скажи, — заговорил Кутузов, очевидно, собираясь посмеяться. Кайсаров прочел... Кутузов, улыбаясь, кивал головой в такт стихов». *Иваны.* Иванами называли извозчиков. *Биас* (VII—VI в. до н. э.) — один из семи мудрецов Греции. *Совет.* Может быть, здесь иронический намек на Государственный совет. *Нет тебе к Парнасу шагу.* Сочинения Геракова не пользовались популярностью, в лучших журналах его стихотворения не помещались. *Добрых более не сыщешь* — намек на книгу Геракова «Для добрых», которая вызвала большое количество эпиграмм. Очень выразительна и превосходно характеризует отношение литературных кругов к Геракову печальная фраза А. Е. Измайлова по поводу смерти С. Н. Марина в письме к Н. Ф. Грамматину от 10 февраля 1813 г. из Петербурга: «Вчерашний день умер здесь известный стихотворец Марин, а Гераков живет себе и веселится» (БЗ, 1859, стр. 421).

Трон и кровать (стр. 204). Вольный перевод басни французского поэта Луи-Филиппа Сегюра (1753—1830). Впервые — Летописи, стр. 103. Печ. по списку ГПБ. В НРЛ было напечатано в переводе П. Ю. Львова (1770—1825) несколько басен Сегюра, в том числе и «Трон и постеля». У Марина басня звучит острее, так как он не прибегает к условному наименованию царя «султаном».

От Игнашки к гр. Зав<адовскому> (стр. 203). Впервые — Летописи, стр. 98. Печ. по списку ГПБ. В Летописях дано неточное и произвольное деление на строфы. *Игнашка* — парикмахер,

слуга Марина. *Завадовский* гр. Иван Яковлевич — камер-юнкер. прапорщик Преображенского полка. *Тупей* — взбитый пучок волос на темени; также парик. *Вахтпарад* — см. стр. 637. *Пинт* — Пинд. *Тазать* — бранить.

Ел. Мар. Оле<ниной> (стр. 205). Впервые — Летописи, стр. 61. Печ. по списку ГПБ. *Оленина* Елизавета Марковна (1768—1838) — жена президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина. *Солон* (ок. 638 — ок. 559 до н. э.) — политический деятель и социальный реформатор древних Афин. *Тюник* — греческая одежда. *Янычар.* Янычары — регулярная пехота в Султанской Турции, созданная в XIV в. *Порта* — Порта оттоманская или Высокая — официальное наименование Турецкой империи, употреблявшееся преимущественно в дипломатических сношениях. *Тиряне* и т. д. Жители знаменитого древнего города-государства Тир в Финикии, одного из важнейших торговых центров древности, славившегося выработкой тканей и стеклянных изделий. *Камка́* — шелковая цветная ткань с узорами.

Ракета (стр. 207). Впервые — ТВАК, 1904, вып. 2, стр. 15. Печ. по списку ГПБ.

Причина (стр. 207). Впервые — ТВАК, 1904, вып. 2, стр. 15. Печ. по списку ГПБ.

Принцу Бирону (стр. 207). Впервые — Летописи, стр. 153. Печ. по списку ГПБ. *Бирон* Густав Карлович был переведен в июне 1798 г. из лейб-гвардии Преображенского полка в гарнизонный полк генерал-майора Булгакова; упоминание об этом есть в «Материалах для истории царствования Павла I» Шильдера (Павел I поручил генерал-лейтенанту Бенкендорфу «иметь надзирание за поведением принца Бирона»).

Александру Яковлевичу Сукину (стр. 208). Впервые — Летописи, стр. 142. Печ. по списку ГПБ. По объяснению Н. Арнольда, эта шуточная эпитафия относится к назначению Сукина 2-го, Александра Яковлевича, шефом Мушкетерского, бывшего Катехина, полка и, следовательно, к уходу его 3 апреля 1800 г. из Преображенского полка (Летописи, стр. 389). Показательна характеристика Сукина в сатирическом стихотворении «Молодой» неизвестного автора, в книге: «Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений». «Библиотека поэта». Большая серия, Л., 1933, стр. 229.

...Теперь-то ясно мы цель службы разумеем,
Мы драться кинули, но гатчинить умеем.
Теперь считаем мы, и в этом всякий прав,
Тюренем Сукина, а тактикой Устав.

Епитафия («Под камнем сим...») (стр. 208). Впервые — Летописи, стр. 168.

На получение кандидатского достоинства (стр. 213). Впервые — САН 1, стр. 21. Стихотворение автобиографично. Летом 1808 г. Нахимов окончил Харьковский университет по словесному факультету со степенью кандидата, что дает основание для датировки стихотворения. *Таинственный диплом понять без перевода.* Дипломы писались по-латыни. *Дедалов правнук. Дедал* — мифический художник и скульптор, изобретатель различных инструментов, построил лабиринт на острове Крит; чтобы бежать от преследований царя Миноса, сделал себе и своему сыну Икару искусственные крылья.

Элегия (стр. 213). Впервые — САН 1, стр. 59. Эта пародийная «Элегия» распространялась в большом количестве рукописных копий и сделала имя Акима Нахимова известным всей России. Была вызвана подготовленным М. М. Сперанским указом от 6 августа 1809 г. о правилах производства гражданских чиновников в чин коллежского асессора и выше. Целью указа было «положить наконец преграду исканиям чинов без заслуг», и потому ни один чиновник, с момента выхода указа, не мог быть произведен в чин коллежского асессора без предъявления свидетельства об окончании одного из университетов, «или что, представ на испытание, заслужил на оном одобрение в своем знании» (Полное собрание законов, т. 27, № 23771). Указ этот вызвал бурю негодования в среде необразованного подьячества. Сперанского, как вдохновителя указа, осыпали эпиграммами, писали на него сатиры:

От Рюрика до днесь дворян не утесняли,
За то Россию все владычицей считали.
...А сын поповский днесь, как мыльный шар летая
У счастья под рукой, цены трудам не зная,
Науки вводит он, невежей бывши сам.
Где гибель общая, он ищет счастья там...

Сатира, направленная против Сперанского, из которой взяты эти строки — «Мысли унылого дворянина», — находится во многих рукописных сборниках. Но Нахимов, горячий поборник просвещения, принял указ 6 августа с восторгом. Уничтожение невежества он считал одним из путей борьбы с ябедой, взяточничеством. *Акц<с>иденция* — доходы случайные, поборы, взятки. *Думный дьяк.* Дьяки — высший слой должностных лиц правительственных учреждений — приказов. Играли большую роль в управлении. Их значение особенно возросло, когда они в XVI в. вошли с правом голоса в боярскую думу (постоянный совет при московских царях). Думный дьяк скреплял своей подписью царские грамоты, на которых царь не считал нужным ставить собственноручную подпись. *Крюк,* крючок в деле — придирка; приказный крючок — крючкотвор, изворотливый делец. В Петербурге существовал один судья по прозвищу «багор».

Предисловие к российской грамматике (стр. 214). Впервые — САН 1, стр. 54. В связи с указом 6 августа

(см. предыдущее примечание) для гражданских чиновников, желающих получить чин коллежского асессора, производились испытания по правоведению, словесным наукам, историческим и физико-математическим. В университетских городах ежегодно на летние месяцы открывались курсы для подготовки чиновников к экзаменам. Нахимов, приглашенный преподавать грамматику на этих курсах при Харьковском университете, открыл свои уроки чтением своего «Предисловия к российской грамматике». По отзывам современников, он не стеснялся по адресу своих слушателей, выказывая свое презрение к ним тем, что заставлял их склонять имена существительные «сучок» и «крючок» или спрягать глаголы «брать» и «драть.» *Юс* — уничтоженная 36-я буква церковной азбуки; в переносном значении — приказный, знаток всех судейских проделок и тяжебник; строить юсы — устраивать судейские крючки, ловушки. *Кси* — название 41-й буквы церковной азбуки. *Бра и дра* — намек на глаголы брать и драть. *Чухонский лапоть вдруг вид новый получил.* Яков Штелин рассказывает, что Петр I обратил внимание на то, что финские жители не умели хорошо плести лапти и «по причине худой своей обуви разные болезни на себя навлекали». Тогда царь приказал послать из Новгородской и Казанской губерний «человек с шесть лучших лапотников» к выборгскому губернатору, с тем чтобы они были разосланы по финским селениям и научили финских мужиков, «как российским манером делать лапти, и не прежде бы обратно были отпущены, покамест финские мужики не выучатся плести крепких, прочных лаптей» («Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге, изданные в свет Яковым фон Штелиным, на российский язык переведенные Карлом Рембовским». М., 1787, стр. 316—317). *Штелин* Яков Яковлевич (1709—1785) — профессор элоквенции (красноречия), три года редактировал «Санкт-петербургские ведомости», автор многих статей и росписи русских книг академической библиотеки.

Похвала гусиному перу (стр. 216). Впервые — САН 1, стр. 56. Нахимов на уроках в Харьковском университете предлагал своим ученикам-чиновникам писать на доске это стихотворение.

Письмо приятеля моего, странствующего в чудесном птичьем мире (стр. 216). Впервые — не полностью — САН 1, стр. 72. Полностью — PC, 1880, № 11, стр. 717. Датировка «Письма» — после 1811 г. — определяется упоминанием в нем кометы. *Хвостом его от них комета* и т. д. Комета появилась 9 марта 1811 г. Она была красного цвета, с «густым» и «светлым» хвостом. Подобной кометы «я во всю жизнь мою не видывал ни прежде, ни после. Все лето вплоть до осени горела она на нашем небе и освещала мои вечерние и ночные прогулки» (Вигель, ч. 3, стр. 172). *Стеклянными глазами.* Ученые наблюдали комету при помощи телескопов. *Под хвостом у ней война* и т. д. Суеверные люди предсказывали тогда, что комета принесет великие бедствия. «Как простолюдин, веровал я в сие страшное знамение и в мрачных мыслях невольно стал переноситься в будущее» (Вигель, ч. 3, стр. 172). *Икар* — сын Дедала (см. стр. 646). Крылья, сделанные

Дедалом, были слеплены воском; Икар в полете через Эгейское море приблизился к солнцу, которое растопило воск, и Икар утонул в море. *Крест... андреевский.* Орден Андрея Первозванного, высший русский орден, был учрежден Петром I в 1698 г. Его давали только членам императорской фамилии и высшим сановникам. *Киса* — мошна. *Копышится* — копошится. *Дородностью оно все книги превзойдет* и т. д. Нахимов издевается над ведущим жанром литературы классицизма — эпопеей, отличавшейся своими большими размерами. В связи с этим он и упоминает потом имена ученых *Страбона, Плиния* и *Тацита,* перу которых принадлежат пространные труды. Страбон (ок. 63 до н. э. — ок. 20 н. э.) — древнегреческий географ. Его «География» состоит из 17 томов. Плиний Старший — Гай Плиний Секунд (23—79) — знаменитый римский ученый, отличавшийся обширными энциклопедическими сведениями; его «Естественная история» состоит из 37 томов. Тацит Публий Корнелий (ок. 55 — ок. 120) — выдающийся римский историк, его «История» была в 14 книгах, «Летописи» — в 16. *За вольность и Афины.* Афины — город-государство в древней Греции, в Аттике, крупнейший культурный центр древнего мира; во 2-й половине V в. до н. э. в Афинах достигла наивысшего расцвета рабовладельческая демократия. Народное собрание, в котором участвовали все свободные граждане, являлось верховным органом. *Покляпый* — пригнутый книзу, крюковатый. *Невтон* — Ньютон. *Ришелье* Арман-Жан дю Плесси (1585—1642) — кардинал, французский государственный деятель, фактический правитель Франции. *Пит* — вероятно, Питт Вильям Младший (1759—1806), английский государственный деятель, был во главе коалиции против Франции; за заговором против Павла I стояло английское правительство во главе с Питтом; возможно, именно на это и намекает Нахимов, говоря: *ставя сеть царям. Петиметр* — щеголь, франт. *О муза!* и т. д. Здесь пародируются приемы оды, характерные для классицизма, против которого Нахимов принципиально выступает также в «Предисловии к предисловию». *Аристотель* (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ. *Кант* Иммануил (1724—1804) — немецкий философ-идеалист. *Троил* — Гектор, сын троянского царя Приама в «Илиаде» Гомера. Гектор погиб в поединке с Ахиллом. *Вы все, все атеисты.* Многих профессоров иностранного происхождения обвиняли в вольнодумстве. Изображая бой Филина и Индейского петуха, Нахимов, очевидно, имел в виду борьбу профессоров Харьковского университета. Филин, по-видимому, профессор Шад И. Г. Бывший бенедиктинский монах в Банце, он стал известен во Франконии своими столкновениями с тамошними обскурантами и вынужден был бежать. Находясь в Харьковском университете, «он давал слишком много воли своему языку... На него впоследствии был сделан донос; лекции метафизики, отзывавшие философией Шеллинга, — выданы за атеизм» («Воспоминания профессора Роммеля...». Харьков, 1868, стр. 66). В 1816 г. Шад был выслан за границу, так как его сочинения были признаны противоречащими религии и государственным учреждениям. Противник Филина-Шада, Индейский петух, вероятно, профессор А. И. Стойкович, энергичный администратор, но человек сомнительной нравственности, — его обвиняли даже во взяточничестве. В 1813 г. Стойковичу, занимавшему

должность ректора, было предложено уйти в отставку. У Шада было много врагов, большую роль в его высылке сыграл француз профессор Дюгур. Харьковчане, читая «Письмо» Нахимова, конечно, узнавали всех действующих в нем персонажей, так как Нахимов дает даже описание внешности своих «героев».

Зверинец (стр. 224). Впервые — САН 1, стр. 60. Д. Борзенков говорит, что пребывание Нахимова в Харьковском университете составляло «тот период, в течение которого он большую часть написал» (САН 1, стр. 3). Позже, поправляя неправильности, допущенные В. Масловичем в датировании произведений Нахимова, он повторяет, что почти все созданное Нахимовым относится к университетскому периоду, т. е. к 1805—1808 гг. «Зверинец» — зрелое произведение (современники справедливо причисляли его к лучшим вещам Нахимова), поэтому, вероятно, надо отнести его создание к концу этого периода. Нахимов не включил «Зверинца», тяготеющего к драматургии, в басенный раздел, подчеркнув этим своеобразие его формы. *Сицевой* — таковой. *Зерцало* — трехгранная призма с орлом наверху, находившаяся на столе всех присутственных мест. На трех сторонах зерцала были наклеены указы Петра I: о хранении прав гражданских; о действиях в судебных местах; о государственных уставах.

Отрывки из «Пурсониады» (стр. 228). Впервые — САН 1, стр. 77. Определить время ее написания трудно. Вероятно, большинство отрывков создано до войны 1812 г., потому что во время войны Нахимов не написал бы «в России полубог — парижская свинья!» Согласно указанию Борзенкова, прозаическое сатирическое рассуждение Нахимова «Словесные обезьяны» было создано в 1807 г. Если это указание верно (В. Маслович называет 1812 г., но Борзенков возражает ему), то возможно, что «Пурсониада», перекликающаяся некоторыми мотивами с «Словесными обезьянами», создавалась частично в 1807—1808 гг. Отрывок о «Гладе», как бы навеянный воспоминаниями о войне 1812 г., делает вполне вероятным предположение, что Нахимов работал над своей поэмой в течение нескольких лет. Вряд ли можно принимать во внимание указание — «из первой песни», «из второй», потому что слишком уж разнородны все эти отрывки и связь их очень условна. *Пламенный надел на голову колпак* — т. е. якобинский колпак, символ революционной Франции. *Санкюлоты* — название представителей революционных народных масс в период французской буржуазной революции конца XVIII в. Происходит от французских слов sans — без и culotte, т. е. короткие бархатные штаны, которые носили французские дворяне и богатые буржуа. *На деньги ужасть ка́к нечисты духи падки* и т. д. Этот отрывок, принадлежащий к числу лучших созданий Нахимова, пользовался большой популярностью, вошел в рукописные сборники. *Сократ* (ок. 469—399 до н. э.) — древнегреческий философ.

Редкости, которые удалось мне видеть (стр. 232). Впервые — САН 1, стр. 70. Во всех изданиях печаталось без 5-й строфы, которая, по указанию Г. С. Чирикова, не была пропущена университетской цензурой (сочинения А. Нахимова печатались

в университетской типографии). 5-я строфа была опубликована впервые Г. С. Чириковым (PC, 1880, т. 29, стр. 724). Д. И. Багалей в «Опыте истории Харьковского университета» (т. 1, Харьков, 1893—1898) раскрывает борьбу партий, которые существовали в университете. Серьезные разногласия зачастую возникали между русскими профессорами и иностранцами. Основою для многих споров являлась разница в политических взглядах.

Забавная беседа (стр. 233). Впервые — САН 1, стр. 84. *Вахтпарад* — см. стр. 637. *Развод* — разведение военных часовых по постам караула. *Сицевый — таковой.*

Песнь луже (стр. 234). Впервые — ПСУНП, 1810, № 24, стр. 96. Наиболее известная вещь Нахимова.

Стихи по прочтении Сумарокова (стр. 236). Впервые — САН 2, стр. 79. «Замечательно, — писал по поводу этого стихотворения Г. С. Чириков, — что вкус его (Нахимова. — *Г. Е.*) был верен и даже эстетичен не по времени: в то время, когда усомниться в гениальности признанного авторитета почиталось литературным преступлением, когда умный и даровитый Мерзляков на своих лекциях ... серьезно разбирал красоты «Синава и Трувора» и «Дмитрия Самозванца» А. П. Сумарокова, — неизвестный ученому миру лектор русского языка осмелился на отважный подвиг и написал... „Стихи по прочтении Сумарокова"» (PC, 1880, т. 29, стр. 716). В. Маслович, печатая это стихотворение в ХД (1816, май, стр. 25), привел и все примеры штампованных традиционных рифм, которые сам Нахимов извлек из сочинений А. П. Сумарокова. В. Маслович напечатал их с примечанием: «Столько отыскано в бумагах», т. е. в бумагах Нахимова. Нахимов отметил 24 случая, когда слово «крины» (лилии) в стихах Сумарокова рифмуется с именем Екатерины.

Басни

Живописец (стр. 237). Впервые — ПСУНП, 1810, № 24, стр. 94. Имеет биографическое значение, направлена против тех, кто называл Нахимова «пасквилянтом», нарочито искажая понимание принципа сатиры «на лица». Связана с басней «Живописец», отражая борьбу вокруг нахимовского сатирического творчества, также и рецензия на «Сочинения Акима Нахимова, в стихах и прозе», помещенная в УВ, 1816, № 1, стр. 139, автор которой, разбирая разницу между критикой, сатирой и пасквилем, называл Нахимова представителем истинной сатиры: «И смешон будет тот, кто превратит сатиру в пасквиль для себя». Современники считали «Живописца» одной из лучших басен Нахимова. В. Маслович в брошюре, посвященной Нахимову, «Память о харьковском стихотворце Акиме Николаевиче Нахимове». СПб., 1818, целиком выписывает «Живописца» как образцовую басню. *Катилина* Люций Сервий (108—62 до н. э.) — римский патриций, составивший в 63 г. заговор против правительства.

Молодой орел (стр. 238). Впервые — ПСУНП, 1810, № 24, стр. 96. Намек на какие-то неприятности и неудачи, постигшие Нахимова в молодости в начале его жизни в Петербурге. *Любимец Зевсов* (греч. миф.) — орел.

Проповедь и басня (стр. 238). Впервые — ХД, 1816, март, стр. 25. Затем — «Цветник», М, 1816, ч. 2, стр. 179, под заглавием «Красноречие и басня» с соответственной заменой «проповеди» «красноречием» и в тексте. Возможно, что замена «проповеди» «красноречием» в «Цветнике» была вызвана цензурными требованиями. *Риторика* — теория прозаической речи вообще, в более узком смысле — теория красноречия. *Хрия* — составленное по правилам риторики ученическое сочинение. *Фигура* — риторическая форма, преднамеренное отклонение от обычного способа выражения. *Какой-то грек.* Нахимов, вероятно, подразумевает анонимное древнеримское сочинение — 4 книги риторики, посвященные некоему Герению (Rhetoricon ad Herennium, libri IV) ок. 86—82 гг. до н. э., восходящее к греческому источнику. *Тропы* — форма выражения (фигура), при которой слова употребляются в переносном, а не в собственном смысле. *Фижмы* — юбки на китовом усе и металлических проволоках, бывшие в моде в XVIII в.

Мельница без мельника (стр. 239). Впервые — САН 1, стр. 27.

Парик и болван, на котором его расчесывают (стр. 240). Впервые — САН 1, стр. 28.

Разговор о соловье между дроздом и сорокою (стр. 240). Впервые — САН 1, стр. 27.

Волы и лошадь (стр. 240). Впервые — САН 1, стр. 28. Причислялась современниками к числу лучших басен Нахимова.

Свиньи и ягненок (стр. 241). Впервые — САН 1, стр. 29.

Пчела и оса (стр. 241). Впервые — САН 1, стр. 30.

Моська и собака на привязи (стр. 242). Впервые — САН 1, стр. 30. Басня перекликается по теме с концовкой «Послания к С. Н. Долгорукову» Горчакова и отражает одну из трагических сторон русской действительности того времени. Лишившиеся средств существования больные и раненые воины должны были нищенствовать, так как не было никаких казенных учреждений, где бы о них позаботились. В «Письме к издателю сочинений А. Н. Нахимова», напечатанном в УВ, 1816, группа «русских солдат» говорила по поводу этой басни: «Когда бы все так сильно чувствовали, как он смело написал, то не потчевали бы нас, старых псов на привязи, помоями... Да, брат! .. ...кровь была бы дороже чернил!» И один из собравшихся пишет к Нахимову в Елисейские поля:

ПРИЗЫВАНИЕ ТЕНИ А... Н... НАХИМОВА

Явись, почтенна тень! — прими от сердца дань.
Не речь надгробную надутого прелата;
Но с чувством стих простой российского солдата;
И громом истины еще на подлость грянь.
Явись, российский наш Боало!
Не много ль сказано? — Нет! Мало.

(УВ, 1816, март, стр. 391—394)

Пыль и алмаз (стр. 242). Впервые — САН 1, стр. 32.

Находка (стр. 242). Впервые — САН 1, стр. 33.

Дурак и драгоценный камень (стр. 243). Впервые — САН 1, стр. 34. В рецензии, напечатанной в С по поводу издания в 1849 г. сочинений Нахимова, была приведена эта басня как характеризующая его «лучше всего».

Осел в счастии (стр. 243). Впервые — САН 1, стр. 36.

Дамон (стр. 244). Впервые — САН 1, стр. 37.

Откупщик и Харон (стр. 244). Впервые — САН 2, стр. 45. *Ясак* — натуральная подать, собиравшаяся с русских во время татарского ига, или же подать, взимавшаяся царским правительством с жителей Сибири; здесь: взятка.

Зеркало и урод (стр. 245). Впервые — САН 1, стр. 58.

Ласточка и колокол (стр. 245). Впервые — САН 2, стр. 45.

Орел и стрелок (стр. 246). Впервые — САН 2, стр. 44.

Жалкий лев (стр. 246). Впервые — PC, 1880, № 11, стр. 725.

Правда и подьячий (стр. 248). Впервые — PC, 1880, № 11, стр. 728. Тут же приведена и первая редакция этой же басни:

Оставя светлые чертоги,
В которых обитали боги,
Спустилась правда в дольний мир, —
Иль, лучше, свез ее зефир.
Подьячий с нею вдруг, к несчастью, повстречался, —
Алтынник побледнел и мнит,
Что в правде черта зрит.
Крючок! не зеркала — себя ты испугался.

Пучок — коса, связанные назад пучком волосы.

Крыса и секретарша (стр. 248). Впервые — PC, 1880, № 11, стр. 727. *Хлоп* — холоп, раб. *Хабар* — взятка.

Моль и кафтан (стр. 248). Впервые — PC, 1880, № 11, стр. 727. Это одна из басен, давших основание для стихотворения В. Масловича, написанного после смерти Нахимова, в котором Маслович, рисуя радость тех, кого страшила сатира Нахимова, показывает, что больше всех рады «крючки» — подьячие:

Жалеет Феб и плачут музы!
Нахимов умер — их певец!
В восторге врач, педант, французы,
Ослы, кокетки, франт и льстец.
Крючки ж — от радости в трактире,
Что нет Нахимова в сем мире!

Верста — здесь: верзила.

Повестка (стр. 240). Впервые — PC, 1880, № 11, стр. 729. *Повытье* — отделение, участок в приказе, позже стол, которым ведал повытчик, столоначальник. В повытье хранились списки дел, находившихся в производстве в данном приказе, бумаги, протоколы.

Отставка и производство (стр. 250). Впервые — PC, 1880, № 11, стр. 730. *Дьяк* — здесь: письмоводитель, секретарь, правитель канцелярии. *Приказ* — орган государственного управления. Приказы ведали отдельными отраслями государственного управления — военными силами, дипломатическими вопросами, сбором государственных налогов и др. В начале XVIII в. были заменены коллегиями.

Гриб и дуб (стр. 250). Впервые — PC, 1880, № 11, стр. 731.

Жук и пчела (стр. 250). Впервые — PC, 1880, № 11, стр. 731.

Дьяк и нищий (стр. 250). Впервые — PC, 1880, № 11, стр. 711. Эту басню Нахимов, преподавая грамматику чиновникам, заставлял писать своих учеников на доске.

Надписи, эпиграммы, эпитафии

Пышному мавзолею (стр. 251). Впервые — САН 1, стр. 38.

Клиту («Равняешь ты меня с Жилблазом. . .») (стр. 251). Впервые — САН 2, стр. 58. *Жилблаз* — герой романа «Жиль Блаз де Сантильяна» Алена-Рене Лесажа (1668—1747), французского писателя.

К портрету подьячего (стр. 251). Впервые — PC, 1880, № 11, стр. 729.

К родословному дереву (стр. 251). Впервые — PC, 1880, № 11, стр. 733.

К изображению блохи (стр. 252). Впервые — PC, 1880, № 11, стр. 730.

Польскому королю Попилю, которого, как говорит летопись, мыши съели (стр. 252). Впервые — САН 1, стр. 39. *Попиль.* Попел II (ум. 830) — польский король с 820 г. Согласно старым польским хроникам, отличался страшной жестокостью: сжег живыми многих бедняков, которые во время голода умоляли дать им хлеба. Легенда гласит, что небо покарало его за это и он был съеден полчищем крыс.

Клиту («Клит, мною огорчен, отмщеньем злобным дышит...») (стр. 252). Впервые — САН 1, стр. 40.

По случаю списывания портрета с одного премудрого мужа (стр. 252). Впервые — САН 1, стр. 40.

К Ветранам (стр. 252). Впервые — САН 1, стр. 40.

Скупяге (стр. 252). Впервые — САН 1, стр. 41.

Пигмалиону, который влюбился в мраморную статую (стр. 253). Впервые — САН 1, стр. 41. *Пигмалион* — кипрский царь (820—774 до н. э.), по преданию, изваявший статую женщины, в которую влюбился. Афродита оживила ее, и Пигмалион женился на прекрасной Галатее, им созданной.

Клиту («Учился долго Клит и очень много знает...») (стр. 253). Впервые — САН 1, стр. 41.

К модным женщинам (стр. 253). Впервые — САН 1, стр. 41.

Кутейкину (стр. 253). Впервые — САН 1, стр. 42.

К набеленной кокетке (стр. 253). Впервые — САН 1, стр. 42.

Золотой дождь (стр. 254). Впервые — САН 1, стр. 42. Современники считали эту эпиграмму одной из лучших эпиграмм Нахимова. *Даная* (греч. миф.) — дочь царя Аргоса Акрисия. Акрисию было предсказано оракулом, что он погибнет от руки сына Данаи, поэтому отец заключил свою дочь в башню, чтобы никто не видел ее. Но Зевс, полюбив ее, проник к ней в виде золотого дождя.

Ослу вельможе (стр. 254). Впервые — САН 1, стр. 43. *Бык в Египте* (егип. миф.) — священный черный бык Апис с белым пятном на лбу, посвященный богу Озирису.

Виртуозу Антипу (стр. 254). Впервые — САН 1, стр. 43. Кто именно высмеивается под именем Антипа, точно не установлено. Возможно, имеется в виду какой-нибудь любитель из университетского окружения Нахимова (например, профессор Шад, который играл на скрипке), а может быть, профессиональный музыкант. Профессор Роммель рассказывает о харьковском театре, что он был «жалкий, вполне провинциальный, в котором профессора сами меблировали свою ложу. Главным украшением его были цыгане и цыганки... Оркестр театра составлен был из крепостных предводителя дворянства...» (Воспоминания профессора Роммеля. Харьков, 1868, стр. 76).

Ему же («Что, каково вчера оркестром мы играли?..») (стр. 254). Впервые — САН 1, стр. 44.

Просветители (стр. 255). Впервые — PC, 1880, № 11, стр. 732. Вероятно, Нахимов подразумевает профессоров-иностранцев, многие из которых не отвечали высокому представлению об ученом, истинном просветителе, которое было у Нахимова. В Харьковском университете с 1805 по 1815 г. число русских преподавателей было неизменно — ежегодно их было по 7 человек, между тем как иностранцев вдвое больше (Д. И. Багалей. Опыт истории Харьковского университета, т. I. Харьков, 1893—1898, стр. 282).

Клиту («Когда Державина без чувства Клит читает...») (стр. 255). Впервые — САН 1, стр. 45.

Глупону (стр. 257). Впервые — САН 1, стр. 45. *Невтон* — Ньютон.

Черт и смерть (стр. 255). Впервые — САН 1, стр. 45.

Вопрос француза и ответ русского (стр. 255). Впервые — САН 1, стр. 46.

Горациеву подражателю (стр. 256). Впервые — САН 1, стр. 46.

Ему же (стр. 256). Впервые — САН 1, стр. 46.

Педанту, сочинившему эпиграмму (стр. 256). Впервые — САН 1, стр. 46.

Подьячему (стр. 256). Впервые — САН 1, стр. 47.

Глупому стихотворцу (стр. 256). Впервые — САН 1, стр. 47.

Силу (стр. 256). Впервые — САН 1, стр. 48.

Танцмейстеру Легкоскоку (стр. 256). Впервые — САН, 1, стр. 49. *Орфей* (греч. миф.) — певец, лира которого даже камни заставляла сдвигаться с места.

Клиту («Я Клитом раздражен, и вот тому причина...») (стр. 257). Впервые — САН 1, стр. 49.

Глупону — Клиту (стр. 257). Впервые — РС, 1880, № 11, стр. 733.

Предсказание по случаю тесной дружбы р<усского> попа... с немецк<им> пастором (стр. 257). Впервые — ХД, 1816, март, стр. 84.

Завоевателю («Стой, путник!.. Здесь гигант ужаснейший лежит...») (стр. 257). Впервые — САН 1, стр. 50.

Вельможе (стр. 258). Впервые — САН 1, стр. 50.

Игроку (стр. 258). Впервые — САН 1, стр. 52. *Холопы* — очевидно, валеты.

Завоевателю («Завоевателя натиснул камень сей...») (стр. 258). Впервые — РС, 1880, № 11, стр. 730.

Надгробие бессребренику (стр. 258). Впервые — РС, 1880, № 11, стр. 734.

Заглавие к моим сочинениям (стр. 258). Впервые — ХД, 1816, май, стр. 39. *Мои безделки* — название сборника стихов Н. М. Карамзина (1794). *И сё и то.* Вероятно, намек на сатирический журнал «И то и сё» (1769), издававшийся М. Д. Чулковым.

ВАСИЛИЙ ЛЬВОВИЧ ПУШКИН

Опасный сосед (стр. 263). Впервые — Мюнхен, 1815, литографированное издание (до нас не дошло). Затем — «Опасный сосед. Стихотворение Василия Львовича Пушкина. Издание второе. Лейпциг, 1855»; было издано С. Полторацким по списку, полученному от В. Пушкина. В предисловии С. Полторацкий, на основе статьи Н. И. Греча («Северная пчела», 1853, № 142, 30 июня), сообщает историю издания 1815 г. По указанию Греча, которое приводит Полторацкий, первым издателем «Опасного соседа» был барон Павел Львович Шиллинг фон Канштат, который по вторичном вступлении союзных войск в Париж (1815) «был там, и вместе с другими русскими был приглашен министерством нашим к содействию в составлении и переписке разных актов на французском языке, которых нельзя было поверить иностранцам». Шиллинг предложил для сокращения времени, затрачиваемого на копирование бумаг, употребить литографию, «которая в то время едва ли где была известна, исключая Мюнхена. Император Александр, по представлению о том, приказал сделать опыт нового изобретения, и Шиллинг был для того послан в Мюнхен. Следовало налитографировать что-нибудь по-русски. Шиллинг припоминал себе разные стихотворения, выучен-

ные им в первом Кадетском корпусе и в свете, и ни одного не мог вспомнить вполне. Вдруг напал он на карикатурную идиллию Василья Львовича Пушкина «Опасный сосед», выгравировал ее и отправился с нею обратно в главную квартиру. Содержание опыта возбудило общий смех, а исполнение оказалось безукоризненным; при Министерстве иностранных дел (в Петербурге) заведена была литография, первая в России, и Шиллинг назначен ее директором». Согласно свидетельству С. Полторацкого, сам В. Л. Пушкин не знал о существовании этого издания. В мае 1830 г. Полторацкий перед своим отъездом за границу виделся с В. Пушкиным, и автор «Опасного соседа» обратился к Полторацкому со следующей просьбой: «Милый мой, ты, вероятно, будешь в Берлине, Лейпциге, Париже; там есть русские типографии; потешь меня, пожалуйста, напечатай моего «Опасного соседа», лучшее и удачнейшее из моих стихотворений. Оно известно в России только в рукописи, и жаль, если пропадет и не дойдет до потомства. Вот тебе исправный список; тисни его, и тем порадуй меня». Б. В. Томашевский в комментариях к «Опасному соседу» в сб. «Ирои-комическая поэма». «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1933, основывается на этих же данных, сообщенных Гречем и Полторацким. Но в примечаниях к Малой серии «Библиотеки поэта», в сб. «Карамзин и поэты его времени» (1936), Б. В. Томашевский указывает, что поэма В. Л. Пушкина «была напечатана тайным образом» в конце 1811 г. (или в самом начале 1812). Издание это не получило распространения». Исследователь не привел данных, на основе которых он пришел к выводу об издании поэмы в 1811 или 1812 г. Поэма была написана весной 1811 г. Ее датировка определяется сообщением Батюшкова, который писал в апреле 1811 г. Гнедичу: «В. Л. Пушкин сочинил сатиру, сюжет весьма благороден: бордель; но стихи истинно прекрасны...» Поэма приобрела широкую известность: современники упоминали ее в стихах, приводили цитаты из нее в письмах, она распространялась в рукописных списках. Поэма «Опасный сосед» создавалась в ту пору, когда в Петербурге окончательно сформировалась «Беседа» и карамзинисты объединяли свои силы для полемики. В эту полемику включалась и поэма В. Пушкина, в которой в забавной роли были выведены А. С. Шишков и его любимец, благочестивый князь Шихматов. Имя *Буянова,* наглеца и драчуна, встречается в эпиграммах, напечатанных еще в XVIII в. Вот, например:

НА БУЯНОВА

Когда Буянов где в компании бывает,
Всегда раздоры там и ссоры затевает,
Он в несогласии находит тьмы забав.
Но отчего такой в Буянове злой нрав?
Постойте, я скажу: вот та тому причина:
Он зол, властолюбив и круглый дурачина.

(ВЗ, 1782, № 8, стр. 316)

Но с момента появления «Опасного соседа» образ Буянова ассоциировался лишь с пушкинским героем. В стихе «Пришел, — и понесло повсюду кабаком» в публикации Б. В. Томашевского «кабак» заме-

нен «табаком». Основание — рукописное изменение, внесенное Полторацким в экземпляр издания 1855 г. (см. «Библиотека поэта», «Ирои-комическая поэма», стр. 737). Но в многочисленных рукописных копиях этот стих читается с «кабаком». В частности, в авторитетном списке, находящемся в Остафьевском архиве (ЦГАЛИ), с собственноручными пометками П. А. Вяземского, также стоит «кабаком». Поэтому здесь сохраняется чтение «кабаком», как в печатном издании 1855 г. *Я славных рысаков подтибрил у Пахома.* Пахо́м — московский биржевой ямщик. *Обшивни* — ро́звальни, широкие сани, обшитые лубом, так же называли и городские малые сани того же образца, с высокой спинкой. *Кузнецкий мост и вал.* На Кузнецком мосту прогуливались московские щеголи и щеголихи. Вал — бульвары, которые были разбиты в 1792 г. на месте старинного вала. *Дивились двоице.* Насмешка над заменой выражения «пара коней» славянизмом «двоица» в стихах С. А. Ширинского-Шихматова, обращенных к Шишкову:

Но кто там мчится в колеснице,
На резвой двоице, порой.

Позволь, Варяго-Росс. Имеется в виду Ширинский-Шихматов. *Ну, к черту ум и вкус! пишите в добрый час!* Этот стих был воспринят современниками как слова самого Шихматова. Так комментирует этот стих Батюшков в письме к Гнедичу (см. Сочинения Батюшкова, т. 3, стр. 118), где он говорит: «Пушкин, описывая лихих коней, вопрошает или взывает к Шихматову и просит позволения назвать пару двоицею, а певец Петриады отвечает: Но к черту...» и т. д. В другом письме к Гнедичу Батюшков применяет этот стих вообще к гг. беседчикам, которые говорят: «Но к черту...» и т. д. *Ракалия* — негодяй, бестия. *Султан Селим* — турецкий султан, воевавший с Францией. *Фридерик Второй* — Фридрих II (1740—1786), король прусский. Этот стих процитирован в письме Вяземского к А. Тургеневу от 27 июля 1822 г. *И Стерна нового* и т. д. «Новый Стерн» (1805) — комедия А. А. Шаховского, в которой высмеян Карамзин под именем князя Пронского. Сам В. Л. Пушкин гордился этим своим стихом и вспомнил его в 1816 г. как свою заслугу в послании к арзамасцам. *Прямой талант везде защитников найдет* — этот ядовитый выпад против Шаховского вызвал восторг современников. *Ты добрый человек, мне твой приятен вид. И, верно, девушке не сделаешь обид.* С этих двух стихов начинает одно из своих писем, относящееся к 1812 г., Вяземский (Остафьевский архив, т. I. СПб., 1899, стр. 1). *Из чести* — в просторечии это выражение означало служить за чаевые. *На отчете.* Работать с отчетом — дельно, старательно. *Лежали на окне Бова и Еруслан.* «Сказка о славном и храбром богатыре Бове-королевиче и о прекрасной королевне Дружневне», «Сказание и похождение о храбрости Еруслана Лазаревича» — произведения лубочной литературы. *«Несчастный Никанор»* — анонимный роман, вышедший в 1775 г. *«Смерть Роллы»* — трагедия А. Коцебу (перевод 1802 г.). *«Дева солнца»* — его же трагедия, переведенная в 1803 г. *«Арфаксад»* — «халдейская» повесть-роман Петра Захарьина 1793—1796 гг. *«Днепровская русалка»* — опера в 4 частях, пользовавшаяся громадным успехом

в начале XIX в. в мещанской среде. Три первые ее части были написаны Н. Красносельским (1804—1805), а четвертая А. Шаховским (1807). В серьезных журналах начала XIX в. «Днепровской русалке» давалась совершенно убийственная характеристика, как произведению пошлому, бездарному, с фривольным текстом. Поэтому-то она и попала в перечень всей этой «мещанской» литературы, которой зачитываются героини «Опасного соседа». *Аспазия* (род. ок. 470 до н. э.) — греческая гетера, жена Перикла. *Блажен, стократ блажен, кто в тишине живет* и т. д. Пародия на текст первого псалма: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе...»

Послания

К В. А. Жуковскому (стр. 267). Впервые — «Цветник», 1810, № 12, стр. 357. Печ. по изд. 1822 г. Направлено против А. С. Шишкова (1754—1841), напечатавшего еще в 1803 г. свое «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». С появлением этого сочинения между двумя враждующими сторонами завязалась полемика, продолжавшаяся до 1810 г., когда наконец в защиту карамзинистов выступил Д. В. Дашков. Шишков пропагандировал возврат к церковнославянизмам и вел борьбу против обогащения языка путем заимствования из французского. Дашков разбором «Перевода двух статей из Лагарпа» («Цветник», 1810, № 11 и 12) и брошюрой «О легчайшем способе отвечать на критики» (1811) разбил Шишкова. Послание В. Пушкина к Жуковскому, в котором В. Пушкин говорит о том, что живой язык, как и всякий живой организм, должен подвергаться изменениям, примыкает к статьям Дашкова. *Кондильяк* Этьенн-Бонно де Мабли (1715—1780) — французский философ-сенсуалист. *Дюмарсе* Сезар-Шено (1676—1756) — один из первых французских грамматиков XVIII в. *Не ставлю я нигде ни семо, ни овамо.* Намек на шишковскую приверженность к употреблению церковнославянских слов. Семо и овамо — здесь и там. *Поэма громкая, в которой плана нет* — вероятно, намек на поэму «Петр Великий» Шихматова (см. стр. 643). *Гораций* Квинт Флакк (65—8 до н. э.) — римский поэт. *Депрео* — Буало-Депрео — см. стр. 615. *Паскаль* Блез (1623—1662) — французский физик, математик и философ. *Боссюэт* Жак Бенинь (1627—1704) — французский проповедник, историк и богослов. *Синопсис* — сокращенное изложение проповедей, толкований священного писания. Галахов считает, что в данном случае имеется в виду «Синопсис, или Краткое сообщение от разных летописцев Иннокентия Гизиеля» (1674). *Степенная книга* — свободная выборка данных из летописей и хронографов, составленная в XVI в. *Пиндар наших стран* — перефразировка стихов А. П. Сумарокова из «Эпистолы II» (1748), где Сумароков говорит о Ломоносове: «Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен». *Балдус Арист* — А. С. Шишков. Д. И. Хвостов писал: «Послание Василья Львовича Пушкина к г. Жуковскому, называемое защитниками Шишкова *Карусельное орудие,* много потеряло своего блеску в печати. Сочинитель — мастер читать, и в его устах оно более нравилося. Сия пьеса сделает шум, поелику метила не в бровь, а в глаз на почтен-

ного Ариста Шишкова. . .» (ЛА, стр. 370). *Аз—я. Аще* — если. *Великая жена* — Екатерина II. *Вергилий* Марон Публий (70—19 до н. э.) — римский поэт, автор «Энеиды», «Эклог», «Георгик». *Омер* — Гомер; *Софокл* (ок. 497—406 до н. э.) — греческий трагик. *Эврипид* (480—405 до н. э.) — греческий трагик. *Ювенал* — см. стр. 630. *Саллюстий* (86—35 до н. э.) — римский историк. *Фукидид* (ок. 460—400 до н. э.) — греческий историк, автор «Истории Пелопоннесской войны». *Любимец Аонид* и т. д. — Богданович Ипполит Федорович (1743—1803), поэт, автор знаменитой поэмы «Душенька» (1783). *Дмитрев-Лафонтен.* Ивана Ивановича Дмитриева, одного из виднейших представителей русского дворянского сентиментализма, называли русским Лафонтеном, так как жанр басни занимал в его творчестве заметное место. *Лафонтен* Жан (1621—1695) — крупнейший поэт французского классицизма XVII в.; мировую известность ему доставили его «Басни». *Лагарпов курс.* Лагарп — см. стр. 622, курс его лекций был издан под названием «Лицей». А. Шишков перевел две статьи из сочинений Лагарпа.

К Д. В. Дашкову (стр. 269). Впервые — «Два послания». СПб., 1811, вместе с посланием «К В. А. Жуковскому» и с предуведомлением, в котором В. Л. Пушкин объяснил мотивы их появления. 3 декабря 1810 г. в годичном собрании Российской академии А. Шишков прочитал «Рассуждение о красноречии священного писания», явившееся ответом Дашкову и В. Пушкину. Затем в 1811 г. «Рассуждение» было напечатано, в нем были заключены и личные намеки на В. Пушкина, которого Шишков называл человеком сомнительной нравственности и обвинял в безбожии. Тогда В. Пушкин, в ответ на выступление А. Шишкова, издал свои «Два послания». В предисловии В. Пушкин цитировал нападки Шишкова на послание «К В. А. Жуковскому», выступал с защитой дидактических посланий. *Дашков* Дмитрий Васильевич (1788—1839) — литератор, член литературного общества «Арзамас», организованного в 1815 г. сторонниками Карамзина для борьбы с шишковистами; впоследствии министр юстиции. *Квириты* — граждане древнего Рима. *Сражая Верреса, вступаясь за Мурену.* Имеются в виду речи Цицерона (106—43 до н. э.), выдающегося оратора, писателя и политического деятеля древнего Рима. В 70 г. до н. э. выступал обвинителем по делу Верреса Гая (ок. 119 — 43 до н. э.), ограбившего провинцию Сицилию, когда Веррес ею управлял. Мурена Луций Лициний — римский государственный деятель, во время своего консульства в 62 г. был обвинен в подкупе избирателей, но после блестящей речи, произнесенной в 63 г. Цицероном в его защиту, был оправдан. *Демосфен* (384—322 до н. э.) — афинский оратор и выдающийся политический деятель. *Абие* — внезапно, тотчас. *Аще* — если, буде, коли. *И Сены на брегах* — т. е. когда В. Пушкин был в Париже. *Я пел любезное отечество в стихах.* Возможно, имеется в виду, что В. Пушкин, находясь в Париже, перевел несколько русских стихотворений на французский язык; оригинальных стихотворений В. Пушкина, посвященных родине, разыскать не удалось. *Сен-Пьер* Бернарден (1737—1814) — автор сентиментального романа «Павел и Виргиния». *Делиль* Жак (1738—1813) — дидактический поэт, популярный в России, его переводили В. В. Капнист,

А. Ф. Воейков и др. *Фонтан* Луи (1757—1821) — писатель, член Французской академии. В «Русской антологии» (Париж, 1823) была помещена статья о В. Л. Пушкине, в которой говорилось: «Его любезность, восторженное отношение к нашим поэтическим шедеврам, та легкость, с которою он талантливо декламировал стихотворные отрывки из наших наилучших трагедий, заставили самых выдающихся писателей французской столицы искать знакомства с ним. Аббат Делиль, Бернарден де Сен-Пьер, Легуве... подружились с молодым русским поэтом» (БЛ; подлинник по-французски). *Фукидид* — см. стр. 660. *Тацит* — см. стр. 648. *Плиний.* Вероятно, Пушкин имеет в виду не историка Плиния Старшего, а Плиния Младшего (62—114), племянника предыдущего, известного писателя и оратора древнего Рима времен Траяна, друга Тацита. Его «Похвальное слово Траяну» служило образцом Ломоносову и Карамзину. Плиний Младший писал и стихотворения и трагедии. *Кандид* — роман Вольтера; упоминается в связи с обвинениями А. С. Шишковым Пушкина в вольнодумстве. В 1821 г. при подготовке издания собрания сочинений В. Пушкина послание «К Д. В. Дашкову» было запрещено цензором за упоминание Вольтера, но потом Вяземскому удалось его отстоять. *Лагарп* — см. стр. 622. *Старослов* — Шишков. *Я каюсь, что в речах иных не вижу плана* — намек на «Рассуждение о красноречии священного писания» Шишкова. *Что то́мов не пишу на древнего Бояна.* Пушкин имеет в виду обширный комментарий на «Слово о полку Игореве», напечатанный Шишковым в 1805 г. *Нашествие татар* и т. д. В 1237—1238 гг. Батый покорил северо-восточную Русь. В данном случае В. Л. Пушкин намекает на реакционные исторические теории А. С. Шишкова.

К князю П. А. Вяземскому (стр. 272). Впервые — РМ, 1815, № 2, стр. 135. Печ. по изд. 1822 г. *Вяземский* Петр Андреевич (1792—1878) — поэт. *Почтенный Карамзин* и т. д. Подразумеваются стихи Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра I», напечатанные в 1814 г. *Корнелий* — Корнель Пьер (1606—1684), французский драматург. *Мельпомена* — муза трагедии. *Творец Димитрия, Фингала, Поликсены* — Владислав Александрович Озеров (1769—1816), драматург, автор трагедий «Фингал», «Димитрий Донской», «Поликсена» и др. *Завистников невежд он учинился жертвой.* Озеров сошел с ума в 1809 г., и косвенным виновником его сумасшествия и смерти считали А. А. Шаховского (см. стр. 639), который якобы интриговал против Озерова; этими интригами объясняли неудачу «Поликсены» и неблагоприятный исход дела о вознаграждении Озерова за эту пьесу. *Крез* — лидийский царь, владевший огромными богатствами. *Апеллес* (356—308 до н. э.) — греческий художник, друг Александра Македонского. *Эзоп* (VI в. до н. э.) — древнегреческий баснописец; по преданию, был безобразен. *Кокошкин* Федор Федорович (1773—1838) — драматург, записной театрал, управлявший впоследствии московским театром и председательствовавший в Обществе любителей российской словесности.

К*** (стр. 274). Впервые — изд. 1822 г., стр. 24. В фонде Вяземского (ЦГАЛИ) есть список с небольшими разночтениями. Напи-

сано в 1816 г. по поводу разжалования В. Пушкина из звания «старосты» арзамасского и переименования его из «Вот я вас» в «Вотрушку». Причиной этого были неудачные стихи — на заданные рифмы, эпиграммы, послание к Устинье, — присланные Пушкиным в «Арзамас» с дороги. Эти стихи принадлежат к числу тех безделок-шуток, на сочинение которых растратил свой талант В. Пушкин. В архиве Вяземских (ЦГАЛИ) в альбоме с автографами находится ряд дорожных стихов В. Пушкина, которые и были, очевидно, причиною его разжалования в «Арзамасе». К числу их, вероятно, принадлежит стихотворение «В дороге тягостны ухабы. . .» (стр. 290) и следующее:

Почтенные друзья, вас молит староста —
Не оставляйте здесь меня, пожалоста.
Я вас прошу, ваше сиятельство,
Не сделайте предательства.
Любя меня, имейте сожаленье,
Ах! одиночество есть жизни отравленье,
Хотя б влюбилась здесь в меня посадница,
Не в Тосне, но в Москве быть хочет задница.

Тосно в 8 часов и 20 минут, за деревянным столом и при двух сальных свечках и при шуме клокочущего самовара (ЦГАЛИ 1).

Арзамасцы, получив от Василия Львовича эти стихи и ряд других, им подобных, записали в протоколе: «Глядя на почерк, столь им знакомый и прежде столь любезный, арзамасцы говорили: «О, несчастный! Он не только сочинил эти стихи дорогой, он еще имел бесстыдство переписать их в Москве. О, Вот я Вас! Где твоя слава! Какой нечистый дух в тебя вселился! Что это за стих?

Почтенные друзья. Вас молит Староста!

Неужели Староста на старости своей еще не знает, что с дактилическими рифмами надобно писать и стихи также дактилями, или, по крайней мере, правильно смешивать их с хореями.

Не оставляйте здесь меня, пожалоста.
Не сделайте предательства.
Хотя б влюбилась здесь в меня Посадница!

Стихи ли это? Простительно ли Старосте «Арзамаса» писать, как едва ли говорят экспромтом артельщики в полковых комедиях и целовальники в кабаках? . .» Так рассуждали арзамасцы о стихах на заданные рифмы и спрашивали, где же будет достоинство и трудность сего рода сочинений, если позволят по заданным рифмам бредить хуже беседных безумцев». «Послание к арзамасцам» обиженного В. Л. Пушкина было принято в «Арзамасе» одобрительно. 18 июня 1822 г. Вяземский писал Тургеневу: «Ты, как Василий Львович; его арзамасские гуси защипали, и он в послании к арзамасцам запел лебедем» (ОА, II, стр. 263). *Просодия* — см. стр. 631. *Я злого Гашпара убил одним стихом.* Гашпар — герой комедии

Шаховского «Расхищенные шубы»; Пушкин именем Гашпара называет самого Шаховского, которого он высмеял в «Опасном соседе». *Дурачить Талию, ругаться Мельпомене.* Шаховской осмеял в комедии «Липецкие воды» В. Жуковского и интриговал против В. Озерова.

Басни

Мирза и соловей (стр. 276). Перевод басни французского поэта Жан-Пьер-Клариса де Флориана (1755—1794) «Le rossignol et le prince». Впервые — Аониды, 1798—1799, кн. 3, стр. 243. Печ. по изд. 1822 г.

Мудрец и филин (стр. 277). Перевод одноименной басни Флориана («Le Philosophe et le Chat-huant»). Впервые — ВЕ, 1802, № 17, стр. 29. Печ. по изд. 1822 г.

Лев и его любимец (стр. 277). Впервые — ВЕ, 1802, № 21, стр. 51. Печ. по изд. 1822 г.

Японец (стр. 278). Впервые — МЗ, 1806, № 2, стр. 47. Печ. по изд. 1822 г.

Вяз и репейник (стр. 279). Перевод басни французского поэта Жан-Жака Буассара (1743—1831) «Le Saule et le Busson». Впервые — ВЕ, 1807, № 20, стр. 279. Печ. по изд. 1822 г. Автограф БЛ (альбом Неелова) с небольшими разночтениями. В одном из своих писем В. Л. Пушкин называет репейником М. Т. Каченовского (см. стр. 675), которого карамзинисты считали врагом Карамзина.

Сурок и щегленок (стр. 279). Впервые — ВЕ, 1808, № 14, стр. 215. Печ. по изд. 1822 г.

Ощипанный петух (стр. 280). Впервые — ВЕ, 1808, № 6, стр. 118. Печ. по изд. 1822 г.

Меркурий и умершие (стр. 281). Перевод басни французского поэта Антуана-Удара Де-ла-Мотта (1672—1731). «Меркурий и тени» («Mercure et les Ombres»). Впервые — «Аглая», 1808, № 4, апрель, стр. 66. Печ. по изд. 1822 г. *Ахиллес* — Ахилл, герой «Илиады» Гомера. *Омер* — Гомер.

Быль («На Лизе молодой богач старик женился. . .») (стр. 282). Впервые — ВЕ, 1808, № 17, стр. 50. Печ. по изд. 1822 г.

Волк и лисица (стр. 283). Впервые — СПВ, 1812, № 1, стр. 58. Печ. по изд. 1822 г. В. Л. Пушкин читал 24 февраля 1817 г. свою басню на заседании Общества любителей российской словесности.

Сычи (стр. 284). Впервые — СПВ, 1812, № 3, стр. 284. Печ. по изд. 1822 г. Под именем «сычей» — поборников невежества — В. Пушкин выводит «беседчиков».

Волк и пастухи (стр. 285). Перевод одноименной басни («Le l'oup et les bergers») французского поэта Жана Лафонтена (1621—1695). Впервые — Труды, 1812, кн. 6, стр. 32. Печ. по изд. 1822 г. *Альбион* — Англия, в которой были совершенно истреблены волки.

Медведь и его гости (стр. 286). Впервые — ВЕ, 1815, № 5 и 6, стр. 33. Печ. по изд. 1822 г.

Богач и бедняк (стр. 286). Впервые — Труды, 1817, кн. 14, стр. 86. Печ. по изд. 1822 г.

Красавица в шестьдесят лет (стр. 287). Вольный перевод эпиграммы Николя-Луи-Франсуа де Нефшато (1750—1828) «L'erreur commune» (см. «Almanach des Muses», 1780, стр. 212). Впервые — изд. 1822 г., стр. 128.

Догадливая жена (стр. 287). Перевод французской эпиграммы Луи-Жозефа Легэ (1759—1830) «L'épouse naïve». Впервые — изд. 1822 г., стр. 129.

Эпиграммы

«Какой-то стихотвор (довольно их у нас!)...» (стр. 288). Вольный перевод французской эпиграммы Роберта Понса из Вердена (1749—1844) «Un rimailleur, dont le nom rime à Claude». Впервые — «Аониды», 1798—1799, кн. 3, стр. 248. Печ. по изд. 1822 г. В. Пушкин в некоторых отношениях отступил от подлинника, заменив «две черные драмы» подлинника двумя одами. Эта эпиграмма В. Пушкина, пожалуй, единственная из всех его эпиграмм не оказалась забытой. Она была использована в эпиграммах Баратынского и А. С. Пушкина. Эпиграмму В. Пушкина вспоминает в 4-й главе «Очерков гоголевского периода» Чернышевский. Звучит она и в 1918 г., конечно, в новом осмыслении. Е. Драбкина пишет о Первых московских военных курсах всеобщего обучения, о счастливцах, достигших восемнадцати лет (на курсы принимали лишь с 18 лет). «Просто сил никаких! — говорили мы между собой. — Через каких-нибудь восемь месяцев тебе должно исполниться семнадцать лет, а всякий, кому не лень, встречает тебя одним и тем же вопросом: «Пятнадцать только лет, не более того?..» (Эту строку из эпиграммы Василия Львовича Пушкина припомнил в одной из своих работ Владимир Ильич, и она была поэтому в большом ходу в партийных кругах)» (Е. Драбкина. Москва, 1918. — «Новый мир», 1958, № 9, стр. 158). В. И. Ленин процитировал слова из эпиграммы В. Пушкина: «Пятнадцать только лет, не более того?» в статье «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности» (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 316). *Эрата* (греч. миф.) — одна из муз, покровительница лирической поэзии.

«Отечеству служить есть первый мой закон...» (стр. 288). Впервые — МЗ, 1806, № 3, стр. 39.

«Змея ужалила Маркела...» (стр. 288). Вольный перевод четверостишия французского писателя Антуана Брюзен де ла

Мартиньера (1662—1749) — «Un gros serpent mordit Aurèle». Впервые — ВЕ, 1808, № 17, стр. 51. Печ. по изд. 1822 г. Вольтер переделал эпиграмму де ла Мартиньера, направив ее против критика Фрерона. Для В. Пушкина имел значение не только первоначальный текст эпиграммы, но и вторичный, в интерпретации Вольтера. В письме к Д. Н. Блудову от 23 мая 1812 г. В. Пушкин называл Фрероном Каченовского (см. стр. 675). Возможно, что эпиграмма направлена против него.

Сравнение санктпетербургской родимой словесности с иноземною (стр. 280). Впервые — ЭиС, т. 1, стр. 63. Печ. по автографу письма В. Пушкина к П. Вяземскому (ЦГАЛИ 3). Обычно эта эпиграмма печаталась под названием «Сравнение французских писателей с русскими» (ЭиС, т. 1; «Карамзин и поэты его времени», Л., 1936), но сам В. Пушкин озаглавил ее иначе. Написана не ранее 1812 г., так как в ней упоминается комедия А. А. Шаховского «Расхищенные шубы», и не позднее января 1816 г., судя по упоминанию И. С. Захарова (см. ниже). Письмо В. Л. Пушкина к Вяземскому, в котором он сообщает эту эпиграмму, не датировано. Эпиграмма характерна для взгляда В. Пушкина на французскую литературу как на образцовую. *Грузинцев* Александр Николаевич (1779—1840-е годы) — поэт и драматический писатель, автор «Петриады» (1812), многих трагедий; его трагедия «Электра» вызвала критику Жуковского. *Висковатов* Степан Иванович (1756—1831) — драматург, член «Беседы». *Шихматов* — см. стр. 643. *Депрео*-Буало — см. стр. 615. *Фонтенель* Бернар (1657—1757) — секретарь французской академии наук, писатель и ученый популяризатор; известностью пользовались его «Похвальные речи» об умерших академиках. *Томас* (1732—1785) — французский писатель, автор академических «Похвальных речей». *Захаров* Иван Семенович (1754—1816) — член «Беседы» и Российской академии, автор «Похвалы Екатерине II» (1802) и «Похвалы женам» (1811). *Фрерон* Эли-Катерин (1719—1776) — французский критик, враг энциклопедистов и Вольтера. *Анастасевич* Василий Григорьевич (1775—1845) — литератор, преимущественно переводчик и библиограф, шишковист. *Юнг* Эдуард (1684—1765) — английский поэт, автор поэмы «Ночи», имевшей большое влияние на распространение «кладбищенских», унылых и мрачных мотивов в сентиментальной поэзии. *Станевич* Евстафий Иванович (1775—1835) — сотрудник изданий Анастасевича, убежденный сторонник взглядов А. Шишкова. *Де-ла-Мотт* — см. стр. 663; критик, поэт, баснописец. *Шолье* — см. стр. 622. *Лафарг* — Шарль-Огюст Лафар (1644—1712), французский писатель. *Хвостов* — см. стр. 613. *Мармонтель* Жан-Франсуа (1723—1799) — французский писатель, автор статей о поэтике в «Энциклопедии» Дидро, популярный в России. *Лагарп* — см. стр. 622. *Шишков* — см. стр. 659. *Сен-Реаль* (1639—1692) — французский историк, автор «Истории заговора испанцев против Венеции». *Веротт* — Верто д'Обер (1655—1735), французский историк. *Гераков* — см. стр. 641.

«Приятель наш Ликаст...» (стр. 289). Впервые — ВЕ, 1814, № 11, стр. 278. Печ. по изд. 1822 г.

«Панкратий, откупщик богатый...» (стр. 289). Впервые — ВЕ, 1814, № 13, стр. 15. Печ. по изд. 1822 г. В автографе БЛ 2 не Панкратий, а Прибытков, в тексте ВЕ — Пиявицын.

«Возможно ли, скажи, чтоб нежная Людмила...» (стр. 289). Впервые — ВЕ, 1814, № 13, стр. 15. Печ. по изд. 1822 г.

«Прославился хозяйством Тит...» (стр. 290). Впервые — Пантеон, 1814, кн. 1, стр. 135. Печ. по изд. 1822 г.

Эпитафия (стр. 290). Впервые — ОА, 1, стр. 49. 15 июня 1816 г. Вяземский сообщал Тургеневу эту эпитафию В. Пушкина на самого себя и приводил свой вариант, в нем 2-й стих читался: «Учился у Тальмы и проучил Шишкова». *Шишков* — см. стр. 659.

«В дороге тягостны ухабы...» (стр. 290). Печ. впервые по автографу ЦГАЛИ 1. Стихотворение на заданные рифмы. Очевидно, одно из «дорожных» стихотворений В. Пушкина (см. стр. 662). *Соколов* — очевидно, не П. И. Соколов, секретарь Российской академии, а «чиновник, избранный в чтецы «Беседы» по звучности своего голоса» (Н. И. Греч. «Северная пчела», 1857, № 108, стр. 510). *Бобров* Семен Сергеевич (конец 1760-х гг. — 1810) — поэт, автор многих сочинений в «описательном» роде. «Легкая» поэзия была чужда Боброву, потому В. Пушкин и говорит: «даже» Бобров.

«Читая Пустодома...» (стр. 290). Печ. впервые по автографу письма В. Пушкина к П. Вяземскому (ЦГАЛИ 3). В. Пушкин писал 24 марта Вяземскому: «Шаховской в Москве, ездит по домам и читает какого-то «Пустодома», новую комедию плодовитой своей музы. Третьего дня он читал ее в доме Андрея Семеновича Кологривова; креслы под огромною тушею Гашпара подломились, он упал вверх ногами, панталоны лопнули... Я на этот случай написал следующую эпиграмму...». Комедия «Пустодомы» была написана в 1819 г. Следовательно, и письмо В. Л. Пушкина, в котором не указан год, относится к 24 марта 1819 г., близким к этому числом датируется и эпиграмма на Шаховского.

«На что мне жизнь? — Лишился я друзей...» (стр. 291). Впервые — изд. 1822 г., стр. 182.

«Гордец Клеон тебя ласкает...» (стр. 291). Впервые — изд. 1822 г., стр. 183.

«Завистливость рождает...» (стр. 291). Впервые — изд. 1822 г., стр. 182.

«Ах, как я рад! Прошу откушать...» (стр. 291). Впервые — ЛМ, на 1827 г., стр. 281. Имеется в виду перевод в 1825 г. трагедии Софокла «Филоктет» И. И. Мартыновым.

«Ты думаешь, что глух брюшистый Ермолай...» (стр. 292). Впервые — ЛМ, на 1827 г., стр. 164.

Ответ на вопрос: «Что за люди дантисты?» (стр. 292). Впервые — Яковлев, стр. 46.

«Злослова, говорят, совсем переменилась...» (стр. 292). Впервые — Яковлев, стр. 110.

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ ВОЕЙКОВ

Дом сумасшедших (стр. 297). Впервые — Сборник, издаваемый студентами... С.-петербургского университета, вып. I. СПб., 1857, стр. 339, где напечатаны 24 строфы со многими пропусками и большею частью без фамилий. В более исправном виде — отдельной брошюрой — «Дом сумасшедших». Лейпциг, 1858. Печ. по автографу ГПБ 4 с небольшими поправками по другим автографам. С определенностью датировать автограф ГПБ нельзя, так как Воейков даже в поздних вариантах поэмы ставил дату первой редакции — 1814 г., чтобы отвести от себя обвинение в «личной сатире». Ряд строф печатаемой редакции был, очевидно, написан в конце 1810-х — начале 1820-х годов. Одним из оснований для датировки служит строфа об А. Измайлове, о которой сам Измайлов писал своему родственнику Яковлеву 23 сентября 1820 г. (ПД 1). Воейков работал над «Домом сумасшедших» всю жизнь, постоянно добавляя в него куплеты. В соответствии со своими добавлениями он переставлял строфы, менял композицию поэмы, переделывал ее. Фактически каждая новая редакция была самостоятельным произведением. Постепенный отказ Воейкова от идеалов своей «либеральной» молодости сказывался и на «Доме сумасшедших». К концу жизни Воейков включил, например, в свой памфлет куплет, направленный против В. Г. Белинского. Существование разных редакций «Дома сумасшедших», большого количества рукописных копий, в том числе авторизованных, создает трудности при выборе текста. Основой должен служить автограф. Принцип сводной редакции, преследующий единственную цель — абсолютную полноту текста, нецелесообразен, так как искусственно соединяет разнородные элементы произведения, создававшиеся в разные периоды. Печатаемая редакция относится к промежуточному периоду работы Воейкова над текстом «Дома сумасшедших». Давать самую первую редакцию поэмы, направленную только против писателей, было бы неправильно, так как значительный интерес представляют не только писательские характеристики, но и сатирические портреты политических и общественных деятелей, которые в первой редакции отсутствуют. Печатаемая редакция дает достаточно полное представление о поэме. Отступление от автографа, по которому напечатан текст, сделано в отношении фамилий: даны подлинные, а не вымышленные. Основанием для этого является то, что в первой редакции все фамилии подлинные. В ГПБ хранится интересный список «Дома сумасшедших» с собственноручными пометами и поправками Воейкова (ГПБ 4), который показывает, что все вымышленные фамилии были поставлены Воейковым значительно позже из цензурных соображений. На этом списке сбоку первого листа есть примечание Воейкова, в котором говорится, что он эту «поэму» никогда никому не давал, но затем следует перечеркнутая Воейковым

фраза, которую все же можно прочесть: «кроме князя П. А. Вяземского, которому он в 1815 году проездом в Дерпт подарил собственноручный список». Боязнью, чтобы его не обвинили в распространении поэмы, объясняются и те поправки, которые Воейков внес в список поэмы. Менее выцветшие чернила, которыми сделаны все поправки Воейкова, свидетельствуют о том, что они сделаны позднее, чем сам список поэмы. На всех местах, где стоят фамилии высмеиваемых лиц, Воейков сделал подчистки, по-видимому перочинным ножом, и вписал на место реальных фамилий вымышленные имена. Все эти подчистки очень явны. В строфе 2-й вместо Кутузова стал Картузов. Воейков подчистил «у» и на место его вписал «ар»; в строфе 5-й подчищена заглавная буква М в фамилии Магницкого и заменена Н; вместо Р в фамилии Рунича поставлено З и т. д. Этот авторизованный список «Дома сумасшедших» учитывается так же, как и основной автограф. Кроме того, имеется в виду и черновой автограф «Дома сумасшедших» (БЛ 3). В нем существуют печатаемые нами 30-я и 31-я строфы, характеризующие Александра I. Свидетельством того, какое значение придавали современники этой смелой характеристике Александра I, служит то, что строфы 30-я и 31-я вошли почти во все списки, сделанные в разное время. Несомненно, что данные строфы были сняты Воейковым в последующем лишь из боязни репрессий. Ввиду их важного идейного значения они включаются в основной текст по автографу Воейкова, хранящемуся в БЛ. В Остафьевском архиве ЦГАЛИ хранятся 2 автографа «Дома сумасшедших», относящиеся к позднему периоду, — один черновой (ЦГАЛИ 4), с пометами П. Вяземского, другой — беловой, который можно датировать 1834 г.; в нем все подлинные фамилии заменены вымышленными. В конце и того и другого автографов Воейков указывает, что поэма сочинена в 1814 г. «дорогою из деревни генерала Паисия Сергеевича Кайсарова к Ивану Иосафовичу Арбеньеву». К печатаемому нами тексту «Дома сумасшедших» Воейков дал «дополнения» и варианты. Это, во-первых, куплеты, направленные против Ивана Ивановича *Козлова* (1779—1840), поэта школы Жуковского. В молодости щеголь, танцор, Козлов в 1816 г. в результате болезни лишился ног, а в 1821 г. ослеп. Очень нуждаясь, Козлов пользовался поддержкой влиятельных лиц. Приводим эти куплеты:

ДОПОЛНЕНИЕ

Вот *Козлов!* — глупец уверен,
    Что с Жуковским равен он,
Низок, пуст, высокомерен
    И в стихи свои влюблен.
Принужденными займами
    У графинь, княгинь, друзей
Сыт и пышен; вот с стихами
    Шлет к *Аладьину* скорей,

Чтоб купил их подороже...
    Продал, деньги получил;
Все расплаты ждут — и что же?
    Он в ломбард их положил.

Дочери... плохое средство,
Недостойное певца.
Детям лучшее наследство
Имя честное отца.

ВАРИАНТЫ

Вот *Козлов!* — его смешнее
Дурака я не видал:
Модный фрак, жабо на шее,
Будто только отплясал
Котильон наш франт убогий,
И, к себе питая страсть,
Метит прямо в полубоги
Или в Пушкины попасть.

Допущу к своей персоне,
Осчастливлю вас, прочтя
Мои стансы о *Байроне.*
Что поэт великий я,
И *Жуковский* в том согласен,
И мадам *Лаваль* сама.
Как он жалок, как несчастен:
Слеп, без ног и без ума!

После строф о Козлове Воейков в автографе ГПБ 4 дает несколько строф о «Женском отделении» «Дома сумасшедших».

ЖЕНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Вот *Шишкова!* Кто не слышал?
В женской юбке гренадер!
За нее-то замуж вышел
Наш столетний *Старовер;*
На старушке ток атласный
В лентах, перьях и цветах;
В желтом платье, пояс красный,
И в пунцовых башмаках.

Причт попов и полк гусаров,
Князь *Кутузов,* князь *Репнин,*
Римский-Корсаков, Кайсаров,
И *Огарков,* и *Свечин,* —
Все валитесь хлюстом — сердце
Преширокое у ней,
Да и в старике-младенце
Клад — не муж достался ей!

Вот *Темира!* Вкруг разбросан
Перьев пук, тряпиц, газет;
Ангел дьяволом причесан
И чертовкою одет.

Карлица и великанша,
    Смесь юродства, красоты;
По талантам — генеральша,
    По причудам — прачка ты.

Вот картежница *Хвостова*
    И табачница к тому ж!
Кто тошней один другого,
    Гаже кто — жена иль муж?
Оба — притча во языцах;
    Он под масть к ней угодил,
Козырную кралю в лицах
    Хлап бубновый полонил.

Вслед за «Женским отделением» следуют на листах другого формата строфы о Полевом, Соколове, Свиньине и Строеве.

Вот в порожней бочке винной
    Целовальник Полевой,
Беспорточный[1] и бесчинный![2]
    Сталось что с его башкой?
«Спесь с корыстью в ней столкнулись,
    И от натиска сего
Вверх ногами повернулись
    Ум и сердце у него.

Самохвал, завистник жалкий,
    Надувало ремеслом;
Битый Рюриковой палкой
    И санскритским батожьем;
Подл, как раб, надут, как барин,
    Он, чтоб вкратце кончить речь:
Благороден, как Б<улгар>ин,
    Бескорыстен так, как Г<реч>!»

Вот он с харей фарисейской
    Петр Иваныч Осударь:
Академии Расейской
    Сто два года секретарь.
Ничего не сочиняет,
    Ничего не издает;
Три оклада получает
    И столовые берет.

На дворе Академии
    Гряд капусты накопал,
Не приют певцам России,
    Он лабаз для дёхтю склал.

---

[1] Sans-culotte.

[2] Поелику он не имеет чина.

В Академиях бывают
    Мерины, бывали встарь;
В нашей двое заседают:
    Президент и секретарь.

Вот чужих статей писатель
    И маляр чужих картин,
Книг безграмотных издатель,
    Северный орел — Свиньин.
Он фальшивою монетой
    Целый век перебивал
И, оплеванный всем светом,
    На цепи приют сыскал.

Что там за щенок у входа
    Весь дрожит, поджавши хвост?
Как безжалостно природа
    Окорнала его рост!
Как портными окорочен
    Фрак единственный на нем!
Трус, как прячет от пощечин
    Сухощавый лик свой он...

Луковка торчит в кармане,
    Оттопырясь, как часы;
Стекла битые в кафтане
    И обгрызок колбасы.
Кто б из пишущих героев
    Мог таким быть мозгляком?
Только бес — В<ладими>р С<троев>,
    Гречев левый глаз с бельмом...

Приводим основные варианты из автографов и списков, хранящихся в ЦГАЛИ:

Строфа 7, стихи 5—12:

Благотворный бы составил
    Инквизиции проект,
В масле бы варить заставил
    Философов разных сект.
Так изжаренного — съел бы
    И родного я отца...
Что ми дасте? Я поддел бы
    Или продал вам творца.

Строфа 9, стихи 5—8:

Вижу бесов предо мною,
    Как Содом, в грехах весь свет,

И всему Невтон виною
И проклятый Архимед!

Или:

Локк запутал ум наш в сети,
Геллерт (Галлер) сердце обольстил;
Кантом бредят даже дети,
Дрекслер (Дженнер) нравы развратил!

Строфа 15, стих 2:

Как палач умов здесь тих!

Строфа 34:

Вот наш Греч: рукой нескромной
Целых полгода без сна,
Из тетрадищи огромной
Моряка Головнина
Он страницы выдирает
И — отъявленный нахал —
В уголку иглой вшивает
Их в *недельный* свой журнал.

Строфа 41, стихи 1—4:

Тот Воейков, что Делиля
Столь безбожно исказил;
Истерзать хотел «Эмиля»
И Вергилию грозил.

Приводим строфы, отсутствующие в автографе ГПБ, но имеющиеся в автографах ЦГАЛИ и в некоторых списках.

Вот Сенковский — «сей и оный»:
Гадок, страшен, черен, ряб.
Он — поляк низкопоклонный,
Силы, знати, денег — раб.
Подлость, наглость, самохвальство
Совместил себе в позор;
Полевого в нем нахальство
И Белинского задор.

То исполнен низкой лести,
То ругает без конца;
Нет ни совести, ни чести
У барона-подлеца.
Что без пользы тарабарить?
Не зажать словами рта;
Лучше шельму приударить
В три действительных кнута.

Вот Перовский. Беспрестанно
Он коверкает лицо —
Кошкой, волком, обезьяной;
То свернется весь в кольцо,
То у сильных ноги лижет,
То бессильных гонит вон;
То гроши на нитку нижет,
То бренчит на счетах он!

Вот он — Пушкина убийца,
Легкомысленный француз,
Развращенный кровопийца, —
Огорчил святую Русь;
Схоронил наш клад заветный,
В землю скрыл талант певца,
Вырвал камень самоцветный
Он из царского венца!

В черновом автографе ранней редакции поэмы (БЛ) место Н. М. Карамзина (строфа 4, стихи 5—8) занимает Ф. Ф. Кокошкин (см. стр. 661).

О Кокошкин! долг романам
И тобою заплачён;
Но сказав «прости» обманам,
Ты давно уж стал умен.

В строфе 5 после стиха 4: «Бешеных глупцов вхожу» в ранних редакциях «Дома сумасшедших» имеются следующие 4 стиха:

Тут один желает трона,
А другой — владеть луной, —
И портрет Наполеона
Намалеван, как живой!

В дальнейшем Воейков убрал эти стихи, очевидно потому, что после победы над Наполеоном коалиции держав эти строки уже не были злободневны и не отражали исторической действительности.

Первые черновые наброски «Дома сумасшедших», возможно, относятся еще к началу 1810-х годов. 9 августа 1812 г. Батюшков пишет Дашкову: «Я и сам на днях отправляюсь в Москву... Еще раз пожалейте обо мне; я увижу и Каченовского, и Мерзлякова, и весь Парнас, весь сумасшедший дом, кроме нашего милого, доброго и любезного Василия Львовича...» (Сочинения К. Н. Батюшкова, т. 3. СПб., 1886, стр. 198—199). Это письмо Батюшкова свидетельствует о том, что уже в 1812 г., по-видимому, существовали наброски поэмы Воейкова. И Каченовский, и Мерзляков попали в «Дом сумасшедших», в самый первый вариант, и Василий Львович Пушкин сначала тоже там находился, но потом на его место был помещен Хвостов. *Кутузов* — Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829), поэт-шишковист, сенатор и попечитель Московского университета; был известен злобными доносами на Карамзина, кото-

рого обвинял в вольнодумстве. *Глинка* Сергей Николаевич (1775—1847) — автор патриотических драм на сюжеты из русской истории, издатель журнала «Русский вестник». В автографе «Дома сумасшедших» Воейков дает примечание о Глинке: «Сергей Николаевич, самый плохой рифмач. Брат его Федор Николаевич, отличный поэт, хороший прозаик и честный человек» (ЦГАЛИ 4). *Мерзляков* Алексей Федорович (1778—1830) — поэт, в молодости дружил с Воейковым, входил вместе с ним в дружеское литературное общество, членами которого были и братья Тургеневы. Мерзляков писал в одном из своих писем к А. Тургеневу: «Сегодня или завтра переезжаю к Воейкову... Думаю, что жить будет хорошо. Воейков живет весело; есть излишки в веселье; но он дал мне полную власть над собою. Я принял это на себя без робости. Я размыслил: кто надеется со временем управлять ретивым, пылким и упрямым конем Парнаса, тот может управлять и Воейковым! У Воейкова завелось много приятелей; мне хочется одному заменить их всех...» (РА, 1866, стр. 647). *«Амур»* — пространная поэма Мерзлякова «Амур в первые минуты разлуки с Душенькою», которую высмеял еще Батюшков в «Видении на брегах Леты», сказав в примечании, что у Мерзлякова «Амур в стихах его на сорока страницах плачет». *Чрез Обухов мост* и т. д. Дом сумасшедших в 1814 г. помещался на Фонтанке близ Обухова моста и был выкрашен желтой краской. *Карамзин, Тит-Ливий русский!* и т. д. Ливий Тит (59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк. Воейков имеет в виду занятия Карамзина русской историей. Под «проказами прошедшими» Карамзина Воейков подразумевает сентиментальные повести о несчастной любви (как, например, «Бедная Лиза»), которые Карамзин писал в молодости. *Шаликов* кн. Петр Иванович (1768—1852) — поэт и журналист, эпигон Карамзина, доведший «чувствительность» до абсурда, объект бесконечных сатирических нападок. *Магницкий* Михаил Леонтьевич (1778—1855) — реакционер, ханжа, гаситель русского просвещения, начинавший свою карьеру как сотрудник либерального М. М. Сперанского. В 1820-х годах, поступив на службу в Министерство народного просвещения, перешел в лагерь открытой реакции. С именем Магницкого связано преследование передовых профессоров Казанского университета. 4 января 1826 г. А. Измайлов писал Яковлеву: «Говорят, будто уж подписан приказ об отставке Магницкого. Если нужна смертная казнь, то для таких извергов, как он. Привязал бы его к лошадиному хвосту и размыкал бы по чистому полю» (ПД 1). *Кавалерских* и т. д. Кавалер — пожалованный орденом. Намек на карьеризм Магницкого. *Список всех аренд.* Магницкий, получая очень большое жалованье по должности попечителя Казанского учебного округа, 12 000 руб. (в то время как другие попечители — 3600), получил, помимо этого, в аренду 6000 десятин в Саратовской губернии. *Мартинист* — масон или франкмасон, член религиозно-философского общества, основанного Сен-Мартеном. *Рунич* Дмитрий Павлович (1779—1860) — один из единомышленников Магницкого, с 1821 г. попечитель Петербургского учебного округа, организатор преследования передовых профессоров Петербургского университета: Галича, Арсеньева, Раупаха, Германа. *Невтон* — Ньютон. *Боссюэт* (см. стр. 659) отличался веротерпимостью. *Омар* (592—644) — второй му-

сульманский калиф, был суров в обращении с мусульманами; завоевал Сирию и Палестину; по преданию, уничтожил знаменитую библиотеку при взятии Александрии. *Попов* Василий Михайлович (1771—1842) — директор Департамента народного просвещения, деятель Библейского общества, также единомышленник Магницкого В мае 1838 г. за участие в мистической секте Татариновой был сослан в Казань, в монастырь, где и умер. *Кавелин* Дмитрий Александрович (1778—1851) — ректор Петербургского университета с 1819 г.; был членом «Арзамаса» (назывался «Пустынником»). Его сотрудничество с Магницким вызвало негодование в среде его бывших друзей. В 1821 г. Кавелин участвовал в суде над либеральными профессорами Петербургского университета. *Ширинский*-Шихматов Платон Александрович (1790—1853) — брат поэта С. А. Шихматова, служил по ведомству народного просвещения Вместе с А. С. Шишковым выработал так называемый «чугунный» устав для цензоров (1826—1828). *Красовский* Александр Иванович (1776—1857) — цензор; ханжа, угодливо пресмыкавшийся перед высшими, он с тупым рвением выполнял свои обязанности и оставил по себе печальную славу мелочными придирками к отдельным фразам и словам, в которых он усматривал что-либо «богохульное» и «безнравственное». В элегии Мильвуа «Падение листьев» (перевод Туманского), посвященной теме прощания умирающего юноши с жизнью, Красовский вычеркнул все стихи, касающиеся девы, любимой юношей, и написал: «9 марта 1823, т. е. в один из первых дней великого поста, весьма неприлично писать о любви девы, неизвестно какой, когда говорят о материнской любви и о смерти. При этом «Сын отечества» читают люди степенные и даже духовные» (А. С. Скабичевский. Очерки истории русской цензуры. СПб., 1892, стр. 198). Красовский преследовал писателей, в частности П. А. Вяземского, и за «личности». *Аракчеева обноски.* По-видимому, имеются в виду граф Петр Андреевич Клейнмихель (1793—1868), адъютант Аракчеева и начальник военных поселений, и генерал Канцевич, основатель новгородских военных поселений. *Каченовский* Михаил Трофимович (1775—1842) — критик. *Букву Э* и т. д. Каченовский считал букву «э» бесполезной, предлагал писать, например, вместо эстетический — естетический. *Лики* — здесь: ликованием (древн. форма твор. пад. от «лики»). *Крюк* — старинный церковный нотный знак. *Кавыка* — крючковатый значок в письме, запятая. *Обнюхивая гниль.* Воейков высмеивает архивные вкусы Каченовского. *В ярко-планжевых* и т. д. Бланжевый, планшевый цвет — телесный. М. А. Дмитриев писал о Шаликове: «Он был странен и в одежде: летом всегда носил розовый, голубой или бланжевый платок на шее». *Размазню без масла ест.* Шаликов был беден. Вяземский писал о Шаликове:

На шее с розовым платком,
В кармане с парой мадригалов
И чуть звенящим кошельком...

Истый Глинка. Опять имеется в виду С. Н. Глинка. Воейков высмеивает его русофильство, приобретавшее порой казенно-официозный оттенок. 3-й стих этой строфы (21-й) о Глинке печатался: «Незакупорен стоит», но в автографах Воейкова отчетливо написано:

«Не откупорен». *Книга Кормчая* — сборник правил церковного устройства и государственных узаконений по церковным вопросам, — принятая из Византии, служила в России руководством к церковной деятельности. *Десная* — правая рука, сторона. *«Андромаха»* (1667) — трагедия Жана-Батиста Расина (1639—1699). *В Буало я смысл добавил.* Хвостов перевел «Поэтическое искусство» Буало. *Лафонтена я убил.* Воейков имеет в виду переводы басен Лафонтена (см. стр. 660) Хвостовым. *Расина перепpaвил.* Воейков подразумевает «Андромаху» Расина в переводе Д. Хвостова (1794). В свое время перевод имел успех, выдержал 5 изданий. *И читать мне начал оду.* Д. И. Хвостов очень любил всем читать свои произведения, и по этому поводу сохранилось много забавных анекдотов. Существует ранний вариант этой строфы:

Я достоин быть повешен —
Он в слезах мне говорит —
Каюся, я много грешен,
Ах! и я... и я пиит!

Это насмешка над В. Л. Пушкиным, которому принадлежит стих: «И я... и я пиит!». *Фита* — 34-я буква русской азбуки, редко употреблялась, писалась в греческих словах вместо Ф. Воейков издевается над приверженностью А. С. Шишкова к старине. *Кси* — название 41-й буквы церковной азбуки. *Пси* — 40-я буква церковной азбуки. *Шишков* — см. стр. 659. *Сладковский* Роман — поэт-одописец, его героическая поэма «Петр Великий» вышла в 1803 г.; в СВ, 1804, № 3, была помещена резко отрицательная рецензия на поэму, принадлежащая, по-видимому, А. Писареву. Куплет, посвященный Воейковым Сладковскому, «представляет собой весьма удачную контаминацию из отдельных стихов поэмы Сладковского... уснащенную бесчисленными „се"» (Вл. Орлов, ЭиС, стр. 543). *Вот Кутузов! — Он зубами* и т. д. Имеются в виду доносы П. Кутузова на Карамзина. Еще при Павле I, когда Кутузов был куратором университета, он стал обвинять Карамзина в якобинстве. Став попечителем Московского округа, Кутузов в августе 1810 г. написал донос на Карамзина министру народного просвещения гр. Разумовскому, в котором писал, между прочим: «Не могу равнодушно глядеть на распространяющееся у нас уважение к сочинениям г. Карамзина; вы знаете, что оные исполнены вольнодумческого и якобинского яда». *Станевич* Евстафий Иванович (1775—1835) — последователь Шишкова, член «Беседы», поклонник Юнга. *Злому критику отмстите* — в ВЕ, 1806, № 2, январь, стр. 119, была напечатана разгромная рецензия Каченовского на «Собрание сочинений в стихах и в прозе Евстафия Станевича. Книжка первая. В Санктпетербурге 1805». Каченовский подверг убийственной и совершенно справедливой критике стихотворения Станевича «Слезы» и «Черви и стихотворец», в котором встречается выражение «а черви скачут». Станевич назван Воейковым «отцом червей» в связи со стихотворением «Черви и стихотворец», а может быть, и в связи с общим мрачным характером его поэзии. «Злым критиком» по отношению к Станевичу был не только Каченовский, но и Воейков, осмеявший в своей статье «Мнение беспристрастного о способе рассматривать книги» (ВЕ, 1808, № 18) брошюру Станевича «Способ рассматривать

книги и судить о них». *Смиряет смутный мир.* Намек на организацию по предложению Александра I реакционного «Священного союза» — России, Австрии и Пруссии — с целью подавления национально-освободительного движения, народных восстаний. *От царей отводит тучу.* Подразумевается деятельность Александра I, выступавшего в роли международного жандарма, объединявшего все силы европейской реакции в борьбе с революционным движением (в Италии, Испании). *Ссылает в ссылку зло.* Воейков намекает и на сосланного по ложным обвинениям еще в середине 1812 г. видного государственного деятеля М. М. Сперанского (1772—1839), быть может имеет в виду и самого себя, так как ему в 1814 г., в связи с «Домом сумасшедших», грозила ссылка. Кроме того, он подразумевает общий дух нетерпимости и гонений на все, что казалось «безбожием» и «вольнодумством», воцарившийся после окончания Отечественной войны. В связи с этим участились и случаи несправедливых высылок. *Крошка-Батюшков висит.* «Батюшкова между собою прозывали мы и попенькою, — пишет Вяземский, — потому что в лице его, а особенно в носу, было что-то птичье. Поэтому и Воейков в «Доме сумасшедших» посадил его *в клетку»* (РА, 1866, стр. 490). Воейков пародирует четверостишие Батюшкова из «Счастливца» (1810):

Сердце наше — кладезь мрачный;
Тих, спокоен сверху вид,
Но спустись ко дну... ужасный
Крокодил на нем лежит!

Измайлов — см. стр. 323. Воейков имеет в виду главным образом басню А. Е. Измайлова — «Пьяница» об отставном квартальном Пьянюшкине. А. Измайлов чрезвычайно обиделся на Воейкова за то, что он назвал его писателем «не для дам», и с тех пор почти все свои стихи, которые он вписывал в альбомы своих знакомых, подписывал: «Писатель для мужчин и дам». *Греч* Николай Иванович (1787—1867) — журналист, критик; в 1820—1821 гг. Воейков вместе с ним издавал журнал «Сын отечества», но вскоре из-за денежных отношений Воейков и Греч стали врагами. Греч «отомстил» Воейкову тем, что в «Записках о моей жизни» дал ему резко отрицательную характеристику. *Из чужих лоскутьев сшит.* Воейков имеет в виду, что чужие литературные материалы занимали в журнале Греча видное место (см. вариант, стр. 672), и вообще его оборотливость как литературного предпринимателя. *Булгарин* Фаддей Венедиктович (1789—1859) — одиозная фигура в русской литературе, агент III Отделения, издатель «Северной пчелы», романист. *С саблей в петле.* За службу в русской армии Булгарин получил орден Анны IV степени, который прикреплялся к сабле, или вместо него носилась маленькая сабля в петличке. *Французский крест.* Булгарин служил и во французской армии и получил за эту службу орден Почетного Легиона. Он «часто носил и Легион, и маленькую саблю в петлице» (А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. 1. М., 1912, стр. 101). Воейков и Булгарин вели на страницах издаваемых ими журналов постоянную полемику, принимавшую порой неблаговидный характер. Литературная грызня Булгарина, Греча, Воейкова

доставляла громадное удовольствие вел. кн. Михаилу, но Николай I однажды все же посадил Булгарина и Воейкова на сутки на гауптвахту за их скандальную полемику. *Каразин* Василий Назарович (1773—1842) — очень противоречивая личность. Деятель русского Просвещения, основатель Харьковского университета, он вместе с тем совершал и поступки, характеризовавшие его как реакционера: писал доносы о деятельности Вольного общества любителей российской словесности, об эпиграммах А. С. Пушкина, послал графу Кочубею стихотворение В. К. Кюхельбекера «Поэты», в котором последний выступил в защиту А. С. Пушкина, отправленного в ссылку, и т. п *Законодатель.* В 1801 г. Каразин послал Александру I письмо, в котором призывал императора дать России «непреложные законы», в 1808 г. написал проект «О невмешательстве в дела Европы»; с другой стороны, он же создал проект реакционного «Статистического комитета» с задачей иметь «неукоснительный присмотр за всеми, так называемыми вольными, явными и тайными обществами...» Есть свидетельство (в воспоминаниях Бурнашева), что данная строфа относится не к Каразину, а к Карамзину. Исследователи относились к этой версии отрицательно. Вместе с тем она находит свое подтверждение в неопубликованной переписке А. Измайлова. А. Измайлов писал Яковлеву 23 сентября 1820 г.: «Недавно попались мне три вновь прибавленные Воейковым куплета к известной его пиесе «Дом сумасшедших». В 1-м говорит он о Грече, во втором обо мне, а в 3-м о Карамзине. На меня напал он за Пьянюшкина; клевещет, будто я с Музою хожу в трактир, будто ем лук с сельдями, будто дамы меня не читают и пр. и пр. Ах он, собака! Добро, дам я ему себя знать» (ПД 1). Это указание Измайлова дает возможность говорить о том, что строфу о Каразине, возможно, Воейков относил иногда и к Карамзину. В автографах ЦГАЛИ написание фамилии в этой строфе неразборчиво. Характеристика «филантроп» (в другом варианте — «земледел») настолько обща, что может быть отнесена и к Карамзину. У Бурнашева говорится, что Воейков якобы за что-то «рассердился» на Карамзина и потому написал куплет, направленный против него. Карамзин, защитник принципа самодержавия и вместе с тем «республиканец» в душе, о чем он сам говорил, вполне мог быть, как и Каразин, обвинен Воейковым в «хамелеонстве». *Грузинцев* — см. стр. 665. *И в сандалиях.* Намек на подражания Грузинцева греческим трагикам. *Софокловы творенья.* В предисловии к трагедии Грузинцева «Электра и Орест» было сказано, очевидно с ведома автора, что это «первая совершенно греческая трагедия, появившаяся на российском театре... творение его (Грузинцева. — *Г. Е.*) весьма подходит к трагедии Софокловой». Жуковский же доказал в своей рецензии, что Грузинцев следовал не Софоклу, а Вольтеру, «из которого переводил целые явления». *Невзоров* Максим Иванович (1762—1827) — писатель, издатель журнала «Друг юношества» (1807—1815); друг Н. И. Новикова, масон, побывавший на допросе у палача Шешковского и в больнице для умалишенных, куда царское правительство имело обыкновение отправлять неугодных лиц. Невзоров не был реакционным деятелем. Карамзинисты издевались над ним потому, что в его журнале большое внимание уделялось религии, поэтому Воейков и пишет: «Христианский журнал». Но ре-

лигиозным человеком был и Новиков, и, наряду с тем, что Невзоров защищал религию и нападал на Вольтера, именно в журнале Невзорова были яркие и смелые выступления против крепостного права. В вариантах упоминаются следующие лица и обстоятельства. *Козлов* Иван Иванович (1779—1840) — известный поэт школы Жуковского. *Аладьин* — книгоиздатель. *Байрон*. Творчество Байрона оказало влияние на Козлова. *Лаваль*. Насмешка над преклонением Козлова перед знатью. Граф Лаваль (1761—1846), французский эмигрант, был женат на богачке Козицкой, их салон был одним из самых посещаемых в Петербурге. *Шишкова* — вторая жена А. С. Шишкова, Юлия Осиповна Лобаржевская. *Столетний Старовер*. Шишков женился вторично семидесяти лет, Лобаржевской было тогда сорок пять. *Причт попов и полк гусаров*. «Новая супруга, — пишет С. Т. Аксаков, — наводнила его дом людьми совсем другого рода, чем прежде, и я не мог равнодушно видеть достопочтенного Шишкова посреди разных усачей, самонадеянных и заносчивых, болтавших всякий вздор...» (С. Т. Аксаков. Собрание сочинений, т. 3. М., 1955, стр. 309). *Князь Репнин* — возможно, Репнин-Волконский Николай Григорьевич (1778—1845), генерал от кавалерии, член Государственного совета. А. С. Шишков был знаком с ним и с его женой. *Кайсаров* Петр Сергеевич (1777—1854) — сенатор, в 1811—1828 гг. обер-прокурор в Сенате, с 1828 г. директор департамента разных податей и сборов. *Свечин*. Возможно, имеется в виду Никанор Михайлович Свечин (род. 1772), генерал-лейтенант. Не исключено, однако, что Воейков подразумевал другого Свечина — Павла Александровича, поэта, автора лирической песни «Дань величию России» (1816), «Современной поэмы» (1827—1828), оды «Победа на Востоке» (1828) и др. *Темира* — Татьяна Васильевна Вейдемейер, любительница литературы. Она сама просила Воейкова поместить ее в «Дом сумасшедших» и была довольна данной характеристикой. *Хвостова* — жена Д. И. Хвостова, Аграфена Ивановна (ум. 1843). *Целовальник Полевой* — Николай Алексеевич Полевой (1796—1846), редактор «Московского телеграфа». В тетради М. Н. Лонгинова есть запись о том, как Воейков написал куплеты про Полевого: «Он говорил: „долго не мог я написать ничего хорошего про Полевого; что ни напишу, все слабо. Наконец, видно, свыше сошло вдохновение. В ночь на светлое воскресение все домашние ушли к заутрене; я остался один дома, больной. Раздался благовест, и я вдруг сочинил портрет Полевого"» (ПД). Целовальник — намек на купеческое происхождение Полевого, он держал винный завод. *Битый Рюриковой палкой и санскритским батожьем* — намеки на неуспех «Истории русского народа» Полевого и на его занятие санскритологией. Кроме этого, подразумевается и другое обстоятельство. При журнале «Московский телеграф», в отделе «Новый живописец», в 1830 г. Н. Полевой напечатал сатирический фельетон «Утро в кабинете знатного барина». Начальство пришло к выводу, что, изображая знатного барина, дряхлого старика, сибарита и сластолюбца князя Беззубого, Полевой имел в виду влиятельного московского вельможу — князя Н. Б. Юсупова. Цензор С. Н. Глинка за пропуск этого фельетона был по высочайшему повелению уволен от должности, а по Москве распространился слух, будто бы Юсупов приказал своим лакеям отколотить Полевого. А. Ф. Воейков под-

хватил эту сплетню и поместил в «Славянине» несколько издевательских заметок, направленных против Н. Полевого (см. «Славянин», 1830, № 16, стр. 334; № 18, стр. 475—481 и № 19, стр. 85—87). *Петр Иваныч Осударь* — Петр Иванович Соколов (1766—1835), непременный секретарь Российской академии (1802—1835), «осударь» было его любимым обращением. *Президент* — А. С. Шишков (см. стр. 659). *Строев* Владимир Михайлович (1812—1862) — фельетонист «Северной пчелы». *Невтон* — Ньютон. *Локк* Джон (1632—1704) — английский философ. *Геллерт* Христиан (1715—1769) — швейцарский естествоиспытатель и поэт. *Кант* — см. стр. 648. *Дрекслер* — вероятно, книгоиздатель. *Дженнер* Эдуард (1749—1823) — английский врач, открывший противооспенную вакцину. *Моряка Головнина* и т. д. «Путешествие вокруг света флота капитана Головнина» Н. Греч печатал в 1820 г. в СО. *Делиль* — см. стр. 660; *«Эмиль»* — роман Жан-Жака Руссо (1712—1778). *Вергилий* — см. стр. 634; в этой строфе Воейков иронически оценивает свои переводы. *Сенковский* Осип Иванович (1800—1858) — профессор Петербургского университета по кафедре восточных языков, редактор «Библиотеки для чтения», писатель (псевдоним: «барон Брамбеус»). В своих критических оценках он проявлял порою беспринципность и допускал грубые насмешки. *Сей и оный* — указание на поднятую Сенковским вокруг этих слов полемику в ряде статей; Гоголь писал по этому поводу, что Сенковский «завязал целое дело о двух местоимениях, «сей» и «оный», которые показались ему... неуместными в русском слоге. Об этих местоимениях писаны были им целые трактаты, и статьи его, рассуждавшие о каком бы то ни было предмете, всегда оканчивались тем, что местоимения «сей» и «оный» совершенно неприличны» («О движении журнальной литературы...», Современник, 1836, № 1, стр. 200). *Перовский* Алексей Алексеевич (1787—1836) — писатель, выступал под псевдонимом «Антон Погорельский». На его творчестве сказалось некоторое влияние фантастики немецкого писателя-романтика Гофмана. *Он коверкает лицо.* Очевидно, обвинение Погорельского в литературном кривлянье. *Кошка.* Черный кот — герой рассказа Погорельского «Лафертовская маковница». *Обезьяна* действует в рассказе «Путешествие в дилижансе». А. С. Пушкину очень нравился кот из рассказа Погорельского, а П. Вяземский на автографе «Дома сумасшедших» (ОА, ЦГАЛИ) против строфы о Погорельском написал: «Глупые стихи на Алексея Перовского». *Свиньин* Павел Петрович (1788—1839) — журналист, писатель, с 1818 г. начал издавать ОЗ, в журнале были напечатаны ценные документы, интересные записки, но с серьезными научными промахами. Сам Свиньин охотно примешивал к правде вымыслы.

С а т и р а к С<п е р а н с к о м у> о б и с т и н н о м б л а г о р о д с т в е (стр. 309). Впервые — ВЕ, 1806, № 19, стр. 195. Подражание 5-й сатире Буало. *Великий человек, хотя не дворянин.* Михаил Михайлович *Сперанский* (см. стр. 677) был сыном священника. Благодаря своим незаурядным способностям быстро выдвинулся и с 1808 г. стал доверенным лицом Александра I по вопросам внутренней политики, составил в 1809 г. по поручению царя «План государственного преобразования». Сперанский пытался приспособить самодержавный строй к развивавшимся в России капиталистическим

отношениям, наметил ряд мероприятий, в результате которых должно было быть постепенно отменено крепостное право. Проект Сперанского отражал интересы либеральной части русского дворянства. Впоследствии, в результате наметившегося перехода царизма к реакционной политике, Александр I в марте 1812 г. отстранил Сперанского, которого ненавидели реакционные круги дворянства, от государственной службы и отправил в ссылку. *Миних* гр. Бурхард-Христофор (1683—1767) — русский государственный деятель и полководец, в 1738—1739 гг. был главнокомандующим, во время похода против турок взял Очаков-Хотин. *С Суворовым* и т. д. В 1794 г. Суворову было поручено П. А. Румянцевым главное командование отрядами царских войск при подавлении польского освободительного восстания. 24 октября 1794 г. войска Суворова штурмом взяли Прагу — предместье Варшавы, Варшава сдалась. *Алфан* — конь короля Градасса из рыцарской поэмы-романа итальянского поэта Лодовико Ариосто (1474—1533) «Неистовый Роланд». *Баярд* — имя доблестного скакуна, принадлежавшего четырем рыцарям, сыновьям Эмона, арденнского принца. Согласно легенде, на которой основана старинная французская героическая поэма XIII в., сыновья Эмона были много раз обязаны своим спасением и жизнью Баярду, подаренному им феей Орландой. *Румянцев* Петр Александрович (1725—1796) — фельдмаршал, в русско-турецкую войну одержавший блестящие победы. *Орлов* — вероятно, граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (1737—1807), истребивший под Чесмою турецкий флот во время войны 1768—1774 гг. *Князь Репнин* Николай Васильевич (1734—1801) — генерал, был послом в Польше, где удачно действовал в пользу России; участвовал в обеих турецких войнах Екатерины II. *Долгоруков* Яков Федорович (1659—1720) — любимец Петра I, сенатор, говоривший «истину» царю; его имя стало символом прямоты и неподкупности. *Еропкин* Петр Дмитриевич (1724—1805) — московский генерал-губернатор, усмиритель бунта в Москве во время чумы 1771 г.; отказался от предложенных в награду 4000 душ крестьян. *Шувалов* Иван Иванович (1727—1797) — государственный деятель, меценат, основавший вместе с М. В. Ломоносовым Московский университет, куратор университета и академии. *Муравьев* Михаил Никитич (1757—1807) — поэт-сентименталист, общественный деятель; с 1803 г. товарищ министра народного просвещения и попечитель Московского университета. *Херасков наш Гомер* и т. д. Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807) воспел *древни брани* в своей эпической поэме «Россияда», содержание которой — взятие Иваном IV Казани (1552). Сравнение с Гомером, творцом эпопей «Илиада» и «Одиссея», основано на тяготении Хераскова к монументальным жанрам. Херасков воспел победу русского оружия также в описательно-героической поэме «Чесменский бой», посвященной знаменитой победе русского флота в Чесменской бухте во время первой турецкой войны. *Лаисы.* Лаиса — ставшее нарицательным имя двух греческих гетер: Старшей, жившей во время Пелопоннесской войны, и Младшей, любовницы Алкивиада, а впоследствии Гиппократа. *Из бедного слуги* и т. д. Меньшиков Александр Данилович (1670—1729), фаворит Петра I, в молодости пирожник, потом денщик, в 1706 г. разбил шведов при Калише, а в Полтавской битве был одним из главных генералов. *Лакеев*

отличать ливрейными цветами И с ног до головы обшить их галунами. Страсть к содержанию огромной дворни, ко всяким внешним отличиям была присуща большинству дворянства конца XVIII — начала XIX в. Князь Голицын, например, покупал на рынке для крепостных девушек поношенные атласные и бархатные платья и обшивал их галунами. *Вослед за Сюллием, за Кольбером ступай.* Герцог Сюлли Максимильян де Бейлон (1560—1641) — знаменитый французский государственный деятель, при Генрихе IV ввел ряд финансовых реформ и улучшил положение государственного хозяйства. Кольбер Жан-Батист (1619—1683) — деятельный министр финансов Людовика XIV.

К Дашкову (стр. 312). Впервые — С, 1857, № 3, стр. 86. Печ. по списку Вяземского (ЦГАЛИ 5). *Дашков, хранитель добрый вкуса.* Воейков имеет в виду остроумную, блестящую по форме защиту Д. В. Дашковым (см. стр. 660) в 1810 и 1811 гг. Карамзина от нападок на него А. С. Шишкова. В 1808 г. Шишков выпустил отдельным изданием «Перевод двух статей из Лагарпа» с примечаниями, в которых напал на Карамзина и его сторонников. Дашков ответил Шишкову «Разбором» («Цветник», 1810, № 11 и 12); Шишков возразил Дашкову в «Присовокуплении» к «Рассуждению о красноречии священного писания». В 1811 г. Дашков издал брошюру «О легчайшем способе отвечать на критики». Как писал М. А. Дмитриев: «Небольшая книжка Дашкова доставила ему между беспристрастными литераторами большую славу» («Мелочи из запаса моей памяти». М., 1869, стр. 80). *Когда нелепый Мерзляков тебе давал свои уроки.* А. Ф. Мерзляков (см. стр. 674) был профессором Московского университета, Д. В. Дашков был воспитанником Московского университетского благородного пансиона. *Хвала тебе, надзвезднопарный.* Этот стих отсутствует в печатных текстах и в ряде рукописных списков послания, но есть в списке Вяземского. *Милонов послан сатаною.* Имеется в виду «К Луказию» (Сатира вторая) М. В. Милонова (см. стр. 477), напечатанная в 1812 г., где Милонов вывел Дашкова под именем Злослова. *Страшнейший мчится неприятель* — т. е. А. С. Шишков (см. выше). *Фитами, семо и овамо.* Фита — 34-я буква русской азбуки, семо и овамо — на церковнославянском языке «здесь» и «там»; высмеивается пристрастие Шишкова к языковой архаике. *Пси* — церковная буква, вышедшая из употребления. *Кавыка* — см. стр. 675. *Десная* — десница, правая рука. *Книга Кормчая* — см. стр. 666. *Дивий* — дикий, лесной. *Грузинцев* — см. стр. 665. Имеется в виду его поэма «Петриада». *Вергилий* — см. стр. 634. *Хвостов* — см. стр. 613. *Князь Шаликов девиц пугает.* Шаликов (см. стр. 674), по воспоминаниям М. А. Дмитриева, «был... сластолюбив... его сентиментальность была только прикрытием эпикурейства. Его нежные бульварные похождения невообразимы! Иногда за это ему случалось попадать или в неприятные, или в смешные приключения, которые не подлежат скромному описанию, но которые забавляли его современников» («Мелочи из запаса моей памяти», стр. 94). *Львов* Павел Юрьевич (1770—1825) — писатель, начал свою литературную деятельность в «Московском журнале» Карамзина, но затем стал сторонником шишковистов; автор «Храма славы российских

героев от времен Гостомысла до царствования Романовых» (1803). *Капнист* (см. стр. 616) восставал против гекзаметров, полемизируя с их защитниками — С. С. Уваровым и Н. И. Гнедичем. *Альзира* — героиня одноименной трагедии Вольтера, переведенной П. М. *Карабановым* (1765—1829), членом «Беседы». *Гусман* — одно из действующих лиц «Альзиры». *Шихматов* — см. стр. 643. *Станевич* — см. стр. 676.

«Послушай, Писарев! бояться надо бога...» (стр. 315). Печ. впервые по автографу БЛ 4. С этого стихотворения начинается письмо Воейкова к Александру Александровичу *Писареву* (1780—1848), военному и писателю, начавшему свою литературную деятельность в 1802 г. Его перу принадлежат «Общие правила театра, выбранные из Вольтера» (1809), «Военные письма и замечания, относящиеся к незабвенному 1812 г.» (1817) и мн. др. *А живописец кисть держа* и т. д. Писарев был автором книг «Предметы для художников» (1807) и «Начертание художеств» (1808). *Крест обруганный Владимира святого* и т. д. Орден св. Владимира 4-й степени был учрежден в 1782 г. при Екатерине II, им часто награждали за проявленную в боях храбрость. Оценка, даваемая Воейковым ордену св. Владимира, отражает общее для его времени негодование против несправедливого награждения орденами «воров» — казнокрадов, взяточников-губернаторов и др. Столь же ироническое отношение к награждению этим орденом проявляется и в одном из неопубликованных стихотворений А. Измайлова — «Новопожалованным Владимирским кавалерам гг. столоначальникам и контролерам» (ГПБ), в котором А. Измайлов дает ироническую характеристику и самому князю Владимиру (ок. 960—1015), именем которого назван орден:

Равноапостольный Владимир князь святой!
Спустися к нам с небес, спустися,
И покровительством своим их удостой,
Невидимо всегда над ними ты носися
И избавляй от бед
За то, что дали нам они такой обед.
Ты сам был хлебосол и даже винопийца,
Грешней еще, чем мы: ты был прелюбодей,
Разбойник и братоубийца,
Деспо́т, тиран, злодей.
Но только окрестился,
На христианке лишь женился,
И вдруг переменился:
От женщин, от вина и от грехов отпал;
Апостолам всем равен стал!

Из писем к П. А. Вяземскому

«...во многих городах полицеймейстеры...» (стр. 315). Печ. впервые по автографу ЦГАЛИ 6. Поводом к написанию послужило следующее. В 1818 г. в ВЕ, № 12, Воейков напечатал стихотворение «Послание к другу-воспитаннику о пользе

путешествия по отечеству». Вяземский был возмущен как нападками Воейкова на Париж, так и его несколько приторными восхвалениями русских святынь и достопамятностей, проповедью религии. В этом «Послании» отразилась противоречивость идейных позиций Воейкова, которая и привела его впоследствии в лагерь реакции. Вяземский писал Воейкову: «Кто добродетелен, чего тому искать?» — «Просвещения, милостивый государь, просвещения, которое у нас едва светится, а в других землях сияет, просвещения, без которого две трети нашего народа будут гнить в рабстве, а другая треть смердеть в бездействии невежества и предрассудков» (РС, 1892, № 12, стр. 656). Резкое письмо Вяземского задело Воейкова, и тот отвечал ему очень длинным письмом, в котором он уверял Вяземского в искренности своей набожности, в том, что «Глинкин патриотизм, Хвостова стихи, Лабзина ханжество и Дидротово богохульство — для меня одинаковым образом ненавистны» (ЦГАЛИ). Затем Воейков говорил о необходимости знать свое отечество и в духе идей будущих славянофилов характеризовал русский народ. Вслед за этим, стараясь оправдаться перед Вяземским в том, что дал пристрастное описание «благоденствия отечества», Воейков объяснял это тем, что «увлечен был желанием добра и будущее представлял себе настоящим... неужели Александр, давший законы и свободу полякам, литовцам и татарам, не даст их россиянам...» В доказательство того, что Воейков, путешествуя по России, «сам с растерзанною душою» видел «много худого», он вводит в письмо печатаемые нами стихи, действительно острые и направленные против крепостного права. *Буянов развращенный.* Имя героя «Опасного соседа» употреблено Воейковым как нарицательное. *Барков* Иван — см. стр. 625.

<Н. Н. Раевскому> («Когда вы знамена в Париже водружали...») (стр. 316). Печ. впервые по автографу ЦГАЛИ 6. В письме к Вяземскому Воейков пишет: «В Киеве я познакомился с славным защитником Смоленска, с генералом Раевским, который горько жаловался мне на Глинку и Морозова, засыпавших его похвальными стихами; я сказал ему...» и далее следует эпиграмма. *Раевский* Николай Николаевич (1771—1829) — генерал, известный герой Отечественной войны 1812 г.

«Пусть в Академии забудут...» (стр. 316). Печ. впервые по автографу ЦГАЛИ 7. Это шутливое стихотворение находится в письме Воейкова к Вяземскому от 11 октября 1821 г. К этому времени Воейков был избран членом Российской академии. *Корни слов* и т. д. Намек на А. С. Шишкова (см. стр. 659), лингвистические изыскания которого в области сравнительного словопроизводства и занятия «корнесловием» служили поводом для насмешек современников. *Гульянов* Иван Александрович (1789—1841) — египтолог, автор ряда научных трудов, служил в Министерстве иностранных дел, был в 1821 г. избран членом Российской академии. *Карабанов* Петр Матвеевич — см. стр. 683. *Соколов* — см. стр. 680. *Поликарп* — может быть, Поликарп Гайтанников (ум. 1837), магистр Петербургской духовной академии. *Поп Григорий* — Григорий Петрович Постников (1784—1860), митрополит Петербургский и Новгородский. *Сестренцевич* Богуш-Станислав (1731—1827) — митрополит всех римско-католических церквей в России, с 1792 г. со-

стоял членом, а в 1813 г. президентом Вольно-экономического общества; почетный член Московского университета, Виленского и др. *Гнедич* Николай Иванович (1784—1833) — поэт, переводчик «Илиады» Гомера. *Хвостов* — см. стр. 613. Христофор Андреевич *Ливен* (1774—1838) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии.

Послание к Н. И. Гнедичу (стр. 317). Впервые — НЛ, 1823, № 16, стр. 46. *Стихи печатаю и рассылаю даром* и т. д. Выпад против Д. И. Хвостова, который таким образом распространял свои стихи. *Как мышь в твореньях их* и т. д. Направлено, вероятно, против Каченовского (см. стр. 675). *Иль в цех комических вступаю авторо́в* и т. д. Направлено против А. А. Шаховского. *Злой Вяземский* и т. д. Имеется в виду цикл сатирических эпиграмм Вяземского «Поэтический венок Шутовского, поднесенный ему раз навсегда за многие подвиги».

«Попалась мышь!.. Умри — спасенья никакого...» (стр. 319). Перевод эпиграммы французского поэта Жана-Франсуа Гишара (1731—1811). Воейков перевел эту эпиграмму в 1826 г., раньше его ее перевел П. А. Вяземский. Впервые — Е. Колбасин. Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859, стр. 284.

К Бурдину (стр. 319). Печ. впервые по списку ПД 2. *Бурдин* — вероятно, Кавелин Дмитрий Александрович, против которого Воейков выступил в «Доме сумасшедших» (см. стр. 675). Если данное предположение верно, то послание надо отнести к 1821 г., когда особое возмущение вызвало участие Кавелина в суде над профессорами Петербургского университета. *Санкюлот* — см. стр. 649. *И у врага наук*. Вероятно, речь идет о Магницком (см. стр. 674). *Паскаль* Блез (1623—1662) — французский физик, математик и философ. *Гердер* Иоганн-Готфрид (1744—1803) — немецкий поэт, публицист и философ.

АЛЕКСАНДР ЕФИМОВИЧ ИЗМАЙЛОВ

Басни и сказки

Большинство басен и сказок Измайлова печ. по последнему прижизненному изданию: «Басни и сказки Александра Измайлова в трех частях». Изд. 5-е, вновь исправленное и умноженное. СПб., 1826. Особо оговаривается лишь рукописный источник текста. Даты написания, проставленные в тексте, основаны на автографах и указаны в большинстве своем самим Измайловым.

Происхождение и польза басни (стр. 327). Впервые — ЖРС, 1805, № 1, стр. 50, в ранней редакции, под названием «Истина во дворце»; затем — БиС 1814, во второй редакции, под названием «Происхождение басни»; в БиС 1816 озаглавлена: «Происхождение и польза басни» (третья и окончательная редакция). Сюжет басни заимствован А. Измайловым из французского сборника «Аль-

манах муз» (Париж, 1770), в котором басня «L'origine des Fables» («Происхождение басен») напечатана без подписи. Французский источник — изящная аллегория — под пером Измайлова приобрел все черты конкретной российской действительности и значительно более острое политическое звучание. Во французском варианте истина не успевает обвинить властителя в злодеяних, он приказывает ей сразу же удалиться, лишь только она хочет указать ему на его ошибки; отсутствует у французского автора и стража, хватающая истину, и, тем более, приказ сослать истину. Наиболее остра в идейном отношении первая редакция басни Измайлова, созданная в 1802 г., в самом начале «либерального» периода царствования Александра I. Первая редакция находится в 1-м т. рукописного собрания сочинений А. Измайлова (ГПБ). В основном ей соответствует первая печатная редакция ЖРС, но в печатной редакции к басне прибавлено комплиментарное обращение к Александру I, «ангелу»-государю, который якобы сам ищет истину. В редакции ЖРС действующий в басне царь ведет себя как тиран, велит связать истину и отправить ее в ссылку в рудники. Дальнейшая работа над басней относится к 1813 г., когда Измайлов готовил 1-е изд. БиС. Вот как звучит в этой редакции обвинение, которое предъявляет истина царю:

Ты окружил себя льстецами,
Первейшие места все заняты глупцами.
Не стыдно ль? Женщины дают тебе закон...

(ГПБ)

Затем Измайлов перечеркнул это место и внес дальнейшие поправки в басню по линии смягчения наиболее острых моментов. Приказ царя сослать истину в рудники заменяется приказом отправить ее в «смирительный иль в сумасшедший дом», и если в начале Измайлов прямо говорил о самоуправстве царя, то теперь акцент переносится на якобы «грубый тон», в котором истина вела разговор с царем, что и вызвало его гнев. Но и в измененной редакции басня все же сохраняла обличительное звучание, так как современникам были известны случаи, когда неугодных правительству людей объявляли сумасшедшими и заключали в дома для умалишенных. Знаменательно, что именно этой басней Измайлов открывал свой басенный цикл.

Умирающая собака (стр. 328). Вольный перевод басни «Der Hund» немецкого просветителя-моралиста и поэта Христиана Фюрхтенготта Геллерта (1715—1769), чьи произведения были очень популярны в России в XVIII в. Впервые — ЛС, 1806, № 2, стр. 167, в ранней редакции под названием «Собака». Вошло во все издания БиС. Обращаясь свободно со своим источником, Измайлов усилил обличительную тенденцию басни, сняв упоминание о положительных качествах «героя». Если Геллерт рассказывает о том, что пес Филакс был верным стражем дома и нередко спасал хозяев от врагов, то Измайлов не дает «биографии» Султанки, концентрируя внима-

ние лишь на одной его отвратительной черте — скупости. Басня в первой журнальной редакции начиналась с выдержанного в духе сентиментализма рассуждения о бренности существования:

Жизнь наша — сельный цвет.
Сегодня живы — завтре нет
и т. д.

Оно было снято Измайловым в 1813 г. Первая редакция была написана в 1804 г.

Осел и конь (стр. 329). Впервые — «Цветник», 1810, № 12, стр. 375. Вошло во все издания БиС. В редакции «Цветника» концовка была прямее и резче:

Будь сказано меж нами,
Походят на ослов иные с орденами.

Измайлов изменил ее, вероятно, из цензурных соображений.

Филин и чиж (стр. 329). Впервые — СПВ, 1812, № 5, стр. 165. Вошло во все издания БиС. Конкретную направленность данной басни против определенного «лица» раскрывает Д. И. Хвостов в своих записках: «Г-н Измайлов еще написал басню «Филин и соловей». Разумеется, что Филин — Шишков, Соловей — Карамзин. Филин очень похваляет Ворона, своего соседа, и Сыча, своего ученика» (ЛА, 1, М.—Л., 1938, стр. 376).

Шут в парике (стр. 330). Впервые — Сочинения Измайлова (Александра Ефимовича), т. 1. Изд. А. Смирдина, СПб., 1849, стр. 195. Печ. по автографу ГПБ. В рукописном собрании сочинений помечена 1811 г. Д. И. Хвостов в своих «Записках» 1811 г. уточняет дату первого появления басни Измайлова в рукописных списках: «1-го августа вышла притча «Шут в маскараде», скорописная. Сочинение Александра Ефимовича Измайлова. Оное метит на Шишкова, утверждающего неразделимость языков славянского и русского. Притча представляет старика, одетого по обычаю праотцев. Срачица пестрая, с косым воротом и запонкой. Штаны с гультиком и проч. и проч. Замысел весь клонится на показание, что сам вице-адмирал Шишков смешивает часто неудачно с славянскими обороты и речения французские, и для того на голове у старика парик французский с пудрою... Со стариком ходит молодой человек в таком же странном одеянии и именно в шахматном халате. Игра слов целит на фамилию князя Шихматова. Иван Иванович Дмитриев находит подобие не очень близко и потому не очень поразительно. По моему мнению, сия притча исполнена остроты. Описания в ней одежды стариковой очень шутливы и замысловаты. Разговор его ему приличен. Впрочем, в басне сей не находится той простоты и беспечности, кои оживляют сей род. Творение г-на Измайлова есть более полемическое и сатирическое, чем басня» (ЛА, стр. 375). Пародируя церковнославянский слог, Измайлов вместе с тем отнюдь не являлся сторонником крайностей другого лагеря, отрицательно относясь и к употреблению слов иностранного

происхождения. 9 июля 1810 г. он пишет Грамматину в связи с похвальным словом Суворову, написанным Язвицким: «Везде ошибка против языка, везде иностранные слова: патриотизм, макиавеллизм, грецизм и эгоизм, словом везде один вздор...» *Срачица* — сорочка. *Франкмасон* — масон (буквально — вольный каменщик), член религиозно-философского общества. Не отрицая религии, масоны боролись с клерикализмом, были за широкую терпимость, отсюда частые нападки на них реакционеров, обвинявших масонов в безбожии.

Лебедь, гусь, утка и журавль (стр. 331). Впервые БиС, 1814, стр. 19. Вошло во все издания БиС.

Стихотворец и черт (стр. 332). Впервые — Пантеон, 1814, кн. 3, стр. 95. Вошло во все издания БиС. Сказка направлена против Д. И. Хвостова (см. стр. 613). Измайлов всячески изощрял свое остроумие в эпиграммах и сказках против Хвостова, у него даже был особый портфель, названный им «Хвостовиадой», в котором были собраны все относившиеся к Хвостову сатирические материалы — анекдоты, эпиграммы и т. д. Сказка «Стихотворец и черт» завоевала широкую известность в литературных кругах, попала во многие рукописные сборники. Успех объяснялся в первую очередь портретностью образа стихотворца и тем, что Измайлов удачно подметил наиболее характерные черты, отличавшие поэта, который любил «писать стихи и отдавать в печать», а также читать их всем. Современник вспоминает один случай с Ф. Ф. Кокошкиным, племянником Хвостова. «Однажды в Петербурге гр. Хвостов долго мучил его чтением. Наконец Кокошкин не вытерпел и сказал ему: «Извините, дядюшка. Я дал слово обедать, мне пора! Боюсь, что опоздаю, а я пешком». — «Что же ты мне давно не сказал, любезный! — отвечал гр. Хвостов. — У меня готова карета, я тебя подвезу». Но только что они сели в карету, гр. Хвостов взглянул в окно и закричал кучеру: «Ступай шагом!», а сам поднял стекло кареты, вынул из кармана тетрадь и принялся запертого Кокошкина опять душить чтением» (М. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, стр. 83). Не менее колоритен и другой случай. Д. Хвостов читал свои стихи всем, кого встречал в Летнем саду. Министр финансов граф Е. Ф. Канкрин жил в Летнем дворце Петра I и однажды сказал Хвостову: «Ваши стихи, ваше сиятельство граф Дмитрий Иваныч, так превосходны, что заставляют меня самого пробовать писать такие же стихи, и это берет от меня время государственной службы, так что я совершаю государственное преступление... А потому я вынужден буду ходатайствовать высочайшее повеление запретить вам, граф, читать мне ваши пленительные стихи» (РВ, 1871, сентябрь, стр. 260). В письме к Н. Ф. Грамматину от 20 августа 1814 г. Измайлов относил быструю распродажу первого издания своих басен и сказок за счет включенного в собрание «Стихотворца и черта». Сам Хвостов не смог не оценить остроумия сказки Измайлова: «Сей Измайлов, — писал он в одной из своих записных тетрадей, — на меня писал многие пасквили и сочинил на мое лицо басню «Черт и поэт», которая у него из лучших» (РС, 1892, июль, стр. 102).

Устрица и двое прохожих (стр. 333). Вольный перевод басни Лафонтена «L'Huitre et les Plaideurs». Впервые — Пантеон, 1814, кн. 8, стр. 231. Вошло во все издания БиС. Об успехе басни Измайлова свидетельствует то, что она попала во многие рукописные сборники. Измайлов, почерпнув у Лафонтена сюжет, удачно «применил» его к русским условиям. Удачей Измайлова является и краткое, состоящее всего лишь из одной строки, нравоучение, отличающееся большой художественной выразительностью и социальной остротой. Оно стало пословицей.

Павлин, два гуся и нырок (стр. 334). Впервые — БиС, 1814, стр. 43. Вошло во все издания БиС. Перевод одноименной басни Флориана (см. о нем стр. 663). Автограф свидетельствует, что Измайлов выступил в ней на защиту Державина, в творчестве которого ревнители «чистоты слога» и следования «правилам» видели многие погрешности. Вот каким было первоначальное нравоучение:

Я то же одному приятелю сказал,
Как он Державина при мне критиковал.

(ГПБ, Измайлов, т. 1, л. 52)

Страсть к стихотворству (стр. 334). Впервые — ВЕ, 1815, № 16, стр. 256. Вошло в БиС 1816, 1821, 1826. Сказка направлена против Д. И. Хвостова (см. стр. 613). Содержит намеки на жену Хвостова, на чтецов его стихов, состоявших у него на жалованье. *Прочел реляцию* и т. д. Д. Хвостов, одержимый «страстью к стихотворству», писал стихи на любые события, был рад любому случаю, который давал ему возможность написать стихотворение. Так, например, стихотворения «Праздник благости», «Майское гулянье» были посвящены — одно празднику, который давала вдовствующая императрица Мария Федоровна, другое — майскому гулянью в Екатерингофе. *Из ближних кто умрет* и т. д. Примерами таких стихов Д. Хвостова могут служить хотя бы «Куму-поэту на смерть моего крестника», обращенные к А. М. Мартынову, издателю стихотворений Д. Хвостова, или «Сергею Ивановичу Пободедову. На смерть высокопреосвященнейшего Амвросия, митрополита Новгородского» и т. д.

Священник и крестьянин (стр. 336). Впервые — ВЕ, 1816, № 3, стр. 189. Вошло в БиС 1816, 1821, 1826.

Два осла (стр. 338). Впервые — ВЕ, 1815, № 16, стр. 256. Вошло в БиС 1816, 1821, 1826. Измайлов использовал один из эпизодов басни Лафонтена «Le lion, le singe et les deux anes», создав на этой основе свое оригинальное произведение. Басня направлена, вероятно, против «беседчиков». Многие члены «Беседы» входили и в Российскую академию. *Совет* — Государственный совет, учрежденный в 1810 г. *Фенелон* Франсуа-Салиньяк (1651—1715) — французский писатель, воспитатель внуков Людовика XIV, автор нравоучительного романа «Похождения Телемака».

Гора в родах (стр. 339). Впервые — Периодическое издание, ч. 1, стр. 35. С изменением — ЛС, 1806, № 6; в новой редакции — СО, 1815, № 28. Вошло в БиС 1816, 1821, 1826. Сюжет заимствован у Лафонтена. Первая редакция сильно отличается от окончательной:

О чудо естества! о страх!
Гора, гора в родах!
Стонает, силится, и огнь и пламя мещет!
Кипит пучина вод, дрожит столетний лес!
Вселенна целая от ужаса трепещет!
Ужель не видишь ты со высоты небес,
Всесильный Юпитéр! что делается с нами?
Ах! что гора сия на свет произведет?
Чудовищ, каковы Титаны были сами.
И, может быть, Олимп с землею пропадет.
Зло дóлжно истреблять, едва лишь происходит,
Возьми скорей перун, моление услышь!..
Но вот расселась уж — и се из ней исходит,
Всесильны небеса! — ахти! да это мышь.

Редакция 1804 г. пародирует высокий одический строй речи; редакция 1815 г. направлена против представителей «легкого» жанра, против эпигонов «карамзинизма».

Поединок (ст. 339). Впервые — ВЕ, 1816, № 1, стр. 22. Вошло в БиС 1816, 1821, 1826.

Слезы Кащея (стр. 340). Впервые — ВЕ, 1816, № 9, стр. 13. Вошло в НБиС 1817, БиС 1821, 1826. Сюжет заимствован у французского поэта Эгьена Виже (1768—1820) (см. поэму «L'interêt», напечатанную в «Almanach des Muses», 1800). *Платон* Левшин (1737—1812) — митрополит Московский, выдающийся оратор и духовный писатель; дружески относился к Н. И. Новикову. *Леванда* Иоанн Васильевич (1736—1814) — известный проповедник, протоиерей Киево-Софийского собора, преподаватель Киевской духовной академии.

Карета и лошади (стр. 341). Впервые — СО, 1816, № 20, стр. 16. Вошло в НБиС 1817, БиС 1821, 1826. 31 мая 1816 г. Измайлов писал в Казань писателю В. М. Перевощикову: «В нынешнем году или, лучше сказать, в последние два месяца написал я 5 новых басен, из которых две напечатаны уже в СО. За первую из них, т. е. за «Карету и лошадей», принужден я был поссориться с здешним цензором. Он поправил у меня весьма удачно два стиха: в одном вместо «ей-богу!» поставил: «по чести!», а в другом вместо «бога» — «образ». На вопрос мой, почему вздумалось ему переменять таким образом мои стихи, отвечал он мне с непритворным простодушием, что «ей-богу!» и «бог» противны 3-й заповеди. Вот каковы наши Ценсоры!» (ЦГАЛИ). О типичности такого рода «подарков», как карета и лошади, говорит один пример, который приводит в своих воспоминаниях профессор Роммель, несколько лет

преподававший в Харьковском университете. После того как в 1809 г. вышло постановление о необходимости экзаменов для получения чина, Роммель готовил к экзамену побочного сына бывшего херсонского губернатора Хорвата. Однажды ученик предложил Роммелю «купить» его дрожки и пару лошадей. Тот отказался, но через некоторое время увидел дрожки и лошадей во владении одного из своих коллег. «Над моею честностью сильно посмеялись», — пишет Роммель (Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания профессора Роммеля. Харьков, 1868, стр. 79). *Экстракт из дела* — выписка, извлечение, краткое изложение. *Определение* судебное — приговор.

Пьяница (стр. 342). Впервые — СО, 1816; № 21, стр. 66. Вошло в НБиС 1817, БиС 1821, 1826. Известная сказка Измайлова, попавшая во многие рукописные сборники. Именно на основании этой сказки и подобных ей и создалась литературная «биография» Измайлова как певца людей 15-го класса. Его сближали по этой линии с Нарежным. Из предшественников Измайлова в литературе XVIII в. можно назвать Василия Алексеевича Левшина. В его «Русских сказках» (1780—1783) есть небольшая повесть о бедняке пьянице-чиновнике Брагине. *Пристав частный* или участковый — чин полиции, которому поручено заведовать определенной частью города. *С секирами* и т. д. Городские сторожа были вооружены секирами-топорами с клинком в виде полумесяца.

Догадливая жена (стр. 344). Вольный перевод басни французского поэта Баратона (серед. XVII в. — 1720-е или 1730-е годы) «Le Boucher». Впервые — ВЕ, 1817, № 8, стр. 263. Вошло в НБиС 1817, БиС 1821, 1826.

Совесть разбойника (стр. 344). Впервые — НБиС, 1817, стр. 36. Вошло в БиС 1821, 1826.

Каприз госпожи (стр. 345). Впервые — ВЕ, 1817, № 8, стр. 264. Вошло в НБиС 1817, БиС 1821, 1826. Тема басни перекликается с темами сатирических журналов XVIII в. Например, в «Сатирическом вестнике» 1790 г., в заметке «Из З... уезда» мы читаем о крепостных девушках, «невольных девственницах», которые в течение всей своей жизни только производят кружева «филе» для приданого своих барынь: «Кто не ужаснется, видя, что состоянием и благом целой жизни располагают с толиким безвниманием, равнодушием, жестокостию и небрежением?»

Крестьянин и кляча (стр. 345). Впервые — Б, 1819, № 1, стр. 74. Вошло в БиС 1821, 1826.

Сметливый эконом (стр. 346). Впервые — Соревнователь, 1823, № 8, стр. 170. Вошло в БиС 1826. Печ. по рукописи, ввиду значительно большей социальной остроты рукописного текста по сравнению с текстом последнего прижизненного издания. *Хемницер говорит* и т. д. Измайлов цитирует стихи из басни Ивана Ивановича

Хемницера (1745—1784) «Побор львиный». *Комиссариатский* — служащий Комиссариатского департамента Военного министерства, снабжающего войско одеждой.

Золотая струна (стр. 348). Впервые — ПЗ на 1823 г., стр. 289. Печ. по автографу ГПБ. В члены Российской академии часто избирали знатных людей, не имевших отношения к науке. Когда басня была напечатана (1823), она должна была звучать особенно злободневно. В 1822 г. был выслан в Симбирск А. Ф. Лабзин (см. стр. 725). Поводом к высылке послужило, что он как конференц-секретарь Академии художеств в собрании 13 сентября 1822 г., когда было предложено избрать в почетные члены графа Гурьева, графа Аракчеева и графа Кочубея ввиду их «близости к государю», заявил, что тогда следует избрать и царского кучера Илью, так как он еще ближе к государю. *Патрю* Оливье (1604—1681) — знаменитый французский адвокат, писатель.

Блины (стр. 348). Впервые — Б, 1824, № 2, стр. 93. Печ. по автографу ГПБ. В БиС 1826 мотивировка барина, почему он держит плохого повара: «Опрятен и проворен». Эти слова написаны Измайловым в рукописи сбоку, мелкими буквами и, очевидно, являются вариантом для цензуры. Басня была написана в 1821 г., т. е. в тот период, когда придворными сферами владело религиозное настроение, во главе Министерства народного просвещения стоял ханжа князь Голицын, а лицемеры Магницкий и Рунич преследовали профессоров Петербургского и Казанского университетов за то, что их лекции не основаны на законе «откровенной религии». Вероятно, Измайлов вывел под именем повара совершенно конкретное лицо. Магницкий вкрался в доверие Голицына, притворившись набожным мистиком.

Приказные синонимы (стр. 349). Впервые — СО, 1822, № 42, стр. 81. Вошло в БиС 1826. В одном из неопубликованных писем к П. Л. Яковлеву от 31 октября 1824 г. Измайлов писал: «В тот день (т. е., видимо, 29 октября. — *Г. Е.*) обедали мы с ним (Слениным. — *Г. Е.*) в клубе за общим столом. Сидели немцы да подьячие из здешних судебных мест. Последние искоса поглядывали на меня: Сленин говорит, что часто достается мне от них за Сказку: *Доложить,* которою их дразнят» (ПД). Несомненно, что Измайлов имел в виду басню «Приказные синонимы», в которой такое важное значение имеет разное понимание слова «доложить». *Крестовик* — серебряный рубль, на оборотной стороне которого повторенный четыре раза вензель императора составляет крест. *Экстракт, определение* — см. стр. 691.

Так да не так (стр. 350). Впервые — Соревнователь, 1823, № 8, стр. 172. Вошло в БиС 1826. Печ. по рукописи Измайлова (ГПБ, т. II), так как рукописный текст острее текста последнего прижизненного издания. В рукописном автографе прямо говорится о жадном губернаторе, а не об абстрактном «воеводе», кроме того, рукописный вариант очень интересен высказанным в нем пренебрежительным отношением к Сенату. *Питейных сборов содержатель* — откупщик.

Лгун (стр. 351). Впервые — Б, 1824, № 1, стр. 50. Вошло в БиС 1826. Басня направлена против П. П. Свиньина (см. стр. 680). Свиньин в связи со службой много путешествовал по Европе, а в 1811—1813 гг. жил в Филадельфии в качестве секретаря русского генерального консула. По возвращении он издал ряд описаний своих путешествий, позднее были напечатаны и «Картины России». В ОЗ он помещал материалы о русских даровитых людях, но в рассказах о русских самородках и в описаниях путешествий Свиньина было много преувеличений и лжи. Белинский назвал «Лгуна» лучшей басней Измайлова, и, вероятно, он так высоко оценил «Лгуна» не только в виду его художественных достоинств, но и имея в виду политическое значение выступления Измайлова против такой одиозной фигуры, как Свиньин. Свиньин был близок к реакционно-охранительным кругам. Он с восторгом и низкопоклонством столь же «красочно», как об Америке, рассказал и о своем путешествии в Грузино к Аракчееву («Поездка в Грузино» — СО, 1818, ч. 48), а самому Аракчееву писал в сентябре 1818 г.: «Я имел честь три раза быть у крыльца вашего сиятельства засвидетельствовать мою сердечную признательность». Сам Измайлов Аракчеева яростно ненавидел. «Гр. Аракчеев, сказывают, — писал он Яковлеву 4 января 1826 г., — собирается на теплые воды. Посадил бы его часов на 10 в горячие... В кипяток бы его, анафему» (ПД). *Тюльери* — Тюильри, королевский дворец в Париже, окруженный садом.

Слон и собаки (стр. 353). Впервые — «Литературная газета», 1831, № 23, 21 апреля, стр. 188. Текст этот совпадает с автографом ГПБ. 4 апреля 1824 г. А. Е. Измайлов писал Дмитриеву: «Препровождаю также новую мою басню: «Слон и собаки». Согрешил, окрестил в полынье третьего дня после исповеди басурмана-поляка, Гречева ученика и клеврета, самозванца, критика и поэта» (РА, 1871, 2, стр. 985). Следовательно, басня «Слон и собаки» была написана 1—2 апреля 1824 г. Направлена она против Фаддея Булгарина, к которому Измайлов относился с истинной непримиримостью. Впоследствии, уже после смерти А. Измайлова, Булгарин рассказывал (СП, 1849, № 142) об истории возникновения басни в идиллических тонах, и вообще пытался выдать себя чуть ли не за друга Измайлова. По словам Булгарина, причиной написания басни была защита Булгариным Александра Александровича Бестужева (1797—1837), поэта, члена Северного тайного общества, которого Измайлов задел в «Благонамеренном». Однако защита Булгариным Бестужева в «Литературных листках» при «Северном архиве» была, конечно, лишь внешним поводом для создания «Слона и собак». Главным была ненависть Измайлова к Булгарину — представителю «торгового» направления в литературе, человеку беспринципному, морально нечистоплотному, шпиону. Именно Булгарину, а не Бестужеву дает Измайлов уничтожающую характеристику в письме к И. Дмитриеву. Против Булгарина, кроме «Слона и собак», были еще направлены сказки Измайлова «Фаддей с фонарем», «Судья Фаддей», «Песня» («Пусть задорный пес Фаддей...»), «Сленина лавка». В СП, 1849, Булгарин утверждал, что басня «Слон

и собаки» была напечатана А. Ф. Воейковым с ошибками: «В печати собака Брылан, а в подлиннике Барбос». Очевидно, у Булгарина был самый первый вариант басни. В автографе ГПБ, отражающем работу Измайлова над басней, собака названа Цербером и первоначально была дана характеристика свиньи как «американской», что делало явным намек на Павла Свиньина. Потом Измайлов внес в басню изменение, назвав Цербера Брыланом и сняв определение «американская». При жизни Измайлова басня «Слон и собаки» дважды не была пропущена цензурой ввиду «личностей». А. Измайлов писал Яковлеву 11 октября 1824 г.: «Бируков не пропустил басни моей «Слон и собаки», хотя я вымарал из нее и поляка и кобеля. Узнай, напечатают ли ее или нет в «Мнемозине» (ПД). В письме от 1 сентября 1825 г. к Яковлеву он опять говорит о басне: «Вчера был я в цензуре. Бируков мне сказывал, будто показывал министру басню мою «Слон и собаки», и тот, наморщившись, вскричал: «Как это можно! Впрочем, если он (т. е. я) будет усиливаться, чтобы пропустили его басню, то скажите ему, что я велю пропустить на него сатиру». — «Хоть три, — отвечал я. — Черт знает! Булгарин приворожил к себе Бирукова: у него все пропускает, а на него — ничего». *Брылан* — Булгарин. *Свинья* — П. Свиньин (см. стр. 680). *Брех, пудель* — Н. И. Греч (см. стр. 677). *В родню хоть толст, да не в родню, быть может, прост.* Эти стихи взяты из басни Крылова «Слон на воеводстве». Есть указание, что они относятся к поэту Дельвигу (С, 1854, № 1), но с этим трудно согласиться, так как в образе слона Измайлов, несомненно, вывел самого себя. *Волынский двор.* Имеется в виду слоновый двор на углу Невского проспекта и Лиговского канала в Петербурге. Это место носило название Волынского двора. *Завирашка* — А. А. Бестужев.

Судья Фаддей (стр. 354). Впервые — РС, 1875, № 12, стр. 751. Печ. по автографу ГПБ. Поводом для написания явилась резкая критика Ф. Булгариным («Литературные листки», 1824, № 8) перемен и поправок, сделанных Измайловым в некоторых стихах В. А. Озерова при издании его сочинений (1824). Кроме того, несколько ранее Булгарин ожесточенно выступал против Измайлова — литературного критика. В письме к И. И. Дмитриеву от 4 апреля 1824 г. Измайлов писал: «Месяца два или три назад за обедом у издателей «Полярной звезды» торжественно обещал я ему (т. е. Булгарину. — *Г. Е.*) бессмертие. Сдержу слово, напишу сказку: «Фаддей чугунный лоб!» (РА, 1871, 3, стр. 985). *Ротмистр Брамербас* — персонаж из сказки Дмитриева «Причудница», подражание Вольтеру, в которой, по словам Воейкова, «русский поэт далеко превзошел Вольтера... Мастерское обращение к ротмистру Брамербасу совершенно в русском вкусе» («Цветник», 1810, № 10, стр. 120). Дмитриевский драгун Брамербас рассказывает с «размашкой» ребенку небылицы о том, как якобы во время службы в Малороссии бывал «игралищем» злой ведьмы, превращавшей его ночью в драгунского коня. В РС неправильно напечатано Брамербек, эта опечатка перешла и в Полное собрание сочинений А. Е. Измайлова, т. 1. М., 1890. *Приказ* — см. стр. 653. *Подьячий с приписью* — чиновник, скреплявший бумаги своей подписью. *Крючки* —

придирки, извороты. *Вырос в Польше* — намек на происхождение Фаддея Булгарина, который был родом из Польши.

Дворянка-буянка (стр. 355). Впервые — Сочинения А. Измайлова, т. 1. Изд. А. Смирдина, СПб., 1849, стр. 199. Печ. по автографу ГПБ. В рукописи после стиха «Проклятая! срамница» следует:

В смирительный бы дом ее я посадил,
Когда бы я был губернатор.
Суди меня сам император,
А проучил бы, проучил
В пример другим злодейку.

(ГПБ, т. 4). Потом эти стихи были зачеркнуты Измайловым. Дата написания — 11 апреля 1827 г., Измайлов был в это время тверским вице-губернатором. Эта сказка или «быль», как ее называет А. Измайлов, распространялась в большом количестве списков. 6 июля 1827 г. Измайлов писал Дмитриеву из Твери о своей сказке «Бабушка и внучка», вызвавшей шум в Твери, и о «Дворянке-буянке»: «Я... написал по просьбе всех почти здешних граждан, для соблюдения благочиния в церквах, другую сказку: «Дворянка-буянка»... Многие уездные дворянки-буянки не смеют теперь приехать в Тверь. Сколько подражателей мне нашлось! Семинаристы, подьячие, купцы, мещане начали писать стихами. Точно как бы я привез сюда какую заразу!» (РА. 1871, 2, стр. 997). В письме к Яковлеву (с 31 марта на 1 апреля 1827 г.) Измайлов раскрывает и совершенно конкретный адрес сказки: «Артиллерийские и уланские офицеры просят преубедительно написать сказку на старую злую девку Храповицкую, которая в соборное воскресенье так толкнула в соборе одну девушку, что та полетела с ног. Ну как не уважить такой просьбы! Начал вчера у заутрени, а сегодня во время вечерни, может быть, кончу». *Чепёшница.* Чепец был женским головным убором высших сословий.

Разговоры

N N и N (стр. 357). Впервые — ЛС, 1806, № 11, стр. 157. Печ. по НБиС 1817. Очевидно по забывчивости, Измайлов проставил в рукописи дату написания «Разговора» 1807, тогда как он был напечатан в 1806 г.

Граф N и его секретарь (стр. 358). Впервые — НБиС, 1817, стр. 73. В автографе ГПБ «Разговор» имел окончание, позже зачеркнутое Измайловым. После последней ремарки «Подписывает», следовало:

Нет, нет, вот на это нельзя уж согласиться.
Достойнову дать чин!

Секретарь.

Всех более трудится...

Граф.

Ни разу в праздники с почтеньем не был он,
И смеет умничать! Нет, нет, из списка вон.

(Вымарывает.)

Ц е н с о р и с о ч и н и т е л ь (стр. 359). Впервые — Сочинения А. Измайлова, т. 1. СПб., 1849, стр. 244. Печ. по автографу ГПБ. Измайлов высказывал очень часто в своих письмах возмущение по поводу придирок цензоров. В письме к В. М. Перевощикову, рассказывая ему о цензурных затруднениях в связи с напечатанием басни «Карета и лошади», он говорит: «Цензоры в нынешнее просвещенное время, право, не умнее тех, которые были в старину при Управе благочиния, — по крайней мере здесь, в С.-П.-бурге. Однако я жестоко его наказал. Он подписал у меня статью для напечатания в С<ыне> О<течества>, в которой я его назвал безграмотным и т. п. После он, видно, одумался, взял у издателя обратно мою бумагу, чтобы показать попечителю. Не знаю, что будет...» (ЦГАЛИ). А. Измайлов, очевидно, подразумевает свою статью «Разбор басен г. Крылова», в которой после слов Осла, обращенных к Соловью:

...Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище!

(«Осел и Соловей» Крылова)

следует такой комментарий: «Так говорит Соловью Осел. Так точно говорят и наши Мидасы: какой-нибудь целовальник, сделавшийся богатым откупщиком, безграмотный подьячий, дослужившийся до звания судьи, или гарнизонный капрал, превращенный в генерала» (СО, 1816, № 2, стр. 62).

Эпиграммы, эпитафии, надписи

«„Т ы д р у г м н е?" — „Друг". — „А ч е м д о к а ж е ш ь?"...» (стр. 363). Впервые — «Цветник», 1809, № 3, стр. 369. Печ. по НБиС 1817.

«П о с л у ш а й, С е к р е т а р ь...» (стр. 363). Впервые — ЛС, 1806, № 11, стр. 159. Печ. по НБиС 1817.

«Я м е с я ц в г в а р д и и с л у ж и л...» (стр. 363). Впервые — «Цветник», 1809, № 2, стр. 250, в ранней редакции, с подписью И. Печ. по автографу ГПБ. Вариант данной эпиграммы приводит в своем «Дневнике» Жихарев, называя ее принадлежащей В. Пушкину:

ЭКСПРОМТ НА ПОМЕЩИКА ПЕРХУРОВА

Он месяц в гвардии служил
И сорок лет в отставке жил;
Курил табак

Кормил собак,
Крестьян сам сек,
И вот он в чем провел свой век.

На основании записок С. П. Жихарева В. Саитов включил эту эпиграмму в собрание сочинений В. Пушкина. Очевидно, что Жихарев ошибся, так как эпиграмма входит в состав рукописных сочинений Измайлова, хранящихся в ГПБ, кроме того, есть автограф этой же эпиграммы, в другой редакции, еще более близкой к тексту Жихарева, в БЛ. Приводим его:

Шесть лет во флоте я служил,
А тридцать лет в деревне жил.
В отставке я курил табак,
Наливки пил, учил собак,
Сам птиц стрелял, крестьян сам сек.
Вот в чем провел почти весь век.

К изображению Фемиды (стр. 364). Впервые — «Цветник», 1809, № 8, стр. 225. Печ. по НБиС 1817. В автографе ГПБ незначительные разночтения.

«Под камнем сим лежит губернский предводитель...» (стр. 364). Впервые — «Цветник», 1809, № 7, стр. 78. Печ. по НБиС 1817. В журнале 1-й стих читается:

Здесь погребен уездный предводитель.

«Остановися, гражданин!..» (стр. 364). Впервые — «Цветник», 1809, № 1, стр. 109. Печ. по НБиС 1817. *Под Полтавой.* Имеется в виду знаменитая Полтавская битва 27 июня 1709 г., когда русские войска под командованием Петра I разбили шведов. *Под Кистрином.* Осада русскими войсками прусской крепости Кюстрин во время Семилетней войны длилась с 5 по 12 августа 1758 г. и завершилась сражением под Цорндорфом. *Бендеры* — крепость Бендеры, построенная генуэзцами, в XVI была захвачена турками; во время русско-турецких войн XVIII—XIX вв. трижды занималась русскими войсками. Очевидно, подразумевается 15 сентября 1770 г., когда Бендеры были взяты штурмом.

«Вралев наш фабулист примерный...» (стр. 364). Впервые — «Цветник, 1810, № 9, стр. 414, анонимно. Печ. по НБиС 1817. В автографе — Хвастон, в «Цветнике» — Мевий. Эпиграмма направлена против Д. И. Хвостова (см. стр. 613).

«Под камнем сим лежит великий генерал...» (стр. 364). Впервые — РЭ, 1958, стр. 78.

«О, ужас! о, досада!..» (стр. 365). Впервые — СПВ, 1812, № 6, стр. 270; в Трудах, 1817, кн. 13, стр. 68, со следующим примечанием: «Сие не относится к переводам Кострова и Гнедича». Печ. по НБиС 1817. *От лошади* и т. д. По преданию, Троя (Илион)

пала после 9-летней войны вследствие хитрости спартанцев, которые построили громадного деревянного коня, куда спрятали своих храбрейших воинов. Троянцы втащили коня в город и, подвергшись неожиданному нападению, сдались.

«Прелеста овдовела...» (стр. 365). Впервые — СО, 1814, № 38, стр. 241. Вошло в НБиС 1817. В автографе ГПБ — Лизетта.

«„Что наш больной?" — „Сегодня приобщался..."» (стр. 365). Впервые — СО, 1814, № 38, стр. 242. Печ. по НБиС 1817.

«В боях щадила смерть его...» (стр. 365). Впервые — Сочинения А. Измайлова, 1891, т. 1, стр. 257.

«Что на Ж<уковско>го наш Шутовской взбесился?..» (стр. 365). Впервые — РЭ, 1958, стр. 79. *Шутовской* — Шаховской (см. стр. 639). Поводом для эпиграммы послужила пьеса Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», в которой под именем Фиалкина был высмеян Жуковский.

«Подлон начальнику дочь отдал в услуженье...» (стр. 366). Печ. впервые по автографу ГПБ.

(Разговор в книжной лавке) («Что, есть у вас Кутузова портрет?..») (стр. 366). Впервые — СО, 1816, № 23, стр. 150. Вошло в НБиС 1817. Печ. по более позднему автографу ГПБ. *Платов* гр. Матвей Иванович (1751—1818) — герой Отечественной войны 1812 г., генерал русской армии с 1801 г., атаман Донского казачьего войска. *Витгенштейн* гр. Петр Христианович (1768—1842) — фельдмаршал русской армии. В период Отечественной войны 1812 г. опоздал вывести свои войска к Березине, где переправлялись войска Наполеона, и потому не выполнил приказа М. И. Кутузова вытеснить французов из Полоцка и вместе с П. В. Чичаговым закрыть путь отступления наполеоновским войскам. *Манштейн* Христофор-Герман (1711—1757) — автор «Записок о России 1727—1744», участовал вместе с Минихом (см. стр. 681) в турецких походах. *«Наука побеждать»* — книга, написанная *А. В. Суворовым* (1730—1800).

«Прочь с глаз, сударыня, ты стен должна стыдиться...» (стр. 366). Впервые — СО, 1816, № 23, стр. 149. Печ. по НБиС 1817. *С ног походит на Вулкана* — т. е. хром; Вулкан (римск. миф.) — бог огня, бог-кузнец, был хромым.

(Разговор при входе на обсерваторию) («Швейцар! вот на! возьми билет...») (стр. 367). Впервые — СО, 1816, № 23, стр. 150. Печ. по НБиС 1817. В основу эпиграммы положен прозаический анекдот, приведенный Жаном-Франсуа Мармонтелем (1723—1799) в его «Eléments de littérature plaisante»: «Одна дама, отправляясь в обсерваторию смотреть затмение, сказала своей

спутнице, боявшейся опоздать: „Ничего, г. Кассини — мой друг, он повторит для меня"».

«Я видел вас вчера...» (стр. 367). Впервые — СО, 1816, № 45, стр. 267. Печ. по НБиС 1817.

«Когда ты, папенька, играть в банк перестанешь?..» (стр. 367). Впервые — СО, 1816, № 45, стр. 267. Вошло в НБиС 1817. Сюжет заимствован из эпиграммы Баратона (см. стр. 691) «L'Habitude». Мотив этот использовался многими поэтами, в частности есть такая эпиграмма и у Сумарокова. *Банк* — карточная игра.

«Каких лишились бы прекрасных мы стихов...» (стр. 367). Впервые — СО, 1816, № 45, стр. 267, анонимно. Печ. по НБиС 1817. Возможно, написано на Д. И. Хвостова (см. стр. 613).

«Корнет наш Ипполит...» (стр. 368). Впервые — НБиС 1817, стр. 62. *Грекур* Жан-Батист (1684—1743) — французский поэт. *Барков* — см. стр. 625.

«Всю проповедь отца Тарасия хоть кинь...» (стр. 368). Впервые — НБиС 1817, стр. 61.

«Не верят, что Хвастон...» (стр. 368). Впервые — ВЕ, 1817, № 1, стр. 70. Печ. по НБиС 1817. В журнале — Смрадон. Эпиграмма на Д. И. Хвостова. *Там нет козла.* Существовало обыкновение держать в конюшне козла, который якобы помогал против домового. В действительности же дело было в том, что запаха козла боялись ласки и другие мелкие хищники, пробиравшиеся в конюшни к лошадям.

«Не знаешь ты моей печали...» (стр. 368). Вольный перевод эпиграммы французского поэта Экушара Лебрена (1729—1807). «On vient de me voler...» («Dialogue entre un pauvre poète et l'auteur»). Впервые — НБиС, 1817, стр. 66, в ранней редакции. Печ. по автографу ГПБ. Эпиграмму переводил также И. И. Дмитриев («Я разорился от воров...») и А. Илличевский («Кого жаль»).

«Ветрана по уши в тебя, брат, влюблена...» (стр. 368). Впервые — СО, 1817, № 27, стр. 28.

«Наш общий друг Дамон...» (стр. 369). Впервые — СО, 1814, № 42, стр. 151. Печ. по НБиС 1817.

«Ну, милая, прощай: пора уж, я спешу...» (стр. 369). Впервые — Б, 1818, № 3, стр. 295. В 1805 г. в мартовском номере ЖРС было напечатано сатирическое стихотворение А. Измайлова «Верный любовник», состоящее из 35 строк, посвященное этой же теме. В стихотворении Измайлов высмеивал ложную чувствительность любовников. В 1817 г. это длинное стихотворение было переработано Измайловым в эпиграмму.

«Все бьют у нас челом перед судьей Фомой...» (стр. 369). Впервые — Б, 1818, № 3, стр. 296.

«Конечно, зол Глупон...» (стр. 369). Впервые — Б, 1818, № 3, стр. 295. Печ. по более позднему автографу ГПБ.

«Всё только с книгами! Не посидит с женою...» (стр. 370). Впервые — Б, 1818, № 4, стр. 15.

«Я русский дворянин; родился я в Малмыже...» (стр. 370). Впервые — Б, 1818, № 5, стр. 158.

«Я слышал, не живешь ты более с женой?..» (стр. 370). Впервые — Б, 1818, № 6, стр. 287.

«Теперь вы замужем!.. и не узнаешь вас...» (стр. 371). Впервые — Б, 1818, № 11, стр. 168. В автографе незначительное разночтение.

«Здесь Пустельгин лежит — не так-то был умен...» (стр. 371). Впервые — Б, 1819, № 1, стр. 12.

«Вот на, возьми определенье...» (стр. 371). Впервые — Б, 1818, № 9, стр. 283. *Определение* — см. стр. 691. *Голос* — мнение.

«Послушаешь одних, так очень глуп Дамон...» (стр. 371). Впервые — Б, 1818, № 12, стр. 273. Печ. по более позднему автографу. В рукописи Измайлов в сноске приводит текст А. Кантемира, подражанием которому является его эпиграмма:

«Умен ты, Бруте; порук тому счесть устанешь;
Да и ты же, Бруте, глуп; как то может статься?
Изрядно, и как я мню, могу догадаться:
Умен ты молча; а глуп, как говорить станешь.

В Б. он, кроме того, дает примечание: «Каюсь пред всеми в грехе: эта эпиграмма украдена мною у покойного князя А. Д. Кантемира».

«О, цензор! О, злодей!..» (стр. 372). Впервые — Б, 1822, № 1, стр. 40, с подписью: Баснин.

«У Лицемерина жена...» (стр. 372). Впервые — Б, 1822, № 1, стр. 39, с подписью: Баснин.

«Ну исполат Фаддею!..» (стр. 372). Впервые — РС, 1875, № 12, стр. 753. *Против отечества.* В 1812 г. Ф. Булгарин сражался на стороне Наполеона против русских войск. *«Сын отечества»* — исторический, политический и литературный журнал (1812—1852). До восстания декабристов в нем печатались статьи К. Рылеева, В. Кюхельбекера и др. После 1825 г., когда соредактором

Н. Греча стал Ф. Булгарин, журнал приобрел откровенно реакционный характер.

Надпись на дверях бывшей моей приемной (стр. 373). Впервые — «Славянин», 1830, № 11, стр. 843.

«Бесчестен наш Змеяд, однако любит честь...» (стр. 373). Впервые — Сочинения А. Измайлова, т. 1. СПб., 1849, стр. 354.

«Коль *теплое* дадут местечко мне, пойду...» (стр. 373). Впервые — Сочинения А. Измайлова, т. 1. СПб., 1849, стр. 354.

«Твои портреты очень схожи...» (стр. 373). Впервые — Сочинения А. Измайлова, т. 1. СПб., 1849, стр. 354.

Разные стихотворения

«Элегия на отставку гр. Д. А. Г. (стр. 374). Впервые — ОА, примеч. ко 2 т., стр. 566. Печ. по автографу ГПБ. В РС, 1873, № 8, стр. 112, под заглавием: «Красное яичко на день Пасхи 22 апреля 1823 г.» опубликовано другое стихотворение, близкое по теме к данной «Элегии». Саитов поставил под сомнение принадлежность Измайлову текста, опубликованного в РС. Действительно, нет достаточных оснований для того, чтобы считать его принадлежащим А. Измайлову, так как его нет в 4-томном собрании рукописей Измайлова в ГПБ. «Элегия», как назвал это сатирическое стихотворение И. И. Дмитриев, была написана Измайловым по поводу отставки министра финансов Дмитрия Алексеевича *Гурьева* (1751—1825). По отзыву В. П. Кочубея, Гурьев обладал умом неповоротливым. Он держался до тех пор, пока его поддерживал Аракчеев; лишившись его поддержки, он должен был оставить пост министра. В дневниках Н. И. Тургенева мы встречаем очень резкие отзывы о Гурьеве. Тургенев характеризует его как реакционера. 3 мая 1823 г. Измайлов пишет Яковлеву: «Для первого дни дал бог неожиданную радость — нового министра финансов. О старом поплакал Взметнев и еще кой-кто. Я не плакал, ей-богу, не плакал. Получил ли, любезнейший племянник, Элегию на удаление? Меня уверили, что на праздник эти стишки посланы к тебе. В среду они написаны, а в четверг читал уж их и гр. Милорадович. Что-то будет сочинителю!» (ПД). *В подвалах винных, в кабаках, все вопиют* и т. д. Измайлов потому представляет горе «воров» по винной части, что именно при Гурьеве им была дана особенная возможность наживаться. Для увеличения доходов была введена казенная продажа вина в двадцати губерниях и т. п. *Взметнев* Петр Алексеевич — действительный статский советник, близкий к Гурьеву человек, охарактеризованный Гречем (см. примеч. ко 2-й сатире Милонова) как вор. *Обрезков* — см. стр. 632. В войну 1806—1807 гг. России с Францией был генерал-кригс-комиссаром действующей армии, но «хищничество его сделалось так очевидно, что, несмотря на сильное покровительство, он уволен от должности и предан суду, который, однако же, оправдал его» (Вигель, ч. 2, стр. 96).

Вигель обвиняет Обрезкова в спеси, подлости, эгоизме, сребролюбии и разврате. *Румяны.* Обрезков румянился. *Дубенский* Николай Порфирьевич (род. 1779) — сенатор с 1825 г. В 1811 г. — симбирский вице-губернатор и управляющий симбирскими казенными винокуренными заводами, с 1819 г. был директором Департамента разных податей и сборов. Именно в период, когда Гурьев был министром финансов, Дубенский был награжден орденом св. Владимира 2-й степени Большого креста, в 1821 г. стал тайным советником. Впоследствии при ревизии дел бывшего Департамента государственных имуществ он был отдан под суд, и хотя и освобожден от наказания по манифесту 1841 г., но уволен от звания сенатора. *Мечников* Евграф Ильич (1770—1836) — горный инженер, директор Горного департамента и Горного корпуса в 1817—1824 гг. *Граф* — Гурьев.

На перемещение М. (стр. 374). Печ. впервые по автографу ГПБ. Написано, очевидно, в 1824 — начале 1825 г., когда *Е. И. Мечников* был освобожден от должности директора Горного департамента и Горного корпуса и стал сенатором. Мечников, судя по некоторым данным, пользовался особым покровительством Гурьева. Увольнение Гурьева с поста министра финансов повело за собой и уход Мечникова с должности директора Горного департамента и управляющего Горным корпусом. Назначение Мечникова в 1824 г. сенатором было благовидной формой удаления его от дел. *Канкрин* гр. Егор Францевич (1776—1845) — сменил Гурьева на посту министра финансов. *Друг Сатанин* — Мечников. *Восстань, великий Петр.* Тема Петра I, обращение к нему очень часты в творчестве Измайлова. Сенат, в котором некогда говорил «истину» великому царю сенатор Яков Долгоруков, противопоставлялся многими современному Сенату, где заседали или бесчестные, или ничтожные люди. *Евграшка* — Мечников.

Совет новому сенатору (стр. 375). Печ. впервые по автографу ГПБ. Обращено также к Мечникову.

Молитва питейных чиновников (стр. 375). Печ. впервые по автографу ГПБ. Посвящено также назначению Мечникова в Сенат. *Дубенский* — см. примеч. к «Элегии на отставку гр. Д. А. Г.» *Совет* — Государственный совет. *Контролер* — проверяющий отчетность. Очевидно, намек на назначение Дубенского в 1825 г. председательствующим в Комитет учреждений для изыскания способов к улучшению состояния городов и в Комитет об уравнении земских повинностей по государству.

Письмо светлейшего князя Сатаны к его пре-ву Е. И. М. (стр. 376). Печ. впервые по автографу ГПБ. Очевидно, посвящено также назначению Мечникова сенатором. *Шешковский* — см. стр. 621. *Али-паша* (1741—1822) — албанский властитель, сераскир Румелии. Али-паша был чрезвычайно жесток, вел изменническую политику в своих отношениях с европейскими державами.

Песня («Пусть задорный пес Фаддей...») (стр. 376). Впервые — РС, 1875, № 12, стр. 753. Печ. по рукописи ГПБ. В РС —

1-й стих: «Пусть задорный наш Фаддей», 14-й стих: «Вора Павла Скотина». *В полынье его крестя* — намек на басню «Слон и собаки». *Свиньин* — см. стр. 680. *За язык, в пример другим* и т. д. — намек на басню «Лгун».

С л е н и н а л а в к а (стр. 377). Впервые — РА, 1864, вып. 7 и 8, стр. 812. Печ. по автографу ГПБ. Пародия на «Три песни» Жуковского. *Сленин* Иван Васильевич (1789—1836) — известный книгопродавец, издатель. *Каталани* Анджелика (1779—1849) — знаменитая итальянская певица. *Хвостов* — см. стр. 613. *Тимковский* Иван Осипович (1768—1837) — цензор (1804—1821). А. С. Пушкин упомянул о Тимковском в эпиграмме: «Тимковский царствовал — и все твердили вслух, что вряд ли где ослов найдешь подобных двух...» и во «Втором послании к цензору». *Гераков* — см. стр. 641. *И крестному батьке.* Намек на басню «Слон и собаки». *Язык ему надо немножко присечь.* Н. И. Греч отличался болтливостью; по-видимому, здесь также намек на слухи, что Греч был высечен в полиции. *Сомов* Орест Михайлович (1793—1833) — журналист, поэт и переводчик. *Козлов* — см. стр. 679. *С поляком бездушным я бился вдвоем.* Измайлов подразумевает свою басню «Фаддей с фонарем». *Безграмотный ротмистр.* Намек на сказку «Судья Фаддей», где упоминается ротмистр Брамербас, и на военное прошлое Фаддея Булгарина. *Судьею его посадил я в Приказ.* Измайлов имеет в виду сказку «Судья Фаддей», направленную против Булгарина.

М о я и с п о в е д ь К. С. М. (стр. 378). Впервые — не полностью — сб. «Памяти Леонида Николаевича Майкова». СПб., 1902, стр. 275. Печ. по автографу ГПБ. *К. С. М.* — одна из знакомых дам А. Измайлова в Архангельске. *Красовский* — см. стр. 675. *Бируков* Александр Степанович (1772—1844) — с 1821 г. цензор Петербургского цензурного комитета. А. Измайлов в своих письмах, иногда поругивая Бирукова, все же, в целом, относился к нему доброжелательно. Так же относился к Бирукову и А. С. Пушкин, который писал даже однажды брату и Плетневу (15 марта 1825 г.): «Бируков человек просвещенный; кроме его, я ни с кем дела иметь не хочу». На Бирукова неоднократно поступали доносы за пропуск той или иной «сомнительной» книги. *Ей-богу.* Намек на цензурные затруднения с басней «Карета и лошади» (см. стр. 690). *Воров бесстыдно* и т. д. Вся эта строфа, вероятно, направлена против С. И. Миницкого, архангельского генерал-губернатора, которого Измайлов обвинил в лихоимстве. *У трона* и т. д. Вероятно, намек на то, что Миницкий поехал в Петербург и благодаря своим связям смог оклеветать А. Измайлова и оправдать себя. *Когда мука́* и т. д. А. Измайлов пишет в одном из своих писем о том, что в «казенную муку, которая поставлялась в магазины, сыпали нарочно песок, чтобы мука была тяжелее». *Коль проповедник буйный там* и т. д. Вся эта строфа, очевидно, направлена против архангельского епископа Аарона. Человек просвещенный и, по признанию самого Измайлова, умный, он очень любил произносить проповеди, к чему у него не было никакого призвания. «У нашего преосвященного Аарона, — писал Измайлов 5 апреля 1829 г., — говорить проповеди охота смертная, но участь горькая». «Третьего

дня, — пишет Измайлов в другом письме, — наш преосвященный заставил Спасителя гонять голубей, говорил о кротости ослиной и о каких-то контрактах, заключенных с бесами...» В письме от 24 июля 1828 г. А. Измайлов характеризует Аарона стихами:

Царя пожаловал он видимым Христом,
Христа ж — в фельдмаршалы и даже в генералы.

Люстр — lustrum (лат.), пятилетие. *Теньер* или Тенирс Давид Младший (1610—1690) — художник-жанрист, изображавший преимущественно жизнь фламандского простонародья. Измайлова часто сравнивали с Теньером. *Галатея* — журнал, где помещались модные картинки.

«Был негде, некогда судья высокомерный..» (стр. 382). Печ. впервые по автографу ПД. Дата написания не известна.

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ДОЛГОРУКОВ

Приказ швейцару (стр. 388). Впервые — БСМ 1, стр. 113. Вошло в БСМ 2. Печ. по БСМ 3. Написано в Пензе в то время (1793), когда И. М. Долгоруков был пензенским вице-губернатором. Послание обратило на себя внимание в Москве «оригинальностью своего содержания, хотя иные видели в нем хвастовство молодого вице-губернатора, желающего выставить свою правдивость и доступность; другие находили откровенность, неприличную его званию» (М. А. Дмитриев. Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения. М., 1863, стр. 31—32). Долгоруков в период своего губернаторства относился к службе «в восхищении юного человека, который на все смотрит с пламенным желанием свет образовать и сделать лучшим». Он пишет в своих «Записках», что главным правилом поставил для себя блюсти целость «царских доходов как зеницу ока; щадить и миловать, не отступая от правды, подверженных мне человеков, т. е. казенных крестьян» («Повесть», стр. 229, 254). *Купцам скажи, что я в них нужды не имею.* В ЦГАЛИ сохранилась записка Долгорукова, которая служит интересным комментарием к этому стиху: «Приказ швейцару. 1. Если господин Смирнов Савва Сергеевич или кто из его семьи и из семьи купца Филиппа Алферова, приехав в дом наш, пожелает меня видеть в собственных моих покоях, то сказать, что меня для них нет и не будет никогда дома. В удостоверение чего позволяю тебе показать им сей за рукою моей приказ.

Кн. Иван Долгоруков.

2. Если от кого-либо из них же придет не к жене моей, а ко мне за чем-нибудь слуга, то не впускать его ко мне ни для какой важной причины, отобрать, зачем пришел, и, мне доложа, ожидать моего приказу, а до оного ни в кабинет, ниже в сени кабинета не впускать. Генваря 14 дня 1795 года.

Долгоруков».

(ЦГАЛИ 8). Вероятно, причиною такого отношения И. М. Долгорукова к этим купцам были какие-нибудь попытки приноса «подар-

ков», т. е. взяток, вице-губернатору. *Попам, что и без них спастись один умею.* Долгоруков пишет в «Записках» о том, что митрополит Платон (см. стр. 690) был предубежден против него за этот стих. Долгоруков утверждал, что нравственным своим воспитанием обязан был своей жене Евгении Долгоруковой, которую многие, по-видимому справедливо, обвиняли в деизме. Сам Долгоруков позволяет себе многие критические замечания по адресу духовенства. Самого Платона Долгоруков порицает за тщеславие, которое проявилось в украшении выстроенного Платоном храма в Мохринской обители. *Цуг* — см. стр. 643. *Случалось мне видать* и т. д. Биограф И. М. Долгорукова М. Дмитриев говорит, что вся эта характеристика относится к реальному лицу: «Тогда в Пензенской губернии, в своем богатом поместье, жил один вельможа в отставке, содержа откупа, и потому имел нужду во всех должностных лицах губернии, особенно в вице-губернаторе; он давал им в своей деревне жирные обеды и великолепные праздники, на которые не только усердно приглашал их, но ухаживал за ними, угождал им, и даже некоторым делал подарки. Князь Долгоруков не мог видеть этого без отвращения и упомянул о нем в стихотворении „К швейцару"» (М. А. Дмитриев. Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения. М., 1863, стр. 33—34). Этим пензенским помещиком был князь Александр Борисович Куракин (1752—1818), друг Павла I. Во время Французской революции Долгоруков «пленялся софизмами гг. философов и неравнодушен был к их успехам» и перенял от республиканцев «моду не чесаться и не пудриться». Куракин сообщил об этом Павлу, который, став императором, «выключил... из службы» Долгорукова как «преопаснейшего гражданина» («Капище», стр. 342). *Сидит на двойке* — т. е. картежник. *Окончив тяжкий срок рекрутских* и т. д. В круг обязанностей вице-губернатора входило председательство в рекрутском присутствии. В своих неопубликованных записках Долгоруков говорит: «Между народными повинностями в России нет тяжелее для поселян рекрутского набора, сколько по самому физическому ее предмету, столько и по беспорядкам, сопровождающим сие гражданское действие...» Сам он проявлял большую гуманность по отношению к крестьянам, в то время как многие вице-губернаторы наживались на рекрутских наборах. «Я никак не могу понять, — писал Долгоруков, — как дышат спокойно те хищные злодеи государства, кои при столь насильственном действии, каков по одной уже натуре своей рекрутский набор, отнимают за деньги у жены мужа, у матери сына, для прикрытия своих видов наклепывают на них пороки, разоряют домы и перепродают людей с разными подлогами, терпят и совершают» (ПД).

Парфену (стр. 392). Впервые — БСМ 1, стр. 121, под заглавием «Бедняку». Вошло в БСМ 2. Печ. по БСМ 3. Очень близкое по своему духу, по основной мысли к стихотворению «Авось», стихотворение под заглавием «Бедняку» вошло во многие рукописные сборники. М. Дмитриев пишет, что стихотворение это написано Долгоруковым в молодости. В 15-й строфе Долгоруков сравнивает жизнь с морем, в котором «гадов несть числа». На это сравнение ссылается в сатире «Беспристрастный зритель» Горчаков, причем

присоединяется к этому утверждению, как давно ему известному. Следовательно, «Парфену» было написано до 1794 г.

Камин в Пензе (стр. 394). Впервые, по свидетельству Долгорукова («Повесть», стр. 330), — отдельным изданием в 1795 г. в Рузаевке (типография Н. Е. Струйского) лишь в количестве нескольких экземпляров (библиографическая редкость). Вторично — М., 1799, под заглавием «Камин», с французским переводом профессора Московского университета Карла Авиата де Ватей. Вошло в БСМ 1, 2. Печ. по БСМ 3. Сочинил Долгоруков «Камин», судя по его «Запискам», в октябре 1795 г. Однако в БСМ 1 Долгоруков сообщает, что стихотворение было впервые издано в 1794 г. «Камин» имел большой успех в Москве, в Петербурге и даже в Париже, где им заинтересовался известный французский поэт Делиль. Долгоруков воссоздает в своих записках атмосферу дня, когда был написан «Камин»: «Вижу тот самый кабинет, тот стол, за которым я его писал, жена сидела за пяльцами; мы были только двое; я ходил взад и вперед по комнате и подкладывал дрова в камин. Огонь в нем не переводился; погода на дворе была сырая и мрачная, все влекло дух к утомительной меланхолии. Один только предмет мне препятствовал сладко задумываться. Против самых окошек моих дом был Ступишина. Я не мог равнодушно смотреть на сие жилище моего врага» («Повесть», стр. 331). Ступишин — пензенский губернатор, враждовавший с Долгоруковым. *За́мки шпански строю.* Строить испанские замки — фантазировать, мечтать. *Смятенным градом* — старинная форма дательного падежа множ. числа. *Нарохтится.* Нарыхтаться — навязываться, набиваться, здесь: стараться.

Параше (стр. 399). Впервые — Аониды, III, 1798—1799, стр. 264. Вошло во все издания БСМ. Печ. по БСМ 3. В Аонидах и в БСМ 1 5-я строфа читалась:

Хозяйка по́ходя смеется
Всегда на чей-нибудь да счет.
Вот в ней-то подлинно ведется:
И лисий хвост, и волчий рот.

В БСМ 2 Долгоруков, поддавшись уверениям рецензентов, что «лисий хвост и волчий рот» слишком грубое выражение, чтобы говорить так о женщине, изменил строфу. Долгоруков снял также в БСМ 2 последние две строфы (25—26), которые рецензенты посчитали излишними, но в БСМ 3 опять вернул их. *Боскет* — куща кустов или деревьев, садик, аккуратно подстриженный. *Стерн* Лоуренс (1713—1768) — известный английский писатель, автор «Жизни и убеждений Тристрама Шенди», «Сентиментального путешествия по Франции и Италии».

Авось (стр. 402). Впервые — ПППВ, 1798, № 68, стр. 241. Вошло в БСМ 1, 2. Печ. по БСМ 3. Одно из наиболее популярных стихотворений Долгорукова, вошедшее во многие рукописные сборники. Было напечатано благодаря И. П. Тургеневу, директору Мос-

ковского университета, отцу братьев Тургеневых. «Написавши... «Авось» и «В последнем вкусе человек», — говорит Долгоруков, — я их роздал приятелям своим в рукописи; они дошли до сведения г-на Тургенева, которой задрал меня самым лестным письмом и просил позволения напечатать их в издаваемом тогда журнале. Я согласился и, как скоро они показались в свет, то я сделался публике известен. Удостоясь ее одобрения, стал продолжать труды мои в стихотворстве» («Капище», стр. 40). «Авось» пользовалось особенным успехом, многие подражали Долгорукову, однако чисто внешне, не обращая внимания на сатирическую направленность стихотворения. Петр Розанов напечатал, например, довольно слабые стихи в ДП (1806, ч. 2, май), озаглавленные «Авось». Кашин в стихотворении «Ох!» обращался к картежникам со словами: «И словом вы *авось* себя уже не льстите» (МК, 1805, ч. 1, стр. 132). В последнем номере «Журнала для милых» за 1804 г. П. Шаликов заявлял: «К лучшему и *авось* были руководителями нашими. — *Авось* Журнал для милых будет хорош — и в самом бы деле *авось* не солгал; если бы нас не расстроило во многом несогласие... Пегас наш стал спотыкаться. — *Авось* и бедный конь упал! — Злой *авось!* никогда на вас не понадеемся». А. С. Пушкин упомянул о стихотворении Долгорукова «Авось» в «Евгении Онегине». *Сякнуть* — истощаться, гибнуть, пропадать.

В последнем вкусе человек (стр. 408). Впервые — ПППВ. 1798, № 68, стр. 249. Вошло в БСМ 1, 2. Печ. по БСМ 3. Против эгоизма, «самственности», как говорил Радищев, выступали передовые деятели эпохи. Не случайно, что эти стихи Долгорукова понравились И. П. Тургеневу, масону, близкому к кругу Н. И. Новикова. От XVIII в. унаследовали ненависть к индивидуализму, себялюбию, стремление бороться за «благо общее» и будущие члены тайных обществ. *Гудки с двора — и жар простыл* — т. е. окончилась пляска. Гудок — народный инструмент, род скрипки без выемок по бокам, с тремя струнами.

Спор (стр. 412). Впервые — «Иппокрена», 1800, № 82, стр. 62. Вошло в БСМ 1, 2. Стихи эти были «в большой славе»; насмешливый вывод, сделанный поэтом после своего безуспешного спора о преимуществах солнца перед луной с княгиней Варварой Александровной Трубецкой, повторялся всеми как поговорка. «Спор» входит в цикл стихотворной переписки Долгорукова с Трубецкой, которая сама писала стихи. Зимой в московском доме Трубецких, а летом в «подмосковной, называемой Очаково, в 7-ми верстах от города», происходили балы, маскарады, театральные представления, в которых участвовал и И. М. Долгоруков. «Княгиня Варвара Александровна — женщина самого твердого характера, умна, любезна, — говорит И. М. Долгоруков, — и пишет прекрасно... была душа всего семейства.. .В Очакове был у нее кабинет в саду, в котором помещены вензеля всех занимающихся литературой. В том числе я имел удовольствие найти и свое имя» («Капище», стр. 273).

Я (стр. 414). Впервые — БСМ 1, стр. 9. Этой поэтической автобиографией Долгоруков открывал первое и второе издание своих

сочинений. *Великому царю... правду рек.* Речь идет о князе Якове Федоровиче Долгорукове, знаменитом подвигами и бесстрашной правдивостью сподвижнике Петра I. И. М. Долгоруков происходил от родного брата Я. Ф. Долгорукова — Григория Федоровича, посланника в Польше, пользовавшегося также доверенностью Петра I. *Мой дед* и т. д. Имеется в виду Иван Алексеевич Долгоруков, любимец Петра II, известный своим быстрым возвышением и быстрым падением: после неожиданной смерти Петра II он был сослан и через несколько лет казнен. *Жена его* и т. д. Имеется в виду бабушка И. М. Долгорукова, княгиня Наталья Борисовна Долгорукова, дочь славного своими подвигами современника Петра I, Бориса Петровича Шереметева, делившая со своим мужем все невзгоды, а затем принявшая схиму. Образ ее в русской поэзии и литературе окружен поэтическим ореолом. И. И. Козлов написал поэму о ней, Рылеев — одну из своих «дум». *На разных языках мололи мне а з, б у к и.* До восьми лет И. М. Долгорукова обучала француженка madame Constantin, а с восьми лет к нему принят был в воспитатели иностранец Руле, с которым он привыкал говорить по-латыни и по-французски. Отец готовил его к дипломатической карьере и сам начертал план его обучения — И. М. Долгоруков должен был изучать латынь, немецкий и французский языки, историю, географию, литературу и математику. С другим преподавателем, Совере, очень сведущим человеком, Долгоруков изучил латынь в совершенстве, так что мог читать, как русскую книгу, Горация, Вергилия, Корнелия Непота. Его утверждение о том, что «всё по пустякам», полемично. *По толка́м.* Читать по толка́м — по складам. *А я стал скоморох.* Подлинной страстью И. М. Долгорукова был театр, и сам он был талантливым артистом, очень часто выступавшим во всевозможных светских спектаклях. И. М. Долгоруков брал уроки у актера французского императорского театра при Екатерине II Жана Офрен (1728—1804). «Он меня полюбил, — пишет И. М. Долгоруков, — нашел во мне способность подражательную и, примерно обучая представлять разные роли, довел до того, что я мастерски перенимал его голос, ухватки, игру и вообще всю его дикцию или произношение. Сходство с ним произвело ту славу, которую я стяжал в молодости на всех благородных театрах. Сенатор Стрекалов, управлявший придворными увеселениями, увидя меня однажды на сцене, сказал мне: «Жаль, что вы князь Долгорукой, а то бы я вам дал тотчас четыре тысячи жалованья и принял ко двору» («Капище», стр. 176). *Перебивать* — здесь: говорить, болтать. *Пря* — спор, борьба. *Купидо* — Купидон, у римлян бог любви, латинское имя Эрота. *Мужчина за канва.* Многие мужчины в то время вышивали. Может быть, имеется в виду А. И. Корсаков, который, как рассказывали, послал однажды в подарок свою вышивку императрице Марии Федоровне, в ответ она прислала ему бриллиантовые серьги, уверенная, что только женщина могла сделать такую вышивку. *Гуляфная вода* — розовая вода; гуляф — роза, шиповник. *Синав* — герой трагедии Сумарокова «Синав и Трувор». *Детрейше Генрих.* Очевидно, подразумевается «прекрасная Габриэль» — Габриэль д'Эстрэ, герцогиня де Бофор (1571—1599), возлюбленная французского короля Генриха IV.

Камин в Москве (стр. 419). Впервые — БСМ 1, стр. 159. Вошло в БСМ 2. Печ. по БСМ 3. *Катон* — очевидно, Катон-Старший (234—149 до н. э.), государственный деятель древнего Рима; враг города Карфагена (северный берег Африки); он заканчивал каждую свою речь словами: «Карфаген должен быть разрушен». *Сбитенщик... Степан* — герой комической оперы «Сбитенщик» (1783) Я. Б. Княжнина.

Война каминов (стр. 426). Впервые — БСМ 1, стр. 171, под заглавием «Задор пензенского камина». *Хоть я в провинции родился.* См. примеч. к «Камину в Пензе». *В печати два раза.* «Камин в Пензе» был издан в 1795 и 1799 гг. *Француз* — Карл Авиат де Ватей (см. стр. 706). *Себя, меня, «Авось», «Глафиру» и Эгоиста написав.* Себя — стихоторение И. М. Долгорукова «Я». Меня — «Камин в Пензе». Глафира — цикл стихов, посвященных Глафире, т. е. княжне Варваре Петровне Волконской, которой Долгоруков был увлечен. «Она произвела из меня стихотворца, — писал Долгоруков, — без любви к ней я бы, может быть, никогда не написал лучших моих сочинений» («Капище», стр. 282). Стихи «Глафире» пользовались большим успехом у читателей. Эгоист — вероятно, «В последнем вкусе человек» (см. стр. 408).

Пир (стр. 428). Впервые — БСМ 1, стр. 241. Вошло в БСМ 2. Печ. по БСМ 3. *Знакомый малый вздорный* — поэт Петр Иванович Шаликов (см. стр. 674), к которому Долгоруков относился весьма иронически. По отзывам современников, Долгорукову удалось в «Пире» создать очень похожий портрет Шаликова. *Вон в роще незабудка.* Долгоруков, подобно всем современникам, издевается над сентиментальностью Шаликова (на одном карикатурном рисунке Шаликов был изображен с цветочком в руке) и его низкопоклонством. В своих записках Долгоруков говорит, что Шаликов называл себя его другом до тех лишь пор, пока Долгорукова не постигли служебные неудачи. *Бостон* — карточная игра. *Сампрандр* — (от французского sans prendre, т. е. не беря) в ломбере такое объявление игры, при котором игрок, называя козырную масть, отказывался от прикупа. *Аониды* — альманах (см. стр. 609), издававшийся Н. М. Карамзиным. *«Параша»* — стихотворение И. М. Долгорукова «Параше», напечатанное в «Аонидах» (см. стр. 399). *Параши, Селимены.* Параша и Селимена — героини стихотворения Долгорукова «Параше». *Куверт* — столовый прибор. *Моро* Жан-Виктор (1763—1813) — французский полководец, в 1796 г. главнокомандующий рейнской и мозельской армией, в 1800 разбил австрийцев. *Макдональдов бой.* Макдональд Этьен-Жак-Жозеф-Александр (1765—1840) — французский полководец, родом ирландец. Имена Моро и Макдональда упоминаются Долгоруковым в связи со знаменитым Итальянским походом (1799) Суворова. Суворов, завладев Миланом и Турином, в полтора месяца освободил от французов почти всю Северную Италию. Разбитая при реке Адда французская армия укрылась за горами вокруг Генуи. Начальник ее генерал Моро ждал помощи от французских войск, находившихся на юге Италии, откуда к нему и спешил на помощь генерал Макдональд. Но Суворов пошел навстречу Макдональду и разбил

его в упорной трехдневной битве на берегах реки Требиа. *Корнет* — головной женский убор вроде чепчика. *В Мадрид с испанцами подраться.* После переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) во Франции Наполеон Бонапарт добился от Испании обязательства вести войну против союзницы Англии — Португалии; испано-португальская война 1801 г. явилась отражением острой борьбы между Англией и Францией за гегемонию в Европе. *Фузеи* — кремневые ружья. *Урыл.* Урывать — бежать, скрыться.

Везет (стр. 434). Впервые — БСМ 3, стр. 30. Печ. по авторизованному списку ЦГАЛИ 9, подаренному Долгоруковым П. А. Вяземскому, который был почитателем его таланта. Этот список в высшей степени интересен тем, что в нем есть 2 строфы — 8-я, направленная против русского духовенства, и 10-я, обличающая вельмож, — отсутствующие в печатном тексте. Очевидно, что строфы эти не были пропущены цензурой. В данном издании они печатаются впервые. Стихотворение переписано неизвестной рукой (вероятно, дочерью И. М. Долгорукова), а в конце следует приписка самого Долгорукова: «Князю Вяземскому подлинная сия безделка от сочинителя ее, готового удовлетворить и всегда подчиненного желаниям Вашего сиятельства». И формой, и основной мыслью «Везет» связано с «Авось», являясь как бы его продолжением. Сам Долгоруков указывает на преемственную связь, существующую между этими двумя стихотворениями. Написанное, по-видимому, в 1813 г., «Везет» подводит итог многим жизненным наблюдениям Долгорукова. В строфе 15-й в БСМ (в данном тексте — 17-й), стих 3-й читается: «с богатырем играли в свайку». *Теперь я стал мужик свободный.* 23 марта 1812 г. вышел указ об отставке князя Долгорукова, бывшего губернатором во Владимире. *О ком-то, помню, басня пела.* Имеется в виду сказка И. И. Дмитриева (см. стр. 642) «Искатели фортуны» (1794). Долгоруков пишет в «Капище», что «многие резкие места» в сочинениях «Песнь невинности», «Везет» «и тех, кои напечатаны при переводе Филибера», он относил прямо к И. И. Дмитриеву. «И прямо бил в него, как в мишень». Долгоруков называет Дмитриева иезуитом, холодным эгоистом. «Он и в отставке был предметом царских щедрот, и с ним совершенно сбылась сия речь в одной его басне:

Он спит, а у него фортуна в головах.

И подлинно, он дошел до высших чинов в империи не столько трудами и службою, как беспрестанной отставкой... никогда не назову его ни честным, т. е., по-моему, прямодушным, ни добрым человеком» («Капище», стр. 139). Долгоруков считал, что из-за козней Дмитриева в 1816 г. ему был вынесен Сенатом приговор. Отрицательного мнения о Дмитриеве был и Милонов. *Цинциннат* Луций Квинкций (род. ок. 519 до н. э.) — римский политический деятель и полководец. Согласно преданию, он жил в деревне, сам обрабатывал свое поле, и от сохи был призван принять обязанности диктатора, сложив же их, вновь вернулся в деревню. Он считался образцом доблести и скромности, гражданином, который служил отечеству «мечом и плугом». *Нижé* — ни даже. *Попал театрить во*

дворце. Долгоруков в «Капище» рассказывает о том, как он попал в милость к будущему императору Павлу I, тогда цесаревичу, и выступал на сцене придворного театра. «Любезен, умен, насмешлив, он (Павел. — *Г. Е.*) не чуждался общества, охотник был до театра и всякой забавы. Рассудилось некогда супруге его дать ему сюрприз, для которого назначено было сыграть в Павловске драму французскую: «L'honnête criminel». Никто из придворных душистых кавалеров не хотел играть роли старика отца в 90 лет. Всякий из них боялся, чтоб с одеянием вместе не пристала к нему и старость персонажа. Надобно было прибегнуть к городским артистам; в их сословии я более всех тогда отличался театральным искусством, и меня завербовали. Я привезен в Гатчино: это было в сентябре, и неделю прожил под спудом, в покоях тамошнего управителя Бенкендорфа; в день представления меня выпустили; я сыграл удачно свою ролю, пропел потом куплет в опере и протанцевал в балете. Это привлекло мне внимание публики и их высочеств. После театра я призван во дворец, и с того числа сделался обывателем оного. Великий князь приглашал меня ездить к нему, когда хочу» (стр. 70). *С царевичем играли в свайку, или в воланы на крыльце.* Долгоруков рассказывает об этих забавах в «Капище»: «Пока он был наследником, и говаривал с ним, и шутил, и резвился невозбранно. Однажды, при Потемкине, метал с ним в волан, и раз до 500 ударили оба в ракетки; а сколько игрывал в свайку, в жмурки, и во все! Можно некоторые черты привольного моего тогдашнего житья заметить в напечатанных моих стихах под названием: „Везет"» (стр. 72). *А ныне всё пошли метели* и т. д. Долгоруков потерял доверенность Павла I, очевидно, по ряду причин. Прежде всего, Павел I ненавидел штатских и отнесся, видимо, с негодованием к тому, что Долгоруков подал в отставку с военной службы и уехал в Пензу вице-губернатором. В дальнейшем: «надули ему в уши, что я привержен к Французской революции, и взволновали его воображение на мой счет, что он, тотчас по восшествии на престол, выгнал меня из службы» («Капище», стр. 72).

Черты свободного писателя (стр. 440). Впервые — БСМ 3, ч. 1, стр. 167. Было написано в 1813 г. в Шуе, после освобождения Москвы от французов. Сатира направлена против корыстолюбия писателей, находящихся «в неволе у властей». *В Русском.* Очевидно, подразумевается журнал «Русский вестник». *Клоб* — клуб. *Демосфен* (см. стр. 660). Образ Демосфена, неподкупного древнегреческого оратора и патриота, занял видное место в публицистике периода Французской буржуазной революции конца XVIII в., поэтому использование этого образа Долгоруковым в борьбе против поставщиков официозных од, продающих за деньги свой талант, принципиально. *Калиш* — губернский город на реке Просне, отделявшей Калишскую губернию от Пруссии. *Астрея* (греч. миф.) — богиня справедливости.

Торжество совести (стр. 445). Впервые — БСМ 3, стр. 174. Написано, по-видимому, в 1813—1814 гг. после поражения Наполеона. *Фараонитская слава.* Долгоруков имеет в виду непрочность и призрачность славы, основанной на завоевательной

политике. Египетские фараоны вели когда-то победоносные войны, но Египет подпал под власть чужеземцев, и от былой «славы» фараонов остались одни надписи на пирамидах. *Велий* — великий, превышающий обычную меру, большой. *Он золотом облит* и т. д. Характеристика графа Николая Петровича Шереметева, одного из первых богачей России. В «Повести» Долгоруков рассказывает о том, как однажды Шереметев вынудил Долгорукова к нему приехать обедать: «Каково было мне видеть золотом залитых слуг в том самом доме, где некогда отец мой хаживал босой, имея право на четыре тысячи душ?» («Повесть», стр. 262). И. М. Долгоруков обвиняет Петра Борисовича Шереметева, брата Н. Б. Долгорукой, в том, что он, воспользовавшись ссылкой своей сестры, захватил все ее имение и не вернул его даже тогда, когда Наталье Борисовне была возвращена свобода. *Кивот* — киот, поставец для икон. *Что в пользу бедных он комедию давал.* У Шереметева был свой театр. *Феникс* (егип. миф.) — душа Озириса, священная птица, сгоравшая и снова возрождавшаяся из пепла. *Бесстыдного царя* и т. д. Речь идет о Наполеоне, вместе с тем содержит намеки и на русскую действительность. *Кесарь* — цезарь, титул римских императоров. В 1804 г. Наполеон провозгласил себя императором. *Траян* Марк Ульпий (56—117 н. э.) — с 98 г. римский император, который провел ряд мер с целью поднять благосостояние империи: отменил ряд налогов; заботился о воспитании бедных детей; соорудил в Риме водопровод, расширил сеть дорог, строил гавани, гимназии и др. *Чёмер* — в народном словоупотреблении: сковывающая боль. *Чивый* — щедрый, тороватый. *Чужие племена.* Завоевания Наполеона сопровождались перекраиванием политической карты Европы, основанием новых государств (итальянских республик, Варшавского герцогства) и возведением на престол родственников Наполеона (в Голландии, Вестфалии, Неаполе). *Удачны брани* — подразумеваются победы Наполеона. *Махиавель* — Макиавелли Николо ди Бернардо (1469—1527), итальянский государственный деятель и политический писатель, для укрепления абсолютистской власти советовал не стесняться средствами, основывать политику на расчете.

Нечто для весельчаков (стр. 453). Впервые — с пропуском ряда стихов — ВЕ, 1815, № 5 и 6, стр. 38. Печ. по БСМ 3. Написано, очевидно, летом 1814 г. В своих записках Долгоруков говорит, что написал сатиру «на светские обычаи», называя так, очевидно, сатиру «Нечто для весельчаков». *Венец* — ряд бревен в срубе, ярус бревен; рубить венцы насквозь — прорубать большие окна. *Отомат* — автомат. *Не ради* — не рады. *Кинкет* — кенкет, комнатная лампа, в которой горелка устроена ниже масляного запаса. *Жан-Жак* Руссо — см. стр. 680. *Иной у всей родни именье отобрал.* Вероятно, намек на богача графа Николая Петровича Шереметева, против которого направлена сатира «Торжество совести». В «Капище» Долгоруков пишет: «отец его лишил мать отца моего, а его сестру родную всякого достояния законного, отняв у дома нашего до 4000 душ» (стр. 240). *Мафусалем* — Мафусаил, библейский патриарх, отец Ноя; по преданию, жил 969 лет. *И в обществе друзей комедии играть* и т. д. После отставки Долгорукова пред-

ставители «светского общества» издевались над князем по поводу того, что он организовал у себя театр и, в его возрасте, сам играл на сцене. Долгоруков отвечал злым языкам стихотворением «Мой театр»:

Меня поносят, слышу, строго,
Зачем так тешу я себя;
Кричат: он, видно, нажил много,
И честь, и совесть погубя!
Прошу покорно всех нахалов
Мой дом прийти ревизовать,
Моих завидных капиталов
Наличность мягку осязать!

Найдут дестей бумажных кучу,
Куда чернил потоки лью,
На коих лет уж 30 мучу
Я руку правую мою...

Семира Болеславна (стр. 462). Впервые — БСМ 3, стр. 50. Написано, по-видимому, в 1816 г. Комментарием к сатире служит характеристика провинциального дворянства, которую Долгоруков дает в своих неопубликованных записках (ПД): «Дворянство (как и везде, думаю), живучи в своих поместьях, угождает низким страстям, от праздности происходящим. Юношество благородное воспитывается небрежно, учение бедное, одной русской грамоте... И так потомки благородных и высоко благородных не обещают большой пользы государству. Чиновные и богатые помещики, оставляя свои деревни в деспотическом управлении заслуженных своих холопей, жмутся около двора, а те, кои живут на владельческих своих землях, курят табак, травят зверей, пьют пунш и портят девок. Долго еще мы будем находить по селам оригиналы фон Визиновых Недоросля, Бригадира, Советника — и даже Скотинина». Долгоруков написал «Семиру Болеславну» в деревне у тещи, насмотревшись на уездные нравы. «По слогу ее можно видеть, — пишет Долгоруков, — что мне было не скучно и что везде найдешь забавных оригиналов» (ПД). *Сусек* — засек, закром, ларь в амбаре для ссыпки зернового хлеба. *Венев* — уездный город Тульской губернии. *Кашира* — уездный город Тульской губернии на реке Оке. *Епифань* — уездный город Тульской губернии на левом берегу Дона. *Жерёха.* Очевидно, Долгоруков подразумевает рыбу жерех, водившуюся в реках Урале и Волге, ее икра янтарного цвета была предметом торговли. *Я к свадьбе заказал миндальную трубу.* Долгоруков вспоминает в своих записках о богатом тамбовском помещике, послужившем ему прототипом для героя комедии «Дурылом». В течение 12 лет этот помещик состоял старшиной «Владимирского редута», был специалистом по организации всевозможных церемоний, вплоть до похоронных, занимался всегда убранством стола. «Когда я хотел знать, много или мало в клубе людей будет, лучше всякой полиции меня уведомлял наш старшина. На поварне бывал указательный знак числу посетителей: — Много ли гостей? — Большая труба; — Мало? — Нет трубы. Повар его готовил из тертого

миндалю превеликую башню, которую он зывал трубою, и когда собрание было большое, то труба становилась на виду у всех; когда мало, то миндалю не покупали, не терли, и в трубку не свивали... Я всегда вспомню с удовольствием те 1001 миндальные трубы, которые я, по милости нашего дородного старшины, приел в клубах, в воксалах...» (ПД). *Исаие, ликуй* — церковное песнопение при бракосочетании.

Живет (стр. 468). Впервые — БСМ 3, стр. 37. Интересно высказанными в нем мыслями о богатстве русского языка и полемической защитой права поэта взять «на откуп» «парнасский сор». «Живет» занимает важное место в ряду произведений, направленных против канонической поэтики классицизма. *Россияда* — эпопея Хераскова (см. стр. 642). *Душенька* — поэма И. Ф. Богдановича (1743—1803). *Фелица* — знаменитая ода Г. Р. Державина. *Бог* — ода Г. Р. Державина. *Смоква* — инжир, винная ягода. *Госпожинки.* Очевидно, так называемые «господские праздники» т. е. праздничные дни, в которые церковь вспоминала важные события из жизни Христа, как-то: Рождество, Крещение и Богоявление, Преображение и т. д., всего 12 праздников. *Фонвизина стихотворение.* Вероятно, имеется в виду «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке». *Понт Эвксинский* — древнегреческое название Черного моря.

На план города Березова (стр. 473). Впервые — БСМ 3, стр. 193. *Березов* — местечко в Сибири, где десять лет провел в заключении дед поэта И. А. Долгоруков (см. стр. 708).

К моему портрету (стр. 474). Впервые — БСМ 3. *Павел* — один из 12 апостолов Христа, сначала гонитель христиан, потом величайший проповедник. По преданию, был осужден на смерть императором Нероном и казнен в Риме 29 июня 65 г. н. э.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ МИЛОНОВ

Стихи Милонова печатаются по прижизненному изданию — «Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения Михайла Милонова». СПб., 1819 (в дальнейшем — Сатиры). Публикация по автографу, списку специально оговаривается.

Сатиры

К Рубеллию. Сатира Персиева (стр. 481). Впервые — «Цветник», 1810, № 10, стр. 63. *Персий* (I в. н. э.) — римский сатирик. Сатиры «К Рубеллию» у Персия нет. *Пусть Альбий, Арзелай.* В «Цветнике» дается примечание: Альбий — «мздоимец, кровосмеситель и убийца», Арзелай — «страшный невежда».

К Луказию (Сатира вторая) (стр. 482). Впервые — СПВ, 1812, № 1, стр. 51. Стихи 47—50 в СПВ отсутствуют, есть некоторые разночтения. Сатира имела конкретных адресатов; об этом говорит, например, Д. И. Хвостов в своих записках: «Общество любителей словесности и художеств с 1-го января издает

критический журнал... Милонов для сего журнала написал сатиру, где замечены Марин, П. Ю. Львов, Дашков-злослов, Анастасевич и другие» (ЛА, 1, 1938, стр. 378). Некоторые адресаты указаны в заметках библиографа С. Д. Полторацкого (БЛ), который получил свои сведения от Н. И. Греча 13 января 1850 г. Сатира вызвала злобные отклики задетых ею лиц. Вот одна из эпиграмм, явно направленная против Милонова:

ПОСОБИЕ СОВЕТУ

Мыслеткин мнил снабдить *Луказия* советом
Быть тем, чем отроду он не был сам, — поэтом.
«Пиши-де, лишь найди невежду и льстеца...»
Луказий, не трудись... ты возле образца!..

(«Улей», 1812, № 14, стр. 171).

Рубеллий. Современники применили первую сатиру к Аракчееву, однако у П. А. Вяземского встречается указание на то, что под именем Рубеллия Милонов подразумевал О. П. Козодавлева (см. стр. 632). Возможно, что Рубеллий во 2-й сатире и есть Козодавлев. *Балдус* — по утверждению Н. Греча, Державин. В последние годы своей жизни Державин порою писал не очень удачные стихи. 14 января 1813 г. Милонов сообщал Грамматину: «Вчера была в доме Державина Беседа. Старик написал преогромнейший гимн на победы, где смерть прыгает и завскачь догоняет французов» (БЗ, 1859, № 10, стр. 302). Милонов имеет в виду «Гимн лиро-эпический на прогнание французов», в котором о Наполеоне сказано:

Бежит, себя сам упреждав;
За скорыми его шагами
Лишь поспевает смерть прыжками.

Но в целом Милонов относился к Державину с истинным уважением, и вряд ли бы стал его выставлять на смех. Скорее всего, здесь идет речь о каком-либо бездарном стихотворце. *Бавий* — Василий Григорьевич Анастасевич (см. стр. 665), издатель ежемесячного журнала «Улей» (1811—1812). *Клит* — Сергей Сергеевич Ланской (ум. 1814), сенатор, член Государственного совета. Начало карьеры Ланского было положено его женитьбой на Елизавете Ивановне Вилламовой, воспитательнице вел. кн. Александра Павловича: «При вступлении Павла на престол, муж ее сделался камергером, ей пожаловано 600 душ...» («Капище», стр. 283). *Рай* — раек. *Лукулл* — Александр Львович Нарышкин (1760—1826), обер-гофмаршал, обер-камергер, с 1799 по 1819 г. главный директор императорских театров, по смерти своего отца обер-шталмейстера Л. А. Нарышкина стал обладателем громадного состояния, вел расточительную жизнь, давал великолепные праздники. Считался знатоком литературы, искусств, покровительствовал артистам. *Мидас* — И. С. Захаров (см. стр. 665). Милонов имеет в виду его «Похвалу женам» (1811). *Глазунов* Иван Петрович (1762—1831) — книготорговец, издатель, печатавший произведения шишковистов. Д. И. Хвостов даже специально сказал о Глазунове в своем «Послании к ***» (И. И. Дмитриеву. — *Г. Е.*):

Люблю писать стихи и отдавать в печать. —
...Их Глазунов продаст, а кто-нибудь прочтет.

Глазунов был постоянной мишенью острословов-карамзинистов. *Мевий* — по утверждению Греча, Петр Алексеевич Взметнев, «бывший секретарь при графе Гурьеве, мошенник и вор» (БЛ 5). Против Взметнева направлял свои сатирические стрелы и А. Измайлов. Взметнев писал стихи, чрезвычайно слабые в художественном отношении. Большое количество басен, эпиграмм и других стихотворений Взметнева напечатано в «Улье» Анастасевича. *Сатирою одной.* Подразумевается сатира Взметнева «Польза медиков» (СПб., 1811). *Фабий* — очевидно, А. Н. Грузинцев (см. стр. 665). *Радковский* — Р. Сладковский (см. стр. 676). Милонов высмеивает его поэму «Петр Великий» (1803). *Российский Пиндар* — М. В. Ломоносов. *Бессмыслов* — С. А. Шихматов (см. стр. 643). Основанием для сравнения с Ломоносовым служила поэма Шихматова «Петр Великий». *Плаксевич* — Е. И. Станевич (см. стр. 665), поклонник творчества английского писателя Юнга. *Шутов* — Д. И. Хвостов (см. стр. 613). *Глупее Бавия* — т. е. Анастасевича. *Злей Злослова* — т. е. Д. В. Дашкова (см. стр. 660), это совпадает и с указанием Хвостова. По словам М. Дмитриева, насмешка Дашкова «была метка и неотразима... Милонов, а особенно Грамматин часто бывали предметом его верных замечаний и приятельских шуток» (М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, стр. 212). Это выступление Милонова против Дашкова дало повод воейковским нападкам в послании «К Дашкову» на Милонова. *Фирс* — Павел Юрьевич Львов (см. стр. 683). *Томас* — см. стр. 665. *Вадий* — «Шихматов, зри Бессмыслов», так записано в заметках Полторацкого (БЛ) со слов Греча. *Из смеси чудных слов.* Шихматов неудачно изобретал «громозвучные» составные слова («достомужный», «небопарный») и вообще излишне славянизировал поэтическую речь. *Кто площадную брань* и т. д. Эти два стиха были перефразированы в злобной эпиграмме, направленной против Милонова:

НЕЧАЯННАЯ ИСКРЕННОСТЬ

Милончик! подлинно, особенно ты мил;
Кто искренне тебя признаться вразумил,
Что, площадную брань нам выдав за сужденье,
«Себе вменяешь в честь всеобщее презренье».

(«Улей», 1812, № 14, стр. 171).

Друз — А. С. Шишков (см. стр. 659). «Рассуждение о любви к отечеству» Шишкова было напечатано в «Чтениях в Беседе любителей русского слова», 1812, кн. 5. *Геркул* —Геркулес.

К моему рассудку (Сатира третья) (стр. 486). Впервые — Пантеон, 1815, кн. 12, стр. 238. Подражание 9-й сатире Буало «L'auteur à son esprit», однако Милонов говорит в своей сатире о конкретной русской действительности, о русских «грабилиных». *В сатире уязвит он матерь и отца!* Очевидно, намек на слова Воейкова о Милонове в послании «К Дашкову»: «Под нож и луч-

ший друг и брат» (см. стр. 313). Кто подразумевается под Грабилиным и Клеоном — неизвестно. Вероятно, однако, что вполне конкретные лица (откупщик, сенатор). Милонов сам писал Грамматину о том, что он не пощадил в своих стихах ни одного из мерзавцев, с которыми сталкивался по службе. М. А. Дмитриев считал, что известность сатир Милонова определяли «применения к некоторым известным лицам, не только к поэтам, но и к тогдашним вельможам» (М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, стр. 210, 211). *Балдус.* Вероятно, в данном случае Милонов имеет в виду Д. И. Хвостова (см. стр. 613). Об этом говорит и характеристика его как доброго человека. Хвостов был известен своей доброжелательностью к молодежи. *Бессмыслов* — Ширинский-Шихматов (см. стр. 643). *Сумбека* — «Сумбека, или Падение царства Казанского», трагедия в 5 д. С. Н. Глинки (1807). *«Радамист»* — трагедия Кребильона «Радамист и Зенобия», переведенная С. И. Висковатовым в 1810 г. *«Електра»* — трагедия А. Н. Грузинцева «Электра и Орест» (1809). *«Атрей»* — трагедия Кребильона в переводе С. П. Жихарева (1811). *«Едип»* — «Эдип-царь» (1811), трагедия А. Н. Грузинцева, противопоставляемая Милоновым трагедии Озерова «Эдип в Афинах» (1804). *«Храм Славы»* — «Храм славы российских ироев от времен Гостомысла до царствования Романовых» (1803) П. Ю. Львова. *Биона с Мосхом вновь несчастный перевод.* Бион и Мосх — греческие поэты (III в.); в 1807 г. был издан перевод Биона с Мосхом А. Ф. Мерзлякова. Но вероятнее, что имеются в виду переводы П. И. Кутузова (1804). *Федра Бавия.* Может быть, имеется в виду «Федра» Расина в переводе А. М. Пушкина (1809). *Вздоркин* — Василий Львович Пушкин. 10 мая 1812 г. Батюшков писал Вяземскому: «Теперь я буду просить Северина и Вяземского, чтобы они уведомили милого Василия Львовича о новой сатире Милонова, сатире едкой и, к несчастью, весьма остроумной и по содержанию и по стихам. Предмет оной — Пушкин один, а эпиграф: Soyez plutôt maçon, si c'est votre métier.[1] Во всех случаях — масон как масон, и масон как каменщик, — очень зло и едко! Что делать с молодежью, с этими пылкими, необразованными умами? Отвечать — худо, а молчать — право, еще хуже!» (Сочинения К. Н. Батюшкова, т. 3. СПб., 1886, стр. 185). Эпиграфа, который приводит Батюшков, в печатном издании сатиры не было. Он был взят из 3-й песни «Поэтического искусства» Буало с изменением последнего слова: у Буало talent, а не métier. Очевидно, Батюшкову был известен ранний вариант сатиры Милонова. *Я сроду не писал ни абие, ни аще.* Пародия на стихи В. Л. Пушкина из его послания «К Д. В. Дашкову» (см. стр. 270). *Бавий, Мевий, Фирс* — в данном случае обобщенное обозначение бездарных поэтов. *Один уж пред тебя* и т. д. — намек на Анастасевича, напечатавшего в издаваемом им журнале «Улей» эпиграммы, направленные против Милонова (см. стр. 715 и 716). *Рубеллий* — см. стр. 715. *Жалкий перевод Расина и Вольтера.* Подразумевается перевод Д. И. Хвостовым трагедии Расина «Андромаха» (1810). Перевод Вольтера — может быть, «Китайская сирота» (1809) в переводе А. А. Шаховского или «Ме-

---

[1] Будьте лучше каменщиком, если это ваше ремесло (франц.). — *Ред.*

ропа» в переводе С. Марина, которая шла на сцене в 1811 г. *Бессмыслов* — Шахматов. *Вздоркин* — В. Л. Пушкин. *О, радость! о, восторг!* и т. д. Строка В. Л. Пушкина из стихотворения «К любимцам муз. Подражание Горацию». *Бавий* — Анастасевич. *Эпиграмма.* См. выше эпиграммы против Милонова, напечатанные в «Улье».

На модных болтунов (Подражание Виже, сатира четвертая) (стр. 492). Впервые — Сатиры, стр. 119. Несмотря на то, что Милонов называет свою сатиру подражанием Виже (подразумевается небольшая поэма Виже — см. стр. 690 — «Les visites»), она является совершенно самостоятельным оригинальным произведением, не связанным с поэмой Виже ни сюжетно, ни в идейном отношении. В поэме Виже поэта посещают всевозможные люди — торговец, мечтающий о том, чтобы в угоду своей невесте напечатать в «Альманахе муз» свое дурное стихотворение; прожектер; композитор и мн. др. Ничего этого нет у Милонова. От Виже у Милонова лишь одно — раздражение, которое вызывают у поэта несносные или глупые люди, совершенно по-иному охарактеризованные русским сатириком. Милонов далек и от примиренческого вывода Виже, который призывает к мирной жизни на лоне природы, в кругу друзей, наслаждаясь искусством. *Глупов* — А. Н. Грузинцев (см. стр. 665). *Лаисы* — см. стр. 681. *Мидас* — см. стр. 617. *Но бедным помощью* и т. д. Идея «благотворения», которая будет иметь большое значение на раннем этапе существования тайных обществ, в частности получит свое развитие в «Союзе Благоденствия», была не чужда Милонову. В ВЕ была помещена в 1809 г. его заметка с дороги «Молитва бедных», посвященная проблеме «благотворения».

На женитьбу в большом свете (Подражание Ювеналу и Буало, сатира пятая) (стр. 494). Впервые — Б, 1818, № 8, стр. 206. Подражание 6-й сатире Ювенала и 10-й сатире Буало «Les femmes». Ювенал в своей 6-й сатире выступает против порочности женщин, Буало говорит на тему о бедствиях брака. Объединив некоторые мотивы, звучащие в этих двух сатирах, Милонов рисует актуальную для того времени картину развращенности дворянской среды. *Боссюэт* — см. стр. 659. *Роланд* — главный герой поэмы «Неистовый Роланд» итальянского поэта Ариосто (1474—1533). *Ренальд* (Ринальдо) — герой поэмы итальянского поэта Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». *Анжелика* — героиня поэмы «Неистовый Роланд» Ариосто. *Армида* — волшебница в поэме «Освобожденный Иерусалим». *Все скромны правила столь в операх знакомы.* Имеются в виду оперы «Роланд» (1685), «Армида» (1686) — музыка Люлли, текст Кино; «Роланд» (1778) Пуччини, «Армида» (1777) Глюка. *Жоконд* — здесь: соблазнитель, герой новеллы Лафонтена, на основе которой была написана комическая опера Изуара (Николó), в то время (с 1814 г.) очень популярная в России. *Вздоркин* — В. Л. Пушкин, которого Милонов высмеивает за его страсть к чтению своих басен. *Тальма* (1763—1826) — знаменитый французский актер. *Явится рыцарем в славянском их расколе* — намек на борьбу шишковистов и карамзинистов.

Отрывок из Луциллиевой сатиры против его века (Сатира шестая) (стр. 499). Впервые — «Цветник», 1810, № 9, стр. 343. *Луциллий* (II в. до н. э.) — римский сатирик. *Весь Рим — софисгов сонм.* Софисты в данном случае — люди, которые могут с подлинным красноречием доказать любое положение, даже противоречащее истине. *Героев, средь смертей* и т. д. После Отечественной войны эти строки должны были осмысляться как намек на участь русских солдат, крестьян, освободителей отечества и Европы, которые у себя на Родине оставались в закрепощении.

Послания

«Сопоклонник Аполлона...» (стр. 502). Печ. впервые по автографу ЦГАЛИ, 10. Этим стихотворением начинается письмо Милонова к Вяземскому от 25 февраля 1812 г., присланное из Петербурга. Поводом к этому письму и стихотворению послужил лестный отзыв П. Вяземского о переводе Милоновым из Горация «Похвалы сельской жизни». «Вот вам скаредный экспромт, — писал Милонов, — за те лестные и приятные для меня похвалы, которыми вам было угодно осыпать стихи мои в письме вашем к К. Н. Батюшкову. Они подали мне приятный случай отблагодарить вас за энтузиазм ваш к стихам моим, и я кланяюсь вам, как кокетка, гордящаяся комплиментами. — Переводчику Горациевой оды остается желать, чтобы вы полюбили его столько же, сколько стихи его». *Пиериды* — музы. *Леторосль* — годовой побег дерева. *Любезный незнакомец.* Милонов в это время еще не был лично знаком с П. А. Вяземским. *Петр большой* — поэма «Петр Великий» С. А. Ширинского-Шихматова (см. стр. 643). *Варяжский трубадур* — С. А. Ширинский-Шихматов. *Беседа* — «Беседа любителей русского слова».

«Жуковский, не забудь Милонова ты вечно...» (стр. 503). Печ. впервые полностью по автографу ПД. 4—7-й стихи были опубликованы в статье А. Максимовича в книге «Карамзин и поэты его времени», «Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1936, стр. 256. *Что начал чепуху* и т. д. В 1817 г. Жуковский был назначен учителем русского языка к прусской принцессе Шарлотте (впоследствии имп. Александре Федоровне). Близость ко двору наложила отпечаток на поэзию Жуковского. В 1818 г. он издал сборники своих стихотворных переводов «Für wenige» («Для немногих») крохотными тиражами; задача сборников — дать книгу чтения образцовых русских сочинений для своей ученицы. На Жуковского в этот период оказывает воздействие немецкая мистическая поэзия. 18 апреля 1819 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Жуковский вдается в какую-то христианскую выспренность» (ОА, т. 1, стр. 220). *С галиматьею ты.* Намек на арзамасскую галиматью. *Блудов* Дмитрий Николаевич (1785—1864) — член «Арзамаса» (см. стр. 660), примыкал к его «правому» крылу; впоследствии был министром просвещения и министром внутренних дел.

К И. М. <Фовицкому> на вызов его продолжать мои сатиры (стр. 503). Впервые — Б, 1818, № 11,

стр. 154. Послание обращено к Ивану Михайловичу ***Фовицкому.*** И. М. Фовицкий вместе с А. Х. Востоковым. М. В. Милоновым и Д. М. Княжевичем состоял редактором СПВ, где помещал свои критические статьи и переводы за подписями Ф. и И. Ф.; некоторое время служил столоначальником в Адмиралтейском департаменте и переводчиком при Медицинском совете. Высоко ставил Фовицкого Вяземский. *Бессмыслов* — вероятно, С. А. Ширинский-Шихматов (см. стр. 643). *Рубеллий* — здесь или А. А. Аракчеев, или же обобщенный образ высокопоставленного подлеца. *Пракситeл* — Пракситель (392—320 до н. э.) древнегреческий скульптор. *Пиндар наш* — подразумевается М. В. Ломоносов. *Екатерина* — Екатерина II. *Икар* — см. стр. 646.

Послание в Вену к друзьям (стр. 505). Впервые — «Карамзин и поэты его времени», «Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1936, стр. 306. Обращено к братьям Княжевичам, Александру Максимовичу (1792—1872) (впоследствии министру финансов) и Дмитрию Максимовичу (1788—1842), друзьям Милонова, которые с 1814—1815 гг. жили и служили в Вене. *Северная Пальмира* — Петербург. *Брат Владислав.* Владислав Максимович Княжевич находился в Петербурге. *На конгрессе.* Александр I в 1818 г. ехал на Аахенский конгресс «Священного союза». *Жуковский пишет чепуху* — см. выше.

Послание к Н. Р. П. (стр. 506). Печ. впервые по списку ПД 3. Обращено к Николаю Романовичу *Политковскому* (1777—1831), действительному статскому советнику, писателю. *Патрикий* — Патрикий Симонович Политковский, писатель, служил в Департаменте разных податей и сборов. *По свету колесив, здесь вновь явился зрим.* Милонов, выйдя в 1815 г. в отставку, жил в провинции. В Петербург он вернулся в середине 1818 г. *Древняя царица* — вдовствующая императрица Мария Федоровна, вдова Павла I. *Юная царица* — императрица Елизавета Алексеевна, жена Александра I. *И гостя славного, потомка Фредерикса* — т. е. прусского короля. 8 июня 1818 г. В. Пушкин пишет В. Вяземскому: «В Москве теперь большая суматоха. Вчера граф Тормасов угощал царей. Съезд был чрезвычайный. Сегодня поутру государь император и король Прусский осматривали Архив иностранных дел. После обеда все поедут в Архангельское, к князю Юсупову, который приготовляет goûter dansant [1]. Завтра бал в Благородном собраньи» (ЦГАЛИ 3). *Как велие пиры давала им Орлова.* Имеется в виду Орлова Анна Алексеевна (1785—1848), дочь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. Жихарев в «Дневнике» говорит о тех больших балах, которые бывают у Орловых. Ей же посвящена рукописная сатира «Распутство и ветреность» (см. ниже). *Донской* — Донской монастырь. *Здоровы ль вы, король.* По придворному этикету королям нельзя задавать вопросов, полагается лишь отвечать на задаваемые ими. *Кавалерийск-парад.* Очевидно, большой военный парад 27 марта 1818 г. (о нем сообщал В. Л. Пушкин П. А. Вяземскому в письме от 27 марта 1818 г. — ЦГАЛИ). Частые парады вызывали негодование у большинства современников. *Торжество при зало-*

---

[1] Дневной бал (франц.) — *Ред.*

женьи храма — закладка храма Христа-спасителя на Воробьевых горах 12 октября 1817 г. *Пастырь Августин* — епископ Оренбургский и Уфимский. *Храм наших муз* — Московский университет. *Пансион* — пансион при Московском университете. *Инспектор* — инспектор Благородного пансиона при Московском университете А. А. Прокопович-Антонский. *Мерзляков* — см. стр. 674. *Гаваон* — город в Палестине, упоминаемый в Библии. *Веси* — селения. *Виц-правитель* и т. д. Согласно «Месяцеслову с росписью чиновных особ» на 1819 г., вице-губернатором г. Владимира был статский советник Адриан Егорович Дюнант. И. М. Долгоруков говорит о Дюнанте: «Человек, которого я при самом конце жизни еще с ужасом и отвращением вспоминаю; он был жестокий лихоимец; его, при виде мзды, не поражал ни стон старца, ни вопль младенца. Корысть была его божество... Он не имел ни способностей, ни ума, ни правил, нижé наружного обращения, но, приведя наглое плутовство в систему, знал, как, посредством оного, угождать министерским наушникам и клевретам. Сей одной подлой хитрости обязан был успехом своим в службе...» («Капище», стр. 167). *Я зрел монархини путь скромный до Ростова.* Императрица Мария Федоровна в мае 1818 г. отправилась на поклонение мощам святителя Димитрия Ростовского, была также и в Переславле Залесском. *Там зрел я монастырь во имя Спаса-бога.* Спасо-Ефимьевский монастырь в Суздале был, по словам И. М. Долгорукова, «государственной тюрьмой». *Супруга где Петра Великого* и т. д. Лопухина Евдокия Федоровна (1669—1731), первая жена Петра I, была отправлена им в Суздаль, в монастырь, и в 1798 г. пострижена в монахини. Вместе с царевичем Алексеем Петровичем была центром враждебной Петру I партии. *Сын Разумовского* — граф Кирилл Алексеевич Разумовский (1777—1829), младший сын графа Алексея Кирилловича. Еще в детстве он удивлял своими необыкновенными способностями, в молодости ездил за границу, там будто бы вступил в сношения с иллюминатами, членами масонского ордена, одною из целей которого была замена монархического правления республиканским. 21 августа 1806 г. его заключили в Шлиссельбургскую крепость, объявив сумасшедшим. Очевидно, современникам был хорошо известен истинный политический мотив заключения Разумовского. Родственники пытались освободить его, но отец этому противился. В 1808 г. Разумовский был переведен в Спасо-Ефимьевский монастырь, где архимандриту было поручено присматривать за ним и внушать ему «спасительные правила религии». Вышел он оттуда лишь после смерти своего отца, по-видимому к тому времени действительно став сумасшедшим. *Юстиция... без глаз.* Богиня правосудия Фемида изображалась с завязанными глазами. *Простившись с дядею.* Дядя Милонова помещик Бехтеев. *Рамбовский* или Рембовский В. Н. — приятель Милонова и Политковского, над которым они подшучивали в своих эпиграммах, высмеивая его любовь к спиртным напиткам. *Пузырность* — очевидно, фальшь, пустота, пошлость окружающего. *В архиве он своей.* Патрикий Политковский в Департаменте разных податей и сборов был сначала помощником столоначальника, в 1815—1816 гг. журналистом, с 1819 г. помощником начальника архива. *Благонамеренный* — журнал, который издавал А. Е. Измайлов, не пользовался особым успехом, выходил неаккуратно. *Обще-*

ство — Общество любителей словесности, наук и художеств, основанное в 1811 г. при Московском университете. *Никольский* Павел Александрович (1790—1816) — писатель, переводчик с английского и французского, критик, издатель журнала «Цветник» и сборников «Пантеон русской поэзии». *Дашков уж не творит с Хвостовым кутерьмы.* Милонов подразумевает издевательскую речь, которую произнес Д. В. Дашков (см. стр. 660) по поводу избрания Д. И. Хвостова членом Общества любителей словесности, наук и художеств. Речь была построена на преувеличенной оценке таланта Хвостова; за этот издевательский панегирик Дашков был исключен из Общества. *Благотворения публично зря примеры.* А. Измайлов проявлял большую энергию, собирая пожертвования для бедных. *О красном Сферане.* Может быть, имеется в виду Сферин Егор Козьмич, переводчик Плутарха и Феокрита. *Поспелов* Алексей — переводчик, писатель. *Янжул.* Может быть, имеется в виду Иван Янжул-Михайловский, переводчик. *Викулин* Владимир Алексеевич — чиновник, переводчик Казенного департамента. *В бозе усопшего митрополита.* Речь идет о митрополите Платоне (см. стр. 690). Викулин был родственником Платона. *Лобанов.* Очевидно, имеется в виду князь *Лобанов-Ростовский* Иван Александрович (1789—1869), сенатор. *Оленин* Алексей Николаевич (1763—1843) — директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств, художник, археолог, писатель. Об Оленине существуют разноречивые сведения. Многие современники говорили о его «ласкательстве», заискивании у сильных. Характерно, например, что Оленин вел дружественную переписку с А. А. Аракчеевым. Все это, видимо, и объясняет ироническую оценку Оленина Милоновым. *Древние медали* и т. д. Очевидно, речь идет о книге Оленина «Опыт о правилах медальерного искусства». СПб., 1817. *Каченовский* — см. стр. 663. *Издатель Вестника.* Каченовский был издателем журнала «Вестник Европы». *И. И. Дмитриев* — см. стр. 642. *Альбрехт* Фридрих — профессор Харьковского университета. *Бахтин* — может быть, Иван Иванович Бахтин (1756—1818), сначала военный, затем прокурор Пермского верхнего суда (1785), в 1788 г. тобольский губернский прокурор, позже харьковский губернатор. В молодости автор ряда обличительных стихов (см. «Сатиру на жестокости некоторых дворян к их подданным»), Бахтин в последний период своей жизни считал, что литературная деятельность может мешать его карьере, и не любил, когда о нем упоминали как о писателе. *Голицын* Александр Николаевич (1773—1844) — министр народного просвещения, в молодости вольтерианец, к началу 1820-х годов реакционер. *Трощинский* Дмитрий Прокофьевич (1754—1829) — государственный деятель, с 1814 до 1817 г. министр юстиции.

Послание к А. Е. Измайлову (стр. 513). Впервые — Б, 1820, № 10, стр. 301, под заглавием «Послание к издателю Благонамеренного», с пометой: «София» и с подписью по-гречески: Анонимус. Печ. по авторизованному списку в альбоме А. Е. Измайлова (ЦГАЛИ 11). Объектом пародии Милонова является Воейков, один из рьяных защитников гекзаметров в русской поэзии. *Притчу мою.* Подразумевается притча Милонова «Лягушка и вол» (см. стр. 516), напечатанная в Б, с пометой: «Овидиополь» и с подписью по-гре-

чески: Анонимус. *Двустишие.* Помещая эту притчу, Измайлов дал к ней следующее примечание:

Притчей размером таким, господин Аноним, не пишите —
Или пишите — да только в журнал мой, прошу вас, не шлите.

Эксаметр — гекзаметр. Воейков в послании к члену «Арзамаса» С. С. Уварову доказывал существование в русском стихе чистых спондеев. Эти попытки Воейкова вызывали лишь насмешки, так как его «чистые спондеи» были чрезвычайно неблагозвучны. «Воейков пишет гекзаметры без меры», — писал Батюшков 10 сентября 1818 г. (Сочинения К. Н. Батюшкова, т. 3. СПб., 1886, стр. 532). Воейкова обвиняли и в том, что свое «Рассуждение о гексаметрах», помещенное им в «Словаре древней и новой поэзии» Остолопова, он заимствовал из «Замечаний» Гнедича на статью Воейкова (ВЕ, 1816). *Рифмокласт* — Воейков. *Турк, перс, влах* и т. д. — пародирование спондеических стихов Воейкова из «Послания к С. С. Уварову».

Послание просительно-покорно-стихотворное, после совершения десятиричного подвига на поприще поэзии в борьбе с рифмами и смыслом (стр. 514). Печ. впервые по списку из архива Я. К. Грота (ПД 4). Это шутливое стихотворение, как и некоторые следующие затем эпиграммы, находится в «Зеленой тетради» Н. Р. Политковского (ПД), в которой есть как стихи самого Политковского, так и его друзей, в первую очередь Милонова. *Протектор* — покровитель. *В борьбе с рифмами и смыслом* — очевидно, намек на то, что Милонов и его друзья не смогли написать стихотворение на заказ для великой княгини Екатерины Павловны, которое должны были читать дети Опочининых. Такой вывод можно сделать на основе стихотворения Политковского, которое помещено в «Зеленой тетради» вслед за данным посланием. В нем говорится о том, что Милонов и его друзья взяли деньги вперед за написание стихотворения для великой княгини, истратили деньги на вино, но оды не написали. *Книжица с зеленым корешком* — тетрадь Н. Р. Политковского, переплетенная в зеленую кожу. *Шестирублевое* — т. е. коньяк, в отличие от водки, цена которой была 4 руб.

Басни, надписи, эпиграммы, эпитафии

К портрету Фридриха II (стр. 516). Впервые — Сатиры, стр. 95. В БГ, 1789, июль, стр. 298, было помещено близкое по мысли к стихотворению Милонова «Надгробие Фридриху II, королю Прусскому» С. Тучкова (см. стр. 726). Приводим заключительные четыре стиха «надгробия» С. Тучкова:

Со страхом мавзолей народы созерцают,
Но знаки всех побед лишь снедь червей скрывают.
Коль мало Фридерик, коль мало б был почтен,
Когда б лишь только сим за труд был награжден.

Фридрих II Великий (1712—1786) — прусский король.

Лягушка и вол (стр. 516). Впервые — Б, 1820, № 9, стр. 197, с пометой: «Овидиополь» и с подписью по-гречески: Ано-

нимус. Измайлов дал следующее примечание к притче: «Прислана при следующей записке: «Прошу покорно напечатать шрифтом помельче, чтобы стихи не ломались, т. е. не переходили бы из одной строки в другую». — Но как в типографии столь мелкого шрифта нет, а притом мелкую печать читать очень трудно, то и решился я велеть набрать сию оригинальную притчу, как и прочие стихи в моем журнале, корпусом, только не поперек страницы, а вдоль. Прим. изд.». Принадлежность притчи Милонову бесспорна, так как на нее он ссылается в «Послании к А. Е. Измайлову» (см. стр. 513), которое в альбоме Измайлова находится за подписью Милонова. По-видимому, целый ряд произведений, написанных гекзаметром и помещенных за подписью «Анонимус» в Б, 1820, № 10, — отрывок из комедии Мольера «Ученые женщины», мадригалы, эпиграмма (см. ниже) и эпитафия (см. ниже) — принадлежат также Милонову. Милонов притчей «Лягушка и вол», очевидно, не только преследовал задачу осмеяния воейковского увлечения гекзаметрами. Художественные особенности притчи, а также ее концовка дают основание рассматривать ее и как выступление против Д. И. Хвостова. В это время особенно Хвостов заискивал перед знатью, на что и намекает Милонов в своих заключительных строках. Притчи были излюбленным жанром Хвостова.

Эпиграмма («Как изменяет свой вид ежедневно красотка Клариса! ..») (стр. 517). Впервые — Б, 1820, № 10, стр. 307, с подписью по-гречески: Анонимус.

Эпитафия («В гробе сем тот положен, кто был знатностью, саном украшен. . .») (стр. 517). Впервые — Б, 1820, № 10, стр. 307, с подписью по-гречески: Анонимус.

Надпись к портрету Викулина («Отец его и брат корчемством, грабежом. . .») (стр. 518). Печ. впервые по списку ПД 4. *Викулин* — см. стр. 722. *Отец его.* Викулин Владимир Алексеевич был сыном богатого откупщика Алексея Федоровича Викулина.

Надпись к портрету Викулина («Любитель новостей, театра посетитель. . .») (стр. 518). Печ. впервые по списку ПД 4. *Викулин* — Владимир Алексеевич. *Цловальник* — целовальник, намек на отца Викулина, откупщика. *Шантер* — певец, от французского слова chanteur. *И взоров, и ушей* и т. д. Жихарев в «Дневнике чиновника» говорит, что Викулин ежедневно ораторствовал в департаменте и сообщал политические новости, за что его прозвали «Гамбургскою газетою».

Надпись к портрету Оленина (стр. 518). Печ. впервые по списку ПД 4. *А. Н. Оленин* — см. стр. 722. *Человек в миниатюре.* Оленин был маленького роста. «Его чрезмерно сокращенная особа», — говорил о нем Вигель.

«В россиянах нет благодарности ни крошки. . .» (стр. 518). Печ. впервые по списку БЛ 5. Эта эпиграмма находится в бумагах Полторацкого с указанием, что она сообщена ему Баратынским как принадлежащая Милонову. В другой редакции находится в «Старой записной книжке» П. А. Вяземского.

II

Из журналов конца XVIII — начала XIX века

А. Ф. ЛАБЗИН

Французская лавка (стр 521). Впервые — ВЗ, 1782, № 7, стр. 230, без подписи. *Лабзин* Александр Федорович (1766—1825) — вице-президент Академии художеств, писатель, известный масон, связанный с кругом Новикова и Шварца, основатель ложи «Умирающий сфинкс». Лабзин был издателем журнала «Сионский вестник», в известные периоды подвергавшегося преследованиям правительства, издал большое количество книг, преимущественно религиозно-нравственного содержания. Из его собственных сочинений можно назвать: «Бессмертие. Подражание г. Делилю» (ВЕ, 1802, № 23, стр. 211), «Дифирамб на бессмертие души» Делиля, пер. с франц. СПб., 1804, «Последняя ночь 1813 года» (СО, 1814, № 3, с подписью: У. М.) и др. Лабзин был почетным членом Московского университета, входил в «Беседу любителей русского слова». Человек умный и образованный, по словам современников, не любивший «людей выше себя», Лабзин в последний период своей жизни подвергался гонениям со стороны архимандрита Фотия и других реакционеров. 13 ноября 1822 г. выехал из Петербурга в ссылку (см. стр. 692). *Ленты мерд д'уа* — ленты сероватого цвета.

П. А. ОЗЕРОВ

Наставление молодому Суетону, вступающему в свет (стр. 524). Впервые — ВЗ, 1782, № 9, стр. 70, без подписи. *Озеров* Петр Александрович — литератор, близкий к «Обществу друзей словесных наук» (организовалось в 1784 г.), Общество «имело не столько литературные, сколько чисто общественные, философские и моральные цели» (В. П. Семенников. Литературно-общественный круг Радищева. — «А. Н. Радищев. Материалы и исследования». Л., 1936, стр. 234). Членом Общества был и А. Н. Радищев. Озеров был фактическим редактором журнала «Утренние часы», который издавался людьми, близкими к «Обществу друзей словесных наук». «Наставление молодому Суетону, вступающему в свет» вошло в ряд рукописных сборников. *Тупей* — взбитый хохол на голове. *Что душу с вечностью глотают у людей.* Очевидно, подразумеваются «вольтерианские» книги. *Мой не варит желудок.* Одно время в XVIII в. было модно говорить о своих болезнях, это воспринималось как свидетельство «утонченности». *Произвела натура весь сей свет* и т. д. Выступление против идей французских философов-материалистов.

СЕМЕН ПЕСТОВ

Чем отличаются начальники от подчиненных (стр. 527). Впервые — БГ, 1789, № 6, стр. 201. Имя *Семена Пестова* — автора эпиграмм, сатир — довольно часто встречается

в журналах XVIII в. Биографических сведений о нем не сохранилось.

Надгробная кошельку (стр. 527). Впервые — БГ, 1789, № 11, стр. 297. Тут же помещены его «Стихи на кончину набитого деньгами кошелька» на эту же тему.

С. А. ТУЧКОВ

Зеркало и обезьяна (стр. 528). Впервые — БГ, 1789, № 7, стр. 295. *Тучков* Сергей Алексеевич (1766—1839) — поэт, автор чрезвычайно интересных «Записок» (СПб., 1908), в которых он говорит, в частности, об ужасах закрепощения Екатериной II украинских крестьян, о тяжелом положении солдат, о произволе вельмож, дает резкую характеристику Александру I. В молодости С. Тучков входил в «Общество друзей словесных наук», и лишь боевая репутация Тучкова, участника многих войн, проявившего свою доблесть в ряде сражений, спасла его от преследований, когда начался процесс Радищева и «Общество друзей словесных наук» было закрыто.

Рондо (стр. 529). Впервые — БГ, 1789, № 12, стр. 305. *О, времена! о, нравы!* — см. стр. 630. *Астрея* — греческая богиня справедливости. В данном случае утверждение: «Астрея удалилась» является прямым выступлением против официозной точки зрения, пропагандировавшейся Екатериной II, что россияне живут в златом веке Астреи.

И. И. БАХТИН

Сатира на жестокости некоторых дворян к их подданным (стр. 531). Впервые — «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», 1790, № 1, стр. 17. *И. И. Бахтин* (см. стр. 722) — прокурор, с 1802 г. поступивший в Министерство финансов. Александр I часто поручал ему конфиденциальные следствия по злоупотреблениям администрации и помещиков (см. РС, т. 1, 1870, стр. 451). Профессор Роммель познакомился с Бахтиным, когда тот был харьковским губернатором. По словам Роммеля, Бахтин был влюблен в литературу, преклонялся перед Ломоносовым и Клопштоком. Бахтин сыграл значительную роль и в деле основания Харьковского университета. Он печатал довольно много стихов, главным образом сатирических, и эпиграмм в журналах конца XVIII — начала XIX в. Его стихи встречаются и в рукописных сборниках. Редакция РС, помещая письма Александра I от 1802 г. к И. И. Бахтину, в биографической заметке о Бахтине охарактеризовала его как человека «неукоризненной честности, справедливости и благородства», «замечательно светлого ума, обширной начитанности», необыкновенного остроумия (РС, 1870, изд. 3-е, т. 1, стр. 451). *Что меть* — что плохо лежит; быстро. *В три жилья* — в три этажа. *Ликург.* Бахтин, вероятно, подразумевает легендарного законодателя древней Спарты, с именем которого спартанцы связывали свои основные постановления, обычаи. Ликург, управляя

некоторое время Спартой, ввел там справедливые законы, заимствованные им с острова Крита. Согласно преданию, он взял со своих сограждан клятву о неизменяемости введенных им законов до его возвращения, а затем уехал в Дельфы, где покончил с собой, обеспечив таким образом соблюдение произведенных им реформ. *Марк* Аврелий Антонин (121—180) — римский император, последний крупный философ стоического направления. *Тит* — см. стр. 634.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

Стихотворец Нелюдим (стр. 536). Впервые — «Утра», 1782, май, № 4, стр. 25, без подписи. *Мид* — Мидас, фригийский царь, превращавший в золото все, к чему прикасался. *Август* — Кай Юлий Цезарь Октавиан (63—14 до н. э.) — первый римский император, покровительствовал литературе, искусству и науке. *Меценат* Гай Цильний (ум. 8 до н. э.) — римский политический деятель, друг и сподвижник Августа, имя его стало нарицательным для обозначения богатых и знатных покровителей наук и искусств. *Красны каблуки.* Башмаки на высоких красных или розовых каблуках носили щеголи. *Мешок* — сетка для косы; иначе: кошелек. *Душиста мука* — пудра или мука, которою посыпали волосы.

Богомольщица (стр. 541). Впервые — ВЗ, 1782, № 9, стр. 75, без подписи.

К Беднякову (стр. 541). Впервые — ВЗ, 1782, № 7, стр. 235. Вероятно, эпиграмма обращена к Аблесимову (см. стр. 633), жившему в страшной нищете. В его журнале «Рассказчик забавных басен» был помещен целый ряд произведений, созданных «Бедняковым», в которых он жаловался на свою горькую участь. Бедняков, конечно, сам Аблесимов.

Скупому (стр. 541). Впервые — ВЗ, 1782, № 9, стр. 76, без подписи.

На Несмысла (стр. 541). Впервые — ВЗ, 1782, № 8, стр. 316, без подписи.

На Мечтона (стр. 542). Впервые — ВЗ, 1782, № 8, стр. 316, без подписи.

Участь слуг наших (стр. 542). Впервые — БГ, 1789, № 9, стр. 94, без подписи.

Рецепт от глупости (стр. 542). Впервые — БГ, 1789, № 11, стр. 295, без подписи.

Пустозвону (стр. 542). Впервые — БГ, 1789, № 11, стр. 295, без подписи.

П р а в д о н у (стр. 543). Впервые — БГ, 1789, № 11, стр. 295, без подписи.

С у д ь е Б е с с о в е с т у (стр. 543). Впервые — БГ, 1789, № 9, стр. 93, без подписи.

З н а й с а м о г о с е б я (стр. 543). Впервые — БГ, 1789, № 3, стр. 296, без подписи.

Р а з б о й н и к (стр. 543). Впервые — БГ, 1789, № 3, стр. 295, без подписи.

П р и д в о р н а я ж и з н ь (стр. 543). Впервые — БГ, 1789, № 3, стр. 296.

П о с л а н и е к П р а в д о н у (стр. 544). Впервые — БГ, 1789, № 12, стр. 372, без подписи. Послание является ярким образцом сатиры, разоблачающей фальшивую легенду о «златом веке», «веке Астреи», как называли царствование Екатерины II придворные одописцы. Стихи 117—121 по художественному приему перекликаются с одним из мест сатиры Горчакова «Письмо к приятелю, или Беспристрастный зритель», где Горчаков также говорит о противоречии между сущностью явлений и тем, как их называют. *Талия* (греч. миф.) — муза комедии. *Мельпомена* (греч. миф.) — муза трагедии. *Солон* — см. стр. 645. *Естественное право* — в противоположность изменяющемуся положительному праву, та часть правовых норм, которая предполагается неизменной для всех эпох и народов. Руссо Жан-Жак видел основу естественного права в прирожденном разуме человека. *Астрея* — см. стр. 726. *Треух* — пощечина, оплеуха. *Буало* — см. стр. 615. *Емец* — взяточник. *Случайный* — т. е. попавший в «случай», делающий карьеру. Фаворитов Екатерины II называли «случайными людьми». *Ролета Буало мошенником хлестнул.* Роле — прокурор парламента в Париже, современник Буало, плут и мошенник; его имя стало нарицательным. Буало увековечил его в стихе: «J'appele un chat ün chat, et Rolet un fripon».[1] *Помпей* Гней (106—48 до н. э.) — римский политический деятель и полководец, прозванный Великим. *Лукулл* (106—56 до н. э.) — римский политический деятель, славился богатством. *Приказ призрения.* В России в 1775 г. одновременно с учреждением губерний были учреждены в каждой губернии «Приказы общественного призрения», т. е. учреждения, ведавшие выдачей нищим, беднякам пособий, устройством богаделен, рабочих домов и т. д. *Сластякова.* По предположению П. Н. Беркова — Екатерина II (П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 375—376). *Мизантроп* — Альцест, герой одноименной комедии Мольера.

Ж у р н а л н е к о т о р о г о с л а в н о г о м о т а о т 1 д о 1 2 ч и с л а (стр. 549). Впервые — «Сатирический вестник», 1791, ч. VIII, стр. 70, без подписи. *Гусара, егеря по-щегольски окутал.*

---

[1] «Я называю кошку кошкой и Роле — мошенником» (франц.). — *Ред.*

Гусар — служитель в венгерской одежде, егерь — служитель в охотничьей одежде. Одевать в щегольское платье своих крепостных слуг считалось признаком хорошего тона в среде франтов-дворян XVIII в. *Скажу, однако ж, не в пронос* — т. е. между нами, не для пересказа.

«Блажен, кому всегда печаль и скука чужды...» (стр. 550). Впервые — ВЕ, 1804, № 14, стр. 147. Подпись: У. Ф. Х. Ц. Ч. *Коцебу* — см. стр. 631. *Кант* — см. стр. 648.

Интерес (стр. 551). Впервые — ХД, 1816, март, стр. 9. В ЦГИАЛ сохранилось указание на то, что уже по напечатании эта сатира вызвала протест со стороны Главного управления по делам цензуры, и цензору профессору Срезневскому, подписавшему ее в печать, был объявлен выговор. Точки в тексте обозначают цензурный пропуск. В изъятых стихах, видимо, обличались «пастыри церкви». *Викарий* — в русской церкви викариями назывались епископы, не имеющие самостоятельной епархии. *Аруэт* — Вольтер. *В посты... есть... с соком.* В посты церковью было запрещено есть мясо; в первую неделю так называемого великого поста и в последнюю неделю перед праздником Пасхи не разрешалось готовить обед, верующие должны были есть всухомятку. *Крест стереть, написанный в Крещенье.* Имеется в виду религиозный обычай — копотью от церковной свечи делался крест в доме над дверью. *Чем погасить пожар* и т. д. Пожар, вызванный молнией в грозу, считался божьей карой за грехи, его нельзя было гасить. *Растани*, ро́стани — ряд прорубей. *Тартар* — подземное царство. *Публиковать подряд.* Публиковать — объявлять всенародно, публиковать на торгу с барабанным боем; подряд — срочная продажа. *Авраам* (библ.) — ветхозаветный патриарх, родоначальник евреев и арабов. *Ной* (библ.) — патриарх, спасшийся якобы благодаря своей праведной жизни от всемирного потопа со своим семейством. *Штурм Ерихона.* Ерихон — город, упоминаемый в Библии. Штурмовавшие город протрубили в трубы, и стены Ерихона пали. *Терези* — коромысельные весы. *Поход* — лишек, излишек, более, чем полный вес. *Присутствие* — здесь: заседание. *Фонвизина слуга.* Намек на «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Фонвизина, содержащее антиклерикальные выпады.

III

Из рукописных сборников

П. МЕЩЕРСКИЙ

Стихи на прибытие в Курск малороссийского генерала-губернатора князя Алексея Борисовича Куракина для обозрения дел и некоторых следствий в апреле 1806 года (стр. 559). Впервые — ЛН, 1933, № 9—10, стр. 72. Автор стихотворения, князь Прокопий Васильевич *Мещерский* (1736—1818), — богатый курский помещик, гофмаршал и петербургский гражданский губернатор, отрешенный

от должности Павлом I в 1800 г.; просвещенный и талантливый человек. *Куракин* Алексей Борисович (1759—1829) — играл до 1798 г. большую роль при дворе Павла I, был генерал-прокурором, министром Департамента удельных имений и директором Ассигнационного банка. Испытав затем немилость Павла I, Куракин возвысился опять при Александре I, став в 1802 г. малороссийским генерал-губернатором, а в 1807 г. министром внутренних дел. Не только И. М. Долгоруков дает отрицательную характеристику Куракину, называя его «надменным вельможей» («Капище», стр. 344), но и другие современники, в частности А. Ф. Воейков: «Его развратная жизнь, мотовство, хлопотливость без пользы, проекты неисполнимые или пустые, недостаток образования, хотя при уме от природы остром, делали его тяжелым для подчиненных и неправосудным при благородном стремлении к правосудию». Данные стихи Мещерского, по справедливому замечанию В. Н. Орлова, восхваляют по существу не столько Куракина, сколько Александра I, но они интересны «своим ретроспективным взглядом на «неустройство» Павловской эпохи» (ЛН, 1933, № 9—10, стр. 76).

Молитва от истины к богу, внегда скорбети ей (стр. 561). Печ. впервые по рукописи ГПБ 6 (Сборник под заглавием «Разные сочинения» начат в 1793 г.). Эта же «Молитва» находится в архиве Д. И. Хвостова. Хвостов указывает, что сатира направлена против Николая Ивановича Салтыкова, и автором ее является князь Прокопий Мещерский (см. выше). В текст внесены некоторые исправления по списку Д. И. Хвостова. Салтыков кн. Николай Иванович (1736—1816) — фельдмаршал, воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей, президент Военной коллегии. Многие современники давали ему отрицательную характеристику. Саксонский поверенный в делах Гельбиг считал его «самым неспособным воспитателем царственных детей в Европе», другие говорили о его хитрости, знании «придворной науки», о том, что он «раболепствовал» «случайным». *Во бранях* — в боях, сражениях.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

Стихи о праздничных обновах, сочиненные 1791 года. <Д.> М. (стр. 563). Печ. впервые по рукописи ГПБ 3. После заглавия стоят инициалы — первая буква непонятна, может означать Д или С, вторая отчетливое М. После этого стихотворения в сборнике следует «Соловей» за подписью «Из Москвы». Так подписывался иногда Д. Горчаков, и «Соловей», по литературной традиции, считается принадлежащим ему. Возможно, что стихотворение «О праздничных обновах» принадлежит Горчакову, если первая буква инициалов означает Д, и тогда Д. М. может расшифровываться как «Дмитрий из Москвы». *Гусар, егерь* — см. стр. 729.

Эпитафия (стр. 566). Впервые — ЛН, 1933, № 9—10, стр. 20. *Сей.* Г. А. Гуковский высказал предположение, что эта эпитафия относится к Потемкину. Она находится в рукописном сборнике

перед одой Державина «Водопад», в самом сборнике прямых указаний на адрес эпитафии нет.

Стихи, носившиеся в народе на случай смерти Потемкина (стр. 566). Впервые — ЛН, 1933, № 9—10, стр. 18. Эти стихи встречаются во многих рукописных сборниках, есть небольшие разночтения. *Фалеев М. Л.* (ум. 1792) — приближенный Потемкина, сначала купец, потом помещик; как обер-кригскомиссар флота, поставщик армии был известен своими мошенническими операциями, делился с Потемкиным награбленным. *Попов* Василий Степанович (ок. 1745—1822) — секретарь и помощник Потемкина, богач; с 1786 г. статс-секретарь Екатерины II.

Стихи сочинителю устава (стр. 566). Впервые — по другому списку, без заглавия — ЛН, 1933, № 9—10, стр. 64. Печ. по рукописи БЛ 6. Стихотворение направлено против князя Гавриила Петровича Гагарина (1745—1808), выдвинувшегося особенно при Павле I. В конце 1796 г. Гагарин был назначен членом Государственного совета, в 1798 г. его определили в Комиссию о составлении законов, в 1799 г. он стал главным директором Государственного заемного банка и президентом Коммерц-коллегии. Гагарин был масоном, являя собою образец лицемерного ханжи. Его благочестие было показным. По словам Растопчина, «это был человек умный, деловой, но низкий, интересан, развратный, кутила, опутанный долгами и потерявший всякую репутацию» (ЛН, 1933, № 9—10, стр. 63). *Сочинитель устава.* В 1799 г. Гагарин разрабатывал проект вексельного и банкротского устава, действие которого должно было распространиться и на него самого, так как у него уже в 1797 г. были огромные долги в 300 000 рублей.

Послание от Дольского к Кутайсову (стр. 568). Впервые — ЛН, 1933, № 9—10, стр. 60. Печ. по рукописи ГПБ 5. *Дольский* — секретарь и доверенное лицо графа Кутайсова, одного из самых приближенных к Павлу I людей. Дольский был влиятелен, нагл, «роскошествовал за счет двора сколько хотел» (РА, 1879, № 12, стр. 404—405). *Кутайсов* (см. стр. 637). Обязанный Павлу I своим возвышением, Кутайсов трусливо бросил его в минуту опасности и во время убийства Павла I скрылся из Михайловского замка «без башмаков и чулок, в одном колпаке, и в таком виде бежал по городу, пока не нашел убежища в доме Степана Сергеевича Ланского» (Н. А. Саблуков. Записки. — Сб. «Цареубийство 11 марта 1801 года». СПб., 1908, стр. 93). *Виновника параличом.* Согласно официальной версии, Павел I скончался от апоплексического удара.

Бостон (стр. 569). Впервые — РА, 1880, кн. 3, стр. 391. Печ. по Летописям. К. Я. Грот в статье «Кто автор сатиры на первых министров Александра I» (ИАН, 1931, № 1, стр. 53—80) доказывает принадлежность «Бостона» Державину. Но характеристика самого Державина, имеющаяся в «Бостоне», противоречит этому мнению. Хотя ряд сатириков и пользовался приемом «автоиронии», но вряд ли ироническое саморазоблачение могло быть доведено до

такой степени, чтобы автор сам сказал о себе, что он «чужие фишки подбирал». Н. Арнольд включил «Бостон» в «Полное собрание сочинений С. Н. Марина» на основании оглавления альбома В. Н. Завадовской (ГПБ). Судя по оглавлению, сатира «Бостон» должна была находиться на стр. 175 альбома, но из текста «Бостон» вырезан. Н. Арнольд высказывает предположение, что стихотворение было изъято из альбома жены министра просвещения как противоправительственное. Тем не менее отсутствие «Бостона» в альбоме, где находятся авторизованные тексты Марина, ставит под сомнение его принадлежность Марину. Если судить о «Бостоне» по его стилю и обличительной направленности, то стихотворение с одинаковым успехом могло быть написано и Горчаковым, который весьма критически относился к министрам Александра I. Это сатирическое стихотворение, в котором характеризуются главные государственные деятели первых лет александровского царствования, вошло во многие рукописные сборники. 8 сентября 1802 г. были обнародованы указ «О правах и обязанностях Сената» и манифест «Об образовании министерств». Всех министерств было учреждено восемь. И. М. Долгоруков пишет в своих неопубликованных записках о том, что учреждение министерств на первых порах принесло пользу, так как благодаря тому, что министр «входил в личные сношения с местами и чинами» и «все бумаги имели движение быстрое... много потекло добра из этого источника, доколе он не засорился...» (ПД). Надежды, возлагаемые всеми на министерства, не оправдались, так как новые министерства находились под влиянием двух партий: так называемой старой, критически относившейся к «либеральным» реформам молодого царя Александра I, и «новой», которая осуществляла намеченные мероприятия. Кроме того, многие министры сразу захватили власть в свои руки и стали поступать по личному произволу и без всяких ограничений. *В Москву послали Беклешова.* Этим стихом определяется время написания «Бостона». Беклешов Александр Андреевич, генерал-прокурор, был в начале 1804 г. назначен главнокомандующим Москвы. *Воронцов* Александр Романович (1741—1805) — министр иностранных дел, государственный канцлер, представитель «старой» партии. *Чарторыйский* кн. Адам-Ежи (1770—1861) — тайный советник, товарищ государственного канцлера, представитель «новой» партии, один из членов «негласного комитета» (1801—1803) — неофициального совещательного органа, созданного при царе Александре I для подготовки государственных реформ. В «негласный комитет» входили «молодые друзья» Александра I — кроме Чарторыйского, П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев, В. П. Кочубей. *Гран суверен* — карточный термин игры в бостон. *Кочубей* кн. Виктор Павлович (1768—1834) — министр внутренних дел, человек, несомненно, умный, умевший лавировать. *Поставит, верно, он лабет* — штрафной взнос, уплачиваемый игроками, когда они сбрасывают карту не той масти, которая требуется по ходу игры (от французского слова la bête — животное, глупец). *Ренонс.* Ренонсом или отказом называется положение в игре, когда игрок, не имея ни одной карты выходной масти, сбрасывает на нее любую карту другой масти или перекрывает ее козырем. *Строганов* гр. Павел Александрович (1774—1817) — тайный советник, товарищ министра внутренних

дел; подобно Кочубею и Чарторыйскому, молодой «либеральный» сотрудник Александра I, но в делах он был неопытен, почему сатирик и говорит: *но козырей сей граф не знает. Державин.* Державин был противником учреждения министерств, не пользовался расположением Александра I и не мог долго продержаться на посту министра юстиции из-за интриг. *Ремизы* — такой исход игры, когда объявивший игру берет четыре взятки, столько же, сколько и один из его противников. Это засчитывается объявившему игру как проигрыш. *Чужие фишки подбирать.* Фишка (фиша) — та цена, о которой уславливаются, прежде чем начать игру в бостон. *Трощинский* Дмитрий Прокофьевич (см. стр. 722) — самый активный противник учреждения министерств. 15 октября 1802 г. был назначен министром уделов, главным директором почт и оставлен заведовать канцеляриею Непременного совета. *Сюры* — масть, которая была при сдаче карт внизу, старшая масть. *Румянцев* гр. Николай Петрович (1754—1826) — сын фельдмаршала; с 1802 г. министр коммерции; его ставили не очень высоко, считая недалеким человеком. *Мизер.* «Гранд-мизер-уверт или большая открытая бедность — чтоб, открыв все 13 карт, не взять ни взятки» («Новейший русский карточный игрок», ч. 1. СПб., 1809). *Вязьмитинов* Сергей Кузьмич (1744—1819) — министр военно-сухопутных сил, вице-президент Военной коллегии, член «Беседы». В 1810 г. Марин в письме к Воронцову выражал радость по поводу смены военного министра Вязьмитинова.

Надпись на чучелу, представляющую откупщика, поставленную в саду для пужания воробьев мая 30 дня 1806 года (стр. 571). Печ. впервые по ГПБ 5. *Мерами кривят.* Мерочка — стаканчик, чарка. Мерное ведро — 18 кружек, бутылок. *Компанейщик* — поверенный от казны при питейном откупе. *Народ глотает воду.* Намек на то, что целовальники разбавляли вино водой. Об этом говорится во многих сатирах, обличающих откупщиков.

К NN (стр. 572). Печ. впервые по ПД 5. Подпись Г.......ъ Автором этой сатиры мог быть Горчаков. За это говорит энергия стиха, мужественность тона, прямое обращение к традиции Ювенала. Близка к Горчакову и идейная направленность сатиры. *NN* — Николай Петрович Румянцев (см. стр. 733). Н. П. Румянцев приобрел известность как собиратель русских древностей, летописей, грамот, книг. В 1831 г. в Петербурге был открыт публичный музей — Румянцевский музей. Богатейшее собрание Румянцева насчитывало более 28 000 книг по всем отраслям знаний, в него входили коллекции минералов, произведения искусства и т. п. В 1861 г. коллекции были перевезены в Москву. В 1925 г. «Румянцевская библиотека» была преобразована в БЛ. Обличения, направленные автором сатиры против Румянцева, объясняются тем, что Румянцев (с 1808 г. министр иностранных дел) придерживался политики сближения с Францией. *Отчизны Герострат.* Герострат — грек, сжегший храм Артемиды в Эфесе с целью, чтобы его имя сохранилось в потомстве. В данном случае, очевидно, намек на пожар Москвы. *Твой погибельный совет.* В своем дневнике С. П. Жихарев писал 10 мая 1807 г.: «Утверждают... будто бы граф Н. П. Румян-

цев представил государю, перед отъездом его в армию, записку, в которой объяснил, что он не надеется ни на какое решительное нам содействие со стороны Англии и Австрии в продолжение сей войны и что каким бы отъявленным врагом ни был нам Бонапарте, но никогда не может причинить нам столько зла, сколько причинит его Англия своею лицемерною дружбою и обещаниями, никогда не исполняемыми. Прибавляют, что государь с благоволением и даже признательностью изволил принять эту записку к своему соображению» (С. П. Жихарев. Записки современника, ч. 2, стр. 516). *Убийца б не сквернил Романовых чертога.* Подразумевается пребывание Наполеона в Кремле. *Постыдный мир* — Тильзитский мир (см. стр. 728). *Регул бы вовре́мя разорвал.* Регул Марк-Атилий (ум. ок. 248 до н. э.) — римский полководец, политический деятель. Был взят в плен карфагенянами. Посланный ими в Рим, чтобы склонить римлян к заключению мира, он, наоборот, уговорил сенат не заключать мира и возвратился в Карфаген. Погиб, замученный карфагенянами. *Филарет* (1550-е годы — 1633) — патриарх Московский и всея Руси в 1619—1633 гг. Глава боярской оппозиции против Годунова; был в 1601 г. насильственно пострижен в монахи и сослан на север в Сийский монастырь. В 1610—1619 гг. был в плену в Польше. *Гермоген* (ок. 1530—1612) — патриарх Московский и всея Руси. После свержения царя Василия Шуйского выступил против польско-литовских интервентов, захвативших Москву в сентябре 1610 г. Интервенты уморили Гермогена голодом. *Вождь Остерман* — Остерман-Толстой гр. Александр Иванович (1770—1857), генерал, герой Отечественной войны; в Бауценском сражении, будучи ранен пулею в левое плечо, не дал как следует перевязать раны, в течение трех часов продолжал руководить сражением; был вынесен полумертвым. Под Кульмом ему оторвало ядром левую руку. *Когда Багратион израненный томился.* Багратион кн. Петр Иванович (1765—1812) под Бородином руководил действиями левого фланга армии. 26 августа, отбивая атаки французов, Багратион перешел сам в частное наступление, в самый горячий момент боя был ранен в ногу осколком гранаты. Умер от гангрены в селе Симах, имении своего друга, князя Б. А. Голицына. *Когда Раевский вел* и т. д. Раевский — см. стр. 784. Находясь в авангарде армии Багратиона, получил 11 июля 1812 г. приказ сразиться с маршалом Даву. Двукратный приступ русских к французским батареям был неуспешен, и тогда Н. Н. Раевский взял за руки двух своих сыновей и пошел с ними во главе войск на одну из батарей, закричав: «Вперед, ребята, за царя и отечество! Я и дети мои укажем вам дорогу». Это так воодушевило войска, что французская батарея была скоро занята русскими. *Лепт* (лепта) — здесь: грош, посильное пожертвование. *Левиты* — потомки Левия, сына Иакова, составлявшие особый класс еврейских церковнослужителей; здесь: священники. *Естественный чин* — природный порядок, устав, обряд. *Меценат.* Н. П. Румянцев покровительствовал писателям, художникам.

«Не два и не один ограблен...» (стр. 574). Впервые — ЛН, 1933, № 9—10, стр. 65. В. Н. Орлов относит эту эпиграмму к князю Петру Васильевичу Лопухину (1753—1827), отцу фаворитки Павла I, в замужестве княгини Гагариной. Известный всем

как стяжатель и грабитель, Лопухин после ярославского и вологодского генерал-губернаторства был в 1796 г. назначен сенатором в Москву. В ГПБ 3, где находится эта эпиграмма, есть примечание: «Сии стишки писаны на бывшего в Вятке губернатора, а потом сенатора Лопухина». В. Н. Орлов отметил ошибку автора, указав на то, что Лопухин не был в Вятке. Согласно записям Д. Хвостова, эпиграмма эта написана «на бывшего в Вятке губернатором, а потом сенатора Желтухина» (ПД, ф. Хвостова). Очевидно, так оно и есть (Хвостов был точен в своих записях), и тогда ясно, почему в примечании указана Вятка.

Грамматическая надпись к портрету м<инистра> ю<стиции> Л<опухина> (стр. 574). Впервые — ЛН, 1933, № 9—10, стр. 68. *Лопухин* — см. выше. *Благодать* — Анна Петровна Лопухина, дочь П. В. Лопухина, фаворитка Павла I. Анна по-гречески означает «благодать».

«Здравствуй, князь, о князь светлейший!..» (стр. 575). Впервые — ЛН, 1933, № 9—10, стр. 68. Вошло во многие рукописные сборники, направлено против князя П. В. Лопухина. В октябре 1803 г. Александр I назначил П. В. Лопухина министром юстиции и управляющим Комиссией о составлении законов. Данная сатира имеет в виду деятельность Лопухина на посту министра юстиции. *С кушмом.* Кучма — шапка. *Кто с тобой был при полиции.* В 1779—1782 гг. Лопухин был петербургским обер-полицмейстером. *Пива, меду и вина* и т. д. Автор сатиры обвиняет Лопухина в поддержке грабящих и спаивающих народ откупщиков. *Долгоруков* — Я. Ф. Долгоруков (см. стр. 681). *Мыло, сало и гусей.* Будучи гражданским губернатором Москвы, Лопухин должен был иметь надзор за рынками.

Ода на день рождения отставного штаба Серопеголюбова (стр. 578). Впервые — ЛВ, 1904, т. 8, стр. 216. Эта «Ода», как и «Станс» и «Послание к Брюзгину» (см. ниже), опубликованы в ЛВ С. Браиловским как принадлежащие Д. П. Горчакову. Предположение С. Браиловского вероятно, но нет документальных данных для того, чтобы безоговорочно включать эти сатирические стихи в число сочинений Д. Горчакова. *Штаб* — штаб-офицер, военный или гражданский чиновник 8, 7, 6 или 5-го класса. *Светло-соловая* — желтоватая; если идет речь о лошади, то со светлым хвостом и гривой.

Станс (стр. 581). Впервые — ЛВ, 1904, т. 8, стр. 231. *Румянцев* — см. стр. 628. *Тюренн* Анри д'Овернь (1611—1675) — известный французский полководец эпохи Людовика XIV, был любим солдатами. *Десница* — десная, правая рука. *Шуйца* — левая рука.

Послание к Брюзгину (стр. 582). Впервые — ДВ, 1904, т. 8. стр. 226. В стихе 231 в списке пропуск. *Златоуст* Иоанн (342 ? — 407) — проповедник, блестящий оратор, имя его стало нарицательным для обозначения красноречивого человека. *Диоген* (404 ?— 323 до н. э.) — древнегреческий философ. Однажды днем

он зажег фонарь с целью найти Человека, которого не видит среди развращенных афинян. *Воззри на пастырей* и т. д. Это резкое выступление против духовенства, его корыстолюбия и лицемерия близко и по форме и по содержанию к горчаковским обличениям монахов, попов. *Предика* — проповедь (от франц. prédire — проповедовать). *Пенязь* — деньга, деньги. *Редут* — клуб, собрание и дом для общественного увеселения. *Тупей* — взбитый на голове хохол. *Кошелек* — сетка для волос.

Распутство и ветреность (стр. 588). Печ. впервые по рукописи ГПБ 5. *Орлова* — см. стр. 720.

Песня на голос французских святок (стр. 589). Печ. впервые по рукописи ГПБ 3. *Каменский* граф Михаил Федотович (1738—1809), генерал-фельдмаршал. В 1802 г. был призван на место Кутузова к исполнению обязанностей военного губернатора в Петербурге. На этом посту он настолько не проявил положительных качеств, что Александр I наконец спросил помощника Каменского: «Не хочет ли граф Каменский проситься прочь? Если б сие случилось, я поставил бы свечу Казанской божией матери». Наконец царь в конце 1802 г. или в начале 1803 г. повелел Каменскому оставить свою должность. Этим может определяться примерная датировка сатиры. *Он вам откусит нос.* Каменский отличался необузданным характером, его вспыльчивость, порою злоба доходили до крайних пределов. *Овсов* Николай Сергеевич (род. 1750-е годы) — действительный статский советник, в 1801 г. был назначен на должность петербургского обер-полицмейстера. Для этой должности оказался неподходящим, так как не сумел привести в порядок полицейские дела в столице. Грабежи и безобразия на улицах при Овсове приняли широчайшие размеры. 7 сентября 1802 г. Овсов был сменен. *Угар.* Судя по тому, что этот человек живет во дворце, «на андресолях», т. е. на антресолях, какой-то приближенный Александра I.

Офицер и бригадир (стр. 591). Печ. впервые по рукописи ПД 6. Стихотворение, очевидно, написано к концу первого десятилетия XIX в. и отражает бедственное финансовое положение России в царствование Александра I. Любопытно противопоставление александровского времени павловскому, когда офицер хотя и был одет в уродливую форму, но зато не был нищим. *Юберрок* — от немецкого слова Überrock, что означает: сюртук, широкая верхняя одежда, пальто.

Стихи на архимандрита Фотия (стр. 591). Печ. впервые по ЦГАЛИ 12. *Фотий* (1792—1838) — архимандрит, имевший, при поддержке Аракчеева, большое влияние на религиозную политику последних лет царствования Александра I. *Графиня.* Графиню Орлову (см. стр. 720) называли любовницей Фотия. «Графиня Орлова, — пишет Измайлов П. Яковлеву, — подарила ему жемчужину, которая была в шпаге ее отца и заплачена 300 тыс. руб. Он распилил ее пополам, — украсил ею два образа в домашней церкви. Тошно! — водки хочется» (ПД).

Приложения

А. С. ХВОСТОВ

Мысли 19-го века (стр. 595). Печ. впервые по ГПБ 5. «Мысли», существующие в разных вариантах, вошли почти во все рукописные сборники. Д. Хвостов называет их автором сатирика *А. С. Хвостова* (см. стр. 616).

А. Ф. ВОЕЙКОВ

Парнасский Адрес-календарь, или Роспись чиновных особ, служащих при дворе Феба и в нижних земских судах Геликона, с краткими замечаниями об их жизни и заслугах. Собрано из достоверных источников для употребления в благошляхетном Арзамасском обществе (1818—1820) (стр. 596). Впервые — РА, 1866, стр. 760. Печ. по ЭиС, т. 1, стр. 547. Написано позже первой редакции «Дома сумасшедших», очевидно, не ранее 1818 г., так как в «Адрес-календаре» говорится о В. К. Кюхельбекере, который начал приобретать известность в литературе с 1818 г. Но отдельные сатирические портреты могли быть созданы Воейковым и ранее. В ГПБ хранится черновой автограф «Адрес-календаря», не доведенный до конца, и отдельные листы второго черновика. Этот второй черновик интересен тем, что число лиц, входящих в «Календарь», здесь доведено до 63. Приводим некоторые варианты из черновых автографов «Адрес-календаря». В квадратных скобках поставлены слова, зачеркнутые Воейковым: «И. И. Дмитриев, действительный поэт и [гений] 1-го класса. Ю. А. Нелединский-Мелецкий, действительный поэт [анатомист сердца], истолкователь [тайн его, чувствований]. Срезневский в доме сумасшедших, что за Обуховым мостом, первоприсутствующий». Говоря о самом себе, что он избран в члены «Беседы» и Академии, Воейков объясняет: «потому что его творения имеют все качества, для сего потребные». В характеристике В. Л. Пушкина отсутствует фраза, что он «имеет в петлице листочек лавра с надписью: «За Буянова». Есть еще целый ряд других разночтений. *Арзамас* — см. стр. 660. *И. И. Дмитриев* — см. стр. 642. *Нелединский-Мелецкий* Юрий Александрович (1752—1828) — см. стр. 114. Нелединский перевел два действия из трагедии Вольтера «Заира». «Заира» в коллективном переводе Нелединского, Н. Гнедича, М. Лобанова, А. Шаховского и С. Жихарева была представлена 12 января 1815 г. в Петербурге. *Д. П. Горчаков* — см. стр. 87. *Д. В. Дашков* — см. стр. 660. Характеристика Воейковым Дашкова отражает беспощадную борьбу Дашкова «за чистоту слога», его выступления против А. С. Шишкова. Публикуя в РА «Парнасский Адрес-календарь», П. Бартенев дал следующее примечание к портрету Дашкова: «Странная случайность: Д. В. Дашков впоследствии действительно был министром юстиции, чего, конечно, не мог предугадывать Воейков; но в способности Дашкова быть настоящим министром юстиции уже в то время не сомневались люди, близко его знавшие». *П. А. Вяземский* — см. стр. 661. *Д. Н. Блудов* — см. стр. 719. Внешним поводом к основанию «Арзамаса» послужил

памфлет Блудова «Видение в какой-то ограде» (или «Видение во граде»). *Простудной лихорадки* и т. д. В комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», премьера которой состоялась в Петербурге 23 сентября 1815 г., под именем «балладника» Фиалкина был зло высмеян В. А. Жуковский. В защиту Жуковского сразу выступили Д. В. Дашков со статьей «Письмо к новейшему Аристофану» и Блудов со своим памфлетом. *Давыдов* Денис Васильевич (1784—1839) — известный партизан эпохи Отечественной войны 1812 г., «поэт-гусар». *Баранов* Дмитрий Осипович (1773—1834) — поэт, не отличавшийся талантом, переводчик, впоследствии сенатор. Воспитанник Благородного пансиона при Московском университете, рано начал печатать свои стихотворные опыты в изданиях существовавшего при пансионе литературного общества «питомцев» пансиона, а также и в различных журналах. *Каченовский* — см. стр. 663. *Обер-банщик* и т. д. В 1810 г. Каченовский напечатал в ВЕ, № 1 и 23, «Исследование банного строения, о котором повествует летописец Нестор». *Кюхельбекер* Вильгельм Карлович (1797—1846) — поэт-декабрист; отрицательное отношение Кюхельбекера как к «легкой» поэзии, так и к романтическому творчеству В. Жуковского, стремление возродить в литературе, на новой основе, жанр оды, проявляемый им интерес к «библеизмам» и «славянизмам» — все это давало пищу для сатирических выпадов против Кюхельбекера, в большинстве своем несправедливых. *Иванчин-Писарев* Николай Дмитриевич (ок. 1795—1849) — плодовитый писатель, печатавший стихи и прозу в ВЕ, СО. Он не отличался ни талантом, ни самобытностью. Подражательность его творчества и высмеял Воейков. *А. Ф. Мерзляков* — см. стр. 674. *Карапузик* — Мерзляков был невысокого роста. *Кокошкин* Федор Федорович — см. стр. 661. *Измайлов* Владимир Васильевич (1779—1830) — писатель карамзинской школы, произведения которого, наряду с произведениями Шаликова, являлись примерами ложной чувствительности, сентиментальной слащавости. *Помещен на вакансию Ж.-Ж. Руссо.* В. Измайлов называл Жан-Жака Руссо своим любимейшим писателем и старался применять на практике идеи Руссо, особенно в области воспитания, издавая с этой целью журнал воспитания «Патриот» (1804) и открыв пансион. Конечно, Измайлову была чужда революционная сущность идей «женевского гражданина». Характерно, что Александр I пожаловал В. Измайлову орден Владимира 4-й степени за его заслуги в области воспитания. *Глинка С. Н.* — см. стр. 674. Здесь Воейков намекает на неуспех издававшегося Глинкой «Русского вестника», патриотического журнала, который был популярен в годы Отечественной войны, но по окончании войны потерял свое влияние и захирел, а также, очевидно, на компилятивную «Русскую историю» Глинки. Первое издание ее в 10 частях вышло в 1817—1818 гг., а второе, также в 10 частях, в 1818—1819 гг. *Невзоров* — см. стр. 679. *Станевич* — см. стр. 676. *По части злословия.* Станевич в полемике по поводу «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» А. Шишкова принял сторону шишковистов, а в 1804 г. выпустил «Собрание сочинений в стихах и прозе», содержащее между прочим ряд стихов с выпадами против карамзинистов. Книга Станевича, в поэтическом отношении слабая, вызвала нападки на него, на которые он

в свою очередь отвечал с ожесточением в своей полемической статье «Способ рассматривать книги и судить о них», а также в «Рассуждении о русском языке», в котором с резкостью напал на противников Шишкова. *Грузинцев* — см. стр. 665. *Шаховский* — Шаховской (см. стр. 639). *Шаликов* — см. стр. 674. ***Грамматин*** Николай Федорович (1786—1827) — поэт, филолог, приятель М. В. Милонова. Литературную деятельность начал еще в годы учения в московском университетском пансионе переводами и стихотворениями в «Цветнике», ВЕ и СО; не отличался особым талантом. В 1809 г. получил степень магистра словесных наук за рассуждение «О древней русской словесности», в 1811 г. напечатал сборник стихотворений «Досуги». Для соучеников и товарищей Н. Грамматина характерно иронически-пренебрежительное отношение к его успехам. Показательно, например, высказывание С. П. Жихарева: «Я видел слабоумного Грамматина на степени первого ученика в пансионе. . .» (С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, стр. 378). *Городчанинов* Григорий Николаевич (1772—1852) — профессор Казанского университета по кафедре красноречия, стихотворства и языка российского; особенно выдвинулся на служебном поприще во время управления Казанским университетом реакционера Магницкого (1819—1825). Редактировал «Казанские известия» (1811—1813), «Казанский вестник» (1821—1829), писал оды, кантаты, «надгробия», речи по разным торжественным случаям, в области языка был ярым поборником реакционных теорий А. С. Шишкова. Именно на это, очевидно, и намекает Воейков, иронически сопоставляя литературные опыты Городчанинова с архаическим творчеством В. К. Тредиаковского, которым была написана ода по случаю взятия Гданска. Кроме того, здесь содержится намек и на малую поэтическую плодовитость Городчанинова. *Таушев* Александр Федорович — поэт, печатавший стихи в ППВ, «Иппокрене», «Аглае», ВЕ. И. И. Дмитриев в шуточном стихотворении «На случай од, сочиненных в Москве в коронацию», в числе перечисляемых им поэтов, сочинителей этих торжественных од, называет и Таушева. *Козловский* кн. Петр Борисович (1783—1840) — дипломат, поэт. По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, Козловский «порядочно писал русские стихи» (Вигель, ч. 1, стр. 175). *Календарь объедения.* Современники отмечали обжорство Козловского и его непомерную толщину. *Муравьев-Апостол* — см. стр. 632. *Срезневский* Иван Евсеевич (1770—1819) — писатель, с 1812 г. занимал в Харьковском университете кафедру российского красноречия и поэзии. Русскую словесность Срезневский считал продолжением словесности древней и потому соединял преподавание русской словесности с критикой греческих и римских писателей. В стихотворных произведениях Срезневского важнейшее место занимали переводы из Овидия, Горация, Вергилия, Феокрита, Гомера. Современники придавали также большое значение его речам. Сам Срезневский считал «Речь о любви к отечеству» своим лучшим произведением. *П. Ю. Львов* — см. стр. 683. *Пушкин* Алексей Михайлович (1769—1825) — поэт, переводчик, родственник В. Л. Пушкина, вечно подтрунивавший над его стихами, приятель Александра Тургенева, П. А. Вяземского. Отъявленный вольтерианец, циник, острослов, человек, одаренный «умом необыкновен-

ным» (ОА, 2, стр. 35), А. М. Пушкин, по мнению П. Вяземского, был замечательной личностью, «которая выпукло выдавалась из среды общества, богатого личностями...» (РА, 1866, стр. 862). Перевел комедию Мольера «Тартюф» (1809) и трагедию Расина «Федра» (1809). *В. Л. Пушкин* — см. стр. 261. *Голенищев-Кутузов* — см. стр. 674. *Карабанов* (см. стр. 683) — автор многих официозных «торжественных» од. *Шихматов* — см. стр. 643. *Жихарев* Степан Петрович (1787—1860) — товарищ Жуковского, братьев Тургеневых и Дашкова по Московскому университетскому пансиону, чиновник Коллегии иностранных дел и Министерства юстиции, известный театрал, написавший «Дневник студента», «Дневник чиновника» и «Воспоминания старого театрала». До своего вступления в «Арзамас» был членом «Беседы любителей русского слова». *Яценко* Григорий Максимович (ум. 1852) — педагог, переводчик и публицист, издавал с 1815 по 1820 г. ежемесячный журнал под заглавием «Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и пр.». *Языков* Дмитрий Иванович (1773—1845) — писатель и переводчик. С 1802 по 1833 г. служил в Департаменте народного просвещения, был директором Департамента, непременным секретарем Российской академии, позже ординарным академиком. Языков первый старался вытеснить из русского языка буквы ъ, ять и ь, печатая некоторые книги без этих букв. *Д. И. Хвостов* — см. стр. 613. *А. С. Шишков* — см. стр. 659. *Макаров* Михаил Николаевич (1789—1847) — издатель пошлого и безвкусного «Журнала для милых» (1804), сотрудник «Московского курьера», объект многочисленных насмешек представителей разных литературных лагерей. *Катенин* Павел Александрович (1792—1853) — поэт, игравший видную роль в ранних декабристских организациях. Катенин перевел из Расина — отрывки из «Гофолии» (1815, 1829), «Эсфирь» (1816), три действия «Баязета» (1824—1825). Стремясь передать дух эпохи, Катенин, переводя библейские трагедии Расина — «Эсфирь», «Гофолию», употреблял церковнославянизмы, которые, по его мнению, соответствовали библейским понятиям. Катенина упрекали за «заржавевшую славянщизну» (А. А. Бестужев, СО, 1819, ч. 51). *Русские Сады* — перевод Воейкова «Садов» Делиля. *Георгики* — перевод Воейкова «Георгик» Вергилия. *Висковатов* — см. стр. 665. *Крылов* Иван Андреевич (1769—1844). *Милонов* — см. стр. 477. *Иванчин-Писарев* — очевидно, Николай Иванович Иванчин-Писарев, поэт. *Сокольский* — очевидно, Герасим Васильевич Сокольский, кандидат Московского университета, член Общества любителей российской словесности при Московском университете. Ряд его стихов и переводов печатался в журналах того времени — «А. Ф. Мерзлякову» и «К портрету унылой красавицы» (ВЕ, 1814), «К протекшей юности» (Труды, М., 1816, кн. 6) и т. п. *Глебов* Димитрий Петрович (1789—1843) — поэт, воспитанник московского университетского пансиона, служил в московском архиве Коллегии иностранных дел. Ему принадлежат стихотворения: «Стихи на победы, одержанные русскими войсками за Дунаем» (РВ, 1810, № 9), «Любовь к отечеству» (РВ, 1810, № 10), «Сражение при Бородине», М., 1813; «Певец в кругу Россиян», М.,

1813; «Стихи на заложение храма во имя Спасителя собственною рукою его императорского величества на Воробьевых горах», М., 1817, и пр. *Арапов* Пимен Николаевич (1796—1861) — драматический писатель и историк русского театра. *Аполлонский* Тимофей — сотрудник ВЕ, «Друга юношества», «Российского музеума» в 1810-х годах. Ему принадлежат стихотворения: «К ней» (ВЕ, 1814, № 10), «Два путешественника», Флорианова басня (РМ, 1815, № 12), «Побежденный Амур» (РМ, 1815, № 12) и другие стихи и переводы. *Росляков*. Трудно сказать с определенностью, кого подразумевает Воейков. «Мечты воображения» некоего Ивана Рослякова были изданы в Смоленске в 1802 г.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между стр. 96 и 97* — Д. П. Горчаков. Литография В. Сухова. 1890.

2. *Между стр. 192 и 193* — С. Н. Марин. Портрет работы О. А. Кипренского. 1812.

3. *Между стр. 272 и 273* — В. Л. Пушкин. Гравюра С. С. Галактионова.

4. *Между стр. 304 и 305.* А. Ф. Воейков. Рисунок П. Александрова. 1822.

5. *Между стр. 304 и 305 (на обороте)* — А. Ф. Воейков в «Доме сумасшедших». Рисунок неизвестного художника. 1831.

6. *Стр. 307* — «Дом сумасшедших» А. Ф. Воейкова. Черновой автограф строф об А. Перовском с пометками П. А. Вяземского (ЦГАЛИ).

7. *Между стр. 336 и 337.* — А. Е. Измайлов. Миниатюра неизвестного художника. 1828 (ПД).

8. *Между стр. 400 и 401.* И. М. Долгоруков. Гравюра А. Флорова. 1817.

9. *Стр. 481* — М. В. Милонов. Гравюра по рисунку Война. 1821 (рисунок хранится в альбоме А. Е. Измайлова в ЦГАЛИ).

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Эпиграммы

СЕРГЕЙ НИКИФОРОВИЧ МАРИН

АКИМ НИКОЛАЕВИЧ НАХИМОВ

Басни

ВАСИЛИЙ ЛЬВОВИЧ ПУШКИН

Послания

Басни

Эпиграммы

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ ВОЕЙКОВ

АЛЕКСАНДР ЕФИМОВИЧ ИЗМАЙЛОВ

Басни и сказки

Разговоры

Эпиграммы, эпитафии, надписи

Разные стихотворения

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ДОЛГОРУКОВ

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ МИЛОНОВ

Сатиры

Послания

Басни, надписи, эпиграммы, эпитафии

II

Из журналов конца XVIII — начала XIX века

А. Ф. ЛАБЗИН

П. А. ОЗЕРОВ

СЕМЕН ПЕСТОВ

С. А ТУЧКОВ

И. И. БАХТИН

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

III

Из рукописных сборников

П. МЕЩЕРСКИЙ

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

Приложения

А. С. ХВОСТОВ

А. Ф. ВОЕЙКОВ

ПОЭТЫ-САТИРИКИ
КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX В.

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 22/VI 1959 г. Подписано в печать 12/XI 1959 г. Бумага 84×108 1/32. Печ. л. (39,36). Уч.-изд. л. 41,23. Тираж 10 000. Заказ № 665. Цена 14 р. 10 к.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
13	7 св.	«Утро»	«Утра»
36	9 сн.	диктовала	диктовало
66	4 сн.	безмозглый	безмозглых
82	8 сн.	Александра II	Александра III
194	15 сн.	копма́сом	компа́сом
200	3 св.	взяв	вняв
295	15 сн.	на службу	в службу
337	18 св.	неужели	неужли
478	14 св.	А. П. Вяземскому	П. А. Вяземскому
603	7 св.	М. Л. Милонова	М. В. Милонова
620	9 сн.	Энгельгардта	Энгельгардт
698	13 сн.	участовал	участвовал
709	13 св.	стихоторение	стихотворение
718	2 св.	Шахматов	Шихматов